

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

Стало судьбой...

Евгений Иванович Кычанов родился 22 июня 1932 г. в небольшом городе Сарапуле на реке Каме в семье Ивана Кузьмича Кычанова, инженера-землеустроителя, работавшего в ту пору начальником Прикамского зомотряда, и Галины Павловны Кычановой (Зылёвой), воспитателя детского сада. Родители Е.И. происходили из семей мещан-ремесленников и крепких крестьян, сполна испытавших на себе трудности революций, войн и раскулачивания.

В 1950 г., окончив мужскую среднюю школу № 16 родного города, Е.И. отправился в Ленинград с намерением поступить на исторический либо филологический факультет Ленинградского государственного университета. Однако перед подачей документов, как вспоминает сам Евгений Иванович, он встретил в главном здании университета Бориса Михайловича Новикова, тогда студента третьего курса, а ныне доцента ЛГУ, разговорился с ним и после некоторых раздумий решил посвятить себя изучению истории Китая. Так он стал студентом Восточного факультета ЛГУ.

Студенческие годы для Е.И., как и для всего послевоенного поколения, были трудными, но наполненными духом романтики и настоящей дружбы. В одной группе с ним учились ставшие потом известными исследователями Владислав Семенович Кузнецов, Виталий Епифанович Ларичев, Эрнст Владимирович Шавкунов, Юрий Владимирович Зуев, с которыми Е.И. на всю жизнь сохранил теплые товарищеские отношения.

Е.И. Кычанов учился легко и с удовольствием, был одним из самых блестящих студентов не только факультета, но и всего университета: за дипломную работу «Крестьянское движение в провинциях Гуандун и Хунань в период первой гражданской революционной войны» (руководитель Л.А. Березный) он был удостоен первой премии ЛГУ. Весной 1955 г. Е.И. был рекомендован Восточным факультетом в аспирантуру Сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР по специальности «тангутоведение». Успешно сдав конкурсные вступительные экзамены, он 1 ноября 1955 г. стал аспирантом ИВ АН СССР.

В истории Института востоковедения 1950-е годы были периодом активной реорганизации. Перемены в мире после Второй мировой войны потребовали более серьезной научной поддержки политики СССР в странах Востока. В связи с этим Президиум АН СССР 1 июля 1950 г. принял Постановление (Протокол № 17 заседания Президиума, § 372), в котором говорилось: «В целях усиления научной работы, а также обеспечения повседневного руководства Институту востоковедения со стороны Президиума... просить Совет Министров СССР разрешить Академии наук перевести Институт востоковедения Академии наук СССР из Ленинграда в Москву»¹. Предполагалось также полностью переместить в Москву рукописный, архивный и книжный фонды института. Но «в связи с недостатком служебных помещений в Москве... собрание восточных рукописей и фундаментальную библиотеку Института востоковедения» было разрешено оставить в Ленинграде².

В 1951 г. после переезда ИВ АН в Москву в Ленинграде остался Сектор (первоначально его называли также музеем) восточных рукописей ИВ, заведующим которым был назначен Д.И. Тихонов (1906–1987). Был разработан план мероприятий, направленных на улучшение хранения, реставрации, технической и научной обработки рукописного собрания. В докладной записке на имя С.П. Толстова (1907–1976), тогдашнего директора ИВ АН, от 30 мая 1951 г. Д.И. Тихонов сообщал, что научное описание некоторых фондов института не ведется из-за отсутствия специалистов³. К числу таких фондов относился и уникальный тангутский, доставленный в 1909 г. в Россию Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К. Козлова (1863–1935).

Значение открытия памятников тангутской письменности в мертвом городе Хара-Хото было оценено научным сообществом еще до того, как экспедиция вернулась в Санкт-Петербург. Уже в 1909 г. к работе с тангутскими материалами приступили профессора Петербургского университета китаевед А.И. Иванов (1878–1937) и монголист В.Л. Котвич (1872–1944). Обнаруженный ими ксилографический тангутско-китайский и китайско-тангутский словарь «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени» (*Фань-хань хэши чжан чжун чжу*) открыл путь к дешифровке тангутской письменности. А.И. Иванов выделил из фонда несколько ценных памятников, прежде всего словарей, и опубликовал ряд статей, которые ввели их в мировую науку⁴. Позже он лично немало способствовал тому, чтобы Н.А. Невский (1892–1937), проживавший в то время в Японии, занялся исследованием тангутского языка и письменности.

¹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 1049. Л. 50

² Постановление Президиума АН СССР от 2 августа 1950 г. (Протокол № 23 заседания Президиума, § 421) // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1, ед. хр. 1049. Л. 58.

³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 1099. Л. 2.

⁴ *Иванов А.И.* К изучению языка Си Ся. СПб., 1909; Сутра «Восхождение Майтрейи на небо Тушита». Пг., 1916; *Иванов А.И.* Тангутские рукописи из Хара-Хото // Известия Русского географического общества. 1909. Т. 45, вып. 8. С. 463–470; *Ivanov A.I.* Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache // ИИАН. Серия VI. 1911. Т. 3. С. 1221–1233; *Иванов А.И.* Страница из истории Си Ся // Известия Академии наук. Серия VI. 1911. Т. 5, № 11. С. 831–836; *Иванов А.И.* Документы из города Хара-Хото // Известия Академии наук. Серия VI. 1913. Т. 7, № 8. С. 811–816.

В 1920-е годы, когда А.И. Иванов находился на дипломатической службе в Китае, руководство Азиатского музея привлекало к инвентаризации и описанию материалов из Хара-Хото молодых в ту пору китаеведов А.А. Драгунова (1900–1955) и К.К. Флуга (1893–1942). Они выпустили в свет несколько публикаций⁵, но работа с тангутским фондом не стала для них основной. Настоящий прорыв в тангутоведении был связан с возвращением в Ленинград в 1929 г. Н.А. Невского. Этот выдающийся исследователь проделал огромную работу, заложившую основу для развития всего мирового тангутоведения. Еще в Японии он приступил к составлению тангутско-китайско-русского словаря, опубликовал в японских изданиях ряд статей⁶. В тангутском фонде Азиатского музея он выделил небуддийские сочинения и внес в инвентарь 955 единиц, отождествив и описав каждую из них. 20 марта 1935 г. на сессии Академии наук в докладе «Тангутская письменность и ее фонды» Н.А. Невский подытожил все, что было сделано в мировой науке по изучению цивилизации Си Ся, и представил проект дальнейшей работы с тангутским материалом. Но этому плану не скоро суждено было воплотиться в жизнь.

А.И. Иванов и Н.А. Невский погибли в 1937 г., К.К. Флуг и сотрудник Государственного Эрмитажа В.Н. Казин (1907–1942), занимавшийся историей и локализацией Хара-Хото, скончались в блокадном Ленинграде. После войны работа по инвентаризации фонда была продолжена А.А. Драгуновым, который записал в инвентарь 2720 единиц (с № 956 по 3675), но специально исследованием памятников тангутской письменности не занимался. Как отметил позже Е.И. Кычанов, «можно только сожалеть, что такой лингвист, как А.А. Драгунов, не занялся реконструкцией тангутского языка»⁷.

В 1950-е годы с тангутским фондом работала З.И. Горбачева (1907–1979), научный руководитель Е.И. Кычанова по аспирантуре. Она продолжила инвентаризацию (с № 3676 по 3849), опубликовала статьи с информацией о тангутском фонде⁸ и архиве Н.А. Невского в ИВ АН⁹. Неоценимым вкладом

⁵ *Dragunov A.A.* A Catalogue of Hsi-Hsia (Tangut) Works in the Asiatic Museum of Academy of Sciences, Leningrad // *Bulletin of the National Library of Peiping*. 1930, vol. 4, No. 3, p. 367–368; *Dragunov A.* Binoms of Type 尼卒 in the Tangut-Chinese Dictionary [Биномы типа 尼卒 в тангутско-китайском словаре] // Доклады Академии наук СССР. Серия В. 1929. С. 145–148; *Флуг К.К.* По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся // Библиография Востока. Вып. 2–4 (1933). М.–Л., 1934. С. 158–163;

⁶ Библиографию работ Н.А. Невского см. в: Тангутская филология. Исследования и словарь. В 2-х кн. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Кн. 1. С. 14–15.

⁷ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 180.

⁸ *Горбачева З.И.* Тангутские рукописи и ксилографы Института востоковедения Академии наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. Т. IX, 1954, с. 67–89; *Горбачева З.И.* К истории тангутоведения в Ленинграде // Ученые записки Института востоковедения. Т. XXV, 1956, с. 102–107; *Горбачева З.И.* Новый этап в развитии тангутоведения (к выходу в свет трудов Н.А. Невского по тангутоведению) // Проблемы востоковедения. 1959 (6). С. 163–169.

⁹ *Горбачева З.И.* Материалы по тангутоведению Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР (Архив Н.А. Невского) // Краткие сообщения Института востоковедения. Т. XVIII, с. 66–73.

З.И. Горбачевой в тангутоведение стала подготовка к печати словаря и работ Н.А. Невского в двух книгах под общим названием «Тангутская филология». Этот труд Н.А. Невского был опубликован в 1960 г. в Москве Издательством восточной литературы и по представлению академика Н.И. Конрада (1891–1970) в 1960 г. удостоен Ленинской премии СССР.

На аспирантские годы Е.И. Кычанова приходится важный этап преобразования Сектора восточных рукописей в Ленинградское отделение ИВ АН. В 1957 г. значительно расширилась площадь Института в Ново-Михайловском дворце, штат стал пополняться новыми сотрудниками, были сформированы новые кабинеты. В это время Е.И. вживался в жизнь разраставшегося коллектива, собирал материал для диссертации, ходил на занятия по французскому языку. Тогда он работал только с опубликованными источниками на китайском языке. По личным воспоминаниям Е.И., после реабилитации Н.А. Невского в 1957 г. ходили слухи, что он жив и скоро вернется, а затем в связи с подготовкой к изданию его трудов З.И. Горбачевой тангутский рукописный фонд и архив Н.А. Невского, возвращенный из ГПУ в 1938 г. (в том числе и его рукописный словарь), были закрыты для пользователей.

К осени 1958 г. Е.И. Кычанов подготовил текст кандидатской диссертации «Государство Си Ся (982–1227)». Эту работу он блестяще защитил 30 июня 1960 г. на Восточном факультете ЛГУ. Диссертация стала первой в мировой науке специальной работой, посвященной истории тангутского государства. Е.И. исчерпывающе использовал китайские источники по данной теме, впервые затронул вопросы этногенеза тангутов, их экономического развития и распространения буддизма в государстве Си Ся. Диссертация имела новаторский характер, поскольку все более ранние работы по тангутоведению были посвящены исследованию языка и письменности.

1 декабря 1958 г. Е.И. Кычанов был зачислен в ЛО ИВ АН на должность младшего научного сотрудника. Тогда же по заданию дирекции он стал выполнять научно-техническую работу в рукописном фонде Института. Первым данным ему поручением был разбор тибетского фонда (отделение вошедших в Трипитаку сочинений от апокрифов), которое он выполнял вместе с М.И. Воробьевой-Десятовской в течение одного с лишним года. Тогда же Е.И. начал изучать тибетский язык в надежде, что это поможет ему в будущем при изучении тангутского.

К разбору тангутского фонда Е.И. Кычанов приступил осенью 1959 г. Его работа была нацелена на завершение начатой А.И. Ивановым и Н.А. Невским полной инвентаризации коллекции из Хара-Хото. Усилиями предшественников Е.И. в инвентарные книги было внесено около половины фонда. Рукописи и ксилографы помещались в коробках и были покрыты слоем желтого лесса, несмотря на то что их перебирали не один раз. Работа была затруднена еще и тем, что после переезда Института в 1951 г. из здания БАН в Ново-Михайловский дворец многие рукописи оказались «заставлены», перемешаны с другими и были вновь обнаружены только спустя какое-то время. Через год с небольшим, аттестуя Е.И. в должности младшего научного сотрудника, заве-

дующий Дальневосточным кабинетом В.М. Штейн (1890–1964) написал: «Кычанов ведет большую, можно сказать, „черную работу“, на какую не всякий из молодых людей согласится, разбирает и шифрует тангутский фонд, продолжая тем самым линию, начатую в свое время Н.А. Невским»¹⁰. Результатом работы по первичной инвентаризации фонда стала публикация составленного совместно с З.И. Горбачевой краткого аннотированного каталога «Тангутские рукописи и ксилографы» (М.: Издательство восточной литературы, 1963). Этот каталог подытожил результаты 50-летней работы с фондом, при этом Е.И. Кычанов внес в него описание 4242 единиц хранения — более половины всех оцифрованных сочинений.

Во время Всемирного конгресса востоковедов, проходившего в Москве летом 1960 г., Е.И. Кычанов находился в Ленинграде и в числе группы молодых сотрудников давал пояснения гостям по выставке рукописей, временно развернутой в Зеленом зале Института. Среди востоковедов, посетивших ЛО ИВ АН, был Жерар Клосон, который подробно осмотрел тангутские рукописи и заинтересованно побеседовал с Е.И. Кычановым о перспективах его работы. Спустя несколько лет в 1964 г. Клосон опубликовал в *Asia Major* статью «Будущее тангутоведения», в которой как представитель «более раннего и менее научного этапа» развития этой отрасли суммировал собственный опыт работы, чтобы передать его в распоряжение «нового и энергичного поколения молодых исследователей»¹¹. Тогда же Ленинград посетил японский этнолог Ма-сао Ока, в молодые годы знавший Н.А. Невского и его семью. По его поручению Е.И. отправился на улицу Блохина в «дом академиков», на поиски дочери Невского Елены Николаевны, но сумел лишь выяснить, что она, врач по профессии, находится на временной работе в Камбодже.

С 1962 г. вместе с М.В. Софроновым Е.И. занимался дешифровкой тангутских фонетических таблиц, итоги работы были опубликованы в совместном «Исследовании по фонетике тангутского языка (предварительные результаты)» (М.: Издательство восточной литературы, 1963). Монография наметила методику, с помощью которой стало возможным определять чтение знаков, содержащихся в фонетических словарях тангутского языка. В работе были охарактеризованы основные внешние (тибетские и китайские) и внутренние (фонетические таблицы и словари) источники для реконструкции фонетики тангутского языка. В 1963 г. Е.И. подготовил работу «Звучат лишь письмена» (М.: Наука, ГРВЛ, 1965), предназначенную для широкого круга читателей. В этой небольшой монографии, представляющей серию очерков по истории тангутоведения, впервые раскрылся его прекрасный литературно-повествовательный дар.

Необходимо сказать, что организаторские способности Е.И. Кычанова также были сразу отмечены и использованы руководством: после зачисления на работу он в течение двух лет выполнял обязанности ученого секретаря

¹⁰ Личное дело Е.И. Кычанова в ИВР РАН. Л. 24.

¹¹ *Clauson G. The Future of Tangut (Hsi Hsia) Studies // Asia Major (New Series), vol. XI, pt. 1, p. 77.*

Дальневосточного кабинета ЛО ИВ АН, а в 1964 г. был избран председателем профсоюзного, или, как тогда говорили, местного комитета. В январе 1963 г. в составе Дальневосточного кабинета под руководством Е.И. Кычанова была организована тангутская группа. Работа вошедших в ее состав сотрудников распределялась следующим образом: В.С. Колоколову поручалась работа с переведенными с китайского языка памятниками китайской классики, К.Б. Кепинг — работа с неканоническими переводными сочинениями, а также изучение грамматики тангутского языка, А.П. Терентьев-Катанский должен был изучать книжную культуру тангутов. Е.И. Кычанов приступил к исследованию оригинальных тангутских сочинений, в частности к переводу сборника пословиц XII в. «Вновь собранные драгоценные парные изречения». Факсимиле и исследование этого памятника было опубликовано им в 1974 г.¹²

У группы были также две общие темы — роспись и перевод словарей «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории» с целью расширения репертуара известных тангутских знаков и слов, а также подготовка к машинному переводу тангутского текста военного трактата «Сунь-цзы». Первая тема закончилась факсимильной публикацией обоих памятников в 1969 г.¹³. С большим энтузиазмом начатая вторая тема планировалась в сотрудничестве с рабочей группой, созданной в Институте математики в новосибирском Академгородке, но развития она не получила, а сам трактат был издан в 1979 г. К.Б. Кепинг¹⁴.

С марта по июль 1964 г. Е.И. Кычанов находился в Пекине в Высшей подготовительной школе для иностранных студентов (*Вайго люсюэиэн гаодэн юйбэй сюэсяо* 外國留學生高等預備學校), оказавшись одним из последних стажеров, отправленных из Советского Союза в Китай по обмену накануне длительного периода охлаждения отношений между нашими государствами. По словам самого Е.И. Кычанова, тема, связанная с изучением малого народа, обитавшего в древности на территории КНР, не встретила энтузиазма у руководителей стажировки с китайской стороны, поэтому формально ему не был предоставлен научный руководитель и его пребывание в Китае имело результатом лишь усовершенствование в языке. Е.И. Кычанов не раз заявлял о своем желании встретиться с выдающимся исследователем Ван Цзин-жу, который с 1930-х годов вел исследования в области тангутоведения, но тогда эти попытки успеха не имели, и с Ван Цзин-жу Е.И. увиделся только в 1989 г.

Между тем именно в начале 1960-х годов в Китае была возобновлена активная работа по изучению государства Си Ся и дешифровке тангутской

¹² Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1974 (Памятники письменности Востока XL).

¹³ Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. 1–2. М.: Наука, ГРВЛ, 1969 (Памятники письменности Востока XXV, 1–2).

¹⁴ Сунь-цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Изд. текста, пер., введ., коммент., грамматич. очерк, словарь и прил. К.Б. Кепинг. М.: Наука, ГРВЛ, 1979 (Памятники письменности Востока XLIX).

письменности. Стимулом этому послужила в первую очередь публикация труда Н.А. Невского, а также, частично, появление статей Нисида Тацуо в Японии. В 1964 г. была создана исследовательская группа под руководством Ван Цзин-жу, в которую вошли Чан Шу-хун, Бай Бинь, Су Бай, Лю Юй-цюань, Ли Чэн-сянь, Ши Цзинь-бо, Чэнь Бин-инь. О результатах их работы Е.И. Кычанов, находившийся тогда в Пекине, также узнал значительно позже.

С мая 1965 г. Е.И. работал в ЛО ИВ АН в должности старшего научного сотрудника, а в июне 1965 г. заведующий ЛО ИВ АН Ю.А. Петросян пригласил его на должность своего заместителя по науке. На этом посту Е.И. оставался до 1 января 1997 г.

В 1966 г. совместно с В.С. Колоколовым Е.И. Кычанов публикует факсимиле тангутских переводов китайских классических произведений «Лунь юй», «Мэн-цзы» и «Сяо цзин» из коллекции ИВ АН¹⁵. Важной частью этой работы стал тангутско-китайский словарь на 1350 знаков, встречающихся в публикуемых текстах. Многие из этих знаков не вошли в словарь Н.А. Невского и были отождествлены впервые. Кроме того, работа была снабжена китайско-тангутским словником, таблицей скорописных элементов тангутских знаков, а также текстом главы IV «Сяо цзина» с параллельным написанием стандартных тангутских знаков и соответствующих китайских иероглифов. Введение в научный оборот уникальных текстов имело большое значение для изучения идеологии Китая и Си Ся и стало важным вкладом в дешифровку тангутской письменности.

В 1968 г. выходит в свет одна из основных работ Е.И. Кычанова — «Очерк истории тангутского государства», которую он в 1970 г. защитил в качестве докторской диссертации. Этот труд впервые в мировой науке представил историю народа тангутов с момента зарождения до трагической гибели в 1227 г. Подробное освещение получили вопросы этногенеза, становления и упрочения государства Западное Ся, его политической, экономической и военной истории, а также особенностей самобытной культуры, религии и письменности тангутов. В книге было показано, что Западное Ся играло важную политическую роль в Центральной Азии и на протяжении двух с половиной веков было одним из трех наиболее могущественных государств Дальнего Востока наряду с сунским Китаем и киданьским Ляо (позже Цзинь). В рецензии на эту работу Ж. Клосон отметил: «Навряд ли будет преувеличением сказать, что если бы Бартольд имел те же самые интересы и познания, то он написал бы книгу наподобие этого „Очерка истории тангутского государства“, а выше похвалы и быть не может»¹⁶.

¹⁵ Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн-цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1966 (Памятники письменности Востока IV).

¹⁶ [Clauson, Gerard. Rev. on:] Ye.I. Kychanov: *Ocherk istorii tangutskogo gosudarstva*. (Akademia Nauk SSSR. Institut norodov Asii,) 355 pp. Moscow: Izdatel'stvo 'Nauka', 1968, Rbls 1.65. M.V. Sofronov: *Grammatika tangutskogo yazyka*. (Akademia Nauk SSSR. Institut norodov Asii,) 2 vols.: 275 pp.; 404 pp. Moscow: Izdatel'stvo 'Nauka', 1968, Rbls 3.13 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 32. No. 2. 1969. P. 416–419. P. 417.

В том же, 1969 г. Е.И. приступил к работе над темой «Памятники тангутского законодательства», поставив цель перевести «Измененный и заново утвержденный свод законов девиза царствования Небесное процветание (1149–1168)». Работа над этим уникальным и объемным (20 глав, 1460 статей) памятником дальневосточного права продолжалась почти 20 лет и завершилась фундаментальной 4-томной публикацией в 1987–1989 гг. в серии «Памятники письменности Востока»¹⁷. Этот труд сразу же привлек внимание специалистов, был частично опубликован в Китае в 1987 г.¹⁸, а в 1997 г. удостоен премии РАН им. С.Ф. Ольденбурга.

Помимо того что в ходе подготовки этого издания Е.И. Кычанов выявил и проработал многие другие памятники законодательства тангутов, он подошел также к решению целого ряда крупных проблем государственного устройства и правового регулирования кочевых и полукочевых обществ народов Азии. Изучая социальный уклад тангутов, он изыскивал параллели в истории Китая, Тибета и Монголии. В результате в свет вышли десятки статей, в которых получили освещение вопросы государственного управления и сословного деления в Китае и Центральной Азии, роли рабства и принудительного труда в хозяйственной деятельности на Востоке в средние века.

Исследование тангутского кодекса привело Е.И. Кычанова к занятию средневековым китайским правом. В России, если не считать публикаций Алексея Леонтьева конца XVIII в., старым китайским правом почти не занимались. Итогом работы Е.И. Кычанова по изучению законодательства династий Тан и Сун стала монография «Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.)» (М.: Наука, ГРВЛ, 1986), которая впервые в систематическом и полном виде представила основные положения традиционного права Китая. Это справочное издание не имеет пока аналогов в мировом китаеведении.

Занимаясь историей этногенеза тангутов и их судьбой после монгольского завоевания, Е.И. Кычанов стал интересоваться этнической и политической историей сопредельных с ними народов — киданей, чжурчжэней, ойратов, монголов. Наиболее ярким результатом его исследований в этом направлении в 1970–1980-е годы стала серия научно-популярных работ, представивших исторические портреты правителей кочевого мира: «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» (М.: Наука, ГРВЛ, 1973), «Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане» (Новосибирск: Наука, СО, 1980), «Абахай» (Новосибирск: Наука, СО, 1986) и др. Позже биография Чингис-хана вышла в перево-

¹⁷ Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989 (Памятники письменности Востока LXXXI, 1–4).

¹⁸ Си Ся фа дянь — Тянь-шэн чжэн гай цзю дин синь лийлин (ди 1–7 чжан) [Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (главы 1–7)] 西夏法典 — 天盛爭改舊定新律令. Пер. на рус. яз. Е.И. Кычанова 克恰諾夫俄譯. Пер. на кит. яз. Ли Чжун-сяня 李仲三漢譯, ред. перевода Ло Мао-кунь 羅矛昆校訂. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 銀川: 寧夏人民出版社, 1988.

де на монгольский язык (2000 г.), а биография Галдана на русском языке была переиздана в столице Калмыкии Элисте (1999 г.).

Следует отметить, что Е.И. Кычанов высоко ценил достижения японских тангутоведов и всегда старался получить доступ к японской литературе по изучаемым им направлениям. В 1967 г. выдающийся тангутовед Нисида Тацуо впервые посетил ЛО ИВ АН, а в 1975 г. Е.И. впервые побывал в Киото по линии научного обмена в Университете Рицумэйкан. С конца 1960-х годов Е.И. поддерживал научные контакты также и с европейскими исследователями Центральной Азии — Луи Гамбисом, Гербертом Франке, Эриком Гринстедом, Марией Ференци, Дьердем Карой, Ральфом Штейном и др.

Китай до начала 1980-х годов оставался для отечественных исследователей закрытой страной. С современными работами на китайском языке по истории права и тангутоведению Е.И. удалось познакомиться в 1978 г. в Копенгагене во время научной стажировки в NIAS (Nordic Institute for Asian Studies). Но непосредственные личные контакты с китайскими тангутоведами установились лишь спустя почти 10 лет, когда зимой 1987 г. в Ленинград прибыли занимающие сейчас лидирующее положение в китайском тангутоведении проф. Ли Фань-вэнь и проф. Ши Цзинь-бо. Им было известно о работах Е.И., часть которых была даже переведена в 1978 г. на китайский язык (см. статью Ши Цзинь-бо в настоящем сборнике). А в 1989 г. Е.И. впервые после долгого перерыва посетил Китай.

Именно в этот период Академия общественных наук КНР обратилась к руководству АН СССР с предложением полностью издать факсимиле рукописные материалы из Дуньхуана и Хара-Хото, хранящиеся в ЛО ИВ АН. Предложение было встречено согласием, что положило начало многолетнему сотрудничеству. В рамках этого издательского проекта в 1993–2000 гг. в ЛО (СПбФ) ИВ РАН несколько раз приезжала группа исследователей и фотографов, возглавляемая профессором Ши Цзинь-бо. В нее входили тангутоведы Бай Бинь и Не Хун-инь, а также сотрудники Шанхайского издательства «Древняя книга» Цзян Вэй-сун и Янь Кэ-цин. Редактором с российской стороны был Е.И. Кычанов. Результатом стало издание 14 томов памятников тангутской письменности. Публикация коллекции из Хара-Хото сразу же дала мощный импульс развитию тангутоведения во всем мире, в первую очередь в Китае.

В 1990–2000-х годах выходят крупные обобщающие работы Е.И. Кычанова, над которыми он трудился многие годы. В 1997 г. была издана монография «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров» (М.: Восточная литература), содержащая анализ процессов становления государственности у кочевых народов Центральной Азии. Книга стала результатом изучения Е.И. Кычановым структуры обществ сопредельных с Китаем народов и их государственной идеологии. В работе была также поставлена проблема выявления общего и особенного в формировании неханьских кочевых государств, а также предложена методология изучения особенностей их политического и администра-

тивного управления. Второе, расширенное издание монографии было опубликовано в 2010 г.¹⁹.

В 1999 г. в издании Университета Киото выходит «Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук»²⁰. В свое время в список 1963 г., составленный Е.И. Кычановым вместе с З.И. Горбачевой, вошло описание небуддийской части тангутского фонда, буддийские же памятники на тангутском языке были только перечислены. На выявление и отождествление буддийских сочинений из Хара-Хото Е.И. Кычанову понадобилось более 30 лет. «Огромный объем материала, — отмечал он во введении, — потребовал многие годы на то, чтобы данное описание стало достоянием науки»²¹. Теперь научной общественности было представлено полное содержание тангутского фонда ИВР РАН, за исключением коллекции административных и хозяйственных документов.

В 2006 г. была опубликована не имеющая аналогов в мировой науке работа, которая стала итогом более чем 40-летнего труда Е.И. Кычанова, — «Тангутско-китайско-русско-английский словарь». С первых же дней работы над тангутским фондом в 1959 г. Е.И. вел рабочую картотеку-словарь, которую он расширял и дополнял в течение всей своей жизни, учитывая и собственные данные, выявляемые в ходе дешифровки рукописных текстов, и данные, публикуемые в трудах его коллег. В результате эта работа Е.И. Кычанова, изданная в Японии, обобщила достижения мировой науки по дешифровке тангутской письменности за всю историю ее развития. Словарь был особо отмечен в отчете РАН среди достижений за 2006 г.

В 2008 г. в издательстве факультета филологии и искусств СПбГУ вышел сборник статей Е.И. Кычанова «История тангутского государства», объединивший более 50 статей по истории, праву, военному делу и культуре Си Ся. Публикация статей разных лет имела не только фундаментально-научное значение, но и показывала динамику исследования проблемы, пути совершенствования переводов и интерпретации источников, изменения в подходах к изучению цивилизации тангутов.

Помимо трудов общего характера Е.И. Кычанов продолжает публиковать в это время исследования и переводы памятников тангутской письменности, имеющих непреходящее значение для изучения истории и культуры Дальневосточного региона. В 2000 г. выходит исследование апокрифического сочинения «Запись у алтаря о примирении Конфуция», представляющего собой редкий сохранившийся пример дискуссии даосов с конфуцианцами в период

¹⁹ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010 (Nomadica).

²⁰ Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук. Составитель Е.И. Кычанов. Вступительная статья Т. Нисида. Издание подготовлено С. Аракава. Университет Киото. 1999.

²¹ Кычанов Е.И. Введение // Каталог тангутских буддийских памятников. С. 1.

«ста школ» или сразу после него²². Это сочинение, китайский оригинал которого не сохранился, свидетельствует о распространенности идей даосизма в государстве Си Ся и их влиянии на определенную часть его населения.

Следует отметить, что Е.И. писал все свои работы, выполняя большую научно-организационную работу. Являясь с 1965 по 1997 г. заместителем директора ЛО (СПбФ) ИВ АН по науке, он с 1978 г. заведовал также Сектором Дальнего Востока, а после его реорганизации с 1983 г. — Сектором историографии и источниковедения Китая и Центральной Азии. В непростое время с 1997 по 2003 г. он был директором СПбФ ИВ РАН. Он состоял членом многих редколлегий, ученых и диссертационных советов, был удостоен звания почетного профессора целого ряда зарубежных университетов. При этом Е.И. подготовил десятки учеников — аспирантов ЛО (СПбФ) ИВ РАН и студентов Восточного факультета СПбГУ. В 1986 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В настоящее время Е.И. Кычанов продолжает неустанно трудиться на благо науки. Он занимается памятниками тангутского права, готовит к изданию документы из Хара-Хото, вместе с К.М. Богдановым продолжает работать над сверкой тангутского фонда, которая направлена на то, чтобы учесть всю совокупность достижений по определению и соединению памятников тангутского письма.

Заканчивая этот очерк, я решила обратиться с вопросом к Евгению Ивановичу, в чем же он сам видит смысл труда своей жизни и что хотел бы отметить в первую очередь. Подумав, он сказал: «Не знаю, как ты определишь мою работу: „тангутоведение“ или „исследование памятников из Хара-Хото“, но обязательно напиши о ней: „стало судьбой“».

Могло ли тангутоведение не стать судьбой Евгения Ивановича?

В начале жизненного пути трудно предугадать свою судьбу. Наверное, по воле обстоятельств Е.И. мог поступить на исторический факультет ЛГУ, мог по окончании университета уехать по распределению на Урал преподавать историю в средней школе или же получить назначение в Новосибирск, чтобы исследовать там проблемы древней истории Сибири, а может, в каком-то виде сумел бы реализоваться его студенческий интерес к новейшей истории Китая. Ясно одно: где бы ни довелось ему работать, он непременно оставил бы яркий след и полностью проявил свой редкий природный талант.

Но получилось так, что его судьбой стало тангутоведение. Возможно, это произошло потому, что фонд, обнаруженный в Хара-Хото благодаря фантастической интуиции П.К. Козлова, оказался абсолютно феноменальным и единственным по своей полноте материалом, на основе которого удалось дешифровать мертвый язык и изучить цивилизацию, которая считалась навсегда стертой с лица земли. Древние памятники письменности тангутов притягивали исследователей и круто меняли судьбы людей. Свяжав свою научную судь-

²² Запись у алтаря о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья, комментарий и словарь Е.И. Кычанова. М.: Восточная литература, 2000.

бу с тангутоведением, Евгений Иванович вписал одну из самых ярких страниц в историю этой сложнейшей дисциплины, составляющей гордость отечественного востоковедения.

К 80-летию юбилею Е.И. Кычанова мы, его коллеги, друзья и ученики, подготовили этот сборник. Проблематика его задана основными доминантами 50-летнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

В дни юбилея мы выражаем Евгению Ивановичу благодарность за его неоценимый труд и желаем ему долголетия, крепкого здоровья и новых творческих свершений!

Библиография научных трудов доктора исторических наук,
профессора Евгения Ивановича Кычанова*

1955

1. Дипломная работа на тему: «Крестьянское движение в провинциях Гуандун и Хунань в период первой гражданской революционной войны» / Студент V курса *Кычанов Е.И.*; Рук. доц. *Л.А. Березный*; Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т им. А.А. Жданова, Вост. фак-т, Каф. истории стран Дальнего Востока. — Л., 1955. — [2], 241, [5] л., 3 отд. л. карты. — Рукопись.

1959

2. Государственное устройство Си Ся // Ученые записки Ленингр. ордена Ленина гос. ун-та им. А.А. Жданова, № 281. Сер. востоковедческих наук. Вып. 10: История и филология Китая. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — С. 103–115.
3. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина / Доложено на заседании Восточной комиссии Географического общества Союза ССР 17 апреля 1958 г. // СНВ. Вып. I: География, этнография, история. — М.: ИВЛ, 1959. — С. 204–212, [2] с. вкл.
См. также № 117 (пер. на кит. яз.), 308 (переизд. в сб. ст.).
4. Некоторые сведения китайских источников об этнографии тангутов // СЭ. 1959. Июль–Август. № 4. — С. 110–115.

* Составитель В.П. Зайцев.

Все публикации просмотрены и описаны de visu. Под одним номером с различным буквенным индексом размещены: а) многотомные труды; б) труды из одного издания (при этом, если само издание также имеет отношение к автору, то оно является «родительским» и буквенный индекс при его номере не ставится); в) труды из изданий с параллельным текстом и заглавием на нескольких языках (при этом сведения об идентифицирующем документе указываются на языке сведений составной части документа). Статьи в каталогах выставок, описывающие предметы экспозиции, помещены под одним номером. Ссылки имеют следующую структуру: при основной публикации даны все номера, ссылающиеся на нее (переводы, переиздания и т.п.); при остальных — за редким исключением — только отсылка к основной публикации. Ненумерованные страницы заключены в квадратные скобки. Автор указывается только в случаях соавторства (для сохранения порядка следования), написания имени на иностранном языке и т.п.

1960

5. Государство Си Ся (982–1227). Автореф. ... канд. ист. наук / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. — Л.: [б. и.], 1960. — 20 с. — На правах рукописи. **См. также № 6** (дис.).
6. Государство Си Ся (982–1227 г.). Дис. ... канд. ист. наук / Науч. рук. ст. науч. сотрудник, канд. ист. наук *Горбачева З.И.*; АН СССР, Ин-т востоковедения, Ленингр. отд-ние. — Л., 1960. — [1], [1], 372, [5], [1], [2] л. — Рукопись. **См. также № 5** (автореф.).
7. Об одном обряде религии бон, сохранившемся в буддийских ритуалах тангутов // КСИЭ. Т. XXXV. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 86–90.
8. Первый бохайский письменный памятник на камне // Труды дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1: Древние культуры Дальнего Востока. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 86). — С. 225–230.
9. Сведения источников XII в. о чжурчжэнях, монголах и татарах // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Тезисы докладов и сообщений [Подсекция археологии, этнографии и антропологии Сибири и Дальнего Востока. Сообщения]. — Иркутск: [б. и.], 1960. — С. 27–30.

1961

10. Из истории буддизма в государстве Си Ся // Дальний Восток: Сборник статей по филологии, истории, философии. — М.: ИВЛ, 1961. — С. 140–157, 254–255.
11. К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам) // Вопросы филологии и истории стран Советского и Зарубежного Востока. — М.: ИВЛ, 1961. — С. 148–160.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
12. Культура Си Ся и ее место среди культур Центральной Азии // Вестник истории мировой культуры. 1961. ноябрь–декабрь. № 6 (30). — С. 176–183.
13. *Рец.: Н.А. Невский.* Тангутская филология. Исследования и словарь. М., ИВЛ, 1960, кн. 1. 601 стр.; кн. 2. 683 стр. // НАА. 1961. № 4. — С. 225–228.
14. Новые словари в тангутской коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР // СНВ. Вып. II: География, этнография, история: [Сб. ст.]. — М.: ИВЛ, 1961. — С. 231–242.

1962

15. 70-летие со дня рождения Н.А. Невского / *Громковская Л.Л., Кычанов Е.И.* // НАА. 1962. № 4. — С. 245–246.
16. Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI века // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. — Алма-Ата: Изд-во АН Каз.

ССР, 1962 (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова; Т. 15). — С. 146–153.

См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).

17. *Рец.*: Книга, открывающая пути вперед. [Рец. на кн.: *Окладников А.П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, 291 стр., 84 рис.] / *Ларичев В.Е., Кычанов Е.И.* // Известия Сиб. отд-ния АН СССР. 1962. № 1. — С. 105–107.

1963

18. Исследования по фонетике тангутского языка (предварительные результаты) / *Софронов М.В., Кычанов Е.И.* — М.: ИВЛ, 1963. — 112, [1], [2] с.

См. также № 24 (доп. тираж).

19. Государство кара-китаев // История Киргизии. Т. I. — Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1963. — С. 120–126. — *Парал. тит. л. на кирг. яз.*: Кыргызстандын тарыхы. I том. — Фрунзе: Кыргызстан мамлекеттик басмасы, 1963.

20. Письменные памятники из Хара-хото как исторический источник // Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (22–25 января 1963). — Л.: [Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова], 1963. — С. 58–59.

21. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. (публикация источников) // Известия Акад. наук Кирг. ССР. Сер. общественных наук. Т. V. Вып. 1 (история). — Фрунзе: Изд-во Акад. наук Кирг. ССР, 1963. — С. 59–65. — *Парал. тит. л. на кирг. яз.*: Кыргыз ССР илимдер академиясынын кабарлары. Коомдук илимдер сериясы. V том, 1 чыгышы (Тарых). — Фрунзе: Кыргыз ССР илимдер академиясынын басмасы, 1963.

22. Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Сост. *З.И. Горбачева* и *Е.И. Кычанов*. — М.: ИВЛ, 1963. — 170, [2] с.

См. также № 103 (пер. на кит. яз.).

- 22а. Введение / *Горбачева З.И., Кычанов Е.И.* // Там же. — С. 7–30.

1964

23. Дальний Восток в XIII–XVI веках / *Кычанов Е.И., Шавкунов Э.В.* // Материалы по древней истории Сибири = Древняя Сибирь (Макет I тома «Истории Сибири») = Древняя Сибирь. Материалы к I тому Истории Сибири. — Улан-Удэ: [б. и.], 1964. — С. 639–648.

См. также № 39.

24. Исследования по фонетике тангутского языка (предварительные результаты) / *Софронов М.В., Кычанов Е.И.* — М.: Наука, 1964. — 112, [1], [2] с.

См. также № 18 (1-й тираж).

25. К изучению структуры тангутской письменности // КСИНА. № 68: Языковедение. — М.: Наука, 1964. — С. 126–150.

См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).

26. К проблеме этногенеза тангутов (Тоба — Вэймин — Вамо) / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). — М.: Наука, 1964. — 9, [1] с.
См. также № 27 (пер. на англ. яз.), 47 (изд. в сб. трудов конгресса), 308 (переизд. в сб. ст.).
27. On the problem of Tangut ethnogenesis (Toba-Weimin Wamo) / *Kychanov E.I.*; VII International Congress of Antropological and Ethnological Sciences (Moscow, August 1964). — М.: “Nauka” Publ. House, 1964. — 14, [1], [1] p. — Англ. яз.
См. также № 26 (источн. пер.).

1965

28. Звучат лишь письменна. — М.: Наука, ГРВЛ, 1965. — 139, [1] с. (По следам исчезнувших культур Востока).
См. также № 264 (2-е изд.).
29. Некоторые суждения об исторических судьбах тангутов после нашествия Чингисхана // КСИНА. № 76: Материалы к хронике Советского востоковедения. История Монголии и Китая. — М.: Наука, ГРВЛ, 1965. — С. 154–165.
30. Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся (Публикация) // КСИНА. № 69: Исследование рукописей и ксилографов Института народов Азии. — М.: Наука, ГРВЛ, 1965. — С. 180–196, 210–218.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
31. Тангутские письменные памятники из Хара-Хото как исторический источник // Историография и источниковедение истории стран Азии. Вып. I: Материалы межвузовской научной конференции 25–27 января 1963 г. — [Л.:] Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. — С. 44–49.
- 32а. Тангутско-русский словарь в 3-х книгах. Ч. I: от 𐰃 до 𐰃, № 0001 𐰃 — № 2193 𐰃 / Сост. по графической системе *Е.И. Кычановым*. — Л., 1965. — [2], V, 1–505 л. — Рукопись.
Для № 32а–32в.: **См. также № 288** (перераб. и сокр. публ.; эксп. экз.), 301 (перераб. и сокр. публ.).
- 32б. Тангутско-русский словарь в 3-х книгах. Ч. II: от 𐰃 до 𐰃, № 2194 𐰃 — № 4355 𐰃 / Сост. по графической системе *Е.И. Кычановым*. — Л., 1965. — [2], V, 506–970 л. — Рукопись.
- 32в. Тангутско-русский словарь в 3-х книгах. Ч. III: от 𐰃 до 𐰃, № 4356 𐰃 — № 6498 𐰃 / Сост. по графической системе *Е.И. Кычановым*. — Л., 1965. — [2], VI, 971–1439 л. — Рукопись. — *Содерж.*: л. 971–1423 (ч. 3 словаря); л. 1424–1425 (девизы); л. 1426–1427 (меры); л. 1428–1436 (тангутские фамилии по Сань цай цзы цза «Смешанные знаки трех частей мироздания»); л. 1437–1438 (тангутские имена); л. 1439 (чистый); ост. 85 лл. чистые и не пронумерованы.
33. Researches Concerning the Phonetics of the Tangut Language / *Sofronov M.V.*, *Kychanov E.I.* // АОН. 1965. Т. XVIII, Fasc. 3. — P. 339–354. — Англ. яз.

1966

34. Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов / Предисл., словарь и указ. В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. — М.: Наука, ГРВЛ, 1966. — 148, [1], 211 с. (Памятники письменности Востока; IV).
- 34а. Тангутские переводы китайских классических книг Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин / Колоколов В.С., Кычанов Е.И. // Там же. — С. 9–17.
35. О некоторых формах образования имени в тангутском языке // ПП и ПИКНВ. Тезисы докладов II годичной научной сессии ЛО ИНА, март 1966 года. — Л.: [б. и.], 1966. — С. 60–62.
36. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Древняя Сибирь. Вып. 2: Сибирский археологический сборник. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1966 (Материалы по истории Сибири). — С. 269–281.

1967

37. Глагольные аффиксы гаг и ги в тангутском языке // ПП и ПИКНВ. Тезисы докладов III годичной научной сессии ЛО ИНА, май 1967 г. — Л.: [б. и.], 1967. — С. 91–93.

1968

38. Государство кара-киданей // История Киргизской ССР. Т. I. — Фрунзе: Кыргызстан, 1968. — С. 140–142. — *Парал. тит. л. на кирг. яз.*: Кыргыз ССР тарыхы. I том. — Фрунзе: „Кыргызстан“ басмасы, 1968.
39. Дальний Восток в XIII–XVI вв. / Кычанов Е.И., Шавкунов Э.В. // История Сибири с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 1: Древняя Сибирь. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. — С. 402–408.
См. также № 23 (макет).
40. К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней // Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР / Материалы секции истории дооктябрьского периода, археологии, этнографии и филологии народов Дальнего Востока IV Дальневосточной научной конференции [Владивосток, 5–9 октября 1965 г.]. — Владивосток: [б. и.], 1968 (Труды. Серия историческая / Дальневосточный фил. им. В.Л. Комарова АН СССР; Т. VI). — С. 179–185.
41. Очерк истории тангутского государства. — М.: Наука, ГРВЛ, 1968. — 353, [3] с., [1] вкл. с картой.
См. также № 308 (переизд. отд. ч. в сб. ст.).
42. Тангутские законы середины XII в. о преступлениях против государя // ПП и ПИКНВ. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1968 г. — Л.: [б. и.], 1968. — С. 55–58.

1969

43. Из истории экономики тангутского государства Ся (982–1227 гг.) // СНВ. Вып. VIII: География, этнография, история. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — С. 113–121.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).

44. «Крупинки золота на ладони» — пособие для изучения тангутской письменности // Жанры и стили литератур Китая и Кореи: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — С. 213–222.

См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).

45а. Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Ч. 1 / Пер. с тангутского, вступ. ст. и прилож. *К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — 607, [1] с. (Памятники письменности Востока; XXV, [1]).

45а-а. Словари «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории» и их место в тангутской лексикографической литературе // Там же. — С. 12–21.

См. также № 104 (пер. на кит. яз.).

45б. Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Ч. 2 / Пер. с тангутского, вступ. ст. и прилож. *К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1969. — 271, [1] с. (Памятники письменности Востока; XXV, [2]).

1970

46. «Гимн священным предкам тангутов» // ППВ. Ежегодник 1968. — М.: Наука, ГРВЛ, 1970. — С. 217–231, 304.

См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).

47. К проблеме этногенеза тангутов (Тоба — Вэймин — Вамо) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3–10 августа 1964 г.). Т. IX. — М.: Наука, ГРВЛ, 1970. — С. 440–445. — *Загл. на обл.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 9. — На тит. л. парал. загл. на фр. яз.: VII-me Congres international des sciences anthropologiques et ethnologiques, Moscou (3 août — 10 août 1964). Vol. IX.*

См. также № 26 (1-е, отд. изд.).

48. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1970. — С. 46–61.

См. также № 91 (2-е изд.), 308 (переизд. в сб. ст.).

49. О некоторых тангутских наименованиях соседних народов // ПП и ПИКНВ. Краткие сообщения и автоаннотации. VI годичная научная сессия ЛО ИВ АН, посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, апрель 1970 г. — М.: Наука, ГРВЛ, 1970. — С. 87–89.

1971

50. Из истории Приамурья и Приморья в первой половине XVII века // [ПП и ПИКНВ.] VII годичная научная сессия ЛО ИВАН (краткие сообщения). — [М.]: Наука, ГРВЛ, 1971. — С. 60–63.

51. Монетное обращение в Хара-Хото (по материалам находок) / *Кычанов Е.И., Лубо-Лесниченко Е.И.* // СНВ. Вып. XI: Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. — М.: Наука, ГРВЛ, 1971. — С. 49–54.

См. также № 192 (пер. на кит. яз.), 273 (переизд. № 192).

52. Ся Западное (Си-Ся) // СИЭ. Т. 13: Славяноведение — Ся Чэн. — М.: Сов. Энциклопедия, 1971 (Энциклопедии. Словари. Справочники). — Стб. 1015.
53. Тангутские изречения // СЭ. 1971. Май–Июнь. № 3. — С. 113–119.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
54. Тангуты и Запад // СНВ. Вып. X: Средняя и Центральная Азия: География, этнография, история. — М.: Наука, ГРВЛ, 1971. — С. 157–162.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
55. A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto / *Kučanov E.I.* // АОН. 1971. Т. XXIV, Fasc. 2. — P. 189–201. — Англ. яз.
56. Les guerres entre les Sung du Nord et le Hsi-Hsia / *Kučanov E.I.*; [Traduit du russe par *F. Aubin*] // Études Song = Sung Studies: in memoriam Étienne Balazs. Série I: Histoire et Institutions, [n°] 2 / éditées par *F. Aubin*. — [Paris; La Haye]: Mouton & Co, [1971]. — P. 103–118, 102 (carte “La zone des hostilités entre les Sung et les Hsi-Hsia”). — Фр. яз. — *Парал. тит. л. на англ. яз.*: Sung Studies: in memoriam Étienne Balazs. Series I: History and Institutions, 2 / edited by *F. Aubin*.

1972

57. [К 80-летию со дня рождения Н.А. Невского:] Выдающийся востоковед / *Кычанов Е.* // Азия и Африка сегодня. 1972, февраль. № 2. — С. 49.
58. Первая находка чжурчжэньских рукописных текстов на бумаге / *Кара Д., Кычанов Е.И., Старилов В.С.* // ППВ. Ежегодник 1969. — М.: Наука, ГРВЛ, 1972. — С. 223–228, 398–399.
См. также № 150 (пер. на кит. яз.).
59. Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зеркало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113)» // ППВ. Ежегодник 1969. — М.: Наука, ГРВЛ, 1972. — С. 229–243.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
60. Сычуаньские цянны // Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1972 (История и культура востока Азии; Т. I). — С. 56–59.
61. Тангутоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. — М.: Наука, ГРВЛ, 1972. — С. 177–185.
См. также № 108 (пер. на кит. яз.).
62. Что такое «Новые законы»? // ПП и ПИКНВ. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения). — [М.]: Наука, ГРВЛ, 1972. — С. 93–98.

1973

63. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. — М.: Наука, ГРВЛ, 1973. — 142, [1], [1] с.
См. также № 194 (2-е изд.; кирг.), 198 (2-е изд.; каз.), 204 (3-е изд.; кирг.), 211 (2-е изд.), 251 (пер. на монг. яз.).

64. Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). — Владивосток: [Ин-т истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока], 1973 (Труды ИИАЭНДВ; Т. IX). — С. 136–142.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
65. *Рец.*: Новое учебное пособие по истории стран зарубежной Азии в средние века. [Рец. на кн.: «История стран зарубежной Азии в средние века». Отв. ред. — А.М. Голдобин, Д.И. Гольдберг, И.П. Петрушевский. М., Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука» 1970, 640 с., 25 карт.] / *Акимушкин О.Ф., Большаков О.Г., Воробьев М.В., Горегляд В.Н., Кычанов Е.И., Петросян Ю.А., Темкин Э.Н.* // НАА. 1973. № 2. — С. 141–150.
66. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии (Международный симпозиум в Улан-Баторе) / *Кычанов Е.И., Новгородова Э.А.* // НАА. 1973. № 6. — С. 219–223.
67. Судопроизводство в тангутском государстве в описании словаря «Жемчужина в руке» (1190) // ПП и ПИКНВ. IX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения). — [М].: Наука, ГРВЛ, 1973. — С. 22–25.
68. Monuments of Tangut Legislation (12th–13th centuries) / *Kuchanov E.I.*; XXIX International Congress of Orientalists (Paris, July 16–22, 1973). Papers Presented by Soviet Scientists. — М.: “Nauka” Publ. House, Central Department of Oriental Literature, 1973. — 16 p. — Англ. яз.
См. также № 87 (изд. в сб. трудов конгресса).
- 1974
69. Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа / Изд. текста, пер. с тангутского, вступ. ст. и коммент. *Е.И. Кычанова*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1974. — 223, [1] с. (Памятники письменности Востока; XL).
- 69а. Предисловие // Там же. — С. 13–29.
- 69б. К вопросу о характере и художественных особенностях тангутских изречений // Там же. — С. 30–86.
70. Из истории тангутского права («десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.) // ППВ. Ежегодник 1970. — М.: Наука, ГРВЛ, 1974. — С. 309–326.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
71. К вопросу об уровне социально-экономического развития татаро-монгольских племен XII в. // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии = Төв Азийн иргэншилд нүүдэлчдийн роль (Олон улсын симпозиумын хэрэглэгдэхүүн) = Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia (A record of papers and discussions of the International UNESCO symposium). — Улан-Батор: ШУАХ = Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Үйлдвэр, 1974. — С. 165–170.

72. Об одной традиции фиксации налогообложения в Центральной Азии // ПП и ПИКНВ. X годовичная научная сессия ЛО ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения). — М.: Наука, ГРВЛ, 1974. — С. 22–25.
73. *Невский Н.А.* Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото. (Публикация и примечания *Н. Путинцевой*, предисловие *Е.И. Кычанова*) // ППВ. Ежегодник 1970. — М.: Наука, ГРВЛ, 1974. — С. 437–451.
74. *Рец.*: Силой оружия и экономическим закабалением. [Рец. на кн.: *В.С. Кузнецов*. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М., Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973.] // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 3 (11). — С. 218–220.
75. Тангутские пайцзы // Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974 (Материалы по истории Сибири). — С. 266–270.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
76. Тангутский документ 1170 г. о продаже земли // ППВ. Ежегодник 1971. — М.: Наука, ГРВЛ, 1974. — С. 193–203, 553.
77. Цзинь [1] — кит. императорская династия (265—420)... // СИЭ. Т. 15: Феллахи — Чжалайнор. — М.: Сов. Энциклопедия, 1974 (Энциклопедии. Словари. Справочники). — Стб. 766.
78. Цяны // СИЭ. Т. 15: Феллахи — Чжалайнор. — М.: Сов. Энциклопедия, 1974 (Энциклопедии. Словари. Справочники). — Стб. 795–796.
79. On the Slaves and Servants in the Tangut Encyclopedia *A Sea of Meanings Established by the Saints / Kychanov E.I.* // The Countries and Peoples of the East: Selected Articles / Editors *Yu. V. Maretin* and *B.A. Valskaya*; Translated from the Russian by *I.A. Gavrilov* and *P.F. Kostyuk*. — М.: “Nauka” Publ. House, Central Department of Oriental Literature, 1974. — P. 209–214. — Англ. яз.

1975

80. Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры / *Кычанов Е.И., Савицкий Л.С.* — М.: Наука, ГРВЛ, 1975. — 302, [2], [14], [2] с. (Культура народов Востока).
См. также № 107 (пер. на литов. яз.), 298 (2-е изд.).
81. О некоторых наименованиях городов и местностей бывшей территории тангутского государства // ПП и ПИКНВ. XI годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения и автоаннотации). [Ч.] I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1975. — С. 47–51.
82. Прецедент и кодекс в дальневосточном праве (на примере тангутского права) // Шестая НК ОГК. Тезисы и доклады. [Ч.] I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1975. — С. 99–103.
83. Тангуты о Китае (по тангутским первоисточникам) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975 (История и культура востока Азии; Т. III). — С. 143–147.

1976

84. Изгнание (и-сян) в кодексе династии Тан (VII в.) // Седьмая НК ОГК. Тезисы и доклады. [Ч.] I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1976. — С. 102–107.
85. Тангутский язык // БСЭ (в 30 томах). Т. 25: Струнино — Тихорецк / 3-е изд. — М.: Сов. Энциклопедия, 1976. — С. 253.
86. Чжао Юань-хао // СИЭ. Т. 16: Чжан Вэнь-тянь — Яштух. — М.: Сов. Энциклопедия, 1976 (Энциклопедии. Словари. Справочники). — Стб. 18.
87. Monuments of Tangut Legislation (12th–13th centuries) / *Kuchanov E.I.* // *Études tibétaines / Actes du XXIXe Congrès international des Orientalistes, Paris, Juillet 1973. Section organisée par Ariane Macdonald.* — Paris: L'Asiathèque, 1976. — P. 29–42. — Англ. яз.
См. также № 68 (1-е, отд. изд.).
88. Сэйка-но сякай тайсэй-ни кансуру син сирё 西夏の社会体制に関する新史料 [Новые исторические материалы по общественной структуре Си Ся] / *Э.И. Кычанов* エ・イ・クイチャノフ [Кычанов Е.И.]; Яку: *Катō Кюдзō* 訳: 加藤九祚 (Пер. Катō Кюдзō) // *Рицумэйкан бунгаку 立命館文學*. 1976 年第 1–2 月号. 第 367–368 号 = *The Ritsumeikan Bungaku*. January–February 1976. Serial Numbers 367–368. — Киото: Рицумэйкан дайгаку дзимбун гаккай 立命館大学人文学会, 1976. — С. 119–123. — Яп. яз.

1977

89. Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.) // ППВ. Ежегодник 1972. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 139–145, 310.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
90. Международный симпозиум памяти Кёреши Чома / *Кычанов Е.И., Мартынов А.С., Савицкий Л.С.* // НАА. 1977. № 4. — С. 185–189.
См. также № 109 (пер. на кит. яз.).
91. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. / Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 46–61.
См. также № 48 (1-е изд.).
92. Новые данные об этногенезе дунган // ПП и ПИКНВ. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 31–38.
93. О принципе средневекового китайского права «гуань дан» (по материалам танского кодекса «Тан люй шу и») // Восьмая НК ОГК. Тезисы и доклады. [Ч.] 1. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 92–98.
94. Тангутский гвон // ПП и ПИКНВ. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения), октябрь 1977 г. [Ч. I]. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 35–39.
95. Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото // ППВ. Ежегодник 1972. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 146–152, 311.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).

1978

96. Рец.: Н.Л. Жуковская. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977. 198 с. // СЭ. 1978. Январь–февраль. № 1. — С. 183–186.
97. Николай Александрович Невский / Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. — М.: Наука, ГРВЛ, 1978. — 215, [1] с., 1 л. фронт. (портр.) (Русские востоковеды и путешественники). — *Содерж.*: От авторов (С. 3–6); Кычанов Е.И. Рыбинск (С. 7–17); Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Петербург (С. 18–39); Громковская Л.Л. Токио (С. 40–59); Громковская Л.Л. Огару (С. 60–89); Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Осака (С. 90–182); Кычанов Е.И. Ленинград (С. 183–215).
98. Новые материалы об этногенезе дунган // СЭ. 1978. Март–Апрель. № 2. — С. 95–99.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
99. Парные изречения как одна из ведущих форм изречений народов Центральной Азии, ее возможные истоки и пути распространения // ТПИЛДВ. Тезисы и доклады восьмой научной конференции. Ленинград, 1978 год. [Ч.] II. — М.: Наука, ГРВЛ, 1978. — С. 201–207.
100. Правовое положение наложниц в средневековом Китае (VII–X в.) (По материалам Танского кодекса) // Девятая НК ОГК. Тезисы и доклады. Часть I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1978. — С. 181–187.
101. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26 (89): Филология и история. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. — С. 76–85.
102. Tibetans and Tibetan Culture in the Tangut State Hsi Hsia (982–1227) / *Kychanov E.J.* // Proceedings of the Csoma de Kőrös Memorial Symposium: Held at Mátrafüred, Hungary, 24–30 September 1976 / Ed. by *L. Ligeti.* — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978. (Bibliotheca Orientalis Hungarica; Vol. XXIII). — P. 205–211. — Англ. яз.
См. также № 170 (пер. на кит. яз.).
103. Сися вэнь себэнь хэ каньбэнь 西夏文写本和刊本 [Тангутские рукописи и ксилографы] = Сулянь кэсюэюань Ячжоу миньцзу яньцзюсо цан Сися вэнь себэнь хэ каньбэнь сянь и каодин чжэ шуму 苏联科学院亚洲民族研究所藏西夏文写本和刊本现已考定者书目 [Каталог определенных к настоящему времени тангутских рукописей и ксилографов, хранящихся в Институте народов Азии Академии наук СССР] / *З.И. Гээрбацева* З.И. 戈尔芭切娃, *Е.И. Кэцянофу* бьяньчжэ Е.И. 克恰诺夫编者 [Составители З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов]; *Бай Бинь* и *Бай Бинь* 白滨译 [Пер. Бай Биня], *Хуан Чжэньхуа* сяо 黄振华校 [Ред. Хуан Чжэньхуа] // Миньцзу ши ивэнь цзи 民族史译文集 [Собрание переводов по истории народов]. [Вып.] 3. — [Пекин]: Чжунго шэхуй кэсюэюань миньцзу яньцзюсо лиши яньцзюши цзыляо цзу 中国社会科学院民族研究所 历史研究室资料组, 1978. — [4], 3, [1], 1–113 с. — Кит. яз. — *Гриф*: Нэйбу цзыляо, цзинь гун канькао 内部资料 仅供参考 [Материалы для внутреннего пользования, только для справок].
См. также № 22 (источн. пер.).

104. Сися вэнь цзыдянь «Вэнь хай» хэ «Вэньхай цзалэй» цзи ци цзай Сися цышу чжун ды дивэй 西夏文字典《文海》和《文海杂类》及其在西夏辞书中的地位 [Тангутские иероглифические словари «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории» и их место в тангутской лексикографической литературе] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Ши Цзиньбо* и 史金波译 [Пер. Ши Цзиньбо], *Хуан Чжэньхуа* сяо 黄振华校 [Ред. Хуан Чжэньхуа] // Миньцзу ши ивэнь цзи 民族史译文集 [Собрание переводов по истории народов]. [Вып.] 3. — [Пекин]: Чжунго шэхуй кэсюэюань миньцзу яньцзюсо лиши яньцзюши цзыляо цзу 中国社会科学院民族研究所 历史研究室资料组, 1978. — С. 114–123. — Кит. яз. — *Гриф*: Нэйбу цзыляо, цзинь гун цанькао 内部资料 仅供参考 [Материалы для внутреннего пользования, только для справок].
См. также № 45а-а (источн. пер.).

1979

105. Значение термина «сэ» 色 в VII–X вв. (по материалам «Сун син тун») // Десятая НК ОГК. Тезисы и доклады. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — С. 112–117.
106. Социальная группа отроков в тангутском государстве // ПП и ПИКНВ. XIV годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), декабрь 1978 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — С. 106–110.
107. Sniego šalies žmonės ir dievai: Tibeto istorijos ir kultūros apybraiža [Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры] / *Кусяновас J., Savickis L.*; Iš rusų kalbos vertė V. Kauneckas. — Vilnius: “Vaga”, 1979. — 281, [2] p., [16] iliustr. lap. (“Kultūro pėdsakais”). — Литов. яз.
См. также № 80 (источн. пер.).
108. Сися сюэ 西夏学 [Тангутоведение] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Бай Бинь* и 白滨译 [Пер. Бай Биня], *Хуан Чжэньхуа* сяо 黄振华校 [Ред. Хуан Чжэньхуа] // Миньцзу ши ивэнь цзи 民族史译文集 [Собрание переводов по истории народов]. [Вып.] 7. — [Пекин]: Чжунго шэхуй кэсюэюань миньцзу яньцзюсо лиши яньцзюши цзыляо цзу 中国社会科学院民族研究所 历史研究室资料组, 1979. — С. 41–49. — Кит. яз. — *Гриф*: Нэйбу цзыляо, цзинь гун цанькао 内部资料 仅供参考 [Материалы для внутреннего пользования, только для справок].
См. также № 61 (источн. пер.).
109. Цзинянь Цяодай. Кэлэши ды гоци цзансюэ таолуньхуй 纪念乔·戴·克勒什的国际藏学讨论会 [Международный симпозиум по тибетологии памяти Чома де Кёрёши] / *Е.И. Кэцянофу* дэн Е.И. 克恰诺夫等 [Кычанов Е.И. и др.]; *Ли Пэйцзюань* и 李佩娟译 [Пер. Ли Пэйцзюаня] // Миньцзу ицун 民族译丛. 1979 年. 第 3 期. — С. 76–78. — Кит. яз.
См. также № 90 (источн. пер.).

1980

110. *Отв. ред.*: Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования) / *Школяр С.А.*; *Отв. ред. Е.И. Кычанов.* — М.: Наука, ГРВЛ, 1980. — 405, [1] с.

111. Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980 (История и культура востока Азии). — С. 136–148.
112. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. — 189, [2], [1] с. (Серия «Страны и народы»).
См. также № 244 (2-е изд.; калм.), 262 (пер. на монг. яз.).
113. Правовое регулирование трудовых повинностей в государстве Си Ся (XII–XIII вв.) // Одиннадцатая НК ОГК. Тезисы и доклады. Ч. II. — М.: Наука, ГРВЛ, 1980. — С. 31–36.
114. Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах // СНВ. Вып. 22: Средняя и Центральная Азия: География, этнография, история. Кн. 2. — М.: Наука, ГРВЛ, 1980. — С. 137–146.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
115. Тангутское письмо в истолковании самих тангутов // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. — М.: Наука, ГРВЛ, 1980. — С. 209–223.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
116. Buddhism and State in Hsi Hsia from Juridical Aspect / *Kučanov E.I.* // АОН. 1980. Т. XXXIV, Fasc. 1–3. — P. 105–111. — Англ. яз.
117. Сулянь гоцзя Лечжу тушугуань цан Хань вэнь Сися тангутэ го диту цэ шоугао 苏联国家列宁图书馆藏汉文西夏唐古特国地图册手稿 [Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина] / 1958-нянь 4-юэ 17-жи цзай Сулянь дили сюэхуй Дунфан вэйюаньхуй хуйи шан ды баогао (1958 年 4 月 17 日在苏联地理学会东方委员会会议上的报告) [Доклад на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР, 17 апреля 1958 г.]; *Е.И. Кэцянофу*. Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Ли Буюэ* и 李步月译 [Пер. Ли Буюэ] // Сибэй лиши цзыляо 西北历史资料. 1980 年. 第 1 期. — С. 30–39. — Кит. яз. — *Гриф*: Нэйбу каньу 内部刊物 [Периодическое издание для внутреннего пользования].
См. также № 3 (источн. пер.).
- 1981
118. Ирригационное хозяйство Си Ся (правовой аспект) // ПП и ПИКНВ. XV годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), декабрь 1979 г. Ч. I (1). — М.: Наука, ГРВЛ, 1981. — С. 121–125.
119. К проблеме тангутско-монгольских культурных связей // Литературные связи Монголии. — М.: Наука, ГРВЛ, 1981. — С. 11–22.
120. Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. // Общество и государство в Китае. — М.: Наука, ГРВЛ, 1981. — С. 75–94.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
121. Понятие «простой человек» в кодексе «Сун син тун» // Двенадцатая НК ОГК. Тезисы и доклады. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1981. — С. 145–152.

122. Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII–X вв.) // Социальные организации в Китае: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1981. — С. 43–52.
См. также № 169 (пер. на араб. яз.).
123. Тангутская рукопись № 4189 // ППВ. Ежегодник 1974. — М.: Наука, ГРВЛ, 1981. — С. 154–158.

1982

124. Законы, регулировавшие уплату поземельного налога в тангутском государстве Си Ся (XII в.) // ПП и ПИКНВ. XVI годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), февраль 1981 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1982. — С. 108–113.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
125. Международный симпозиум «Трансформация китайского права от Тан до Мин» // НАА. 1982. № 3. — С. 143–144.
126. О системе набора на военную службу в тангутском государстве Си Ся // Тринадцатая НК ОГК. Тезисы и доклады. Ч. 2. — М.: Наука, ГРВЛ, 1982. — С. 39–47.
127. Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1982 (Культура народов Востока: Материалы и исследования). — С. 28–62.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
128. Служба складов в тангутском государстве // СНВ. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). — М.: Наука, ГРВЛ, 1982. — С. 62–68.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
129. Тангутская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах. Т. 2: К—Я / Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. Энциклопедия, 1982. — С. 492–493.
См. также № 201 (2-е изд.).
130. Тангутские законы XII в. о семье и браке в Си Ся // АОН. 1982. Т. XXXVI, Fasc. 1–3. — P. 321–333.

1983

131. Договор займа по тангутскому праву // ПП и ПИКНВ. XVII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), январь 1982 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — С. 153–157.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
132. Кодекс Тангутского государства XII в. // НАА. 1983. № 2. — С. 118–126.
133. Кто такие пхинга и нини? (О двух группах лично несвободного населения в тангутском государстве) // История и культура Центральной Азии. — М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — С. 134–159.

134. *Отв. ред.*: Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.) // *Воробьев М.В.*; *Отв. ред. Е.И. Кычанов.* — М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — 346, [18], [2], [2] с.
135. По поводу одной исторической истины // Проблемы Дальнего Востока. 1983. № 3 (47). — С. 167–168.
См. также № 138 (пер. на исп. яз.), 139 (пер. на англ. яз.), 145 (пер. на яп. яз.).
136. Преступления против императора по традиционному китайскому праву // Четырнадцатая НК ОГК. Тезисы и доклады. Ч. 1. — М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — С. 136–140.
137. Сословно-классовая структура на средневековом Дальнем Востоке (VII–X вв.) // ПП и ПИКНВ. XVII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), январь 1982 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — С. 40–53.
138. A propósito de una verdad histórica / *Kichanov E.* // *Problemas del Extremo Oriente.* 1983. № 4 (17). — Moscú: [Editorial Progreso], 1983. — P. 202–205. — Исп. яз.
См. также № 135 (источн. пер.).
139. Regarding One Historical Truth / *Kychanov E.* // *Far Eastern Affairs.* 1983. № 4 (38). — Moscow: [Progress Publishers], 1983. — P. 134–136. — Англ. яз.
См. также № 135 (источн. пер.).
- 1984
140. Дискуссия [в рамках круглого стола «Государство и право на Древнем Востоке» с обсуждением статьи *В.А. Якобсона* «Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока»] // НАА. 1984. № 2. — С. 99–101.
141. Земельные правоотношения и поземельный налог в тангутском государстве Си Ся (XII в.) // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1984. — С. 111–126.
142. Люди, принадлежавшие государю (государству). (По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса (девиза царствования) Небесное процветание (1149–1169 гг.)») // ППВ. Ежегодник 1976–1977. — М.: Наука, ГРВЛ, 1984. — С. 232–239.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
143. Правовое положение арендаторов и наемных работников в эпоху Сун // Пятнадцатая НК ОГК. Тезисы докладов. Ч. 2. — М.: Наука, ГРВЛ, 1984. — С. 38–43.
144. From the History of the Tangut Translation of the Buddhist Canon / *Kychanov E.I.* // *Tibetan and Buddhist Studies. Commemorating the 200th Anniversary of the Birth of Alexander Csoma de Kőrös. Vol. 1 / Ed. by L. Ligeti.* — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984 (Bibliotheca Orientalis Hungarica; Vol. XXIX/1). — P. 377–387. — Англ. яз.
145. Ару рэкиситэки синдзицу-ни канситэ ある歴史的眞實に関して [Об одной исторической правде] / *E.I. Кычанову Е.И. КИЧЯНОВ* [Кычанов Е.И.] //

Кёкутё-но сёмондай 極東の諸問題 [Проблемы Дальнего Востока]. 1984年3月. Vol. 13, No. 1. — М.: «Пуругурэсу» сьопандзё 《プロGRESS》 出版社, 1984. — С. 236–240. — Яп. яз.
См. также № 135 (источн. пер.).

1985

146. Виды китайского законодательства до династии Юань (XIII в.) // ПП и ПИКНВ. XVIII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983–1984. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1985. — С. 53–57.
147. Закон Тан о борьбе с хищениями людей // ПП и ПИКНВ. XVIII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения по Танскому Китаю). 1983–1984. Ч. III. — М.: Наука, ГРВЛ, 1985. — С. 48–53.
148. О формах и праве собственности в Китае в VII–XII вв. // НАА. 1985. № 4. — С. 49–58.
См. также № 184 (пер. на англ. яз.).
149. Умысел (моу) и преднамеренность (гу) в традиционном китайском праве // Шестнадцатая НК ОГК. Тезисы и доклады. Ч. 1. — М.: Наука, ГРВЛ, 1985. — С. 128–132.
150. Чжи чао Нюйчжэньвэнь ды шоуцы фасянь 纸抄女真文的首次发现 [Первая находка чжурчжэньских текстов, написанных на бумаге] / Д. Кала Д·卡拉 [Кара Д.], Е.И. Кэцянофу ЕИ·克恰诺夫 [Кычанов Е.И.], В.С. Сыталикефу В·С·斯塔里科夫 [Стариков В.С.]; Яо Фэн и чжу 姚凤 译注 [Пер. и коммент. Яо Фэна]; Нюйчжэньвэнь цзюдуй Лю Фэнчжу 女真文校对 刘凤翥 [Сверка чжурчж. текста Лю Фэнчжу] // Бэйфан вэньу 北方文物. 1985. 第 2 期. — С. 84–87, 3-я стор. обл. (илл.) — Кит. яз.
См. также № 58 (источн. пер.).

1986

151. Абахай. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. — 148, [2], [2] с. (Серия «Страны и народы»).
152. *Отв. ред.*: История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней / [Отв. ред. Е.И. Кычанов и С.В. Волков (Ч. I. Древность); и др.]. — М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — 580, [1], [3] с.
- 152а. [Ч. I. Древность.] Введение // Там же. — С. 9–12.
- 152б. Древние цяны // Там же. — С. 51–54.
- 152в. Тангуты // Там же. — С. 237–247.
- 152г. Тибет // Там же. — С. 247–260.
153. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986 (История и культура востока Азии). — С. 94–98.
154. Основные каналы социальной мобильности в Китае при династиях Тан и Сун (VII–XII вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. — М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — С. 105–117.

155. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). — М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — 262, [2] с.
156. Предисловие // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимировца. 1884–1931. — М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — С. 3–9.
157. *Отв. ред.*: Рабство в странах Востока в средние века / Отв. ред. *О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — 503, [1] с.
- 157а. Введение // Там же. — С. 4–18.
- 157б. Собственность на людей в киданьском государстве Ляо (916–1124 гг.) // Там же. — С. 185–192.
- 157в. Собственность на людей в тангутском государстве Си Ся (982–1227 гг.) // Там же. — С. 218–239.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
158. Сказка о Маодунь-шаньюе и Огуз-кагане // ПП и ПИКНВ. XIX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), 1985 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — С. 102–105.
159. Тангуты о происхождении мира и человека // ПП и ПИКНВ. XX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), 1985 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — С. 128–133.
160. The Organization and Control of Embassies in 12th Century Hsi-Hsia — According to the Tangut Law Code / *Kuchanov E.I.* // *Bulletin of Sung-Yüan Studies* (宋遼金元). 1986. No. 18. — P. 4–12. — Англ. яз.

1987

161. Государственный контроль договоров купли-продажи в средневековом Китае (VII–XII вв.) // Государство в докапиталистических обществах Азии: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — С. 220–228.
162. Государственный контроль за деятельностью буддийских общин в Китае в период Тан–Сун (VII–XIII вв.) // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — С. 71–90.
163. Государство жуаньжуаней // ПП и ПИКНВ. XXI годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), 1987 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — С. 109–115.
164. Государство и буддизм в Си Ся (982–1227) // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — С. 130–145.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
165. Законы, регулировавшие ведение скотоводческого хозяйства в тангутском государстве Си Ся (XII–XIII вв.) // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — С. 38–52.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
- 166а. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. Кн. 1: Исследование / Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. *Е.И. Кычанова*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1988. — 464 с. (Памятники письменности Востока; LXXXI, 1).

- 166б. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. Кн. 2: Факсимиле, перевод и примечания (главы 1–7) / Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. *Е.И. Кычанова*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — 701, [2], [1] с. (Памятники письменности Востока; LXXXI, 2).
См. также № 179 (пер. на кит. яз.).
- 166в. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. Кн. 3: Факсимиле, перевод и примечания (главы 8–12) / Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. *Е.И. Кычанова*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1989. — 620, [1], [3] с. (Памятники письменности Востока; LXXXI, 3).
- 166г. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. Кн. 4: Факсимиле, перевод и примечания (главы 13–20) / Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. *Е.И. Кычанова*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1989. — 676, [1], [3] с. (Памятники письменности Востока; LXXXI, 4).
167. Тангутоведение в КНР: новые публикации // Восемнадцатая НК ОГК. Тезисы докладов. Ч. II. — М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — С. 201–205.
168. *Отв. ред.*: Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа) / Пер. с китайского, вступ. ст. и примеч. *Л.К. Павловской*; *Отв. ред. Е.И. Кычанов*. — М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — 144 с.
169. Ат-Тахлил ат-табақи — ал-фи’авй ли-муджтама‘ Тāнг (ал-қурӯн ас-сāби‘ ва-с-сāмин ва-т-тāси‘ ва-л-‘āшир) القرون السابع والثامن التحليل الطبقي — الفنوى لمجتمع تانغ (القرون السابع والثامن) والناسع والعاشر) / *Йифгэйний Китийāнўф* يفغينى كيتشانوف [Кычанов Е.] // Аш-Шарқ фй-л-қурӯн ал-вустā: ан-низām ал-иқтисādй ал-иджтимā‘й الاقتصادى فى القرون الوسطى النظام الاقتصادى الاجتماعى [Средневековый Восток: социально-экономический строй]. — М.: Дār «На’ўкā» “تأؤوكا” دار [Издательство «Наука»], Хай’ату тахрйр «Ал-‘Улӯм ал-иджтимā‘ййа ва-л-‘аср» “العلوم الاجتماعية والعصر” [Редакция «Общественные науки и современность»], 1987 (Силсилат «‘Илм ал-истишрāқ ас-сўфйатй» 6 6 «علم الاستشراق السوفيتى» [Серия «Советское востоковедение»; 6]). — С. 164–180. — Араб. яз.
См. также № 122 (источн. пер.).
170. Сися ванго чжун ды цзанцзу хэ цзанцзу вэньхуа 西夏王国中的藏族和藏族文化 [Тибетцы и тибетская культура в государстве Си Ся] / *Е.Л. Кэцянофу* ЕЛ·克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Сяо Вэи* 和小卫译 [Пер. Сяо Вэя] // Говай цзансюэ яньцзю ивэнь цзи (ди эр цзи) 国外藏学研究译文集(第二辑) [Собрание переводов зарубежных исследований по тибетологии (Вып. 2)]. — [Лхаса]: Сицзан жэньминь чубаньшэ 西藏人民出版社, 1987. — С. 150–159. — Кит. яз.
См. также № 102 (источн. пер.).
- 1988
171. Два этюда из истории Центральной Азии // Деятнадцатая НК ОГК. Тезисы докладов. Ч. II. — М.: Наука, ГРВЛ, 1988. — С. 53–57.

- Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. Кн. 1. — См. № 166а.
172. Ли и право // Этика и ритуал в традиционном Китае: Сб. ст. — М.: Наука, ГРВЛ, 1988. — С. 299–308.
173. Н.А. Невский и те трагические дни... / Кычанов Е. // Азия и Африка сегодня. 1988. № 12 (378). — С. 45–48.
См. также № 185 (пер. на порт. яз.), 186 (пер. на фр. яз.), 187 (пер. на англ. яз.).
174. О единстве дальневосточного культурного региона // III Всесоюзная конференция востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций [и] культур на Востоке»: Тезисы докладов и сообщений (Душанбе, 16–18 мая 1988 г.). Т. I. — М.: Наука, 1988. — С. 93.
175. Правила награждения героев в армии Си Ся // Languages and History in East Asia: Festschrift for Tatsuo Nishida on the Occasion of his 60th Birthday. — Kyoto: Shokado, 1988. — P. 119–135, (1)–(18) of pl.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
176. Рабство в странах Востока в средние века // Советское востоковедение: проблемы и перспективы [Материалы II Всесоюзной конференции востоковедов, проходившей в Баку 25–27 мая 1983 г.]. — М.: Наука, ГРВЛ, 1988. — С. 183–191.
177. Тангутская рукописная книга (вторая половина XII — первая четверть XIII в.) // Рукописная книга в культуре народов Востока (Очерки). Кн. 2. — М.: Наука, ГРВЛ, 1988 (Культура народов Востока: Материалы и исследования). — С. 373–422, 476–477, 484–487.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
178. Views of the Tanguts on the Origin of the World and Man / *Kyuchanov E.I.* // Tibetan Studies: Proceedings of the 4th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Schloss Hohenkammer — Munich 1985 / ed. by H. Uebach and J.L. Panglung. — München: Kommission für Zentralasiatische Studien, Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1988. (Studia Tibetica: Quellen und Studien zur tibetischen Lexikographie; Bd. II). — P. 245–248. — Англ. яз.
179. Сися фадянь: Тянь-шэн нянь гай цю дин синь люй лин (ди 1–7 чжан) 西夏法典 —— 天盛年改旧定新律令(第 1–7 章) [Кодекс Си Ся: Измененное и вновь утвержденное уложение законов годов Тянь-шэн (главы 1–7)] / Е.И. Кэцянофу э и Е.И. Кэцянофу 俄译 [Русск. пер. Е.И. Кычанова], Ли Чжунсань хань и Ли Чжунсань 汉译 [Кит. пер. Ли Чжунсаня], Ло Маокунь цзяодин 罗矛昆 校订 [Под ред. Ло Маокуня]. — Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 宁夏人民出版社, 1988. — [2], 16, 4, 212 с. — Кит. яз.
См. также № 166_б (источн. пер.).
- 179а. Хань ибэнь сюйянь 汉译本序言 [Предисловие к китайскому переводу] / Е.И. Кэцянофу Е.И. Кэцянофу [Кычанов Е.И.] // Там же. — С. 1–5. — Кит. яз.

1989

- Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. Кн. 3–4. — См. № 166в–166г.

180. О джунгарских отоках и анги // Двадцатая НК ОГК. Тезисы докладов. Ч. 2. — М.: Наука, ГРВЛ, 1989. — С. 157–160.
181. О переводе термина «бу» в старых китайских описаниях соседних с Китаем народов // ПП и ПИКНВ. XXII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), 1988 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1989. — С. 140–143.
182. Предисловие // Золото муравьев / *Пессель М.*; Пер. с фр. *О.Б. Грибкова*; Печ. с сокр.; предисл. проф. *Е.И. Кычанова*; илл. из оригинала. — М.: Мысль, 1989. — С. 3–17.
183. Тангутские источники о Хара-Хото // СНВ. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Кн. 3. — М.: Наука, ГРВЛ, 1989. — С. 170–179.
184. Forms and Right of Property in the China of the 7th–12th Centuries / *Kyuchanov Ye. I.* // *Oriental Studies in the USSR. Annual 1988 / Translated from the Russian; Editor-in-Chief L.B. Alayev.* — Moscow: Nauka Publishers, Central Department of Oriental Literature, 1989. — P. 171–183. — Англ. яз.
См. также № 148 (источн. пер.).
185. Nikolai Nevski e esses trágicos dias / *Kitchanov E.* // *Ásia e África hoje.* 1989. Março–Abril. № 2 (80). — Moscovo: [Edições Progresso], 1989. — P. 70–73. — Порт. яз.
См. также № 173 (источн. пер.).
186. Nikolaï Nevski et ces jours tragiques... / *Kytchanov E.* // *Asie et Afrique aujourd'hui.* 1989. mars–avril. № 2 (80). — Moscou: [Éditions du Progrès], 1989. — P. 72–75. — Фр. яз.
См. также № 173 (источн. пер.).
187. Nikolai Nevsky and Those Tragic Days / *Kyuchanov Ye.* // *Asia and Africa Today.* 1989. March–April. No. 2. — Moscow: [Progress Publishers], 1989. — P. 72–75. — Англ. яз.
См. также № 173 (источн. пер.).
188. Сяньгэй Сися вэньцзы чуанцзаочжэ ды сунши 献给西夏文字创造者的颂诗 [Ода в честь изобретателя тангутского письма] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Чжао Минмин* и 赵明鸣译 [Пер. Чжао Минмина], *Хуан Чжэньхуа* сяо 黄振华校 [Ред. Хуан Чжэньхуа] // *Чжунго миньцзу ши яньцзю (эр) 中国民族史研究(二) [Исследования по истории народов Китая (2)].* — Пекин: Чжунъян миньцзу сюэюань чубаньшэ 中央民族学院出版社, 1989. — С. 144–155. — Кит. яз.
- 1990
189. О ранней государственности у киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века: Сб. науч. тр. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990 (История и культура востока Азии). — С. 10–24.
190. Чингис-хан как личность // Двадцать первая НК ОГК. Тезисы докладов. Ч. 2. — М.: Наука, ГРВЛ, 1990. — С. 16–20.

191. Tangutische und chinesische Quellen zur Militärgesetzgebung des 11. bis 13. Jahrhunderts / *Kučanov E.I., Franke H.*; Vorgetragen in der Sitzung vom 2. Februar 1990. — München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, In Kommission bei der C.H. Beck'schen Verlagsbuchhandlung München, 1990. — 84, [1], [I], [72] S. (Abhandlungen; Neue Folge, Heft 104). — Нем. яз.
- 191a. Tangutische Militärgesetze / *Kučanov E.I.* // Там же. — S. 7–35. — Нем. яз.
- 191б. Glossar zum tangutischen Text / *Kučanov E.I.* // Там же. — S. 70–84. — Нем. яз.
- 191в. Faksimilia des tangutischen Texts / *Kučanov E.I.* // Там же. — S. 85, [I], [1]–[72]. — Нем. яз.
192. Цун цайцзи цзыляо кань Халахаотэ ды цянъби лютун 从采集资料看哈拉浩特的钱币流通 [Рассмотрение монетного обращения в Хара-Хото по материалам находок] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.], *Е.И. Лубо-Лесничицькэ* Е.И. 鲁勃—列斯尼钦科 [Лубо-Лесниченко Е.И.]; *Яо Шоминь* и 姚朔民 译 [Пер. Яо Шоминя] // Нэймэнгу цзиньжун яньцзю 内蒙古金融研究 = *Öbör Mongγol-un mönggün güilgegen-ü sudulul.* 1990 年. 第 8 期 (总第 115 期). — С. 41–45. — Кит. яз.
- См. также** № 51 (источн. пер.), 273 (переизд.).

1991

193. Аппарат управления у енисейских кыргызов (по китайским сведениям) // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии: Тезисы докладов и сообщений Межреспубликанской научной конференции, посвященной памяти В.А. Ромодина / Сост. *А.М. Мокеев, Т.Т. Маиранов.* — Бишкек: [Кыргызский гос. ун-т], 1991. — С. 64–66.
194. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха / Изд. 2-е, испр. и доп. — Бишкек: Кыргызстан, 1991. — 287, [1] с.
- См. также** № 63 (1-е изд.), 204 (3-е изд.; кирг.).
195. Заметки об аппарате управления государством в старом Китае // ПП и ПИКНВ. XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), 1989 г. Ч. I. — М.: Наука, ГРВЛ, 1991. — С. 185–188.
196. Император Великого Ся. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. — 159, [1] с. (Серия «Страны и народы»).
197. «Маха праджня парамита сутра» на тангутском языке // Двадцать вторая НК ОГК. Тезисы докладов. Ч. 3. — М.: Наука, ГРВЛ, 1991. — С. 55–63.

1992

198. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир / Изд. 2-е, с изм. — Алма-Ата: Жалын, 1992. — 128, [1] с., включ. 3-ю стор. обл.
- См. также** № 63 (1-е изд.).
199. Наставник императора в иерархии наставников в буддийском вероучении в тангутском государстве Си Ся (982–1227) // Научная конференция «Дальневосточный буддизм: История, философия, психология». Тезисы докладов /

- Сост. сб. *К.Ю. Солонин и Е.А. Торчинов.* — СПб.: [Андреев и сыновья], 1992. — С. 37–39.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
200. Право и личность в старом Китае // *Личность в традиционном Китае: Сб. ст.* — М.: Наука, ИФВЛ, 1992. — С. 117–140.
201. Тангутская мифология // *Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. [Т.] 2: К—Я / 2-е изд.; гл. ред. С.А. Токарев.* — М.: Сов. Энциклопедия, 1992. — С. 492–493.
См. также № 129 (1-е изд.).
202. Формы ранней государственности у народов Центральной Азии // *Северная Азия и соседние территории в средние века: Сб. науч. тр.* — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992 (История и культура востока Азии). — С. 44–67.

1993

203. Владимир Васильевич Горский (1819–1847) // *Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае.* — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 31–37.
204. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха / Изд. 3-е, испр. и доп. — Бишкек: Кыргызстан, 1993. — 287, [1] с.
См. также № 63 (1-е изд.), 194 (2-е изд.; кирг.).
205. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания».* — М.: Наука, ИФВЛ, 1993. — С. 148–156.
206. *Рец.: Н.С. Кулешов.* Россия и Тибет в начале XX века. М. Наука. 1992. 272 с. // *Вопросы истории.* 1993. № 11–12. — С. 170–171.
- 207a. The State of Great Xia (982–1227 A.D.) / *Kychanov E.I. // Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara Khoto (X–XIIIth century) / Fondazione Thyssen-Bornemisza, Villa Favorita, Lugano, 25 June–31 October 1993; Ed. by M. Piotrovsky; Translation M. Shotton.* — [Lugano]: Thyssen-Bornemisza Foundation; Milano: Electa, 1993. — P. 49–58.
- 207b. Introduction to the Documents from Khara Khoto / *Kychanov E.I. // Там же.* — P. 257.
- 207в. [Exhibition Catalogue Entry No.] ... // Там же.
... 72. Mahāratnakūṭasūtra (Da bao ji jing). — P. 258.
... 73. Fo shuo dao ming boruo boluomiduo jing. — P. 259.
... 74. Jingan boruo boluomiduo jing (Vajracchedikā-prajñāpāramitā 'sūtra'). — P. 260.
... 75. Unidentified Buddhist Text. — P. 261.
... 76. Sea of characters (Chinese: Wen hai). — P. 262–263.
... 77. Preface to the sūtra: Jin guang ming zui sheng wang jing (Suvāṇṇaprabhā sōttamarajasūtra). — P. 264.
... 78. Da ban nieban jing (Mahāparinirvāṇasūtra). — P. 265.
... 79. Fo shuo fo mu chu sheng san fa yang boruo boluomiduo jing (Daśasāhasrikaprajñāpāramitāsūtra). — P. 266.

- ... 80. Da boruo boluomiduo jing (Mahāprajñāpāramitāsūtra). — P. 267.
 ... 81. Sheng miao jixiang yhen shi ming jing (Āryamañjuśrīnāmasaṃgīti). — P. 268.
 ... 82. Mingzhou nü-wang-da-kong-jue jing (Mahāmāyūrīvidyārājñīsūtra). — P. 269.

1994

208. Жизнь Темучжина / Кычанов Е. // Звезда Востока: Ежемесячный литературно-художественный журнал писателей Узбекистана. 1994. ноябрь–декабрь. № 11–12. — С. 138–151.
209. Памятники тангутской письменности и тангутская культура // Петербургское востоковедение. Вып. 5. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. — С. 389–414.
См. также № 247 (неполн. пер. на кит. яз.: с нач. до предпол. абзаца с. 396), 308 (переизд. в сб. ст.).
210. *Рец.: S.G. Kljaštornyj & T.I. Sultanov: Kazachstan. Letopis' trech tysjačletij [„Kazachstan. Chronik dreier Jahrtausende“]. Alma-Ata, Centr „Kazachstan-Peterburg“, 1992, 375 S. Auflage: 100.000, ISBN: 5-625-02160-0 / Savinov D.G., Kučanov E.I. // CAJ. 1994. Vol. 38, No. 1. — S. 125–129. — Нем. яз.*

1995

211. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха / 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИФВЛ; Школа-Пресс, 1995. — 272, [1] с., включ. форзац.
См. также № 63 (1-е изд.).
212. «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)» государства Си Ся как источник по истории практики обмена посольствами на Дальнем Востоке в XI–XII вв. // ИИИСАА. Вып. XVI. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. — С. 88–102.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
213. Тангутская энциклопедия «Море значений, установленных святыми» (1182 г.) об отношениях и обязанностях родственников // Кюнеровские чтения, 1993–1994 гг.: Крат. содерж. докл. — СПб.: [МАЭ РАН], 1995. — С. 70–73.
214. Тангутский миф о Белом журавле и Солнцебедрой девушке // Кюнеровские чтения, 1993–1994 гг.: Крат. содерж. докл. — СПб.: [МАЭ РАН], 1995. — С. 5–7.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
- 215а. Тангутское государство Си Ся (982–1227) // История Востока в шести томах. Т. 2: Восток в средние века. — М.: ИФВЛ, 1995. — С. 320–327.
- 215б. Монголия во второй половине XII — начале XIII в. Возвышение Чингисхана и создание единого монгольского государства // Там же. — С. 369–375.
- 215в. Завоевательные войны Чингисхана // Там же. — С. 375–384.
216. Чингис-хан // КЭТ. 1995. Вып. 7. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1995. — С. 5–20.

217. Wen-hai Bao-yun: the Book and its Fate / *Kychanov E.* // MO. 1995. July. Vol. 1, No. 1. — P. 39–45. — Англ. яз.
218. Unique Tangut Manuscripts on Moral and Ethical Regulations in the Tangut Society / *Kychanov E.I.* // MO. 1995. October. Vol. 1, No. 2. — P. 3–8. — Англ. яз.
219. Шэнли и хай яньцзю 聖立義海研究 [Исследование «Моря значений, установленных святыми»] / *Кэцянофу* 克恰諾夫 [Кычанов Е.И.], 李範文 *Ли Фаньвэнь*, 羅矛昆 *Ло Маокунь*. — Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 寧夏人民出版社, 1995. — [4], 1, [1], 1, [1], 94, [1] с. — Кит. яз.
- 219а. Гуань юй Сися вэнь вэньсянь «Шэнли и хай» яньцзю ды цзигэ вэньти 關於西夏文獻《聖立義海》研究的幾個問題 [О некоторых вопросах изучения памятника тангутской письменности «Море значений, установленных святыми»] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰諾夫 [Кычанов Е.И.]; *Юй Хаодун* 俞灝東, *Ян Сюцинь* 楊秀琴, *Ло Маокунь* и 羅矛昆 譯 [Пер. Юй Хаодуна, Ян Сюциня, Ло Маокуня] // Там же. — С. 1–28. — Кит. яз.

1996

220. Два тангутских этюда // КЭТ. 1996. Вып. 10. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — С. 5–10.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
221. Михаил Васильевич Воробьев (1922–1995) // Петербургское востоковедение. Вып. 8. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — С. 669–672.
222. Освоение китайцами юго-восточных территорий Китая до воцарения династии Тан (по материалам «Гуандун тунчжи») // Проблемы истории, филологии, культуры: Межвуз. сб. Ч. 1. История. Вып. III. — М.–Магнитогорск: [Изд-во Магнитог. гос. пед. ин-та], 1996. — С. 162–166.
223. Тангутские тетради // На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии // Петербургское востоковедение. Вып. 8. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — С. 508–520.
224. Tangut / *Kychanov E.I.* // *The World's Writing Systems* / Ed. by *P.T. Daniels, W. Bright*. — New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. — P. 228–230, 237. — Англ. яз.
- 225а. Цяньянь 前言 / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰諾夫 [Кычанов Е.И.]; *Чэнь Пэн* и 陳鵬譯 (Пер. Чэнь Пэна), *Хуан Чжэньхуа* сяо 黃振華校 [Ред. Хуан Чжэньхуа] // Э цан Хэйшуйчэн вэньсянь 俄藏黑水城文獻 = Элосы кэсюэюань Дунфан яньцзюсо шэнбидэбао фэньсо цан Хэйшуйчэн вэньсянь 俄羅斯科學院東方研究所聖彼得堡分所藏黑水城文獻, [Т.] 1: Ханьвэнь буфэнь 漢文部分: ТК1–ТК10. — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 1996. — С. 1–17, разд. паг. — Кит. яз. — *Парал. тит. л., загл. и текст на кит. (№ 225а), рус. (№ 225б) и англ. (№ 225в) яз.*
См. также № 225б (источн. пер.).
- 225б. Введение // Памятники письменности из Хара-Хото, хранящиеся в России = Памятники письменности из Хара-Хото хранящиеся в Санкт-Петербургском Филиале Института востоковедения РАН [т.] 1: Коллекции части китайского

языка: ТК1–ТК10. — Шанхай: Шанхайское издательство «Древняя книга», 1996. — С. 1–20, разд. паг.

См. также № 225а (пер. на кит. яз.), 225в (пер. на англ. яз.).

225в. Preface / *Kychanov E.I.*; Translated by *Ruth W. Dunnell* // Heishuicheng Manuscripts Collected in Russia = Heishuicheng Manuscripts Collected in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1: Chinese Manuscripts: ТК1–ТК10. — Shanghai: Shanghai Chinese Classics Publishing House, 1996. — P. 1–25, разд. паг. — Англ. яз.

См. также № 225б (источн. пер.).

1997

226. Взятка в тангутском праве (XII–XIII вв.) // КЭТ. 1997. Вып. 11. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — С. 53–57.

См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).

227. Корея в системе международных отношений в Восточной Азии (VI–XII вв.) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — С. 107–116.

228. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М.: ИФВЛ, 1997. — 317, [1], [2] с.

См. также № 326 (2-е изд.).

229. Море значений, установленных святыми. Факсимиле ксилографа / Изд. текста, предисл., пер. с тангутского, коммент. и прилож. *Е.И. Кычанова*. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — 329, [1] с. (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия; IV).

229а. Вместо предисловия // Там же. — С. 9–95.

230. О некоторых особенностях развития Китая // XXVIII НК ОГК. Тезисы и доклады. Ч. II. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997 (1998). — С. 459–462.

231. Образ Китая в России XVII в. // Вестник Восточного института = Acta Institutionis Orientalis. 1997. Т. 3, № 2 (6). — СПб.: [б. и.], [1997]. — С. 70–80.

232. Тангутский апокриф о встрече Конфуция и Лао-цзы // XIX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. 8–10 апреля 1997 г. Тезисы докладов. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — С. 82–84.

233. “The Altar Record on Confucius’ Conciliation”, an Unknown Tanguit Apocryphal Work / *Kychanov E.I.* // МО. 1997. November. Vol. 3, No. 3. — P. 3–7. — Англ. яз.

1998

234. Аккультурация как путь к ассимиляции (на примере тангутов Си Ся, X–XIII вв.) // Кюнеровские чтения, 1995–1997 гг.: Крат. содерж. докл. — СПб.: [МАЭ РАН], 1998. — С. 7–10.

235. Субутай-богатур // Кюнеровские чтения, 1995–1997 гг.: Крат. содерж. докл. — СПб.: [МАЭ РАН], 1998. — С. 43–46.

236. In Memoriam: Анатолий Павлович Терентьев-Катанский (29 июля 1934 — 22 февраля 1998) / *Кычанов Е.И., Меньшиков Л.Н., Кепинг К.Б.* // КЭТ. 1998. Вып. 12. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. — С. 429–430.
237. Tangut Buddhist Books: Customers, Copyists, and Editors / *Kuchanov E.I.* // MO. 1998. September. Vol. 4, No. 3. — P. 5–9. — Англ. яз.
238. The Editorial Board of *Manuscripta Orientalia* dedicates this volume to Professor Nishida Tatsuo, outstanding scholar in the field of linguistics and Tangut studies, on the occasion of his 70th birthday / *Kuchanov E.I.* // MO. 1998. September. Vol. 4, No. 3. — P. 3–4. — Англ. яз.
239. The Lotus Sutra and Its World: Buddhist Manuscripts of the Great Silk Road. Manuscripts and block prints from the collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies = 『法華経とシルクロード』展: 東洋学研究所 (サンクトペテルブルク) 所蔵の仏教文献遺産; Venue: Soka Gakkai Josei Toda International Center, Tokyo; Period: November 10–30, 1998 = 開催期間: 1998年11月10日~30日; 会場: 戸田記念国際会館(東京都) / Supervisors: *Evgenij I. Kuchanov, Daisaku Ikeda* = 監修: 池田大作, エヴゲーニ I. Кチャーノф. — [St. Petersburg]: St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies; [Tokyo]: Institute of Oriental Philosophy, [1998]. — [2], 42 p. — Каталог выставки. — Парал. текст на англ. и яп. яз.
См. также № 256 (изд. на нем. и англ. яз., с изм.).
- 239а. Acknowledgments / *Kuchanov E.I., Petrosyan Yu.A.* // Там же. — P. 3. — Англ. яз.
См. также № 239б (пер. на яп. яз.), 256а (переизд. с незначит. изм.), 256б (пер. № 256а на нем. яз.).
- 239б. Айсацу 挨拶 [Приветствие] / *Эвугэни I. Кутянофу* エヴゲーニ I. Кチャーノф [Е.И. Кычанов], *Юри А. Пэгорсян* ユーリ А. Петросьян [Ю.А. Петросян] // Там же. — P. 3. — Яп. яз.
См. также № 239а (источн. пер.).
- 239в. Introduction / *Vorobyova-Desyatovskaya M.I., Kuchanov E.I., Menshikov L.N., Tyomkin E.N.* // Там же. — P. 5–10. — Англ. яз.
См. также № 239г (пер. на яп. яз.), 256в (переизд. с незначит. изм.), 256г (пер. № 256в на нем. яз.).
- 239г. Дзёрон 序論 [Введение] / *М.И. Воробиева-Десятофусукая* М.И. ヴォロビョヴァ=デシヤトフスカヤ [Воробьева-Десятовская М.И.], *Е.И. Кутянофу* Е.И. Кチャーノф [Кычанов Е.И.], *Л.Н. Мэнсикофу* L. N. メンシコフ [Меньшиков Л.Н.], *Е.Н. Тёмукин* Е.Н. チョムキン [Темкин Е.Н.] // Там же. — P. 5–10. — Яп. яз.
См. также № 239в (источн. пер.).
240. The Tangut Hsi Hsia kingdom (982–1227) / *Kuchanov Y.I.* // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. IV: The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part One: The historical, social and economic setting / Ed.: *M.S. Asimov and C.E. Bosworth*. — Paris: UNESCO Publishing, 1998. (Multiple History Series). — P. 206–214, 427 (map). — Англ. яз.
См. также № 246 (1-е инд. изд.).

The Uighurs, the Kyrgyz and the Tangut (eighth to the thirteenth century) / *D. Sinor, Geng Shimin and Y.I. Kychanov.* — **См. № 240.**

1999

241. Владыка Востока Чингис-хан // Преподавание истории в школе: научно-теоретический и методический журнал. 1999. № 1. — С. 13–19.

242. Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук / Сост. *Е.И. Кычанов*; Вступ. статья *Т. Нусида*; изд. подгот. *С. Аракава*; отв. ред. *Т. Нусида*. — [Киото]: Университет Киото, 1999. — XLIX, [1], [2], 792, [4], [1] с.

242а. Введение // Там же. — С. 1–31.

См. также № 338 (неполн. пер. на кит. яз.: с. 13–31).

243. О некоторых проблемах национальной политики в КНР // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики, 27–28 октября 1999 г. / Вост. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, адм. СПб. — СПб.: [б. и.], 1999. — С. 34–37.

244. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане / 2-е изд., испр. и доп. — Элиста: Калм. книжное изд-во, 1999. — 207, [1] с.

См. также № 112 (1-е изд.).

245. Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами // ИИИСАА. Вып. XVIII: [Межвуз. сб.]. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 160–169.

246. The Tangut Hsi Hsia kingdom (982–1227) / *Kychanov Y.I.* // History of civilizations of Central Asia. Vol. IV: The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part One: The historical, social and economic setting / Ed.: *M.S. Asimov and C.E. Bosworth*; First Indian Edition. — Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 1999. — P. 206–214, 427 (map). — Англ. яз.

См. также № 240 (1-е изд.).

The Uighurs, the Kyrgyz and the Tangut (eighth to the thirteenth century) / *D. Sinor, Geng Shimin and Y.I. Kychanov.* — **См. № 246.**

247. Дансянжэнь ды гувэньцзы юй вэньхуа 党项人的古文字与文化 [Древняя письменность и культура дансянов] / *Е.Н. Кэцянофу* EN·克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *У Юэин* и 吳月英 译 [Пер. У Юэин] // Нинся дан сяо сюэбао 宁夏党校学报. 1999年. 第5期 (总第5期). — С. 57–60. — Кит. яз. — *В имени автора ошибка*: Е.Н.

См. также № 209 (источн. пер.; с нач. до предпол. абзаца с. 396).

248. «Хокэкё»-то Сэйка ёкоку 『法華経』と西夏王国 [«Лотосовая сутра» и государство Си Ся] / *Эвугэний I. Кутянофу* エヴゲーニイ・I・クチャーノフ [Кычанов Е.И.]; *Эгути Мицуру* 江口満 訳 [Пер. Эгути Мицуру] // Тōё гакудзюцу кэнкю 東洋学術研究. 1999. 第38卷第1号 (通卷142号) = The Journal of Oriental Studies. 1999. Vol. 38, No. 1. — С. 31–45. — Яп. яз.

См. также № 257 (на англ. яз.).

2000

249. Аккультурация как путь к ассимиляции (на примере тангутов Си Ся, XIII–XVI вв.) // Восток: история и культура: Профессору Ю.А. Петросяну к 70-летию со дня рождения. — СПб.: Наука, 2000. — С. 101–107.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
250. Восточноазиатская цивилизация — некоторые вопросы формирования, бытования, перспективы // Международная научная конференция «Восточная Азия — Санкт-Петербург — Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества», 2–6 октября 2000 г. Тезисы и доклады. — СПб.: Фонд восточных культур, 2000. — С. 3–5.
251. Ертөнцийг эзэгнэн дагуулсан Тэмүжиний үйл амьдрал [Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир] / Орчуулсан Ч. Баатар; Хянан тохиолдуулсан Н. Ням-Осор, С. Одхүү. — Улаанбаатар: Урлах эрдэм хэвлэлийн газар, 2000. — 150 хууд. (Чингис Хаан ЦУВРАЛ-2). — Монг. яз.
См. также № 63 (источн. пер.).
252. Запись у алтаря о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи / Изд. текста, пер. с тангутского, вступ. ст., коммент. и словарь Е.И. Кычанова. — М.: ИФВЛ, 2000. — 151, [1] с. (Памятники письменности Востока; СХVII).
- 252а. Неизвестный текст о беседе Конфуция с даосом // Там же. — С. 10–42.
См. также № 323а (пер. на кит. яз.).
253. «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // ИИИСАА. Вып. XIX: [Межвуз. сб.]. — [СПб.]: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. — С. 146–157.
254. Кочевое государство // «У времени в плену». Памяти Сергея Сергеевича Цельникера: Сб. ст. — М.: ИФВЛ, 2000. — С. 73–89.
255. Тангутская текстология // История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э.В. Шавкунова. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. — С. 98–104.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).
256. Buddhistische Manuskripte der Großen Seidenstraße: Das Lotussutra und seine Welt. Manuskripte und Blockdrucke (1.–19. Jh. n. Chr.) aus der Sammlung der St. Petersburger Abteilung des Institute of Oriental Studies der Russischen Akademie der Wissenschaften: [Ausstellung]. Katalog; Ausstellungsort: Österreich: Österreichische Nationalbibliothek, Wien, Dauer: 25. März bis 24. April 2000; Deutschland: Herzog-August-Bibliothek, Wolfenbüttel, Dauer: 5. Mai bis 28. Mai 2000 / Direktion: *Evgenij I. Kychanov, Daisaku Ikeda*; This Catalog is a special issue of the organ newspapers “FORUM” (SGI-D) and “Dialog” (ÖSGI). — [St. Petersburg; Tokyo; Wien]: [St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Institute of Oriental Philosophy; SGI-D; ÖSGI], [2000] (Wien: PPZ Wien). — [2], 26 S. — Каталог выставки. — Парал. текст на англ. и нем. яз.
См. также № 239 (1-е изд. на англ. и яп. яз.).
- 256а. Acknowledgments / *Kychanov E.I., Petrosyan Yu. A.* // Там же. — S. 2. — Англ. яз.
См. также № 239а (1-е изд.), 256б (пер. на нем. яз.).

- 256б. Geleitworte / *Kychanov E.I., Petrosyan Yu. A.* // Там же. — S. 2. — Нем. яз.
См. также № 256а (источн. пер.).
- 256в. Introduction / *Vorobyova-Desyatovskaya M., Kychanov E., Menshikov L., Tyomkin E.* // Там же. — S. 4–8. — Англ. яз.
См. также № 239в (1-е изд.), 256г (пер. на нем. яз.).
- 256г. Einleitung / *Vorobyova-Desyatovskaya M.I., Kychanov E.I., Menshikov LN., Tyomkin E.N.* // Там же. — S. 4–8. — Нем. яз.
См. также № 256в (источн. пер.).
257. The State and the Buddhist Sangha: Xixia State (982–1227) / *Kychanov E.I.*; Tr. by *E. Gavrilova* // *The Journal of Oriental Studies*. 2000. Vol. 10. — P. 119–128. — Англ. яз.
См. также № 248 (на яп. яз.), 331 (пер. на кит. яз.).

2001

258. Тангутский документ № 8203 // *Issues in Eurasian Languages (I): On the Materials from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences* / ed. by *Shōgaito Masahiro, Fujishiro Setsu*. — Kyoto: Department of Linguistics, Faculty of Letters, Kyoto University, 2001. (Contribution to the Studies of Eurasian Languages Series = CSEL Series; 3). — P. 9–20.
См. также № 293 (1-й пер. на кит. яз.), 333 (2-й пер. на кит. яз.), 308 (переизд. в сб. ст.).
259. Тибетский ученый о происхождении тибетцев // *Кюнеровские чтения (1998–2000): Крат. содерж. докл.* — СПб.: [МАЭ РАН], 2001. — С. 107–111.
260. Nomads in the Tangut State of Hsi-Hsia (982–1227 AD) / *Kychanov E.I.* // *Nomads in the Sedentary World* / Ed. by *A.M. Khazanov and A. Wink*. — Richmond, Surrey: Curzon Press, 2001. (Curzon-IIAS Asian Studies Series). — P. 191–210.

2002

261. *Отв. ред.*: Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / Пер. с монг., коммент. и исслед. *А.Д. Насилова*; отв. ред. *Е.И. Кычанов*. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. — 159, [1] с. (Серия «Orientalia»).
262. Галдан бошгот хааны тухай хүүрнэл [Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане] / Орос хэлнээс орчуулсан *Х. Цэдэв, Р. Батдэлгэр*; Орчуулгын редактор *Х. Цэдэв*; Түүхийн зөвлөх *А. Баасанхүү, Д. Ширэндэв*. — Улаанбаатар хот: «ЭКИМГО» ХХК, 2002. — 202 хууд. — Монг. яз.
См. также № 112 (источн. пер.).
263. Государство Великое Ся (982–1227 гг.) и его культура // *СНВ. Вып. XXXI: Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 6.* — М.: ИФВЛ; СПб.: Наука, 2002. — С. 66–81.
См. также № 308 (переизд. в сб. ст.).

264. Звучат лишь письма: Очерк об исследователях тангутской цивилизации / [2-е изд.]. — Рыбинск, [б. и.], 2002 (ОАО «Рыбинский Дом печати»). — 122, [2] с.
См. также № 28 (1-е изд.).
265. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. — М.: ИФВЛ, 2002. — С. 75–83.
266. Санкт-Петербургскому филиалу Института востоковедения Российской академии наук — 180 лет // Петербургское востоковедение. Вып. 10. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. — С. 13–22.
267. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. — Казань: Мастер Лайн, 2002. — С. 30–42.
- 268а. Свен Гедин: эпизод из путешествия 1893–1902 гг. // Петербург — Окно на Восток, 1809–1914 гг. XII российско-финляндские гуманитарные чтения. Санкт-Петербург, 24–25.10.2002. Программа и тезисы. — Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti = Институт России и Восточной Европы, 2002. — С. 27. — *Парал. текст на рус. (№ 268а) и фин. (№ 268б) яз.*
См. также № 268б (пер. на фин. яз.).
- 268б. Sven Hedin: episodi vuosien 1893–1902 matkalta / *Kytšanov J. I.* // Pietari — Ikkuna itään 1809–1914. XII suomalais-venäläinen humanistisen alan seminaari Pietarissa 24–25.10.2002. Ohjelma ja esitelmien lyhennelmät / Käännökset: *E. Hämäläinen, M. Tuominen.* — Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti, 2002. — P. 28. — Фин. яз.
См. также № 268а (источн. пер.).
269. У Цзин «Чжэнь-гуань чжэн яо» Сися ибэнь цань е као 吴兢《贞观政要》西夏译本残叶考 [Изучение фрагмента тангутского перевода «Чжэнь-гуань чжэн яо» У Цзина] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Сунь Инсинь* и 孙颖新 译 [Пер. Сунь Инсиня] // Гоцзя тушугуань сюэкань 国家图书馆学刊 = Journal of the National Library of China. 2002-нянь цзэнкань: Сися яньцзю чжуаньхао 2002 年增刊: 西夏研究专号. — Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ 北京图书馆出版社, 2002. — С. 68–72. — Кит. яз.
См. также № 279 (незначит. перераб. изд. на рус. яз.).

2003

270. Величие и падение Киргизского каганата (К выходу в свет второго тома «Материалов по истории кыргызов и Кыргызстана по китайским источникам» на кыргызском и русском языках) / *Кычанов Е.* // Слово Кыргызстана: Общациональная газета. 2003. 4 ноября, вторник. № 120 (21600). — С. 11.
271. Из истории становления Н.А. Невского как ученого (учителя и современники) // Вестник Рыбинского отделения Русского исторического общества, № 2 / Сост. *Ю.И. Чубукова*; В надзагл.: Памяти ученого-востоковеда Невского Николая Александровича посвящается... — Рыбинск: ОАО «Рыбинский Дом печати», 2003. — С. 42–46.

272. Собрание памятников восточной письменности в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга / Сост. Ю.А. Петросян и Е.А. Иванова. — СПб.: Наука, 2003. — С. 331–372.
273. Цун цайцзи цзыляо кань Халахаотэ ды цянъби лютун 从采集资料看哈拉浩特的钱币流通 [Рассмотрение монетного обращения в Хара-Хото по материалам находок] / Е.И. Кэцянофу Е-И-克恰诺夫 [Кычанов Е.И.], Е.И. Лубо-Лесыничинькэ Е-И-鲁勃—列斯尼钦科 [Лубо-Лесниченко Е.И.]; Яо Шоминь и姚朔民译 [Пер. Яо Шоминя] // «Нэймэнгу цзиньжун яньцзю» цянъби вэньцзи 《内蒙古金融研究》钱币文集. 第三辑 : (总第 17–58 期) (1989.7–1992). — Хух-Хото: Нэймэнгу цзычжишуй цянъби сюэхуй 内蒙古自治区钱币学会, 2003. — С. 30-2–30-6. — Кит. яз.
См. также № 192 (1-е изд.), 51 (источн. пер. № 192).
- 2004
274. Рец.: Агван Доржиев. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография). Факсимиле рукописи. Перевод с монгольского А.Д. Цендиной. Транслитерация, предисловие, комментарий, глоссарий и указатели А.Г. Сазыкина и А.Д. Цендиной. Памятники письменности Востока. СХХХIII. М.: Вост. лит., 2003. — 160 с. // Письменные памятники Востока. 2004, весна–лето. № 1. — С. 252–253.
275. Властители Азии. — М.: ИФВЛ, 2004. — 631, [1] с.
276. Война Тибета с Танским Китаем // ИИИСАА. Вып. XX: [Межвуз. сб.]. — [СПб.]: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. — С. 111–127.
277. Некоторые замечания о праве кочевых государств // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2004. — С. 484–491.
278. Несколько предварительных замечаний по поводу тангутского текста «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» // Письменные памятники Востока. 2004, весна–лето. № 1. — С. 147–159.
См. также № 308 (перезд. в сб. ст.), 330 (пер. № 308 на кит. яз.).
279. Фрагменты перевода на тангутский (Си Ся) язык сочинения У Цзина «Чжэньгуань чжэн яо» // ИИИСАА. Вып. XXII: [Межвуз. сб.]. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. — С. 75–83.
См. также № 269 (первонач. изд. на кит. яз.), 308 (перезд. в сб. ст.), 332 (пер. № 308 на кит. яз.).
280. Turfan und Xixia / Куѷанов Е.И.; Aus dem Russischen übersetzt von T. Möckel // Turfan Revisited — The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road / Ed. by D. Durkin-Meisterernst, S.-Ch. Raschmann J. Wilkens M. Yaldiz P. Zieme. — Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004. (Monographien zur Indischen Archäologie, Kunst und Philologie; Bd. 17). — S. 155–158. — Нем. яз.
281. «И тун и лэй» чу тань 《義同一類》初探 [«Собрание синонимов и слов одной категории»: предварительные разыскания] / Кэцянофу 克恰诺夫 [Кыча-

нов Е.И.]; *Чжан Пэйци* нюйши фаньши 張珮琪女士翻譯 [Пер. Чжан Пэйци] // Хань-Цзан юй яньцзю: Гун Хуанчэн сяньшэн ци чжи шоу цин луньвэнь цзи 漢藏語研究: 龔煌城先生七秩壽慶論文集 = Studies on Sino-Tibetan Languages: Papers in Honor of Professor Hwang-cherng Gong on His Seventieth Birthday. — Тайбэй: Чжунян яньцзю юань, Юйяньсюэ яньцзюсо 中央研究院 語言學研究所 = Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2004. («Юйянь цзи юйяньсюэ» чжуанькань вай бянь чжи 4 《語言暨語言學》專刊外編之四 = Language and Linguistics Monograph Series Number W-4). — С. 451–455. — Кит. яз.

2005

282а. Вступление // Текст Сутры Лотоса на тангутском (Си Ся) языке из коллекции Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук; 𑖀𑖄𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉 / Под ред. Тацуо Нисида. — СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук; Токио: Сока Гаккай, 2005. (Серия манускриптов Сутры Лотоса; № 6). — С. ххv–ххvii. — *Парал. тит. л., загл. и текст на яп. (№ 282б), рус. (№ 282а) и англ. (№ 282в) яз.*

См. также № 282б (пер. на яп. яз.), 292 (переизд. № 282б), 282а (пер. на англ. яз.), 291 (переизд. № 282в).

282б. Хаккан-ни ёсэтэ 発刊によせて [К выходу издания в свет] / *Эвугэний I. Кутянофу* エヴゲーニイ・I・クチャーノフ [Е.И. Кычанов] // Росиа кагаку акадэмй Тбёгаку кэнкюдзё Санкуто-Пэтэрубуруку сибу сёдзё Сэйкабун «Мёхорэнгэкё» сясинбан (Кумарадзйба яку тайсё) ロシア科学アカデミー東洋学研究所サントペテルブルク支部所蔵 西夏文「妙法蓮華経」写真版 (鳩摩羅什訳対照) [Фоторепродукция «Сутры Лотоса» на тангутском (Си Ся) языке из коллекции Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук ([включая] сопоставление с [китайским] переводом Кумарадживы)]; 𑖀𑖄𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉 / *Нисида Тацуо* хэн 西田龍雄編 [Под ред. Тацуо Нисида]. — СПб.: Росиа кагаку акадэмй Тбёгаку кэнкюдзё Санкуто-Пэтэрубуруку сибу ロシア科学アカデミー東洋学研究所サントペテルブルク支部; Токио: Сёка Гаккай 創価学会, 2005. (Хокэкё сяхон сирйдзу 法華経写本シリーズ; 6). — С. ххix–ххxi. — Яп. яз.

См. также № 282а (источн. пер.), 292 (переизд.).

282в. Preface / *Kychanov E.I.* // Xixia Version of the Lotus Sutra from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 𑖀𑖄𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉 / Ed. by *Tatsuo Nishida*. — St. Petersburg: St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Токио: Soka Gakkai, 2005. (Lotus Sutra Manuscript Series; 6). — P. ххxiii–ххxv. — Англ. яз.

См. также № 282а (источн. пер.), 291 (переизд.).

283. История Тибета с древнейших времен до наших дней / *Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* — М.: ИФВЛ, 2005. — 351, [1] с.

284. Карлук Боянь Цзундао — юаньский конфуцианец // Тюркологический сборник 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. — М.: ИФВЛ, 2005. — С. 145–151.

285. Книга из мертвого города Хара-Хото как источник по истории книгопечатания // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития: Сб. ст. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. — С. 65–72, [1] с. вкл.
286. М.В. Воробьев — Ученый // Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева: К 10-летию со дня кончины [Сборник материалов] / Сост. Л.В. Зенина, К.Н. Копылова. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. — С. 23–34.
287. От «большого набора» до начала «большого разгона» // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. — С. 279–287
288. Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь. Экспериментальный экземпляр / Сост. Е.И. Кычанов; Со-сост. С. Аракава. — Киото: Филологические науки, Университет Киото, 2005. — xii, 752, [1] с. = Tangut Dictionary. Tangut-Russian-English-Chinese Dictionary / Ed. E.I. Kuchanov; Co-ed. S. Arakawa. — Kyoto: Department of Linguistics, Faculty of Letters, Kyoto University, 2005. — xii, 752, [1] p.
См. также № 32а—32в (источн. публ.), 301.
- 288а. Предисловие // Там же. — С. v–xii.
289. Судьбы культуры тангутов и культуры Си Ся // Кюнеровские чтения (2001–2004): Крат. содерж. докл. — СПб.: МАЭ РАН, 2005. — С. 97–102.
290. «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань» (1101–1113) / Вступительная статья и перевод с тангутского // Письменные памятники Востока. 2005. весна—лето. № 1(2). — С. 5–34.
291. Preface / Kuchanov E.I.; Publication of the Xixia Version of the Lotus Sutra from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences // The Journal of Oriental Studies. 2005. December. Vol. 15. — P. 162–166. — Англ. яз.
См. также № 282в (1-е изд.), 282а (источн. пер. № 282в).
292. Хаккан-ни ёсэтэ 発刊によせて [К выходу издания в свет] / Эвугэний I. Кутянофу Эвугэ-ни-И-Кучяно-Фу [Кычанов Е.И.]; Росиа кагаку акадэмй Тōёгаку кэнкюдзё Санкуто-Пэтэрубуруку сибу сёдзō «Сэйкабун „Мёхōрэнгэкэ“ сясинбан (Кумарадзйба яку тайсё)» ёри ロシア科学アカデミー東洋学研究所 Санкт-Петербурク支部所蔵『西夏文「妙法蓮華経」写真版 (鳩摩羅什訳対照)』より = Publication of the Xixia Version of the Lotus Sutra from the Collection of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Мидзуфунэ Нориёси 水船教義, Накадзато Маки яку 中里真紀 訳 [Пер. Мидзуфунэ Нориёси, Накадзато Маки] // Тōё гакудзюцу кэнкю 東洋学術研究. 2005. 第 44 卷第 1 号(通卷 154 号) = The Journal of Oriental Studies. 2005. Vol. 44, No. 1. — С. 244–240; или встреч. паг. С. (9)–(13). — Яп. яз.
См. также № 282б (1-е изд.), 282а (источн. пер. № 282б).

293. Хэйшуйчэн чуту Сися вэнь ди 8203 хао вэньшу и ши 黑水城出土西夏文第 8203 号文书译释 [Перевод и комментирование тангутского документа № 8203, найденного при раскопках в Хара-Хото] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Цуй Хунфэнь* 崔红芬, *Вэнь Чжиюн* 文志勇 译 [Пер. Цуй Хунфэня, Вэнь Чжиюна] // *Нинся дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуй кэсюэ бань)* 宁夏大学学报(人文社会科学版). 2005 年. 第 27 卷, 第 5 期 (总第 128 期). — С. 49–52. — Кит. яз.
См. также № 258 (источн. пер.), 333 (2-й пер. № 258 на кит. яз.).

2006

294. Билики Чингис-хана // *Письменные памятники Востока*. 2006, осень–зима. № 2(5). — С. 210–216.
295. Государство Чингис-хана как воплощение идей и традиций кочевой государственности // *Mongolica: An International Annual of Mongol Studies*. 2006. Vol. 18 (39): A Special Issue Containing the Papers of the 9th International Congress of Mongolists Convened Under the Patronage of N. Enkhbayar, President of Mongolia (8–12 August, 2006, Ulaanbaatar). — Ulaanbaatar: Secretariat of the International Association for Mongol Studies, 2006. — С. 49–56.
296. *Науч. ред.*: Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Подгот. к изд., предисл., введ., коммент. и указ. *И.В. Кульганек, В.Ю. Жукова*; Науч. ред. *Е.И. Кычанов*. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 399, [1], [8], [2], [2] с. (Архив Российского востоковедения).
297. Источник по истории тибетского права в китайском переводе // *Письменные памятники Востока*. 2006, весна–лето. № 1(4): К 80-летию со дня рождения Л.Н. Меньшикова. — С. 239–243.
298. Люди и боги Страны снегов. Очерки истории Тибета и его культуры / *Кычанов Е.И., Савицкий Л.С.*; [2-е, испр. и доп. изд.]. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 431, [1] с., [2], [14] с. вкл. (Мифы, эпос, религии Востока. Bibliotheca Universalis).
См. также № 80 (1-е изд.).
299. *Отв. ред.*: Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. / *Пан ТА.*; Отв. ред. *Е.И. Кычанов*. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 204, [20], [3], [1] с. (Orientalia).
300. Первый раз в Китае // Санкт-Петербург — Китай. Три века контактов (сборник научно-информационных материалов, посвященный Неделе Санкт-Петербурга в Шанхае в рамках Года России в Китае). — СПб.: Европейский Дом, 2006. — С. 301–315.
См. также № 314 (пер. на кит. яз.).
301. Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. *Е.И. Кычанов*; Сосост. *С. Аракава*. — Киото: Филологические науки, Университет Киото, 2006. — xv, [1], 780, [1] с. = Tangut Dictionary. Tangut-Russian-English-Chinese Dictionary / Ed. *Е.И. Kuchanov*;

Co-ed. *S. Arakawa*. — Kyoto: Faculty of Letters, Kyoto University, 2006. — xv, [1], 780, [1] p.

См. также № 32а—32в (источн. публ.), 288 (эксп. экз.).

301а. Предисловие // Там же. — С. v–xii.

2007

302. Азиатский музей Академии наук — мост между Востоком и Западом // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Труды конференции. Т. III: Восток–Запад на берегах Невы. Ч. 1 / Третья Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». — СПб.: Рериховский центр С.-Петербур. гос. ун-та, 2007. — С. 243–250.

303. Легенды о происхождении правящего дома и проблемы родства древних этносов // Проблемы общей и региональной этнографии (К 75-летию А.М. Решетова): Сб. ст. — СПб.: МАЭ РАН, 2007. — С. 190–195.

304. Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингисхана // *Mongolica-VII*: посвящается 100-летию со дня рождения Д. Нацагдоржа (монг. Д. Нацагдорж): Сб. ст. / Сост. *И.В. Кульганек*. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — С. 57–58.

305. Чингисхан (1155/1162–1227 гг.) // Чингисхан и судьбы народов Евразии — 2: Материалы международной научной конференции, 11–12 октября 2007 г. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун.-та, 2007. — С. 3–18.

306. Чингис-хан: взгляд из 3-го тысячелетия // Наука из первых рук: Познавательный журнал для хороших людей. 2007. № 1(13). — С. 12–13.

См. также № 307 (пер. на англ. яз.).

307. Chinggis Khan: in the Eye of the Third Millenium / *Kychanov E.I.* // Science First Hand: A Good Journal for Inquisitive People. 2007. № 1(13). — P. 12–13. — Англ. яз.

См. также № 306 (источн. пер.).

2008

308. История тангутского государства. — СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. — 766, [1] с., [8] с. вкл., 1 л. фронт. (портр.) (Исторические исследования). — *Содерж.*: Предисловие. С. 5–11.

Тангутский миф о Белом журавле и Солнцебедрой девушке. — С. 15–17. — См. № 214.

«Гимн священным предкам тангутов». — С. 18–34. — См. № 46.

К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам). — С. 35–44. — См. № 11.

К проблеме этногенеза тангутов (Тоба — Вэймин — Вамо). — С. 45–50. — См. № 26.

Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в. — С. 51–58. — См. № 16.

- Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина. — С. 59–70. — См. № 3.
- Государство Си Ся. — С. 71–93. — См. № 41: С. 57–78, 132–136 (отд. части гл. 3).
- Политика тангутского государства в период правления Юань-хао. — С. 94–116. — См. № 41: С. 136–162 (гл. 4 без посл. части).
- Ослабление центральной власти и войны Си Ся в середине XI в. — С. 117–132. — См. № 41: С. 170–173, 183–188, 200–209 (отд. части гл. 5).
- Тангутское государство на пути к новому подъему. — С. 133–143. — См. № 41: С. 217–222, 227–235 (отд. части гл. 6).
- Тангутское государство во второй половине XII в. — С. 144–160. — См. № 41: С. 236–258 (гл. 7).
- Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся. — С. 163–185. — См. № 30.
- Тангутские пайцзы. — С. 186–189. — См. № 75.
- Из истории тангутского права («Десять преступлений» китайского средневекового права в тангутском кодексе XII в.). — С. 190–197. — См. № 70.
- Тангутский свод законов XII в. об иноплеменниках и иноземцах. — С. 198–206. — См. № 114.
- «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169 гг.)» государства Си Ся как источник по истории практики обмена посольствами на Дальнем Востоке в XI–XII вв. — С. 207–218. — См. № 212.
- Взятка в тангутском праве (XII–XIII вв.). — С. 219–223. — См. № 226.
- Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зеркало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101–1113 гг.)». — С. 224–234. — См. № 59.
- Правила награждения героев в армии Си Ся. — С. 235–263. — См. № 175.
- «Железные ястребы» — кони и конница в тангутском государстве Си Ся (982–1227 гг.). — С. 264–265. — Статья публикуется впервые.
- Памятники тангутского законодательства о социальной структуре тангутского общества XII–XIII вв. — С. 266–282. — См. № 120.
- Из истории экономики тангутского государства Ся (982–1227 гг.). — С. 285–294. — См. № 43.
- Люди, принадлежавшие государю (государству) (По материалам «Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] Небесное Процветание (1149–1169 гг.)»). — С. 295–303. — См. № 142.
- Собственность на людей в тангутском государстве Си Ся (982–1227 гг.). — С. 304–322. — См. № 157в.
- Служба складов в тангутском государстве. — С. 323–328. — См. № 128.
- Законы, регулировавшие ведение скотоводческого хозяйства в тангутском государстве Си Ся (XII–XIII вв.). — С. 329–342. — См. № 165.
- Законы, регулировавшие уплату поземельного налога в тангутском государстве Си Ся (XII в.). — С. 343–346. — См. № 124.
- Договор займа по тангутскому праву. — С. 347–350. — См. № 131.

- Два тангутских этюда. — С. 351–355. — См. № 220.
- Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото. — С. 356–361. — См. № 95.
- Тангутский документ № 8203. — С. 362–370. — См. № 258.
- Тангуты и Запад. — С. 373–378. — См. № 54.
- Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь. — С. 379–386. — См. № 64.
- Тангутское письмо в истолковании самих тангутов. — С. 389–401. — См. № 115.
- К изучению структуры тангутской письменности. — С. 402–422. — См. № 25.
- «Крупинки золота на ладони» — пособие для изучения тангутской письменности. — С. 423–433. — См. № 44.
- Культура Си Ся: письменность, просвещение, музыка, живопись. — С. 434–465. — См. № 41: С. 259–297 (гл. 8).
- Тангутские изречения. — С. 466–473. — См. № 53.
- «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» — уникальный памятник книгопечатания подвижным шрифтом. — С. 474–485. — См. № 278.
- Фрагменты перевода на тангутский (Си Ся) язык сочинения У Цзина «Чжэньгуань чжэн яо». — С. 486–492. — См. № 279.
- Тангутская текстология. — С. 493–501. — См. № 255.
- Тангутская рукописная книга (вторая половина XII — первая четверть XIII в.). — С. 502–548. — См. № 177.
- Памятники тангутской письменности и тангутская культура. — С. 549–571. — См. № 209.
- Государство Великое Ся (982–1227 гг.) и его культура. — С. 572–586. — См. № 263.
- Государство и буддизм в Си Ся. — С. 589–602. — См. № 164.
- Наставник императора в иерархии наставников в буддийском вероучении в тангутском государстве Си Ся. — С. 603–604. — См. № 199.
- Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве. — С. 605–634. — См. № 127.
- Гибель Си Ся. — С. 637–666. — См. № 41: С. 298–330, 331–334 (гл. 9, заключение).
- Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся. — С. 667–679. — См. № 48.
- Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.). — С. 680–685. — См. № 89.
- Новые материалы об этногенезе дунган. — С. 686–690. — См. № 98.
- Этнические и религиозные изменения в области Тангут империи Юань (XIII–XIV вв.). — С. 691–696. — Статья публикуется впервые.
- «Шу шань цзи» («Собрание записей о добрых делах») — новый документ о судьбах тангутского (Си Ся) населения после гибели Великого Ся (982–1227 гг.). — С. 697–705. — Статья публикуется впервые.
- Акультурация как путь к ассимиляции (на примере тангутов Си Ся, XIII–XVI вв.). — С. 706–711. — См. № 249.

- 309а. Памятники письменности тангутов // Пещеры тысячи будд: Российские экспедиции на Шелковом пути: К 190-летию Азиатского музея: Каталог выставки = The Caves of One Thousand Buddhas. Russian Expeditions on the Silk Route. On the Occasion of 190 Years of the Asiatic Museum: Exhibition Catalogue. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. — С. 318–319.
- 309б. [Каталог выставки, статья №] ... // Там же.
- ...252. Конфуций (?). «Книга о сыновней почтительности» («Сяо цзин»). — С. 370.
 - ...253. Конфуций. «Суждения и беседы» («Лунь юй»). — С. 371.
 - ...254. Сунь-цзы. «Военный трактат Сунь-цзы с тремя комментариями» («Сунь-цзы бин фа сань чжу»). — С. 372.
 - ...255. Энциклопедия «Лес категорий» («Лэй линь»). — С. 373.
 - ...256. Гулэ Маоцай. Словарь «Тангутско-китайская жемчужина в руке, соответствующая запросам времени» («Фань хань хэши чжан-чжун чжу»). — С. 374.
 - ...257. Словарь «Море идеографов» («Вэнь хай»). — С. 375.
 - ...258. Лян И-ли. Словарь «Собрание синонимов и слов одной категории» («И тун и лэй»). — С. 376.
 - ...259. Учебное пособие «Вновь собранные крупинки золота на ладони» («Синь цзи цзинь суй чжан чжи вэнь»). — С. 377.
 - ...260. Сыма Гуан. Трактат «Вновь собранные записки о сыновней любви и почтительности» («Синь цзи цы сяо цзи»). — С. 378.
 - ...261. Энциклопедия «Море значений, установленных святыми» («Шэн ли и хай»). — С. 379.
 - ...262. Собрание пословиц «Вновь собранные драгоценные парные изречения» («Синь цзи цзинь хэ цы»). — С. 380.
 - ...263. Свод военных законов «Яшмовое зеркало командования войсками девиза царствования Чжэнь-гуань» («Чжэнь-гуань юй цзинь тун»). — С. 381.
 - ...264. «Махапраджняпарамита-сутра». — С. 382.
 - ...265. «Махапраджняпарамита-сутра». — С. 383.
 - ...266. Чертеж струнного музыкального инструмента. — С. 384.
 - ...267. «Собрание светлых слов, относящихся к трем поколениям». — С. 385.
 - ...268. «Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания [1149–1169]». — С. 386.
 - ...269. Фонетические таблицы пяти тонов. — С. 387.
 - ...270. Историческое сочинение «Двенадцать царств». — С. 388.
 - ...271. «Основы управления годов правления Чжэнь гуань» («Чжэнь-гуань чжэн-яо»). — С. 389.
310. Поездка в Хара-Хото в сентябре 2006 г. // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Вып. 5. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2005–2006. — СПб.: МАЭ РАН, 2008. — С. 147–152.
311. Тангутские (Си Ся) источники о татарах // *Mongolica-VIII*: посвящен 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН (СПбФ ИВ РАН): Сб. ст. / Сост. и авт. предисл. *ИВ. Кульганек*. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — С. 34–36.

- 312а. Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской академии наук и его изучение // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века: Сб. ст. / Под ред. *И.Ф. Поповой*. — СПб.: Славия, 2008. — С. 130–147. — *Парал. текст на рус. (№ 312а) и англ. (№ 312б) яз.*
См. также № 312б (пер. на англ. яз.), 334 (пер. № 312б на кит. яз.).
- 312б. The Tangut Collection of the Institute of Oriental Manuscripts: History and Study / *Kuchanov E.I.*; [Translated from the Russian into English by *R.S. Smirnov* and *S.R. Smirnov*] // Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century. Collected articles / Ed. by *I.F. Popova*. — SPb.: Slavia, 2008. — P. 130–147. — Англ. яз.
См. также № 312а (источн. пер.), 334 (пер. на кит. яз.).
313. Эрнст Владимирович Шавкунов // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения): Сб. науч. ст. — Владивосток: Дальнаука, 2008. — С. 17–22.
314. Дици дао Чжунго 第一次到中国 [Первый раз в Китае] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Лю Кунь* и *刘锟* 译 [Пер. Лю Куня] // Шэнбидэбао юй Чжунго — Сань гэ шицзи ды цзечу 圣彼得堡与中国 —— 三个世纪的接触 [Санкт-Петербург и Китай — Три века контактов]. — СПб.: «Оучжоу чжи цзя» чубаньшэ “欧洲之家”出版社 [Изд-во «Европейский Дом»], 2008. — С. 304–316. — Кит. яз.
См. также № 300 (источн. пер.).
- 2009
315. [История востоковедения в лицах:] Всеволод Сергеевич Колоколов (1896–1979) // Письменные памятники Востока. 2009, весна–лето. № 1(10). — С. 223–224.
316. [История востоковедения в лицах:] Дмитрий Иванович Тихонов (1906–1987) // Письменные памятники Востока. 2009, весна–лето. № 1(10). — С. 215–216.
317. [История востоковедения в лицах:] Зоя Ивановна Горбачева (1907–1979) // Письменные памятники Востока. 2009, весна–лето. № 1(10). — С. 216–217.
318. [История востоковедения в лицах:] Николай Александрович Петров (1908–197? гг.) // Письменные памятники Востока. 2009, весна–лето. № 1(10). — С. 214–215.
- 319а. Кочевой мир Центральной Азии: тюрки и ранние монголы // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. — Казань: [Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ], 2009. — С. 64–69.
- 319б. Государства Центральной Азии: от тюрков до монголов // Там же. — С. 70–73.
- 319в. Чингиз-хан и образование единого монгольского государства // Там же. — С. 84–88.
- 319г. Создание империи Чингизидов // Там же. — С. 89–94.

- 319д. Военно-административная система и управление государства Чингизидов // Там же. — С. 95–96.
- 319е. Завоевание Восточного Туркестана и Западной Сибири // Там же. — С. 124–128.
- 319ж. Завоевание государства хорезмшахов // Там же. — С. 128–132.
- 320а. Традиционное право // Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. [Т. 4:] Историческая мысль. Политическая и правовая культура. — М.: ИФВЛ, 2009. — С. 386–402.
- 320б. Кодификация традиционного права // Там же. — С. 403–405.
- 320в. Нурхацзи // Там же. — С. 582–584.
- 320г. Хуантайцзи [раздел 1] // Там же. — С. 680–681.
- 320д. Хубилай // Там же. — С. 684–686.
- 320е. Чингис-хан // Там же. — С. 794–797.
- 320ж. «Юань ши» // Там же. — С. 827–828.
321. Формы собственности в тангутском государстве // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. — Москва: ИД «Форум», 2009. — С. 562–567.
322. Рец.: Ши Цзинь-бо. Си Ся шэхуй (Общество Си Ся). В 2 т. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 2007. — 979 с. // Письменные памятники Востока. 2009. Осень–Зима. № 2(11). — С. 251–253.
323. Сися вэнь «Кун-цзы хэ таньцзи» яньцзю 西夏文《孔子 и 坛记》研究 [Исследование тагутского сочинения «Записки о том, как Конфуций играет на цине у алтаря»] / Е.И. Кэцянофу Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.], Не Хуньинь 聂鸿音; Цуй Хунфэнь 崔红芬, Вэнь Чжюнь и 文志勇 译 [Пер. Цуй Хунфэня, Вэнь Чжюня]. — Пекин: Миньцзу чубаньшэ 民族出版社, 2009. — [2], 187, [1], [1] с. (Сися сюэ и цун 西夏学译丛 [Серия переводов по тангутоведению]). — Кит. яз.
- 323а. Вэйчжи ды Кун-цзы юй даожэнь ды таньхуа лу 未知的孔子与道人的谈话录 [Неизвестная запись о беседе Конфуция с даосом] / Е.И. Кэцянофу Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; Цуй Хунфэнь 崔红芬, Вэнь Чжюнь и 文志勇 译 [Пер. Цуй Хунфэня, Вэнь Чжюня] // Там же. — С. 7–42. — Кит. яз.
См. также № 252а (источн. пер.).

2010

324. [История востоковедения в лицах:] Борис Борисович Вахтин (1930–1981) // Письменные памятники Востока. 2010, весна–лето. № 1(12). — С. 139–140.
325. [История востоковедения в лицах:] Михаил Васильевич Воробьев (1922–1995) // Письменные памятники Востока. 2010, осень–зима. № 2(13). — С. 169–170.
326. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. — 361, [1], [2], [4] с., [8] с. вкл. (Серия «Nomadica»: Исследования по истории и культуре кочевых народов Евразии).
См. также № 228 (1-е изд.).

327. «Новые законы» тангутского государства. Глава VI. Законы и нормы поведения / Введение, перевод с тангутского и комментарий *Е.И. Кычанова* // Письменные памятники Востока. 2010, осень–зима. № 2(13). — С. 5–31.
328. Памяти Олега Федоровича Акимушкина (17.02.1929—31.10.2010) / *Иванов А.А., Попова И.Ф., Дандамаев М.А., Колесников А.И., Кычанов Е.И., Никоноров В.П., Ерохин Б.В.* // *Шāх-Махмūd ибн Мīрзā Фāзил Чурāс*. Хроника / Критический текст, пер., коммент., исслед. и указ. *О.Ф. Акимушкина*; 2-е изд. — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010 (Серия «*Fontes scripti antiqui*»). — С. [494–495].
329. Some data about the Tangut Empire in the first quarter of the XIII century / *Kuchanov E.I.* // Шоу цзе Чжунго шаошу миньцзу гу цзи вэньсянь гоцзи сюэшу яньтаохуй луньвэнь цэ 首届中国少数民族古籍文献国际学术研讨会论文集 [Сборник докладов Первой международной конференции по древней литературе и памятникам письменности малых народов Китая] / [Жици 日期: 2010年10月20–22日]; Чжубань даньвэй 主办单位: Чжунъян миньцзу дасюэ 中央民族大学, Бэйцзин-ши миньцзу шиу вэйюаньхуй 北京市民族事务委员会, Синьянь миньцзу дасюэ 西南民族大学, Чжунго миньцзу гувэньцзы яньцзюхуй 中国民族古文字研究会. — [Пекин]: [Чжунъян миньцзу дасюэ 中央民族大学], [2010]. — С. 1–6. — Англ. яз.
330. «Сань дай сян чжао янь вэньцзи» — хоцзы иньшуа шу. Ду-и у-эр ды минчжэн 《三代相照言文集》——活字印刷术独一无二的明证 [«Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» — уникальное свидетельство книгопечатания подвижным шрифтом] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Су Жуйсюэ* и 粟瑞雪 译 [Пер. Су Жуйсюэ] // Сися сюэ 西夏学. 2010年9月. 第六辑: 首届西夏学国际学术论坛专号(下) = *Xixia Studies*. Sep. 2010. Vol. 6: A Volume on the first International Conference on Xixia Studies II. — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 2010. — С. 6–13. — Кит. яз.
См. также № 278 (1-е изд. на рус. яз.), 308 (переизд. № 278 в сб. ст.; источн. пер.).
331. Сися го хэ сэнлюй 西夏国和僧侣 [Государство Си Ся и буддийская сангха] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Сюй Юэ* и 徐悦 译 [Пер. Сюй Юэ] // Сися сюэ 西夏学. 2010年9月. 第五辑: 首届西夏学国际学术论坛专号(上) = *Xixia Studies*. Sep. 2010. Vol. 5: A Volume on the first International Conference on Xixia Studies I. — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 2010. — С. 173–176. — Кит. яз.
См. также № 257 (источн. пер.).
332. Тангутэ ибэнь «Чжэнь-гуань чжэн яо» цань цзюань као 唐古特译本《贞观政要》残卷考 [Изучение фрагмента тангутского перевода «Чжэнь-гуань чжэн яо»] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Пэн Сянцянь* и 彭向前 译 [Пер. Пэн Сянцянь] // Сися сюэ 西夏学. 2010年9月. 第六辑: 首届西夏学国际学术论坛专号(下) = *Xixia Studies*. Sep. 2010. Vol. 6: A Volume on the first International Conference on Xixia Studies II. — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 2010. — С. 14–18. — Кит. яз.
См. также № 269 (первонач. изд. на кит. яз.), 279 (1-е изд. на рус. яз.), 308 (переизд. № 279 в сб. ст.; источн. пер.).

333. Э цан ди 8203 хао Сися вэньшу каоши 俄藏第 8203 号西夏文书考释 [Исследование и комментирование тангутского документа № 8203 из российской коллекции] / *Е.И. Кэцянофу* Е.И. 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Хань Сяожуэ* и 韩潇锐 译 [Пер. Хань Сяожуэ] // Сися сюэ 西夏学. 2010 年 9 月. 第五辑: 首届西夏学国际学术论坛专号(上) = *Xixia Studies. Ser. 2010. Vol. 5: A Volume on the first International Conference on Xixia Studies I.* — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 2010. — С. 17–22. — Кит. яз.
См. также № 258 (источн. пер.), 293 (1-й пер. № 258 на кит. яз.).
334. Элосы кэсюэюань Дунфан себэнь яньцзюсо Сися вэнь вэньсянь чжи шоуцан юй яньцзю 俄罗斯科学院东方写本研究所西夏文文献之收藏与研究 [Тангутская коллекция Института восточных рукописей и ее изучение] / *Кэцянофу* 克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Ян Фусюэ, Пэй Лэй* и 杨富学, 裴蕾 译 [Пер. Ян Фусюэ, Пэй Лэй] // Сися яньцзю 西夏研究. 2010 年. 第 3 期 (总第 3 期) = *Tangut Research. 2010. No. 3 (Serial No. 3).* — С. 14–24. — Кит. яз.
См. также № 3126 (источн. пер.).
- 2011
335. [История востоковедения в лицах:] Людмила Кузьминична Павловская (1926–2002) // Письменные памятники Востока. 2011, осень–зима. № 2(15). — С. 54–55.
336. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. — М.: ИФВЛ, 2011. — С. 214–227.
337. *Отв. ред.*: Тырские стелы XV века: Пер., коммент., исслед. китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов / *Головачев В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О.*; *Отв. ред. Е.И. Кычанов, П.О. Рыкин.* — СПб.: Наука, 2011. — 319, [1] с., [64] с. вкл.
338. Э цан Хэйшуйчэн Сися вэнь фоцзин вэньсянь сюйлу: сюйлунь (2) 俄藏黑水城西夏文佛经文献叙录·绪论(2) [Каталог тангутских буддийских памятников из Хара-Хото, хранящихся в России: Введение (2)] / *Е.И. Кэцянофу* 叶·伊·克恰诺夫 [Кычанов Е.И.]; *Цуй Хунфэнь* и 崔红芬 译 [Пер. Цуй Хунфэня] // Сися яньцзю 西夏研究. 2011 年. 第 1 期 (总第 5 期) = *Tangut Research. 2011. No. 1 (Serial No. 5).* — С. 33–47. — Кит. яз.
См. также № 242a (источн. пер.; С. 13–31).

Литература о жизни и трудах Е.И. Кычанова

339. *Милибанд С.Д.* Библиографический словарь советских востоковедов. — М.: Наука, ГРВЛ, 1975. — С. 297, 662.
340. *Милибанд С.Д.* Библиографический словарь советских востоковедов / [Доп. тираж, с доп.]. — М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — С. 297, 662, 714.
341. Шицзе чжунгосюэцзя мин лу 世界中国学家名录 [Сборник биографических данных мировых синологов] = *Sinologists of the World / Чжунго шэхуй кэсюэюань вэньсянь синьси чжунсинь* 中国社会科学院文献信息中心, Чжунго

- шэхуй кэсюэюань вайши цзюй хэбянь 中国社会科学院外事局 合编. — Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社, 1994. — С. 200.
342. Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. В 2-х кн. Кн. I: А—Л / 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1995. — С. 651–652.
343. Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX — начало XXI века. Библиографический словарь. В 2-х кн. Кн. I: А—М. — М.: ИФВЛ, 2008. — С. 768–769.
344. Основные научные труды доктора исторических наук Е.И. Кычанова / Сост. С.Д. Милибанд // Восток = Orients: Афро-азиатские общества: история и современность. 2002. ноябрь–декабрь. № 6. — С. 203–209.

Принятые сокращения

БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ИИИСАА	— Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы
ИВЛ	— Издательство восточной литературы
ИФВЛ	— Издательская фирма «Восточная литература»
КСИНА	— Краткие сообщения Института народов Азии [АН СССР]
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КЭТ	— Кунсткамера: Этнографические тетради
НАА	— Народы Азии и Африки: История, экономика, культура
НК ОГК	— Научная конференция «Общество и государство в Китае»
ППВ	— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования
ПП и ПИКНВ	— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
СНВ	— Страны и народы Востока
СЭ	— Советская этнография
ТПИЛДВ	— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока
АОН	— Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae
САЖ	— Central Asiatic Journal: International Periodical for the Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia
МО	— Manuscripta Orientalia: International Journal for Oriental Manuscript Research

On the Tangut Verb Prefixes in “Tiansheng Code”

Professor Evgeny I. Kychanov is internationally recognized as a leading researcher in the field of Tangut and Xi-Xia dynasty studies.¹ The range of his academic interest is so wide that it has covered all the main issues of Tangutology: history, law, culture, religion, language and script. In the 1980s, he published a fundamental work entitled “The Revised and Newly Endorsed Codes for the Designation of the Reign of ‘Celestial Prosperity’ (1149–1169),”² which was acclaimed by scholars all over the world.³ This book contains a study and Russian translation of the Tangut Code edited in the *Tiansheng* 天盛 reign period of the Xi-Xia dynasty. It was discovered in the dead city of Khara-Khoto by P.K. Kozlov in 1909. The original (hereafter referred to as the ‘Code’) is now preserved in the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, in St. Petersburg.

This paper focuses on the study of the verb prefixes which appear in the Code.

1. The Tangut grammar

1.1. Verb construction

In terms of linguistic typology Tangut belongs to the so-called subject–object–verb (SOV) group of languages. The verb is indispensable in the sentence.⁴ Usually the structure of the Tangut verb phrase is: **Prefix (negative, perfect, and so on)–Verb stem–Auxiliary verb–Pronominal suffix–Particle.**

¹ The corpus of his excellent works was published recently. See Kychanov 2008.

² Kychanov 1987–1989.

³ Shi Jinbo, Nie Hongyin and Bai Bin 1994; Shi Jinbo, Nie Hongyin and Bai Bin 1999; Shimada 2003; Du Jianlu 2005, etc.

⁴ The construction of Tangut verb phrases was analyzed by the Russian scholar, Ksenia B. Kepping, and some other researchers. See Kepping 1985.

Grammatically, the Tangut ‘sentence’ requires only a verb (stem) in the verb phrase.

Verb complex

01)

𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵
²lyuq ²dza:r ¹mi: ³lhe? ¹mi: ²di: ²nga
 body extinguish Neg receive listen AV Suff(1sg)
 “I have never heard to extinguish the body”

There exists ‘Verb Agreement’ (or ‘Pronominalization’) in the Tangut verb but only agreement with the first and second person is marked (personal pronoun – pronominal suffix).

*Agreement in a sentence*⁵

02)

𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵
²nga ²zi: ²ge: ¹me: ²ne: ¹phan ²a ²o ¹gyu ²dza:r ²pho: ²nga
 S O1 O2 CM V1 V2 AV S(Agreement)
 I everyone rest not exist nirvāna to put in extinguish cause Suff(1sg)
 “I put everyone in nirvāna without rest, and extinguish”

1.2. Verb prefix

The Tangut language has various verb-prefixes which have different functions. The prefixes preceding the verb are divided into following groups according to their meaning:

1. So-called ‘Pref1/2’ which is in question
2. Negative or prohibition
3. Interrogative
4. Demonstrative pronoun (bound form) 𣎵 ¹chI:

Some adverbs (e.g. ‘also’) can precede the verb stem, as well.

Tangut prefixes include some pairs, in which initial consonants are the same. The first series of the prefixes indicates the direction or perfective, and the second series represents the ‘optative’ meaning. The former series is usually called ‘Prefix series 1’ (hereafter ‘Pref1’) and the latter ‘Prefix series 2’ (hereafter ‘Pref2’).

Below the set of Pref1/2 from Nishida Tatsuo’s previous works⁶ is shown.

⁵ Arakawa 2010, p. 155.

⁶ Nishida 1989, p. 419r.

Table 1: The set of verb prefixes

Expected direction, Tangut script, phonetic reconstruction⁷, and marks for research

Direction	Pref1		Pref2	
	Perfect (or Direction)		Optative	
upward	𐰇 ¹ 'a?-	1A	𐰇 ¹ 'e:-	2E
downward	𐰇 ¹ na:-	1N	𐰇 ² ne:-	2N
to here	𐰇 ¹ kl:-	1K	𐰇 ¹ ke:-	2K
over there	𐰇 ² wl:-	1W	𐰇 ² we:-	2W
inward	𐰇 ² da:-	1D	𐰇 ² de:-	2D
outward	𐰇 ² rl:r-	1R	𐰇 ² ryeq'2-	2R

According to some scholars' opinion⁸ one more prefix, namely 𐰇²dl:-,⁹ belongs to Pref1. This suffix is chosen as the object of our study and for its purpose we refer to it as '3D' belonging to 'Prefix series 3' (hereafter 'Pref3'). Table 2 presents the correspondence of some scholars' views on the direction indicated by these prefixes.

Table 2: The correlation of the scholar's view

Nishida 1989		Kepping 1985		Gong 2003	
1A-2E	upward	1A-2E	upward	1A-2E	upward
1N-2N	downward	1N-2N	downward	1N-2N	downward
1K-2K	here	1K-2K	toward	1K-2K	here, inside
1W-2W	there	1W-2W	away from	1W-2W	there, outside
1D-2D	inside	3D-2D	reception	3D-2D	toward the speaker
—	—	1D	loss	1D-2D	away from the speaker
1R-2R	outside	1R-2R	(direction not found)	1R-2R	(direction not found)

Though the opinions of the scholars on some directions of the action expressed by the prefix are different, for the moment, we will follow Nishida's view.

Nishida¹⁰ supposed that Pref2 is derived from Pref1. The table 3 shows the schema.

Table 3: The derivation of the verb prefixes

Structure	Function
Pref1 + Verb Stem	> Directional marker > Aspect marker (perfect)
Pref2 (<Pref1 + 'e:) + Verb Stem	> Optative marker

⁷ The system of phonetic transcription is given according to Arakawa 2002, pp. 59–61. '1' means 'high-level tone' and '2' means 'low-rising tone'.

⁸ Kepping 1985; Gong 2003, etc.

⁹ Nishida (1989, p. 420r) regards it as an 'optative' marker which is out of the set.

¹⁰ Nishida 1989, p. 420l.

2. Some results of our study on the Code

The object of our investigation is the whole text of the Code,¹¹ with the exception of the 16th chapter which is not intact.

Table 4: Chapters and numbers of the collection

Ch. 1: ИHB. № 2570, 4187	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第一
Ch. 2: ИHB. № 152, 8084a	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第二
Ch. 3: ИHB. № 169, 2576, 2578, 4188	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第三
Ch. 4: ИHB. № 157, 2575, 8084b	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第四
Ch. 5: ИHB. № 158	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第五
Ch. 6: ИHB. № 160	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第六
Ch. 7: ИHB. № 161	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第七
Ch. 8: ИHB. № 113	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第八
Ch. 9: ИHB. № 164, 165, 166, 173, 2575, 6740, 7126	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第九
Ch. 10: ИHB. № 171a, 171r, 2332, 7214	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十
Ch. 11: ИHB. № 176, 178, 180	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十一
Ch. 12: ИHB. № 114, 181	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十二
Ch. 13: ИHB. № 186, 219, 5451	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十三
Ch. 14: ИHB. № 194	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十四
Ch. 15: ИHB. № 196, 8084b	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十五
Ch. 17: ИHB. № 710	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十七
Ch. 18: ИHB. № 5040	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十八
Ch. 19: ИHB. № 200, 201, 2579, 2584, 2608	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第十九
Ch. 20: ИHB. № 203, 2569, 7511	天盛改舊新定律令 (甲種本) 第二十

Totally, we have counted over 5,160 samples functioning as prefix. The numbers for Pref1/2/3 in the Code are given below.

Table 5: Number of occurrences of each prefix

Pref1		Pref2		Pref3	
1A	286	2E	360		
1N	41	2N	62		
1K	503	2K	1101		
1W	222	2W	1001		
1D	344	2D	873	3D	63
1R	93	2R	212		
total	1489	total	3609	total	63

¹¹ We used the facsimile published in *Ecang Heishuicheng wenxian* (1998, hereafter, HM8) as the standard text of the Code.

In the Code we can see the high frequency of the occurrence of prefixes in question, particularly Pref2, even though the parts of Tangut text which seemed to be unclear, fragmental, and have mistakes were excluded.

The further analyzing the function of Pref1/2/3 omits their use in phrases. However, it can be of value for other scholarly discussions so the examples are given below (see Section 3).

3. Some phrases and idioms with Pref1

3.1. 𐞗 as measure or unit

𐞗¹a?- 1A besides being used as a prefix it represents grammatical function of ‘measure or unit’. In the Code it actually means ‘one’.

03)

𐞗𐞗¹a? ¹keu: ‘one year’ (Ch. 7, HM8_162Ar2)¹²

04)

𐞗𐞗¹a? ²lyuq ‘one body’ (Ch. 7, HM8_161Br2)

3.2. 𐞗¹kI: for an element of some phrases

In the Code prefix 𐞗¹kI: 1K is also used as an element of some idioms.

05)

𐞗𐞗¹kI: ²dyen ‘always, certainly’ (Ch. 12, HM8_257A17)

06)

𐞗𐞗¹ldi:q’ ¹kI: ‘What (is)’ (Ch. 15, HM8_303A17)¹³

4. Pref1/2/3 in the Code

4.1. The verb following the prefixes

In the Code different verbs are identified. See the appendix (the list of the verbs following the prefixes). The total number of kinds is given below.

Table 6: The number of kinds of verbs following the prefixes

Pref1		Pref2		Pref3	
1A	52	2E	43		
1N	20	2N	19		
1K	88	2K	62		
1W	68	2W	76		
1D	74	2D	59	3D	7
1R	23	2R	30		

¹² Hereafter in brackets we show the place where the prefix is used. For example, ‘Ch. 8, HM8_162Ar2’ means ‘In chapter No. 7 of the Code, in the 2nd line of the right page, Plate A (the upper plate), p. 162 of HM8.’

¹³ When used separately 𐞗¹ldi:q’ also means ‘what.’

The directions of the movement or of the action expressed by the verbs are:

- 1A: raise, promote, finish...
- 1N: subtract, demote, set...
- 1K: belong to, indicate, dispatch, drop...
- 1W: go out, send, go over, stop...
- 1D: lose, throw away, give (way), declare, damage...
- 1R: do, make, go/come...
- 2E: raise, promote, finish, prepare, fight...
- 2N: fall, believe, set...
- 2K: inform, pay, reach, gather, fall into, dispatch...
- 2W: draw back, repay, receive, take (off), send...
- 2D: give, kill, do, get, take, lose, have, go...
- 2R: do, live, tell, go/come...
- 3D: steal, get illegally...

Below we will discuss the prefixes from the point of view of their meaning. A verb very rarely requires several prefixes. However, some verbs demand particular prefixes. Since a trace of the ‘direction of the movement’ might exist in the meaning of a verb, the verb requires prefixes with the same meaning from the series of Pref1/2, whose initial consonants are the same. See the examples.¹⁴

- 𗵑¹a?- 1A - 𗵑¹e:- 2E
𗵑𗵑 : 𗵑𗵑 ‘arise, raise’
- 𗵑¹ki:- 1K - 𗵑¹ke:- 2K
𗵑𗵑 : 𗵑𗵑 ‘hit’
- 𗵑²wi:- 1W - 𗵑²we:- 2W
𗵑𗵑 : 𗵑𗵑 ‘take (away)’
- 𗵑²ri:r- 1R - 𗵑²ryeq’2- 2R
𗵑𗵑 : 𗵑𗵑 ‘do’

Prefix 𗵑²di:- 3D is followed by the verbs with close meaning; for example, ‘steal, capture, rob...’ i.e. to get something illegally or forcibly. See the examples in the Code:

- 07)
𗵑𗵑 𗵑 𗵑 (Ch. 3, HM8_095A15)
how Pref3 steal
“How (he) stole...”
- 08)
𗵑 𗵑 𗵑 (Ch. 8, HM8_181Br1)
what Pref3 take
“What (he) took...”

The verbs following prefixes 1D and 3D seem to show ‘complementary distribution’ as far as we observe the examples in the Code. The verbs following 1D never

¹⁴ See the same examples in Kepping 1985, pp. 208–212.

follow 3D, whereas the verbs following 3D never follow 1D.¹⁵ Whereas it is interesting that the verbs following 2D follow both 1D and 3D. Therefore, 3D resembles 1D in distribution; that is to say, Pref3 is similar to Pref1.

In this study we omit and do not consider the cases in which idiomatic verbs of more than one syllable are used (such as e.g. the verb 臈蕘, to ‘judge’):

- 09)
 誦 誦 蕘 蕘 臈蕘 (Ch. 13, HM8_277Br7)
 crime two rank Pref1 judge
 “Having judged 2nd rank crime...”

Though such cases are in the minority they need further consideration.

4.2. The construction of the verb phrase

In this section, we will discuss the prefixes from the point of view of their ‘form’; namely verb (phrase) structure. As it was shown in Kepping 1985 (pp. 176–177) other elements (蕘(¹lɔ:q), 慨(¹mi:), and 蕘(¹ti:)) having adverbial, negative, prohibitive meaning correspondingly) are sometimes inserted between Pref1 and the verb. See the same examples in the Code:

- 10)
 誦 誦 蕘 蕘 蕘 蕘 臈蕘 (Ch. 1, HM8_059Ar5)
 every person conscious murder Pref1 also judge
 “When a person commits homicide consciously, he has already been judged...”
- 11)
 ... 蕘 蕘 蕘 蕘 蕘 (Ch. 11, HM8_251A16)
 seed Pl Pref1 Neg punish
 “...seed and so on, never punish...”

Moreover, we found the ‘Pref2-Neg-Verb stem’ structure in the Code.

- 12)
 蕘 蕘 蕘 蕘 蕘 蕘 (Ch. 9, HM8_198B11)
 that time on Pref2 Neg stay
 “At that time, (someone) does not hope to stay...”

In the following cases, two elements (negative and demonstrative pronoun marker) are inserted between Pref1 and the verb.

- 13)
 蕘 蕘 蕘 蕘 蕘 蕘 蕘 (Ch. 9, HM8_201A18)
 if crime commit who Pref1 Neg Dem dispatch
 “If someone would commit a crime, never dispatch him...”

¹⁵ The only one exception is 蕘 (Li 1997, 0306) ‘borrow’: 蕘蕘 (Ch. 4, HM8_116A17 and Ch. 19, HM8_354A13), 蕘蕘 (Ch. 11, HM8_251Ar4).

- 14)
 籍 徧 暱 駭 𪛗 徧 𪛗 (Ch. 13, HM8_283B18)
 land circle in Pref2 Neg Dem go
 “In the area, (someone) does not hope to go there.”

4.3. Some rare examples

We can observe some rare cases when Pref1/2 precedes a copula or a verb of existence (negative existence), which can be an important criterium for the classification of the Tangut verbs. See the examples.

- 15)
 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 (Ch. 17, HM8_323B14)
 also word true Pref1 Dem be
 “It is also actual case...”

- 16)
 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 (Ch. 13, HM8_275A11)
 namely proof¹⁶ Pref2 not exist
 “That is to say, there is no proof...”

Below we will show some irregular cases when ‘double’ prefixes precede the verb.

[2R-1W-verb]

- 17)
 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 (Ch. 12, HM8_267B13)
 that Pl CM live place Pref2 Pref1 make
 “Their living place, made (it)...”

[2R-2K-verb]

- 18)
 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 (Ch. 10, HM8_225B17)
 what own follow do can Pref2 Pref2 dispatch
 “According to what (he) has, a person capable will be dispatched.”

The function of Pref2: 𪛗 2R here remains to be proved.

5. Conclusion

This paper presents the recent results of our study on the Tangut prefixes in the Code. There are over five thousand examples of Pref1/2/3 (mainly Pref2) usage in the text. Compared with other Tangut materials, it presents abundant information for the investigation of the use of prefixes.

¹⁶ The word 𪛗 𪛗 means ‘testimony, proof, witness’ from Kychanov 2006, p. 545, 3825-1.

The text of the Code reveals that the meanings of the verbs which follow each prefix express some similar tendencies in the direction of their motion or action. Besides, we have found some examples of complex verb phrases (such as ‘Pref1–Neg–Dem–Verb stem’) and interesting Pref–Verb sequences which were not registered in previous studies. Their analysis will contribute to the future study of the verb (phrase) structure of the Tangut language.

Abbreviations

AV: auxiliary verb
 CM: case marker
 Dem: demonstrative (pronoun)
 Neg: negation
 O: object
 Pl: plural (morpheme)
 Pref1/2/3: prefix series 1, 2 or 3
 S: subject
 Suff: suffix
 V: verb
 1sg: first person singular

References

- Arakawa 2002 — Arakawa Shintarō 荒川 慎太郎. “Seika-bun Kongō-kyō no kenkyū” [Studies on the Tangut Version of the *Vajracchedikā Prajñāpāramitā*] 西夏文金剛經の研究. PhD Litt diss. Kyoto University, 2002.
- Arakawa 2010 — Arakawa Shintarō 荒川 慎太郎. “Seika-go no kaku-hyōshiki ni tsuite” [On Tangut Case-marking] 西夏語の格標識について. In *Grammatical Phenomena of Tibeto-Burman languages 1* 『チベット=ビルマ系言語の文法現象 1 格とその周辺』. Ed. by Sawada Hideo. Tokyo: Research Institute for the Languages and Culture of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, 2010, pp. 153–174.
- Du Jianlu 2005 — Du Jianlu 杜建録. ‘*Tiansheng lüling*’ *yu Xi-Xia fazhi yanjiu* [‘*Tiansheng Code*’ and Study of the Law System of Xi-Xia] 《天盛律令》與西夏法制研究. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川: 寧夏人民出版社, 2005.
- Ecang Heishuicheng wenxian — *Ecang Heishuicheng wenxian* [Khara-Khoto Manuscripts Collected in Russia] 俄藏黑水城文獻. Vol. 8. Ed. by Shi Jinbo and E.I. Kychanov. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海: 上海古籍出版社, 1998.
- Gong 2003 — Gong Hwang-Cherng 龔煌城. “Tangut”. In *The Sino-Tibetan Languages*. Ed. by G. Thurgood and R.J. LaPolla. London: Routledge, 2003, pp. 602–620.
- Kepping 1985 — Кепинг К.Б. *Тангутский язык. Морфология*. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.
- Kychanov 1987–1989 — *Измененный и заново утверждённый кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)*. В 4-х кн. Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989 (Памятники письменности Востока LXXXI, 1–4).
- Kychanov 2006 — *Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь*. Сост. Е.И. Кычанов. Со-сост. Аракава Синтаро. Киото: Университет Киото, 2006.

- Kuchanov 2008 — Кычанов Е. И. *История тангутского государства*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008 (Исторические исследования).
- Li 1997 — Li Fanwen 李範文. *Xia-han zidian* [Tangut-Chinese Dictionary] 夏漢字典. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京: 中國社會科學出版社, 1997 (2nd edition 2008).
- Nishida 1989 — Nishida Tatsuo 西田 龍雄. “Seika-go” [The Tangut Language] 西夏語. In *Gen-gogaku Daijiten* [The Sanseido Encyclopedia of Linguistics] 言語學大辭典 Vol. 2. Ed. by T. Kamei, R. Kono, and E. Chino. Tokyo: Sanseido 東京: 三省堂, 1989, pp. 408–429 (世界言語編 (中) The World Languages, Pt. 2).
- Shi Jinbo, Nie Hongyin and Bai Bin 1994 — *Xi-Xia Tiansheng liling* [Tangut Tiansheng Code] 西夏天盛律令. Trans. by Shi Jinbo 史金波, Nie Hongyin 聶鴻音 and Bai Bin 白濱. Beijing: Kexue chubanshe 北京: 科學出版社, 1994 (中國珍稀法律典籍集成甲編 5 [The Collection of Rare Chinese Law-codes, Pt. 1]).
- Shi Jinbo, Nie Hongyin and Bai Bin 1999 — *Tiansheng gaijiu xinding liling* [The Revised and Newly Endorsed Codes for the Designation of Reign ‘Celestial Prosperity’] 天盛改舊新定律令. Trans. and commented by Shi Jinbo 史金波, Nie Hongyin 聶鴻音 and Bai Bin 白濱. Beijing: Falü chubanshe 北京: 法律出版社, 1999.
- Shimada 2003 — Shimada Masao 島田 正郎. *Seika hōten shotan* [Preliminary Study on the Tangut Law] 西夏法典初探. Tokyo: Sōbunsha 東京: 創文社, 2003.

Appendix

List of the verbs

Tangut script, code number of the script (after Li 1997), its meaning (mainly from Kuchanov 2006), and the number of occurrences in the texts (three times and over).

Pref1

𐰇 1'a?- [1A]	𐰇 3747 “patrol, sentry” 3
𐰇 0009 “arise, give birth, be born” 7	𐰇 3841 “tie, bind, rope” 3
𐰇 0063 “lift, raise” 7	𐰇 4459 “cease, cut off” 6
𐰇 0166 “notify, inform” 4	𐰇 4762 “step, go, walk” 24
𐰇 0425 “fight, enemy” 4	𐰇 4827 “sequence, continue” 15
𐰇 0706 “correspond, similar, time” 16	𐰇 4906 “wear, dress up” 4
𐰇 0716 “kill, slaughter” 8	𐰇 5043 “decide, resolve” 30
𐰇 0721 “crack, break, get broken” 3	𐰇 5212 “discuss, deliberate” 10
𐰇 1092 “prepare, supply” 3	𐰇 5712 “finish, end” 30
𐰇 1199 “help, assist” 3	𐰇 5791 “send, appoint, release” 4
𐰇 1204 “face” 6	𐰇 5842 “change, translate” 4
𐰇 1599 “get, seize” 11	
𐰇 1770 “take, seize” 5	𐰇 1na:- [1N]
𐰇 2430 “punish, penalty” 9	𐰇 1616 “enter” 3
𐰇 2725 “circle, encircle” 10	𐰇 1640 “cross (over), go away” 5
𐰇 3506 “raise, promote (rank, position), elevate” 10	𐰇 2833 “calm, certainly” 7
	𐰇 5902 “reduce, be diminishing, weaken” 4

𪗇 ¹kl:- [1K]

𪗇 0013 “pass through, inspect” 7
 𪗈 0046 “see, discover” 3
 𪗉 0166 “notify, inform” 12
 𪗊 0462 “oppress, force” 4
 𪗋 0500 “beat, commit a crime” 3
 𪗌 0615 “know, understand, recognize” 3
 𪗍 0676 “go, move, get off” 3
 𪗎 0733 “report, inform” 13
 𪗏 0902 “to be solid, truth, stately” 8
 𪗐 1616 “enter” 3
 𪗑 1747 “show, point out, indicate” 32
 𪗒 1762 “lazy, slow” 6
 𪗓 1957 “near, relative” 9
 𪗔 2221 “belong to, possess” 77
 𪗕 2331 “contribute, pay tax” 25
 𪗖 2341 “win, victory, benefit” 3
 𪗗 2356 “chase, pursue” 5
 𪗘 2474 “pass through, go away, leak” 4
 𪗙 2537 “stop, rest, remain” 18
 𪗚 2679 “reach, arrive” 17
 𪗛 2699 “know” 7
 𪗜 2815 “present, tribute” 4
 𪗝 2939 “hit, touch” 10
 𪗞 3015 “obtain, catch, gain” 3
 𪗟 3456 “come, appear” 5
 𪗠 3678 “appear, go out, leave, rise” 8
 𪗡 3828 “pass, present as a gift, send forward” 4
 𪗢 4226 “enter, fall in” 5
 𪗣 4401 “take, hold” 3
 𪗤 4506 “burn, ignite” 7
 𪗥 4732 “store, bosom, reserve” 3
 𪗦 4868 “wish, hope” 4
 𪗧 5026 “hear, listen” 3
 𪗨 5065 “enter, fall into (trap), sink” 22
 𪗩 5402 “arrive, reach” 5
 𪗪 5449 “put, place” 3
 𪗫 5631 “beat one another, fight, wrestle” 3
 𪗬 5670 “available, connect, hang, join” 3
 𪗭 5766 “take aim, aim at, at will” 4

𪗮 5845 “trade, sell” 5
 𪗯 5871 “send, dispatch” 22
 𪗰 5979 “tie, arrest, bind” 16

𪗱 ²wl:- [1W]

𪗱 0023 “obtain, get” 4
 𪗲 0524 “command, order” 3
 𪗳 0676 “go, move, get off” 4
 𪗴 1100 “recompense, repay” 3
 𪗵 1640 “cross (over), go away” 9
 𪗶 1868 “take away, diminish, reduce” 7
 𪗷 2474 “pass through, go away, leak” 4
 𪗸 2510 “pierce, penetrate” 3
 𪗹 2797 “go out” 6
 𪗺 2912 “return, retreat” 4
 𪗻 3159 “bear, receive, suffer” 6
 𪗼 3194 “full, complete, satisfied” 3
 𪗽 3436 “close relative” 4
 𪗾 3497 “hinder, obstacle, barrier” 7
 𪗿 3600 “call, invite, ask” 9
 𪗿 3678 “appear, go out, leave, rise” 24
 𪗿 3844 “go, send” 4
 𪗿 4022 “delay, stop” 8
 𪗿 4059 “investigate, examine” 6
 𪗿 4069 “exhort, urge, advise” 5
 𪗿 4480 “separate, distinguish” 3
 𪗿 4489 “make, cause, send” 4
 𪗿 4517 “eat” 7
 𪗿 4658 “eat, drink” 3
 𪗿 5173 “pull out, save” 5
 𪗿 5682 “measure, compare, examine” 3
 𪗿 5759 “send away, expel, drive” 8
 𪗿 5982 “fall, lose” 3

𪗿 ²da:- [1D]

𪗿 0256 “not to be, lose, die, kill” 15
 𪗿 0476 “have” 4
 𪗿 0841 “bend, distort, be inclined” 12
 𪗿 1105 “give” 27
 𪗿 1427 “throw, give up, lose” 19
 𪗿 1616 “enter” 8

- 𪚩 1762 "lazy, slow" 5
 𪚪 1817 "know, understand" 5
 𪚫 1839 "lose, perish" 4
 𪚬 2082 "inquire, ask, question" 3
 𪚭 2226 "do, become, make" 13
 𪚮 3072 "die" 17
 𪚯 3527 "doubt, maybe, probably" 3
 𪚰 3576 "clear, understand, differ, be discovered" 33
 𪚱 3808 "empty, void" 6
 𪚲 3844 "go, send" 9
 𪚳 4115 "village, open (field, country)" 5
 𪚴 4174 "move" 3
 𪚵 4225 "kill" 13
 𪚶 5024 "change, exchange, vary" 5
 𪚷 5071 "send, dispatch" 7
 𪚸 5346 "seek, look for, search" 9
 𪚹 5377 "wound, injure, harm" 19
 𪚺 5670 "available, connect, hang, join" 4
 𪚻 5746 "separate, cut off, move off" 3
 𪚼 5791 "send, appoint, release" 4
 𪚽 5875 "sell (and buy)" 16
 𪚾 5982 "fall, lose" 3
- 𪚿 ²rI:r- [1R]
 𪚿 1045 "talk, say, report, word" 3
 𪚿 4401 "take, hold" 3
 𪚿 4469 "go (toward), leave for" 9
 𪚿 4489 "make, cause, send" 7
 𪚿 5113 "do" 44
 𪚿 5612 "speak, explain" 4
- Pref2**
 𪚿 ¹e:- [2E]
 𪚿 0009 "arise, give birth, be born" 26
 𪚿 0063 "lift, raise" 15
 𪚿 0099 "finish" 3
 𪚿 0425 "fight, enemy" 40
 𪚿 0733 "report, inform" 10
 𪚿 0835 "report, plan" 15
 𪚿 1092 "prepare, supply" 24
- 𪚿 1269 "combine, concentrate" 20
 𪚿 1815 "correct, edit" 5
 𪚿 2492 "compare, estimate, measure" 19
 𪚿 3099 "live, stay, be in" 6
 𪚿 3506 "raise, promote (rank, position), elevate" 60
 𪚿 3606 "see, look at, observe" 3
 𪚿 3708 "cut off, break off" 3
 𪚿 4401 "take, hold" 5
 𪚿 4507 "guide, lead" 3
 𪚿 4906 "wear, dress up" 3
 𪚿 5043 "decide, resolve" 20
 𪚿 5146 "summon, call, invite" 8
 𪚿 5671 "abandon, expel" 5
 𪚿 5682 "measure, compare, examine" 7
 𪚿 5712 "finish, end" 14
 𪚿 5842 "change, translate" 13
- 𪚿 ²ne:- [2N]
 𪚿 2697 "mark, label" 8
 𪚿 2827 "tie (up), bind, arrest" 4
 𪚿 2833 "calm, certainly" 6
 𪚿 2939 "hit, touch" 3
 𪚿 5474 "fall, throw/shift responsibility on" 8
 𪚿 5621 "add, increase" 5
 𪚿 5779 "seal, *mudra*, brand" 5
- 𪚿 ¹ke:- [2K]
 𪚿 0013 "pass through, inspect," 22
 𪚿 0166 "notify, inform" 6
 𪚿 0212 "feed" 3
 𪚿 0462 "oppress, force" 22
 𪚿 0513 "be (get) angry" 37
 𪚿 0733 "report, inform" 131
 𪚿 0768 "reach, as, match up to" 6
 𪚿 1090 "torture, beat" 3
 𪚿 1269 "combine, concentrate" 6
 𪚿 1514 "suppress, put down" 9
 𪚿 1608 "similar, equal, same" 90
 𪚿 1941 "gather, assemble" 4

- 辮 2331 “contribute, pay tax” 77
 辮 2474 “pass through, go away, leak” 16
 𦉳 2827 “tie (up), bind, arrest” 4
 𦉴 2939 “hit, touch” 23
 𦉵 2984 “measure, price, worth” 46
 𦉶 3015 “obtain, catch, gain” 23
 𦉷 3606 “see, look at, observe” 48
 𦉸 3668 “cultivate field, plant” 5
 𦉹 3756 “follow, continue” 4
 𦉺 3758 “sew, inherit” 11
 𦉻 3828 “pass, present as a gift, send forward” 22
 𦉼 3832 “repair, build” 6
 𦉽 3993 “registration, record, note” 4
 𦉾 4153 “assemble, gather” 100
 𦉿 4226 “enter, fall in” 20
 𦊀 4401 “take, hold” 9
 𦊁 4442 “demand, ask for” 3
 𦊂 4485 “present, direction, turn” 10
 𦊃 4732 “store, bosom, reserve” 3
 𦊄 5065 “enter, fall into (trap), sink” 58
 𦊅 5113 “do” 7
 𦊆 5173 “pull out, save” 6
 𦊇 5402 “arrive, reach” 52
 𦊈 5411 “repair, build” 15
 𦊉 5449 “put, place” 11
 𦊊 5670 “available, connect, hang, join” 25
 𦊋 5779 “seal, *mudra*, brand” 8
 𦊌 5845 “trade, sell” 8
 𦊍 5871 “send, dispatch” 87
 𦊎 5985 “watch, spy, inspect” 8

 𦊏 ²we:- [2W]
 𦊐 0374 “regret, repent” 197
 𦊑 0390 “cut, chop (off/down/out)” 25
 𦊒 0524 “command, order” 5
 𦊓 0648 “keep, remain” 9
 𦊔 0702 “look for, seek” 33
 𦊕 0729 “report” 5
 𦊖 1092 “prepare, supply” 13
 𦊗 1100 “recompense, repay” 68

 𦊘 1357 “equal, compare” 20
 𦊙 1382 “repent” 5
 𦊚 1514 “suppress, put down” 77
 𦊛 1736 “work, manage” 8
 𦊜 1769 “protect, guard, defend” 4
 𦊝 1868 “take away, diminish, reduce” 60
 𦊞 2136 “separate, divide” 4
 𦊟 2396 “sit” 6
 𦊠 2474 “pass through, go away, leak” 4
 𦊡 2492 “compare, estimate, measure” 13
 𦊢 2709 “level, smooth (land)” 9
 𦊣 2769 “divine, divination” 10
 𦊤 2912 “return, retreat” 5
 𦊥 2931 “count, be registered” 91
 𦊦 3159 “bear, receive, suffer” 67
 𦊧 3194 “full, complete, satisfied” 10
 𦊨 3600 “call, invite, ask” 20
 𦊩 3844 “go, send” 15
 𦊪 4059 “investigate, examine” 20
 𦊫 4480 “separate, distinguish” 10
 𦊬 4489 “make, cause, send” 5
 𦊭 4503 “send, servant, serve” 3
 𦊮 4507 “guide, lead” 24
 𦊯 5173 “pull out, save” 9
 𦊰 5390 “open, untie” 9
 𦊱 5477 “measure” 4
 𦊲 5671 “abandon, expel” 7
 𦊳 5682 “measure, compare, examine” 4
 𦊴 5746 “separate, cut off, move off” 4
 𦊵 5754 “catch, arrest, seize” 3
 𦊶 5759 “send away, expel, drive” 34
 𦊷 5875 “sell (and buy)” 3
 𦊸 5982 “fall, lose” 24

 𦊹 ²de:- [2D]
 𦊺 0147 “ask, demand, request” 7
 𦊻 0390 “cut, chop (off/down/out)” 5
 𦊼 1105 “give” 165
 𦊽 1599 “get, seize” 55
 𦊾 1770 “take, seize” 29
 𦊿 1839 “lose, perish” 26

緝 2082 "inquire, ask, question" 27
 緝 2226 "do, become, make" 94
 緝 2430 "punish, penalty" 27
 緝 2724 "contain, have, there is" 3
 緝 2829 "(be) big, great" 4
 緝 3099 "live, stay, be in" 9
 隄 3456 "come, appear" 3
 隄 3474 "break, destroy" 3
 隄 3502 "return, transfer, transport" 6
 隄 3576 "clear, understand, differ, be dis-
 covered" 42
 隄 3835 "liberate, release, turn out" 24
 隄 4225 "kill" 118
 隄 4269 "hold, grasp" 30
 隄 4481 "go (away/toward)" 29
 隄 5024 "change, exchange, vary" 17
 隄 5346 "seek, look for, search" 36
 隄 5523 "allow, permit" 22
 隄 5671 "abandon, expel" 3
 隄 5708 "distinguish, discriminate" 3
 隄 5746 "separate, cut off, move off" 3
 隄 5751 "divide, division" 4
 隄 5754 "catch, arrest, seize" 4
 隄 5791 "send, appoint, release" 4
 隄 5845 "trade, sell" 4
 隄 5875 "sell (and buy)" 14
 隄 5982 "fall, lose" 8

緝 ²ryeq'2- [2R]
 隄 0535 "follow, according to" 20
 隄 0612 "guide, go together" 6
 隄 0993 "cattle-breeding, grazing, herd" 4
 隄 1278 "say" 7
 隄 1332 "pass, exchange, transfer" 6
 隄 2258 "watch, supervise" 4
 隄 3099 "live, stay, be in" 23
 隄 3456 "come, appear" 5
 隄 3844 "go, send" 4
 隄 3852 "go, move" 3
 隄 4269 "hold, grasp" 4
 隄 4489 "make, cause, send" 3
 隄 5113 "do" 91
 隄 5449 "put, place" 5
 隄 5754 "catch, arrest, seize" 5
 隄 5791 "send, appoint, release" 3

Pref3

隄 ²dl:- [3D]
 隄 0147 "ask, demand, request" 6
 隄 1770 "take, seize" 26
 隄 3780 "steal" 3
 隄 5754 "catch, arrest, seize" 22
 隄 5886 "steal, rob" 3

К.М. Богданов

Некоторые итоги и перспективы исследований материалов тангутского фонда ИВР РАН

«...среди всевозможных сокровищ литература — наивысшая драгоценность»
(из предисловия к тангутскому словарю «Фонетические таблицы»).

В настоящее время фонд тангутских рукописей и печатных книг Института восточных рукописей РАН насчитывает около 9000 книг: целиком сохранившиеся книги, полные и частично сохранившиеся списки из нескольких листов, отдельные листы и фрагменты листов¹. В культурно-историческом значении эти памятники равноценны. Значимость письменного памятника определяют отнюдь не его состояние и объем, так как небольшой фрагмент оригинального тангутского сочинения может представлять не меньшую ценность для научного исследования, чем полный список буддийской сутры. Поэтому мы вправе говорить, что научное изучение тангутских книг, хранящихся в ИВР РАН, дает полное представление не только о письменной, но и обо всей тангутской культуре в целом. Результаты, достигнутые отечественной и мировой тангутологией за последнее столетие, подтверждают это положение. Именно изучение и описание тангутской книги явилось отправной точкой для всех дальнейших масштабных тангутологических исследований. Не будет преувеличением сказать, что значительная часть достижений в области тангутологии связана с коллекцией П.К. Козлова, на основе которой был создан тангутский фонд Азиатского музея — ИВР РАН, а также с именами отечественных ученых, которые его описывали и исследовали и которые в большинстве своем являлись сотрудниками этого научного учреждения: А.И. Иванова, Н.А. Невского, А.А. Драгунова, З.И. Горбачевой, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова, М.В. Софронова, К.Б. Кепинг, А.П. Терентьева-Катан-

¹ Точное число можно будет назвать только по окончании работы по повторной инвентаризации и сверке, которая ведется в настоящее время.

ского. Поэтому, прежде чем говорить о перспективах изучения материалов, хранящихся в этом фонде, хотелось бы вкратце рассказать о некоторых из этих результатов в области тангутологии, полученных в процессе изучения тангутской письменной культуры.

Тангутская письменная культура (и книжная как ее главная составляющая) представляет собой уникальную культурно-историческую традицию. Ее первым крупным исследователем в России был Н.А. Невский, который на основе описания материалов тангутского фонда ИВ АН СССР дал глубокую и комплексную характеристику всех ее областей. Впоследствии тангутская книга на протяжении десятилетий была среди прочих постоянной и приоритетной темой научных исследований Е.И. Кычанова — автора двух существующих каталогов этой коллекции², а также целого ряда очерков и статей, посвященных тангутской книге и письменной культуре³. Одновременно с ним исследования в этой области занимался А.П. Терентьев-Катанский, который посвятил данной теме две монографии⁴. В настоящее время значительная часть наших знаний о тангутской письменной и книжной культуре есть результат исследований этих ученых.

Уникальная особенность этой традиции заключается в том, что за краткий период своего существования — в общей сложности три столетия, — стремительно развиваясь как в технологии книгопечатания, так и в содержательном отношении (жанры, сюжеты, памятники), она стала в один ряд с крупнейшими книжными традициями своих соседей — Китая и Индии. Возникнув под сильнейшим непосредственным воздействием этих двух древнейших культур, используя все их достижения, тангуты создали свое собственное книжное дело, которое в некоторых аспектах было даже более динамично и более восприимчиво к новым историческим и экономическим условиям своей эпохи. Несомненным доказательством сказанному выше являются интенсивность и размах, с которыми тангуты использовали для печатания книг изобретенный в Китае подвижной шрифт⁵. Возникшая в многонациональном государстве тангутская культура вообще и книжная в частности не могла не быть самобытной. На территории тангутского государства создавались книги на тангутском, китайском, тибетском, монгольском, уйгурском языках. В Хара-Хото были обнаружены рукописные фрагменты на тибетском, монгольском и сирийском языках⁶. Издание книг было трудоемким многоэтапным процессом, требовавшим участия значительного количества людей: авторов, переводчи-

² Тангутские рукописи 1963; Каталог 1999. В издание 1963 г. были включены все отождествленные на тот момент тангутские тексты. Второй каталог включил в себя только отождествленные буддийские памятники тангутского фонда, соответственно, в него вошли все буддийские тексты, указанные в каталоге 1963 г.

³ Кычанов 1959; Кычанов 1964; Кычанов 1968; Кычанов 1980; Кычанов 1988; Кычанов 1994; Кычанов 2008.

⁴ См.: Терентьев-Катанский 1981; Терентьев-Катанский 1990. А.П. Терентьев-Катанский также автор нескольких статей по данной теме.

⁵ См.: Carter 1955.

⁶ См.: Пигулевская 1940.

ков текстов, переписчиков, корректоров, изготовителей бумаги, туши для письма, резчиков досок и литер. И поскольку они зачастую были представителями разных этносов, проживавших на данной территории, то эта культура развивалась под постоянным и непосредственным воздействием различных национальных культурных и религиозных традиций. В итоге это привело к органичному смешению стилей и направлений, придавшему тангутской книге особый колорит, который наиболее ярко выражен во внутреннем и внешнем оформлении книг, в частности в книжных гравюрах.

Возникнув одновременно с самим тангутским государством в начале XI в. и пережив его существование на десять веков, тангутская письменная культура фактически отрыла современному миру само это государство. Богатейшая и разнообразная литература появилась и сформировалась здесь в относительно краткий, два с половиной столетия, период существования тангутского государства. Интенсивность и динамизм развития двух взаимосвязанных процессов — книжного дела и литературного творчества были чрезвычайно высоки. Согласно указам тангутских императоров, по их личной инициативе и непосредственном участии был полностью переведен с китайского и тибетского языков буддийский канон. Сутры канона переписывались и печатались огромными для той эпохи тиражами. Помимо буддийских канонических текстов мы обнаруживаем в тангутской религиозной письменной традиции значительное количество буддийских тантрических, чаньских и конфуцианских сочинений. Все это сопровождалось составлением огромного корпуса комментаторских текстов, которые зачастую являлись самостоятельными произведениями в рамках определенного философского или религиозного течения. Благодаря сохранившимся тангутским переводам мы имеем представление о некоторых утраченных оригинальных произведениях того времени, а возможно, и более ранней эпохи. До нас дошли также юридические сочинения, фиксирующие законотворческую деятельность государства, а также огромное количество дипломатических и хозяйственных документов. Объем и разнообразие этого наследия поражают, особенно если учесть тот факт, что мы можем судить о тангутской письменной культуре только на основе малой доли того, что сохранило для нас время. Из тысяч разной величины фрагментов книг, хранящихся в различных библиотеках и музеях мира, изучена лишь незначительная часть, и в силу ряда причин, возможно, самые интересные тангутские тексты до сих пор остаются неизвестными.

Тангуты интенсивно развивали и совершенствовали технологические аспекты книгопечатания. Его составляющие: бумага, тушь, ксилографическая печать и подвижной шрифт были к тому времени изобретены в Китае. Восприняв все технические достижения в данной области, тангуты комплексно использовали наиболее эффективные методы и приемы создания книг в соответствии со стоявшей перед ними национальной и исторической задачей. Они создавали рукописные книги, ксилографы и, судя по всему, были лидерами своего времени по использованию наборного шрифта — примерно за четыре века до изобретения его Гуттенбергом в Европе. Они воспринимали чужую

традицию и развивали свою собственную. Заимствовав основные технологии книжного производства у Китая, тангуты производили собственную бумагу, использовали все существовавшие в Центральной и Южной Азии и Китае устоявшиеся формы брошюровки книг: книга-свиток, книга-бабочка, книга-потхи, книга-гармоника. Возможно, следуя в первую очередь принципу целесообразности, тангутские мастера часто брошюровали книгу в виде тетради (кодекса), заполняя лист с обеих сторон. Внутреннее убранство тангутских книг заслуживает специального искусствоведческого анализа, и здесь мы имеем в виду не только буддийскую символику, которая в изобилии и многообразии была представлена в тангутских изданиях. Страницы книг могли быть украшены небольшими цветными рисунками в виде цветов, узоров или замысловатых растительных орнаментов, а также совершенно произвольных рисунков: монах с цветком или фигура животного или птицы. Вполне очевидно, что в данном случае мы имеем дело с одним из наиболее ранних образцов иллюстрированной книги.

Другим несомненным признаком высокого уровня развития книжной культуры тангутов было библиотечное дело, включавшее высокопрофессиональную практику хранения и реставрации книг. Книги по большей части хранились в монастырях и дворцах, хотя, вероятно, существовали и отдельные частные собрания. Навыки реставрации и хранения книг возникли у тангутов одновременно с самим книжным делом и развивались в рамках этой традиции и вместе с ней. Все тангутские книги коллекции П.К. Козлова из собрания ИВР РАН были созданы в период существования Си Ся (1032–1227). Если принять за точку отсчета возникновения тангутской книжной культуры дату изобретения тангутской письменности, речь может идти о книгах, созданных в XI–XIII вв.⁷ Их существование как «живых», востребованных письменных источников было очень кратким — приблизительно три столетия. На протяжении этого периода доступности для читателя и до того момента, когда большая их часть была уничтожена или спрятана, за их состоянием тщательно следили хранители монастырских или частных библиотек. Книги подклеивали, сшивали, делали различного рода вставки в поврежденные места текста или листа; наряду с этим шла постоянная сверка текста и исправление ошибок. Таким образом, непрерывно обновлялась и восстанавливалась как начальная форма книги, так и ее содержание. Богатый материал тангутского фонда ИВР РАН подтверждает это: значительная часть рукописей или печатных книг подвергалась систематической и неоднократной реставрации уже в период Си Ся. По нашему мнению, самому процессу реставрации предшествовала подготовительная классификационная работа. Можно сделать вывод, что работа по отбору рукописей должна была проводиться регулярно и требовала значительного количества времени и сил. Несомненно, ее могли выполнять только люди, знавшие книгу как по форме, так и по содержанию, иными словами, профессиональные библиотекари. В работах Е.И. Кычанова и А.П. Те-

⁷ В том числе в юаньский период (1271–1368), но в тангутском фонде ИВР РАН книг этого периода нет или пока не обнаружены.

рентьева-Катанского перечислены и описаны все основные варианты реставрации и правки текста, которыми пользовались тангуты. Но то, как это делалось в каждом отдельном случае, заслуживает особого внимания, поскольку тангутские реставраторы, как правило, старались сохранить изначальный облик и стилистическое единство книги.

Весьма впечатляющими и востребованными являются результаты филологических исследований, выполненных на основе материалов тангутского фонда ИВР РАН. Работая с тангутскими переводами буддийских сутр и тангутской лексикографической литературой в 1920–1930-е годы, Н.А. Невский решил весьма актуальную задачу по созданию многоязычного и одновременно толкового словаря тангутского языка. В этом словаре, в основу которого была положена лексика сутр (в первую очередь «Лотосовой сутры»), тангутские слова были снабжены переводом на русский, английский, китайский, тибетский языки и санскрит. Переводы сопровождались конкретными примерами из текстов⁸. В дальнейшем этот словарь послужил основой для создания «Тангутско-русско-китайско-английского словаря» Е.И. Кычанова — одного из самых востребованных словарей тангутского языка, существующих в настоящее время⁹. В конце 1960-х годов ученик А.А. Драгунова М.В. Софронов создал наиболее полную на данный момент грамматику тангутского языка¹⁰. В процессе этой работы он создал свою собственную фонетическую реконструкцию тангутского языка, которая до сих пор остается наиболее востребованной в современном тангутоведении. Исследования другого ученого, связанные с тангутским фондом ИВР РАН, К.Б. Кепинг, были сосредоточены на текстологии и лингвистике. Ее монография «Тангутская морфология» является ценным и необходимым справочным пособием по тангутской грамматике¹¹.

Благодаря индивидуальному и коллективному научному творчеству выше-названных ученых были осуществлены перевод и критические издания целого ряда тангутских письменных памятников. Назовем некоторые из этих работ: текст по истории происхождения тангутов «Гимн священным предкам тангутов»¹², толковый словарь «Море письмен»¹³, пособие по изучению тангутской письменности «Крупинки золота на ладони»¹⁴, самобытное тангутское нраво-

⁸ Нам известно еще о двух отечественных словарях тангутского языка — А.И. Иванова (1878–1937) и А.А. Драгунова (1900–1955). Словарь А.И. Иванова, очевидно, исчез после его ареста, но, поскольку его существование подтверждено свидетельствами современников, в том числе Н.А. Невского, все-таки есть некоторая вероятность или надежда, что он когда-нибудь будет обнаружен. Данные же о словаре А.А. Драгунова пока не подтверждаются.

⁹ Кычанов 2006.

¹⁰ Софронов 1968.

¹¹ Кепинг 1985.

¹² См.: Кычанов 1968. Эта ода была обнаружена в 1930-е годы Н.А. Невским, он же начал ее исследование и перевел большую часть текста. В конце 1960-х годов Е.И. Кычанов подготовил к изданию полный перевод памятника.

¹³ Кепинг, Колоколов, Кычанов, Терентьев-Катанский 1969.

¹⁴ Кычанов 1969.

учительное сочинение «Вновь собранные парные изречения»¹⁵, военный китайский трактат «Сунь-цзы»¹⁶, китайское сочинение, сохранившееся только на тангутском языке, «Лес категорий»¹⁷, памятник тангутского законодательства «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное Процветание (1149–1169)»¹⁸, «Двенадцать царств»¹⁹, энциклопедия «Море значений, установленных святыми»²⁰, китайский апокриф, сохранившийся только в тангутском переводе, «Запись у алтаря о примирении Конфуция»²¹, толковый словарь «Смешанные знаки трех частей мироздания»²². Наряду со своей культурной и литературной значимостью эти переводы являются необходимым пособием для изучения тангутского языка²³.

Дальнейшая работа с материалами тангутского фонда должна вестись по двум направлениям: библиотечному и научно-исследовательскому. Под первым направлением мы подразумеваем весь спектр научно-практической деятельности, связанной с технической обработкой материалов фонда, которая включает в себя инвентарный учет книг, присвоение шифров, составление таблиц соответствия старых и новых шифров или инвентарных номеров, работу по отбору и учету рукописей, нуждающихся в первостепенной реставрации. Учитывая объем фонда и состояние тангутских книг, важность этой трудоемкой и регулярной работы бесспорна. Этот труд является неотъемлемой подготовительной частью реализации такого масштабного библиотечного и научного проекта, как создание нового каталога тангутских рукописей и ксилографов, который должен в идеале включать в себя все новые отождествленные материалы.

Что касается научно-исследовательской филологической и источниковедческой работы, то она напрямую связана с подробным изучением материалов фонда, под которым подразумевается в первую очередь непосредственная работа с текстами памятников. В рамках этих исследований должна быть продолжена работа по подготовке тангутских текстов, снабженных соответствующим научным описанием и комментарием, а также критических изданий. В результате продолжающейся в настоящее время работы с материалами тангутского фонда количество самых разнообразных по своей тематической и жанровой направленности новых сочинений постоянно увеличивается. При отсутствии колофонов только детальное изучение памятника поможет отождествить его. В свою очередь, в результате подробного изучения письменных источников можно получить ответ на ряд вопросов, связанных с разными сторонами жизни тангутского общества и государства. При таком методе ис-

¹⁵ Кычанов 1974.

¹⁶ Кепинг 1979.

¹⁷ Кепинг 1983.

¹⁸ Кычанов 1987–1989.

¹⁹ Солонин 1995.

²⁰ Кычанов 1997.

²¹ Кычанов 2000.

²² Терентьев-Катанский 2002.

²³ Оригиналы всех перечисленных произведений хранятся в тангутском фонде ИВР РАН.

следования нас действительно могут ждать совершенно неожиданные открытия. В большей степени это касается многочисленных и пока еще не отождествленных сочинений в виде различной величины фрагментов, предположительно определенных как оригинальные тангутские тексты. Именно эта текстологическая и источниковедческая работа является первостепенной, так как она лежит в основе любых других научных исследований: исторических и филологических, социологических и т.д. Это же в полной мере относится и к религиоведению, которое в первую очередь сконцентрировано на изучении традиции тангутского буддизма, выявлении его самобытных черт. Это необыкновенно интересная, перспективная, трудная и, может быть, потому малоизученная область тангутологии²⁴.

В настоящее время из отечественных востоковедов только К.Ю. Солонин занимается исследованием тангутского буддизма, а также всего комплекса взаимосвязей и влияний, связанных с данной темой. Его монография «Обретение учения. Традиция Хуаянь-чань в буддизме тангутского государства Си Ся»²⁵ является практически единственным фундаментальным исследованием по данной теме. Судя по тому богатству оригинальных тангутских текстов, хранящихся в тангутском фонде ИВР РАН, можно представить себе, как много мы еще не знаем о тангутском буддизме на уровне народных верований, повседневной обрядности, исполнения ритуалов, поведенческих норм и т.п. Несомненно, что исследователя в данной области тангутоведения ждут новые факты и информация, способные повлиять на существующее представление о развитии и становлении буддизма в Си Ся. Таким образом, перспективы религиоведческих исследований также связаны с текстологией.

В области изучения истории тангутской книги актуальным направлением является изучение колофонов. Любые новые данные, полученные при успешном их прочтении (даты, имена и т.д.), дополняют сведения об уже известной исторической ситуации, в которой развивалось книжное дело не только в тангутском государстве, но и в сопредельных с ним Китае и Тибете. Другой интересной темой исследований в области истории книги является анализ масштаба использования тангутами подвижного шрифта. В начале XX в. стоявшие у истоков тангутоведения А.И. Иванов, Н.А. Невский, П. Пельо, Б. Лауфер и др. эту проблему не затрагивали, но уже в середине прошлого столетия использование тангутами наборного, или подвижного, шрифта признавалось всеми исследователями. Е.И. Кычанов, работая над «Каталогом тангутских буддийских памятников»²⁶, обнаружил текст XII в., напечатанный данным способом. Сочинение «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» (Танг-27), несомненно, напечатано наборным шрифтом, так как это явствует из колофона памятника. Этот текст уникален, так как других памятников с сохранившимся колофоном, в котором документально зафиксиро-

²⁴ Из работ отечественных исследователей по данной теме мы должны упомянуть статьи: Кычанов 1982; Кычанов 1960; Кычанов 1987; Kuchanov 1998; Кычанов 2008.

²⁵ Солонин 2007.

²⁶ Каталог 1999.

рован этот тип книжной печати, пока обнаружено не было. Кроме того, нет никакой уверенности, что они найдутся в дальнейшем, так как у подавляющего большинства тангутских книг начало и конец, как правило, повреждены или не сохранились. Более того, колофон, к сожалению, не являлся непременной или даже частой составляющей тангутской книги. Поэтому данный памятник является своего рода отправной точкой для сравнительного и сопоставительного анализа. На основании его мы по ряду формальных признаков склонны считать значительную часть книг, хранящихся в тангутском фонде ИВР РАН, которые ранее характеризовались как ксилографы, книгами, напечатанными наборным шрифтом. Если же учесть тот факт, что до сих пор не найдено ни одного текста на китайском языке, отпечатанного наборным шрифтом, то можно сказать, что тангутские книжные собрания имеют уникальную культурную и научную значимость²⁷.

Если говорить об изучении художественной культуры тангутов, то, начиная с работы С.Ф. Ольденбурга²⁸, в этой области искусствоведения сделано достаточно много. За последние годы на русском языке написано большое число статей, посвященных различным аспектам тангутской буддийской иконографии и материальной культуре Си Ся²⁹, опубликованы каталоги выставок³⁰ и, наконец, обобщающая эти исследования работа К.Ф. Самосюк³¹. Отдельного исследования заслуживает тангутская книжная гравюра, которая в форме иллюстрации, орнамента, реставрационной или редакторской вставки является практически постоянным элементом внутреннего оформления тангутской книги. Если судить по частоте их использования, разнообразию, уровню художественного мастерства, можно говорить о созданной тангутами уникальной традиции иллюстрированной книги. Закономерности и варианты использования гравюр в качестве иллюстраций, художественные приемы, иконографические особенности и отличия книжных гравюр пока не были классифицированы и описаны должным образом. Искусство тангутской каллиграфии и связанная с ним скоропись — еще один неисследованный аспект тангутской письменной культуры. Дешифровка тангутской скорописи в настоящий момент имеет первостепенное значение для тангутоведения и смежных областей востоковедения, изучающих историю Центральной Азии и Дальнего Востока, так как скорописью записаны практически все тангутские документы. Этот вид письма весьма труден для прочтения, а во многих случаях не доступен для понимания. Количество скорописных документов в тангутском фонде ИВР РАН исчисляется десятками, если не сотнями единиц. Это хозяйственные, деловые, официальные документы, военные или дипломатические

²⁷ Об этом феномене китайского книгопечатания писали все известные исследователи дальневосточной книжной культуры: Т.Ф. Картер, К.К. Флуг, Л.К. Гудрич, Э. Гринстед, Е.И. Кычанов, Ши Цзинь-бо.

²⁸ Ольденбург 1914.

²⁹ См.: Терентьев-Катанский 1993.

³⁰ См.: Lost empire 1993; Пещеры тысячи будд 2008.

³¹ Самосюк 2006.

донесения, возможно, и частная переписка. Можно лишь предполагать, какая информация о жизни тангутского общества содержится в них³².

В заключение можно сказать следующее: тангутский фонд ИВР РАН будет еще очень долгое время составлять основную базу для научных исследований как отечественного, так и зарубежного тангутоведения. Это собрание остается по-прежнему крупнейшим в мире, и оно открыто для всех заинтересованных исследователей³³. Оно является источником для научной работы, результаты которой могут быть весьма значительными не только для тангутоведения, но и для смежных областей востоковедной науки, в первую очередь тибетологии, китаеведения и дуньхуановедения. Основным условием достижения результатов в этих научных изысканиях является наличие специалистов, подготовленных должным образом. Тангутские книги представляют собой важнейшую часть и отражение всей тангутской культуры, которая представляла собой естественный синтез китайской, тибетской и опосредованно индийской традиций. Соответственно, исследователь, ведущий изыскание в любой области тангутоведения, должен быть основательно знаком с каждой из этих традиций. Примерно полстолетия назад сэр Джерард Клосон (1891–1974), ориенталист, известный в первую очередь как тюрколог, ученый-лингвист, серьезно изучавший древние восточные языки, в своей итоговой статье, посвященной перспективам тангутологических исследований, написал следующее: «Что касается тангутологических исследований... то, приступая к ним более 30 лет назад, я относился к ним как к захватывающим упражнениям по криптографии с использованием некоторой доли математических знаний. Но очень скоро я убедился, что серьезное изучение тангутского языка в любом случае невозможно без если не глубокого, то хорошего знания китайского, тибетского и, по возможности, некоторых тибето-бирманских языков. Я... считаю своим долгом своевременно передать мой опыт в распоряжение нового и полного сил поколения молодых исследователей этого замечательного языка»³⁴.

Каждый, кто соприкоснулся с изучением тангутской культуры, может подтвердить правоту мнения этого замечательного ученого, одного из ярких представителей европейского классического востоковедения, считавшего непременным условием и основой изучения любой древней культуры наличие у исследователя комплекса глубоких знаний в сопредельных изучаемому предмету областях. Дж. Клосон не стал последним представителем этой школы: в завершающий период своей деятельности, в 1960 г. во время XXV Всемирного конгресса востоковедов, он познакомился с тогда еще только начинающим свой путь в науке Е.И. Кычановым и, можно сказать, символически передал

³² В настоящее время Е.И. Кычанов занимается исследованием тангутских документов из собрания ИВР РАН, в том числе скорописных.

³³ За последние десятилетия в результате археологических исследований в Китае были сделаны значительные находки, имеющие отношение к Си Ся, однако точными данными об этом мы не располагаем.

³⁴ Clauson 1964. Эту итоговую статью сам Клосон назвал «своей лебединой песней в тангутоведении», которым он занимался более 30 лет.

ему традицию научных исследований, верность которой тот, в свою очередь, подтверждает уже почти полвека³⁵.

Литература

- Вновь собранные 1974 — Вновь собранные парные изречения. Факсимиле ксилографа / Пер., коммент. и исслед. Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1974 (Памятники письменности Востока XL).
- Двенадцать царств 1995 — Двенадцать царств. Факсимиле рукописи / Изд. текста, исслед., пер. с тангут., коммент., табл. и указ. К.Ю. Солонина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995 (Памятники культуры Востока II).
- Запись у алтаря 2000 — Запись у алтаря о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи / Изд. текста, перевод с тангут., вступит. ст., коммент. и словарь Е.И. Кычанова. М.: Восточная литература, 2000 (Памятники письменности Востока CXVII).
- Измененный... кодекс 1987–1989 — Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169) / Изд. текста, пер. с тангут., исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. В 4-х кн. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989 (Памятники письменности Востока LXXXI).
- Каталог 1999 — Каталог буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук / Сост. Е.И. Кычанов; вступит. ст. Т. Нисиды; изд. подготовил С. Аракава. Киото: Университет Киото, 1999.
- Китайская классика 1966 — Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэнцзы, Сяо цзин): Факсимиле текстов / Предисл., словарь и указ. В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1966 (Памятники письменности Востока IV).
- Кепинг 2003 — *Кепинг К.Б.* Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003.
- Кепинг 1985 — *Кепинг К.Б.* Тангутский язык. Морфология. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.
- Кычанов 1987 — *Кычанов Е.И.* Государство и буддизм в Си Ся (982–1227) // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 130–146.
- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008 (Исторические исследования).
- Кычанов 1964 — *Кычанов Е.И.* К изучению структуры тангутской письменности // КСИНА. 1964. С. 126–150.
- Кычанов 1959 — *Кычанов Е.И.* Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // Страны и народы Востока. Вып. I. М., 1959. С. 204–212.
- Кычанов 1969 — *Кычанов Е.И.* «Крупинки золота на ладони» — пособие для изучения тангутской письменности // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. С. 213–222.
- Кычанов 1968 — *Кычанов Е.И.* Культура Си Ся: Письменность, просвещение, музыка, живопись // Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 259–271.
- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* Наставник императора в иерархии наставников в буддийском вероучении в тангутском государстве Си Ся // История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 603–605.
- Кычанов 1960 — *Кычанов Е.И.* Об одном обряде религии Бон, сохранившемся в буддийских ритуалах тангутов // Краткие сообщения Института этнографии. Т. XI. 1960. С. 86–90.

³⁵ В период проведения этого конгресса Дж. Клосон вместе с другими его участниками посетил Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, в котором была подготовлена специальная выставка для участников конгресса.

- Кычанов 1994 — *Кычанов Е.И.* Памятники тангутской письменности и тангутская культура // *Петербургское востоковедение*. Вып. 5. СПб., 1994. С. 389–414.
- Кычанов 1982 — *Кычанов Е.И.* Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве // *Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века*. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 28–62.
- Кычанов 1988 — *Кычанов Е.И.* Тангутская рукописная книга (вторая половина XII — первая четверть XIII в.) // *Рукописная книга в культуре народов Востока*. Кн. 2. М.: Восточная литература, 1988.
- Кычанов 1980 — *Кычанов Е.И.* Тангутское письмо в истолковании самих тангутов // *Разыскания по общему китайскому языкознанию*. М.: ГРВЛ, 1980. С. 209–223.
- Лес категорий 1983 — *Лес категорий: утраченная лэйшу в тангутском переводе: Факсимиле ксилографа* / Изд. текста, вступит. ст., пер., коммент. и указ. К.Б. Кепинг. М.: Наука, ГРВЛ, 1983 (Памятники письменности Востока XXXVIII).
- Море писем 1997 — *Море значений, установленных святыми: Факсимиле ксилографа* / Изд. текста, предисл., пер. с танг., коммент. и прил. Е.И. Кычанова. СПб.: Центр Петербургское востоковедение, 1997 (Памятники культуры Востока IV).
- Море писем 1969 — *Море писем: Факсимиле тангутских ксилографов* / Пер. с танг., вступ. ст. и прил. К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. 1–2. Приложения. М.: Наука, ГРВЛ, 1969 (Памятники письменности Востока XXV).
- Ольденбург 1914 — *Ольденбург С.Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1914.
- Пещеры тысячи будд 2008 — *Пещеры тысячи будд. Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея* // *Каталог выставки*. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008.
- Пигулевская 1940 — *Пигулевская Н.В.* Сирийский и сиротюркский фрагмент из Хара-Хото и Турфана // *Советское востоковедение*. 1940. № 1. С. 212–234.
- Самосюк 2006 — *Самосюк К.Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV веков. Между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006.
- Смешанные знаки 2000 — *Смешанные знаки (трех частей мироздания): Факсимиле ксилографа* / Вступит. ст., пер. с тангут. А.П. Терентьева-Катанского; под ред. М.В. Софронова; реконструкция текста, предисл., исслед. и коммент. М.В. Софронова. М.: Восточная литература, 2000 (Памятники письменности Востока CXXI).
- Солонин 2007 — *Солонин К.Ю.* Обретение учения. Традиция Хуаянь-Чань в буддизме тангутского государства Си Ся. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
- Софронов 1968 — *Софронов М.В.* Грамматика тангутского языка. В 2-х кн. М.: Наука, 1968.
- Сунь-цзы в тангутском переводе 1979 — *Сунь-цзы в тангутском переводе: Факсимиле ксилографа* / Изд. текста, пер., введ., коммент., грамат. очерк, словарь и прил. К.Б. Кепинг. М.: Наука, ГРВЛ, 1979 (Памятники письменности Востока XLIX).
- Тангутские рукописи 1963 — *Тангутские рукописи и ксилографы: Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР* / Сост. З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Терентьев-Катанский 1981 — *Терентьев-Катанский А.П.* Книжное дело в государстве тангутов (по материалам коллекции П.К. Козлова). М.: ГРВЛ, 1981.
- Терентьев-Катанский 1993 — *Терентьев-Катанский А.П.* Материальная культура Си Ся. М.: Восточная литература, 1993.
- Терентьев-Катанский 1990 — *Терентьев-Катанский А.П.* С Востока на Запад. Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII веков. М.: Восточная литература, 1990.

- Carter 1955 — *Carter T.F.* The Invention of Printing in China and its Spread Westward. N. Y.: The Ronald Press Company, 1955.
- Clauson 1964 — *Clauson G.* The Future of Tangut (Hsi Hsia) Studies // *Asia Major* (New Series). Vol. XI. 1964. P. 54–77.
- Lost Empire... 1993 — *Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara Khoto (X–XIIIth century)* / Ed. by M.B. Piotrovsky. Milan: Electa and Thyssen-Bornemisza Foundation, 1993.
- Kychanov 1998 — *Kychanov E.I.* Tangut Buddhist Books: Customers, Copyists, and Editors // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 4. No. 3. 1998. P. 5–9.

I. Galambos

Consistency in Tangut Translations of Chinese Military Texts¹

Translations of Chinese works on military strategy are an important part of the Tangut texts available to us today. As texts for which we have parallel Chinese versions, they are invaluable for enriching our knowledge of the Tangut language, including its syntax, morphology, and lexicon. When aligned side by side, however, Chinese and Tangut versions often exhibit differences, ranging from minor discrepancies in wording to omissions or additions of complete sentences and sections. The question arises whether these differences are due to the fact that the translators worked from Chinese editions that are no longer extant or they took liberties with the texts for a variety of reasons. Perhaps they localized them to fit their cultural and linguistic environment and made them more accessible for Tangut readers, at times leaving out details they deemed inconsequential, or integrating commentary-type explanations for passages that otherwise would have been obscure for the Xi-Xia readership.

In this paper, I look at examples of discrepancies between multiple Tangut versions of the same Chinese phrase or text segment, to assess the consistency of their translation. In order to secure a relatively stable environment where variation cannot be attributed to the diversity of the material, I limit my analysis to translations of Chinese military works. My aim is to show that even within such a closely defined genre, at times we encounter inconsistencies. This not only implies that many of the texts were translated by different people but also that even the key works lacked textual authority, and none of them functioned as a model for new transla-

¹ A preliminary version of this paper was presented at the First International Conference on Ancient Manuscripts and Literatures of the Minorities in China (Beijing, November 2010). I would like to thank the participants of our panel who made valuable comments and thereby improved the paper substantially. In addition, I am particularly grateful to Viacheslav Zaytsev (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg) for his untiring help in providing information about the Tangut collection in St. Petersburg.

tions. Similarly, the differences in the transliteration of the names of some important historical figures from China's past show that the Tangut did not have a constant way of writing them but transcribed them phonetically each time they occurred.

1. Tangut translations of Chinese military texts

Among the non-Buddhist material translated from Chinese into Tangut, works on military strategy represent one of the principal categories. Beside the cultural implications of this pronounced interest in military lore,² the corpus is also significant in size, containing both printed and handwritten material. The currently identified texts are as follows:

A) *Sunzi bingfa* with three commentaries 孫子兵法三家注 (hereafter: *Sunzi*)

The three commentaries referred to in the title are those by Cao Cao 曹操 (155–220), Li Quan 李筌 (fl. 740) and Du Mu 杜牧 (803–852). A version of the *Sunzi* with three commentaries is unknown in the Chinese tradition, where we only find editions with ten or eleven.³ These, however, include the three commentaries we see in the Tangut edition.⁴

There are two copies of this text, held at the Institute of Oriental Manuscripts (IOM), Russian Academy of Sciences, in St. Petersburg. The first copy is a printed edition in a 'butterfly' format (Танг 6/2-3), followed by an incomplete biography of Sunzi (*Sunzi zhuan* – see below).⁵ Two pages of the *Sunzi* with commentaries from probably the same printed edition were also identified in the Stein collection at the British Library.⁶ The other copy in St. Petersburg is a manuscript scroll with the very end of the *Sunzi* (17 rows in total) followed by a complete biography of Sunzi.⁷ A Russian translation of the printed Tangut edition and its commentaries,

² The Tangut were certainly not the only non-Chinese people who valued Chinese military works. One of the earliest Chinese books translated into Manchu, for example, was the *Sanguo yanyi* 三國演義, which is essentially a literary representation of the military lore. The list of other early translations of works on strategy into Manchu is very similar to the ones found at Khara-Khoto, including the *Huang Shigong sanlüe* 黃石公三略 and the *Liutao* 六韜. See Durrant 1979, pp. 654–655.

³ The difference between the ten and eleven commentaries of Chinese Song editions lies in whether the commentary of Du You 杜佑 (735–812) is included among them. For a short overview of the textual history of the *Sunzi* in the Chinese tradition, see Gawlikowski and Lowe 1993.

⁴ Ksenia Kepping showed that bits and pieces of the Chinese text commentaries are absent from the Tangut translation. The translation, however, at times also contains parts that do not appear in extant Chinese editions. Accordingly, Kepping concluded that the editions serving as a basis for the translation differed from the ones surviving today (Kepping 1979, pp. 16–17).

⁵ Gorbachova and Kychanov 1963, p. 36. On the bookbinding formats used for Tangut books, see Drège 2006.

⁶ These two pages were identified by Eric Grinstead who also published a photograph of one of the pages (Grinstead 1961, p. 85).

⁷ For a detailed description of the scroll and a Russian translation of the surviving 17 rows of the *Sunzi*, see Kepping 1977. She points out that although a title at the end of the *Sunzi* claims that this is an edition with three commentaries, there are no commentaries in the few surviving lines of the text (Kepping 1977, p. 162).

with photographic reproductions, was published by Ksenia Kepping in 1979.⁸ Subsequently, Lin Ying-chin 林英津 also published the entire text with detailed textual and linguistic analyses.⁹

B) *Sunzi zhuan* 孫子傳

This is a biography of Sunzi which is appended to the end of the Tangut translation of the *Sunzi*. The text essentially matches the “Biography of Sunzi” 孫子列傳 in the *Shiji* 史記. Considering that there is not a single copy of a dynastic history among the relatively large number of Tangut translations of Chinese texts and that historical works in general are rare among the surviving material, it is reasonable to assume that the Tangut translator did not extract the *Sunzi zhuan* from the *Shiji* but that he was working with the Chinese editions that had already joined the *Sunzi* and the *Sunzi zhuan* together.¹⁰ The overlapping portions between the printed and handwritten copies of both the *Sunzi* and the *Sunzi zhuan* confirm that despite the number of smaller discrepancies we are essentially dealing with the same translation.¹¹

There are two copies of this text, both kept at the IOM in St. Petersburg. One is an incomplete copy on a woodblock print (Таҥр 6/3), the other a complete one as part of a manuscript scroll (Таҥр 7). In both cases the text is appended to the translation of the *Sunzi* (see above). There are some differences between the printed and handwritten versions but the printed edition seems to be an improved version of the manuscript, and it is possible that the manuscript served as the proofs for the woodblock edition.¹² The printed has been published by Kepping along with her study of the *Sunzi*, and later by Lin Ying-chin.¹³

C) *Liutao* 六韜

This is a printed edition at the IOM in St. Petersburg (Таҥр 8/1-4), bound using the ‘butterfly’ format. Among the surviving pages, there are also duplicate fragments of the same edition. One of the interesting features of the Tangut translation is that it includes two chapters (*pian* 篇) which cannot be found in the Chinese text. These two chapters have been located as quotes from the *Liutao* in the Tang dynasty encyclopedias such as the *Taiping yulan* 太平御覽 and Du You’s *Tongdian* 通典.¹⁴ In addition to the material at the IOM, recently a small fragment from the Stein collection at the British Library has been identified as belonging to the *Liutao*, although it is probably a different edition from that in St. Petersburg.¹⁵

⁸ Kepping 1979. Photographic images of all Tangut military texts in the IOM collection have been published in *Ecang Heishuicheng wenxian*, vol. 11.

⁹ Lin Ying-chin 1994.

¹⁰ This argument is put forward in Nie Hongyin 1991, p. 267.

¹¹ For the list of discrepancies between the printed and manuscript copies of the *Sunzi zhuan*, see Kepping 1977, pp. 163–165.

¹² Kepping 1977, p. 165.

¹³ Kepping 1979; Lin Ying-chin 1994.

¹⁴ Nie Hongyin reconstructed the Tangut chapters missing from the Chinese text (Nie Hongyin 1996) and his reconstruction later served as the basis for locating the missing parts in Tang encyclopedias (Song Lulu 2004).

¹⁵ This is item Or.12380/0516, identified by Shi Jinbo (2010, p. 7).

D) *Huang Shigong sanlüe* 黄石公三略 (hereafter: *Sanlüe*)

A printed edition at the IOM in St. Petersburg (Танг 9/1-4), bound using the ‘butterfly’ format. All surviving pages belong to the same edition. Beside the main text, there is also a commentary by an unidentified commentator, which did not survive in the Chinese tradition.¹⁶

E) *Jiangyuan* 將苑

This is a military treatise attributed to Zhuge Liang, the renowned strategist of the 3rd c. The text, also known in Chinese as *Xinshu* 心書, has long been recognized as a medieval forgery and since it is mentioned the first time in Song catalogues, it is reasonable to assume that it was compiled around the Northern Song. Peculiarly, the Tangut translation is the earliest known edition of this text, as the oldest Chinese editions date to the Ming.¹⁷ The Tangut manuscript is a scroll in the collection of the British Library (Or.12380/1840). It represents about two-third of the Chinese text, including the title at the end. The lower part of the scroll is torn off and because of this all lines lack a few characters from their lower part. There are no commentaries to the main text.

2. Translation consistency as a corpus builder

By the Song period, military texts have evolved into a distinct genre with specific terminology and imagery. In 1080, under the orders of the Song emperor Shenzong 神宗 (r. 1068–1085), seven works were officially gathered into a canon by the name of *Wujing qishu* 武經七書, a Song edition of which survives to this day.¹⁸ This compilation had a strong standardizing effect on the texts and almost completely eradicated the other editions of smaller titles such as the *Liutao* and *Sanlüe*. Of the five military texts that survive in Tangut, the *Sunzi*, the *Liutao*, and the *Sanlüe* were also part of the *Wujing qishu* canon, whereas the *Sunzi zhuan* and the *Jiangyuan* were not.¹⁹ A comparison of the *Wujing qishu* edition with the corresponding Tangut translations shows that the Tangut translators relied on other editions that are no longer extant.²⁰ In this way, the Tangut translations are important

¹⁶ The bibliographic catalogue of the *Suishu* 隋書 lists a *Huang Shigong sanlüe* with a commentary by a Mr. Cheng 成氏, which was popular during the Tang, and perhaps this was the one translated into Tangut (Zhong Han 2007, p. 90).

¹⁷ The text has been first identified by Eric Grinstead (1962); a more detailed study was done by Ksenia Kepping (Kepping and Gong Hwang-chen 2003). See also my own papers on this manuscript (Galambos 2011a and 2011b).

¹⁸ Gawlikowski and Lowe 1993, p. 450.

¹⁹ This can be explained with the fact that the *Sunzi zhuan* is not a military text *per se* but a biography that was originally part of a historiographical composition. In contrast, the *Jiangyuan* would have qualified as a military treatise but it might have not have existed before 1080, or was viewed as a recent forgery and thus unworthy of being canonized.

²⁰ This is naturally true for the Tangut *Sunzi* which includes only three commentaries, whereas the one in the *Wujing qishu*, ten. But there is also the case of the *Sanlüe* where the Tangut version in many cases matches the *Changduanjing* 長短經 edition, as opposed to the *Wujing qishu*. See Zhong Han 2005, p. 89 and Zhong Han 2006.

witnesses to the diversity of the editions in Song times, implying that alongside large-scale normative textual projects, such as the compilation of the *Wujing qishu*, there were also other versions that gradually lost their significance. In most cases the Tangut translations stem from this earlier tradition and predate Song standardizations.

Military texts are a clearly identifiable category in classical Chinese literature, with a highly developed and systematic technical vocabulary. Terms are used consistently and the vocabulary is fairly standardized. Within this system, from the early medieval period onward, the *Sunzi* has been regarded as the most authoritative text and was commonly cited in all other works. In the Chinese context, phrases or passages from the *Sunzi* would have been adopted into later texts and integrated as quotes. A Tangut translator, on the other hand, had two choices. First, he could have translated the quote along with the rest of the text, disregarding the fact that it came from somewhere else. In this case the quote technically would have ceased to be a quote, as it would have stopped referring to another text in the new language. The second solution was to look up an existing translation for the quote, if its source text (e.g. the *Sunzi*) had already been translated. This would have simplified the task of the translator since he would have only had to locate the part in question in an available translation. More importantly, the connection between the two texts, established by virtue of the quote, would have also been preserved in Tangut.

The Tangut translations of most military texts are believed to have been made during the second half of the 12th c.²¹ Based on the fact that even within such a limited corpus some texts survive in more than one edition, we can make a couple observations. First, that works on military strategy were extremely popular in Tangut society. This is indirectly corroborated by the rarity, or complete absence, of some of the other genres that were popular in China (e.g. dynastic histories). Based on the material we have today, we have to assume that military works were one of the most popular writings in the Xi-Xia kingdom.²² Second, the existence of different editions means that the same treatise could have been translated more than once and that an earlier translation could be improved in a follow-up edition. This also indicates that such texts would not have been translated as part of a centralized project as it was the case with Buddhist scriptures.

With the availability of Tangut translations of several Chinese military works we have a sizeable collection of texts that belong to the same literary genre and share the same basic vocabulary and rhetorical style. The analysis of such a corpus is a much more efficient way of understanding the process of translation activity

²¹ As an exception from this, Kepping proposed that the *Jiangyuan* might have been translated “not earlier than the second half of the 12th c., but seemingly much later” because she believed that the Northern Di 北狄 barbarians, described in the last section of the text, referred to the Mongols (Kepping and Gong Hwang-chen 2003, p. 22). Thus she seems to suggest an early 13th c. dating, which is unlikely as the content the passage in question comes from Chinese sources and certainly predates the Mongol threat. Accordingly, the appearance of Mongol forces on the Xi-Xia border has no bearing on the date of the translation. See Galambos 2011b, pp. 103–104.

²² Other prominent categories beside military literature were various types of dictionaries and popular Confucian works.

than examining single works. Unlike translations of Buddhist scriptures, where fidelity and consistency had a religious significance and thus translators had to approximate the Chinese text as much as possible, sometimes down to the level of characters, for military works intelligibility and clarity of meaning was valued higher than a word for word correspondence. Naturally, in an effort to increase readability, the translator may have chosen to handle the same term differently based on the context. For example, Nishida Tatsuo 西田龍雄 points out that the Tangut *Liutao* uses different words in place of the Chinese character 守 (*shou* ‘to protect; guard’) when that appears in different contexts: *liu shou* 六守 (‘the six kinds of *shou*’), *shou tu* 守土 (‘defense of national territory’) and *shou guo* 守國 (‘maintenance of the state’).²³ Nishida comments that although the Tangut characters used as equivalents for the Chinese character 守 are noticeably related to each other, ‘it is difficult to concretely determine the differences among them.’²⁴ Yet translating words according to their meaning in the context do not always present a problem especially if these words are not technical terms. But within a closely defined domain of technical treatises, such as the corpus of Chinese military texts, a consistent handling of key terminology is certainly desirable.

3. Analysis of examples

Below I look at three examples to evaluate the consistency of translation in Tangut versions of Chinese military works. The first example is a quote from the *Sunzi* that appears in two other texts; the second, a parallel section in the *Sanlüe* and the *Jianguyan*; finally the third, the name of Zhuge Liang in the commentaries of the *Sunzi* and the *Sunzi zhuan*.

In my analysis, I use the numbering in Lin Ying-chin’s book (1994) to refer to specific parts of the *Sunzi* and the *Sunzi zhuan* (e.g. Lin Ying-chin 1994, pp. 3–44). For the other texts, I adopt the section numbers of their extant editions (e.g. *Jianguyan* 28). In the tables used for comparison, the first row is the name of the source text; the second row (“T”) contains the Tangut characters; the third (“TC”), the Chinese word-for-word glosses of the Tangut text; and the fourth (“C”), the Chinese original in the corresponding place. For the Chinese *Jianguyan*, I use the 1960 Zhonghua shuju edition called *Zhuge Liang ji* 諸葛亮集; for the *Sanlüe*, the *Wujing qishu* edition. The pronunciation of Tangut words, whenever relevant, is based on Sofronov’s reconstruction, in the form they are presented in Kychanov’s dictionary.

Example 1.

The phrase ‘there are cases when the ruler’s orders are not obeyed’ 君命有所不受 appears in the *Sunzi*, the *Sunzi zhuan* and the *Jianguyan*. Although in the Warring States period this probably circulated as a proverb-like popular axiom, in the two texts in question it is unmistakably a quote from the *Sunzi*. Yet as shown in

²³ Nishida 2000, pp. 228–229.

²⁴ Nishida 2000, p. 229.

Table 1, the Tangut translation is different in each case. In the Tangut version of the *Sunzi*,²⁵ it appears as 𠵽𠵽𠵽𠵽 (君命不聽有); in the *Sunzi zhuan* as 𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽 (軍君之敕言不聽可亦有謂); and in the *Jiangyuan*, in an incomplete form, as 𠵽𠵽𠵽𠵽... (王命令言中...). In addition, the phrase ‘the general receives his orders from the ruler’ 將受命於君, which appears in the *Sunzi*²⁶ and is similar to the one examined in Table 1, is translated as 𠵽𠵽𠵽𠵽 (將君命△受). This latter seems to be the closest in structure to the original Chinese.

Table 1. The phrase ‘there are cases when the ruler’s orders are no obeyed’ 君命有所不受 in different military texts

	<i>Sunzi</i> [Lin 3–50]	<i>Sunzi zhuan</i> [Lin 3–186]	<i>Jiangyuan</i> 28
T	𠵽𠵽𠵽𠵽	𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽	𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽𠵽...
TC	君命不聽有	軍君之敕言不聽可亦有謂	將軍出時王命令言中...
C	君命有所不受	將在軍, 君命有所不受。	將之出, 君命有所不受。

In the first two cases, the concept of ‘obeying orders’ 受命 is expressed using the verb 𠵽 (*ni* ‘to listen to’) which in this context is equivalent to the meaning of the verb ‘to accept, obey.’ Yet, as Table 2 demonstrates, the phrase ‘the ruler’s orders’ shows a great deal of variation between different versions. It is expressed as 𠵽𠵽 (君命) both times in the *Sunzi*, yet the *Sunzi zhuan* uses a more roundabout form of 𠵽𠵽𠵽𠵽 (君之敕言). In the *Jiangyuan*, on the other hand, we see the more specific word ‘king’ (*nin* 𠵽) instead of the generic ‘ruler’ (*ndzwi* 𠵽). In addition, the word ‘orders’ is expressed using the three-syllable, and thus presumably semantically more precise, noun phrase 𠵽𠵽𠵽 (命令言). We must assume that the translator used this translation for the sake of clarity, instead of trying to approximate the concise language of classical Chinese by finding an equivalent monosyllabic word for each Chinese character.

Table 2. Translations of the phrase ‘the ruler’s orders’ 君命

	<i>Sunzi</i> [Lin 3–44]	<i>Sunzi</i> [Lin 3–50]	<i>Sunzi zhuan</i> [Lin 3–186]	<i>Jiangyuan</i> 28
T	𠵽𠵽	𠵽𠵽	𠵽𠵽𠵽𠵽	𠵽𠵽𠵽𠵽
TC	君命	君命	君之敕言	王命令言
C	君命	君命	君命	君命

Example 2.

The *Sanlüe* and the *Jiangyuan* have a parallel section that appears in their received versions the following way:

²⁵ Lin Ying-chin 1994, pp. 3–50.

²⁶ Lin Ying-chin 1994, pp. 3–44.

Sanlüe — ‘Shang lüe’ 上略

軍讖曰：
 軍井未達，將不言渴；
 軍幕未辦，將不言倦；
 軍竈未炊，將不言飢；
 冬不服裘，夏不操扇，雨不張蓋。

There is an old military wisdom which says that before his troops reach the well, the general does not speak of being thirsty; before his troops are set up, the general does not speak of being tired. In the winter he does not wear a fur coat, in the summer he is not cooled with a fan, in the rain he is not sheltered under a canopy.

Jiangyuan 45

夫為將之道，
 軍井未汲，將不言渴；
 軍食未熟，將不言飢；
 軍火未然，將不言寒；
 軍幕未施，將不言困；
 夏不操扇，雨不張蓋，
 與眾同也。

Now the way of the general is such that before his troops draw water from the well, the general does not speak of being thirsty; before the food of his troops is cooked, the general does not speak of being hungry; before the fire of his troops is lit, the general does not speak of being cold; before the tents of his troops are set, the general does not speak of being sleepy. In the summer he is not cooled with a fan, in the rain he is not sheltered under a canopy — he is the same as everyone else.

The *Sanlüe* is itself a text with complex textual history and there are considerable differences between different editions. Its earliest surviving copy is a manuscript from Dunhuang, currently held at the Institute of Oriental Manuscripts in St. Petersburg (shelfmark: Дх-17449), probably predating the Sui-Tang period.²⁷ In the corresponding part, however, we find less than half of what appears in the *Wujing qishu* edition. Other editions have additional discrepancies, thus it is clear that the assessment of the most important textual witnesses would be a prerequisite of any serious comparison. Similarly, the *Jiangyuan* also has a complicated history, with the earliest extant editions going back to the Ming.²⁸ What matters for our purposes here, however, is how the corresponding parts in the Tangut translations of the *Sanlüe* and the *Jiangyuan* compare with each other, and to some extent this is

²⁷ Fujii 2011, p. 115.

²⁸ For an overview of the textual history of the Chinese *Jiangyuan*, see Galambos 2011b, pp. 80–82.

independent of the history of the Chinese editions. We are looking for phrases that can be positively identified as being translations of the same Chinese phrase. The relevant sections in Tangut are shown in Table 3 below.

Table 3. Parallel sections in the Tangut translations of the *Sanlüe* and the *Jiangyuan*

	<i>Sanlüe</i> — ‘Shang lüe’ 上略	<i>Jiangyuan</i> 45 (36) ²⁹
T	雍雍慨慨，纛纛慨纛。 纛纛慨慨，纛纛慨纛。 [纛]纛慨纛，纛纛慨纛，纛纛慨纛。	纛纛慨纛，纛纛慨纛； 纛□[纛]□，[纛]□[纛]□； 纛纛慨纛，纛纛慨纛； 纛纛慨纛，纛□[纛]□...
TC	井掘不俱，將渴不言； 軍營未定，將倦不言； [冬]裘不服，夏扇不操，雨蓋不張。	軍水未飲，自渴不思； 軍□[未]□，[自]□[不]□； 軍火未燃，自寒不言； 軍未涼至此，自□[不]□...
C	軍井未達，將不言渴； 軍幕未辦，將不言倦； 冬不服裘，夏不操扇，雨不張蓋	軍井未汲，將不言渴； 軍食未熟，將不言飢； 軍火未燃，將不言寒； 夏不操扇，雨不張蓋

Without considering the arrangement of the entire section, we can see that the two translations are quite similar. Although because of the fragmentary nature of the *Jiangyuan* manuscript, only line #1 can qualify as a definite match between the two versions, the pattern of the segments’ structure is clear. One of the most apparent differences is the way the second half-segment is rendered into Tangut. In the *Sanlüe*, it closely follows the Chinese: e.g. 纛纛慨纛 (將渴不言 < 將不言渴). In the *Jiangyuan*, however, we see a different grammatical structure, as here the subject “general” (纛/將) is substituted with the reflexive pronoun “himself” (纛/自). Because the surviving editions show that the Chinese must have been the same in both cases (i.e. 將不言渴 ‘the general does not speak of being thirsty’), we can be certain that the discrepancy is produced by the act of translation. Naturally, in both translations the meaning of the text remains the same.

Looking at the larger context of this section in the Chinese versions of the two texts, we can see that the reason why the reflexive pronoun “himself” (纛/自) can be used in the *Jiangyuan* is that the subject is introduced at the very beginning of the section with the words “Now the way of the general...” 夫為將之道. Thus later on it is possible to refer back to this subject. In a way, the Tangut translator is eliminating the redundancy that is part of the Chinese original by omitting the word ‘general’ from each line. In the *Sanlüe*, however, the section is introduced with the

²⁹ The section numbers in Tangut and Chinese do not match. Section 45 of the received Chinese text is marked in the Tangut manuscript as Section 36.

words “There is an old military wisdom which says...” 軍讖曰, without any reference to the subject of the following segments. Accordingly, the discrepancies between the two Tangut translations are to some extent triggered by the way these sections are introduced in their Chinese original.

Example 3.

Another interesting aspect of translation consistency is how Chinese names are transliterated in Tangut. Zhuge Liang, the famous statesman and general of the 3rd c., is one of the most prominent figures in military literature. In the Tangut material, his name occurs in the commentaries of the *Sunzi* and the *Sunzi zhuan*. At least once, he is referred to as Zhuge-wuhou 諸葛武侯 (Lord Martial Zhuge), which is rendered into Tangut as a purely phonetic transcription, even though the second half of it is an epithet. Finally, there is also a mention of Zhuge Kan 諸葛侃 who shares the same surname, and thus can be included in the comparison as a reference. Table 4 shows these names side by side.

Table 4. Tangut transliterations of Zhuge Liang’s name

	<i>Sunzi</i> [Lin 3–8]	<i>Sunzi</i> [Lin 3–26]	<i>Sunzi</i> [Lin 3–67]	<i>Sunzi zhuan</i> [Lin 3–120]	<i>Sunzi zhuan</i> [Lin 3–112]
T	𑖑𑖔𑖕𑖖	𑖑𑖔𑖕𑖖	𑖑𑖔𑖕𑖖	𑖑𑖔𑖕𑖖	𑖑𑖔𑖕𑖖
	tʃju ka ljon	tʃju kja ljon	tʃju ka u xew	tʃju ka ljon	tʃju ka khan
C	諸葛亮	諸葛亮	諸葛武侯	諸葛亮	諸葛侃

We can see that Zhuge Liang’s name is never written in exactly the same way. In the second instance,³⁰ there is divergence even in the pronunciation. This is surprising in view of his general popularity during the Song.³¹ We would expect the name of such a well-known historical figure to be written consistently in military works, especially since he was a hero of this very tradition. In other words, we would expect that there was a more or less standard Tangut way of writing his name. The lack of consistency is an indication that he was not as well-known in Xi-Xia and when a translator had to write his name, he could not simply write it the ‘usual way’, because such a way did not exist, but had to invent his own transliteration. As the first two instances show,³² variation existed even within the same text.

At the same time, other names that occur multiple times in the corpus, such as Sun Bin 孫臏 and Huang Shigong 黃石公, are written consistently. The reason for this must have been their prominence in military lore, although Zhuge Liang’s case seems to be a counter-example to this argument. Similarly, the names of the three

³⁰ Lin Ying-chin 1994, pp. 3–26.

³¹ Zhuge Liang’s heroic popularity seems to date no earlier than the Song, when his figure indeed acquired a supernatural dimension. On the evolution of his image and his rise to prominence in the popular lore, see Henry 1992; Tillman 2002.

³² Lin Ying-chin 1994, pp. 3–8 and 3–26.

commentators in the Tangut *Sunzi* (e.g. Cao Cao 曹操, Li Quan 李筌 and Du Mu 杜牧) are also written consistently, which can be explained by the fact that their name occurred in the text so often that it inevitably led to a stable orthography. But of the five military texts available to us, their names only occur in the *Sunzi* and it is reasonable to assume that elsewhere they would have been written differently.

4. Conclusion

In this paper I attempted to assess translation consistency in Tangut versions of Chinese military works. Military texts were chosen because they represent a set of technical writings belonging to the same genre and sharing a common vocabulary and rhetorical devices. As part of the same tradition, the texts are interconnected by means of quotes and allusions. In addition, there are several surviving translations of military texts, which provide sufficient material for such an analysis. I chose three examples of text segments (phrases or names) that occur in this corpus more than once, with the aim to compare the way they are translated into Tangut.

In Example 1, we saw that a quote from the *Sunzi* was slightly different in each text, showing that no ‘standard’ translation existed to which translators could refer to. Thus translators had to re-translate the quote each time they came across it. This was the same in the case of the name of Zhuge Liang (Example 3), which was written differently every time it occurred, revealing that no definite way of writing this name existed in the Tangut language. This also meant that, unlike in the Chinese tradition where by Song times Zhuge Liang had evolved in the popular imagination into one of top strategists of all times, he was relatively unknown in the Xi-Xia kingdom. In contrast with this, some other names (e.g. Sun Bin, Huang Shigong) are translated consistently, which suggests that these figures were either better known or their names occurred in the available material more often. Finally, Example 2 demonstrated that the discrepancies between the parallel segments in the *Sanlüe* and the *Jiangyuan* could at least partially be explained by differences between the textual contexts of their Chinese originals.

The inconsistencies introduced in the above examples did little in way of changing the meaning of the text, the parallel renditions remained synonymous and functioned as alternate translations of the same original. Nevertheless, the lack of consistency implies that Chinese military texts were not translated as a canon. They were done by different people, at different times, presumably each of them undertaking the task for his own reasons. Therefore the treatises appear in Tangut as separate text, missing much of the interconnectedness that characterizes the Chinese tradition.

In contrast with this, in Chinese military literature the connections established by quotes and other intertextual devices form a complex network of textual interdependencies. When the quotes are translated in a consistent manner, these relations to some extent can be preserved in the target language. But when they are inconsistent, as we have seen in the examples analyzed in this paper, they lose their transparency and stop functioning as links between texts. The corpus falls apart. Accord-

ingly, in the Tangut context we can only speak of individual texts, not a unified tradition or corpus. A large-scale centrally controlled translation project would have solved most of these problems but, as the above examples intended to show, there is no evidence for this in the case of secular texts.

References

- Drège 2006 — Drège J.-P. “Le livre imprimé sino-tangut.” In *Journal asiatique*, 294 (2006), pp. 343–371.
- Durrant 1979 — Durrant S. “Sino-Manchu Translations at the Mukden Court.” In *Journal of the American Oriental Society*, 99/4 (1979), pp. 653–661.
- Ecang Heishuicheng wenxian 2001 — *Ecang Heishuicheng wenxian* [Khara-Khoto Manuscripts Collected in Russia] 俄藏黑水城文献. Vol. 11. *Xi-Xia wen shisu bufen* [Tangut Secular Manuscripts] 西夏文世俗部分. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海: 上海古籍出版社, 2001.
- Fujii 2011 — Fujii Noriyuki 藤井律之 2011. “Dx 17449 *Kyōchūbon kō sekikō sanryaku shōkō*” Dx 17449 「夾注本黃石公三略」小考. In *Tonkō shahon kenkyū nenpō* [Annual Journal of Dunhuang Manuscripts Studies] 敦煌寫本研究年報, 5 (2011), pp. 115–127.
- Galambos 2011a — Galambos I. “The Tangut Translation of the *General’s Garden* by Zhuge Liang.” In *Письменные памятники Востока*, 1(14) (2011), pp. 131–142.
- Galambos 2011b — Galambos I. “The Northern Neighbors of the Tangut.” In *Cahiers de Linguistique – Asie Orientale*, 40 (2011), pp. 69–104.
- Gawlikowski and Lowe 1993 — Gawlikowski K., Lowe M. “Sun tzu ping fa 孫子兵法.” In *Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide*. Ed. by M. Lowe. Berkeley: SSEC and IEAS, UC Berkeley, 1993, pp. 446–455 (Early China Special Monograph Series 2).
- Gorbachova and Kuchanov 1963 — *Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР*. Сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Grinstead 1961 — Grinstead E. “Tangut Fragments in the British Museum.” In *The British Museum Quarterly*, 24 (3/4) (1961), pp. 82–87.
- Grinstead 1962 — Grinstead E. “The General’s Garden, a Twelfth-Century Military Work.” In *The British Museum Quarterly*, 26 (1/2) (1962), pp. 35–37.
- Henry 1992 — Henry E. “Chu-ko Liang in the Eyes of his Contemporaries.” In *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 52 (2) (1992), pp. 589–612.
- Kepping 1977 — Кепинг К.Б. “Рукописный фрагмент военного трактата Сунь-цзы в тангутском переводе.” In *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972*. М.: Наука, ГРВЛ, 1977, pp. 161–166.
- Kepping 1979 — *Сунь-цзы в тангутском переводе*. Факсимиле ксилографа. Изд. текста, пер., введ., коммент., граммат. очерк, словарь и прил. К.Б. Кепинг. М.: Наука, ГРВЛ, 1979 (Памятники письменности Востока XLIX).
- Kepping and Gong Hwang-cherng 2003 — Kepping K., Gong Hwang-cherng. “Zhuge Liang’s ‘The General’s Garden’ in the Mi-nia Translation.” In Кепинг К.Б. *Последние статьи и документы* [English subtitle: Last Works and Documents]. Под ред. Б.Г. Александрова. СПб.: Омега, 2003, pp. 12–23.
- Lin Ying-jin 1994 — Lin Ying-jin 林英津. *Xiayi ‘Sunzi bingfa’ yanjiu* [English title: Research on Sun-tzy Ping-fa in Tangut] 夏譯《孫子兵法》研究. 2 vols. Taipei: Institute of History and

- Philology, Academia Sinica 臺北：中研院史語所, 1994 (Monograph Series of the Institute of History and Philology, Academia Sinica 國立中央研究院歷史語言研究所單刊之 28).
- Nie Hongyin 1991 — Nie Hongyin 聶鴻音. “Xi-Xia yi *Sunzi zhuan kaoshi*” 西夏譯《孫子傳》考釋. In *Zhongguo minzu guwenzi yanjiu* [Studies on Ancient Scripts of National Minorities of China] 中國民族古文字研究, 3 (1991), pp. 267–278.
- Nie Hongyin 1996 — Nie Hongyin 聶鴻音. “*Liutao de Xi-Xia wen yiben*” 《六韜》的西夏文譯本. In *Chuantong wenhua yu xiandaihua* [Traditional Culture and Modernization] 傳統文化與現代化, 5 (1996), pp. 57–60.
- Nishida 2000 — Nishida Tatsuo 西田龍雄. “Xixia Language Studies and the Lotus Sutra II.” In *The Journal of Oriental Studies* (Tokyo), 20 (2000), pp. 222–251.
- Shi Jinbo 2010 — Shi Jinbo 史金波. “*Yingcang Heishuicheng wenxian dingming chuyi ji buzheng*” 《英藏黑水城文獻》定名芻議及不正. In *Xi-Xia xue* [Tangut Studies] 西夏學, 5 (2010), pp. 1–16.
- Song Lulu 2004 — Song Lulu 宋璐璐. “Xi-Xia yiben zhong de liang pian *Liutao yiwen*” 西夏譯本中的兩篇《六韜》佚文. In *Ningxia shehui kexue* [Social Sciences in Ningxia] 寧夏社會科學, 1 (122) (2004), pp. 79–80.
- Sun Yingxin 2010 — Sun Yingxin 孫穎新. “Xixia yiben *Sunzi zhuan kaobu*” 西夏譯本《孫子傳》考補. In *Xi-Xia xue* [Tangut Studies] 西夏學, 6 (2010), pp. 70–74.
- Tillman 2002 — Tillman H.C. “Reassessing Du Fu’s line on Zhuge Liang.” In *Monumenta Serica*, 50 (2002), pp. 295–313.
- Zhong Han 2005 — Zhong Han 鍾焄. “*Huang Shigong sanlüe Xixia ben zhengwen de wenxian tezheng*” 《黃石公三略》西夏譯本正文的文獻特徵. In *Minzu yanjiu* [Ethno-National Studies] 民族研究, 6 (2005), pp. 85–91.
- Zhong Han 2006 — Zhong Han 鍾焄. “*Huang Shigong sanlüe Xixia ben zhushi yu Changduan-jing ben zhushi de bijiao yanjiu*” 《黃石公三略》西夏本注釋與《長短經》本注釋的比較研究. In *Ningxia shehui kexue* [Social Sciences in Ningxia] 寧夏社會科學, 1 (2006), pp. 100–102, 108.
- Zhong Han 2007 — Zhong Han 鍾焄. “*Huang Shigong sanlüe Xixia yiben zhushi lai yuan chutan: Yi yu Qunshu zhiyao ben zhushi de bijiao wei zhongxin*” 《黃石公三略》西夏譯本注釋來源初探——以與《群書治要》本注釋的比較為中心. In *Ningxia shehui kexue* [Social Sciences in Ningxia] 寧夏社會科學, 5 (2007), pp. 90–93.
- Zhuge Liang ji — *Zhuge Liang ji* [Collected Works of Zhuge Liang] 諸葛亮集. Beijing: Zhonghua shuju 北京：中華書局, 1960.

С.В. Дмитриев

Тангутские растения по «Перлу в ладони». Декоративные цветы и деревья¹

Данная статья, как мы надеемся, открывает серию работ, посвященных изучению одного из интереснейших источников по истории тангутского языка и тангутской культуры — двуязычного словаря «Своевременный перл в ладони тангутского и китайского языка»² (𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵 *Mi ža ngwu ndzje mbu pja ngu nje*³; 𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵 *Фань хань хэ-ши чжан-чжун чжу*) (далее: «Перл в ладони»), составленного в 1190 г. тангутом 𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵⁴ *Kwə lde rje phi*⁵. Это единственный из известных нам тангутских словарей, где

¹ Содержание публикуемой статьи в целом основывается на исследовательской методике, выработанной в рамках Тангутского семинара М.В. Софронова. При этом все ошибки и недочеты лежат исключительно на совести автора статьи.

² В отечественной литературе встречаются разные варианты перевода названия словаря: «Жемчужина в руке», «Перл в руке» (Кычанов 2008, с. 452–453), «Тангутско-китайский своевременный перл в руке» (Сафронов 1968, т. I, с. 16) и др. Мы далеки от того, чтобы считать предлагаемый нами вариант лучшим или единственно верным, но нам кажется, что он вполне соответствует тангутскому названию словаря, которое, очевидно, и нужно прежде всего принять во внимание.

³ Для передачи звучания тангутских знаков мы пользуемся реконструкцией М.В. Софронова. (О ней подробнее см.: Софронов т. I, с. 69–144; т. II.)

⁴ В статье «Материалы для изучения тангутского произношения» Н.А. Невского все знаки имени автора, кроме первого, установлены ошибочно (Невский 1960а, с. 112); в то же время в словаре им приведен совершенно правильный вариант (Невский 1960в, т. II, с. 87).

⁵ В научной литературе сложилась традиция называть автора «Перла в ладони» Гулэ Маоцай (иногда — Гулэ Мао цай) 骨勒茂才, поскольку именно в таком виде его имя значится в китайском варианте предисловия к его труду (Ли Фань-вэнь 1997, л. 26 (с. 339)). Совершенно очевидно, что это не вполне верно с научной точки зрения. Век назад использование китайского варианта этого имени было оправданно, так как не существовало стройной научной системы тангутской фонетики, но теперь она есть, и нет преград для того, чтобы называть тангутов по-тангутски. Родовое имя автора «Перла» — Квэлде фонетически передано китайскими знаками более или менее верно, хотя они не могут передать некоторых нюансов смысла тангутских знаков, ее составляющих (если первый знак фамилии не имеет другого значения, кроме родового знака

текст снабжен переводом на иной язык, поэтому «Перл в ладони» не только может по праву называться «розеттским камнем» тангутского языка, но и выгодно отличается от своего египетского собрата ценностью содержания. Не случайно именно этому памятнику была посвящена одна из первых в российском тангутоведении работ (Ivanov 1909). К сожалению, в статье, познакомившей научный мир с уникальным памятником, А.И. Иванов допустил ряд досадных ошибок (подробнее об этом см.: Невский 1960б, с. 23–25). И это, возможно, стало одной из причин того, что внимание ученых, стремившихся дешифровать тангутскую письменность, обратилось не к словарю, а к буддийским сутрам, китайский текст которых был хорошо известен и мог использоваться для создания билингв. Этот метод дал свои результаты, но привел к тому, что на протяжении длительного времени тангутоведы, сравнительно хорошо представляя себе философскую и религиозную лексику, испытывали огромную нехватку знаний в области повседневной жизни тангутов, сведений о которой в сутрах почти не было. Влияние такого подхода ощущается по сей день.

В любом случае «Перл в ладони», содержащий ценную информацию о повседневной жизни тангутов, так и не стал объектом подробного исследования и перевода, несмотря на то что этот памятник знаком каждому тангутоведу. Н.А. Невский внимательнейшим образом проработал «Перл в ладони»

(Ли Фань-вэнь 1994, № 2606, с. 494), то второй имеет значение «тигр» (Невский 1960в, т. I, с. 586). Несколько сложнее дело обстоит с третьим и четвертым знаками (Риепху), которые принято считать именем автора «Перла в ладони». Эти два тангутских знака могут быть переведены как «блестящий ученый», «[человек] с великолепными способностями» (Ли Фань-вэнь 1994, № 3202, с. 599; № 1876, с. 358–359) и, в принципе, могли бы быть неплохим вариантом имени для ученого интеллектуала. Но ряд соображений мешает нам принять эту версию. Китайский вариант бинорма, *маоцай*, является синонимом слова *сюцай* 爵 (человек) цветущего таланта), как называли человека, успешно сдавшего государственный экзамен на первую из трех ученых степеней, или просто образованного человека, ученого. Слово *маоцай* в этом значении стало использоваться при Восточной Хань (25–220) и было время от времени употреблявшимся синонимом слова *сюцай* вплоть до начала XX в. (Хань-юй да цыдянь 1997, т. III, с. 5443). Стоит отметить, что в оригинале «Перла в ладони» эти два знака заметно меньше, чем знаки, обозначающие фамилию автора, и вообще весь остальной текст предисловия (как в тангутской, так и в китайской версии) (Ли Фань-вэнь, 1997, л. 16, 26 (с. 338, 339)). Этот факт, равно как и значение бинорма, заставляют нас предположить, что, возможно, речь идет не о личном имени человека (или его *nom de plume*), а об ученой степени или почетном (возможно, придворном) титуле. К сожалению, насколько нам известно, данное выражение пока обнаружено только в предисловии к «Перлу в ладони», однако нужно отметить, что Е.И. Кычанов пишет о существовании ученого звания 爵 *rje ngwu* (букв. «[человек] с ученой / талантливой речью») (Кычанов 2006, № 1654-1, с. 278; Кычанов 1987–1989, т. IV, с. 647), в состав которого входит один из знаков рассматриваемого бинорма. Мы крайне мало знаем об ученых степенях в государстве тангутов, но, возможно, перед нами все же одно из них. Нужно отметить, что, по смыслу соответствуя распространенному китайскому термину, структурно бинорм не калькирует его и прилагательное стоит после определяемого слова, как это и надлежит в тангутском языке: вероятно, система ученых званий у тангутов (по крайней мере терминология) была в значительной степени оригинальной. Если наше предположение верно, то имя автора «Перла в ладони» должно, если подходить к вопросу с полной научной последовательностью, фигурировать не в привычной китайской форме, а в виде «риепху Квэлде» (или «Квэлде-риепху»).

и включил многие примеры из него в свой словарь. Но он отлично понимал условность и неоднозначность китайского перевода и далеко не всегда передавал тангутские знаки значениями китайских. Судя по всему, «Перл в ладони» гораздо больше интересовал ученого как источник по тангутской фонетике.

Памятник не раз издавался: в 1982 г. появилась американская публикация (Kwanten 1982), к сожалению без перевода и комментария. В 1989 г. вышла книга, над которой работали крупнейшие китайские тангутоведы Хуан Чжэн-хуа, Не Хун-инь и Ши Цзин-бо (Гулэ Маоцай 1989); в книгу включен факсимильный текст памятника, а также индексы тангутских и китайских знаков. Лучшее из известных нам китайских изданий «Перла в ладони» опубликовано в 1994 г. в составе монографии Ли Фань-вэня, формально посвященной ряду вопросов фонетики китайского языка эпохи Сун (Ли Фань-вэнь 1994). Помимо фундаментального исследования фонетики по данным памятника книга содержит факсимильное издание разных оттисков текста «Перла» и, что даже более важно, переписанный текст, выполненный с большим тщанием и точностью, с которым работать значительно проще, чем с плохо изданными факсимиле подлинника. Все это позволяет рассматривать данное издание как основное при работе с текстом памятника.

Важной вехой в области изучения повседневной жизни тангутов является книга А.П. Терентьева-Катанского «Материальная культура Си Ся», в которой впервые в мировой историографии с опорой на источники (в том числе и письменные) разбираются разные стороны жизни и культуры тангутов. В книге приведена обширная информация из «Перла в ладони», но, к сожалению, автор счел, что этот словарь «почти полностью использовал» Н.А. Невский, и опирался на его текст только в тех случаях, когда тот или иной знак не был включен Н.А. Невским в его словарь (Терентьев-Катанский 1993, с. 8–9).

Как было сказано выше, «Перл в ладони» принципиально отличается от других тангутских словарей и тезаурусов, дошедших до наших дней, наличием перевода на китайский язык, что особенно важно для точного определения названий растений и животных. Проблема правильного определения видов растений очень остро стоит и в китайских текстах разного времени. Традиционная китайская ботаника, тесно связанная с медициной, с одной стороны, учитывала, видимо, почти все десятки тысяч видов флоры Китая, с другой стороны, была не в состоянии привести эту гигантскую информацию к научной системе. Поэтому во многих случаях для обозначения нескольких видов (часто даже не родственных) используется один термин, и наоборот — для одного вида отмечено несколько названий. Ситуация осложняется тем, что названия различались в разных регионах Китая. Названия менялись с течением времени, при этом старые термины время от времени всплывали в цитатах из текстов прошлого, что вносило дополнительную сложность. Наконец, огромную роль играло то, что абсолютное большинство ученых старого Китая, занимавшихся проблемами ботаники, были людьми сугубо гуманитарного склада и, отлично разбираясь в старых текстах и комментариях, крайне плохо представляли себе собственно растения.

Определение названий растений в тангутском языке представляется нам еще более сложным. Кроме «Перла в ладони» мы располагаем только списками названий растений без каких бы то ни было пояснений относительно их внешнего вида или характеристик. Этимологии «Моря письмен» по отдельным знакам могут дать почву для догадок, но далеко не всегда. На этом фоне «Перл» отличается принципиально: наличествующий китайский перевод названий растений также не является прямой отсылкой к ботаническим атласам, но дает гораздо большую надежду понять, что же имеется в виду. А значит, мы получаем возможность лучше определить знаки, значение которых по другим памятникам известно скорее приблизительно, попытаться понять, чем руководствовались тангуты, обозначая данные растения этими знаками, разобраться в принципах тангутской ботаники и системы обозначений растений. Не стоит забывать, что точное определение видов растений, включенных в словарь, порядок их расположения в тексте могут дать нам крайне интересный материал о жизни тангутов и их миропонимании.

Все эти соображения приводят нас к уверенности, что подробный разбор раздела «Перла в ладони», посвященного растениям, может принести интересные результаты и, возможно, положить начало новому этапу изучения памятника, которого он давно ждет.

Раздел, посвященный растениям, не выделен в тексте заголовком или виньеткой (что вообще характерно для этого словаря), он следует за разделом, посвященным полезным ископаемым и земляным работам; после него идут знаки, обозначающие названия животных. Раздел занимает листы 13а–16а памятника; в нем 82 термина. Больше всего, конечно, названий культивируемых растений и их плодов, но есть и дикорастущие виды; названия формируют подгруппы, в каждую из которых входят растения, объединенные тем или иным признаком. Эти подгруппы также не маркированы составителем и издателем и, таким образом, могут быть вычленены только в ходе изучения памятника. В данной статье, как мы уже указывали, мы начинаем это изучение с двух первых тематических подгрупп — декоративных цветов и растений.

Мы убеждены, что для правильного понимания терминов необходимо максимально прояснить значение знаков, их составляющих, для чего мы приводим для каждого знака данные трех основных словарей — Н.А. Невского⁶, Е.И. Кычанова⁷ и Ли Фань-вэня⁸. Создатели тангутской письменности, видимо, очень большое значение придавали объяснению этимологии знаков — для обучения своего народа этой сложной материи ими были созданы специальные словари — «Море письмен» и «Драгоценные рифмы моря письмен» (*Вэньхай бао юнь*). Во всех случаях, когда указанные памятники сообщают нам этимологию знака, мы приводим ее в нашем анализе. К сожалению, анализ, сделанный самими тангутами, приводится далеко не для всех знаков.

⁶ Невский 1960в.

⁷ Кычанов 2006.

⁸ Ли Фань-вэнь 1997.

Наконец, для верификации возможных заимствований нами использованы тибетские словари (Lama Dawasandup Kazi 1919; Chandra Das 1902; Goldstein 2004) и специализированные компендиумы (Голубой берилл 1994), а также тюркские материалы — словари Махмуда Кашгарского (Mahmud al-Kasgari 1982) и Клоусона (Clauson 1972).

I

苑 庭

wa, mbo

園 林

юань, линь

Сад [и] лес

1. Сад, парк (Невский 1960в, т. I, с. 497; Кычанов 2006, № 4246-0, с. 602; Ли Фань-вэнь 1997, № 4102, с. 759). Учитывая некоторое сходство звучания (согласно образцовому словарю «Гуан юнь» (廣韻, «Широкие рифмы», 1011 г.⁹), знак *юань* тогда читался как *t'wep* (Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 1999, с. 199), и можно предположить, что слово «парк» было заимствовано тангутами у китайцев.

2. Лес, роща (Невский 1960в, т. II, с. 424; Кычанов 2006, № 2720-0, с. 403); группа/отряд, лес, павильон/бельведер (Ли Фань-вэнь 1997, № 3890, с. 720). Согласно толкованию «Моря письмен», в знак входят элементы знаков «идти» (庭 *ndžjei*) и «место пребывания, место нахождения, дом, дворец, здание» (龍 *mje*), а также правая часть знака «собратся, столпиться» (叢 *lou*) (Море письмен 1969, № 1544, ч. I, с. 263; л. 51 (ч. I, с. 549)). Трудно не обратить внимание на то, что составители словаря хотели передать с помощью данного знака два основных значения: лес — место, где много деревьев, а также хороший вариант для размещения путевой ставки. Лес рассматривается как пристанище для путника, что вполне понятно, исходя из кочевых традиций тангутов: лес, не слишком часто встречающийся в местах их обитания, и вправду представляет собой отличное место для стоянки, так как может снабжать кочевника водой, топливом и обильным кормом для скота.

В данном бинеме нам предлагается два основных места произрастания растений: сад (парк, огород) — вместилище культурных растений и лес — место произрастания растений диких. Конечно, далеко не все растения (особенно в стране тангутов) произрастают исключительно в лесу — гораздо большие площади занимают степи, полупустыни и горы. Но, видимо, антитеза культурного, созданного человеком парка, и дикого, естественного леса привлекла создателей словаря своей наглядностью и заставила их несколько отступить от реальности. И хотя в китайском языке *юань-линь* может переводиться и просто как «парк» (Ricci 2001, № 13245, vol. VI, p. 1099), нам кажется

⁹ Подробнее о нем см.: Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 239–241.

ся, что в данном случае это именно два слова, в некотором роде даже антонимы.

Эти знаки начинают в «Перле в ладони» раздел по растительной тематике.

II

緞箋(笺)¹⁰

viā, ma

花菓

хуа, го

Цветок [и] плод

1. Цветок (Невский 1960в, т. II, с. 30; Кычанов 2006, № 2639-0, с. 390; Ли Фань-вэнь 1997, № 2467, с. 467). Согласно толкованию «Моря письмен», в знак входят элементы знаков «красивый, милостивый» (緞 *thiəu*) и «красота, внешность, великолепный» (笺 *viā*), правая часть знака «плод» (箋 *ma*) (Море письмен 1969, № 1966, ч. I, с. 263; л. 65 (ч. I, с. 563); таким образом, создатели знака вложили в него и идею о прелести цветка, и напоминание о том, во что ему суждено превратиться.

Н.А. Невский видит в фонетике данного знака параллели с тибето-бирманскими языками мосо, лоло и китайским (Невский 1960в, т. II, с. 31). Согласно словарю «Гуан юнь», китайский знак *хуа* («цветок») читался как *hwa* (Ханьцзы гу-цзинь инь-бяо 1999, с. 312). Действительно, сходство чтений трудно не

¹⁰ Правильное написание данного знака остается спорным. Н.А. Невский и М.В. Софронов, по всей видимости, полагают, что он состоит из двух элементов «человек» (Невский 1960в, т. II, с. 50–51; Софронов 1968, т. II, с. 360, № 3746). Н.А. Невский графически несколько выделяет левый элемент, удлинняя его завершающую черту и заводя ее под правую часть знака, но тем не менее располагает знак в рубрике элемента «человек». В то же время Ли Фань-вэнь и Е.И. Кычанов, судя по всему, предлагают считать левую часть знака отличной от элемента «человек», выделяют его в отдельный элемент (Кычанов 2006, № 5754-0, с. 774; Ли Фань-вэнь 1997, № 2436, с. 462). Совершенно отчетливо выделяют этот особый элемент в целом ряде знаков переводчики русского издания «Моря письмен» (Море письмен 1969, ч. II, с. 199). Трудно сказать, кто прав, — ни тангутские ксилографы (Море письмен 1969, л. 27 (ч. I, с. 525), ни «Перл в ладони» (Ли Фань-вэнь 1994, л. 13а (с. 350) не дают четкого ответа на этот вопрос. В обоих случаях можно заметить, что левый элемент знака несколько больше правого и его завершающая черта несколько заходит под правый элемент, но в целом они совершенно идентичны, их завершающие черты также сходны. Конечно, выделение подобного элемента позволило бы отличить этот знак от, скажем, знака 倏 *šion* («ничтожный, низкий человек») (Невский 1960в, т. II, с. 50) и ряда других (в списке М.В. Софронова таких четыре — № 3745–3748). Необходимо отметить, что в тангутской письменности не так много знаков, полностью дублирующих друг друга графически — за этим следили. Однако, как кажется, если бы тангуты — создатели письменности хотели выделить еще один элемент, отличный от элемента «человек», они могли бы сделать это более наглядно — в их распоряжении был огромный инструментарий созданного ими сложного письма. Ни в коей мере не претендуя на последнее слово в данном вопросе, мы склоняемся к тому, чтобы принять точку зрения Н.А. Невского и М.В. Софронова: удобство современного читателя не должно быть сильнее желания как можно более верно понять логику создателей письменности.

заметить¹¹. Но тут, скорее всего, речь должна идти не о заимствовании, а о свидетельстве родства тангутского и китайского языков: слово «цветок» относится к базовым понятиям языка, которые заимствуются сравнительно редко.

2. Фрукт, плод (Невский 1960в, т. II, с. 50–51; Кычанов 2006, № 5754-0, с. 774; Ли Фань-вэнь 1997, № 2436, с. 462). Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из правой части знака «спелый, созреть» (𪛗 *we*) и левой части знака «доходить, достигать» (𪛗 *ni*)¹² (Море письмен 1969, № 798, ч. I, с. 150; л. 27 (ч. I, с. 525)).

Данный бином вводит два базовых понятия описания растений — цветок и плод. В дальнейшем мы увидим, что знаком «цветок» обычно обозначали садовые или дикие растения, ценившиеся прежде всего за декоративные свойства, в то время как знак «плод» обычно, хотя и не всегда, сопровождал наименования садовых и огородных культур. Эти знаки маркируют разделение описываемых растений на два важных класса — востребованных с эстетической точки зрения и полезных практически. Таким образом, эти два слова, как и в предыдущем словосочетании, в определенном смысле противопоставляются друг другу, однако этимология первого знака не дает забыть об изначально заложенной создателями письменности идее их неразрывного родства.

Этими знаками в «Перле в ладони» завершается группа понятий, относящихся к введению в тему растений.

III

纒𪛗

thjow ldju vja

牡丹花

мудань-хуа

Древовидный пион

1. Красивый, миловидный (Невский 1960в, т. II, с. 76; Кычанов 2006, № 3657-0, с. 523; Ли Фань-вэнь 1997, № 3228, с. 604). Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из правой части знака «величественный, украшение» (𪛗 *ldju*) и средней части знака «яркий, красивый» (𪛗 *me*) (Море письмен 1969, № 1644, ч. I, с. 278; л. 54 (ч. I, с. 552)).

2. Величественный, украшение, убранный, украшенный (Невский 1960в, т. II, с. 251); красивый, наложница (Кычанов 2006, № 2880-0, с. 429)¹³; красивый, разукрашенный, киноварь (Ли Фань-вэнь 1997, № 542, с. 106).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

¹¹ Надо также учитывать, что, судя по всему, реальное звучание первой согласной в этом слове представляло стечение согласных с щелевым *h*- в качестве первого элемента. Подробнее см.: Софронов 1968, т. I, с. 108–109.

¹² Как видно, в данном знаке этот элемент ничем не отличается от обычного элемента «человек»; ни Е.И. Кычанов, ни Ли Фань-вэнь его не выделяют (Ли Фань-вэнь 1997, № 2679, с. 505; Кычанов 2006, № 2234-0, с. 343). Как видно, не выделяли его и тангуты.

¹³ Е.И. Кычанов дает неверное звучание знака — *šjwo*, видимо, отождествляя его с близким по начертанию знаком 𪛗 (Кычанов 2006, № 2887-0, с. 430). Также об этом знаке см. ниже, V. 2.

Кычанов и Ли Фань-вэнь отмечают, что знаки 纓綉 *thiou ldiu* представляют собой устойчивое словосочетание, имеющее смысл «превосходный, восхитительный, прекрасный» (Кычанов 2006, № 3657-6, с. 524; Ли Фань-вэнь 1997, 3228, с. 604). У Н.А. Невского этого сочетания нет, но упомянуто другое — 綉纓 *ldiu thiou*, которое он переводит как «величественный и прекрасный» (янь-ли 巖麗) (Невский 1960в, т. II, с. 76). Так или иначе, очевидно, что эти знаки тесно связаны друг с другом.

Китайское *мудань-хуа* (досл. «пастбищный киноварный цветок») является конструкцией, призванной, с одной стороны, передать тангутское наименование (из трех знаков, последний из которых имеет значение «цветок»), а с другой — адекватно передать значение слова. Дело в том, что для обозначения вида растения в китайском языке используется только словосочетание *мудань* (Хань-юй да цыдянь 1997, т. II, с. 3482), которое переводится как китайский древовидный (полукустарниковый) пион (*Paeonia suffruticosa* Andrews)¹⁴. Словосочетание *мудань-хуа* также существует, но обозначает не пион как вид, а цветок пиона, поэтому в данном случае китайский перевод не вполне верен, хотя и передает частично структуру тангутского термина.

Как мы увидим далее, тангуты почти всегда вводили в состав словосочетания, обозначающего растение или нечто связанное с ним, знак-классификатор, обозначающий, цветок, тот или иной тип плода, дерево и т.п. Эти классификаторы далеко не всегда совпадали с китайскими, тем более что иногда, например в рассматриваемом случае, в китайских названиях подобного классификатора могло и не быть вовсе.

Китайский древовидный пион представляет собой многолетний куст высотой 1–2 м, издревле культивируется как декоративное растение, прежде всего ценится за свои крупные, яркие белые, красные или пурпурные цветы; кора стеблей и корней используется в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 330). Многовековая популярность древовидного пиона не позволяет с уверенностью установить, в каких местах он произрастал изначально; чаще всего его родиной считаются горы Циньлин 秦嶺 на юге современной пров. Шэньси, где до сих пор встречаются дикие представители вида. Пион был одомашнен в районе Ханьчжун 漢中 (на юго-западе современной пров. Шэньси), по всей видимости в эпоху династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) или несколько позже, но настоящую популярность он приобрел при Тан, когда стал именоваться «ваном цветов» (Хань-юй да цыдянь 1997, т. II, с. 3482). «Пионовой столицей» Китая с танского времени считался Лоян, при Южной Сун его разведение переместилось на юг, особенно известно стало сычуаньское селение Тяньпэн 天彭 в 40 км к северо-западу от Чэнду. Сейчас лоянские специалисты из Международного пионового парка (*Го-цзи мудань-юань* 國際牡丹園) насчитывают 1036 разновидностей древовидного пиона.

Интересно, что древовидный пион первоначально назывался *мушаояо* 木芍藥 (букв. «древовидный травянистый пион»¹⁵), и лишь в правление дина-

¹⁴ Н.А. Невский использует название *Paeonia moutan* (Невский 1960в, т. II, с. 251).

¹⁵ О травянистом пионе см. ниже, IV.

стии Тан (618–907) или несколько ранее он получил отдельное наименование — *мудань* (Хань-юй да цыдянь 1997, т. II, с. 3482). Это говорит о том, что древовидный пион стал известен китайцам гораздо позже своего травянистого собрата, что вполне понятно, учитывая гораздо более широкий естественный ареал произрастания последнего.

Цветки древовидного пиона, также называемые *фузуй-хуа* 富貴花 «цветы богатства и знатности» (Ricci 2001, № 3583, vol. II, p. 688), наряду с цветущей сливой *мэй-хуа* 梅花, относятся к важнейшим символам китайской культуры, их изображениями изобилуют традиционные благожелательные народные картины. Пион считался символом женской красоты, чувственности, поэтому его изображение с танского времени часто использовалось в женских украшениях (Неглинская 2010, с. 328). В танской живописи «хуа-няо» («цветы и птицы») изображения пионов выделялись в отдельный жанр «мудань-хуа 牡丹畫» (Кравцова 2010, с. 753).

Хотя родина древовидного пиона — горы Циньлин — не столь уж далека от Тибетского нагорья, все же вряд ли тангуты были хорошо знакомы с ним. Скорее всего, они впервые увидели пионы во всем их великолепии в китайских садах. Впрочем, по всей видимости, пион быстро занял достойное место и в садах тангутов — именно поэтому его тангутское название буквально переводится как «красивый и украшенный¹⁶ цветок», и именно он открывает перечень растений в «Перле в ладони». Важность пиона, пусть и недавно привнесенного, в тангутской культуре подчеркивается тем, что тангуты не калькировали китайское название — по смыслу или фонетически, — а изобрели свое, полное несколько наивного восхищения этим прекрасным цветком.

IV

罌瓶級

tsə tʃhje vja

芍藥花

шаояо-хуа

Травянистый пион

1. Лекарство, мазь (Невский 1960в, т. II, с. 318; Кычанов 2006, № 3943-0, с. 561; Ли Фань-вэнь 1997, № 3612, с. 672). Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из правой части знака «еда» (饣 *tshi*) и правой части знака «лечить, лекарство» (藥 *tsɛ*) (Море письмен 1969, № 2103, ч. I, с. 345; л. 70 (ч. I, с. 568).

2. Корень, основа, транскрипционный знак (для китайского *чи* и *чжи*) (Невский 1960в, т. II, с. 357; Кычанов 2006, № 5009-0, с. 697; Ли Фань-вэнь

¹⁶ Одно из значений знака *ldju* (III, 2) — «киноварь», но мы считаем, что в данном случае первично именно поле значений, связанное с красотой, миловидностью. Судя по всему, киноварь появилась среди значений знака именно потому, что разного рода разукрашивание, нарумянивание семантически очень прочно связано с идеей красоты; конечно, тут не может идти речь о киновари с минералогической или алхимической точки зрения.

1997, № 4018, с. 743); книга, капитал, ссуда (Кычанов 2006, № 5009-0, с. 697). Согласно толкованию «Драгоценных рифм моря письмен», знак состоит из частей знаков «нога» (𠄎 *reu*) и «иметь, считать» (𠄎 *tshje*) (Вэньхай баюнь 2000, с. 214; л. 112-65 (с. 844).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

Шаояо переводится с китайского как «пион молочноцветковый» *Paeonia lactiflora* Pall или китайский пион. Этим же словосочетанием обозначается в китайском языке и род «пион» и семейство «пионовые» в целом (Ricci des plantes 2005, p. 404). Как и в предыдущем случае, сочетание *шаояо-хуа* не является типичным для китайского языка: оно может обозначать лишь «цветок пиона», но не само растение как таковое; его основная задача — наглядно калькировать трехзначный тангутский вариант, в котором наличествует классификационный знак «цветок».

Китайский пион относится к травянистым, поскольку его стебли более мягкие и отмирают на зиму; он произрастает в диком виде в горах и на равнинах Северного Китая, а также в Южной Сибири, Монголии, Корею и Японию; по ряду свидетельств, культивируется китайцами уже более 2000 лет в качестве декоративного растения, а также ради корней, которые широко используются в традиционной китайской медицине как боле- и жаропонижающее средство и антисептик (Ricci des plantes 2005, p. 404). Во времена Тан, когда древовидный пион считался «ваном цветов», травянистый пион занимал второе место по популярности и именовался «первым министром (сяном) цветов» (Хань-юй да цыдянь 1997, т. II, с. 3482).

Знак *шао* в китайском языке не имеет иных значений, кроме «пиона»¹⁷ (в сочетании) (Хань-юй да цыдянь 1997, т. III, с. 5419), что свидетельствует о том, что китайцы, вероятно, очень рано познакомились с этим цветком и придумали для его обозначения специальный знак. Второй знак — *яо* переводится как «лекарство, лекарственная трава, лечить» (Ricci 2001, vol. VI, p. 776–777), это подтверждает, что китайский пион издревле ценился как одно из самых действенных лекарств в арсенале традиционной медицины и считался лекарством *par excellence*.

Как видно, буквальное значение тангутского названия растения «цветок с целебным корнем» перекликается с китайским, но не калькирует его. Интересно, что, в отличие от древовидного пиона, в данном случае в названии тангуты акцентировали внимание не на декоративных свойствах, а на целебном корне пиона, который и дал название всему растению. Вероятно, тангуты узнали о травянистом пионе от китайцев. Например, тибетцы до недавнего

¹⁷ Словарь *Эр я*, впрочем, поясняет *шао* через знаки *фуцы* 菝葜 (*Эр я* 1997, цз. 8, с. 2627), которые переводятся как «болотница клубневидная, китайский водяной каштан» (*Eleocharis dulcis* (Burm. f.) Trin. ex Hensch, также *Eleocharis tuberosa* Roem. et Schult.) — водяное растение семейства осоковых (*Cyperaceae*), чьей родиной считается Индия, культивируется в Южном Китае, клубни употребляются в пищу и наравне с надводной частью используются в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 31–32). Но этот пример, вероятно, может служить скорее для иллюстрации трудностей перевода китайских названий растений, а в понимании этимологии китайского наименования пиона он вряд ли может помочь.

времени не знали об этом растении, его определение есть только в словарях современного тибетского языка: ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་, букв. «травяной лотос» (Goldstein 2004, p. 866; 642). Видимо, это слово пришло в тибетский язык сравнительно недавно, сейчас оно используется для обозначения всех пионовых.

V

𑄎𑄏𑄐

ngə śiwo vja

山丹花

шаньдань-хуа

Лилия (?)

1. Гора (Невский 1960в, т. II, с. 463; Кычанов 2006, № 5250-0, с. 723); гора, холм (Ли Фань-вэнь 1997, № 4871-0, с. 885). Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из верхней части знака «святой, отшельник» (𑄎 *śie*)¹⁸ и нижней части знака «сковорода, противень» 𑄏 *ngə* (Море письмен 1969, № 2421, ч. I, с. 394; л. 82 (ч. I, с. 580)). Нельзя не отметить две принципиально разные идеи, заложенные создателями тангутской письменности в знак «гора»: это и неразрывная ее связь с отшельничеством, уединением, и крайне наглядный образ плоской, выжженной солнцем вершины.

2. Киноварь¹⁹ (Невский 1960в, т. II, с. 247); прямой, честный, подтянутый, собранный (Кычанов 2006, № 2887-0, с. 430); величественный, стройный, красивый (Ли Фань-вэнь 1997, № 541, с. 106).

Этот знак крайне близок к уже встречавшемуся нам знаку III, 2 («красивый, разукрашенный») как по начертанию, так и по основному набору значений. Фактически, разница весьма мала, и можно было бы заподозрить, что речь идет об одном и том же знаке, просто написанном несколько по-разному, тем более что в «Перле в ладони» оба знака переведены одним и тем же китайским знаком *дань* 丹. Однако знаки не только пишутся по-разному, но и по-разному транскрибированы: в первом случае знаком 𑄎 *люй* (использована именно сокращенная форма знака), исходя из чего звучание знака реконструировано как *ldju*; во втором случае звучание передано через знак 𑄏 *и*, вероятно, может быть восстановлено как *śiwo*. Конечно, наличие разных звучаний не позволяет считать, что перед нами варианты одного и того же знака, и все исследователи совершенно закономерно предлагают считать их двумя

¹⁸ Интересно, что Н.А. Невский, практически не имевший возможности работать с «Морем письмен», также заметил связь знаков «гора» и «отшельник»: он предположил, что знак «отшельник» — это совокупность элементов «гора» (представленного верхней частью полного знака) и «человек» (Невский 1960в, т. II, с. 647). Судя по всему, перед нами довольно редкий случай, когда тангутский знак калькирует не только структуру, но и звучание аналогичного китайского иероглифа 𑄎 *сянь*.

¹⁹ Видимо, это не вполне верно, так как китайский знак 丹 *дань* ближе к полному значению знака 𑄎 *ldju* («красивый, разукрашенный»), да и то с целым рядом оговорок (см. выше); впрочем, в распоряжении Н.А. Невского было совсем мало примеров словоупотребления этого знака.

отдельными знаками. Всеми рассматриваемыми словарями зафиксировано также словосочетание 姸姸 *šjwo lɟju*, переводимое как «стройный, прямой, достойный». Видимо, различия значений знаков были почти столь же неочевидны, как и различия в их написании: судя по всему, если знак 姸 *lɟju* означал красоту чувственную и пышную, то знак 姸 *šjwo* — скорее красоту строгую и добродетельную.

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

Шаньдань (букв. «горный киноварный цветок») чаще всего переводится как «лилия одноцветная» (*Lilium concolor* Salisb.), которая широко распространена в горах и на равнинах почти всего Китая (кроме северо-востока). Луковицы этой лилии употребляются в пищу; несмотря на небольшой размер, они считаются лучшими среди съедобных лилий. Также луковицы используются для изготовления крахмала и алкоголя; из цветов вырабатывают ароматическое масло (Ricci des plantes 2005, p. 392). Однако это не единственный вариант перевода. *Шаньдань* также может переводиться как «лилия карликовая» (*Lilium pumilum* Delile) или «лилия тонколистная» (*Lilium tenuifolium* Fisch., царские кудри), невысокое декоративное растение, широко распространенное на большей части территории Северного Китая, а также в Монголии и Южной Сибири. Луковицы используются для изготовления крахмала, их кожура — в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 392). Еще одна лилия, которую иногда называют *шаньдань* — кардиокринум китайский (*Cardiocrinum cathayanum* (E.H. Wilson) Stearn., а также *Lilium cathayanum* E.H. Wilson) из семейства лилиевидных (*Lilioideae*), растущая в горных лесах Восточного, Центрального и Юго-Западного Китая. Луковицы используются в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 362). Поскольку мы не располагаем описанием растения на тангутском языке, то с уверенностью предпочесть один из этих видов невозможно.

Среди вариантов перевода термина есть растения, не относящиеся к лилиям. Это может быть и иксо́ра китайская *Ixora chinensis* Lam. из семейства мореновых (*Rubiaceae*), вечнозеленый кустарник высотой от 0,5 до 2 м, который выращивается как декоративное растение, а его цветы, корни и ветви используются в медицине. Впрочем, этот вариант вряд ли стоит принимать во внимание в нашем случае — иксо́ра произрастает только в Южном Китае (не севернее Фуцзяни), равно как и в Индонезии и Малайзии (Ricci des plantes 2005, p. 282); конечно, тангуты могли быть с ней знакомы (например, послы могли видеть это растение в сунских садах), но вряд ли это южное растение могли поместить на третье место в списке «Перла в ладони».

Существует и растение, которое обозначается термином *шаньдань-хуа* — стеллера карликовая *Stellera chamaejasme* L. Это небольшое растение семейства волчниковых (*Thymeleaceae*), широко распространенное на горных плато Северного Китая и Тибета, а также в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Корни используются в медицине, а также в качестве средства борьбы с подземными насекомыми и гусеницами (Ricci des plantes 2005, p. 381). Корни, цветы и стебли входят в состав общеукрепляющих, мочегонных и желудоч-

ных средств тибетской медицины, используются как слабительное, мочегонное, противовоспалительное, антисептическое, антигельминтное и ранозаживляющее средства, а также при опухолях (Голубой берилл 1994, л. 27, № 110, с. 204–207; л. 33, № 89, с. 236–239). В монгольской ветеринарии в составе смесей его применяют для уничтожения личинок в ранах у животных. Также в Тибете стеллера традиционно использовалась для изготовления бумаги. Без сомнения, тангутам было известно это растение, но логика текста подталкивает нас к предположению, что после пионов в списке стоит ожидать скорее яркие и декоративные лилии, нежели скромную, хоть и крайне полезную стеллеру. К тому же тангутское название совершенно не похоже на тибетское ее наименование²⁰. Очевидно, это типичное растение суровых высокогорий, довольно невзрачное даже в период цветения, вряд ли могло рассчитывать на определение «горный красивый цветок». Но поскольку у нас нет тангутских описаний внешнего вида растения, мы все же склоняемся к тому, что здесь имеется в виду именно стеллера.

Это словосочетание завершает в «Перле в ладони» группу декоративных цветов.

VI

蕹 薺 級

ngôn ige vi̇a

海棠花

хайтан-хуа

Декоративная дикая яблоня

1. Айва, дикая яблоня (Кычанов 2006, № 1056-0, с. 214), китайская цветущая дикая яблоня (Ли Фань-вэнь 1997, № 4187, с. 772). К сожалению, данный знак в тангутских памятниках встречается всего в двух словосочетаниях, причем нигде, кроме «Перла в ладони», мы не встречаем толкования или перевода знака; возможно, значения словарей опираются прежде всего на наличие в данном словосочетании знака, для которого имеется китайский перевод. Эти обстоятельства, конечно, значительно затрудняют задачу точного перевода знака. Впрочем, расшифровке может помочь анализ структуры знака (к сожалению, его официальная этимология не фигурирует в дошедших до нас тангутских словарях). Верхний элемент входит в число многих знаков, обозначающих названия деревьев (Невский 1960в, т. I, с. 462). Нижняя часть существует в виде отдельного, омонимичного знака 蕹 *ngôn* «море» (Невский 1960в, т. I, с. 409; Кычанов 2006, № 1055-0, с. 214; Ли Фань-вэнь 1997, № 661, с. 130). Судя по всему, рассматриваемый знак должен был объединять в себе оба китайских, представленных в переводе словосочетания — *хай* и *тан*, т.е. дерево, в китайское название которого (принятое составителем за основу)

²⁰ По-тибетски стеллера называется རྩུག་ལྗང་མེད་, букв. «[растение] с прутьями» (Chandra Das 1902, p. 1189, 396, 775).

входит прилагательное «морской / заморский». Поскольку, как мы увидим ниже, термин *хайтан* в китайском языке в основном имеет отношение к разным видам диких или полудиких яблонь, то, видимо, именно дикую яблоню данный знак и должен обозначать.

2. Душистый, благоуханный (Невский 1960в, т. I, с. 474; Ли Фань-вэнь 1997, № 4137, с. 764), аромат²¹ (Кычанов 2006, № 4520-0, с. 638).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

Хайтан-хуа (букв. «цветок морской / заморской дикой груши») обычно переводится как «яблоня замечательная, китайская цветущая дикая яблоня» (*Malus spectabilis* (Ait.) Borkh.). Это листопадное дерево высотой до 8 м, произрастающее на севере и востоке Китая. Оно издавна культивируется как декоративное благодаря своим очень красивым цветам: в бутоне они розовые, после распускания белые, диаметром 4–5 см, собраны в зонтиковидные щитки по 4–6 штук. Плоды съедобны, но не особенно ценны из-за кислого вкуса и крайне малого размера (диаметр не превышает 2 см) (Ricci des plantes 2005, p. 163).

Такой вариант перевода наиболее вероятен, но поскольку в предыдущих словосочетаниях знак *хуа* китайских переводов терминов, судя по всему, добавлялся только для лучшего соответствия структуре тангутского понятия, рассмотрим и значения словосочетания *хайтан*. Помимо той же «яблоня замечательной» среди вариантов перевода есть «калофиллум волокнистолистный» (*Calophyllum inophyllum* L.) или таману, александрийский лавр: вечнозеленое дерево (высотой 5–15 м) семейства клузиевых (*Clusiaceae*), произрастающее в горных лесах крайнего юга Китая — на Тайване, Хайнане, в провинциях Гуандун, Гуанси, Юньнань. Используется его ценная древесина, из которой делают мебель, плавающие суда и т.п., из семян делают масло (Ricci des plantes 2005, p. 163). Впрочем, вряд ли об этом дереве может идти речь в «Перле в ладони» — в стране тангутов оно не произрастает.

Словари отмечают и еще ряд словосочетаний, связанных со знаками *хайтан*. *Хайтанго* 海棠果 — это «яблоня сливолистная, китайская яблоня, китайка» (*Malus prunifolia* Borkh.), небольшое (до 8 м высотой) дерево, широко распространенное в Северном Китае и Сибири. Крайне морозоустойчивый сорт, относится к числу наиболее распространенных в России, очень популярен и в Китае, выращивается ради небольших, но многочисленных и лёжких плодов (Ricci des plantes 2005, p. 163). *Сифу хайтан* 西府海棠 — яблоня малая *Malus micromalus* Makino, дерево высотой до 5 м, произрастающее в большинстве провинций Северного Китая, от Ганьсу до Ляонина, выращивается ради плодов (Ricci des plantes 2005, p. 482, 161, 163). *Хайтанхун* 海棠紅 — название одной из разновидностей абрикоса *Prunus armeniaca* L., выращиваемой в Шаньси (Ricci des plantes 2005, p. 163), Впрочем, совершенно невозможно установить, насколько давно используется это наименование. Наконец, *хайтаншу*

²¹ Вряд ли верно переводить знак существительным — ведь в данном словосочетании знак стоит после определяемого существительного, что указывает на то, что перед нами прилагательное.

海棠樹 — это лагерстрёмия индийская, индийская сирень *Lagerstroemia indica* L., куст или небольшое дерево семейства дербенниковых (*Lythraceae*) высотой до 6 м, чья родина, несмотря на название, по всей видимости находится в Китае. Распространена во многих регионах Китая, особенно на юге, культивируется как декоративное растение, цветы, листья и корни используются в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 163, 596).

Рассмотренные варианты показывают, что большинство терминов имеют отношение к разным видам яблонь. Китайская яблоня встречается в тексте «Перла в ладони» ниже (Ли Фань-вэнь 1994, л. 14а (с. 351), среди плодовых деревьев, к тому же второй и третий знаки тангутского словосочетания, которое может быть буквально переведено как «цветок душистая дикая яблоня», как кажется, указывают на то, что в данном растении прежде всего ценились его декоративные свойства. Поэтому, видимо, наиболее вероятным вариантом перевода является «яблоня замечательная», т.е. единственная из перечисленных, выращиваемая прежде всего ради цветов. Не стоит забывать, что китайское название этого вида яблони полностью совпадает с тем, что мы видим в тексте «Перла в ладони», — *хайтан-хуа*. Так или иначе, по всей видимости, это наиболее известная из прежде всего декоративных разновидностей яблони, выращиваемых в Китае, что делает весьма вероятной гипотезу, что в тексте имеется в виду как раз этот вид. Впрочем, у нас не может быть полной уверенности, что речь идет именно об этой яблоне, а не о каком-нибудь другом декоративном виде: трудно ожидать от тангутов полностью точного определения видов. Именно этим объясняется наш перевод.

Как кажется, данный термин (особенно первый его знак) представляет интересный вариант заимствования тангутами китайской терминологии. Стоит также отметить интересную склонность тангутов относить деревья, пусть и декоративные, к цветам по самому факту их декоративности. Впрочем, в данном случае они формально следуют за китайцами.

VII

朶朶級

ḷion pè vja

龍栢²²花

лунбай(бо)-хуа

Можжевельник

1. Дракон (Ли Фань-вэнь 1997, № 4203, с. 774). Прочие словари (Невский 1960в, т. I, с. 485; Кычанов 2006, № 1302-0, с. 242) не дают вариантов перевода, поскольку данное словосочетание — единственный пример использования этого знака. Очевидно, Ли Фань-вэнь в своем переводе основывается на том, что так данный знак «переводится» в «Перле в ладони», что методологически неверно. Проанализируем структуру знака. Смысл верхнего элемента, как мы уже отмечали выше (VI, 1), связан с деревом; нижний существует в виде омо-

²² Вариант написания знака 栢 *бай (бо)*.

нимичного знака 榧 *lion*. Этот знак использовался в качестве транскрипционного знака для китайского *лян* (Невский 1960в, т. I, с. 368; Ли Фань-вэнь 1997, № 4088, с. 756), может заменять китайский знак *лун* 隴 (в географических названиях) (Ли Фань-вэнь 1997, № 4088, с. 756), а также значит «двусторонний, в пару, напарники» (Кычанов 2006, № 1301-0, с. 242). Вероятно, в данном случае знак также используется прежде всего как транскрипционный и призван обозначать дерево, название которого по-китайски совпадает по чтению со знаком *лун* 龍; согласно «Гуан юнь», для этого знака в XI в. существовало чтение *liwoŋ* (Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 1999, с. 9), что близко к чтению рассматриваемого тангутского знака.

2. Кипарис (Кычанов 2006, № 5213-0, с. 722; Ли Фань-вэнь 1997, № 4119, с. 762). Как и в предыдущем случае, знак встречается фактически только в этом словосочетании, что несколько затрудняет однозначный перевод. Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из верхней части знака «дерево» (蕤 *si*) и знака «широкий» (𣎵 *pê*); в примечании о смысле знака авторы «Моря письмен» отсылают читателя к пояснению знака «дерево» *lion pê si* 蔦蔦蕤 [Море письмен 1969, № 284, ч. I; л. 11 (ч. I, с. 509), который, как видно, почти полностью совпадает с рассматриваемым словосочетанием, за исключением последнего знака, который в данном случае не «цветок», а «дерево». Данный пассаж из «Моря письмен» крайне ценен, во многом потому, что подтверждает методологическую правильность нашего структурного анализа знаков VI,1 и VII,1, совпадающую с подходом создателей «Моря письмен».

Рассмотрим знак 𣎵 *pê* подробнее. Согласно словарям, он имеет значения «широкий» (Невский 1960в, т. II, с. 394), «широкий, просторный» (Кычанов 2006, № 5230-0, с. 722), «широкий, просторный, лоза, душистый лук», заменяет китайские знаки 伯 *бай* (*бо*), 柏 *бай* (*бо*) (в именах собственных, названиях) (Ли Фань-вэнь 1997, № 5970, с. 1081–1082). Видимо, в данном случае надо принять во внимание прежде всего транскрипционную функцию знака. В целом он должен обозначать дерево, которое в китайском языке обозначается как 柏 *бай* (*бо*). Фонетическая транскрипция весьма точна — по «Гуан юнь», знак 柏 *бай* (*бо*) читался как *p'ek* (Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 1999, с. 378).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

Лунбо-хуа (букв. «цветок — драконий кипарис»²³); словосочетание в китайском языке не существует, призвано, как мы уже видели в ряде случаев, наилучшим способом соответствовать структуре тангутского термина. *Лунбо* —

²³ *Бо* — китайское обозначение всего семейства кипарисовых. Около 30 видов (из 150) произрастают в Китае, еще около 15 завезены в страну сравнительно недавно. Кипарисы ценятся за свою древесину, из них получают ароматные масла, многие виды используются для восстановления лесного покрова на землях, которым грозит опустынивание. Более конкретно этот знак может означать «кипарис плакучий» (*Cupressus funebris* Endl.), красивое хвойное дерево высотой до 35 м, произрастающее в большинстве лесов Южного Китая, а также в парках Северного Китая. Ценная древесина, хвоя и смола используются в медицине (Ricci des plantes 2005, р. 8). Другое значение этого знака — «плоскоцветочник восточный, туя восточная, биота восточная» (*Platycladus orientalis* (L.) Franco, также *Thuja orientalis* L., *Biota orientalis* (L.) Endl.), хвойное дерево высотой до 20 м, чьей родиной является Китай. Произрастает в лесах большей части страны, кроме высокогорья, часто высаживается как декоративное. Хвоя используется в медицине, хвоя и плоды — в качестве инсектицида (Ricci des plantes 2005, р. 43).

это можжевельник китайский *Juniperus chinensis* L. (также *Sabina chinensis* (L.) Antoine) (Ricci 2001, № 7477, vol. IV, p. 247), хвойное дерево высотой до 20 м, произрастающее почти на всей территории Китая, а также в Тибете. Ценная ароматная древесина и хвоя используются в медицине. Можжевельник часто высаживается в местах, где требуется восстановить лесной покров (Ricci des plantes 2005, p. 158). Стоит отметить, что это отнюдь не самое распространенное название этого вида можжевельника, и, возможно, тангуты находились под влиянием какой-то региональной, а не столичной, ботанической традиции.

Судя по всему, тангуты воспринимали можжевельник прежде всего как декоративное растение, которое высаживалось в парках: название снабжено классификатором «цветок», «зарезервированным» для декоративных растений²⁴, хотя никаких цветов (в обычном, а не в сугубо ботаническом смысле) у можжевельника нет. Вероятно, этому способствовало то, что можжевельник отлично подходит для высаживания в холодных и засушливых землях, где и жили тангуты. При этом, судя по всему, тангуты узнали о можжевельнике от китайцев; тангутское название этого растения однозначно указывает на китайское влияние: это еще один вариант заимствования термина, когда заимствуется не структура китайских знаков (как в VI,1), а их звучание. Создатели тангутской письменности лишь снабдили транскрипционные знаки элементом, указывающим, что речь идет о дереве. Тангутское название можжевельника можно буквально перевести как «цветок — дерево “лун-бо”».

VIII

綉穉級

tshjə rai vja

梅花

мэй-хуа

Дикая слива

1. Кислый, уксус (Невский 1960в, т. II, с. 32; Ли Фань-вэнь 1997, № 2739, с. 517); слива, ягоды, ягодный сок (Кычанов 2006, № 299-0, с. 127)²⁵.

2. Лес, роша, чаща (Невский 1960в, т. I, с. 473); лес, роша, сад (Кычанов 2006, № 4148-0, с. 590); слива²⁶, деревья, чаща, парк (Ли Фань-вэнь 1997, № 4246, с. 779–780).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

²⁴ Впрочем, как мы видели, в «Море письмен» упоминается дерево, где вместо классификатора «цветок» стоит знак «дерево». Возможно, знаки снабжены этим несколько странным классификатором потому, что в «Перле в ладони» можжевельник входит в число декоративных растений и составитель словаря счел необходимым таким образом подчеркнуть его декоративную составляющую и формально унифицировать перечень.

²⁵ Вряд ли этот перевод верен — это, скорее, производное от основного значения, отмеченного в остальных словарях.

²⁶ Как и в случае с первым знаком, очевидно, появление данного значения в словаре объясняется только тем, что знак встречается в данном словосочетании.

Перевод китайского словосочетания *мэй-хуа* на первый взгляд не составляет проблемы — все словари толкуют его как цветущую сливу японскую (слива китайская, муме, абрикос японский, абрикос китайский, *Prunus mume* (Sieb.) Sieb. et Zucc., *Armeniaca mume* Sieb.). Это одно из самых известных растений дальневосточного региона, дерево высотой 4–10 м, чья родина находится в Южном Китае, в горных лесах провинций Сычуань и Юньнань, Восточного Тибета, провинций Гуандун и Фуцзянь. Издавна выращивается почти по всей территории Китая, равно как в Корее, Японии и Вьетнаме; существует множество разновидностей. Часть их культивируется ради плодов (сочных, но довольно кислых), которые солят, сушат или едят в свежем виде; из них выжимают сок, делают вино (Ricci des plantes 2005, p. 314). Однако гораздо больше славы дереву *мэй* принесли его цветы. Они в обилии раскрываются на севере Китая ранней весной, на юго-западе страны — в декабре, когда на ветвях еще нет листьев, и одевают дерево в роскошный убор, чей цвет варьирует от белого до темно-красного. Ветки цветущей сливы стали важным символом в китайской и японской поэзии и живописи (см., например: Соколов-Ремизов 2010, с. 705). Именно цветы сделали этот вид дерева одним из наиболее любимых декоративных деревьев всего Дальнего Востока.

Однако ряд соображений не позволяет нам остановиться именно на этом варианте перевода. Тангуты определенно были знакомы с *Prunus mume*, поскольку во времена государства Западное Ся эти деревья давно культивировались далеко к северу от природного ареала, но в диком виде, судя по всему, в стране тангутов этот вид не встречался. Вполне возможно, что тангуты получили саженцы сливы от китайцев и начали выращивать их в своих садах, чтобы любоваться цветами, — сейчас в этих районах Китая *мэй-хуа* вполне распространенный парковый вид. Однако в этом случае тангутское название вида сохранило бы следы китайского влияния, как для названий травянистого пиона, лилии, декоративной яблони или можжевельника. В данном же случае тангутское название представляется совершенно оригинальным и ничуть не напоминает китайское — буквально оно может быть переведено как «цветок [дерева] с кислыми [плодами, растущего] чащами». Это название показывает, что тангуты очень хорошо знали это дерево и представляли себе, как оно обычно произрастает в природных условиях, чего в отношении *Prunus mume* они, скорее всего, знать не могли. Почти все виды слив и абрикосов в диких условиях формируют довольно труднопроходимые колючие заросли, но, конечно, при выращивании в садах это не допускается; так почему же тангуты называли рассматриваемое дерево именно так? Кроме того, в разделе «Перла в ладони», посвященном декоративным цветам, составители весьма скрупулезно следовали китайским представлениям эпохи Тан об их иерархии — на первое место они поставили древовидный пион, на второе — травянистый. Почему же тогда в разделе, посвященном декоративным деревьям, *мэй-хуа*, издревле ценившаяся китайцами неизмеримо выше всех прочих декоративных деревьев, стоит на последнем месте, после вполне скромных, с китайской

точки зрения, декоративной яблони и можжевельника? Полноте, неужели это и правда *Prunus mume*?

Нужно сказать, что абсолютное большинство видов диких слив и абрикосов очень красиво во время цветения. Конечно, тангутам, как всем кочевникам, хорошо знавшим и любившим природу, это было известно. Трудно сказать, существовала ли у них собственная традиция высаживания таких деревьев рядом со своими домами из соображений их эстетической ценности — все-таки цветет дикая слива недолго, а плодов приносит немного, причем не отличающихся особым вкусом. Вероятно, такую традицию тангуты восприняли у китайцев, но при этом, если китайцы, говоря о декоративной сливе, конечно, подразумевали *мэй-хуа*, т.е. *Prunus mume*, то тангуты, судя по всему, имели в виду другой вид, более характерный для их родных мест. Мы считаем, что это может быть «слива растопыренная» (вишнеслива, алыча, ткемали, *Prunus divaricata* Ehrh., *Prunus cerasifera* Ehrh.), один из наиболее распространенных видов дикой сливы, который наряду со сливой колючей, тёрном *Prunus spinosa* L. (в Китае в естественных условиях не встречается) считается предком домашней сливы *Prunus domestica* L. (Ботанический атлас 1963, с. 106). Алыча — дерево или кустарник высотой 1,5–10 м, в диком виде сейчас произрастает на территории от Передней Азии до Тяньшаня, в Китае — в предгорьях почти на всей территории Синьцзяна; формирует довольно густые рощи; во время цветения деревья очень декоративны; крайне неприхотлива, хорошо растет на сухих почвах; плоды кисло-сладкие, сочные, употребляются в свежем и переработанном виде; может использоваться в качестве подвоя для культурных сортов слив, персиков, абрикосов (Ricci des plantes 2005, p. 549). Возможно, именно алыча, или какая-то ее местная разновидность, играла в культуре тангутов ту же роль, что и более теплолюбивая *Prunus mume* в китайской культуре. Именно алычу китайцы рассматривали в качестве разновидности сливы, которая выращивается не ради плодов²⁷, а ради цветов. Конечно, по всей видимости, по естественным причинам (все-таки цветущей алыче очень далеко до *мэй-хуа*) тангуты ценили ее за красоту несколько меньше, чем яблоню или можжевельник; возможно даже, она попала в список «Перла в ладони» прежде всего из уважения к китайской традиции почитания *Prunus mume*. Данный случай, как нам кажется, представляет собой очень яркий пример «трудностей перевода», с которыми сталкивался составитель «Перла в ладони».

Это словосочетание завершает в «Перле в ладони» группу декоративных деревьев.

* * *

Приведенный выше материал, посвященный растениям, составляет около одной десятой части всего текста «Перла в ладони». Он позволяет сделать вывод о стремлении тангутов к строгости ботанической классификации:

²⁷ Такая слива в «Перле в ладони» тоже упоминается, см.: Ли Фань-вэнь 1994, л. 14а (с. 351).

название растения они неукоснительно снабжали классификатором, указывающим на предназначение этого растения. Основные классификаторы вводятся в текст перед соответствующей группой названий растений. Эта система является совершенно оригинальной и крайне интересна особенно тем, что классификатор обозначал не внешний вид растения, а его предназначение: так, декоративная слива снабжена классификатором «цветок», хотя большую часть года она на цветок вовсе не похожа, а ее кузина, выращиваемая для плодов, получила классификатор «плод» (Ли Фань-вэнь 1994, л. 14а (с. 351)). Мы полагаем, ничего подобного история мысли других народов не знала. Такая точность была чужда и китайским учителям тангутов. Примечательно, что китайские термины, используемые для передачи тангутских, не только не довлеют над ними, но и сами нередко принимают несвойственные для китайского языка формы, чтобы лучше соответствовать параллельным тангутским конструкциям, образованным с использованием классификаторов.

В тангутских названиях растений, конечно, очень многое заимствовано у китайцев (мы не обсуждаем здесь тибетские или тюркские влияния). Материал, представленный нами вниманию читателя, позволяет выделить ряд способов такого заимствования. Перечислим их по степени оригинальности тангутского термина.

1. Фонетическое (VII). Для обозначения ряда видов растений были созданы знаки, читаемые так же, как китайские, которые они были должны заменить. Эти знаки учитывают не только звучание, но и начертание исходных китайских знаков.

2. Структурное (VI). Не повторяя звучания китайского знака, тангутский знак напрямую отсылает нас к начертанию исходного китайского. В данном случае в одном тангутском знаке объединяются два китайских.

3. Смысловое (III, IV, V). Знаки, использованные в таких названиях, не перекликаются с китайскими наименованиями ни фонетически, ни структурно; вместе с тем буквальный перевод тангутского термина позволяет с большой долей уверенности утверждать, что, создавая его, тангуты учитывали буквальный перевод китайского названия растения. При этом, например, в случае древовидного пиона, с которым тангутов познакомили китайцы, это смысловое влияние исчезающе мало.

Наконец, нами отмечен один случай (VIII), когда тангутское название совершенно оригинально и не пересекается с китайским ни в какой степени. Более того, мы считаем, что тангутское название относится к иному виду, чем то, что обозначено китайским переводом.

Без сомнения, представления тангутов о важнейших видах декоративных растений находились под сильнейшим влиянием китайцев, что неудивительно — ведь никто в регионе не мог сравниться с китайцами по богатству и разнообразию традиций садового и паркового дела, разработанности ботанической терминологии. Однако в этой области тангуты сохранили значительную самобытность, нашедшую отражение в разделе, посвященном декоративным деревьям.

Необходимо отметить еще один интересный факт: составитель словаря начинает раздел, посвященный растениям, с декоративных цветов и деревьев. Аналогий подобному подходу нет: перед нами яркая иллюстрация самобытности тангутского менталитета. Мы считаем, что представитель земледельческой цивилизации начал бы с перечисления полезных, съедобных растений, составляющих основу хозяйства²⁸. Однако для автора «Перла» решающую роль сыграли кочевые корни тангутской цивилизации: не воспринимаемая растения, подобно земледельцам, в качестве потенциальной пищи, кочевники обычно более чутки к эстетической стороне природы. Этому, конечно, способствует и менее напряженный образ жизни кочевника, который много времени проводит в дороге, в размышлениях и наблюдениях за окружающим миром — роскошь, которой земледелец фактически лишен. Если наше предположение верно, то перед нами еще один аргумент в пользу того, что, глубоко и искренне восприняв китайскую культуру, в значительной степени позабыв свое степное прошлое ради городов и пашен, тангуты остались самими собой.

Литература

- Ботанический атлас 1963 — Ботанический атлас / Под общей ред. Б.К. Шишкина. М.—Л.: Издательство сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов, 1963.
- Вэньхай баюнь 2000 — *Ши Цзинь-бо, Накадзима Мики* и др. 史金波, 中嶋幹起等. Дэн-но: сори «Бункай Хо:ин» кэнкю 電腦処理《文海宝韻》研究 (Компьютерная обработка «Драгоценных рифм моря письмен»: исследование). Токио: 不二出版 (Фуцзи шуппан), 2000.
- Голубой берилл 1994 — Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII в. «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994.
- Гулэ Маоцай 1989 — *Гулэ Маоцай* 骨勒茂才. Фань хань хэ-ши чжан-чжун чжу 番漢合時掌中珠 (Тангутско-китайский [словарь] “Своевременный перл в ладони”) / Сост. Хуан Чжэнь-хуа, Не Хун-инь, Ши Цзин-бо 黃振華, 聂鴻音, 史金波. Инчуань: 寧夏人民出版社 (Нинся жэньминь чубаньшэ), 1989.
- Кравцова 2010 — *Кравцова М.Е.* Хуан Цюань. — Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 6: Искусство. М.: Восточная литература, 2010, с. 752–754.
- Крюков, Малявин, Софронов 1984 — *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1984.
- Кычанов 1987–1989 — Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. В 4-х книгах. Серия «Письменные памятники Востока», LXXXI, 1–4. Т. I–IV. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989.
- Кычанов 2006 — Словарь тангутского (Си-Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. *Кычанов Е.И.*, сосост. *Аракава С.* (荒川 慎太郎). Киото: Kishimoto Printing Co., 2006.

²⁸ К сожалению, понять принципы, согласно которым названия трав и деревьев расположены в главах *Эр я*, не так-то просто, если вообще возможно. В любом случае, перечень трав в этом древнейшем словаре открывается не садовыми декоративными растениями, а распространенными горными травами — диким луком и полынью, — сбор которых играл немалую роль в жизни каждого китайского крестьянина (*Эр я* 1997, цз. 8, с. 2625).

- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* Культура Си Ся: письменность, просвещение, музыка, живопись. — *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Ли Фань-вэнь 1994 — *Ли Фань-вэнь* 李范文. Сун-дай си-бэй фан-инь: «Фань хань хэ-ши чжан-чжун чжу» дуй-инь яньцзю 宋代西北方音: 《番漢合時掌中珠》對音研究 (Местное произношение северо-запада эпохи Сун: сравнительное изучение встречаемых звуков в «Тангутско-китайском [словаре] “Своевременный перл в ладони”»). Пекин: 中國社會科學出版社 (Чжунго шэхуэй-кэсюэ чубаньшэ), 1994.
- Ли Фань-вэнь 1997 — *Ли Фань-вэнь* 李范文. Ся-хань цзы-дянь 夏漢字典 (Тангутско-китайский словарь). Пекин: 中國社會科學出版社 (Чжунго шэхуэй-кэсюэ чубаньшэ), 1997.
- Море письмен 1969 — Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Пер. с тангутского, вступит. статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. I–II. М.: Наука, ГРВЛ, 1969.
- Невский 1960а — *Невский Н.А.* Материалы для изучения тангутского произношения. — *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Т. I–II. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Т. I, с. 107–131.
- Невский 1960б — *Невский Н.А.* Очерк истории тангутоведения. — *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Т. I–II. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Т. I, с. 19–32.
- Невский 1960в — *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Т. I–II. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
- Неглинская 2010 — *Неглинская М.А.* Ювелирные украшения. — Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 6: Искусство. М.: Восточная литература, 2010, с. 325–329.
- Соколов-Ремизов 2010 — *Соколов-Ремизов С.Н.* Сы цзюнь-цзы. — Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 6: Искусство. М.: Восточная литература, 2010, с. 705.
- Софронов 1968 — *Софронов М.В.* Грамматика тангутского языка. Т. I–II. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Терентьев-Катанский 1993 — *Терентьев-Катанский А.П.* Материальная культура Си Ся. М.: Восточная литература, 1993.
- Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 1999 — Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 漢字古今音表 (Таблицы древнего и современного произношения китайских иероглифов) / Сост. Ли Чжэнь-хуа, Чжоу Чан-цзи 李珍華, 周長楫. Сю-дин бэнь 修訂本 (Исправленное издание). Пекин: 中華書局 (Чжунхуа шуцзюй), 1999.
- Хань-юй да цыдянь 1997 — Хань-юй да цыдянь 漢語大詞典 (Большой словарь китайского языка). Под ред. Ло Чжу-фэна 羅竹風. Со-инь бэнь 修訂本 (Издание уменьшенного формата). Шанхай 漢語大詞典出版社 (Хань-юй да цыдянь чубаньшэ), 1997. Т. 1–3.
- Эр я 1997 — Эр я чжу-шу 爾雅注疏 (Комментированный [словарь] изысканных синонимов и глосс [к каноническим книгам]). — Шисань цзин чжу-шу 十三經注疏 (Комментированное тринадцатикнижие). Т. I–II. Шанхай: 上海古籍出版社 (Шанхай гуцзе чубаньшэ), 1997. Т. II.
- Chandra Das 1902 — A Tibetan-English Dictionary with Sanskrit synonyms / By *S. Chandra Das*. Calcutta: Bengal Secretariat Book Depôt, 1902 (Repr.: Delhi: Winsom Books India, 2000).
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: The Clarendon Press, 1972.
- Goldstein 2004 — The New Tibetan-English Dictionary of Modern Tibetan / Ed. *M.C. Goldstein*. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd., 2004.
- Ivanov 1909 — *Ivanov A.* Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI série. Tome III, SPb.: Типография Императорской Академии Наук, 1909, p. 1221–1233.

- Kwanten 1982 — *Kwanten L.* The Timely Pearl: A 12th Century Tangut Chinese Glossary. Bloomington: Indiana University, 1982.
- Lama Dawasandup Kazi 1919 — An English-Tibetan Dictionary / Comp. by *Lama Dawasandup Kazi*. Calcutta: Baptist Mission Press, 1919. (Rpr. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd., 1990.)
- Mahmud al-Kasgari 1982 — *Mahmud al-Kasgari*. Compendium of the Turkic Dialects (*Dīwān Luḡāt at-Turk*) / Ed. and transl. by *R. Dankoff, J. Kelly*. Vol. I–III. Harvard: Harvard University Printing Office, 1982.
- Ricci 2001 — Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise. Vol. I–VI, Index. Paris–Taïpei: Desclée de Brouwer, 2001.
- Ricci des plantes 2005 — Dictionnaire Ricci des plantes de Chine; chinois-français, latin, anglais / Par *F. Fèvre, G. Métailié*. Paris: Cerf, 2005.

Тангутский документ об аренде пекарни

В 17-м томе факсимильного издания документов из Дуньхуана, хранящихся в России, был опубликован уникальный фрагмент под названием «Контракт об аренде помещения пекарни Ли Чунь-гоу и др., полученной на основании конкурса в первом месяце 12-го года девиза царствования Гуан-дин» (光定十二年李春狗等撲賣餅房契)¹. Хотя этот документ хранится в дуньхуанском фонде ИВР РАН под шифром Дх-18993, он явно происходит не из Дуньхуана, а из Хара-Хото. Девиз правления Гуан-дин был провозглашен императором Си Ся Ли Цзунь-сюем (Шэнь-цзуном), 12 -й год его царствования соответствует 1222 г., следовательно, документ был составлен за пять лет до гибели тангутского государства. Согласно мнению Не Сяо-хун и Чэнь Го-цаня, данный документ был составлен в Си Ся, что подтверждается следующими фактами. Во-первых, среди рукописей, обнаруженных в Дуньхуане, до сих пор не найдено документов, составленных в последние годы Западного Ся. Во-вторых, в данном документе употреблены формулы «тот, кто составил контракт» (立文字人) и «те, кто совместно составили контракт» (同立文字人); такие формулы обнаруживаются только в документах Западной Ся и династии Юань и не встречаются в Дуньхуане. В-третьих, в документе употреблена формула «больше обсуждать не надо» (不詞), которая встречается только в документах из Хара-Хото. В-четвертых, наименование «пекарня» или «помещение для выпечки лепешек» (燒餅房) также не обнаружено в документах из Дуньхуана².

Помимо этого, по нашему мнению, есть еще один важный довод в пользу того, что документ тангутский: данный текст не единственный происходящий из Хара-Хото и включенный в издание «Документы из Дуньхуана, хранящиеся в России». Под шифром Дх в нем опубликовано довольно много хара-хотоских документов: Дх-18992 «Документ главной администрации округа Ицзиной»

¹ Эцан Хэйшуйчэн вэньсянь 2001, с. 310.

² Не Сяо-хун, Чэнь Го-цань 2009.

(亦集乃路總管府文書), Дх-18996 «Брачный договор Буяньчаому из округа Ицзинай» (亦集乃路不顏抄木合同婚書), Дх-19022 «Квитанция об оплате покупки серы в 23-м году девиза царствования Чжи-чжэн династии Юань» (元至正廿三年支付賣硫磺錢收據), Дх-19043 «Документ от 24-го года девиза царствования Цянь-ю государства Си Ся» (西夏乾祐廿四年文書), Дх-19070 «Документ о покупке корма для лошадей в первом году девиза царствования Чжи-юань династии Юань» (元至元年間和羅馬料文書), Дх-19072 «Доклад от третьего года девиза царствования Чжи-чжэн династии Юань о предоставлении пропитания старикам и сиротам» (元至正三年請支孤老口糧呈狀), Дх-19073 «Документ второго года девиза царствования Тай-дин династии Юань» (元泰定二年文書), Дх-19087 «Несколько документов письмом Си Ся» (西夏文記數文書) и т. д.

Не Сяо-хун и Чэнь Го-цань говорили в основном о происхождении «Контракта об аренде помещения пекарни Ли Чунь-гоу» и почти не затрагивали его содержания. В нашей статье мы попытаемся восполнить этот пробел.

Среди арендных документов династий Суй, Тан, Сун, Ляо, Ся, Цзинь, Юань большинство составляют контракты об аренде земли, контрактов же об аренде помещений крайне мало, и все они весьма фрагментарны³. Публикуемый документ — самый полный из дошедших до нас.

Ниже мы приводим текст данного документа и комментариев к нему.

光定十二年正月廿一日立文字人李春狗、劉

番家等，今於王元受處撲到面北燒餅房
舍一位，裏九五行動用等全，下項內
炉鏊一富，重四十斤，無底。大小錚二口，重廿
五斤。鐵匙一張，餠餅劊一張，大小檻二个，大小岸三面，升
房斗二面，大小口袋二个，裏九小麥本柒石伍斗。每月行
價賃雜壹石伍斗，恒月係送納。每月不送納，每一石倍罰一石
與元受用。撲限至伍拾日，如限滿日，其五行動用，小麥七石
五斗，迴与王元受。如限日不迴還之時，其五行動用、小麥本
每一石倍罰一石；五行動用每一件倍罰一件与元受用。如本人
不迴与不辨之時，一面契內有名人當管填還數足，不詞。只此
文契為憑。

立文字人李春狗 [押]

同立文字人李來狗

同立文字人郝老生

[押] 立文字人劉番家

[押] 同立文字人

王號義 [押] 同立文

字人李喜狗 知見人

王三宝 知見人郝黑見

³ Чжан Чжуань-си 1995, с. 274, 303, 304.

Пу, или *пумай* (撲賣), — один из способов хозяйственного подряда в средневековом Китае, который появился во второй половине правления династии Тан и широко распространился при Северной Сун⁴. Именно тогда он стал практиковаться не только на экономически развитом юго-востоке, но и появился на далеких северо-западных окраинах империи. В шестом месяце пятого года девиза царствования Дачжун-сянфу (1012 г.) императора Чжэнь-цзуна «военный начальник провинции Цзиньюань Сао Вэй сказал, что сейчас в пограничных крепостях жителям разрешили на конкурсной основе арендовать винные лавки и торговать вином прямо на границе. Он был обеспокоен тем, что там могут укрываться плохие люди, и просил это запретить. Император с ним согласился»⁵. В годы Тянь-шэн (1023–1031) практику аренды *пумай* продлили с одного года до трех⁶. Сложился следующий порядок аренды *пумай*. За полгода до объявления конкурса власти «на самом оживленном месте вывешивали объявление и в течение двух месяцев зазывали покупателей»⁷. Желающие в письменном виде подавали заявки на участие в конкурсе, и власти, получив эти заявки, хранили их в тайне. По истечении срока власти обнародовали заявки, и подряд получал тот, кто предложил большую цену. Если два человека предлагали одинаковую цену, выигрывал тот, кто подал заявку раньше⁸. Если позднее кто-то предлагал более высокую цену, чем прежние участники конкурса, то спрашивали выигравшего конкурс, желает ли он дать большую цену. Если он не желал, то право на подряд получал предложивший цену последним⁹. Результаты конкурса обнародовались¹⁰.

Итак, право на подряд получал тот, кто предлагал более высокую цену, но если он хозяйствовал плохо или даже прогорал, то был вынужден продать заложенное имущество. Если же желающих купить не находилось, то заставляли покупать соседей. Если соседи были не в состоянии выкупить это имущество, то искали более дальних покупателей. Если после продажи имущества взявший подряд оставался должен властям, то оставшееся приказывали оплатить поручителю при составлении контракта¹¹.

Кроме винных лавок порядок *пумай* распространялся и на другие области монопольной торговли¹². При династии Сун практика *пумай* осуществлялась от имени правительства. Но публикуемый документ свидетельствует о том, что помимо правительственной существовала и народная практика. Согласно ему, Ли Чунь-гоу получил право на аренду пекарни от Ван Юань-шоу, поскольку дал самую высокую цену. Это говорит о значительных переменах в общественной и экономической жизни Си Ся и всего Китая того времени.

⁴ Ли Хуа-жуй 1995, с. 191.

⁵ Сюй Сун 1957, цз. 20, с. 5.

⁶ Там же, цз. 20, с. 7.

⁷ Сюй Цзыжи тунцзянь чанбянь 2004, цз. 271 (熙宁三年十一月甲午).

⁸ Там же, цз. 220 (熙宁四年二月丁巳).

⁹ Там же, цз. 217 (熙宁三年十一月甲午).

¹⁰ Там же, цз. 218 (熙宁三年十一月乙丑).

¹¹ Люй Тао 1934, цз. 2, с. 1098–1020.

¹² См.: Оуян Сю 1986, с. 914.

Шаобин (燒餅) и *хубин* (餠餅), упоминаемые в документе, — два вида популярной у тангутов пищи. По словарю «Фань-хань хэши чжан чжун чжу» (番漢合時掌中珠) тангутская мучная пища включала *юбин* (油餅), *хубин* (胡餅), *чжэнбин* (蒸餅), *ганьбин* (乾餅), *шаобин* (燒餅), *хуабин* (花餅), *юцю* (油球), *цзяоцзы* (角子), *маньтоу* (饅頭)¹³. Слово *шаобин* пишется двумя знаками тангутской письменности, из которых первый произносится как *бэй* и означает «печеный», второй произносится как *э* и означает «лепешка». *Шаобин*, видимо, похож на лепешку, испеченную в печи *луао* 爐竈. Слово *хубин* (餠餅) также пишется двумя знаками, из которых первый произносился *шэ* и имеет одинаковое произношение со словом «печь»; в его составе есть часть иероглифа от слова «печь», второй знак произносится *э* и означает «лепешка». В древности в Китае печеная лепешка, обсыпанная сверху семенами кунжута, называлась *хубин* или *мабин*. Тангутский *хубин* (胡餅) должен был быть такой же лепешкой, испеченной в *чжэн* (錠), а не в *ао* (竈).

Вместе с помещением пекарни в аренду были взяты еще печи *ао*, *чжэн*, большой и маленький железный черпаки, лопатка для *хубин*, большая и малая клетки *кань* (檻), три большие и маленькие кухонные доски, две меры *шэнфан-доу* (升房斗), большой и маленький мешки, семь даней 石 и пять *доу* 斗 пшеницы.

Печей *ао* было два вида, одна из них имела вид плоскодонной кастрюли для лепешек и называлась *бин-ао* (餅竈), или *бинго* (餅鍋). В третий год Дачжун-сянфу династии Сун (1010 г.) сипинский князь Чжао Дэ-мин «построил много дворцов на горе Аоцишань»¹⁴. Название горы означало, что вершина ее была вогнутой, похожей на дно кастрюли. Упомянутая в данном документе печь для выпечки лепешек *луао* была похожа на ведро без дна. В ее нижней части разводили огонь, а лепешки приклеивали и пекли на стенках внутри верхней части печи.

Иероглифом *чжэн* (錠) обычно обозначался древний музыкальный инструмент, похожий на медный гонг. В данном случае это кухонная принадлежность — плоскодонная кастрюля, на которой пекут *хубин*.

Железный черпак предназначался, очевидно, для черпания воды или муки. Лопатка для *хубин* называлась *хубин чань* (餠餅鏟), ею пользовались для выпечки *хубин*. *Кань* (檻) или *гуй* (櫃) — деревянная посуда для воды или чего-то иного. В словаре «Цза цзы» (雜字) упоминается «деревянная *кань*» (木檻)¹⁵. В сочинении «Нун сан куай сюнь» (農桑快訣) сказано: «По левому берегу реки Янцзы растет трава, ее режут и мочат в большой кане. Когда трава скиснет и пожелтеет, подмешивают отруби. Такой кормовой смесью хорошо откармливать скот»¹⁶.

В документе не упомянуты чан для воды и квашня для теста, поэтому большая и малая кани, по-видимому, были посудой для воды и теста. *Ань*

¹³ Эцан Хэйшуйчэн вэньсянь 1999, т. 10, с. 1–19.

¹⁴ Сун ши 1997, цз. 485 (夏國傳上).

¹⁵ См.: Ши Цзинь-бо 1989.

¹⁶ Сюй Гуан-ци 1979, цз. 41 (農桑快訣).

(案) — кухонная доска для того, чтобы месить и раскатывать тесто. Шерстяные или хлопчатобумажные мешки *коудай* (口袋) предназначались для хранения муки, риса, другого зерна. *Шэн* и *доу* — меры объема, в одном *доу* десять *шэн*. Внутри меры, получаемой в аренду, была установлена посуда *фан*, поэтому мера называется здесь *шэнфандоу*.

По тексту документа за пекарню со всей необходимой для этого посудой и с 7 *дань* 5 *доу* пшеницы арендатор каждый месяц должен был вносить один *дань* пять *доу* «разных» зерновых¹⁷. Месячный процент равнялся 20%.

В тангутском государстве зерно обычно брали в долг в марте–апреле, когда старый урожай был на исходе, а новый на корню, долг возвращали в июле–августе из нового урожая. Процентные ставки были от 30 до 100%, такая практика называлась «удвоенная сумма взятого» (倍稱之息). Разные документы из Хара-Хото дают нам ряд примеров. Известен случай, когда в четвертом месяце шестого года девиза царствования Тянь-цин взяли зерно, а вернули долг в первый день восьмого месяца. В качестве процента на каждый *доу* уплатили 7 *шэн*, т.е. за каждый взятый в долг *доу* вернули один *доу* семь *шэн*. Рост за четыре месяца составил 70%, а за один месяц 17,5%. Другой пример. В мае 11-го года девиза царствования Тянь-цин взяли в долг пшеницу. Первого августа долг вернули, добавив к каждому *доу* четыре *шэна*, т.е. за каждый взятый *доу* возвращали один *доу* и четыре *шэна*. За три месяца рост составил 40%, месячный — 13,3%. В январе 120-го года девиза царствования Гуан-дин Ли Чунь-гоу и другие взяли в долг пшеницу под месячный рост в 20%. Процентная ставка была высока, чему имелось две причины: во-первых, хозяин дал Ли Чунь-гоу в долг пшеницу, а возврат долга считали в «разных зерновых». Между пшеницей и «разными зерновыми» была разница в цене; во-вторых, арендная плата включала не только плату за пшеницу, но и плату за помещение и посуду. Таким образом, можно видеть, что с годов Тянь-цин до годов Гуан-дин в Хара-Хото арендный процент и товарные цены были в основном стабильны.

Документ подписали два лица, очевидно супруги: Ли Чунь-гоу 李春狗 и Лю Фань-цзя 劉番家. Наличие одновременно подписей мужа и жены — редкость для документов из Западного Ся. В Китае в древности замужних женщин официально не называли по имени. Обычно они фигурировали под фамилией мужа, например «жена Лю» (Лю Цзя-дэ 劉家的), «жена Ли» (Ли Цзя-дэ 李家的) и т.д. В данном документе Лю Фань-цзя, очевидно, имя женщины. *Фань* по-тангутски читается *ми* и означает самоназвание тангута¹⁸. Возможно, по тангутскому обычаю женщины не носили фамилию мужей. Но это наше предположение требует дальнейшего исследования.

Имя Ли Чунь-гоу переводится как «весенняя собака». В именах людей, вместе с ним подписавших документ, Ли Лай-гоу и Ли Си-гоу, видимо его

¹⁷ «Разные» или «второстепенные» (цза 雜) зерновые — ячмень, греча и пр. На рынке они продавались значительно дешевле пшеницы.

¹⁸ См.: Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Хуан Чжэнь-хуа 1983.

сородичей, также присутствует иероглиф «собака». Для тангутов, особенно живших в отдаленных, глухих местах, такие имена были обычны. Детей называли низкими именами — *гоу* («собака»), *чжу* («свинья»), полагая, что их легче будет вырастить. Например, в документе о взятии в долг под залог прося от 120-го года девиза царствования Цянь-дин Западного Ся человека, составившего документ, зовут Хэ Гоу-гоу 何狗狗, свидетеля — Лишан Ши-гоу 李臚使狗. В документе годов Цянь-ю мы встречаем такие имена, как Сунь Чжу-гоу 孙猪狗, Бай Бань-гоу 白伴狗, Ли Чжу-эр 李猪儿, а в документе инв. № 7465v — имя Чжао Чжу-гоу 趙猪狗 и т.д.

Перевод с китайского Чжао Сяо-цзя

Литература

- Ли Хуа-жуй 1995 — *Ли Хуа-жуй* 李華瑞. Сун дай цзю ды шэнчан юй чжэн (О производстве и монополии на вино в эпоху Сун) 宋代酒的生产與徵權. Баодин: Хэбэй дасюэ чубаньшэ 保定: 河北大學出版社, 1995.
- Люй Тао 1934 — [Сунский] *Люй Тао* [宋] 吕陶. Цзин дэ цзи (Сборник чистейшей добродетели) 淨德集 / Сер. Сыбу ин инь бэнь 四库影印本 Шанхай, 1934.
- Не Сяо-хун, Чэнь Го-цань 2009 — *Не Сяо-хун* 卮小红、*Чэнь Го-цань* 陳國燦. Хэйшуйчэн со чу Си Ся Чжи-юань ды цзи цзянь циюэ яньцзю (О нескольких контрактах Си Ся периода Чжи-юань, обнаруженных в Хара-Хото) 黑水城所出西夏至元的幾件契約研究 // Доклад, читанный на международном научном семинаре «Шелковый путь», 21–22 августа 2009 г. в г. Иньчуань [8 月 21–22 日 2009 年, 銀川, “絲綢之路” 國際學術研討會論文].
- Оуян Сю 1986 — [Сунский] *Оуян Сю*. [宋] 歐陽修. Оуян Сю цюань цзи [Полное собрание сочинений Оуян Сю] 歐陽修全集. Пекин: Чжунго шудянь 北京: 中國書店, 1986.
- Сун ши 1997 — Сун ши 宋史 (История династии Сун). Под ред. Тогто 脱脱. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 北京: 中華書局, 1997.
- Сюй Гуан-ци 1979 — [Минский] *Сюй Гуан-ци* [明] 徐光啟 Нун чжэн цюань шу (Полный свод описания сельского хозяйства) 農政全書. Шанхай: Шанхай Гуцзи чубаньшэ 上海: 上海古籍出版社, 1979.
- Сюй Сун 1957 — [Цинский] *Сюй Сун* [清] 徐松 Сун хуйяо цзигао (Черновые материалы к «Основным сведениям о Сунской эпохе») 宋會要輯稿. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 北京: 中華書局, 1957.
- Сюй Цзычжи тунцзянь чанбянь 2004 — Сюй Цзычжи тунцзянь чанбянь 續資治通鑑長編 (Материалы, продолжающие «Всеобщее зеркало, управлению помогающее»). Под ред. Ли Тао. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 北京: 中華書局, 2004.
- Чжан Чжуань-си 1995 — Чжунго лидай циюэ хуйбянь каоши (Китайские древние контракты с исследованием и комментарием) 中國歷代契約彙編考釋. Под ред. Чжан Чжуань-си 張傳璽. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京: 北京大學出版社, 1995.
- Ши Цзинь-бо 1989 — *Ши Цзинь-бо* 史金波. Си Ся хань вэнь бэнь «Цза цзы» чу тао [Предварительное исследование китайского текста «Смешанные знаки» из Хара-Хото] 西夏漢文本〈雜字〉初探》 Чжунго миньцзу ши яньцзю (Исследования истории народностей Китая) 中國民族史研究. Вып. 2. Пекин: Чжунъян миньцзу дасюэ чубаньшэ 北京: 中央民族大学出版社, 1989, с. 167–185.
- Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Хуан Чжэнь-хуа 1983 — *Ши Цзинь-бо* 史金波、*Бай Бинь* 白濱、*Хуан Чжэнь-хуа* 黃振華. Вэнь хай яньцзю (Исследование словаря «Море пись-

- мен») 文海研究. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ 北京: 中國社會科學出版社, 1983.
- Эцан Хэйшуйчэн вэньсянь 1999 — *Эцан Хэйшуйчэн вэньсянь* 俄藏黑水城文獻 (Рукописи из Хара-Хото, хранящиеся в России). Т. 10. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海: 上海古籍出版社, 1999.
- Эцан Хэйшуйчэн вэньсянь 2001 — *Эцан Хэйшуйчэн вэньсянь* 俄藏黑水城文獻 (Рукописи из Хара-Хото, хранящиеся в России). Т. 17. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海: 上海古籍出版社, 2001.

Обзор документов из Турфана, обнаруженных в 1997–2006 гг.

В древности Турфан (Гаочан) был одним из крупнейших государств-оазисов на Великом Шелковом пути. Здесь в разное время процветали буддизм, зороастризм, даосизм, манихейство и несторианская ветвь христианства. В 327 г. правитель небольшого китайского княжества в Хэси номинально провозгласил создание губернаторства Гаочан-цзюнь 高昌郡. С 460 г. Гаочаном по очереди правили роды Кань 闐, Чжан 張, Ма 馬 и Цюй 麴, а в 640 г. он был окончательно завоеван императором династии Тан Тай-цзуном и преобразован в область Сичжоу 西州 Китайской империи. В VIII в. китайцы потерпели поражение от Уйгурского каганата, и Гаочан вместе с некоторыми другими оазисными государствами Турфанской впадины перешел под его власть.

Чрезвычайно сухой климат Турфанской впадины (за исключением окрестностей Цзяохэ, где уровень влажности выше) способствовал тому, что многие памятники древности — монастыри, пещерные храмы, городские жилища и погребения — сохранились до наших дней. Кроме того, здесь в огромном количестве были обнаружены документы на бумаге и шелке, которые не сохранились в Центральном Китае. Благодаря этому с конца XIX в. Турфанская впадина остается своего рода раем для археологов. Д.А. Клеменц и С.Ф. Ольденбург из России, А. Грюнведель и А. фон Ле Кок из Германии, М.А. Стейн из Великобритании, группа Отани Кодзуи из Японии — все находили здесь рукописи и артефакты. В период 1959–1975 гг. синьцзянские археологи во время работ по установке ирригационных сооружений выполнили 13 раскопок на кладбищах Астана и Хара-Ходжо и нашли здесь множество документов. Впоследствии Комитетом по изучению материальной культуры Турфана (Тулуфань дицзюй вэньу цзюй 吐魯番地區文物局) проводились раскопки меньшего масштаба. Многие рукописи из этих находок были опубликованы. Среди наиболее важных изданий необходимо упомянуть следующие: *Чэнь*

Го-цань 陳國燦. Сытаинь сохо Тулуфань вэньшу яньцзю 斯坦因所獲吐魯番文書研究 (Исследования турфанских документов, обнаруженных М.А. Стейном). Ухань 武漢: 武漢大學出版社, 1994; *Ша Чжи* 沙知, *Ф. Вуд*. Сытаинь дисаньцы Чжунья каогу сохо ханьвэнь вэньсянь: фэй фоцзин буфэнь 斯坦因第三次中亞考古所獲漢文文獻: 非佛經部分 (Китайские документы, обнаруженные третьей центральноазиатской экспедицией М.А. Стейна: небуддийская часть). В 2 т. Шанхай 上海: 上海辭書出版社, 2005; Полное собрание документов Отани 大谷文書集成. Т. I–III, под ред. Ода Ёсихиса 小田義久. Киото 京都: 法藏館, 1984–2003; Тулуфань чуту вэньшу 吐魯番出土文書 (Документы, полученные в ходе раскопок в Турфане). Т. 1–4, иллюстрированная версия под ред. Тан Чжан-жу 唐長孺 и др. Пекин 北京: 文物出版社, 1992–1996; *Лю Хун-лян* 柳洪亮. Синьчу Тулуфань вэньшу цзи цзи яньцзю 新出吐魯番文書及其研究 (Исследования недавно обнаруженных турфанских документов). Урумчи, 烏魯木齊: 新疆人民出版社, 1997.

До сих пор такая сокровищница, как Турфан, не перестает удивлять мир новыми находками. В частности, в 1997 г. археологами Комитета по изучению материальной культуры Турфана было раскопано захоронение № 1 в Янхае 洋海, где было обнаружено собрание редких документов, относящихся к периоду правления рода Кань (460–488). Раскопки 2004–2006 гг. в Астане, Бадаме, Мунаэре и Янхае принесли еще больше находок. Одновременно Комитетом по изучению материальной культуры Турфана были собраны рукописи из частных рук, ранее извлеченные из других захоронений Турфана и пагоды Тайцзан.

В апреле 2005 г. Центр исследования истории древнего Китая Пекинского университета, Турфанская академия Синьцзян-Уйгурского автономного района и Институт истории и языков Центральной Азии Народного университета Китая начали работу по проекту публикации и исследования недавно обнаруженных материалов. Результаты этой работы были опубликованы в 2008 г.¹. Здесь нам хотелось бы вкратце представить содержание находок и наших исследований.

1. Период губернаторства Гаочан-цзюнь

Количество документов, относящихся к данному периоду, относительно невелико. Среди них есть «Опись предметов захоронения» Линху А-бэя 令狐阿婢, содержание которой весьма информативно и имеет огромное значение для изучения материальной культуры Гаочана в указанный период. Захоронение небольшое и пострадало от расхищений, поэтому многие из погребальных артефактов утрачены. Однако то, что сохранилось, заслуживает сравнительного сопоставления с «описью». Кроме того, на северной стене погребения сохранилась роспись, изображающая сельский уклад жизни захороненной супружеской пары и дающая представление о быте зажиточной семьи Гаочана того времени. Данные описи находят подтверждения в изобразительном материале.

¹ Жун Синь-цзян, Ли Сяо, Мэн Сянь-ши 2008.

Другая группа документов была обнаружена при исследовании материала, из которого была изготовлена пара обуви. После реставрации оказалось, что здесь присутствуют записи о взимании налога на шелк (первый документ имел отношение к домашнему имуществу, второй — к подворным спискам). Исследования профессора Чжу Лэя 朱雷 о сборе налогов на домашнее имущество в период Северной Лян² имеют большое значение для изучения налоговой системы того времени. Среди других важных открытий был подворный список (*хуцзи* 戶籍), датированный 20-м годом правления Цзянь-юань династии Ранняя Цинь (384 г.), на обратной стороне которого записан текст *Лунъюя* 論語. На материале, из которого была изготовлена туфля, был обнаружен фрагмент *Шицзина* 詩經 и некоторые другие документы.

2. Период правления рода Кань

В 460 г. жужанями (жуаньжуань) на престол правителя Гаочана был посажен Кань Бо-чжоу 闕伯周. Хотя Гаочан по-прежнему оставался под контролем жужаней и подчинялся Шоулобучжэнь-кагану 受羅部真, правившему под девизом Юн-кан 永康, это событие открыло в его истории новый этап. Колофон Саддхармапундарика-сутры, найденный в Турфане в конце эпохи Цинь, позволяет точно датировать начало периода Юн-кан 466 годом. Крайне немногочисленные документы этой эпохи, которые были ранее известны, включают фрагменты, обнаруженные в погребении № 90 Хара-Ходжо. Один из них датирован 17-м годом Юн-кан (482); остальные, вероятно, тоже относятся к этому периоду³. Других материалов времени правления рода Кань в Гаочане крайне немного, и история этого периода имеет множество пробелов.

В 1997 г. в захоронении № 1 в Янхае было раскопано большое количество материалов, которые значительно расширили наши знания о Гаочане в эпоху правления рода Кань⁴. Один из найденных документов представляет собой контракт Чжан Цзу 張祖 на покупку 30-летнего раба-иноземца (согдийца?) из Согда по имени Кан А-чоу 康阿醜 за 137 *ти* хлопка. Это свидетельствует о том, что согдийцы приезжали в Гаочан и были вовлечены в работоторговлю⁵.

Другой документ из того же погребения содержит сведения об обеспечении послов слугами и лошадьми в 9-м и 10-м годах периода Юн-кан (474–475)⁶. Среди послов упоминаются посланец Удяны 烏菴, государства в регионе Сват на северо-востоке Индии; посол из Брахмана 婆羅門 (по всей вероятности, могущественного государства Гуптов); посол из Цзыхэ 子合 (Каргалык) на юго-западе Таримского бассейна; посол (или правитель) Яньци (Карашар) на севере Тарима и особый гость У-кэ 吳客 из Цзянькана (Нанкин), столицы Южной Сун. Имена некоторых послов, таких как Пологань-и 婆羅幹 и Чулогань-угэнь 處羅幹無根, записаны без упоминания места, откуда они

² Чжу Лэй 1980, с. 33–43.

³ Тан Чжан-жу 1992, с. 116–127.

⁴ Комитет по изучению материальной культуры Турфана 2007, с. 1–9.

⁵ Жун Синь-цзян 2006, с. 6–8.

⁶ Жун Синь-цзян 2007в, с. 21–41.

прибыли; эти пропуски могут указывать на то, что они прибыли из государства жужаней, которому был подчинен Гаочан, и были знакомы составителю документа. Большая часть послов следовала в двух направлениях — к Северным горам и в Яньци (Карашар). Под Северными горами, вероятнее всего, подразумевался Тянь-Шань. К северо-востоку от Тянь-Шаня дорога вела непосредственно в ставку жужаньского кагана. Из Яньци начинался путь в государства Центральной и Южной Азии. Если отметить на карте места, упомянутые в этом документе, получится весьма наглядная схема коммуникаций сопредельных государств на Великом Шелковом пути в V в.

Как известно, вторая половина V в. была одним из наиболее смутных периодов в истории Центральной Азии. Могучие конфедерации кочевых народов стремились распространить свое влияние на царства Западного края — Тохаристан и Согд. После падения Северной Лян в Хэси в 439 г. войска Северной Вэй отправились на запад, чтобы покорить Карашар и Кучу. Однако контроль дома Вэй над Западным краем был очень зыбким из-за присутствия жужаней на севере. В 460 г. правитель Северной Лян по имени Цзюйцюй Аньчжоу был убит жужанями, а на престол Гаочана посажен марионеточный правитель Кань Бо-чжоу. Документ о посольствах свидетельствует, что жужани жестко контролировали Гаочан, а также получали дань от правителя Яньци. Влияние жужаней распространялось и за пределы пустыни Такла-Макан — на богатые оазисные государства Хотан и Цзыхэ, доходило до Удьяны в Северной Индии. В это же время по другую сторону Памира возвысилось государство эфталитов, которые, нанеся поражение империи Сасанидов, утвердились в землях Бактрии. Попытки сопротивления, предпринятые иранским шахом Перозом (459–484) и правителем гуптов Скандхой (454–467), оказались тщетными. В начале V в. эфталиты захватили Согд и отважились дойти до Таримского бассейна, чтобы напасть на Хотан и Яньци.

Маленькие государства Центральной и Южной Азии, столкнувшись с угрозой нападения эфталитов, могли обратиться за помощью к правителю Северной Вэй или к жужаням. О посольствах, прибывавших ко двору Северной Вэй, нам известно из официальных исторических источников. О посольствах к кагану жужаней сообщает вновь обнаруженный документ о посольствах. Из его текста явствует, что в политической жизни Центральной Азии V в. жужани играли значительную роль, что Гаочан (Турфан) занимал ключевую позицию в географии региона, а правитель Кань Бо-чжоу был влиятельной фигурой внешней политики жужаней, будучи их вассалом⁷.

Помимо официальных документов в этом захоронении были обнаружены календари, гадательные тексты и фрагменты классических памятников, среди которых имеются комментарии к *Луньюю* и предисловие к *Сяоцзинги*⁸. Находки памятников классической литературы важны для изучения истории книжной культуры в Гаочане, его связей с Центральным Китаем и распространения конфуцианских текстов.

⁷ Жун Синь-цзян 2007а, с. 4–14.

⁸ Чжу Юй-ци 2007, с. 43–56; Юй Синь, Чэнь Хао 2007, с. 57–84; Чэнь Хао 2007в, с. 11–20.

3. Период правления рода Цюй

Находок, относящихся к этому периоду, несколько меньше. Опись захоронения была найдена в захоронении № 245 в Бадаме, однако ценной информации в ней немного. Среди находок также имеются счета, списки буддийских монахов и семейное завещание.

В 2004–2005 гг. были проведены раскопки более 40 могил на кладбище рода Кан 康 в Гоуси, Цзяохэ и обнаружено несколько надгробных надписей. Приводим их ниже.

Кан [] Бо 康□鉢 18-го дня 12-го месяца 30-го года под девизом правления Ян-чан 延昌 (590 г.).

Кан Най-ми 康蜜乃 3-го месяца 33-го года под девизом правления Ян-чан (593 г.).

Кан Чжун-сэн 康眾僧 28-го дня 3-го месяца 35-го года под девизом правления Ян-чан (595 г.).

Из-за высокой влажности рукописей на бумаге здесь не сохранилось, однако надгробные надписи рода Кан предоставляют свидетельства процесса китаизации согдийцев в Гаочане⁹.

На кладбище Бадам были обнаружены следующие надгробные надписи:

Кан Лу-ну 康虜奴 21-го дня 2-го месяца 14-го года под девизом правления Ян-чан (574 г.).

Госпожа Чжу 竺氏, жена Кан Лу-ну, 23-го дня 2-го месяца 14-го года под девизом правления Ян-чан (574 г.).

Кан Фу-мянь 康浮面 24-го дня 12-го месяца 7-го года под девизом правления Ян-шоу 延壽 (630 г.).

Надгробные надписи с кладбища Мунар таковы:

Чжан Жун-цзы 張容子 3-го месяца 8-го года под девизом правления Ян-хэ 延和 (609 г.).

Сун Фо-чжу 宋佛住 4-го года под девизом правления Ян-шоу (627 г.).

Госпожа Чжан 張氏, жена Сун Фо-чжу, 9-го года под девизом правления Ян-шоу (632 г.).

Эти надписи предоставляют нам новые сведения для дальнейшего изучения хронологии, бюрократической системы, института брака и миграций в государстве Гаочан¹⁰.

4. Период танского владычества

Как и большинство уже опубликованных материалов из Турфана, новые находки включают в себя множество документов, относящихся к различным аспектам местного управления в области Сичжоу, и отражают такие его стороны, как административная система, налогообложение, система отработок и военная служба. В перспективе эти документы являются ценным материалом

⁹ Комитет по изучению материальной культуры Турфана 2005, с. 1–14; Ли Сяо 2007, с. 85–93.

¹⁰ Жун Синь-цзян 2005а, с. 8–11; Жун Синь-цзян 2005б, с. 10–11.

для изучения повседневной деятельности чиновников и обычных людей, их обязанностей и жизненных трудностей. Здесь хотелось бы обратить внимание на материалы, предоставляющие новые для нас сведения.

В захоронении № 113 Бадама был найден документ (2004ТВМ113:6-1), в котором записаны имена трех буддийских монахов, их возраст, мирские имена, год и время обращения, а также освоенные ими сутры. Документ был составлен во 2-м году девиза правления Лун-шо 龍朔, на нем стоит печать уезда Гаочан. Данный документ, очевидно, является частью официального реестра монахов храма Сыэньсы, находившегося в Гаочане, и интересен тем, что составлен гораздо более пространно, чем предписывал Танский кодекс¹¹.

Еще одна группа официальных документов, найденных в захоронении № 207 Бадама, включает предписание министерства чинов (на документе стоит печать министерства) в Восточной столице (Лояне) подсчитать количество вакантных мест в местной администрации¹². По сведениям «Всеобщего зеркала, управлению помогающего» (*Цзычжжи тунцзянь* 資治通鑒), резиденция императора Гао-цзуна находилась неподалеку от Лояна, следовательно, указ мог исходить оттуда. Другие документы, извлеченные из этого захоронения, относятся к расследованию злоупотреблений среди чиновничества области Сичжоу и, возможно, были составлены в связи с получением вышеупомянутого указа. Эти документы являются свидетельством тщательного отбора местного чиновничества и жесткого контроля над ним¹³.

В 2004 г. в захоронении № 102 в Мунаре было найдено некоторое число очень плохо сохранившихся фрагментов. После их соединения мы получили две группы документов, датированных осенью 5-го года (654) и летом 6-го года (655) девиза правления Юн-хуй 永徽 танского Гао-цзуна. Обе группы представляют собой прошения, составленные местными военными чиновниками системы *фубин* 服兵, о подборе замены для исполнения их обязанностей по караульной службе *фаньшан* 番上. Прежде считалось, что термин *фаньшан* обозначает караульное дежурство исключительно при правительственных структурах центра, поэтому его упоминание в контексте местной военной администрации меняет наши представления о структуре *фубин* начала Тан¹⁴.

Среди недавних находок имеются интересные материалы, относящиеся к истории Западного края. Ряд документов необычной формы содержат императорский указ, направленный из Кабинета министров (*Шаниушэн* 尚書省) в область Сичжоу. Этот указ предписывает направить людей в губернаторство Цзиньмань (Цзиньмань-дудуфу 金滿州都督府) для организации возвращения рассеявшегося на этой территории после военного разгрома племени карлуков в губернаторство Дамо (Дамо-дудуфу 大漠都督府). Документ датирован 3-м годом правления Лун-шо (663); карлуки, о которых идет речь, возможно, относились к чисы (熾俟, чигиль), одному из трех карлукских родов, подчиняв-

¹¹ Мэн Сянь-ши 2007б, с. 50–55.

¹² Ши Жуй 2007б, с. 115–130.

¹³ Ши Жуй 2007а, с. 32–42.

¹⁴ Мэн Сянь-ши 2007а, с. 69–77.

шихся Ашина Хэ-лу. Их земли изначально были расположены на территории, где было создано губернаторство Дамо Танской империи¹⁵. Интересно отметить, что, согласно исследованию профессора Ёсида Ютака, в согдийском фрагменте, обнаруженном в захоронении № 107 Бадама, также упоминаются карлуки и указан 3-й год правления Лун-шо¹⁶, кроме того, на нем стоит печать губернаторства Цзиньмань. Топоним Цзиньмань многократно упоминается и в китайском документе.

В захоронении № 395 в Астане был обнаружен подворный список. Документ был составлен таким образом, что многие имена были записаны под заголовками «военный поход в Цзиньшань» 金山道行 или «военный поход в Шулэ» 疏勒道行. В документе также встречается упоминание о налоге, взимаемом на случай военной опасности в области Сичжоу, уезде Гаочан, волости Учэн 武城鄉. В турфанских материалах коллекции Отани, а также в некоторых недавно обнаруженных документах есть упоминания о «военном походе в Цзиньшань» или «военном походе в Шулэ». В подворном списке хозяйства Кан Ань-чжу 康安住 и ряде других документов, датированных после 2-го года правления Кай-юань 開元 (714) и происходящих из уезда Лючжун и области Сичжоу, обе военные операции упоминаются вместе с определенными датами — 1-й и 2-й год под девизом правления Чуй-гун (685 и 686 соответственно). В это время в Западный край вторглись тибетцы, и танское правительство направило против них войска на север, в район пустынь (поход в Цзиньшань), и в Шулэ (поход в Шулэ)¹⁷. Этот вновь обнаруженный документ подтверждает, что простые люди зачислялись в армию, пополняя тем самым личный состав, и показывает, что взимание экстренных налогов на военные нужды также имело место¹⁸.

Еще одну группу ценных материалов составляют документы, относящиеся к работе почтовой станции в области Цзяохэ 交河郡. Среди них присутствует датированный 10-м годом девиза правления Тянь-бао (751) список чиновников и послов, остававшихся на этой станции с конца 7-го по начало 10-го месяца¹⁹. В документе есть сведения о послах из царства Нинъюань 寧遠, которое находилось в Фергане. Около 8-го месяца 751 г. посольство была разделено на не менее чем восемь групп. Среди прибывших было трое принцев. Один из них, по имени Умо 屋磨, упоминается в *Цэфу юаньгуй* 冊府元龜, где сказано, что он прибыл ко двору в 8-м месяце 8-го года под девизом правления Тянь-бао (749).

Почему царство Нинъюань в те годы так часто отправляло своих послов в Китай? На наш взгляд, это может быть связано со знаменитым сражением у реки Талас между армиями Танской империи и Арабского халифата. Согласно арабским источникам, Нинъюань состояло в недружественных отно-

¹⁵ Жун Синь-цзян 2007б, с. 12–44.

¹⁶ Yoshida 2007, p. 45–53.

¹⁷ Хуан Хуй-сянь 1983, с. 396–438.

¹⁸ Вэнь Синь 2004, с. 131–163.

¹⁹ Би Бо 2007б, с. 55–79.

шениях с соседним государством Ташкент и по просьбе правителя Ниньюаня губернатор Аньси Гао Сян-чжи 高仙芝 в 750 г. атаковал Ташкент. Реальной причиной этой кампании, скорее всего, был союз, заключенный Ташкентом с Тюргешским каганатом, угрожавшим интересам Тан в районе Суяба. В январе 751 г. правителя Ташкента взяли в плен и отправили в Чанъань, где он был публично обезглавлен.

Кроме послов в документе упоминается некий генерал по имени Сун У-да 宋武達, командовавший тяньвэйским корпусом 天威軍 танской армии. В еще одном недавно обнаруженном документе 751 г. упоминается «тяньвэйская армия, идущая походом на Суяб». Суяб тогда был центром ташкенто-тюргешского альянса, и отправка в Суяб армии, расквартированной в городе Шибао 石堡城 на юго-западе современного Синина (Цинхай), в год Таласской битвы, несомненно, была стратегической мерой по отвлечению сил тюргешей. Таким образом, документ с почтовой станции не только в очередной раз демонстрирует значение Турфана как центра кадровой коммуникации, но и дает новые сведения о Таласской битве²⁰.

Следует упомянуть еще две необычные находки. Одна рукопись содержит два стихотворения, из них первое — сочинение Цэнь Дэ-жуна 岑德潤, жившего при Суй, а второе написано неизвестным поэтом. Стихи были переписаны неким студентом из Турфана в качестве письменных упражнений²¹. Другая находка — официально изданный календарь 3-го года под девизом правления Юн-чунь 永淳 (683 г.) — был обнаружен в башне Тайцзан разрезанным на множество полосок. Тем не менее он сохранил установленный формат официального танского календаря и имеет государственную печать. Этот драгоценный документ позволяет нам лучше понять, каким образом календарь *лижи* 曆日 трансформировался в древнем Китае в календарь с аннотациями *цзюй-чжу лижи* 具注曆²².

Перевод с английского С.Ю. Рыженкова

Литература

- Би Бо 2007а — *Би Бо* 畢波. Талосы чжичжань хэ Тяньвэй цзяньэр фу Суйе (Таласская битва и поход тяньвэйской гвардии в Суяб) 怛邏斯之戰和天威健兒赴碎葉 // Лиши яньцзю (Исторические исследования) 歷史研究, 2007. № 2, с. 15–31.
- Би Бо 2007б — *Би Бо* 畢波. Тулуфань синьчу Тан Тянь-бао шицзай Цзяохэцзюнь кэши вэньшу яньцзю (Исследование вновь обнаруженных в Турфане документов о посланниках в область Цзяохэцзюнь в 10-й год Тянь-бао) 吐魯番新出唐天寶十載交河郡客使文書研究 // Сиюй лиши юйянь яньцзюсю цзикань (Журнал Института истории и филологии Западного края) 西域歷史語言研究所季刊, 2007. № 1, с. 55–79.
- Вэнь Синь 2004 — *Вэнь Синь* 文欣. Тулуфань синьчу Тан Сичжоу чжэньцзянь вэньшу юй Чуйгун няньцзянь дэ Сиюй синши (Документ о налогообложении, обнаруженный недавно в Турфане, и ситуация в Западном крае в период Чуй-гун) 吐魯番新出唐西州征錢

²⁰ Би Бо 2007а, с. 15–31.

²¹ Ли Сяо, Чжу Юйци 2007, с. 62–65.

²² Чэнь Хао 2007а, с. 60–68; Чэнь Хао 2007б, с. 207–220.

- 文書與垂拱年間的西域形勢 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2004. № 7, с. 131–163.
- Жун Синь-цзян 2005 — Жун Синь-цзян 榮新江. Сиюй Сутэ имин цзюйло букао (Новые сведения о поселении мигрантов из Согда в Западном крае) 西域粟特移民聚落補考 // Сиюй яньцзю (Изучение Западного края), 2005. № 2, с. 10–11.
- Жун Синь-цзян 2006 — Жун Синь-цзян 榮新江. Синсюцу Туруфан бунсё ни мизэру согудо то токкэцу (Согдийцы и тюрки во вновь обнаруженных турфанских документах) 新出トウルファン文書に見えるソグドと突厥 // Кан хигаси Адзиа кэнкю: сэнта энпо (Ежегодный бюллетень Центра Восточно-Азиатских исследований) 環東アジア研究センター年報 (Университет Ниигата 新潟大學), 2006. № 1, с. 6–8.
- Жун Синь-цзян 2007а — Жун Синь-цзян 榮新江. Каньши Гаочан ванго юй жоужань, Сиюй дэ гуаньси (О взаимоотношениях государства Гаочан периода правления рода Кань с жужанями и Западным краем) 關氏高昌王國與柔然、西域的關係 // Лиши яньцзю (Исторические исследования) 歷史研究, 2007. № 2, с. 4–14.
- Жун Синь-цзян 2007б — Жун Синь-цзян 榮新江. Синьчу Тулуфань вэньшу соцзянь Тан Лун-шо няньцзянь Гэлolu было посань вэньти (Новые турфанские документы о проблеме рассеяния племен карлуков в годы Лун-шо династии Тан) 新出吐魯番文書所見唐龍朔年間哥邏祿部落破散問題 // Сиюй лиши юйянь яньцзюсо цзикань (Журнал Института истории и филологии Западного края) 西域歷史語言研究所季刊, 2007. № 1, с. 12–44.
- Жун Синь-цзян 2007в — Жун Синь-цзян 榮新江. Тулуфань синьчу сунши вэньшу юй Каньши Гаочан ванго дэ цзюньсянь чэнчжэнь (Документ о посланниках, вновь обнаруженный в Турфане, и местное управление в государстве Гаочан в правление рода Кань) 吐魯番新出送使文書與關氏高昌王國的郡縣城鎮 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2007. № 10, с. 21–41.
- Жун Синь-цзян, Ли Сяо, Мэн Сянь-ши 2008 — Синьхо Тулуфань чулу вэньсянь (Рукописи, вновь обнаруженные в Турфане) 新获吐魯番出土文献. Под ред. Жун Синь-цзяна, Ли Сяо 李肖 и Мэн Сянь-ши 孟宪实. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 北京: 中華書局, 2008.
- Комитет по изучению материальной культуры Турфана 2005 — Тулуфань дицзюй вэньцзюй 吐魯番地區文物局. Тулуфань Цзяохэ гучэн госи муди Канши цзяцзуму цинли цзяньбао» (Краткий отчет о раскопках захоронений семьи Кан к западу от городища Цзяохэ в Турфане) 吐魯番交河故城溝西墓地康氏家族墓清理簡報 // Тулуфаньсюэ яньцзю (Изучение Турфана) 吐魯番學研究, 2005. № 2, с. 1–14.
- Комитет по изучению материальной культуры Турфана 2007 — Тулуфань дицзюй вэньцзюй 吐魯番地區文物局 [Чжан Юн-бин 張永兵]. Тулуфань дицзюй Шаньшаньсянь Янхай муди сепо тудунму цинли цзяньбао (Краткий отчет о раскопках Янхай в уезде Шаньшань Турфана) 吐魯番地區鄯善縣洋海墓地斜坡土洞墓清理簡報 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2007. № 10, с. 1–9.
- Ли Сяо 2007 — Ли Сяо 李肖. Цзяохэ гоуси Канцзя муди юй Цзяохэ Сутэ имин дэ Ханьхуа (Кладбище семьи Кан к западу от Цзяохэ и китаизация мигрантов из Согда) 交河溝西康家墓地與交河粟特移民的漢化 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2007. № 10, с. 85–93.
- Ли Сяо, Чжу Юй-ци 2007 — Ли Сяо 李肖, Чжу Юй-ци 朱玉麒. Синьчу Тулуфань вэньсянь чжун дэ гуши сицзы цаньпянь (Фрагменты письменных упражнений в древних стихах, вновь обнаруженные в Турфане) 新出吐魯番文獻中的古詩習字殘片 // Вэньу (Материальная культура) 文物, 2007. № 12, с. 62–65.
- Мэн Сянь-ши 2007а — Мэн Сянь-ши 孟憲實. Тандай фубин «фаньшан» синьцзе (Новые сведения о караульной службе фаньшан в системе фубин династии Тан) 唐代府兵“番上”新解 // Лиши яньцзю (Исторические исследования) 歷史研究, 2007. № 2, с. 69–77.

- Мэн Сянь-ши 2007б — *Мэн Сянь-ши* 孟憲實. Тулуфань синьфасянь дэ «Тан Лун-шо эрнянь Сичжоу Гаочансянь Сыэньсы сэнцизи» (Вновь обнаруженный в Турфане «Список монахов храма Сыэньсы уезда Гаочан области Сичжоу от 2-го года Лун-шо») 吐魯番新發現的《唐龍朔二年西州高昌縣思恩寺僧籍》// *Вэньу* (Материальная культура) 文物, 2007. № 2, с. 50–55.
- Тан Чжан-жу 1992 — *Тулуфань чуту вэньшу* (Документы, обнаруженные в Турфане) 吐魯番出土文書. Под ред. Тан Чжан-жу 唐長孺. Т. I. Пекин: Вэньу чубаньшэ 北京: 文物出版社, 1992.
- Хуан Хуй-сянь 1983 — *Хуан Хуй-сянь* 黃惠賢. Цун Сичжоу Гаочансянь чжэнчжэнь минци кань Чуй-гун няньцзянь Сиюй чжэнцзюй чжи бяньхуа (Сведения подворных списков области Сичжоу уезда Гаочан об изменении политической ситуации в Западном крае в период Чуй-гун) 從西州高昌縣征鎮名籍看垂拱年間西域政局之變化 // Дуньхуан Тулуфань вэньшу чутань (Предварительные исследования документов из Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番文書初探. Под ред. Тан Чжан-жу 唐長孺. Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ 武漢: 武漢大學出版社, 1983, с. 396–438.
- Чжу Лэй 朱雷 — *Чжу Лэй* 朱雷. Тулуфань чуту Бэй Лян цзыбу каоши (Подворные списки из Турфана) 吐魯番出土北涼贊簿考釋 // Ухань дасюэ сюэбао (Вестник Уханьского университета) 武漢大學學報, 1980. № 4, с. 33–43.
- Чжу Юй-ци 2007 — *Чжу Юй-ци* 朱玉麒. Тулуфань синьчу Луньюй гучжу юй Сяоцинъи себэнь яньцзю (Вновь обнаруженные в Турфане фрагменты Луньюя с комментарием и Сяоцинъи) 吐魯番新出《論語》古注與《孝經義》寫本研究 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2007. № 10, с. 43–56.
- Чэнь Хао 2007а — *Чэнь Хао* 陳昊. «Лижи» хайши «цзюйлижи»: Дуньхуан Тулуфань лиши минчэн юй синчжи гуаньси дэ цзайтаолунь (Простые календари и календари с пояснениями — возвращаясь к вопросу о названиях и структуре календарей из Турфана и Дуньхуана) “曆日”還是“具注曆日” — 敦煌吐魯番曆書名稱與形制關係的再討論 Лиши яньцзю (Исторические исследования), 2007. № 2, с. 60–68.
- Чэнь Хао 2007б — *Чэнь Хао* 陳昊. Тулуфань Тайцзанта синьчу Тандай лижи вэньшу яньцзю (Фрагменты календарей танского времени, вновь обнаруженные в башне Тайцзан в Турфане) 吐魯番臺藏塔新出唐代曆日文書研究 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2007. № 10, с. 207–220.
- Чэнь Хао 2007в — *Чэнь Хао* 陳昊. Тулуфань Янхай 1 хао му чуту вэньшу няньдай каоши (О датировке документов, обнаруженных в захоронении № 1 Янхай в Турфане) 吐魯番洋海1號墓出土文書年代考釋 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2007, № 10, с. 11–20.
- Ши Жуй 2007а — *Ши Жуй* 史睿. Тандай цяньци цюаньсюань чжиду дэ яньцзинь (Эволюция системы отбора на должности в начале Тан) 唐代前期銓選制度的演進 // Лиши яньцзю (Исторические исследования) 歷史研究, 2007. № 2, с. 32–42.
- Ши Жуй 2007б — *Ши Жуй* 史睿. Тулуфань чуту Тан Тяо-лу эрнянь Дунду Шаншүшэн Либу фу каоши (Обнаруженное в Турфане предписание министерства чинов из правительства в Восточной столице от 2-го года Тяо-лу) 吐魯番出土唐調露二年東都尚書吏部符考釋 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2007. № 10, с. 115–130.
- Юй Синь, Чэнь Хао 2007 — *Юй Синь* 余欣, *Чэнь Хао* 陳昊. Тулуфань Янхай чуту Гаочан цзаоци себэнь «Ицзачжань» каоши (Ранний текст *Ицзачжуань* из Гаочана, обнаруженный в Турфанском захоронении Янхай) 吐魯番洋海出土高昌早期寫本《易雜占》考釋 // Дуньхуан Тулуфань яньцзю (Изучение Дуньхуана и Турфана) 敦煌吐魯番研究, 2007. № 10, с. 57–84.
- Yoshida 2007 — *Yoshida Yutaka*. Sogdian fragments Discovered from the Graveyard of Badamu // Сиюй лиши юйянь яньцзюсо цзикань (Журнал Института истории и филологии Западного края) 西域歷史語言研究所季刊, 2007. № 1, с. 45–53.

Е.А. Кий

Тангутский иллюстрированный ксилограф из собрания Государственного Эрмитажа (к определению китайского источника)

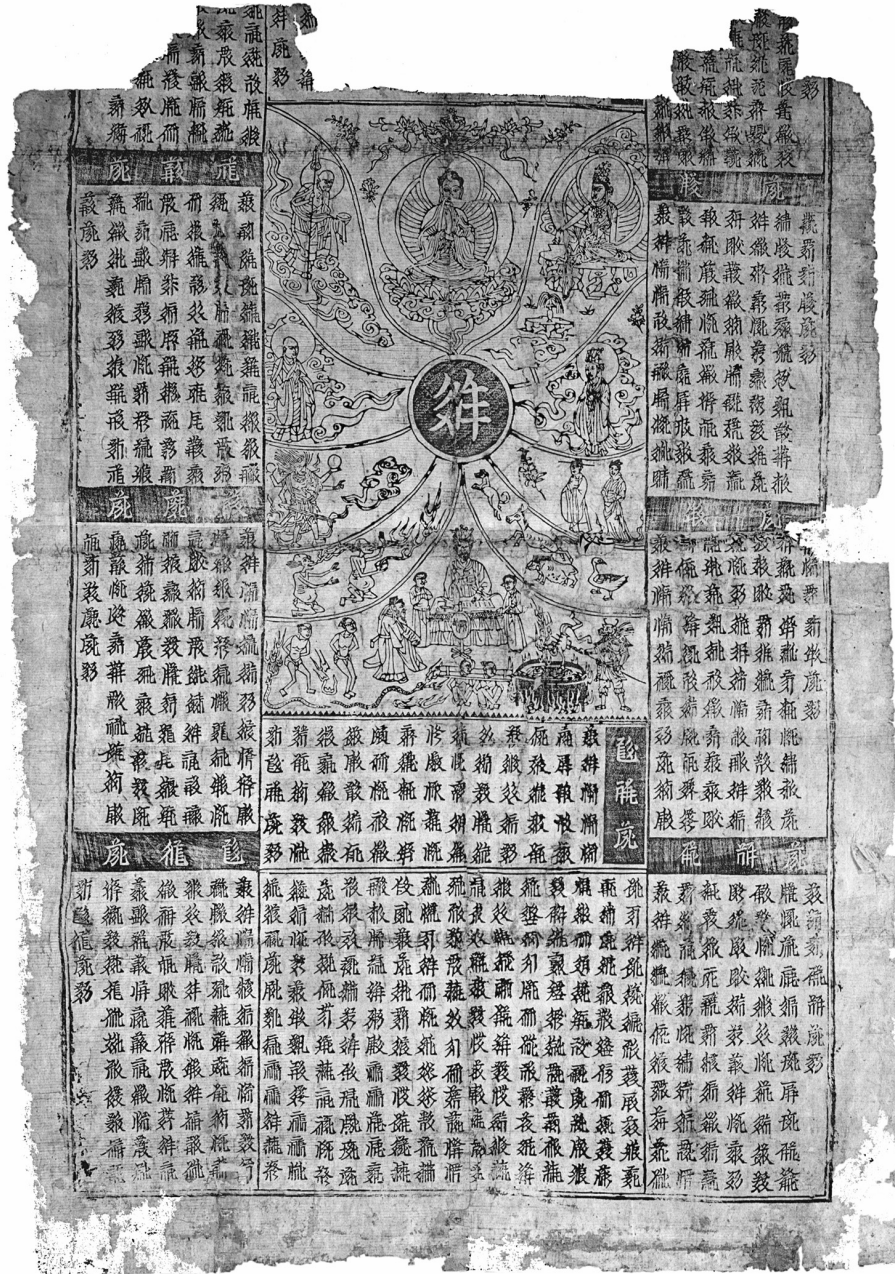
Основной задачей настоящей статьи является определение исходного китайского оригинала тангутского иллюстрированного ксилографа буддийского содержания (илл. 1), который хранится ныне в Государственном Эрмитаже и впервые был опубликован в 2008 г. К.Ф. Самосюк в статье под названием «Будда, бодхисаттвы Кшитигарбха и Авалокитешвара. Шесть путей перерождения»¹.

Известно, что по прибытии в 1907 г. в Хара-Хото П.К. Козлов разбил экспедиционный лагерь внутри городских стен и вскоре в субургане в юго-западном углу крепости были обнаружены книги и рукописи, которые он сразу же отправил в Русское географическое общество в Санкт-Петербург. Затем П.К. Козлов отправился в Северо-Восточный Тибет, но вскоре получил из Санкт-Петербурга предписание вновь вернуться в мертвый город для проведения дополнительных исследований. Возвратившейся в 1909 г. в Хара-Хото экспедицией в ходе раскопок находившегося в 400 м от западной стены города субургана было обнаружено большое собрание текстов на тангутском, китайском, тибетском и монгольском языках, а также произведений искусства. Многочисленные находки были привезены в Санкт-Петербург, при этом письменные памятники в 1910 г. были переданы в Азиатский музей (ныне — ИВР РАН), где они хранятся и по сей день².

Однако найденное П.К. Козловым в «знаменитом» субургане было перемешано с тем, что было обнаружено в самом городе. Кроме того, «уже изначально книги из субургана были перемешаны, перемешаны так, что части одних и тех же книг были разрознены настолько, что они не воссоединены пол-

¹ Пещеры тысячи будд 2008, с. 362–363, илл. 245.

² См., например: Кычанов 2008.

Илл. 1.

Тангутский иллюстрированный ксилограф из собрания
Государственного Эрмитажа (инв. № X-2538)

ностью и до сих пор»³. Остальная часть находок экспедиции, в том числе произведения искусства, оказалась в других музейных собраниях Санкт-Петербурга. В силу разных причин среди них встречаются и письменные памятники. Именно так и обстоит дело с одним тангутским ксилографом из собрания Государственного Эрмитажа (илл. 1).

Рассматриваемый ксилограф был передан в Эрмитаж из Этнографического отдела Русского музея по акту № 99 от 27 июня 1933 г. и получил инвентарный номер X-2538 (при этом у него также имеется старый — возможно, экспедиционный — № 3847-81). В датированной 1939 г. инвентарной книге Эрмитажа он отмечен следующим образом: «Образ буддийский. Ксилограф-бумага. Мирь», там же дано краткое формальное описание памятника. О его происхождении говорится, что это часть находок второй экспедиции⁴ П.К. Козлова 1907 г.⁵. В музейных документах нет каких-либо сведений, указывающих на точное место его находки, т.е. неизвестно, был ли он обнаружен в самом Хара-Хото либо же в «знаменитом» субургане.

История изучения этого ксилографа в Эрмитаже такова. Вернувшийся в 1929 г. из Японии Н.А. Невский в следующем году был приглашен С.Ф. Ольденбургом на работу в Институт востоковедения АН СССР, а с 1934 г. он также работал в Отделе Востока Эрмитажа. Поскольку в инвентарной книге при описании рисунка в ксилографе отмечено, что в его центре находится «большой тангутский знак-сердце», можно предположить, что этот памятник был Н.А. Невскому известен. В дальнейшем М.Л. Пчелина (Рудова) составила экспозиционную этикетку памятника, основываясь на его описании в инвентарной книге и иллюстрации. Впервые ксилограф был опубликован К.Ф. Самосюк в 2008 г. в каталоге выставки «Пещеры тысячи будд» и датирован ею XII — началом XIII в.⁶

Ксилограф представляет собой вертикальный лист размером 62,5 × 42 см (вполне возможно, что в первоначальном виде он был вертикальным свитком). Состояние сохранившейся части листа в целом удовлетворительное, хотя имеется несколько разрывов и утрачена практически вся верхняя часть документа. В верхней части листа в прямоугольном секторе располагается иллюстрация. В ее центре в черном круге — большой тангутский иероглиф «сердце», от которого расходятся лучи из двойных линий, делящие композицию на десять отделений, или секторов. Над иероглифом в центре — Будда, справа от него — бодхисаттва Кшитигарбха, слева — бодхисаттва Авалокитешвара, легко определяемые по соответствующим атрибутам. Остальные персонажи, представленные на иллюстрации, на первый взгляд могут быть соотнесены с шестью сферами возможных путей перерождения (санскр. *ṣaḍ-gatī*; кит. 六道 или 六趣). Справа и слева от иероглифа под Буддой и бодхисаттвами помеще-

³ Кычанов 1999, с. 1.

⁴ Под первой экспедицией, очевидно, подразумевалась Монголо-Камская экспедиция 1899–1901 гг., которую организовал и возглавил П.К. Козлов.

⁵ Инв. книга, л. 168–170.

⁶ Пещеры тысячи будд 2008, с. 362–363, илл. 245.

ны две фигуры с нимбами. Правая — фигура буддийского монаха, левая — «мирянина» в головном уборе; обе изображены с почтительно сложенными у груди ладонями. По мнению К.Ф. Самосюк, они относятся к пути божеств-*дэва*, символизирующемуся фигурами «святого монаха» (справа) и «небесного императора» (слева)⁷. Следует, однако, отметить, что все персонажи пяти верхних секторов имеют нимб, следовательно, должны относиться к благородным личностям, находящимся на определенной стадии буддийского пути. Еще ниже справа изображены *асуры* и голодные духи-*прета*, слева — люди и животные. Посередине внизу — inferнальные существа (*нарака*), сцены суда владыки мертвых и адских страданий.

В ходе поиска аналогий данного изображения К.Ф. Самосюк обратила мое внимание на иллюстрацию шести путей перерождения и бодхисаттвы Кшитигарбхи на датируемом X в. памятнике, обнаруженном экспедицией П. Пеллио 1906–1909 гг. в Дуньхуане и хранящемся в музее Гимэ в Париже⁸. Легко заметить, что расположение соответствующих секторов путей перерождения в этом случае отличается от рассматриваемого тангутского. Кроме того, в целом в тангутском ксилографе секторов больше, нежели в дуньхуанском варианте. Соответственно, сюжет тангутской иллюстрации кажется шире, нежели просто шесть путей перерождения, сопровождаемых фигурами Будды с бодхисаттвами Кшитигарбхой и Авалокитешварой.

В сопроводительном тексте к своей публикации ксилографа К.Ф. Самосюк отмечает, что он, вероятно, был основан на связанной с культом бодхисаттвы Кшитигарбхи (кит. Ди цзан 地藏) «Сутре десяти колес», переведенной Сюань-цзаном 玄奘 (600/602–664) в VII в.⁹. В китайскую Трипитаку входят две близкие по содержанию сутры (они могут быть названы версиями одного и того же текста), в названиях которых фигурирует сочетание «десять колес» (十輪)¹⁰. Обычно оно обозначает десять сил, или понимается и как способностей Будды, но в данных сутрах учения, проповеданные им для страдающих в сансаре живых существ. Сопоставление содержания этих сутр с тангутским текстом приводит к предположению о существовании другого возможного китайского источника.

Тангутский текст ксилографа разделен на восемь частей, семь из них подписаны белыми знаками в черных картушах (в самом низу в центре одна часть не имеет картуша); над иллюстрацией сохранились остатки еще трех частей текста. Во всех случаях картуши и подписи в них расположены горизонтально и только в одном случае — внизу под иллюстрацией — вертикально (картуш находится справа от текста). Во всех частях с картушами семь строк, по 11–

⁷ Пещеры тысячи будд 2008, с. 362.

⁸ Sérinde 1995, p. 337, pl. 252a.

⁹ Пещеры тысячи будд 2008, с. 362.

¹⁰ 大方廣十輪經 («Великая сутра широкого распространения о десяти колеслах») и 大乘大集地藏十輪經 («Махаянская сутра из великого собрания о Кшитигарбхе и десяти колеслах»). См.: ТСД. Т. 13. № 410, 411. Первая из них традиционно считается переведенной неизвестным переводчиком при Северной Лян (397–439), вторая была переведена Сюань-цзаном в 651–652 гг. Об этих сутрах см.: Zhiru 2007, p. 29–36, 225–228.

12 знаков в полной строке; в части без картуша пятнадцать строк по 12 знаков в каждой.

Все надписи в картушах, за одним единственным исключением, представляют собой названия шести путей перерождения (повторяющийся тангутский знак (Танг-3973-0), означающий «мир», «сфера», «область», соответствует китайскому 界)¹¹.

1. Танг-5783-3, 3973-0 (кит. 地獄; санскр. *naraka-gati*);
2. Танг-5784-1, 3973-0 (кит. 餓鬼; санскр. *preta-gati*¹²);
3. Танг-5081-3, 3973-0 (кит. 畜 = 畜生; санскр. *tiryagyonī-gati*);
4. Танг-2262-0, 4811-0, 3973-0 (кит. 修羅 = 阿修羅; санскр. *asura-gati*);
5. Танг-2685-0, 3973-0 (кит. 人 = 人間; санскр. *manuṣya-gati*);
6. Танг-3335-0, 3973-0 (кит. 天; санскр. *deva-gati*).

Только верхний слева картуш (Танг-4881-0, 2817-0, 3973-0) соответствует китайскому 聲聞 («слушающие голос»), что, в свою очередь, есть перевод санскритского слова *śrāvaka шравака*.

Картуши и соответствующие им части тангутского текста, описывающие пути перерождения, располагаются в примерном соотношении с иллюстрацией: справа — дэвы, люди и животные, слева — асуры и прета, в центре — нарака. В этой связи кажется не совсем понятным наличие здесь части текста, посвященной шравакам, которые не входят в число возможных областей перерождения. Соответственно, в ксилографе в его первоначальном виде речь шла, вероятно, о несколько большей типологии живых существ (личностей) и не исчерпывалась только лишь шестью путями перерождений.

Еще одним подтверждением данного предположения является следующее. Каждая часть текста заканчивается одинаковой фразой (Танг-1331-0, название соответствующего мира (сферы), 1775-0), что можно интерпретировать как некое заключение: поэтому такой-то мир (сфера), о котором говорилось в той или иной части ксилографа, и называется таким образом (например, «поэтому и называется миром (сферой) шраваков»). В той части текста, которая находилась непосредственно над иллюстрацией, полностью сохранились три знака последней строки, которые читаются как «мир Будды называется» (Танг-456-0, 3973-0, 1775-0). Таким образом, в центре находилась часть текста, посвященная миру Будды, а в двух других, также полностью не сохранившихся частях, — пратьекабуддам и бодхисаттвам, что и объясняет наличие в ксилографе раздела о шраваках.

Кажется логичным предположение о десятичленной типологии, которая, однако, может быть соотнесена как с высокими, элитарными (монашескими), так и с низовыми (народными) формами китайского буддизма. Данная типология известна, например, в школе Тяньтай 天台 и связана с доктриной «три тысячи миров в одном мгновении мысли» или «в одном акте сознания — три тысячи миров» (кит. 一念三千). Согласно буддийским представлениям, каждый

¹¹ Значения и номера тангутских иероглифов приводятся по словарю Е.И. Кычанова, см.: Кычанов 2006.

¹² Ср. также: Танг-5784-0; 4886-0.

圖 界 法 十 心 觀 頓 圓

Илл. 2.

«Схема совершенного и одномоментного созерцания сердца (сознания) [в] десяти мирах дхарм»

тип живых существ и соответствующее тому или иному типу «местопребывание» могут рассматриваться и как особый уровень развертывания сознания, и как соответствующий этому сознанию мир. Таких миров в учении школы Тяньтай десять (санскр. *daśa-dharma-dhātu*; кит. 十法界 или 十界): шесть типов сансарических существ (六道輪回) и четыре мира благородных личностей (四聖道) — миры шраваков, пратьекабудд, бодхисаттв и Будды. Каждый из этих миров присутствует в любом другом мире: например, мир inferнальных существ наличествует в мире Будды, но и мир Будды есть также и в inferнальных сферах. В результате каждый из десяти миров содержит в себе все

остальные, образуя, таким образом, сто миров дхарм. Каждый мир наделен десятью «истинно реальными» характеристиками — так появляются «сто миров с тысячей истинных реальностей». Наконец, каждый мир рассматривается в трех отношениях («три вида миров»): «мир пяти скандх», «мир живых существ», «мир-вместилище». Таким образом, возникают «три тысячи миров», все свойства которых полностью пребывают в сознании (сердце), а в одном мгновении мысли или в одном акте сознания содержится вся полнота универсума¹³.

Профессор Ши Цзинь-бо пишет о распространении тяньтайских доктрин среди тангутов, основываясь при этом на популярности «Лотосовой сутры» в тангутском государстве¹⁴. Тем не менее содержательное исследование тангутской буддийской традиции только начинается, и сущность тангутского буддизма как целого во многом остается непроясненной¹⁵. В этом отношении можно сказать, что «Лотосовая сутра», на которой основывается школа Тяньтай, — текст почитаемый практически во всех региональных традициях восточноазиатского и центральноазиатского буддизма, и нет ничего удивительного в том, что списки этой сутры есть и в тангутском переводе, имевшем хождение в Си Ся (1032–1227)¹⁶.

В процессе поиска китайского источника рассматриваемого ксилографа была обнаружена иллюстрация (илл. 2) и китайский текст, которые, как представляется, в большей степени отвечают содержанию тангутского памятника и, кроме того, все же имеют отношение к школе Тяньтай. Речь идет о «Схеме совершенного и одномоментного созерцания сердца (сознания) [в] десяти мирах дхарм» (圓頓觀心十法界圖)¹⁷, сопровождающейся текстом предисловия (圓頓觀心十法界圖序)¹⁸. Это сочинение написано Цыюнь Цзунь-ши 慈雲遵式 (964–1032), который вместе с Сымин Чжи-ли 四明知禮 (960–1028) считается главной фигурой в так называемом «тяньтайском возрождении» периода Северной Сун (960–1126)¹⁹. Поскольку вся феноменальная реальность неотделима от сознания, в котором пребывают все миры дхарм, то «созерцание сердца», или «созерцание сознания» (*гуань синь* 觀心), оказывается важнейшим средством практики учения, во время которой осознается единая природа всех миров и достигается единство «трех тысяч миров в одном мгновении мысли»²⁰.

¹³ Подробнее об этой доктрине см.: Hurvitz 1962, p. 271–318; см. также: Солонин 1996, с. 49–50.

¹⁴ См.: Ши Цзинь-бо 1988, с. 160–161.

¹⁵ См. в этой связи недавнюю работу: Солонин 2007; см. также: Solonin 2008.

¹⁶ См.: Solonin 1998, p. 367.

¹⁷ Знак 頓 дословно означает «мгновенный», «внезапный»; ср. противопоставление «мгновенного» и «постепенного» (頓漸).

¹⁸ Текст и иллюстрация включены в «Продолжение Трипитаки» (續藏經). Т. 57, № 951 (см. в электронном издании на CD: СВЕТА. X, № 951, цз. 2).

¹⁹ О Цыюнь Цзунь-ши см., например: Stevenson 1999.

²⁰ См. недавние работы об этой практике в японской школе Тэндай (кит. Тяньтай): Трубникова 2011а; 2011б.

Илл. 3.

Десять миров дхарм (современное изображение)

В центре «Схемы» также находится черный круг со стилизованным китайским иероглифом «сердце». От него отходят двойные неровные линии, ведущие к десяти кругам, в которых заключены десять соответствующих персонажей рассмотренной выше десятичленной типологии. На самом верху — Будда, слева от него находится бодхисаттва, справа — шравака. Под бодхисаттвой располагаются пратьекабудда, люди и голодные духи; под шравакой — дэвы, асуры и животные; в самом низу — нарака. Каждый из изображенных персонажей сопровождается соответствующей подписью (илл. 3).

Расположение фигур в пяти нижних секторах совпадает и в китайском, и в тангутском вариантах, за исключением секторов голодных духов и животных (в китайском варианте животные располагаются в левой части иллюстрации, голодные духи — в правой, в тангутском варианте — наоборот). Соответственно, можно предположить, что, во-первых, на тангутской иллюстрации Кшитигарбха выступает в роли шравака, а место бодхисаттвы слева от Будды занимает Авалокитешвара; во-вторых, места пратьекабудды и божеств-дэва также поменялись: слева (под Кшитигарбхой) изображен пратьекабудда, а справа (под Авалокитешварой) — божество-дэва, что кажется логичным с точки зрения сопоставления китайской и тангутской иконографии этих персонажей. Тем не менее это предположение не позволяет объяснить наличие в тангутском варианте пяти, а не четырех нимбов (следовало бы ожидать, что только благородные личности изображены с нимбом, а божества не входят в их число). Тем не менее, несмотря на некоторые отличия в расположении персонажей и в их иконографии, можно заключить, что «Схема» в целом совпадает с иллюстрацией тангутского ксилографа²¹.

Китайский текст также разделен на десять частей, представляющих краткое описание соответствующих десяти миров и их «представителей». Детальное сопоставление тангутского и китайского текстов выходит за рамки настоящей работы, но их предварительное сличение позволяет уже сейчас заключить, что тангутский текст представляет собой перевод (или переложение) сочинения Цзюнь Цзунь-ши.

Соответственно, название тангутского ксилографа, которое было дано ему при первой публикации, должно быть несколько скорректировано, так как ни изображение Будды с бодхисаттвами, ни шесть путей перерождения не охватывают полностью содержания этого памятника в его первоначальном виде.

Литература

- Инв. книга — Инвентарная книга Государственного Эрмитажа (1939). X 2241–2630.
 Кычанов 1999 — Кычанов Е.И. Введение // Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук / Сост. Е.И. Кычанов. Вступит. ст. Т. Нисида. Изд. подготовлено С. Аракава. Киото: Университет Киото, 1999. С. 1–31.
 Кычанов 2006 — Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. Е.И. Кычанов. Сосост. С. Аракава. Киото: Университет Киото, 2006.

²¹ Схожие иллюстрации десяти миров имеют хождение и в среде современного китайского буддизма (илл. 3).

- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской академии наук и его изучение // *Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / Сборник статей.* Под ред. И.Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 130–147.
- Пещеры тысячи будд 2008 — *Пещеры тысячи будд.* Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея: Каталог выставки / Науч. ред. О.П. Дешпанде. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008.
- Солонин 1996 — *Солонин К.Ю.* Учение Тяньтай о недвойственности // *Петербургское востоковедение.* Вып. 8. СПб., 1996. С. 41–57.
- Солонин 2007 — *Солонин К.Ю.* Обретение учения. Традиция Хуаянь-Чань в буддизме тангутского государства Си Ся. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007.
- Трубникова 2011a — *Трубникова Н.Н.* «Созерцание сердца» (*кансин*) по учению школы Тэндай (XI–XII вв.) // *Вопросы философии.* № 5 (2011). С. 130–141.
- Трубникова 2011b — *Трубникова Н.Н.* «Созерцание сердца» (*кансин*) по учению школы Тэндай (XIII в.) // *Вопросы философии.* № 10 (2011). С. 126–137.
- Hurvitz 1962 — *Hurvitz L.* Chih-I (538–597): An Introduction to the Life and Ideas of a Chinese Buddhist Monk. Bruxelles: Institut Belge des Hautes Études Chinoises, 1962 (*Mélanges Chinois et Bouddhiques*, 12).
- Sérinde 1995 — *Sérinde, Terre de Bouddha: Dix siècles d'art sur la Route de la Soie.* Sous la direction de Jacques Giès et Monique Cohen. P.: Réunion des musées nationaux, 1995.
- Solonin 1998 — *Solonin K.J.* Tangut Chan Buddhism and Guifeng Zong-mi // *中華佛學學報.* № 11 (1998). P. 365–424.
- Solonin 2008 — *Solonin K.J.* Glimpses of Tangut Buddhism // *Central Asiatic Journal.* 52/1 (2008). P. 64–127.
- Stevenson 1999 — *Stevenson D.B.* Protocols of Power: Tz'u-yün Tsun-shih (964–1032) and T'ien-t'ai Lay Buddhist Ritual in the Sung // *Buddhism in the Sung.* Ed. by Peter N. Gregory and D.A. Getz, Jr. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1999 (*Kuroda Institute Studies in East Asian Buddhism*, 13). P. 340–408.
- Zhiru 2007 — *Zhiru.* The Making of a Savior Bodhisattva. Dizang in Medieval China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007 (*Kuroda Institute Studies in East Asian Buddhism*, 21).
- СВЕТА — СВЕТА. 電子佛典集成. Version 2011. Chinese Electronic Tripiṭaka Collection. Taipei, 2011 (электронное издание на CD).
- ТСД — Тайсё: синсю: дайдо:кё 大正新脩大藏經 (Великое собрание сутр, заново отредактированное [в годы] Тайсё). Под ред. Такакусу Дзюндзиро: 高楠順次郎 и Ватанабэ Кайкёку 渡邊海旭. Т. 1–100. 2-е изд. Токио: Тайсё: иссайкё канко:кай 東京: 大正一切 經刊行會, 1960–1977.
- Ши Цзинь-бо 1988 — *Ши Цзинь-бо.* Си Ся фоззяо шилюэ 史金波 『西夏佛教史略』 (*Ши Цзинь-бо.* Краткая история тангутского буддизма). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1988.

Проблемы ранней государственности у кочевников Центральной Азии

Важнейшим фактором политогенеза у древнетюркских племенных обществ Центральной Азии и Южной Сибири явилось их весьма раннее вхождение в сферу прямого или опосредованного воздействия социально более дифференцированной и уже урбанизированной древнекитайской цивилизации. Именно формирование в бассейнах Хуанхэ и Тарима во II–I тыс. до н.э. крупных цивилизационных очагов, сопровождавшееся исторически интенсивными по срокам процессами политогенеза, привело к появлению во второй половине I тыс. до н.э. в северной лесостепи и в горностепной зоне, близкой или прилегающей к долинам названных рек, ранней степной государственности, весьма отличной от китайской, однако обладавшей почти сразу же обозначившимися элементами имперской структуры.

Первоначально, в V–IV вв. до н.э., тенденция к интеграции в объединение имперского типа полилингвальной и полиэтничной массы скотоводческих племен определялась военным потенциалом юэчжийского племенного союза, чье верховенство было неоспоримым на пространстве от Восточного При Тяньшанья и Горного Алтая до Ордоса. Но на рубеже III–II вв. до н.э., в ходе длительных и жестоких войн за власть над Степью, военные приоритеты перешли к их северо-восточным соседям и прежним данникам — племенам сюнну (гуннам).

В эпоху сюнну простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной социальной антропологии термином *вождество*, трансформировались в то состояние, которое мы обозначаем термином *раннее государство*, а применительно к обозначенным месту и времени — термином *архаичная империя*, в свою очередь состоящая из раннегосударственных образований и вождеств, объединенных силой или угрозой силы.

Естественно, мы можем проследить этот процесс только в том виде, в каком он представлен летописцами той эпохи, историографами, чьи ментальные

конструкции и подходы к отражению окружающего мира определялись иными, чем у нас, требованиями и параметрами.

Ранние рассказы о северных соседях Китая сохранил в своих «Исторических записках» (Ши цзи) создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (135–87 гг. до н.э.). Эти сюжеты изложены им отрывочно, несистематично, предельно кратко и ничем не напоминают, к примеру, обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевников, населявших Центральную Азию в VII–VI вв. до н.э., Сыма Цянь именует *жунами* и *ди*. Позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *горные жуны* и *дунху* («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции с воюющими друг с другом государствами и получая за это вознаграждение.

Китайские источники отмечают их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Хотя у жунов и дунху были посеы проса, однако главным их занятием было скотоводство: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению жен; одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом»¹.

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, еще не знавшего глубокого социального расслоения и насильственного авторитета. Китайский наблюдатель VII в. до н.э. отмечает, что у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т.е. выборным старейшинам и вождям. — С.К.), руководствуясь искренностью и преданностью»². Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни.

Итак, в VII–V вв. до н.э. для социально-политического устройства кочевников степей и гор севернее Хуанхэ было характерно *вождество*.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403–221 гг. до н.э.). Вместо прежних жунов на севере появляются сильные объединения кочевых племен *юэчжей* и *сюнну*.

Юэчжи, могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников, известен под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие по периметру северокитайских царств в IV–

¹ Бичурин I, с. 142–143.

² Таскин 1968, с. 123.

II вв. до н.э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племен распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарию и Восточный Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн. Они первыми создали в центральноазиатских степях архаичную кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель, располагавший войском до 100 тыс. всадников. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена юэчжи были могущественны и с презрением относились к сунну»³. Более того, сунну (гунны) находились в политической зависимости от юэчжей и посылали ко двору их правителя заложниками сыновей гуннского вождя.

В последние десятилетия III в. до н.э. союз гуннских племен, возглавлявшийся военным вождем-*шаньюем*, испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением у гуннов раннего государства. А в первой четверти II в. до н.э. гунны одержали окончательную победу над юэчжами и в ходе последующих войн унаследовали их империю⁴.

Какое же общественное устройство было присуще гуннскому союзу племен?

Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными узами. Глава государства, *шаньюй*, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском общественном устройстве немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена. При этом одни из них были адаптированы в гуннскую родоплеменную систему, другие не были включены в ее состав, и именно эти последние подвергались особенно безжалостной эксплуатации.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из военной демократии жунских племен V–IV вв. до н.э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т.е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т.е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только на военно-административных принципах.

Впрочем, по мнению Т. Барфилда, племенная аристократия по-прежнему сохраняла свое значение, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация». Барфилд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны и возникают они у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних оседлых государств к

³ Цит. по переводу: Крюков 1988, с. 237.

⁴ Кляшторный, Савинов 2005, с. 21–26.

уплате дани (контрибуций) или открытию пограничных рынков⁵. Напротив, по мнению Е.И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами⁶.

Власть главы государства — шаньюя считалась освященной божественным авторитетом. Его называли «Сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Государь обладал следующими правами и функциями: а) правом распоряжаться всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия по защите и соблюдению культа исходили от шаньюя. Верховного владетеля окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т.е. западный и восточный) «мудрые князья» были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крыльями армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников», или темники. Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенные между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частью империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которым и определялась власть и военная сила темника; число в 10 тыс. воинов, находившихся под его командой, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел войско численностью от нескольких до 10 тыс. войска.

В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделял их землей с кочующим населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь, темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, права выбора —

⁵ Barfield 1992, с. 32–45.

⁶ Кычанов 1997, с. 3, 6–37.

власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошан-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники (как правило, выходцы из четырех аристократических родов) съезжались в ставку шаньюя для принесения жертв предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам, для обсуждения государственных дел; еще один раз, осенью, они собирались для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота. Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников: все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий слой гуннской империи составляла родоплеменная знать; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать выступала и как патриархальная верхушка племен, как их «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составлял контроль над пастбищными землями, проявлявшийся в форме права распоряжаться перекочевками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права контроля целиком зависела от места того или иного знатного лица в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы предопределить более трех веков существования гуннской империи и еще несколько веков жизни мелких гуннских государств.

Насколько изменились структурные особенности степной империи на новом витке евразийской истории, в первой евразийской державе раннего средневековья — Тюркском каганате? На этот вопрос дают ответ рунические памятники тюрков, прежде всего орхонские и енисейские памятники.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюрков. Таким социальным идеалом выступает в надписях «вечный эль народа тюрков», т.е. созданная тюрками империя. Гарантом благополучия «вечного эля» был избранный Небом каган, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану *бегов* и «всего народа».

Имя кагана выступает как эпоним («в эле Бильге-кагана») и синоним («земля Капаган-кагана») названия государства. Ради Тюркского эля каган должен приобретать (т.е. предпринимать завоевания) «до полного изнеможения», ради народа тюрков он должен «не спать ночей, не сидеть без дела

днем». Война и мир, битва и союз — все решается по воле кагана для благоденствия Тюркского эля. Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими не исчерпываются его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. В частности, каган, во-первых, поселяет и переселяет побежденные племена, т.е. заново определяет для них территорию; во-вторых, расселяет тюрков на завоеванной территории, распределяя земли между племенами; в-третьих, собирает, расселяет и «устраивает» тюрков в «стране Отюкен», т.е. на коренной территории народа тюрков; в-четвертых, передает на определенных условиях часть земель в своей собственной стране группировкам иммигрантов (например, согдийцам или китайцам). Главным преступлением против кагана и «вечного эля» была провозглашена откочевка на другие земли, т.е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собрание» и «устройство» народа на подвластной ему территории, т.е. создание политической организации, системы управления⁷.

Подводя общий итог сделанным наблюдениям, мы можем констатировать следующее:

1) сообщества кочевых племен Центральной Азии VIII–V вв. до н.э., по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников, не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных и военно-демократических институтов;

2) коренные изменения в их среде произошли в IV–III вв. до н.э., когда сложилась зафиксированная в источниках новая надплеменная политическая структура — раннее государство, управляемое иерархически структурированной военно-племенной аристократией;

3) имперская структура верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза. Эти процессы нашли свое отражение и в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии источников;

4) своего классического воплощения новая социально-политическая структура достигла в VI–VIII вв., когда в рунических текстах орхонских тюрков и енисейских кыргызов появились собственные термины, обозначающие как государственную политическую организацию (*эль*), так и сохраняющуюся этноплеменную общность (*бодун*).

Литература

- Бичурин I — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л.: Наука, 1950.
Кляшторный 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Изд. СПбГУ, 2003.

⁷ Кляшторный 2003, с. 460–489.

- Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005.
- Крюков 1988 — *Крюков М.В.* Восточный Туркестан в III в. до н.э. — VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под редакцией С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. М.: Восточная литература, 1988.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997.
- Таскин — *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Восточная литература, 1968.
- Barfield 1992 — *Barfield T.J.* The Perilous Frontier. Nomadic empires and China. Cambridge (Mass.): Blackwell Publishers, 1992.

А.А. Ковалев

Северная граница тангутского государства Си Ся по данным археологических и письменных источников

История исследований. В работах по географии государства Си Ся проблема локализации его северной границы и обустройства северных пограничных земель раскрывается в лучшем случае сугубо конспективно, а чаще всего вообще не затрагивается. Статья Ду Цзянь-лу, представляющая собой обзор пограничных застав и укрепленных пунктов Си Ся по историческим источникам, ограничивается описанием ситуации лишь на южной, сунской границе¹. В статье 1999 г. «Исследование территории Си Ся», а также в соответствующем разделе обобщающего труда по географии тангутского государства, изданном коллективом авторов в 2002 г., Лю Цзюй-сян ограничила описание его северной границы цитатами из «Юань ши», иллюстрирующими направления вторжений монгольских войск в начале XIII в.². Другой специалист из Нинся, Лу Жэнь-юн, в своих трудах, в том числе и в специальном разделе монографии «Си Ся тун ши», посвященном территориальному устройству тангутского государства, обходит стороной вопрос о северной границе Си Ся, хотя и включает на своих картах в территорию Си Ся всю Алашаньскую пустыню и Заалтайскую Гоби³. В последней монографии, посвященной, судя по подзаголовку, прежде всего «разысканиям по исторической географии пограничных районов» Си Ся, ее автор, Ян Жуй, приходит к выводу о том, что пограничная линия между военно-полицейскими управлениями Хэйшуй чжэньянь 黑水鎮燕 и Хэйшань вэйфу 黑山威福 представляла собой «пустую полосу», неопределенную, «неясную» границу, а основные оборонительные укрепления и таможенные учреждения располагались в глу-

¹ Ду Цзянь-лу 1993.

² Лю Цзюй-сян 1999; Си Ся дили яньцзю 2002, с. 67–68.

³ Лу Жэнь-юн 2001; Лу Жэнь-юн 2003; Си Ся тун ши 2005, с. 653–671.

© Ковалев А.А., 2012

бине территории тангутов; вопрос же о локализации северной границы далее на запад Ян Жуй оставляет открытым⁴.

Необходимо признать, что до сих пор более или менее подробные сведения о северной границе государства Си Ся мы можем почерпнуть только из карты XI в., известной нам по копиям, включенным в ряд трудов цинского времени (далее — «Си Ся ди син ту» «西夏地形圖»)⁵. На ней отмечены военно-полицейские управления Хэйшуй чжэньянь, Байма цяньчжэнь 白馬強鎮 и Хэйшань вэйфу, распределенные по северной границе, а также находящиеся от них к юго-западу административные центры Ганьсуского коридора, горы и иные географические объекты в Алашаньской пустыне, приблизительные границы с уйгурами и монгольскими племенами («дада», татарами), а также дорога, проходящая от гор Хэланьшань напрямую к Хара-Хото (центру управления Хэйшуй чжэньянь).

В рамках настоящей статьи нет необходимости подробно говорить о локализации военно-полицейского управления Хэйшуй чжэньянь, центром которого, на основании многочисленных письменных источников, считается крепость, называемая ныне Хэйчэнцзы, или Хара-Хото, перестроенная в юаньское время под административный центр области Ицзинай лу. В ходе раскопок этого городища было установлено, что собственно тангутские укрепления занимают его северо-восточную часть, имея размеры в плане 238×238 м⁶. В 20 км к востоку от Хара-Хото находится другое тангутское городище — Лучэн — размерами в плане 180×150 м; при раскопках крепости и сопровождающего ее могильника были обнаружены многочисленные артефакты, относящиеся к среднему и позднему периодам существования государства Си Ся, в том числе инкунабулы буддийских сутр, рукописи, печати, монеты⁷. Необходимость исторической идентификации этого городища, лишь немногим уступающего по площади тангутскому Хара-Хото, очевидна. Исследования Фольке Бергмана показали, что на развалинах многих оборонительных сооружений на территории хошуна Эдзин южнее озера Гашун-нур встречается средневековый подъемный материал⁸. Однако, опираясь на результаты экспедиций Института культурного наследия и археологии провинции Ганьсу, У Жан-сян относит практически все укрепления по р. Эдзин-гол к ханьскому времени⁹. Южнее озера Гашун-нур археологами Внутренней Монголии исследованы руины ритуальных буддийских построек тангутского времени¹⁰. Определить трассировку границы Си Ся в районе озера Гашун-нур по столь скудным сведениям невозможно.

В вышедшей в 1988 г. статье Тан Кай-цзяня была предпринята попытка уточнить локализацию военно-полицейского управления Байма цяньчжэнь,

⁴ Ян Жуй 2008, с. 80–108.

⁵ Кычанов 2008; Чжан Цзянь 1995.

⁶ Нэймэнгу вэньу каогу... 1987.

⁷ Ши Цзинь-бо, Вэн Шань-чжэнь 1996.

⁸ Sommarström Bo 1956.

⁹ У Жан-сян 2005, с. 132–170.

¹⁰ Ню Да-шэн 2007, с. 121–123; Чжунго вэньу дитуцзи 2003. Т. 2, с. 641.

расположенного, судя карте «Си Ся ди син ту», между управлениями Хэйшуй и Хэйшань. На основании сравнения данных династийной истории «Сун ши», сунской хроники «Сюй цзычжи тунцзянь чан бянь» 續資治通鑒長編 и свода «Си Ся шу ши» 西夏書事 автор приходит к выводу, что это военно-полицейское управление занимало земли западнее и чуть северо-западнее гор Хэланьшань, т.е. южнее своего местоположения, обозначенного на сунской карте¹¹. В связи с находкой на бывшей территории Си Ся надписи на каменной плите с упоминанием неизвестного ранее военно-полицейского управления Миэ чжоу 彌娥州 появилось предположение, что это управление локализуется в районе речки Миэ 彌娥川, протекавшей, судя по данным сунского труда «Тайпин хуаньюй цзи» «太平寰宇記» (конец X в.), к югу «от пустыни» и в тысяче ли на север от центра тогдашнего округа Линчжоу, т.е. на западе нынешнего хошуна Урат-хоуци Внутренней Монголии¹². При такой локализации управление Миэ чжоу оказывается примерно на месте управления Байма цяньчжэнь, обозначенного на карте «Си Ся ди син ту», что, кстати, вызывает вопрос о возможной идентификации управлений Байма и Миэ.

На карте «Си Ся ди син ту» управление Хэйшань вэйфу показано с севера от излучины Хуанхэ. Однако в связи с тем, что, согласно сведениям цз. 60 («Дили чжи 3») династийной истории «Юань ши», название «Хэйшань» носили горы Бэйлуншоушань, расположенные на тогдашней территории уезда Чжанье (нынешней — уезда Шаньдань) провинции Ганьсу, появились предложения локализовать именно здесь, на юг от Хара-Хото, и управление Хэйшань вэйфу¹³. Эта точка зрения в числе других отражена и в современном словаре исторических географических названий Китая¹⁴. Последняя статья с развернутой аргументированной критикой этой локализации принадлежит Бао Туну: ведь если крепость Улахай (Волохай, Оуи-га-са) была, как считается, центром этого военно-полицейского управления, то при «южном» относительно Хара-хото ее расположении было бы невозможно сказать, как сообщает «Юань ши», что монголы в 1209 г. прорвались в Хэси по проходу «севернее Хэйшуйчэн (Хара-Хото) и западнее Улахая»¹⁵. Бао Тун предполагает, что название «Черные горы» (Хэйшань) носили горы под нынешними именами Дациншань и Улашань, расположенные с севера от Ордоса, а административный центр управления Хэйшань находился на месте юаньской крепости в волости Синьхужэ (хошун Урат-чжунци Внутренней Монголии). Действительно, эта крепость по своим размерам (850x800 м) соответствует другим известным областным («лу») юаньским центрам (напр., Инчан Лу — 650x800 м, Дэнин лу — 960x574 м¹⁶), а в юаньское время на территории Си Ся была, в частности, создана область («лу») Улахай (из цз. 93 «Юань ши»), центр которой мог

¹¹ Тан Кай-цзянь 1988, с. 142–144.

¹² Ли Чан-сянь 2003, с. 111.

¹³ Ван Бэй-чэнь 2000, с. 386.

¹⁴ Чжунго лиши ди мин да цыдянь 2005, с. 2554.

¹⁵ Бао Тун 1994.

¹⁶ Ли И-ю 1986, с. 106.

совпадать с одноименной тангутской крепостью. Однако кроме городища Синьхужэ, где были обнаружены артефакты только юаньского времени, «кандидатом» на роль тангутского Улахая ныне выступают крепости Гаююфан (городской округ Линьхэ)¹⁷, а также Сухай (хошун Урат-цяньци) и Ланшанькоу (хошун Урат-хоуци), имеющие большие размеры и относящиеся однозначно к доюаньскому времени (см. ниже). Обзор дискуссии о локализации Улахая, ведущейся в научной литературе уже около века, приведен в статье Сюй Цзюня; из нее следует, что кроме «южной» и «северо-восточной» локализации, в связи с многообразием наименований этого административного пункта, появились еще и мнения о том, что источники говорят о наличии двух разных крепостей в разных местах севернее излучины Хуанхэ, одна из которых — Улахай, а другая — центр управления Хэйшань¹⁸.

В 2003 г. Ли Чан-сянь публикует наиболее полную по сей день работу о границах тангутского государства за все периоды его существования (в основном по письменным источникам)¹⁹. На основании данных «Сюй цзычжи тунцзянь чан бянь» и «Си Ся ди син ту» он локализует военно-полицейское управление Хэйшань вэйфу к северо-востоку от излучины Хуанхэ и поддерживает идентификацию его административного центра с крепостью Улахай, которая, по его мнению, должна находиться у прохода в нынешних горах Ланшань (что, кстати, совпадает с расположением городищ Гаююфан и Ланшанькоу). Ли Чан-сянь приводит данные письменных источников о локализации военно-полицейских управлений Сипин, Ганьсу, Юсян чаошунь, Чжоло хэнань, расположенных вдоль северных границ Ганьсуского коридора, а также информацию об иных административных центрах Си Ся на западе Ганьсу, но, к сожалению, эти сведения касаются только Ганьсуского коридора и не относятся к территориям пустыни Алашань и Заалтайской Гоби. Поэтому северная граница Си Ся (как на картах из вышеуказанного труда «Си Ся тун ши», так и на картах Ли Чан-сяня²⁰ проводимая по границе современной Монголии) остается плодом спекулятивного умозрения.

Сопоставив сообщения Рашид-ад-Дина, «Юань ши» и «Си Ся шу ши», Бао Тун в 1994 г. пришел к выводу о том, что упомянутые в этих источниках крепости Лигили (Лицзили), Клинь-Лоши (Цзинлосы) и Цилянгуцэ, бывшие объектом нападения монгольских войск в начале XIII в., должны были находиться где-то на северной границе тангутских областей Шачжоу, Гуачжоу и Сучжоу²¹. Сюй Цзянь в упоминавшейся статье привел обзор различных мнений ученых о местоположении этих крепостей²². Но такие исследования пока не помогли в определении северной границы Си Ся в Заалтайской Гоби: ведь даже предположительно связать вышеуказанные

¹⁷ Чжунго вэньу дитунци 2003. Т. 2, с. 615.

¹⁸ Сюй Цзюнь 2000, с. 30–32.

¹⁹ Ли Чан-сянь 2003, с. 110.

²⁰ Ли Чан-сянь 2003, рис. 1–3.

²¹ Бао Тун 1994, с. 65–67.

²² Сюй Цзюнь: 2000, с. 29–30.

названия с какими-нибудь городищами или известными географическими пунктами невозможно.

С 1970-х годов начинают появляться новые археологические свидетельства обустройства северных пределов государства Си Ся. В ходе археологических разведок и раскопок в западной части Внутренней Монголии в 1970–1980-х годах было обнаружено несколько неизвестных ранее тангутских городищ; при раскопках ряда ханьских крепостей было установлено, что верхний культурный слой здесь насыщен артефактами тангутского периода²³ (подробнее об этом см. ниже). В 1985 г. было опубликовано сообщение о находках в 1950–1960-х годах драгоценных предметов сунского времени на городище Гаююфан (размеры городища в плане 900×900 м, находится на территории уезда — ныне города — Линьхэ, в 40 км к северо-востоку от уездного центра), которое авторы публикации соотнесли с вышеуказанной крепостью Улахай (Волохай), центром управления Хэйшань вэйфу²⁴. Наряду с городищем Гаююфан в 1980-е годы органы охраны культурного наследия аймака (ныне — городского округа) Баян-Нур Внутренней Монголии севернее излучины Хуанхэ обнаружили еще два крупных городища, предположительно относящихся к государству Си Ся²⁵. Городище Сухай, расположенное в 40 км на восток от центра хошуна Урат-цянъци, обнесено земляными стенами высотой до 5 м, с юга разрушено рекой, но северная его стена, имеющая длину 700 метров, сохранилась на момент обследования полностью. При обследовании территории памятника в большом количестве обнаружены железные монеты тангутского времени. Городище Ланшанькоу находится «в 6 км к югу от прохода в горах Ланшань», судя по описанию, на территории хошуна Улатэ-хоуци, километрах в 30–40 к западу от городища Гаююфан. Это городище имеет в плане прямоугольную форму, с севера на юг — 300 м, с запада на восток — 110 м. Возвышенная, северная половина крепости отгорожена внутренней стеной и имеет дополнительные укрепления. В пределах городища найдены остатки строений и керамика тангутского времени. Опираясь на данные карты «Си Ся ди син ту», Ду Юй-бин отождествляет городище Гаююфан с центром управления Байма цянчжэнь, городище Сухай — с центром управления Хэйшань вэйфу²⁶. Расположение этих городищ действительно наилучшим образом совпадает с данными сунской карты (эта локализация принята нами для карты на рис. 1), но, к сожалению, информация о крепостях Сухай и Ланшанькоу не была включена в атлас культурного наследия Внутренней Монголии, материалы указанных обследований 1980-х годов не были опубликованы, так что проверить тангутскую атрибуцию этих городищ не представляется возможным.

Вышедший в 2003 г. атлас культурного наследия Внутренней Монголии содержит информацию о находках тангутской керамики на развалинах древних

²³ Гэ Шань-линь, Лу Сы-сянь 1981, с. 29, 31, 32; Гэ Шань-линь 1995, с. 778–780.

²⁴ Лу Сы-сянь, Чжэн Лун 1987.

²⁵ Ду Юй-бин 1998, с. 375–376.

²⁶ Там же, с. 374–379.

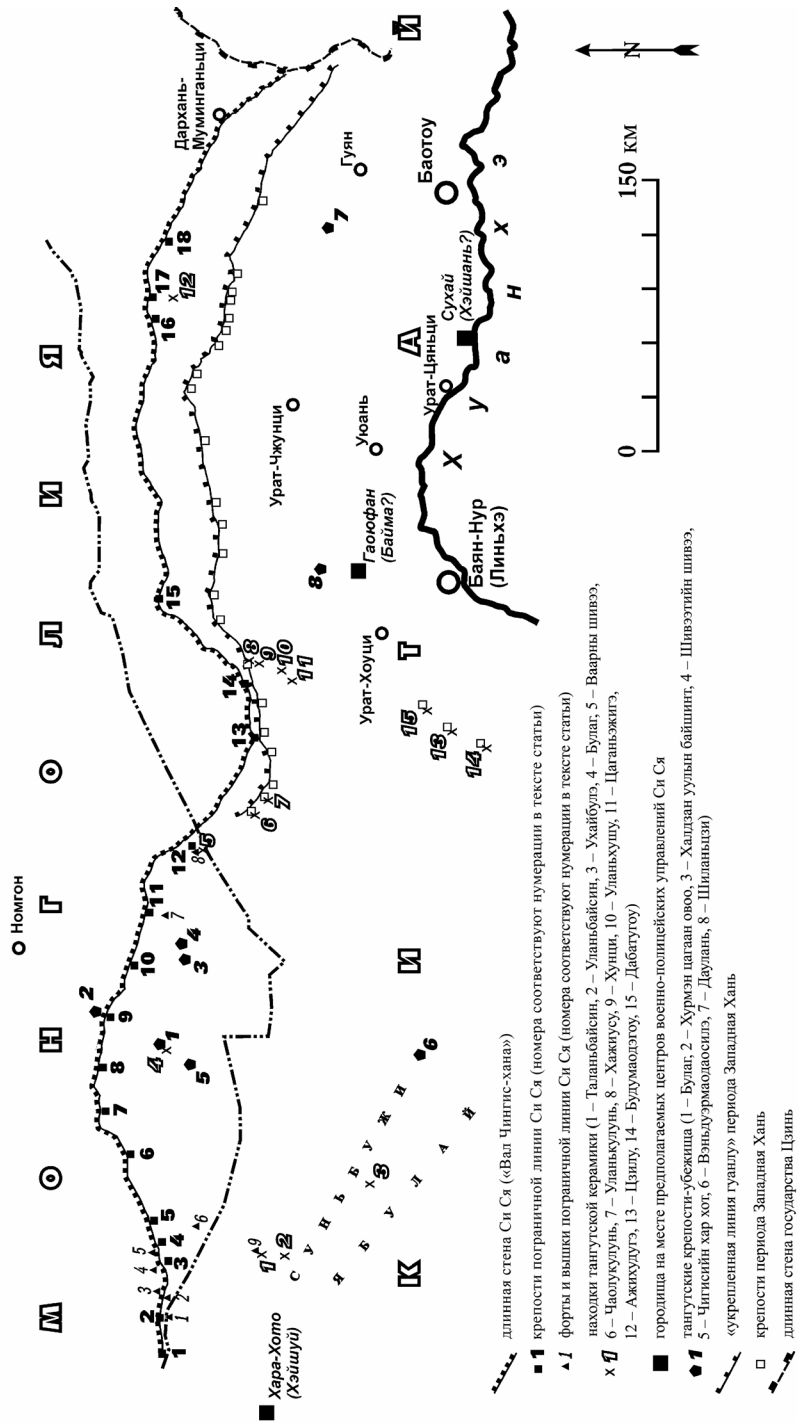

Рис. 1
Карта северных пограничных земель Си Ся

укреплений в аймаках Баян-Нур и Алашань и в городском округе Баотоу. Эти укрепления авторы-составители атласа в подавляющей части относят к ханьскому времени и предполагают, что они были только лишь переиспользованы тангутами, даже если здесь и не было обнаружено более древних артефактов²⁷. Городище Гаоюфан, как уже говорилось выше, в атласе соотнесено с крепостью Улахай и, соответственно, с центром управления Хэйшань вэйфу²⁸; гораздо меньшая по размерам (60×40 м) крепость Сиботу, расположенная около железнодорожной станции Цзиланьтай на территории хошуна Алашань-цзоци, в 60 км к северу от горного массива Хэланьшань, почему-то интерпретируется как центр управления Байма цзяньчэн, хотя, судя по описанию, это не более чем рядовой пограничный форт²⁹.

В 2011 г. вышел из печати иллюстрированный отчет об итогах третьей всекитайской кампании по учету культурного наследия в части объектов на территории Внутренней Монголии. В этом сборнике опубликованы краткие описания и фотографии нескольких городищ различных типов с территории аймака Алашань, которые, по мнению специалистов, относятся к государству Си Ся³⁰. В 1980-2000-х годах археологи Нинся-Хуэйского автономного района выявили в горном массиве Хэланьшань тангутские крепостные сооружения и наблюдательные вышки³¹, а также, возможно, фрагменты длинных стен Си Ся, перестроенных в минское время³². К сожалению, в доступных китайских источниках данные о наличии археологических памятников Си Ся по северному рубежу Ганьсуского коридора западнее реки Эдзин-гол на сегодняшний день отсутствуют (см. далее наше предположение о тангутской атрибуции ряда фортификационных сооружений так называемой «пограничной линии в Хэси»).

Таким образом, вопрос о прохождении северной границы Си Ся и обустройстве северных пограничных земель оставался совершенно не изученным до тех пор, пока в 2005, 2007 и 2009 гг. автор настоящей статьи и Д. Эрдэнэбаатар не провели археологические исследования древних укреплений, расположенных на юге Южногобийского аймака Монголии. Результаты этих изысканий, изложенные в ряде статей, изданных в России, Монголии и Китае³³, показывают, что *тангутское государство включало в свои пределы южную часть современной Монголии и накануне нашествия Чингис-хана построило здесь пограничную линию длиной около 800 км, включающую длинную стену, укрепленные войсковые лагеря, наблюдательные и сигнальные вышки. Северные пограничные земли Си Ся были заселены скотоводами, соорудившими для своей защиты каменные крепости-убежища. Исходя из открытий*

²⁷ Чжунго вэньу дитуцзи 2003. Т. 2, с. 56–75, 615–642.

²⁸ Чжунго вэньу дитуцзи 2003. Т. 2, с. 615.

²⁹ Чжунго вэньу дитуцзи 2003. Т. 2, с. 631; Ду Юйбин 1998, с. 377.

³⁰ Нэймэнгу цзычжицю 2011, с. 40, 48–51.

³¹ Стой Чэн, Ван И-мин 1986; Нью Да-шэн 2007, с. 120–121.

³² Ду Юй-бин 1998, с. 377.

³³ Кэвалёфу, Эрдэнэбатаэр 2008; Ковалев 2008; Ковалев, Эрдэнэбатаар 2010; Kovalev, Erdenebaatar 2010; Кэвалёфу 2011.

нашей экспедиции в Монголии, весьма вероятно, что к западу от р. Эдзин-гол северная граница Си Ся проходила по линии древних ханьских укреплений, дополненных в тангутское время конструкциями из дерева и камыша.

Укрепленная пограничная линия («Вал Чингис-хана» и связанные с ним сооружения). Так называемый «Вал Чингис-хана» отображен с большой точностью на российских и монгольских картах масштаба 1:500000 и 1:100000. Подробное описание и картографические материалы, касающиеся расположения стен, приведены в книге монгольского географа академика Т. Баасана³⁴. Судя по его исследованиям, данным российских карт, нашим полевым наблюдениям и данным системы Google Earth, эта стена начинается на западе в точке с координатами 42° 10.411' с.ш. и 102° 24.851' в.д. севернее горы Алаг уул, по вершине которой проходит граница Монголии и Китая, идет на восток по территориям сомонов Ноён, Баяндалай, Хурмэн вдоль границы до местности Шивээ хатавч, поворачивает на северо-восток в точке 42° 09' с.ш. и 102° 57' в.д., проходит через гору Хэрэм ундур уул, идет на северо-восток до горы Улаан дэл уул (примерно 42° 29' с.ш. и 103° 56' в.д.), здесь поворачивает на восток, входит на территорию Номгон сомона и идет на восток-юго-восток по южной границе пустыни Бордзонгийн говь, затем примерно в точке 42° 11' с.ш. и 105° 42' в.д. поворачивает на юго-восток и входит на китайскую территорию в пункте Талын шарга овоо (41° 59.133' с.ш. и 105° 52.559' в.д.). По подсчетам Т. Баасана, длина стены на территории Монголии составляет не менее 315 км.

К сожалению, до нашей экспедиции в Монголии ни один археолог не обследовал эту стену, хотя в 1957 г. академик Х. Пэрлээ и осматривал это сооружение в Номгон сомоне. Х. Пэрлээ ошибочно представлял, что «Их хэрэм» («Великая стена») тянется от оз. Баркуль на восток до Внутренней Монголии. В статье 1962 г. он упоминает якобы связанные с этой стеной крепости на территории Номгон сомона: Ганц модны хэрэм, Сайн усны хэрэм, Байшинт хэрэм (их он, видимо, не посещал), а также дает план и описание городища Шар толгойн хэрэм, осмотренного им близ 5-й бригады Номгон сомона под горами Шивээт уул³⁵. Некоторые из городищ, упоминаемых Х. Пэрлээ, оказались возможным локализовать на местности в ходе наших разведок.

Первый вопрос, который был поставлен перед нами: как южная стена на территории Монголии связана со стенами, прослеженными на территории Внутренней Монголии? В Китае по этому поводу существует два мнения. Как известно, во Внутренней Монголии были прослежены два параллельных отрезка длинных стен, идущих к монгольской границе считается, что это якобы северный и южный «отрезки» «внешних укреплений» западноханьского времени. Они проходят по землям хошунов Урад-хоуци, Урад-чжунци и Дархан-Муминьган-ци³⁶. В 1977 г. была опубликована статья Тан Сяо-фэна, в которой указывалось, что именно северный отрезок имеет своим продолжением на

³⁴ Баасан 2006, с. 32, рис. 22.

³⁵ Пэрлээ 2001, с. 273.

³⁶ Чжунго вэньу дигуци 2003. Т, с. 132–133, 268–269, 272–273.

территории Монголии вышеуказанный «Вал Чингис-хана», а южный отрезок оканчивается в районе китайско-монгольской границы³⁷. Таким же образом стены были представлены и в статьях Чжэн Шао-цзуна 1980 г.³⁸ и Оу Янь 1987 г.³⁹. Однако в 1980 г. появилась статья Гай Шань-линя и Лу Сы-сяня, где на основании «сообщения местных пастухов» утверждалось, что северный отрезок от монголо-китайской границы уходит в Монголию на север или северо-запад «до Алтайских гор». Южный отрезок, по мнению этих исследователей, продолжается по территории Монголии на запад до соединения с внешними укреплениями на оз. Цзюйянь (Гашун-нур), т.е. «Вал Чингис-хана», который мы исследовали, якобы является продолжением именно южного отрезка!⁴⁰ Это сообщение было воспроизведено в сборнике статей международной конференции по длинным стенам⁴¹. В обобщающей статье Ли И-ю 2001 г. вновь говорится, что южный отрезок якобы входит на территорию Монголии и идет на запад почти до оз. Гашун-нур, а северный отрезок будто бы проходит от китайско-монгольской границы на север и оканчивается у хребта Гобийский Алтай в районе центра Номгон сомона⁴².

Проведенное нами исследование космических снимков пограничья Монголии и Китая, размещенных на сайте системы Google Earth, показало, что китайские археологи совершили принципиальную ошибку. На самом деле «южный отрезок» вообще не заходит на территорию Монголии, а «северный отрезок» идет от монголо-китайской границы не на север, а на запад. Монгольский «Вал Чингис-хана» пересекает китайскую границу в точке с координатами 41°59.133' с.ш. и 105°52.559' в.д. и является продолжением северного отрезка. Южный отрезок имеет своим крайним пределом на западе точку с координатами 41° 47.439' с.ш. и 105° 57.165' в.д., что находится на территории Китая примерно в семи километрах к северо-западу от раскопанной крепости Чаолу-кулунь⁴³ (координаты — 41° 44.021' с.ш., 105° 59.574' в.д.).

Нашей экспедицией «Вал Чингис-хана» был обследован на трех участках. В 2005 г. — на территории сомонов Баяндалай и Хурмэн от точки 42° 11' с.ш., 102° 45' в.д. до точки 42° 14.3' с.ш., 103° 17.8' в.д. Стена, как уже было отмечено китайскими исследователями по наблюдениям во Внутренней Монголии, сложена в гористой местности из камня, а на равнине частично из саксаула (*Haloxylon ammodendron*), слои которого перемежаются со слоями земли. В районе 42° 11' с.ш., 102° 45' в.д. стена, сложенная из камня, достигает высоты 3 м, а в районе 42° 12' с.ш., 103° 08' в.д. стена, сложенная из слоев саксаула и земли, превышает по высоте 2,5 м. В остальных местах высота стены не превышает 1 м. Ширина стены около 3 м, с обеих сторон прослеживаются неглубокие рвы шириной по 3 м. В 2007 и 2009 гг. экспедиция исследо-

³⁷ Тан Сяо-фэн 1977, с. 18–21, рис. 5.

³⁸ Чжэн Шао-цзун 1981, рис. 2.

³⁹ Оу Янь 1987, 13 (карта).

⁴⁰ Гэ Шань-линь, Лу Сы-сянь 1984.

⁴¹ Чжан Цай-фан, Ван Чуань 1995, с. 107; Чжао Хуа-чэн 1995, с. 246–247.

⁴² Ли И-ю 2001, с. 23–26, рис. 2.

⁴³ Гэ Шань-линь, Лу Сы-сянь 1981.

вала длинную стену на территории Номгон сомона на участке от $42^{\circ} 01.478'$ с.ш., $104^{\circ} 15.135'$ в.д. до $42^{\circ} 01.700'$ с.ш., $105^{\circ} 49.190'$ в.д., почти до пересечения с современной монголо-китайской границей. Длинная стена на этом отрезке имеет высоту около 0,5–1 м и ширину до 3 м, и с двух сторон заметны рвы шириной до 2 м и глубиной до 1 м. Сложена в основном из земли, иногда виден саксаул, использовавшийся для укрепления конструкции.

Судя по описаниям китайских археологов, далее на восток стена имеет такие же параметры, представляя собой земляной вал шириной 3–6 м и высотой 0,5–3 м, иногда наращенный каменной наброской; она проходит еще 527 км по северным землям хошунов Урад-хоуци, Урад-чжунци, Дархан-Муминьганьци Внутренней Монголии, оставляя с юга г. Баян-Обо и поворачивая затем на юго-восток, достигает северной границы уезда Учунань, где смыкается с длинной стеной чжурчжэньского царства Цзинь⁴⁴.

На территории сомонов Баяндалай, Хурмэн и Номгон нашей экспедицией были обследованы шесть находящиеся к югу от стены городищ, обнесенных земляными стенами: крепости № 3, 4, 5, 9, 11, 12; кроме того, крепости № 1, 2, 6–8, 10 были выявлены мной по спутниковым снимкам Google Earth. На территории Внутренней Монголии аналогичные сооружения под № 13–17 также были учтены мной только по снимкам Google Earth. Все эти крепости находятся в непосредственной близости от «Вала Чингис-хана», к югу от него, в большинстве не далее 500 м от длинной стены; в плане они почти квадратные, ориентированы в большинстве углами по странам света, снаружи земляного вала проходит ров, в восточной или южной стене имеется проем для ворот без дополнительного защитного сооружения. В стены крепости № 3 (Хэрэм ундэр) были вертикально воткнуты деревянные (тополевые) колышки диаметром в среднем около 2 см, от которых сохранились нижние части. На территории крепости были обнаружены нижние части двух заостренных тополевых колов диаметром около 15 см, вкопанных в землю на глубину около 0,7 м. Крепость № 10 в вышеуказанной статье описана Х. Пэрлээ под названием «Шар толгойн хэрэм»; крепость № 8, видимо, упомянута Х. Пэрлээ под названием «Байшинт хэрэм», крепость № 11 — под названием «Ганц модны хэрэм»

Сооружения, близкие к «Валу Чингис-хана», отображены на рис. 1 и 2 в соответствии с нумерацией в тексте статьи. Очевидно, что все они составляют одну систему оборонительных сооружений с длинной стеной. В эту же систему входят обследованные нашей экспедицией башни и сторожевые вышки. Сторожевые или сигнальные вышки представляют собой каменные насыпи либо площадки на скальных уступах, окруженные стенками, сложенными небрежной каменной кладкой. Форты сложены аккуратной кладкой всухую и имеют в плане либо овальную, как форт № 4 (Шивээ хатавч) и № 6, либо квадратную, как форт № 8 (Ваарны шивээ), форму размерами до 20×20 м. Как особенности конструкции фортов могут быть отмечены пандус (№ 4) и донжон (№ 8). С помощью системы Google Earth выявлен «овальный»

⁴⁴ Ли И-ю 2001, с. 24.

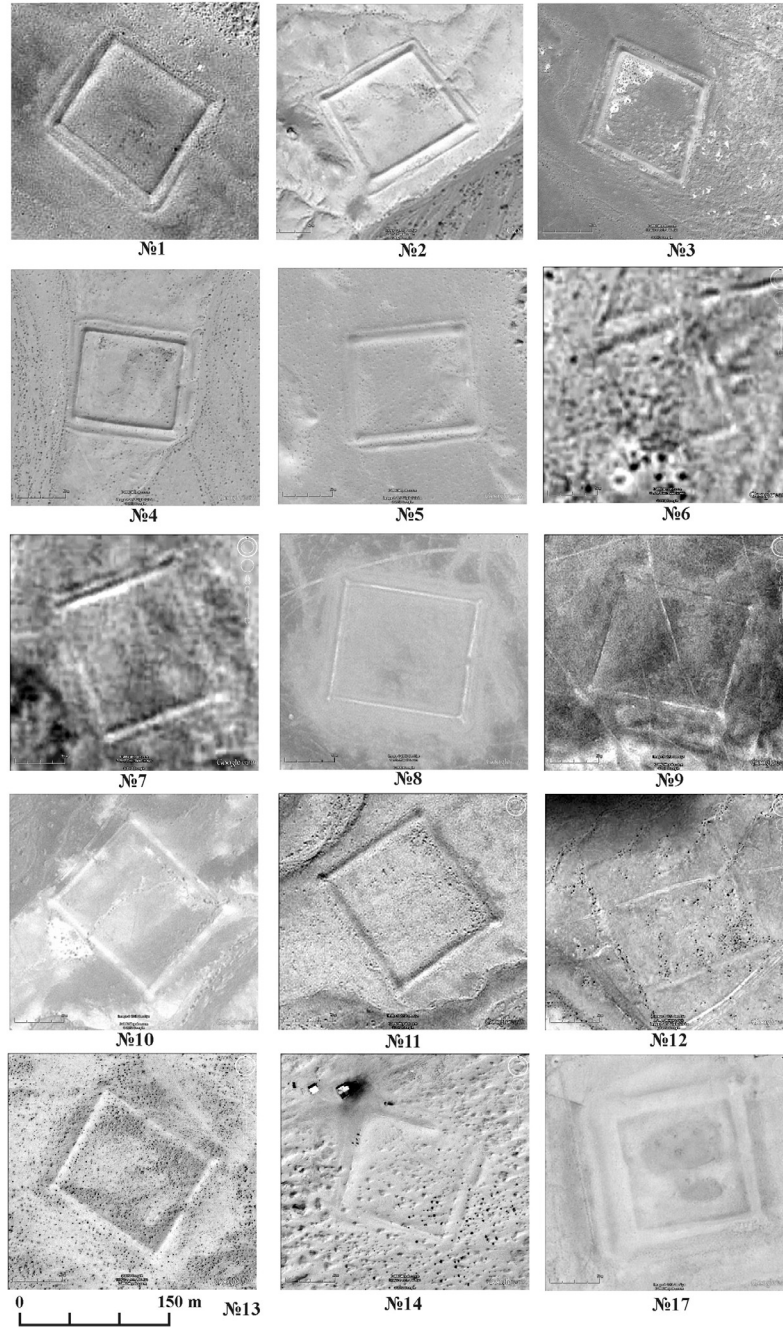

Рис. 2.
Крепости пограничной линии Си Ся

форт № 1, здесь же просматривается и форт № 9 Таланьбайсин (Талиньбайсин), сведения о котором опубликованы китайскими учеными⁴⁵. Форт № 9 представляет собой подквадратную с закругленными углами в плане башню с дверным проемом, половину периметра которой огибает дополнительная более низкая стена, образующая внешний двор.

Для радиоуглеродного анализа в ходе экспедиции 2005 г. в Хурмэн сомоне были взяты образцы дерева из отдельных сооружений. Все эти образцы были исследованы в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (табл. 1).

Таблица 1

Радиоуглеродные датировки сооружений Гобийской укрепленной линии (по данным радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН)

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), AD	Интервал калиброванного возраста (95,4%), AD
Крепость Хэрэм ундур (№ 3), коновязь (?)	Le-7515	тополь	1135±20	890–905 915–960	880–990
Крепость Хэрэм ундур (№ 3), колышки из стены	Le-7985	тополь	780±30	1220–1270	1210–1285
Форт Шивээ хатавч (№ 4), шурф, штык 3	Le-7986	дерево	820±30	1185–1265	1050–1080 1150–1280
Длинная стена в 4 км к западу от Шивээ хатавч	Le-7984	саксаул	770±16	1225–1235 1240–1275	1220–1275
Длинная стена около крепости Байшинт (№ 4)	Le-7982	саксаул	690±16	1275–1295	1270–1300 1360–1390
Длинная стена около крепости Байшинт (№ 4)	Le-7983	саксаул	610±20	1300–1325 1340–1365 1380–1400	1290–1400
Длинная стена около крепости Хараа шивээ (№ 5)	Le-7980	саксаул	620±25	1295–1325 1345–1370 1375–1395	1290–1400
Длинная стена около крепости Хараа шивээ (№ 5)	Le-7981	саксаул	605±25	1305–1330 1335–1365 1380–1400	1290–1410

⁴⁵ Чжунго вэньу дигуци... 2003. Т. 2, с. 634; Нэймэнгу цзычжицю... 2011, с. 48.

Исходя из данных исследования, при всей возможной неточности радиоуглеродного датирования, оборонительные сооружения «Вала Чингис-хана» должны быть отнесены к средневековью. При этом обращает внимание разделение полученных восьми дат на две группы. К первой (Ле-7515, Ле-7984, Ле-7985, Ле-7986) относятся определения возраста коновязи (?) и колышков из крепости Хэрэм ундур, остатков дерева из нижнего слоя форта Шивээ хатавч, а также ствола саксаула из длинной стены в 4 км западнее прохода Шивээ хатавч; все образцы здесь дали даты с X по конец XIII в. По четырем образцам из второй группы — саксаулу из длинной стены близ двух вновь открытых нами крепостей в районе гор Хара шивэний хэц 12–20 км восточнее Шивээ хатавч были получены четыре даты (Ле-7980, Ле-7981, Ле-7982, Ле-7983), полностью укладывающиеся в XIV в. Расхождение между двумя группами никак не может быть объяснено исходя из периода жизни исследованного растения — в основном гобийского саксаула (*Haloxylon ammodendron*), который составляет около 50 лет.

За указанный период Южная Гоби и Алашань неоднократно переходили из рук в руки. С XI в. какая-то часть этих территорий входила в состав тангутского государства Си Ся, какая-то находилась под властью монгольских племен. В начале XIII в. эти земли были завоеваны Чингис-ханом, затем вошли в состав Юаньской империи, после падения династии Юань в Китае в 60-х годах XIV в. они остались под юрисдикцией Чингисидов, однако превратились в арену постоянных военных столкновений между войсками династии Мин и монголами. Т. Баасан считает стену сооружением Угэдэй-хана⁴⁶, построенным якобы для целей охоты на дзеренов, однако это предположение следует считать беспочвенным: планировка укрепленной линии ясно показывает, что она сооружалась для защиты от нападений с севера. Монгольским правителям Китая в XIII–XIV вв. не было никакого смысла строить такую заградительную линию. Эту линию не мог соорудить и Ван-хан, который владел землями на север от стены. Таким образом, «Вал Чингис-хана» мог быть построен либо тангутами для защиты от монголов, либо после падения юаньской династии — в этом случае его соорудили как передовую линию обороны от монголов правители династии Мин.

С точки зрения естественнонаучной корректности и применимости данных анализа обеих групп образцов будет уместным вспомнить, что пустыня Гоби в XX в. подверглась массивному воздействию наземных и воздушных ядерных (с 1967 г. — термоядерных) взрывов, проводимых Китаем на полигоне Лоб-нор с 1964 по 1980 г. За это время там были проведены 23 атмосферных испытания общей мощностью 20 920 килотонн (что в три раза больше суммарного энерговыделения наземных взрывов СССР на Семипалатинском полигоне)⁴⁷. Последствия загрязнения при взрыве радиоактивными веществами образцов для радиоуглеродного анализа оценить достаточно сложно. Они зависят как от характера соответствующего ядерного устройства, так

⁴⁶ Баасан 2006, с. 39–43.

⁴⁷ Ядерное разоружение 2001, раздел 2–1

и от атмосферных условий в день испытаний и последующий период. Детальных исследований характера радиоактивного загрязнения территории Монголии пока не проводилось. Однако в любом случае наибольшему воздействию продуктов радиоактивного распада должны были подвергаться объекты, находившиеся в 1964–1980 гг. на поверхности земли. Известно, что использование в хронометрии космогенных нуклидов может затрудняться нуклеогенным вкладом в исследуемый изотоп; такое воздействие исследовалось на примере ядерных реакций в радиоактивных природных примесях⁴⁸, но последствия попадания радиоактивного вещества на поверхность мертвого дерева или иного органического образца не были предметом изучения. Однако можно предложить следующую модель. Выделяющиеся при ядерном взрыве продукты деления представляют собой сложную смесь более чем 200 радиоактивных изотопов 36 элементов (от цинка до гадолиния). Среди них с атмосферными осадками выпадает большое количество долгоживущих нуклидов ^{90}Sr , ^{137}Cs . Кроме того, в нижней части атмосферы, особенно после термоядерного взрыва, распространяются (и выпадают вместе с осадками) радионуклиды наведенной активности тяжелее воздуха (^{28}Al , ^{24}Na , ^{56}Mn , ^{59}Fe , ^{60}Co и др.), а также оставшиеся неразделившимися радиоактивные атомы урана и плутония⁴⁹. При дальнейшем распаде этих радиоактивных изотопов, попавших на поверхность какого-либо органического объекта, выделяются нейтроны, при воздействии которых содержащиеся в органике атомы азота ^{14}N теоретически могут преобразоваться в радиоактивный изотоп углерода ^{14}C . Таким образом, процентное содержание изотопа ^{14}C в датированном образце должно увеличиваться, что приводит к омоложению даты.

Воздействию выпадающих после термоядерного взрыва радионуклидов должны были в наибольшей степени подвергнуться образцы второй группы, давшие поздние даты, в пределах XIV в.: все они были отобраны из верхних слоев дерева «длинной стены» на высоте около 1–2 м от уровня современной поверхности. Образцы первой («ранней») группы должны были в указанный период находиться под землей: от вкопанных посреди крепости-лагеря Хэрэм ундэр двух столбов — «коновязей» сохранились только нижние части (Ле-7515), то же самое можно сказать и об остатках деревянных колышков из стены этой крепости (Ле-7985), дерево из форта Шивээ Хатавч извлечено из шурфа с глубины около 1 м (Ле-7986), а взятый для анализа (Ле-7984) ствол саксаула из длинной стены западнее Шивээ хатавч лежал в наносной глине практически на уровне современной поверхности: в этом месте стена была сильно разрушена или недостроена. Таким образом, радиоуглеродные даты второй группы, указывающие на постройку оборонительной линии в позднее — минское — время, вряд ли могут быть опорой для датирования. Более вероятным оказывается сооружение стены и крепостей тангутами в период войн с армиями Чингис-хана, тем более что в эпоху Мин китайское правительство не контролировало эти земли и не могло построить стену длиной

⁴⁸ Вагнер 2006, с. 136.

⁴⁹ Василенко и др. 1996.

более 800 км. Несколько раз минские войска проходили на территорию Монголии, нападали на монгольские гарнизоны и кочевья, но ни разу не задерживались там. В ходе этих военных походов войска династии Мин выступали с территории современных провинций Ганьсу и Шэньси, проходили через Алашань, потом вторгались на территорию нынешнего Южногобийского аймака и возвращались обратно⁵⁰.

Могла ли быть рассматриваемая укрепленная линия построена в ханьское время (II в. до н.э. — II в. н.э.), а затем лишь использована (достроена) в XI–XIII вв.? Как уже говорилось, китайские ученые относят все оборонительные сооружения так называемых «внешних укреплений» к периоду Западной Хань, в том числе и «северный отрезок» («Вал Чингис-хана»), и «южный отрезок», идущий параллельно первому валу на расстоянии от двух до 40 км от него; все эти «внешние укрепления» атрибутируются как «укрепления гуанлу», построенные в 102 г. до н.э.⁵¹ По данным «Ши цзи», по приказу ханьского императора У-ди в 102 г. до н.э. гуанлу Сюй Чживэй построил оборонительную линию длиной «тысячу с лишним» ли на запад от северной границы округа Уюань вплоть до загадочного места под названием «Луцзюй» (видимо, транскрипция хуннского топонима, как о том трактуют комментарии «Цзицзе» и «Соинь»)⁵². «Хань шу» позволяет уточнить расположение «внешних укреплений гуанлу». На территории уезда Гуян ханьского округа Уюань, по данным «Дили чжи», «при выходе на север из [укрепления] Шимэнчжан [расположена крепость] Гуанлүчэн, далее на северо-запад — [крепость] Чжицзючэн, далее на северо-запад — [крепость] Тоуманьчэн, далее на северо-запад — [крепость] Хухэчэн, далее на запад — [крепость] Сулүчэн»⁵³. В переводе М.Е. Ермакова⁵⁴ дано: «за поселением Шимэнчжан», однако в данном случае, видимо, необходимо следовать другому значению иероглифа «чжан» — «преграда»⁵⁵; вероятно, имеется в виду участок основной оборонительной линии («сай»). Танский трактат «Ко ди чжи» констатирует: «Это и есть линия укреплений и наблюдательных вышек вплоть до Луцзюй»⁵⁶. Исходя из этих сведений, внешние укрепления гуанлу должны иметь длину около 500 км, пролегать в северо-западном и далее в западном направлении, начинаясь от основной оборонительной линии ханьского времени на севере тогдашнего уезда Гуян. Этому описанию полностью соответствует именно южный отрезок внешних стен, зафиксированный китайскими археологами почти на всем своем протяжении по территории Китая. Начинаясь в нескольких километрах севернее «основной» ханьской стены в современном уезде Учюань, этот вал идет строго

⁵⁰ Подробный обзор этих походов на основании данных цз. 126, 129, 155, 171, 327 «Мин ши», «Мин Тай-цзу шилу» в оригинале и в изложении Д.Д. Покотилова (Покотилев 1893) и В. Франке (Francke 1949) представлен в работе: Ковалев 2008, с. 107–110.

⁵¹ Ли И-ю 2001, с. 23–26.

⁵² Сыма Цянь 1996, с. 2916; см.: Таскин 1968, с. 60.

⁵³ Бань Гу 199, с. 1620.

⁵⁴ Географический трактат... 2002, с. 72.

⁵⁵ Гу ханью да цыдянь 2002, с. 540.

⁵⁶ Цит. по: Сыма Цянь 1996, с. 2916, прим. 3.

на северо-запад вдоль границы уезда Гуюань, затем на северо-северо-запад по южной части хошуна Дархан-Муминьган-ци, а затем на запад по территориям хошунов Урад-чжунци и Урад-хоуци, имея общую длину на территории Внутренней Монголии, как пишет Ли И-ю, 498 км⁵⁷. О постройке второй линии «внешних» укреплений в ханьское время письменные источники не сообщают.

С «южным» отрезком планиграфически можно связать ряд крепостей⁵⁸, на одной из которых, Чаолукулунь (китайская транскрипция монгольского названия «каменная крепость» — Чулун хэрэм), в Ульдзий сомоне хошуна Урад-хоуци, в 1975 г. были проведены раскопки⁵⁹ (рис. 3, 1). Результаты исследования культурного слоя этой каменной крепости, расположенной всего лишь в 450 м к юго-востоку от «южной» длинной стены, показали, что сооружение относится к ханьскому времени. Здесь были обнаружены фрагменты характерных только для Западной Хань⁶⁰ черепичных дисков с круговой надписью «тянь цю вань суй» («тысячу осеней, десять тысяч лет»), монета «у-чжу», бронзовые наконечники арбалетных стрел с железными черешками, фрагменты железных пластин от доспехов.

С помощью системы Google Earth автору настоящей статьи удалось выявить 24 крепости, построенные непосредственно у «южного отрезка» внешних укреплений (на расстоянии 50–500 м к югу от стены); некоторые из них учтены в атласе культурного наследия Внутренней Монголии (см. выше), некоторые обнаружены впервые (рис. 1). Из этих 24 крепостей 22 (!) построены по единому образцу, подобно крепости Чаолукулунь, однозначно относящейся к ханьской эпохе: они квадратные, имеют размеры в плане около 150×150 м, ориентированы сторонами по странам света с отклонением не более 15° и обязательно имеют барбакан («вэнчэн») в форме полукруглой стены, защищающей ворота (рис. 3, 1–10). Из оставшихся двух одна крепость просто не сохранилась (виден только северо-западный угол), а вторая представляет собой сооружение особой формы — пристроенную к длинной стене прямоугольную ограду с башней в центре. Полукруглый или скобообразный «вэнчэн» имеют многие крепости, относящиеся к ханьской пограничной укрепленной линии на севере и северо-западе⁶¹, в том числе крепости Цзилу и Дабатугоу (рис. 3, 11, 12). А вот крепостные сооружения, планиграфически связанные с «северным отрезком» («Валом Чингис-хана»), никогда не имеют «вэнчэна» и зачастую ориентированы углами по странам света (рис. 2). Кроме того, «южный отрезок» снабжен наблюдательными вышками, расположенными между крепостями с юга от стены на небольшом расстоянии от нее. Такая регулярность нехарактерна для «северного отрезка». В то же время для ханьской архитектуры необычна овальная форма относящихся к «северному отрезку» фортов типа № 1, 4, 6, 9.

⁵⁷ Ли И-ю 2001, с. 24–25.

⁵⁸ Ли И-ю 2001, с. 24–25; Чжунго вэнью дитуцзи... 2003. Т. 1, с. 124, 130, 132, 268, 272.

⁵⁹ Гэ Шань-линь, Лу Сы-сянь 1981.

⁶⁰ Шэнь Юнь-янь 2006, с. 94–96.

⁶¹ Чжунго гудай цзяньчжу ши 2003, с. 505; Чжунго каогусюэ... 2010, с. 297.

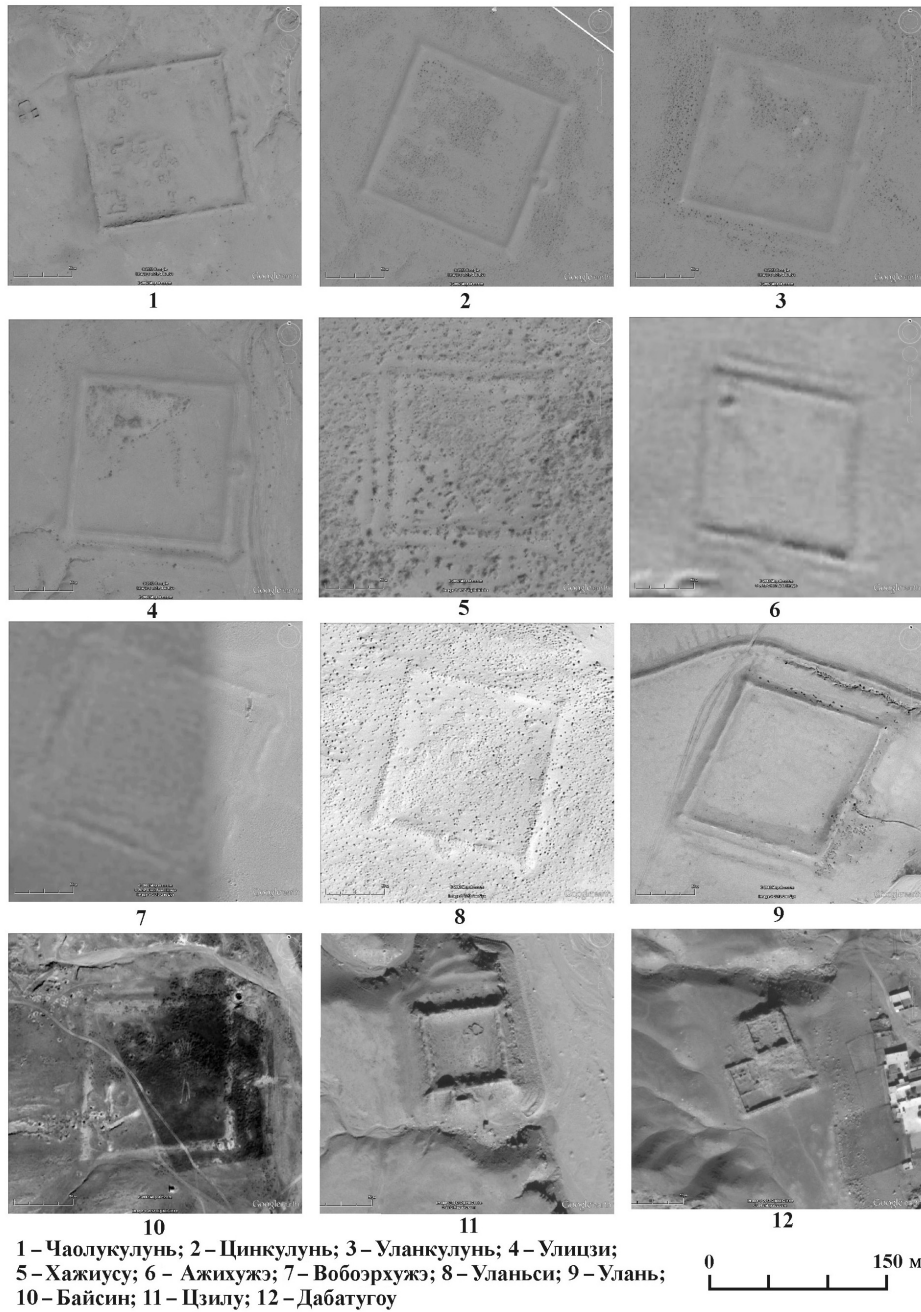

Рис. 3.
Крепости периода Западная Хань

Таким образом, совокупность данных о «северном» и «южном» отрезках «внешних укреплений» говорит о одновременности их постройки. «Южный» отрезок вместе с прилегающими крепостями и наблюдательными вышками создавался в ханьское время и представляет собой так называемую «пограничную линию гуанлу», строительство которой началось в 102 г. до н.э. «Северный» отрезок вместе с прилегающими крепостями, фортами, наблюдательными и сигнальными вышками был построен государством Си Ся.

О присутствии тангутов на «внешних укреплениях» говорят и находки тангутской керамики. Фрагменты светлой керамики с черной глазурью обнаружены нашей экспедицией на крепости-убежище тангутского времени Булак в Хурмэн сомоне (см. ниже) и в форте Ваарны шивэ (№ 8) в Номгон сомоне (см. выше) Южногобийского аймака (рис. 1, № 4, 5). Фрагменты тангутских сосудов найдены на древних сооружениях в хошуне Урат-хоуци⁶². Во-первых, они имеются в ханьских крепостях, относящихся к «укрепленной линии гуанлу»: Чаолукулунь, Уланькулунь, Хажуису (рис. 1, № 6–8, рис. 3, 1, 3, 5). Во-вторых, тангутская керамика также была обнаружена на трех городищах с земляными стенами, которые, по данным атласа культурного наследия Внутренней Монголии, протянулись цепочкой от ханьской крепости Хажуису на юго-запад: крепость Хунци (в плане почти квадратная 108×110 м, с восточной стороны проем шириной 7 м, стены шириной 2 м), крепость Уланьхушу (в плане квадратная 120×120 м, по четырем углам возвышения-выступы, стены шириной 3,5 м, с восточной стороны проем шириной 6 м), крепость Цаганьэжигэ (точно такой же формы и размеров, как и Уланьхушу) (рис. 1: № 9–11). Эти крепости, по нашему мнению, могли быть построены как в ханьское, так и в тангутское время. На территории хошуна Урад-чжунци тангутская керамика, по данным того же атласа, найдена на земляной крепости Ажихудугэ (в плане квадратная 54×54 м, по углам возвышения-выступы, стены шириной 3 м, в южной стене проем шириной 6,2 м); крепость находится примерно в 10 км к югу от «северной», тангутской стены (рис. 1, № 12); авторы атласа относят крепость к государству Си Ся⁶³. В городском округе Баян-Нур, у подножия гор Ланшань, тангутская керамика наряду с западноханьскими артефактами, как сообщается, найдена на несомненно ханьских крепостях Цзилу, Будумаодэгоу и Дабатугоу (рис. 1, № 13–15, рис. 3, 11, 12)⁶⁴.

На территории хошуна Алашань-юци тангутская керамика обнаружена на фортах Таланьбайсин (см. выше, форт № 9), Уланьбайсин (в плане квадратный 20×20 м, каменные стены толщиной 1,2 м, высотой 1 м, в южной стене проем шириной 2,8 м, в северо-западном углу квадратный 5×5 м в плане донжон со стенами высотой 5 м с террасой шириной 1 м) и на крепости Ухайбулэ (в плане квадратная 200×200 м, с каменными стенами шириной 1,3 м, с южной стороны проем шириной 3 м)⁶⁵ (рис. 1, № 1–3). Все эти сооружения, на мой взгляд, могут быть отнесены к тангутскому времени.

⁶² Чжунго вэньу дитугци... 2003. Т. 2, с. 618–619.

⁶³ Чжунго вэньу дитугци... 2003. Т. 2, с. 626.

⁶⁴ Ху Янь-чунь, Ван Ин-цзэ 2007, с. 102–104.

⁶⁵ Чжунго вэньу дитугци... 2003. Т. 2, с. 634.

В северной части хошуна Алашань-юци китайскими исследователями открыты две линии сигнальных вышек, протянувшиеся через пустыню на юго-восток от района форта Таланьбайсин до северо-западной границы Алатэнаобао сомона⁶⁶. Линия Суньбужи насчитывает 10 вышек, расположенных на вершинах гор и скальных выступах примерно через 10 км одна от другой. Большинство из них, как сообщается, представляют каменные платформы, несколько — земляные насыпи диаметром 5–10 м и высотой 1,5–7 м. Северная часть линии — Ябулай, протянувшаяся южнее линии Суньбужи, насчитывает 13 вышек. Авторы-составители атласа культурного наследия Внутренней Монголии объединяют эти 13 вышек с линией, идущей от Ябулай сомона на северо-восток до Алатэнаобао сомона, однако это более чем сомнительно. Во-первых, «северный» и «южный» отрезки этой линии вышек протянуты в разных направлениях, имея «точку перелома» на востоке, в Алатэнаобао сомоне. Во-вторых, вышки на южной части размещены гораздо чаще — через 3 км, а не через 10, как на северной. Линии Суньбужи и Ябулай (северный отрезок) расположены вдоль древнего караванного пути от оз. Гашун-нур до административного центра Алашаньского аймака. По этому пути, в частности, проходила экспедиция П.К. Козлова в 1908 г., направляясь от Хара-Хото к горам Алашань (Хэланьшань)⁶⁷. В связи с этим уместно напомнить, что на сунской карте «Си Ся ди син ту» показан прямой путь от столицы тангутского государства до административного центра управления Хэйшуй чжэньянь, идущий через горы Хэланьшань и далее через пустыню севернее области Лянчжоу, т.е. современного уезда Минлэ провинции Ганьсу. Восемь географических названий, отмеченных вдоль этого пути, не атрибутированы до сих пор⁶⁸. Авторы атласа делают вывод об отнесении линий Суньбужи и Ябулай к ханьскому времени на основании находок на вышках обломков «серой керамики». Само по себе нахождение керамики на поверхности примитивной насыпи-вышки представляется почти невозможным; кроме того, «серая керамика» (кухонная посуда) может относиться не только к ханьскому периоду. На юго-восточной оконечности линии Суньбужи, около поселения Вэньдуэрмао (хошун Алашань-цзоци), находятся развалины башни Чжунхайэрхань, представляющие собой круглую стену диаметром 9 м, построенную из слоев сырцовых кирпичей и дерева и с юга имеющую проем с «вэнчэном» размерами 4,5×3,5 м⁶⁹. Это сооружение работники органов охраны памятников Алашаньского аймака относят, судя по особенностям его архитектуры, к тангутскому времени (ниже мы увидим, что к тому же времени необходимо относить все подобные постройки в Хэси). Таким образом, мы вправе предположить, что линии вышек вдоль древнего караванного пути от Хэланьшань до Хара-Хото были сооружены государством Си Ся; эти линии сигнальных вышек могли использоваться для связи с северным рубежом в единой цепи с аналогичными сооружениями по линии Таланьбайсин — Цагаан уулын хяр — Шивээ хатавч.

⁶⁶ Чжунго вэньу дигуци... 2003. Т. 1, с. 274–275. Т. 2, с. 633.

⁶⁷ Козлов 1948, с. 88–119

⁶⁸ Си Ся тун ши 2005, с. 677.

⁶⁹ Нэймэнгу цзычжицю... 2011, с. 49.

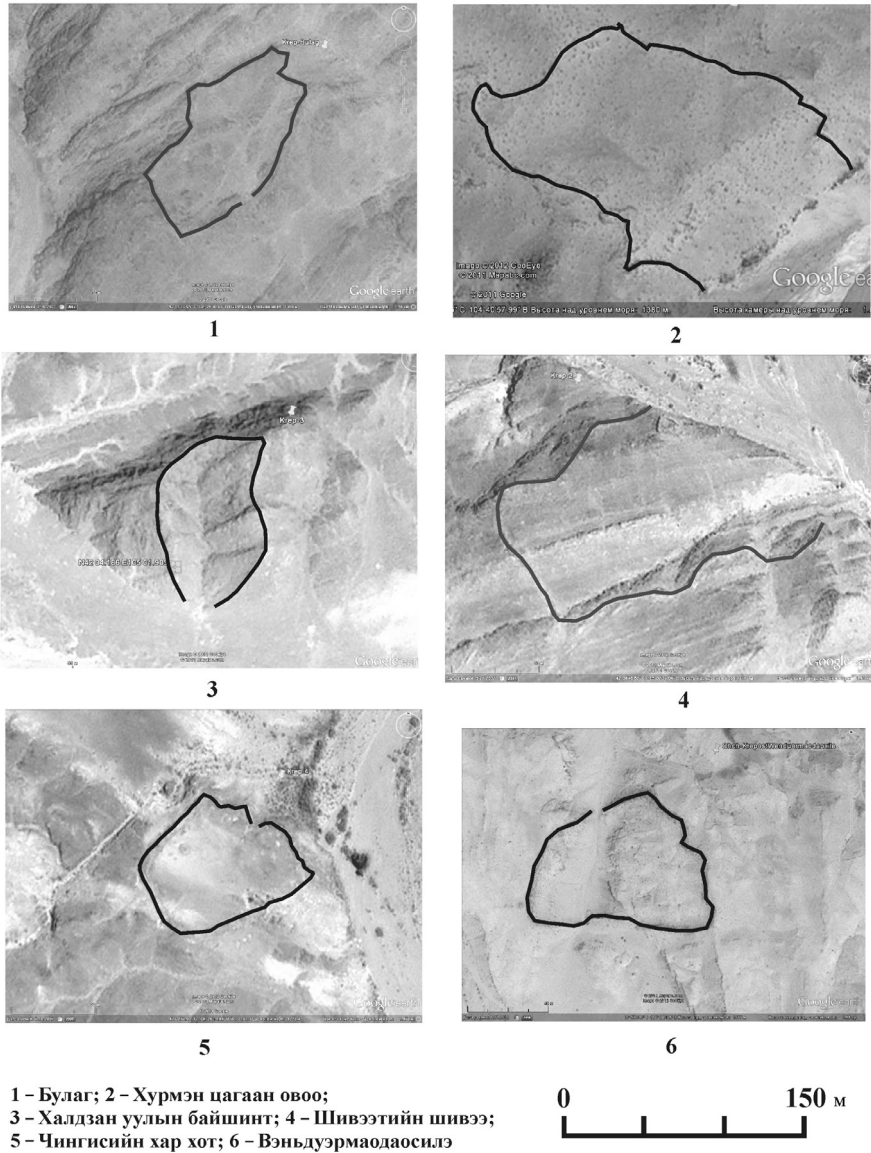

Рис. 4.
Тангутские крепости-убежища

О существовании укрепленной северной границы Си Ся свидетельствует в том числе не получившее пока удовлетворительной интерпретации сообщение «Юань ши» (из. 60): «На четвертом году [правления] Тай-цзу [1209 г.] от

прохода в заставах, [находящегося] севернее Хэйшуйчэна и западнее Улахая, вторглись в Хэси» (太祖四年由黑水城北兀刺海西關口入河西)⁷⁰. Учитывая взаиморасположение территории управления Хэйшуй (Хара-Хото) и крепости Улахай (на север от излучины Хуанхэ), только на основании этого сообщения можно было бы утверждать, что северо-западнее Хара-Хото, в горах на юге современной Монголии, находилась укрепленная пограничная линия тангутского государства, имевшая оборудованные проходы с заставами. Ст. 9 гл. 4 тангутских «Новых законов» («Законы года свиньи», 1214/15 г.), переведенная Е.И. Кычановым, утверждает, что к этому времени, накануне рокового монгольского нашествия, «на всех границах в глухих отдаленных местах имеются укрепления и сторожевые вышки, а у жителей — старшие и младшие направляющие»⁷¹. Археологические исследования подтверждают достоверность этих записей.

Крепости-убежища скотоводов на северных окраинах государства Си Ся. О заселении пограничных земель Си Ся скотоводческими общинами можно судить по косвенным данным «Кодекса девиза царствования Небесное процветание», перевод которого на русский язык был предпринят Е.И. Кычановым. Переход границы кочевниками-скотоводами был запрещен, в случае нападения чужеземцев пограничные войска были обязаны защищать жизнь и имущество скотоводов⁷². Однако до сего времени не было известно никаких материальных остатков жизни скотоводческого населения на границе с монгольскими племенами. В 50–70-х годах XX в. Х. Пэрлээ собрал многочисленные сведения о древних городищах на территории современной Монголии; по его данным, на юге Южнообийского аймака должно было находиться более десятка крепостных сооружений, известных местному населению⁷³. К сожалению, ни один исследователь не осматривал эти крепости, локализация которых Х. Пэрлээ, как выясняется, была проведена с максимально возможной точностью.

В ходе работ нашей экспедиции в 2007 и 2009 гг. нами были обнаружены и обследованы пять крепостей: Булаг (42° 11.275' с.ш., 104° 28.850' в.д.); Хурмэн цаган обоо (42° 27.970' с.ш., 104° 41.050' в.д.); Халдзан уулын байшинт (42° 04.200' с.ш., 105° 01.920' в.д.); Шивээтийн шивээ (42° 04.800' с.ш., 105° 07.620' в.д.); Чингис-ийн (Ундур хадны) хар хот (42° 02.880' с.ш., 104° 20.330' в.д.) (рис. 1, 4, 1–5), из которых как минимум последние три были известны информаторам Х. Пэрлээ и упоминаются в его своде. Несколько таких крепостей известны на китайской территории. Фотографии и описание крепостей Вэньдуэрмаодаосилэ (40° 57.400' с.ш., 104° 24.110' в.д.)⁷⁴ (рис. 4, 6) и Даулань (41° 14.150' с.ш., 109° 42.010' в.д.)⁷⁵ размером 1×1,5 км (!) опубликованы, они про-

⁷⁰ Юань ши 1976, с. 1452.

⁷¹ Кычанов в печати.

⁷² Измененный и заново утвержденный кодекс... 1987–1989, кн. 2, с. 120–121.

⁷³ Пэрлээ, Майдар 197, с. 30–32.

⁷⁴ Нэймэнгу цзычжиццо... 2011, с. 50.

⁷⁵ Гуян Цинь чанчэн... 200, с. 46–47.

сматриваются на спутниковых снимках Google Earth. Крепость Шиланьци размерами в плане 60×80 м, как сообщается, находится над горным проходом, идущим через горы Ланшань на южной границе хошуна Улатэ-чжунци, к северу от центра волости Шиланьци; опубликованы описание и фотографии без указания точных координат⁷⁶. Каждое из этих сооружений представляет собой сложенную кладкой всухую из плоских камней стену высотой до 2–3 м, идущую по гребню скал, огибающих со всех сторон крупную пологую расселину, ведущую на вершину горы. На краях расселины стена прерывается, образуя вход в укрепление. Стены крепостей с внутренней стороны имеют, как правило, галерею для стрелков, в кладке стен использованы стволы и ветви тополя. С внешней стороны иногда имеются полкруглые пристройки-ячейки.

Около крепостей Хурмэн цагаан обоо и Чингисийн хар хот выявлено не менее 18 занесенных песком кольцевидных и (реже) подквадратных каменных выкладок диаметром около 4–5 м, сложенных из плитняка и рваного камня в один ряд и один-два слоя, с разрывом с юго-восточной стороны, оформленным, как правило, двумя крупными камнями по сторонам. Вероятно, это остатки шатров-палаток скотоводов. На территории крепости Даулань, как сообщается, обнаружены пять выложенных из камня аналогичных стенок шириной 0,3 м, высотой 0,3–0,5 м, огораживающих площадки по 5–10 кв. м каждая: одну круглую, четыре квадратные. Кроме того, экспедиция Китайского народного университета, недавно осмотревшая развалины ханьской крепости Чаолукулунь на западной оконечности «укрепленной линии гуанлу», зафиксировала в пределах крепостных стен на поверхности около десятка кольцевидных и квадратных каменных структур с оформленным входом, точно таких же, как были обнаружены нами около крепостей Хурмэн цагаан овоо и Чингисийн хар хот (их фотографии опубликованы без масштаба)⁷⁷. Учитывая приведенные нами выше сведения о том, что верхний культурный слой на этом памятнике относится к тангутскому периоду, можно предполагать, что так же датируются и эти выкладки.

С целью определения дат сооружения каменных крепостей-убежищ нами для радиоуглеродного анализа в ходе экспедиций 2007 и 2009 гг. были взяты по два образца дерева из кладки стен трех памятников: Булак, Шивээтийн шивээ и Чингисийн хар хот. Все эти образцы были исследованы в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (табл. 2).

Как видно из табл. 2, даты всех образцов относят период сооружения крепостей к XII–XIII в., что подтверждает предположение об их отнесении к государству Си Ся.

Конструкция описанных выше каменных укреплений показывает, что они строились как временные убежища для людей и скота в момент вражеского набега. Самостоятельных источников воды и каких-либо стационарных конструкций для ее хранения здесь нет, отсутствует культурный слой, в то же время

⁷⁶ Ху Янь-чунь, Ван Ин-цзэ 2007, с. 104–105.

⁷⁷ Вэй Цзянь 2007, с. 221, табл. 9.

Таблица 2

Радиоуглеродные датировки крепостей-убежищ юга Монголии
(по данным радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН)

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), AD	Интервал калиброванного возраста (95,4%), AD
Крепость Булаг	Le-8049	тополь	840±35	1160–1225 1230–1240	1050–1080 1150–1270
Крепость Булаг	Le-8050	тополь	810±35	1213–1271	1162–1174 1180–1281
Крепость Шивээтийн шивээ	Le-8788	тополь	940±25	1030–1060 1080–1160	1020–1160
Крепость Шивээтийн шивээ	Le-8789	тополь	960±25	1020–1050 1080–1150	1020–1160
Крепость Чингисийн хар хот	Le-8942	тополь	915±15	1040–1090 1120–1160	1030–1170
Крепость Чингисийн хар хот	Le-8943	тополь	980±30	1010–1050 1090–1120 1130–1150	990–1160

обширная площадь сооружений и наличие широких пологих входов через расселины говорят о том, что на территорию крепостей предполагалось загонять большое количество скота. Прямых аналогий фортификациям этого типа обнаружить не удалось. Крепости с каменными стенами, идущими по гребню скалы, характерны для Верхнего Тибета; многие из них открыты и описаны в ходе экспедиций Дж. Туччи и Дж.В. Белеццы⁷⁸, однако ни одна из них не устроена вокруг расселины, чаще всего стены огибают вершину скалы. Более того, в Тибете не зафиксировано и использование дерева для укрепления каменной кладки.

Кольцевые и квадратные каменные структуры, в поперечнике имеющие размеры около 4 м, выявленные на памятниках Хурмэн цагаан овоо, Чингисийн хар хот, Даулань, Чаолукулунь, можно считать остатками временных жилищ типа шатров либо примитивных юрт на месте стоянок тангутских пастухов. Опыт «срочной археологии» номадов, предпринятый Р. Криббом в отношении современных кочевых племен Западной Азии, показывает, что именно такие конструкции остаются на поверхности земли на месте шатров и палаток кочевников⁷⁹. Исследованные среди других такие туркменские жилища, как примитивная палатка-юрта «чатма эв», собранная из прутьев, а также более близкая к классическому образцу юрта «топак эв» с решетками, имеют округлую форму и диаметр не более 3–4 м. Как сообщают источники, тангуты могли

⁷⁸ Belezza 2000, с. 19–44; Belezza 2008, с. 38–56.

⁷⁹ Cribb 1991, с. 85–212.

строить легкие временные хижины либо устанавливать юрты или палатки⁸⁰. При этом мы не знаем, какими именно были эти жилища, включая юрты, которые могли быть подобны и туркменским «топак эв».

Тангутские оборонительные конструкции из дерева и земли на северо-западной границе. В начале XX в. А. Стейн (М.А. Штайн) предпринял первые детальные исследования длинных стен, которые тянутся по северной стороне коридора Хэси от Юймэньгуань вплоть до реки Эдзин-гол⁸¹. В ходе раскопок сторожевых башен около этих стен Стейн обнаружил большое количество документов на бамбуковых планках и иных письменных источников эпохи Хань. Кроме того, в Дуньхуане были обнаружены географические сочинения эпохи Тан, повествующие об этих стенах: «Дуньхуан лу» 敦煌錄 (S.5448)⁸² и «Шачжоу дудуфу ту цзин» 沙州都督府圖經 (P.2005)⁸³. Подробное описание местоположения стен в этих сочинениях не оставляло сомнений, что ханьские стены проходили именно там, где и стены, осмотренные Стейном и ныне превращенные в объект туристского показа. Опираясь на доступные ему источники, Стейн датировал длинные стены в Хэси ханьским временем⁸⁴. Однако сегодня, спустя 100 лет, данные наших исследований длинных стен, проходящих по территории Монголии, позволяют предположить, что ханьские оборонительные валы на западе Ганьсу могли достраиваться стенами из дерева и тростника значительно позже — в XII — начале XIII в.; есть вероятность, что они использовались как пограничные укрепления государством Си Ся.

Как уже подробно было показано выше, исследованный нами в Монголии «Вал Чингис-хана», построенный государством Си Ся для защиты от монгольской экспансии, сложен в большей части из перемежающихся слоев земли и кустов саксаула, уложенных корнями наружу и сцепленных между собой ветвями внутри конструкции.

Этот же принцип (укладка перемежающихся слоев земли и дерева/тростника) использован при сооружении верхних ярусов длинной стены на участке вдоль р. Шулуэхэ по северной границе Ганьсуского коридора. Обращает на себя внимание, что только отдельные отрезки стены на западе Ганьсу укреплены таким образом. Правомерно будет выдвинуть предположение о достройке ханьской стены на западе Ганьсу тангутами.

На всем своем протяжении от излучины Хуанхэ до границы Синьцзяна ханьская «длинная стена в Хэси» представляет в основе широкий (более 6 м) ров, по обеим сторонам которого идут земляные валы. Один из валов более высокий. Этот принцип строительства прослежен как на востоке — в уездах Гулан, Юндэн, Шаньдань, городском округе Цзюцюань⁸⁵, так и на западе — в уезде Цзиньта, городских округах Юймэнь и Дуньхуан⁸⁶. Широкий ров вдоль

⁸⁰ Кычанов 1968, с. 67–68.

⁸¹ Stein 1921. Vol. 2, с. 568–790.

⁸² Giles 1914, с. 728.

⁸³ Хуан Ши-цзинь, Гун И-нянь 1998, с. 172.

⁸⁴ Stein 1921, с. 734–735

⁸⁵ У Жэн-сян 2005, с. 23–46, рис. 4, цв. табл. 1, 3, 4, 5, 7, 9, табл. 1, 2, 3.

⁸⁶ У Жэн-сян 2005, с. 56–57, 114–115, 123–124, рис. 37,42, табл. 45, 113

укрепленной линии в районе Дуньхуана хорошо виден на спутниковых снимках в системе Google Earth, причем по внешнему краю рва, там, где нет стены из тростника, виден просто земляной вал. Такой же вал, только пониже, выложен и по внутреннему краю рва. Поскольку восточная часть длинной стены в Ганьсуском коридоре находилась, без сомнения, в глубине территории Тан, Сун и Си Ся, можно уверенно утверждать, что здесь мы имеем ханьскую стену без последующих перестроек вплоть до минского времени. В этой восточной части никаких достроек валов и не произведено, кроме того что в уезде Шаньдань наружный вал был использован для постройки на нем «великой стены» позднейшей династии Мин⁸⁷. Почему же аналогичная достройка на поверхности ханьского вала или по краю рва на западе не могла быть проведена тангутами, которые могли дополнительно укрепить ханьскую оборонительную линию участками стен из хвороста и тростника?

Отрезки стен из слоев дерева и земли на ханьском земляном валу зафиксированы на протяжении пограничной линии Хэси от древней заставы Юймэньгуань до уезда Цзиньта⁸⁸. При этом на территории городского округа Дуньхуан они сложены из тростника и земли: тростник укладывался крест-накрест в несколько слоев, затем на нем устраивались клетки-кессоны из тростниковых связок толщиной около 20 см, заполненные внутри землей, сверху вновь выкладывалась тростниковая прослойка и т.д. Восточнее в устройстве верхней части стены начинает использоваться тополь и другие виды дерева. В уезде Аньси на земляной вал были вперемежку уложены слои земли, тополя, ивы, тростника. Стена в районе сторожевой башни А5 достроена следующим образом: внизу были уложены ивы кронами внутрь, а стволами наружу, на них устроены клетки из пучков ивы, заполненные внутри тростником, еще выше уложен слой земли. Далее вверх слои повторялись. Ту же самую конструкцию имеет верхняя часть длинной стены еще восточнее — в городском округе Юймэнь.

Очевидно, что при достройке стены использовались местные материалы, причем там, где было достаточно тростника, как в городском округе Дуньхуан, стена полностью строилась из него, а восточнее, в более засушливой местности, использовалась ива. Слой из деревьев ивы, уложенных с двух сторон ветками внутрь, имеет очень большую прочность, поскольку ветки ивы зацепляются одна за другую. Естественно, что при постройке стены в Гоби, там, где был только лишь саксаул, его использовали таким же образом, поэтому «Вал Чингис-хана» более всего похож на стену в уезде Аньси. Устраивать клетки из стволов саксаула или ивы было невозможно, поэтому стена держалась только за счет сцепления веток.

Среди сторожевых вышек, связанных с длинной стеной в Ганьсу, четко различаются постройки ханьского времени и сооружения, исполненные в совершенно других архитектурных традициях. Типичные ханьские вышки сложены из сырцовых кирпичей, кладка усилена очень тонкими слоями тростника. Наряду с этими монументальными сооружениями по линии длинной стены

⁸⁷ У Жэн-сян 2005, с. 36–37, рис. 6, цв. табл. 9.

⁸⁸ У Жэн-сян 2005, с. 48–131.

мы обнаруживаем сторожевые вышки, сложенные небрежно из слоев земли и ивы (тополя). В некоторых случаях вместо земли использованы набросанные камни. Это сторожевые вышки D6, D9, сооружения около вышек D20, D22, D26, D29, вышки D32, D36, D60, D65⁸⁹. Некоторые сооружения ханьского времени достраивались, видимо, гораздо позже, вероятно в то же время, когда был построен «вал из тростника и дерева», например дополнительная постройка у вышки D3, сверху достроенная с помощью стволов тополя и связок тростника, к ее стенам пристроены деревянные конструкции⁹⁰.

В соответствии с составленным в 1169 г. «Измененным и заново утвержденным кодексом царствования Небесное процветание», на государственных складах Си Ся хранилось огромное количество хвороста, причем в вязанках⁹¹. Хворост (ива?) и тростник должны были поставлять в управления транспорта соответствующей территории (ст. 1128: «Управление транспорта генерал-губернаторства в соответствии с законом должно получать со всех подведомственных ему хозяев податных дворов сено и хворост и создавать склады для его хранения»). Имелись и специальные склады тростника и камыша, о чем говорится в ст. 1226. Ст. 1231 упоминает «склады тростника и камыша в долине Рамбе уезда Динъюань». Хворост и камыш принимались только в вязанках, причем существовали строго определенные размеры каждой вязанки: «Хозяева... вместо хвороста... могут сдавать... камыш, тальник, [кустарник] муло (ива?) по одной вязанке размером в четыре чи (длиной. — А.К.) с каждых 15 му земли. Вязанки обоих вышеуказанных видов должны быть по пять цунь (толщиной. — А.К.) каждая, и нестандартные вязанки не должны приниматься» (ст. 1129). В империи Сун, по данным письменных источников, 1 чи был равен 31,2 см, а 1 цунь — 3,12 см, а по сохранившимся образцам 1 чи равнялся 31,4 — 31,7 см⁹². Стандартная длина вязанки, по сунским меркам, составляла примерно 1,25 м, а толщина — 15,5 см. Вязанки именно такого размера были найдены на сторожевой башне D17 в районе Дуньхуана⁹³. Каждый слой длинной стены в городском округе Дуньхуан сооружен из вязанок тростника (правда, большего размера), сложенных по две⁹⁴. Как пишет А. Стейн, вязанки здесь имели длину более 2 м, а толщину до 20 см⁹⁵.

Обращает на себя внимание, что об обязательном сборе вязанок хвороста и тростника (ст. 1128, 1129) говорится в том разделе «Кодекса...», который посвящен обслуживанию и ремонту оросительных каналов. Название этого раздела «Оросительные каналы» сохранилось в оглавлении⁹⁶; начальная страница раздела не сохранилась, зато до нас дошли все последующие лис-

⁸⁹ Юэ Бан-ху, Чжун Шэн-цзу 2001, табл. 15, 19, 20, 27, 30, 31, 37, 42, 43, 46, 47; У Жэн-сян 2005, с. 47–131, табл. 28, 29, 41, 51, 55, 61, 74, 77.

⁹⁰ Юэ Бан-ху, Чжун Шэн-цзу 2001, с. 13–15, табл. 9–11; У Жэн-сян 2005, с. 51, табл. 22–25.

⁹¹ Измененный и заново утвержденный кодекс... 1987–1989. Кн. 4, с. 91–93.

⁹² Ван Ли гу хань ю цзы дэнь 2005, с. 1809.

⁹³ У Жэн-сян 2005, с. 47–131, табл. 38.

⁹⁴ У Жэн-сян 2005, с. 47–131, табл. 44.

⁹⁵ Stein 1921. Vol. 2, с. 568.

⁹⁶ Измененный и заново утвержденный кодекс 1987–1989. Кн. 4, с. 85.

ты вплоть до начальной страницы следующего раздела «Мосты и дороги»⁹⁷. Поэтому несомненно сбор хвороста и тростника должен был служить целям обслуживания и ремонта оросительных систем. Ясно, что эти материалы использовались для сооружения и ремонта дамб. Таким образом, становится совершенно понятным, почему в районе Дуньхуана длинная стена была сооружена таким необычным образом: из вязанок тростника были сложены кессоны точно так, как это делается при строительстве дамбы, т.е. тангуты использовали материалы и технологии, применявшиеся при строительстве оросительных систем.

Представленное сравнение схожих приемов строительства длинных стен с территории Ганьсу и Монголии наряду с данными письменных источников показывает, что укрепления из хвороста и тростника на стенах ханьского времени в Хэси, как и часть сигнальных вышек на этом рубеже, могли быть сооружены тангутами. Можно предполагать, что в территорию тангутского государства, вопреки вышеуказанному мнению китайских ученых, не входила Заалтайская Гоби на запад от р. Эдзин гол и граница Си Ся здесь проходила по древней ханьской укрепленной линии.

Литература

- Баасан 2006 — *Баасан Т.* Чингисийн далан гэж юу вэ? Улаанбаатар. 2006. 131 с.
- Бань Гу 1997 — *Бань Гу.* Хань шу (Книга [о династии] Хань) / Янь Шигу — комм. Т. 1–12. Издание десятое. Пекин: Чжунхуа шуцзюй. 1997. 4273 с. 漢書 / (漢) 班固撰; (唐) 顏師古注. 第 10 次印刷. 北京: 中華書局. 1997.
- Бао Тун 1994 — *Бао Тун.* Улахай чэн диван хэ Чэнцзисыкань чжэн Си Ся цзюньши дили си (Локализация крепости Улахай и географический анализ военных кампаний Чингизхана против Си Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ. 1994. № 6. С. 63–70. 鮑桐. 兀刺海城地望和成吉思汗征西夏軍事地理析 // 寧夏社會科學. 1994 年. 6 期. 63–70 頁.
- Вагнер 2006 — *Вагнер Г.А.* Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 575 с.
- Ван Бэй-чэнь 2000 — *Ван Бэй-чэнь.* Чэнцзисыхань чжэнфа Си Ся дили као (Географическое исследование карательных походов Чингизхана против Си Ся) // Ван Бэйчэнь си бэй лиши дили луньвэнь цзи (Сборник статей Ван Бэйчэня об исторической географии северо-запада). Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2000. С. 384–390. 王北辰. 成吉思汗征伐西夏地理考 // 王北辰西北歷史地理論文集. 北京: 學苑出版社. 2000 年. 384–390 頁.
- Ван Ли гу хань ю цзы дянь 2005 — *Ван Ли гу хань ю цзы дянь* (Словарь иероглифов древнекитайского языка Ван Ли) / Ван Ли — сост. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2005. 1817 с. 王力古漢語字典/王力主編. 北京: 中華書局. 2005 年.
- Василенко и др. 1996 — *Василенко О.И., Ишханов Б.С., Капитонов И.М., Селиверстова Ж.М., Шумаков А.В.* Радиация. М., 1996 (Электронная версия <http://nuclphys.sinp.msu.ru/radiation/>).
- Вэй Цзянь 2007 — *Вэй Цзянь.* Хэтао дицю Чжаньго Цинь Хань сай фан яньцзю (Исследование обороны пограничной линии [периодов] Чжаньго, Цинь, Хань района излучины Хуанхэ) // Бяньцзян каогу яньцзю. Вып. 6. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. С. 214–226. 魏堅. 河套地區戰國秦漢塞防研究 // 邊疆考古研究. 第 6 輯. 第 214–226 頁.

⁹⁷ Измененный и заново утвержденный кодекс 1987–1989. Кн. 4, с. 85–93, листы факсимиле № 992–1008.

- Географический трактат 2005 — Географический трактат «Истории Хань»: описания 25 округов по северной границе империи / Торчинов Е.А., Ермаков М.Е., Кроль Ю.Л. — пер., комм. // Страны и народы Востока. Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Восточная литература, 2005. Часть I. С. 55–125.
- Гу ханью да цыдянь 2002 — Гу ханью да цыдянь (Большой словарь древнекитайского языка). Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2002. 2614 с. 古漢語大詞典. 上海:上海辭書出版社, 2002.
- Гуян Цинь чанчэн 2007 — Гуян Цинь чанчэн (Длинные стены династии Цинь в Гуяне) / Чжан Хайбинь, Ян Дяньэнь — сост. Хух-Хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ, 2007. С. 97–111. 胡延春, 王英澤. 巴彥淖爾市秦長城調查 // 固陽秦長城 // 張海斌, 揚愷恩主編. 呼和浩特: 內蒙古大學出版社, 2007.
- Гэ Шань-линь 1995 — *Гэ Шань-линь*. Нэймэнгу си бу дицю Си Ся хэ дансян жэнь дэ вэнь (Древности Си Ся и тангутов в западной части Внутренней Монголии) // Гэ Шаньлинь вэнь цзи (Сборник трудов Гэ Шаньлиня). Харбин: Хэйлунцзян цзяюу чубаньшэ, 1995. С. 778–783. 蓋山林. 內蒙古西部地區西夏和党項人的文物 // 蓋山林文集. 哈爾濱: 黑龍江教育出版社, 1995. 第 778–783 頁.
- Гэ Шань-линь, Лу Сы-сянь 1981 — *Гэ Шань-линь, Лу Сы-сянь*. Чаогэ ци Чаолукулунь Хань дай ши чэн цзи ци фуцзиньдэ чанчэн (Каменная крепость ханьского времени Чаолукулунь в аймаке Чаогэ и длинная стена поблизости от нее) // Чжунго чанчэн ицзи дяочао баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 25–33. 蓋山林, 陸思賢: 潮格旗朝魯庫倫漢代石城及其附近的長城. 中國長城遺跡調查報告集. 北京, 1981 年. 25–33 頁.
- Гэ Шань-линь, Лу Сы-сянь 1984 — *Гэ Шань-линь, Лу Сы-сянь*. Нэймэнгу цзин нэй Чжаньго Цинь Хань чанчэн ицзи (Руины длинных стен [периодов] Чжаньго, Цинь, Хань в границах Внутренней Монголии) // Нэймэнгу вэнь цзыляо суйцзи (Публикация серии материалов по культурному наследию Внутренней Монголии). Хух-Хото, 1984. С. 90–100. 蓋山林, 陸思賢: 陝內蒙古竟內戰國秦漢長城遺跡說. 陝內蒙古文物資料續輯說. 呼和浩特, 1984 年. 90–100 頁. 第 96–97 頁 (перепеч. из: Чжунго каогусюэ хуй ди эр ци нянь хуй луньвэнь цзи (Сборник трудов первой ежегодной конференции Китайского археологического общества). Пекин: Вэнь цубаньшэ, 1980. «中國考古學會第一次年會論文集». 北京: 文物出版社, 1980 年.
- Ду Цзянь-лу 1993 — *Ду Цзянь-лу*. Си Ся яньбянь баочжай шу лунь (Обзор укрепленных пунктов в пограничной полосе Си Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ. 1993. № 5. С. 71–75. 杜建錄. 西夏沿邊堡寨述論 // 寧夏社會科學. 1993 年. 第 5 期. 第 71–75 頁.
- Ду Юй-бин 1998 — *Ду Юй-бин*. Си Ся бэй бу бяньфан ю гу чэн (Оборона границ северной части Си Ся и древние крепости) // Шоуцзе Си Ся сюэ гоци сюэшу хуйи луньвэнь цзи (Сборник трудов Первой международной научной конференции по изучению Си Ся). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1998. С. 374–380. 杜玉冰. 西夏北部邊防与古城 // 首屆西夏學國際學術會議論文集. 銀川: 寧夏人民出版社, 1998. 第 374–380 頁.
- Измененный и заново утвержденный кодекс 1987–1989 — Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание. Издание текста, перевод и примечания Е.И. Кычанова. Книги 1–4. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989 («Памятники письменности Востока. LXXXI»).
- Ковалев 2008 — *Ковалев А.А.* Великая тангутская стена (к интерпретации неожиданных данных радиоуглеродного датирования) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2008. С. 103–116.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010 — *Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.* Великая стена Чингисхаана в Монголии (по материалам экспедиций Музея-института семьи Рерихов 2005 и 2007 годов) // *Nomadic studies. Bulletin* 17. 2010. P. 11–27.

- Козлов 1948 — *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Второе, сокр. изд. М.: ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы, 1948.
- Кычанов 1968 — *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В.И.Ленина // *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 59–70 (Исторические исследования).
- Кэвалёфу 2011 — *Кэвалёфу А.А.* Шифоу ю кэнэн Хань Хэси чанчэн бэй данцзо Си Ся сай цян шиюн (Могла ли ханьская длинная стена в Хэси использоваться в качестве пограничной стены Си Ся) // Сычоу чжи лу шан дэ каогу, цзунцзяо ю лиши (Археология, религия и история Шелкового пути). Пекин: Вэньу чубаньшэ. С. 148–160. А.А. 科瓦列夫. 是否有可能漢河西長城被當作西夏塞牆使用 // 絲綢之路上的考古, 宗教与歷史. 北京: 文物出版社. 2011. (寧夏文物考古研究所叢刊之十九 (Книжная серия института культурного наследия и археологии Нинся, вып. 19) 第 148–160 頁.
- Кэвалёфу А.А., Эрдэнэбатаэр Д. 2008 — *Кэвалёфу А.А., Эрдэнэбатаэр Д.* Мэнгу го Наньгэби шэн Си Ся чанчэн ю Хань Шоусянчэн югуань вэньти дэ цзай таньтао (Вновь принятое исследование вопросов, относящихся к длинным стенам Си Ся и ханьской крепости Шоусянчэн в Южнообийском аймаке Монголии) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2008. № 2. С. 101–110. А.А. 科瓦列夫, Д. 額爾德涅巴特爾. 蒙古國南戈壁省西夏長城与漢受降城有關問題的再探討 // 內蒙古文物考古. 2008 年. 第 2 期. 第 101–110 頁.
- Ли И-ю 1986 — *Ли И-ю.* Нэймэнгу Юань дай чэнчжэн гайкуан (Очерк юаньских крепостных укреплений Внутренней Монголии) // Нэймэнгу вэньу каогу. Т. 4. 1986. С. 87–107. С. 106. 李逸友: 內蒙古元代城址概況. 內蒙古文物考古. 第 4 輯. 1986 年. 87–107 頁.
- Ли И-ю 2001 — *Ли И-ю.* Чжунго бэйфан чанчэн каои (Обзор исследований длинных стен Северного Китая) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2001. № 1. С. 1–51. 李逸友: 中國北方長城考述. 內蒙古文物考古. 2001 年 1 期. 1–51 頁.
- Ли Чан-сянь 2003 — *Ли Чан-сянь.* Си Ся цзянью ю чжэнцзо као шу (Сводное исследование территории и административных районов Си Ся) // Лиши дили (Историческая география). Вып. 19. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2003. С. 89–111. 李昌憲. 西夏疆域与政區考述 // 歷史地理. 第 19 輯. 上海: 上海人民出版社, 2003. 第 89–111 頁.
- Лу Жэнь-юн 2001 — *Лу Жэнь-юн.* Си Ся цзяньлаосы као (Исследование военно-полицейских управлений Си Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ. 2001. № 1. С. 84–87. 魯人勇. 西夏監牢司考 // 寧夏社會科學. 2001. 第 1 期. 84–87 頁.
- Лу Жэнь-юн 2003 — *Лу Жэнь-юн.* Си Ся дэ цзяньюй хэ бянъцзе (Территория и границы Си Ся) // Нинся дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуй кэсюэ бань). Т. 25 (2003 г.). № 1. С. 38–41. 魯人勇. 西夏的疆域和邊界 // 寧夏大學學報 (人文社會科學版). 第 25 卷. 2003. 第 1 期.
- Лу Сы-сянь, Чжэн Лун 1987 — *Лу Сы-сянь, Чжэн Лун.* Нэймэнгу Линьхэ сянь Гаююфан чуту дэ Си Ся цзинь ци (Золотые предметы, [относящиеся к государству] Си Ся, раскопанные в Гаююфан, уезд Линьхэ, Внутренняя Монголия) // Вэньу. 1987. № 11. С. 65–68. 陸思賢, 鄭隆. 內蒙古臨河縣高油房出土的西夏金器 // 文物. 1987 年 11 期. 第 65–68 頁.
- Лю Цзюй-сян 1999 — *Лю Цзюй-сян.* Си Ся цзяньюй яньцзю (Исследование территории Си Ся) // Сун ши яньцзю луньвэнь цзи (Сборник статей по истории [династии] Сун) / Ци Ся, Ван Тяньшунь — ред. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1999. С. 381–397. 劉菊湘. 西夏疆域研究 // 宋史研究論文集 / 漆俠, 王天順主編. 銀川: 寧夏人民出版社, 1999. 81–397 頁.
- Нэймэнгу вэньу каогу 1987 — Нэймэнгу вэньу каогу яньцзюсо, Алашань мэн вэньу гунцзочжань (Институт культурного наследия и археологии Внутренней Монголии, Станция охраны культурного наследия Алашань аймака). Нэймэнгу Хэйчэн каогу фацзюэ цзияо (Важнейшие сведения об археологических раскопках крепости Хэйчэн во Внут-

- ренной Монголии) // Вэнь. 1987. № 7. С. 1–23. 內蒙古文物考古研究所, 阿拉善盟文物工作站. 內蒙古黑城考古發掘紀要 // 文物. 1987年. 第7期. 第1–23頁.
- Нэймэнгу цыгчицю 2011 — Нэймэнгу цыгчицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча синь фасянь (Новые открытия в Автономном районе Внутренняя Монголия в ходе третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия) / Нэймэнгу цыгчицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча линдао сяоцзу баньгунши бянь (Канцелярия президиума проведения третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Автономном районе Внутренняя Монголия — сост.). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2011. 175 с., илл. 內蒙古自治區第三次全國文物普查新發現 / 內蒙古自治區第三次全國文物普查領導小組辦公室編. 北京: 文物出版社, 2011.
- Ню Да-шэн 2007 — *Ню Да-шэн*. Си Ся ици (Памятники Си Ся). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 314 с. (20 шици Чжунго вэньу каогу фасянь ю яньцзю цуншу) (Книжная серия по археологическим раскопкам и исследованиям культурного наследия Китая в 20 веке). 牛達生. 西夏遺跡. 北京: 文物出版社. 2007. (20世紀中國文物考古發現与研究叢書).
- Оу Янь 1987 — *Оу Янь*. Во го цзао ци дэ чанчэн (Длинные стены раннего периода [существования] нашего государства) // Бэйфан вэньу. 1987. № 2. С. 12–18. 歐燕: 我國早期的長城. 北方文物. 1987年2期. 12–18頁.
- Покотилов 1893 — *Покотилов Д.Д.* История восточных монголов в период династии Мин. СПб., 1893. 230 с.
- Пэрлээ 2001 — *Пэрлээ Х.*: Өмнөговь, Өвөрхангай аймгуудын говь талын нутгаар эртний судлалын хайгуул хийсэн нь (1962 он) // Академич Х. Пэрлээ. Эрдэм шинжилгээний өгүүллүүд. Т. I. Улаанбаатар. 2001. С. 270–280.
- Пэрлээ, Майдар 1970 — *Пэрлээ Х., Майдар Д.* БНМАУ-ын нутаг дэвсгэр дээр байгаа балгас, түүрийн бүдүүвчилсэн зургийн тодойхойлолт // Монголын хотын гурван зураг / Майдар Д. — сост. Улаанбаатар, 1970. с. 19–52.
- Си Ся дили яньцзю 2002 — Си Ся дили яньцзю (Исследования по географии Си Ся) / Ван Тяньшунь — ред. Ланьчжоу: Ганьсу вэньу чубаньшэ, 2002. 202 с. (Книжная серия по исследованиям Си Ся). 西夏地理研究. 王天順主編. 蘭州: 甘肅文化出版社, 2002. (西夏研究叢書).
- Си Ся тун ши 2005 — Си Ся тун ши (Общая история Си Ся) / Ли Фаньвэнь — ред. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2005. 725 с. 西夏通史. 李范文主編. 銀川: 寧夏人民出版社, 2005.
- Сыма Цянь 1996 — *Сыма Цянь*. Ши цзи (Записи историка) / Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ — комм. Изд. четырнадцатое. Т. 1–10. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1996. 3322 с., 56 с. прил. 史記 / (漢) 司馬遷撰. 第14次印刷. 北京: 中華書局. 1996.
- Сюй Цзюнь 2000 — *Сюй Цзюнь*. Си Ся жогань чэнсай диван яньцзю шуяо (Очерк исследований по локализации некоторых крепостей и пограничных укреплений Си Ся) // Сибэй ди эр миньцзусюэ юань сюэбао (чжэшэ бань). 2000. № 1. С. 29–33, 87. 徐軍. 西夏若干城塞地望研究述要 // 西北第二民族學院學報(哲社版). 2000年. 第1期. 第29–33, 87頁.
- Сюй Чэн, Ван И-мин 1986 — *Сюй Чэн, Ван И-мин*. Си Ся цзинци дэ дицзя хуан цзя линь-юань — Хэланьшань (Парк императорской семьи в окрестностях столицы Си Ся — горы Хэланьшань) // Нинся шэхуй кэсюэ. 1986. № 3. С. 80–85. 許成, 汪一鳴. 西夏京畿的皇家林苑——賀蘭山 // 寧夏社會科學. 1986年03期. 第80–85頁.
- Тан Кай-цзянь 1988 — *Тан Кай-цзянь*. Си Ся цзяньлаосы чжусо бяньси (Детальный анализ локализации военно-полицейских управлений Си Ся) // Лиши дили (Историческая география). Вып. 6. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1988. С. 137–146. 湯開建. 西夏監牢司駐所辨析 // 歷史地理. 第6輯. 上海: 上海人民出版社, 1988. 第137–146頁.
- Тан Сяо-фэн 1977 — *Тан Сяо-фэн*. Нэймэнгу сибэй бу Цинь Хань чанчэн дяоча цзи (Записи о разведке длинных стен [периодов] Цинь-Хань в северо-западной части Внутренней Монголии) // Вэньу. 1977. № 5. С. 16–22. 唐曉峰. 內蒙古西北部秦漢長城調查記. 文物. 1977年5期. 16–22頁.

- Таскин 1968 — *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- У Жэн-сян 2005 — *У Жэн-сян.* Хэси Хань сай дяоча ю яньцзю (Обследование и изучение ханьской укрепленной пограничной линии в Хэси). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 209 с., илл., табл. 吳祜驥. 河西漢塞調查與研究. 北京: 文物出版社. 2005 年.
- Ху Янь-чунь, Ван Ин-цзэ 2007 — *Ху Янь-чунь, Ван Ин-цзэ.* Баяньнаоэр ши Цинь чанчэн дяоча (Обследование циньских длинных стен в городском округе Баян-нур) // Гуянь Цинь чанчэн (Длинные стены династии Цинь в Гуяне) / Чжан Хай-бинь, Ян Дянь-энь — сост. Хух-Хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ. 2007. С. 97–111. 胡延春, 王英澤. 巴彥淖爾市秦長城調查 // 固陽秦長城 / 張海斌, 揚愷恩主編. 呼和浩特: 內蒙古大學出版社. 2007 第 97–111 頁.
- Хуан Ши-цинь, Гун И-нянь 1998 — *Хуан Ши-цинь, Гун И-нянь.* Макэ Поло ю вань ли чанчэн — цзянь пин «Макэ Поло дао го Чжунго ма?» (Марко Поло и длинная стена в сто тысяч ли — вместе с тем критика [статьи] «Достиг ли Марко Поло Китая?») // Чжунго шэхуй кэсюэ. 1998. № 4. С. 169–183. 黃時鑾, 龔纓晏. 馬可波羅與萬里長城——兼評《馬可波羅到過中國嗎?》. 中國社會科學. 1998 年. 第 4 期. 第 169–183 頁.
- Чжан Цай-фан, Ван Чуань 1995 — *Чжан Цай-фан, Ван Чуань.* Си Хань чанчэн дэ сюшань цзи ци ии (Восстановление западноханьских длинных стен, а также их значение) // Чанчэн гоцзи сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи (Сборник трудов международной научно-исследовательской конференции по длинным стенам). Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1995. С. 105–115. 張業芳, 王川: 西漢長城的修繕及其意義. 長城國際學術研討會論文集. 長春: 吉林人民出版社. 1995 年. 105–115 頁.
- Чжан Цзянь 1995 — *Чжан Цзянь.* Си Ся цзи ши бэнь мо. Ланьчжоу: Ганьсу вэньу чубаньшэ, 1995. 張鑾. 西夏紀事本末. 蘭州: 甘肅文化出版社. 1995 年.
- Чжао Хуа-чэн 1995 — *Чжао Хуа-чэн.* Чжунго цзао ци чанчэн дэ каогу дяоча ю яньцзю (Археологические разведки и исследования длинных стен раннего периода [существования] Китая) // Чанчэн гоцзи сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи (Сборник трудов международной научно-исследовательской конференции по длинным стенам). Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1995. С. 238–249. 趙化成: 陔中國早期長城的考古調查與研究說. 長城國際學術研討會論文集說. 長春: 吉林人民出版社. 1995 年. 238–249 頁.
- Чжунго вэньу дитуцзи 2003 — *Чжунго вэньу дитуцзи.* Нэймэнгу цзычжи цю фэнцэ (Атлас культурного наследия Китая. Автономный район Внутренняя Монголия). Чжунго вэньу цзюй (Управление культурного наследия Китая) — изд. Сиань: Сиань диту чубаньшэ. 2003. Т. 1: 440 с. Т. 2: 650 с. 中國文物地圖集. 內蒙古自治區分冊. 西安: 西安地圖出版社. 2003 年.
- Чжунго гудай цзяньчжу ши 2003 — *Чжунго гудай цзяньчжу ши* (История древней архитектуры Китая) / Лю Сюэце — сост. Том 1. Пекин: Чжунго цзяньчжу гунъе чубаньшэ. 2003. 569 с. 中國古代建築史. 第一卷 / 劉敘杰主編. 北京: 中國建築工亞出版社. 2003.
- Чжунго каогусюэ. Цинь Хань цзюань / Лю Цин-чжу, Бай Юнь-сян чжубянь; Чжунго шэхуй кэсюэ юань каогу яньцзюсюэ бяньчжу (Археология Китая. Цинь-Хань / Лю Цин-чжу, Бай Юнь-сян — ред.; Институт археологии Академии общественных наук Китая — сост.). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 2010. 1027 с. 中國考古學 秦漢卷 / 劉慶柱, 白雲翔主編: 中國社會科學院考古研究所編著. 北京: 中國社會科學出版社. 2010.
- Чжунго лиши ди мин да цыдянь 2005 — *Чжунго лиши ди мин да цыдянь* (Большой словарь исторических географических названий Китая) / Ши Вэй-лэ — ред. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2005. С. 2554. 中國歷史地名大辭典 / 史為樂主編. 北京: 中國社會科學出版社. 2005 年.
- Чжэн Шао-цзун 1981 — *Чжэн Шао-цзун.* Хэбэй шэн Чжаньго, Цинь, Хань шици гу чанчэн хэ чэнчжэн ици (Руины древних длинных стен и крепостных сооружений периодов Чжаньго, Цинь, Хань в провинции Хэбэй) // Чжунго чанчэн ици дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981.

- С. 34–39. 鄭紹宗: 河北省戰國, 秦, 漢時期古長城和城障遺址. 中國長城遺跡調查報告集. 京: 文物出版社. 1981 年. 34–39 頁.
- Ши Цзинь-бо, Вэн Шань-чжэнь 1996 — *Ши Цзинь-бо, Вэн Шань-чжэнь*. Эцина ци Лучэн синь цзянь Си Ся вэнью као (Исследование вновь обнаруженных памятников культуры Си Ся в Лучэн, Эдзин хошун) // *Вэнью*. 1996. № 10. С. 72–80. 史金波, 翁善珍. 額濟納旗綠城新見西夏文物考 // *文物*. 1996 年. 第 10 期. 第. 72–80 頁.
- Шэнь Юнь-янь 2006 — *Шэнь Юнь-янь*. Чжунго гудай вадан яньцзю (Исследование древних черепичных дисков Китая). Пекин: Вэнью чубаньшэ, 2006. 340 с. 申云艳. 中國古代瓦當研究. 北京: 文物出版社. 2006.
- Юань ши 1976 — Юань ши (История [династии] Юань) / Сун Лянь и др. — сост. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1976. 4678 с. 元史 / 宋濂等撰. 北京: 中華書局. 1976.
- Юэ Бан-ху, Чжун Шэн-цзу 2001 — *Юэ Бан-ху, Чжун Шэн-цзу*. Шулэхэ лю Хань чанчэн каоча баогао (Отчет о детальном обследовании ханьских длинных стен по течению реки Шулэхэ) / Ганьсу шэн вэнью цзюй бянь (Составлено Бюро культурного наследия провинции Ганьсу). Пекин: Вэнью чубаньшэ, 2001. 180 с., илл., табл. 岳邦湖, 鐘圣祖. 疏勒河流漢長城考察報告 / 甘肅省文物局編. 北京: 文物出版社. 2001.
- Ядерное разоружение 2001 — Ядерное разоружение, нераспространение и национальная безопасность / Под редакцией В.Н. Михайлова. М., 2001 (цит. по электронной версии <http://www.iss.niit.ru/book-2>).
- Ян Жуй 2008 — *Ян Жуй*. Си Ся дили яньцзю — бяньцзян лиши дили сюэ дэ таньсо (Исследования по географии Си Ся — историко-географические разыскания в отношении пограничных районов). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2008. 473 с. 楊蕤. 西夏地里研究——邊疆歷史地理學的探索. 北京: 人民出版社. 2008.
- Belezza 2002 — *Belezza J.V.* Antiquities of Upper Tibet. An Inventory of Pre-Buddhist Archaeological Sites on the High Plateau (Findings of the Upper Tibet Circumnavigation Expedition, 2000). Delhi, 2002. 304 p.
- Belezza 2008 — *Belezza J.V.* Zhang Zhung. Foundations of Civilization in Tibet. A Historical and Ethnoarchaeological Study of the Monuments, Rock Art, Textes, and Oral Tradition of the Ancient Tibetan Upland. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 2008. 841 p. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Denkschriften, 368. Band. Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte Asiens. Nr. 61).
- Cribb 1991 — *Cribb R.* Nomads in Artchaecology. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. (New studies in archaeology). 253 p.
- Francke 1949 — *Francke W.* Addenda and Corrigenda // D. Pokotilov. History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty from 1368 to 1634 (Studia Serica. Monographs. Ser. A. No 5. Editors: Wen Yu and W. Francke). T. 1, 2. Chengdu/Peiping. 1949. T. 2. P. 1–80.
- Giles 1914 — *Giles L.* Tun Huang lu: notes on the district of Tun-huang // *Journal of Royal Asiatic Society*. 1914. P. 704–728.
- Kovalev, Erdenebaatar 2010 — *Kovalev A.A., Erdenebaatar D.* About Chinggis khaan's wall in Mongolia // *Nomadic studies. Bulletin* 17. 2010. P. 28–33.
- Sommarström 1958 — *Sommarström Bo.* Archaeological Research in the Edsen-Gol Region Inner Mongolia. Parts I–II. 1956, 1958. 386 p., ill. (Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under Leadership of Dr. Sven Hedin. VII. Archaeology. 8–9).
- Stein 1921 — *Stein A.* Serindia. L., 1921. Vol. 1–4.

В.С. Кузнецов

КНР и Индия сообща отмечают годовщину Будда джаяннти

В 1956 г. произошло знаменательное событие в жизни вселенской буддийской общины — 2500-летие джаяннти, т.е. погружения в нирвану, Будды Шакьямуни.

В мероприятиях, проводимых в этой связи в Индии, принял непосредственное участие Пекин, тем самым продемонстрировав свою сопричастность к знаковому явлению в жизни мировой буддийской общины и использовав его для укрепления дружественных отношений с Дели. Этому было призвано послужить пребывание в Индии премьера КНР Чжоу Энь-лая и тибетских первоиерархов. Специфика положения ламаистских иерархов в условиях, когда Тибет юридически стал частью КНР и они уже фактически не могли выезжать за пределы Китая без санкции его руководства, осложнила вопрос о прибытии далай-ламы в Индию. События развивались следующим образом.

Весной 1956 г. махараджа Сиккима Кумар, президент индийского общества Махабодхи¹, пригласил далай-ламу приехать в Индию для участия в торжествах. В ответ на это китайские власти в Лхасе заявили, что присутствие далай-ламы необходимо в тибетской столице и что представлять далай-ламу на торжествах будет его младший наставник Триджан Ринпоче. Узнав об этом, премьер-министр Индии Дж. Неру уведомил Пекин, что было бы лучше, если бы в Индию на торжества все-таки приехал сам далай-лама. Высшие китайские власти согласились с доводами Неру. Вероятнее всего, их согласие было продиктовано пониманием того, что лишение далай-ламы возможности выехать из страны для участия в торжествах в честь Будды будет чревато негативным резонансом среди мировой буддийской общественности и даст повод считать, что коммунистические власти ограничивают свободу деятельности ламаистского первоиерарха. Однако, прислушиваясь к пожеланиям Дели,

¹ Общество Махабодхи — организация, занимавшаяся проповедью буддизма.

Пекин показал, что не склонен безоговорочно внимать советам извне: с далай-ламой поехал и панчен-лама, второй по значению тибетский иерарх.

Согласно сообщению агентства Синьхуа от 16 ноября 1956 г., далай-лама и панчен-лама получили приглашение от почетного председателя и председателя рабочего комитета по проведению мероприятий, связанных с 2500-летием погружения в нирвану Будды Шакьямуни, т.е. от премьера КНР Чжоу Энь-лая и вице-президента Индии С. Радхакришнана соответственно². Таким образом, средства массовой информации КНР представили дело так, будто приглашение тибетским первоиерархам прибыть в Индию для участия в мероприятиях по случаю Будда джаянги исходило от официальных лиц Китая и Индии.

Как появилось на свет это приглашение, до сих пор неясно. Очевидно, оно явилось результатом некоей договоренности между официальными инстанциями КНР и Индии. Сохранение статуса тибетских первоиерархов как носителей властных прерогатив, предусмотренное соглашением 1951 г. о мирном освобождении Тибета, нашло свое отражение в том, что далай-ламу приглашают официальные лица КНР и Индии. Причем первым был назван премьер КНР, который санкционировал своим авторитетом, вопреки администрации Тибета, подчиненной центральному правительству КНР, согласие на выезд далай-ламы за пределы Китая, районом которого является Тибет.

Словом, вопрос о приглашении далай-ламы для участия в торжествах по случаю Будда джаянги вышел на уровень отношений между правительствами двух стран. Приглашение далай-ламе приехать в Индию со стороны Чжоу Энь-лая по существу выступало как согласие на выезд тибетского иерарха за пределы КНР, а С. Радхакришнан подтверждал готовность принять его в Индии.

Синьхуа подробно информировало об отъезде далай-ламы. Сегодня, сообщало оно 20 ноября, «далай-лама выезжает в Шигадзе, откуда направляется в Индию»³. Это, видимо, было призвано снять за рубежом сомнения относительно выезда первоиерарха из пределов КНР.

Как бы подтверждая это, представитель центрального народного правительства в Тибете, секретарь комитета ЦК КПК по работе в Тибете Чжан Цзин-у сделал специальное заявление, в котором говорилось: «Буддийские круги Тибета в осуществлении заповедей религии горячо любят отечество, горячо любят мир, приложили немало сил для освобождения людей от страданий, делают так, чтобы связи китайского Тибета и Индии, Непала получили новое развитие. Далай-лама и панчен-лама не только буддийские вожаки *нашего китайского Тибета* (курсив мой. — В.К.), к тому же в азиатских государствах, где исповедуют буддизм, пользуются большой известностью и уважением. Они в этот раз смогут получить возможность встретиться с живыми буддами, буддистами-мирянами и учеными различных кругов мира, это внесет большой вклад в содействие международному единству буддийских кру-

² ЖМЖБ, 17.11.1956.

³ ЖМЖБ, 21.11.1956.

гов в защиту долгого мира во всем мире»⁴. Словом, было объявлено, что тибетские первоиерархи выезжали за пределы КНР не просто как духовные лица, но как эмиссары Пекина в буддийском мире и что они как бы получили на это соответствующие верительные грамоты, в которых определены их полномочия.

Вынужденное согласие Пекина на приезд далай-ламы в Индию нашло отклик и в том, как официальные средства массовой информации КНР освещали участие буддистов Китая в памятных мероприятиях. Делегация китайских буддистов, сообщало 23 ноября 1956 г. Синьхуа, во главе с Ширав Джалцо после участия в 4-м вселенском съезде буддистов в Катманду 22 ноября прибыла в Дели для участия в торжествах по случаю 2500-й годовщины погружения в нирвану Будды. Помимо Ширав Джалцо в мероприятиях участвуют далай-лама и панчен-лама⁵. Таким образом, внимание было сфокусировано на прибытии в Индию главы официальной буддийской делегации КНР Ширав Джалцо, в то время как о тибетских первоиерархах сообщалось как бы между прочим. Забегая вперед, укажем, что в сообщениях китайской и индийской прессы не говорилось о том, в чем заключалось участие делегации буддистов КНР в мероприятиях Будда джаяннти. При этом сообщения в средствах массовой информации двух стран сильно различались.

25 ноября 1956 г., информировал журнал «Народный Китай», в Дели по приглашению Индийского комитета по празднованию 2500-летия со дня погружения в нирвану Будды Шакьямуни прибыли далай-лама и панчен-лама⁶. Из этого сообщения следовало, что тибетские духовные руководители прибыли в столицу Индии всего лишь по приглашению Индийского комитета по празднованию юбилея джаяннти Будды, т.е. временной организации с духовно-культурными функциями. О приглашении со стороны китайского премьера и индийского вице-президента ничего не сообщалось.

Вместе с тем прием, оказанный далай-ламе индийской стороной, наводил на мысль о том, что та воспринимала его не просто как духовного главу ламаистов, но как высокопоставленного государственного деятеля. 25 ноября 1956 г. в аэропорту Палам в индийской столице далай-ламу встречали вице-президент и премьер-министр Индии. На первую полосу в газете «Таймс оф Индия» был вынесен снимок, на котором бок о бок стоят далай-лама и премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, на заднем плане — панчен-лама как второе по значимости лицо в ламаистской церковной иерархии⁷. Более того, уровень внимания, которое высшее государственное руководство Индии уделило далай-ламе с момента его появления на индийской земле, подчеркивал, что почести оказывались не просто духовному владыке Тибета, но и традиционному светскому правителю страны, включенной теперь волевым решением Пекина в состав Китая. Выступая с ним как соавтор принципов панча-шила,

⁴ Там же.

⁵ ЖМЖБ, 24.11.1956.

⁶ НК, 23.12.1956.

⁷ ТИ, 02.12.1956.

Индия в то же время не одобряла объявление Тибета составной частью КНР. Показателем таких настроений индийского истеблишмента может служить публикация в газете «Таймс оф Индия». В ней, в частности, говорилось: «Хотя в 1956 г. Далай-лама XIV достиг совершеннолетия, когда, как полагали, он примет абсолютную власть над Тибетом, он нашел свою свободу круто урезанной Китайской Народной Республикой, которая низвела его до просто титулованного главы. Это впервые далай-лама и панчен-лама пребывают как паломники на земле, где родился благословенный Будда, — в Индии Махатмы Ганди»⁸.

Последняя ремарка дает основания полагать, что в паломничестве тибетских иерархов в Индию определенные круги последней усматривали тяготение ламаистских первоиерархов к стране иной политической культуры, нежели КНР, где основными составными государственной идеологии выступали атеизм и марксизм, чуждые мировоззренческим заповедям буддизма.

27 ноября Дж. Неру посетил дворец Хайдарабад, где встретился с далай-ламой. После этого он посетил дворец Кэтада, где имел встречу с панчен-ламой. В тот же день, 27 ноября 1956 г., премьер-министр Индии устроил прием в честь обоих первоиерархов.

Серия приемов, данных в честь далай-ламы и панчен-ламы, отмечена таким примечательным обстоятельством, как неперемное участие индийских официальных лиц. О приеме у Дж. Неру мы уже говорили. Прием в Буддийской ассоциации Индии в честь тибетских первосвященников 27 ноября вел министр обороны Индии⁹. 2 декабря в Дели в парке Рамлия был устроен прием в честь далай-ламы и панчен-ламы. Они вступили на трибуну, сопровождаемые премьер-министром Дж. Неру. Как сообщала «Таймс оф Индия», «доктор Раджендра Прасад и премьер-министр Неру сидели, скрестив ноги, на полу во время государственного банкета, устроенного в честь далай-ламы и панчен-ламы». Затем стороны обменялись подарками¹⁰.

Во время поездки далай-ламы и панчен-ламы по стране в качестве принимающей стороны также выступали совместно власти штатов и общественные организации, в том числе буддийские. В Мадрасе, например, прием в

⁸ Там же.

⁹ ЖМЖБ, 29.11.1956.

¹⁰ ТГ, 03.12.1956. По сообщению индийских СМИ, Раджендра Прасад подарил далай-ламе и панчен-ламе кашмирское столовое серебро, украшенные золотом бенаресские шелковые одежды, подушки и покрывала для дивана, изысканные статуи Будды из слоновой кости, сочинения Дж. Неру, а также С. Радхакришнана и свои. Подарки далай-ламы президенту включали изысканные тибетские шелка и курения. Панчен-лама презентовал большое собрание редких тибетских манускриптов 800–2000-летней давности. Этот подарок индийская газета прокомментировала следующим образом. Коллекция предназначается «возрождающейся Индии, которая, создавая свою прошлую славу, может с наибольшей пользой употребить сокровища Тибета» (ТГ, 03.12.1956). За последними словами кроется явная шпилька в адрес Пекина, который в отличие от Нью-Дели не сможет-де по достоинству оценить культурные сокровища Тибета. И забегая вперед, в годы «культурной революции», можно отметить, что слова газеты звучали providчески.

честь тибетских первоиерархов устраивали власти штата и Буддийское общество Мадраса. То же происходило в Бомбее и других местах¹¹.

Такого рода протокольная процедура имела свой смысл: далай-ламу и панчен-ламу принимали и как официальных представителей КНР, и как посланцев буддийской общины Китая. Иными словами, индийская сторона не отвергала буддийскую дипломатию Пекина и способствовала ее осуществлению. И это шло в актив обеим сторонам, ибо расширяло основу для межгосударственного сотрудничества. Вместе с тем подчеркиваемая сопричастность буддийской общественности Индии к пребыванию тибетских иерархов в стране демонстрировала «сродство душ» именно на почве буддизма, но не коммунизма и лишней раз напоминала о буддийской общности Индии и Тибета, включенного в состав КНР не по инициативе далай-ламы, но волевым решением высшего китайского руководства.

Почести, оказываемые тибетским первоиерархам индийскими властями, не могли не польстить этим молодым людям. Такого обращения им не доводилось видеть в КНР. Это, в свою очередь, не могло не вызывать у них проявления соответствующего благожелательного настроения и, в свою очередь, давало правительству Индии определенные политические дивиденды, чреватые ущербом для внешнеполитических интересов КНР. Чтобы как-то приуменьшить политический выигрыш Индии, дипломатические представительства КНР в Индии тоже устраивают соответствующие мероприятия.

Так, уже 26 ноября 1956 г. посол КНР в Индии Пань Цзы-ли устроил прием в честь далай-ламы и панчен-ламы. Среди присутствующих были премьер-министр Индии Неру, бывший премьер Бирмы У Ну, официальные индийские лица¹². 9 декабря генеральный консул КНР в Бомбее Чжан Цзи-пин устроил прием в честь далай-ламы и панчен-ламы. В соответствии с буддийским обрядом генконсул вручил им хада — шелковый шарф или кусок полотна, преподносимый в знак благопожелания. На приеме присутствовали индийские официальные лица¹³.

Как представляется, эти приемы в дипломатических представительствах КНР имели определенную политическую цель и должны были показать индийской и мировой общественности, что духовная миссия далай-ламы и панчен-ламы ценится в Пекине и что они являются не только носителями буддийской традиции, но и посланцами мира и дружбы.

Далай-лама и панчен-лама демонстрировали последнее на массовых митингах и различных приемах. Символично, в частности, их выступления 1 декабря в делийском отделении Общества индийско-китайской дружбы. Перед тем как им предоставили слово, произнес речь председатель делийского отделения Общества индийско-китайской дружбы. Приезд далай-ламы и панчен-ламы, заявил он, удовлетворил желание народа Индии и двух великих деятелей Тибета. Одновременно их прибытие в Индию усилило дружбу народов

¹¹ ТГ, 09.12.1956.

¹² ЖМЖБ, 28.11.1958.

¹³ ТГ, 10.12.1956; ЖМЖБ, 11.12.1956.

двух государств. В своих ответных выступлениях первосвященники акцентировали значимость китайско-индийских дружеских связей для укрепления всеобщего мира. Связи между Индией и Китаем, сказал в своем выступлении далай-лама, каждый день крепнут. «Эти братские связи внесли вклад в дело обеспечения мира во всем мире и я выражаю надежду, что эти связи будут упрочаться». Как заявил панчен-лама, отношения Индии и Китая основываются на принципах панча-шила¹⁴.

На приеме, устроенном властями города Бомбея 10 декабря, первоиерархи Тибета молились, чтобы дружба Китая и Индии с каждым днем развивалась. За день до этого, 9 декабря, в храме Махабодхи в Бодх Гайя (Бихар) состоялись моления по случаю махапаринирваны Будды. Ритуальные обряды выполнили «монахи и монахини из Восточного Пакистана, *ламы из Тибета* (курсив мой. — В.К.), монахи из Цейлона, Камбоджи, Бутана, Бирмы и других мест»¹⁵. Одним словом, это было священнодействие международной буддийской общины.

23 декабря далай-лама и панчен-лама посетили Варанаси (Бенарес), где их приветствовали несколько тысяч тибетцев, которые прибыли в Индию поклониться останкам Будды. Присутствие тибетцев на торжествах наглядно свидетельствовало о практическом осуществлении китайско-индийского пакта от 29 апреля 1954 г. и тем самым шло в актив Пекина, равно как и выступления далай-ламы и панчен-ламы. В этом случае, как и в ряде других, тибетские первоиерархи объективно выступали как эмиссары Пекина, озвучивая перед верующими, далекими от политики, призывы официальной пропаганды к всеобщему миру, к социальной справедливости. Вместе с тем они выступали с активной проповедью жизненности и практической значимости буддизма. В устах верховных лам он представал как совершенная политическая философия, отвечающая требованиям современности. Об этом свидетельствовало, в частности, сказанное тибетскими первосвященниками на приеме в Буддийском обществе Индии. «Мы, — сказал далай-лама, — должны не только энергично распространять веру, принятую от Фоцзу (Будды), к тому же нужно осуществлять на деле принципы его учения о милосердии и неприменении насилия, потому что, только так поступая, можно осуществить мирную жизнь во всем мире и братскую дружбу». «Мы, — вторил ему панчен-лама, — должны молиться и энергично способствовать продвижению нашей религиозной культуры во имя всеобщего мира, лучшего взаимопонимания между государствами мира»¹⁶. Воспроизводя на страницах «Жэньминь жибао» эти высказывания тибетских первоиерархов, выдержанные в духе буддийского мировоззрения, власти КНР демонстрировали уважение к суждениям высшего тибетского духовенства, хотя и тиражировали их мировоззренческие мнения, которые не были во всем адекватны официальным установкам атеистического руководства.

¹⁴ ЖМЖБ, 03.12.1956.

¹⁵ ТГ, 10.12.1956.

¹⁶ ЖМЖБ, 29.11.1956.

На приеме, устроенном властями города Бомбея 10 декабря 1956 г., панчен-лама выразил восторг по поводу усилий, приложенных Индией по возрождению буддизма¹⁷. За прославлением Индии, чье правительство поощряет буддизм, стояло вольное или невольное умолчание об отношении к нему руководства КНР. И вряд ли это случайно. Умышленно или неумышленно тибетский иерарх противопоставлял Индию и КНР в их отношении к вере. Впрочем, программа пребывания тибетских первоиерархов не свелась к мероприятиям, посвященным Будде. Индийские власти ознакомили их с тем, как осуществляются проекты по возрождению деревни. Далай-лама и панчен-лама посетили новостройку в коммуне Нилокхера. Здесь их встречали и украшали гирляндами вице-министр Пенджаба по делам местного самоуправления и коммунальных проектов Бриш Бхан и другие должностные лица. Отряд вооруженной полиции выстроился в почетный караул, сельчане осыпали гостей лепестками роз и ноготков. Бриш Бхан представил ламам чиновников правительства Пенджаба¹⁸.

Мы специально воспроизводим такие детали приема тибетских первоиерархов, поскольку позднее средства массовой информации КНР тиражировали сетования панчен-ламы на невнимание индийских властей.

Разнообразив программу пребывания представителей буддийского Тибета за счет ознакомления с мероприятиями социально-экономического характера, индийские власти руководствовались, очевидно, и соображениями политического порядка — показать первосвященникам, что на прародине буддизма без насаждения радикальной идеологии и ломки традиционного уклада принимаются меры к улучшению жизни крестьянства. В этом проявлялось идейное соперничество Дели и Пекина. Индийский истеблишмент рассчитывал обрести симпатии духовных владык в Тибете и, соответственно, в буддийском мире, где они в силу своего статуса воспринимались с уважением.

Оставляя в стороне вопрос, насколько искренне говорили тибетские первосвященники, нельзя не отметить, что индийской общественности импонировали их заявления о достижениях Индии. Как сообщала индийская пресса, панчен-лама говорил о борьбе, которую народ Индии вел за обретение независимости, и сказал, что после получения ее Индия выполнила несколько гигантских проектов и что он чрезвычайно восхищен усилиями, которые народ Индии предпринимает для реконструкции своей экономики¹⁹.

Выступая перед индийской общественностью, панчен-лама в духе официальных заявлений Пекина ратовал за дружественные отношения Индии и Китая. В речи в Бомбее 10 декабря 1956 г. он призвал: «Пусть дружба между Индией и Китаем длится долго»²⁰. Подобные призывы представителя Тибета, уже ставшего частью КНР, можно рассматривать как озвучение обращения руководства КНР к индийской общественности. Вместе с тем ламаистские

¹⁷ ЖМЖБ, 10.12.1956.

¹⁸ ТГ, 02.12.1956.

¹⁹ ТГ, 03.12.1956.

²⁰ ТГ, 11.12.1956.

иерархи проповедовали перед индийской общественностью политическую философию, которая была принципиально отличной от той, что культивировал официальный Пекин. «Чтобы осуществлять хорошую деятельность, — внушал панчен-лама, — мы должны воздвигать статую Будды, оглашать его учение и культивировать любовь и сочувствие ко всем»²¹. «Доктрина буддизма, — говорил далай-лама, — учит нас ненасилию и взаимопомощи. Поэтому долг каждого буддиста бороться за мир и счастье человечества»²².

Как убеждает смысл всего сказанного далай-ламой и панчен-ламой на индийской земле, их заявления свидетельствовали о том, что они считают Тибет политической частью КНР. Однако выступления, в которых они отдавали должное буддийской Индии как духовной прародине Тибета, отнюдь не укрепляли авторитет Пекина в мире буддизма.

Поддержать этот авторитет был призван своим присутствием в Индии в дни, когда там отмечалась годовщина нирваны Будды, премьер КНР Чжоу Энь-лай, принявший официальное участие в знаменательном для мировой буддийской общины событии. Для государственного руководства КНР это была своего рода обкатка пяти принципов мирного сосуществования. В сфере взаимоотношений со своим соседом Индией в качестве духовной идеологической основы для сосуществования государств с различной социально-политической системой Китай выбрал религию, а именно буддизм. В случае с Индией буддийская дипломатия Пекина носила ярко выраженный тибетский акцент уже потому, что Тибет оказался в центре геополитических интересов Индии и Китая. И Пекин рассчитывал примирить Дели с фактом политического включения Тибета в состав КНР, демонстрируя в то же время общность в духовном плане — в уважительном отношении к буддизму.

Литература

ЖМЖБ — Жэньминь жибао. Пекин.
НК — Народный Китай. Пекин.
ТI — The Times of India. New Delhi.

²¹ Там же.

²² Там же.

В.Е. Ларичев

**Святилище Их Тэнгэрийн-ам времени
«Небесной империи» и раннего железного века
(к проблеме устойчивого сохранения культово-религиозных
традиций кочевников Центральной Азии)**

Несколько слов о былом. Глубокий интерес представителей русского востоковедения к истории кочевых народов Северной и Центральной Азии, а также пустынно-степной части Китая восходит к XVIII в. и с исчерпывающей полнотой раскрылся в последующие два века. Имена выдающихся деятелей востоковедения России, историков, этнографов, языковедов и в особенности высокого класса переводчиков сложнейших для точного прочтения текстов летописных хроник составили целую когорту мощного научного сообщества, которое по высокому уровню компетентности ни в чем существенном не уступало западноевропейским и заокеанским центрам изучения народов Востока.

Рано сложившиеся традиции подготовки специалистов по истории, культуре и филологии стран Азии сохранялись, успешно преодолевая всякого рода политические и экономические неурядицы в Отечестве, до середины прошлого века. Главную роль в этом сыграли два взаимосвязанных и взаимодополняющих востоковедных центра страны: Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН) как учреждение исследовательское и Восточный факультет Ленинградского государственного университета как учреждение образовательное, рано сложившаяся национальная школа подготовки кадров для соответствующего профиля академических институтов страны и государственных служб, административных и политических.

Обо всем этом я вспомнил вот по какому случаю. Когда в середине прошлого века в связи с образованием Китайской Народной Республики возникла проблема подготовки специалистов для налаживания всестороннего сотрудничества с нашим великим соседом, то декан Восточного факультета и заве-

© Ларичев В.Е., 2012

дующий кафедрой истории Дальнего Востока Г.В. Ефимов разработал и летом 1950 г. успешно осуществил уникальный образовательно-научный проект приема на обучение беспрецедентно большого числа студентов по истории, культуре, филологии и литературоведению Китая. Под личный контроль он поставил зачисление 18 абитуриентов в группу истории Китая. Среди счастливцев оказался и Женя Кычанов, приехавший в Северную столицу из провинциального Сарапула. Теперь ему как юбиляру с полным на то правом посвящается этот сборник, ибо он высокопочитаем в кругах востоковедов страны и зарубежья. По тому же поводу, с теми же чувствами и я посвящаю ему эту статью, написанную в память о волнующих днях сдачи приемных экзаменов в элитный (как теперь принято говорить) вуз, о счастливом зачислении в «группу 18-ти», о пяти незабываемых годах совместного дружеского бытия в стенах любимой *alma mater*, Восточного факультета, о его славной книжными богатствами библиотеке и проживании в шумно-многолюдных комнатах студенческих общежитий на Мытнинской набережной, Охте и во внутреннем дворе факультета в завершающий год учебы.

Не для красного словца сказано выше о «счастливицах», удостоенных чести учиться в группе истории Китая. Всем нам щедро предоставили (как и обещали при собеседовании) возможность прослушать курсы лекций выдающихся ученых исследовательских институтов и вузов Ленинграда. Что касается собственно истории Востока, то тут достаточно упомянуть академика В.В. Струве и профессора Н.В. Кюнера, старейшего и опытнейшего знатока китайских летописных хроник в части истории народов Маньчжурии, российских Приморья и Приамурья, а также материально-духовной культуры древнего Китая. Думаю, что если около половины из тех 18 студентов стали в последующем докторами разных отраслей исторических наук, то конечный результат проекта Г.В. Ефимова и Л.А. Березного, наших кураторов в 1950–1955 гг., нельзя не признать триумфальным. Помимо того что отдельные выпускники Восточного факультета первой половины 50-х годов прошлого века влились в кадровый состав академических институтов обеих столиц, они стали сотрудниками научных и учебных учреждений разных регионов страны, в том числе самых отдаленных — сибирских, дальневосточных и среднеазиатских. Сотрудничество студентов группы истории Китая с Ленинградским отделением Института археологии, куратора архивной и полевой археологической практики в Сибири (Иркутск) и на Дальнем Востоке (Хабаровск, Уссурийск и Владивосток), имело последствием зарождение и прочное становление в научных центрах востока России новой отрасли изучения прошлого народов азиатского зарубежья — *археологического востоковедения*.

Обращусь к главному: как по прошествии «звериного временного круга», 60-летия, вспоминается студент Женя Кычанов? Несколько коротких реплик, о чем ныне уже мало кто может поведать. Он в «группе 18-ти» выделялся прежде всего блестящими способностями овладения китайским языком — как современным, так и, что было особенно заметно, вэньянем, — без знания которого невозможно было надеяться проникнуть в суть излагаемого в сред-

невековых летописных текстах. Любовь со школьных лет к истории и литературе отразилась на качестве исполнения им курсовых работ, диплома, а впоследствии впечатляюще сказалась в пристрастии к сочинению просветительских научно-популярных книг на остродраматические сюжеты из истории Китая и соседних с ним территорий. Ему всегда было присуще чувство благожелательно-теплого товарищества, нацеленность на помощь друзьям в сложных жизненных обстоятельствах и деловое сотрудничество с ними.

Это в полной мере отразилось в постоянных контактах с ним всех тех из 18, кто работал вдали от столичных библиотек и архивных хранилищ. Так, новосибирские востоковеды Сибирского отделения АН СССР (а позже — РАН) благодарны Е.И. Кычанову за содействие успешному исполнению многолетней программы издания маньчжурских вариантов летописных хроник «Цзинь ши», «Ляо ши», «Юань ши» и «Мань-вэнь лао-дан». Он с готовностью откликался на приглашения принять участие в издании томов серии «История и культура Востока Азии» по средневековой тематике Китая и прилегающих к нему территорий. То же самое могут сказать востоковеды и археологи Дальневосточного научного центра, в котором с успехом изучалась история Бохая и Золотой империи, а также археологические памятники этих эпох (руководителем исследований был Э.В. Шавкунов, выпускник «группы 18-ти»).

Трудолюбие, поразительная работоспособность и упорство Е.И. Кычанова в достижении поставленных целей сформировались, видимо, уже в школьные годы, определенно упрочились в студенчестве и стали нормой с началом исполнения исследовательских задач в ЛО ИВ АН СССР, куда он был единственным из «группы 18-ти» зачислен по окончании учебы в ЛГУ и аспирантуры младшим научным сотрудником. А далее шаг за шагом, методично и последовательно шел рост научного мастерства, а с ним и восхождение по ступеням того, что называют «карьерной лестницей». И так было вплоть до площадки на вершине пирамиды — заведующего Ленинградским отделением, в котором работали и работают самые, пожалуй, авторитетные в стране специалисты по китаеведению и другим областям классического востоковедения. Е.И. Кычанову досталась тяжелейшая доля — возглавлять институт в «окаянные 90-е», и он, проявляя на сей раз соответствующие моменту административные способности, сделал все возможное (и, догадываюсь, невозможное тоже!), чтобы сохранить его на плаву и сбереечь уникальные кадры сотрудников.

Высокая значимость результатов многолетней работы Е.И. Кычанова подробно представлена во вступительной части сборника. Ясно, однако, одно — эти результаты позволяют причислить юбиляра к разряду тех видных исследователей, кто во второй половине XX в. поддерживал, укреплял и развивал сильные традиции классического русского китаеведения, а также продолжал и (возблагодарим судьбу его!) продолжает их в новом веке. Да продлится это как можно дольше!

А теперь перейду к исследовательской части статьи, археолого-востоковедный сюжет которой касается одной из любимых тем Е.И. Кычанова — ко-

Рис. 1.

Скала святылища Их Тэнгэрийн-ам. Фото автора

чевой империи Чингисидов. Сюжет этот отражен в необычном для историка-востоковеда источнике — наскальном искусстве.

Вводные замечания. Долина р. Толы и расположенные вдоль ее берегов горы, где выстроились кварталы домов современной столицы Монгольской Народной Республики, Улан-Батора, с эпохи каменного века привлекали внимание тех, кто осваивал, а затем капитально обустроивал центральноазиатский регион Евразии, основополагающий на Востоке стержень кочевого мира. К имеющим фундаментальную ценность памятникам относятся открытые здесь первыми исследователями старины, а затем и профессиональными археологами впечатляющий погребальный комплекс выдающегося полководца времени средневековья Тоньюкука, грандиозный памятник буддийской культуры, выстроенный на склонах священной горы Богдо-уул, а из ранних объектов культово-религиозного назначения — два святылища с обширными наскальными изображениями эпохи кочевников раннего железного века — *Хачурт*¹ и *Их Тэнгэрийн-ам* (рис. 1)².

Источники исследования. Святылище Их Тэнгэрийн-ам («Падь Великого Неба»), расположенное в ближайших окрестностях Улан-Батора, на левом берегу Толы, недалеко от резиденции президента республики, является поис-

¹ Окладников, Запорожская 1970, с. 262. Интерпретации см.: Ларичев 2009а.

² Окладников 1962; Окладников, Запорожская 1970; Окладников, Ларичев 1967; Ларичев 1968.

Рис. 2.

Изображения черной тушью монгольского времени:

1 — женщина в характерном монгольском одеянии; 2 — божественная лань;
3 и 4 — онгоны. Копия выполнена художником Ю. Кузнецовым

тине уникальным. Эта уникальность состоит в том, что на скальной плоскости подножия горы Богдо-уул в непосредственной близости одна от другой размещены две *разновременные* композиции. Одна из них относится к *монгольскому времени*, ее составляют выполненные черной тушью изображение женщины, несколько сопровождающих фигур и знаков (рис. 2), а также вертикальные строчки текста, выписанного монгольской скорописью; другая композиция — *раннего железного века*, в нее входят сделанные охрой рисунки животных и так называемых «оградок» — квадратов, заполненных множеством округлых пятен (рис. 1 и 3).

Столь уникальное святилище появилось, вероятно, тогда, когда священнослужители времени, близкого, судя по всему, периоду становления «Небесной империи», обнаружили святилище своих предшественников и, видимо, сочли необходимым зафиксировать такой важный для них факт. На мысль о том, что у скалы около устья Их Тэнгэрийн-ам воздавали хвалу богам именно их дальние предки, наводили, по всей видимости, изображение орла, парящего над квадратом с пятнами (рис. 3; ср. подобие сокола на родовом знамени Чингис-хана с рис. 4), и рисунки отдельных животных, в определенной мере напоминающих мифологическую прародительницу монголов — пятнистую лань, божественную Олун-гоа, «Прекрасную маралуху» (рис. 2, 2).

Композиция монгольского времени. Интерпретация фигур. В статье для «Монгольского археологического сборника», опубликованного АН СССР к 40-летию юбилею Монгольской Народной Республики, руководитель со-

ветско-монгольской археологической экспедиции А.П. Окладников презентовал рисунки, выполненные тушью. Главную фигуру композиции (рис. 2, 1) он описал как изображение анфас «женщины, и при этом, бесспорно, монголки по национальности, одетой в типично монгольский костюм — широкий внизу халат с перехватом талии вверху... с висячими украшениями на груди, расположенными ярусами... с косой, высоким головным убором *боктак*, украшенным веточкой наверху. Женщина была обута в характерно монгольские сапоги — *гутулы*, с приостренными носками, чуть загнутыми вверх»³. А.П. Окладников сравнил этот рисунок с описанием облика монгольских женщин в путевых записках европейских путешественников Гильома де Рубрука и Плано Карпини, а также китайских послов южносунской династии Пэн Да-юя и Сюй Тина. Он сделал вывод, что на скале Их Тэнгэрийн-ам сохранился «единственный принадлежащий кисти монгольского художника портрет монгольской женщины XIII–XIV вв. и вместе с тем древнейший образец художественного мастерства монголов. Это универсальный историко-этнографический документ, драгоценный памятник искусства и культуры монгольского периода»⁴.

Поскольку рядом с портретом женщины были изображены «человеческие фигурки», близкие по виду шаманским *онгонам* (рис. 2, 3, 4), и пятнистая лань-прародительница (рис. 2, 2), то А.П. Окладников истолковал женскую фигуру как некую «богиню, может быть дарующую счастье и плодородие, которой поклонялись древние монголы»⁵. Эту интерпретацию он подкрепил предварительным переводом надписи, выполненным Ц. Доржсурэном. Она представляла собой вариант традиционной ритуальной молитвы древних монголов — их заклятья и благопожелания: «Силою вечного синего Неба и при помощи великого счастья перед этой скалой преклонимся во имя счастья!»⁶.

Композиция № 1 раннего железного века, ее структуры и числовые значения. Видимо, этот отдел святилища имел особое значение, ибо рисунки, включенные в него, размещаются вверху и на самой обширной из скальных плоскостей (рис. 1 и 3). Организующий центр композиции — четырехугольная структура, сплошь заполненная округлыми пятнами охры. Над четырехугольным обводом «двора» изображена парящая хищная птица, по-видимому орел или сокол. Чуть ниже левого верхнего угла размещаются вертикальная строчка из трех округлых пятен — 2 → 1 (рис. 3, а (1) и горизонтально ориентированный ряд антропоморфных фигур (рис. 3, в (8)). Одна из них, вторая справа — большего роста, чем остальные (рис. 3, б (5)). Левее нижнего левого угла четырехугольника располагается изображение крупного животного (сохранилась лишь задняя половина его тела), по-видимому лося или оленя (рис. 3, д (9)). Голова его обращена влево. Ниже «двора» изображены две фигуры животных, идущих вправо (рис. 3, д (10, 11)), и три антропоморфные фигуры

³ Окладников 1962, с. 70.

⁴ Там же, с. 72.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 73.

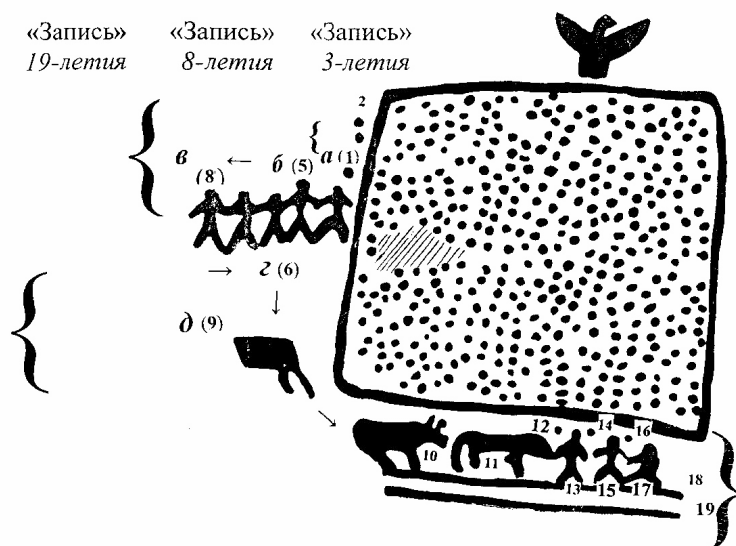

Рис. 3.

Композиция № 1 святилища Их Тэнгрийн-ам:

a — 3-й год системы счисления лунного трехлетия; в него интеркалировался дополнительный лунный цикл с целью выравнивания лунного трехлетия с трехлетием солнечным; *b* — 5-й интеркаляционный год восьмилетия (счисление фигур ведется справа налево); *v* — 8-й интеркаляционный год восьмилетия; *z* — 6-й интеркаляционный год 19-летия (счисление фигур ведется слева направо); *d* — 9-й интеркаляционный год 19-летия; 12, 15, 17, 19-й интеркаляционные годы 19-летия. Заштрихованный участок внутри «оградки» — зона размещения семи несохранившихся пятен охры

(рис. 3, *d* (13, 15, 17)). Их отделяют одну от другой и от ближайшего зверя три округлых пятна (рис. 3, *d* (12, 14, 16)). Ноги всех пяти фигур опираются на широкую линию, под которой параллельно ей располагается еще одна такой же протяженности линия (рис.3, *d*, соответственно (18 и 19)). Всего символических и образных знаков, исключая парящего орла, — 19.

Интерпретация фигуративных «записей» чисел. Детальное, с подчеркиванием отдельных деталей описание структур сделано мною преднамеренно, ибо в противном случае трудно будет объяснить информационную значимость отдельных чисел, зафиксированных посредством знаков и фигур, размещенных слева и ниже «оградки».

1. **«Запись» системы счисления лунного трехлетия.** Таковой видится вертикально ориентированная строчка из трех округлых пятен охры (рис. 3, *a* (2+1)), расположенных ниже левого верхнего угла «оградки»: два верхних из них отчетливо отделены от нижнего, третьего, свободным от знаков пространством. Такое подразделение «записи» числа 3 сделано, полагаю, преднамеренно: в древнейшем варианте счисления лунного времени два года назывались простыми (их длительность составляла 354 суток), а тре-

тий — эмболистическим, т.е. дополненным 34 днями, $1\frac{1}{4}$ сидерического (смещение Луны на фоне звезд) месяца. Такая интеркаляция позволяла выровнять лунное трехлетие с трехлетием солнечным: 34 суток: 27,32 суток = $1,2445 \approx 1\frac{1}{4}$ сидерического месяца; $(354 \text{ суток} \times 3) + 34 \text{ суток} = 1096 \text{ суток}$: $365,242 \text{ суток} = 3,000750 \approx 3$ солнечных года.

2. **«Запись» системы счисления лунно-солнечного 8-летия.** Количество счетных элементов, пятен — 3 и антропоморфов — 5 (рис. 3, в (3+5)), размещенных около левого верхнего угла «оградки» (всего знаков 8), и примечательное варьирование высоты фигур (две правые чуть более высокие, чем три левые) позволяют усмотреть в «записи» систему счисления времени в течение лунно-солнечного восьмилетия. Этот цикл, хорошо известный жрецам ранних цивилизаций Восточного Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, был примечателен остроумной попыткой совместить целочисленные периоды обращений трех светил — Луны, Солнца и ярчайшей из планет неба — Венеры.

Время в течение 8-летия отслеживалось по годам лунным с подключением в третий, пятый и восьмой годы интеркаляционных циклов, 34, 22 и 34 суток соответственно. Как можно убедиться, именно эти годы оказываются четко выделенными в «записи»: третий год определяет одиночное пятно а (рис. 3, а (1)), пятый — более высокий антропоморф б (рис. 3, в (5)), а восьмой — последний из антропоморфов в (рис. 3 в (8)). Интеркаляция в 8-летие $(34+22+34 = 90 \text{ суток})$ приводит к тому, что в периоде такой длительности оказывается целое число синодических (смещение Луны относительно Солнца) месяцев — 99. По расчетам календаристов, длительность каждого из 51 месяца принималась равной 30 суткам, а каждого из остальных 48 месяцев — 29 суткам, что ликвидировало дробность в счислении суток: $(51 \text{ синодический месяц} \times 30 \text{ суток}) + (48 \text{ синодических месяцев} \times 29 \text{ суток}) = 2922 \text{ суток}$.

Но именно такое количество дней составляют 8 солнечных лет и 5 синодических (относительно Солнца) оборотов Венеры:

$2922 \text{ суток}: 365,242 \text{ суток} = 8,0001 \approx 8$ солнечных лет;

$2922 \text{ суток}: 583,9 \text{ суток} = 5,0042 \approx 5$ оборотов Венеры.

Видимо, столь редкостное в гармоничной красоте календарно-астрономическое обстоятельство предопределило конструкцию оберега — ожерелья царей Месопотамии, а именно включение в него лишь трех подвесок — символов Луны, Солнца и Венеры.

3. **«Запись» системы счисления лунно-солнечного 19-летия.** Из всех известных систем счисления, ориентированных на выравнивание лунного потока времени с потоком времени солнечным, почти идеальной (максимально возможной) точностью отличается 19-летний период (в истории календаристики известен как «Цикл Метона»; по письменным источникам появление его астрономы относят к середине V в. до н.э., а по астроархеологическим сведениям — к эпохе верхнего палеолита)⁷. Коротко говоря, суть оптимальности счисления времени лунно-солнечными 19-летиями сводится к тому, что

⁷ Подробно см.: Ларичев 1996; 1998.

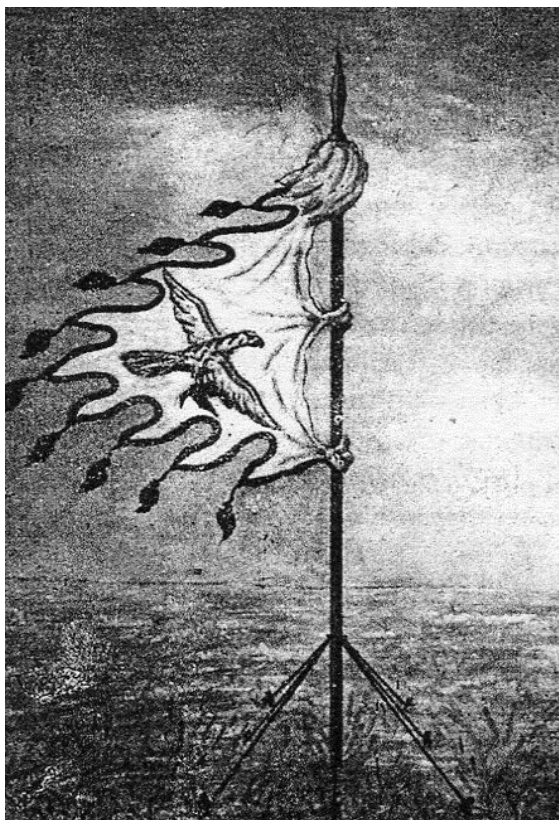

Рис. 4.

Родовое знамя Чингис-хана. Серый кречет, несущий жертву — вóрона, хранителя рода Чингис-хана. Рисунок сделан по описанию знамени в «Сокровенном сказании»

целое число синодических месяцев (235) составляет такое же количество суток, какое составляют 19 солнечных лет:

235 синодических месяцев × 29,5306 суток = 6939,689 суток;

19 солнечных лет × 365,242 суток = 6939,602 суток.

В таком случае несоответствие (*превышение*) лунного времени над временем солнечным составит *2,1 часа* и, значит, достигнет *1 суток* лишь по истечении *219 лет* (тогда, допустим, *полнолуние в день летнего солнцестояния*, которое наблюдалось *более двух веков назад*, сместится на *1 день вперед*).

Чтобы все изложенное произошло в реальности, следовало на протяжении *19 лунных лет в семь из них интеркалировать добавочные, 13-е месяцы*. Таковыми годами, по мнению современных астрономов и календаристов, были следующие порядковые номера годов: *3, 6, 9, 12, 15, 17 и 19*.

Количество знаков и образов, размещенных вдоль левой и нижней сторон «оградки», составляет число *19*: *3 (пятна) → 5 (антропоморфы) → 1 (живот-*

ное) → 2 (животные) → 3 (антропоморфы) → 3 (пятна) → 2 (параллельные линии), что со значительной долей вероятности *следует воспринимать художественно-знаковой «записью» цикла Метона.*

Установим теперь особо важное в этой «записи» — какие знаки определяли *лунные годы*, длительность которых составляла не 12, а 13 *синодических* месяцев: № 3 — пятно; № 6 — антропоморф *г*; № 9 — частично сохранившаяся фигура животного; № 12 — пятно; № 15 — антропоморф; № 17 — антропоморф; № 19 — нижняя из двух параллельных линий.

4. **«Записи» систем счисления синодических оборотов Сатурна и Юпитера.** В завершение интерпретации композиции № 1 определимся с самым, пожалуй, загадочным в ней — что призваны были отразить пятна, размещенные в пределах «оградки»? Большое количество их подталкивало к мысли, что они символизировали сутки то ли *лунного* (354), то ли *солнечного* (365) года. Подсчет знаков не оправдал, однако, такое предположение — *в пространстве квадрата находилось 371 пятно*, что близко совсем иному календарному циклу, *планетарному*, а именно — *длительности синодического оборота самой дальней из «блуждающих звезд» небосвода — Сатурна (378,1 суток).* Поскольку левее центра квадрата размещался разрушенный участок поверхности скалы (см. на рис. 3 заштрихованную часть поля; ср. это место с рис. 1), то, надо полагать, *первоначально знаков в «оградке» было 378.* В связи с этим стоит обратить внимание на не менее примечательное обстоятельство: при суммировании количества знаков в квадрате с количеством знаков на периферии его $[19+1 \text{ (орел)} = 20]$ *получим число, близкое длительности синодического оборота второй дальней планеты небосвода — Юпитера: 378 сут.+19 сут.+1(орел) сутки = 398 ≈ 398,9 суток!*

Краткие итоги поиска. Числовые составляющие структур композиции № 1 святылища «Падь Великого Неба» засвидетельствовали высокий уровень астрономических знаний, совершенство систем счислений *лунного* и *солнечного* времени в разной продолжительности многолетий, а также осведомленность в арифметике и умение совершать сложные числовые операции, когда постоянно приходилось иметь дело с неудобными для ведения вычислений дробными календарными величинами. Расшифровка всего лишь одной композиции святылища подтвердила выводы, которые были сделаны в ходе раскрытия информационной значимости сходного стиля композиций святылища Хачурт, расположенных в долине той же реки Толы и датированных тем же временем⁸.

Естественный вопрос: являются ли обширные в астрономии и календаристике знания жречества культуры железного века Монголии наследием более ранних культур региона или это бесценное богатство усилий ума привнесено извне (первое, что напрашивается — конечно же, из всегда все цивилизующей Поднебесной, Китая)? Полагаю, что истину отражает отнюдь не *второе*, а *первое* предположение. Такое утверждение подтверждают астрального характера наскальные изображения святылищ предшествующей культурной эпохи

⁸ Ларичев 2009а.

Монголии — *времени бронзового века*⁹. И о том же весомо свидетельствуют факты зарождения интереса к Небу и светилам в культурах *верхнего палеолита* юга Восточной и Западной Сибири, близкого северным окраинам Монголии¹⁰.

Анализ составляющих композицию № 1 святилища «Падь Великого Неба» знаков и образов в числовом аспекте подтвердил их *космическую, пространственно-временную* информативность. Особое волнение вызывает напрашивающийся вывод о том, что *в образах людей, крупных копытных животных и орла отражались идеи древних о живых воплощениях на Земле небесных богов — «блуждающих»* (т.е. смещающихся по небосводу, а значит, «наделенных жизнью») светил: *Луны, Солнца* и по меньшей мере трех планет — *Венеры, Юпитера и Сатурна*. Это они творили самое интригующе-загадочное чудо природы — *Время* и определяли *ритмы всех аспектов бытия* кочевников раннего железного века Центральной Азии.

Литература

- Ларичев 1993 — *Ларичев В.Е.* Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов мира. М.: Восточная литература, 1993, с. 38–69.
- Ларичев 2006 — *Ларичев В.Е.* Ленский дракон и Время (астрономический, календарный и космогонико-мифологические аспекты семантики панно с чудовищем, которое вознамерилось проглотить Мироздание) // Древности Якутии. Искусство и материальная культура. Новосибирск: Наука, 2006, с. 102–136.
- Ларичев 2007 — *Ларичев В.Е.* Небожители: космическая охота со сворами собак (опыт интерпретации каноничных сюжетов наскального искусства эпохи бронзы) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Издательство Барнаульского государственного университета, 2007, с. 105–109.
- Ларичев 2009а — *Ларичев В.Е.* Панно изображений богов и «Записей» Времени. «Прочтение» знаково-образных «текстов» святилища *Хачурт* (реконструкция однолетних и многолетних систем счисления лунно-солнечных циклов в культуре палеометалла Центральной Азии) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. III. Барнаул: Издательство Барнаульского государственного университета, 2009, с. 86–104.
- Ларичев 2009б — *Ларичев В.Е.* Реконструкция систем счисления времени на раннем этапе верхнего палеолита Сибири и проблема происхождения искусства (по материалам поселения Малая Сья) // *Астроархеология — естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии*. Красноярск: Издательство «Город», 2009, с. 107–133.
- Ларичев 2010 — *Ларичев В.Е.* Открытие на Алтае знаковой «записи» лунного цикла переходной эпохи от мустье к верхнему палеолиту (к проблеме зарождения в древнекаменном веке Сибири искусства, протонауки и астральной религии) // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010, с. 12–16.
- Ларичев, Аннинский 2005 — *Ларичев В.Е., Аннинский Е.С.* Древнее искусство: знаки, образы и Время. Медведь, мамонт и змеи в художественном творчестве палеолита Сибири

⁹ См.: Ларичев 2006; 2007, с. 127–133, рис. 15–17.

¹⁰ См., к примеру: Ларичев 1993; 2009б; 2010; Ларичев, Аннинский 2005; Ларичев, Липнина, Медведев, Кагай 2009.

- (семантические реконструкции). Новосибирск: Издательство СО РАН, Филиал «Гео», 2005.
- Ларичев, Липнина, Медведев, Кагай 2009 — *Ларичев В.Е., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Кагай С.А.* Ангарский палеолит: у истоков «художественного творчества» ранних *Homo sapiens* Восточной Сибири и начало обретения ими протонаучных знаний о Природе // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937. Иркутск: ООО «Амтера», 2009, с. 249–264.
- Окладников 1962 — *Окладников А.П.* Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножия горы Богдо-уула // Монгольский археологический сборник. Посвящается славному 40-летию Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1962, с. 68–74.
- Окладников, Запорожская 1970 — *Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970.
- Окладников, Ларичев 1967 — *Окладников А.П., Ларичев В.Е.* Археологические исследования в Монголии в 1964–1966 гг. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, № 6. Вып. 2, 1967, с. 80–91.

Е.И. Кычанов **и изучение документов из Хара-Хото**

Город Хара-Хото находится в хошуне Эдзина Внутренней Монголии. Китайцы называют его Ицзэна (唵則那), монголы — Эдзин-гол. Его старое китайское название — Хэйшуйчэн (黑水城), а по-тангутски он именовался 纒祇 (zjir 2.85 nja 1.21). В 1900 г., во время Монголо-Камской экспедиции (1899–1901) П.К. Козлов направил на поиски потерянного города своего помощника А.Н. Казнакова, который, однако, не добился результата. Местное население не выдавало местонахождение развалин. Чтобы получить средства на дальнейшие исследования, П.К. Козлов через несколько лет представил царю три тома научных исследований по результатам Монголо-Камской экспедиции. В июле 1907 г. путешественник получил аудиенцию у Николая II, а в октябре того же года, перед самым отбытием в новую, Монголо-Сычуаньскую экспедицию, состоялась вторая аудиенция у императора, на которой присутствовал также цесаревич Алексей.

В марте 1908 г. П.К. Козлову удалось наконец обнаружить Хара-Хото. В начале 1909 г. он раскопал древний субурган, в котором было обнаружено множество буддийских статуй, вылепленных из глины, а перед ними груды были свалены сотни буддийских сутр на тангутском языке. Находки были отправлены в Санкт-Петербург для обработки и изучения специалистами из разных стран.

Экспедиция П.К. Козлова проводилась с ведома цинского правительства и находилась под контролем местных властей. Археологические работы были разрешены официально. Появившиеся позднее неоправданные высказывания о том, что открытие П.К. Козлова было не чем иным, как «разбойным хищением», возникли на этапе напряженных дипломатических отношений двух стран и не имеют отношения к позиции китайских ученых. И сегодня нам надлежит забыть о былых разногласиях и объективно оценить заслуги П.К. Козлова. Выдающийся китайский исследователь Чэнь Инь-цюэ в свое время отметил: «Каждое поколение ученых должно иметь новые материалы для изучения

и новые научные проблемы — это и составляет тенденции эпохи». Документы, открытые П.К. Козловым, имеют огромное значение для науки: в них представлены и «новые материалы», и «новые проблемы». Нельзя забывать и того, что российские ученые первыми начали работать в области тангутоведения и всегда занимали в нем лидирующие позиции.

Изучение полученных материалов началось с исследования обнаруженного в субургане человеческого скелета, который находился в окружении буддийских статуй. По результатам исследования, проведенного антропологом Ф.К. Волковым, скелет принадлежал женщине старше 50 лет¹. По ее зубам, лицу и черепной кости можно сделать предположение о китайском происхождении. По мнению Л.Н. Меньшикова, скелет женщины мог принадлежать вдове правителя Си Ся Жэнь-цзуна (1139–1193) — Жэнь-сяо из рода Ло. Она была вдовствующей императрицей при правлении Чунь-ю (1194–1205). Когда ее старший двоюродный брат Аньцюань (1206–1211) захватил власть в результате дворцового переворота, ее сослали в Хара-Хото, где она стала монахиней и вскоре умерла. Предположение, что найденный скелет принадлежал женщине из рода Ло, подтверждается оттисками печатей Ло на обнаруженных книгах. Поэтому гипотеза Л.Н. Меньшикова представляется вполне обоснованной.

Наиболее интересным документом, найденным в Хара-Хото, является китайско-тангутский и тангутско-китайский словарь «Фань хань хэши чжан чжунчжу» (番漢合時掌中珠), исследованный А.И. Ивановым². Помимо него А.И. Иванов обнаружил словари «Тун инь» (同音) и «Вэнь хай» (文海) и в 1918 г. сообщил об этом в своей публикации³. Он также составил собственный тангутско-китайско-русский словарь, содержащий 3000 иероглифов, к сожалению, по ряду причин так и не увидевший свет.

Китайский исследователь Ло Чжэнь-юй пытался расшифровать фрагменты «Фань хань хэши чжан чжунчжу» по фотографиям, которые были высланы ему А.И. Ивановым в Киото. Его сыновья Ло Фу-чэн и Ло Фу-чан также принялись за изучение тангутского языка и достигли немалых успехов. Вскоре Ло Фу-чан безвременно скончался, а Ло Фу-чэн в 1932 г. подготовил для «Бюллетеня Пекинской национальной библиотеки» «Специальный выпуск по тангутской письменности» (Си Ся вэнь чжуань хао 西夏文專號), ставший незаменимым источником по тангутоведению. Позже Ван Цзин-жу, основной темой исследования которого была «Сутра золотого блеска», создал труд «Исследования Си Ся» (вып. 1–3)⁴, за что был удостоен премии Ст. Жюльена. Развитию тангутоведения на раннем этапе немало содействовали также труды Исихама Дзюнтаро, Поля Пеллио и Марка Аурела Стейна.

Выдающийся вклад в мировое тангутоведение внес Н.А. Невский. После возвращения в СССР из Японии в 1929 г. он приступил к изучению и инвентаризации тангутских документов Азиатского музея. Вскоре он составил краткое

¹ Волков 1914.

² Иванов 1909.

³ Иванов 1918.

⁴ Ван Цзин-жу 1932–1933.

описание тангутских рукописей и ксилографов, которое было опубликовано в 1932 г. в специальном выпуске «Бюллетеня Пекинской национальной библиотеки»⁵. К сожалению, его научным планам не суждено было воплотиться в жизнь.

После Н.А. Невского с тангутским фондом Азиатского музея работали А.А. Драгунов, К.К. Флуг и З.И. Горбачева.

Из современных российских ученых наиболее значительный вклад в тангутоведение внес Е.И. Кычанов. Один из его фундаментальных трудов — исследование тангутского памятника «Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)», изданное в Москве в 1986–1989 гг. После того как в 1987 г. вышел второй том этой работы, я в Китае подал официальную заявку на получение финансирования для ее перевода на китайский язык и одновременно организовал группу переводчиков. К тому времени, когда Е.И. Кычанов смог приехать в Китай, нами были уже подготовлены переводы первых глав. В предисловии к китайскому изданию, вышедшему в 1988 г., Е.И. Кычанов написал: «Уважаемые китайские читатели! В Народном издательстве Нинся меня попросили написать несколько слов о тангутском кодексе XII в. и его переводе на китайский язык. Скажу честно, я потратил около 20 лет на данное исследование, а также на ряд опубликованных и еще не опубликованных статей»⁶.

Перевод труда Е.И. Кычанова был издан в Иньчуани (пров. Нинся) неслучайно. Дело в том, что именно на этой территории когда-то находилось тангутское государство, а город Иньчуань был его столицей. Этот регион также примечателен тем, что здесь проживает народность хуэй, исповедующая ислам. У профессора Е.И. Кычанова в китайском издании перевода тангутского кодекса есть примечательный тезис. Он пишет: «Население Си Ся было смешанным, основную часть его составляли тангуты (цяны), китайцы, тибетцы и уйгуры. После монгольского завоевания этой территории ее населили монголы и иммигранты из Мавераннахра. Китайский язык был средством общения представителей самых разных национальностей, а религией был ислам. Вопрос о том, где и как именно это произошло, имеет вполне реальное объяснение. Почему все-таки ислам стал религией населения территории Си Ся в юаньский период (хотя и не всего населения, но подавляющего большинства)? И почему стало возможным, что ислам стал основной религией на этой территории? Необходимо отметить, что иммигранты из Западного края были выходцами из мусульманских стран. У меня нет точных сведений о количестве иммигрантов, однако очевидно, что численность чужаков должна была быть меньше численности местного населения, которое исповедовало буддизм, — тангутов, тибетцев, китайцев, уйгуров и др. Для того чтобы заставить местное население принять ислам, необходимо было иметь политическую силу, а также властную возможность для его распространения»⁷.

Объясняя этот феномен, Е.И. Кычанов сообщает, что в это время правителем данной местности стал внук Хубилая Ананда-хан. Его отец Магала, тре-

⁵ Невский 1932.

⁶ Кычанов 1988, с. 1.

⁷ Там же, с. 1–2.

тий сын Хубилая, в 1271 г. получил титул правителя Парфии. Поскольку несколько его сыновей умерли в детстве, то Ананду, когда тот родился, отец сразу же отправил в Восточный Туркестан на воспитание к Мехтару Хасану Ахтаци, жена которого, как утверждает известный историк Рашид-ад-Дин, «имела непоколебимую веру и помнила Коран наизусть»⁸.

В 1279 г. Ананда-хан унаследовал трон правителя Парфии и получил в управление тангутские территории. В скором времени большая часть из 150-тысячной монгольской армии, находившейся под его началом, была обращена в ислам. Когда об этом сообщили Хубилаю, Ананда был взят под стражу. Однако, поскольку Хубилаю для сохранения престола требовались войска Ананды, того вскоре освободили. Хубилай-хан последовал совету своей жены Кокчин-хатун и разрешил ему исповедовать ислам. Наследник Хубилая Тимур-хан сочувственно относился к исламу, что дало Ананде возможность более активно насаждать ислам во время его правления. Он был убит в 1307 г. во время дворцовой распри. К сожалению, его биография не была включена в династийную историю Юань, поскольку с точки зрения официальной историографии он считался изменником. Его современник, историк Рашид-ад-Дин, писал, что ислам наконец распространился среди солдат армии Ананды и их дети и внуки тоже будут верить в единого Бога. Тезис великого историка оказался справедливым. К минской эпохе население северо-запада Китая было практически полностью китаизировано — так здесь появились китайцы-мусульмане. «Поэтому, — заключает Е.И. Кычанов, — я полагаю, нынешнее мусульманское население Нинся-хуэйского автономного района по своему происхождению имеет тесную связь с тангутским государством»⁹.

Издание китайского перевода выдающегося труда Е.И. Кычанова совпало с нормализацией отношений между Академией общественных наук КНР и Академией наук СССР. В 1988 г. в СССР с двухнедельным визитом прибыли 10 китайских ученых. Расходы (за исключением проезда) взяла на себя советская сторона. В числе этих ученых были два тангтоведа — Ши Цзинь-бо и автор этих строк. В один из дней декабря 1988 г. два представителя Института востоковедения встретили нас в Москве и проводили на поезд в Ленинград. На следующий день в восемь утра Е.И. Кычанов и М.В. Крюков встречали нас на Московском вокзале. Это был особенно холодный день, температура достигла отметки –37 градусов. Тем не менее мы тепло приветствовали друг друга, как будто были старыми друзьями. Позже Е.И. Кычанов в своем кабинете в Институте рассказал мне о своей работе по переводу «Измененного и заново утвержденного кодекса девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)». Во время этого визита мы также посетили Государственный Эрмитаж и благодаря содействию К.Ф. Самосюк смогли познакомиться с коллекцией искусства из Хара-Хото.

В это же время возникла идея о совместном издании материалов из Хара-Хото. В 1988–1989 гг. шла переписка о возможном визите Е.И. Кычанова и

⁸ Там же, с. 2.

⁹ Там же, с. 2–3.

тогдашнего директора Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР Ю.А. Петросяна в КНР для обсуждения этого вопроса. 3 марта 1989 г. Ю.А. Петросян написал нам, что публикация тангутских документов хотя и является делом непростым, но представляется весьма желательной и что российская сторона готова обсудить этот проект либо в Ленинграде, либо в Китае весной 1990 г. В результате в апреле 1990 г. директор ЛО ИВ АН Ю.А. Петросян и его заместитель Е.И. Кычанов прибыли в Нинся для переговоров, и мы подписали соглашение о сотрудничестве в издании российской коллекции тангутских документов из Хара-Хото.

Я хорошо помню, что Е.И. Кычанов, едва успев выйти из самолета, вручил мне копию текста «Шэн ли и хай» (聖立義海). Получив это сокровище, я незамедлительно приступил к переводу. Вскоре Ван Цзин-жу показал мне фотографии тангутской версии «Сань цай цза цзы» (三才雜字), также полученные им через Е.И. Кычанова, который попросил Ван Цзин-жу сделать перевод и исследование. Кроме того, Е.И. Кычанов обратился к Ван Цзин-жу с просьбой написать предисловие к сборнику в честь столетия со дня рождения Н.А. Невского. Он также обратился к автору этих строк с предложением написать совместно с ним еще одно предисловие. Это было свидетельством доверительного отношения Е.И. к нам, китайским ученым, а также его искреннего желания сделать тангутские документы доступными для исследователей.

К визиту Ю.А. Петросяна и Е.И. Кычанова мы очень хорошо подготовились. Нас принял заместитель председателя правительства Нинся товарищ Чэн Фа-гуан, который заверил нас, что, несмотря на то что провинция небогата, местные власти готовы выделить на издание документов из Хара-Хото 2 млн. юаней. Мы имели и силы, и средства осуществить этот проект в Иньчуани, но в итоге ситуация изменилась, и по ходатайству профессора Ши Цзинь-бо руководство Академии общественных наук КНР приняло решение поручить подготовку совместного издания документов из Хара-Хото Институту национальностей АОН КНР и шанхайскому издательству «Древняя книга» (Шанхай гуцзи чубаньшэ).

Российская коллекция документов из Хара-Хото хранится в Санкт-Петербурге уже более 100 лет. Она еще полностью не раскрыта миру, немногим знакомо ее богатство, а ее главному хранителю Е.И. Кычанову в этом году исполняется 80 лет. Он посвятил этим рукописям всю свою жизнь, но сколько еще потребуется, чтобы полностью раскрыть их научное значение? Мы, тангутоведы, искренне надеемся, что совместными усилиями мирового академического сообщества вскоре сможем воплотить в жизнь задачу по классификации, оцифровке, публикации и изучению этого наследия мировой культуры.

К настоящему времени уже сделано немало, но большую часть работы еще предстоит осуществить. По моему мнению, когда тангутские материалы будут введены в научный оборот полностью, повысится интерес к ним со стороны исследователей тибетской культуры и тибетского буддизма. Потребуется усилия молодых специалистов, которых пока пусть и немного, но неизменно становится все больше. Сейчас мы можем быть уверены, что усилия сотруд-

ников шанхайского издательства «Древняя книга» помогают открыть путь для всех интересующихся культурным наследием Си Ся и, бесспорно, заслуживают высокой оценки мирового научного сообщества.

Мы знаем, что профессора Е.И. Кычанова всегда глубоко волновали проблемы воспитания специалистов для работы с тангутскими рукописями. Сегодня, поздравляя Е.И. с юбилеем, мы спешим уверить его, что китайские тангтоведы, специалисты и представители правительства Нинся готовы довести эту работу до конца. Давайте дорожить каждой секундой!

Три новых тангутских иероглифа

В ходе изучения тангутского текста «Книги о сыновней почтительности» («Сяо цзин»), записанного скорописью, я обнаружил три новых тангутских иероглифа, созданных переводчиком текста на тангутский язык. Я хотел бы почтительно преподнести их с моими комментариями в качестве подарка юбиляру — выдающемуся тангтоведу Е.И. Кычанову.

Это иероглиф, использованный для передачи китайского *я* 雅 («ода») в названии «Да я» 大雅 («Великие оды»), а также два знака, сочетание которых передает китайское слово *шэцзи* 社稷 («алтарь»).

Какое же значение имеет сочетание *да я* 大雅 в китайском языке? Как известно, «Книга поэзии» («Ши цзин») содержит разделы «Великие оды» и «Малые оды». «Великие оды» в большинстве представляют собой музыкальные мелодии столицы начала Западной Чжоу. Иногда иероглиф *я* 雅 используется для обозначения «дурных звуков варварской речи», отличных от пяти тонов (см. «Сюнь-цзы», гл. «О правлении вана» — «Ван чжи»). В предисловии Гуань-шуя к разделу «Ши цзина» «Чжоу нань» говорится, что поскольку у правления есть подъем и упадок и оно бывает великим и незначительным, то и оды также бывают «великими» и «малыми». Однако в более поздние времена «великими одами» стали называться стихи, воспевающие великие события. У танских поэтов Ли Бо и Лю Чжун-юаня есть такие произведения. В «Хань шу» содержится разъяснение, что слово *да я* 大雅 употребляется для обозначения таланта и благородства. У Бань Гу в «Одах Западной столицы» («Си ду фу») *я* 雅 имеет значение «милостивый, просвещенный». В тангутской же рукописи *я* употребляется только в значении «ода».

Рассмотрим так же значение *шэцзи* 社稷 в китайском языке. Словом *шэцзи* в древности обозначали «духов земли и злаков». В главе «Чжоу ли» описан ритуал поклонения Шэцзи-вану с принесением жертв. Древние династии первым делом устанавливали алтарь *шэцзи*, а тот, кто претендовал на ниспровержение государства, обязательно ликвидировал его. *Шэцзи* являлся символом государственной власти. В «Мэн-цзы» говорится: «Дороже всего народ. За ним следуют духи земли и злаков, а правитель ниже всего».

Отметим, что в тангутских текстах зафиксирована передача китайского *шэцзи* посредством сочетания 紂糶. Иероглиф 紂 в нем имеет значение «земля» (кит. *ту* 土), а 糶 означает «злаки» (кит. *гу* 谷). Однако в тангутском скоро-

писном тексте «Книги о сыновней почитательности», переведенном с китайского, для передачи слова *шэцзи* эти два знака не используются: автор перевода создал вместо них новые. Всего же таких новых знаков — три:

1192 80 𠄎 6075	(牙音 𠄎 音雅) ода (кит. я 雅)	𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 Кит. 《大雅》云：『無念爾祖，聿脩厥德。』 (《孝經》開宗明義章 第一)
1224 82 𠄎 6076	(正齒音 zja 音社) в соч. алтарь (кит. <i>шэцзи</i> 社稷)	𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 Кит. 富貴不離其身，然後能保其社稷，而和其民人 (《孝經》諸侯章 第三)
9824 22 𠄎 6077	(齒頭音 tsjwak 音稷) в соч. алтарь (кит. <i>шэцзи</i> 社稷)	𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 𠄎 Кит. 富貴不離其身，然後能保其社稷，而和其民人 (《孝經》諸侯章 第三)

Перевод с английского С.Ю. Рыженкова

Литература

- Ван Цзин-жу 1932–1933 — Ван Цзин-жу 王靜如. Си Ся яньцзю (Исследование Си Ся) 西夏研究. 3 輯 (в 3-х вып.). Пекин: Голи чжунъян яньцзюань Лиши юйянь яньцзюсо 北平: 國立中央研究院歷史語言研究所, 1932–1933 (單刊甲種 Series A 13).
- Волков 1914 — Волков Ф.К. Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. II. 1914, с. 179–182.
- Иванов 1909 — *Ivanov A.I.* Zur Kenntniss der Hsi-Hsia Sprache // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. Т. 3. СПб., 1909, с. 1221–1233.
- Иванов 1918 — *Иванов А.И.* Памятники тангутского письма // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. Т. 12, № 8. Пг., 1918, с. 799–800.
- Кычанов 1987 — *Кычанов Е.И.* Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн. Кн. 2: Факсимиле, перевод и примечания (главы 1–7). Издание текста, перевод с тангутского, исследование и примечания Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1987 (Памятники письменности Востока LXXXI, 2).
- Кычанов 1988 — *Кычанов Е.И.* Си Ся фа дянь — Тянь-шэн чжэн гай цзю дин синь люйлин (ди 1–7 чжан). Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание. Гл. 1–7 西夏法典 — 天盛爭改舊定新律令. Пер. на рус. яз. Е.И. Кычанова 克恰諾夫俄譯. Пер. на кит. яз. Ли Чжун-саня 李仲三漢譯, ред. перевода Ло Мао-кунь 羅矛昆校訂. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ 銀川: 寧夏人民出版社, 1988.
- Невский 1932 — *Невский Н.А.* 聶歷山. Ячжоуя боугуань Си Ся шуцзи мулу (Каталог тангутских памятников Азиатского музея) 亞細亞博物館西夏書籍目錄 // Голи Бэйпин ту-шугуань кань (Бюллетень Пекинской национальной библиотеки) 國立北平圖書館館刊. 1932 (4.3), с. 385–388. Си Ся вэнь чжуань кань (Специальный выпуск по тангутской письменности) 西夏文專號.

Li Huarui

A Reexamination of the Status of Confucianism in Tangut Culture

Related issues were discussed by the author in 2006,¹ and four years of further reflection and research have propelled a reexamination of this subject, particularly as regards Confucianism.

Considering the status of Confucianism in Tangut kingdom, we are sure that there was no Confucian ideological growth in Xi-Xia that could increase its popularity there, and that Confucian impact was fairly limited in terms of ideology. This stood in sharp contrast to Buddhism, which dominated in scholarship and ideology in Xi-Xia. By now, we are left only to consider Confucianism a means providing a kind of bureaucratized political ideology for Xi-Xia and the relatively advanced Confucian education in its mid and waning years.

A New interpretation of three pieces of historical records

Scholars have often used two references to argue for Emperor Yuanhao's support for and development of Confucianism in Xi-Xia:

“Emperor Yuanhao personally invented a writing system for his people and ... undertook to translate the *Book of Filial Piety*, *Erya*, *Four-Word Miscellaneous Words* into the local language.”²

In the 7th year of Jiayou (1062), “Yichou, King Liangzuo of Xia requested the Emperor's cursory style poetry script and pledged to build a special treasure house for storing it. [The King] also contributed fifty horses in exchange for the *Nine Classics*, *Tang History*, *Cefu yuangui*, and the official *Book of etiquette and rituals*. [The emperor] granted the Nine Classics as gifts while returning those horses.”³

¹ Originally published in Chinese as Li Huarui 2006.

² *Song shi*, ch. 485 (夏國傳), p. 13995.

³ *Xu Zizhi tongjian changbian*, ch. 196 (嘉祐七年夏四月), p. 4745.

This information can be interpreted and amended from other perspectives, however. So, even though the *Book of Filial Piety* and *Erya* were Confucian scriptures, they were not included as part of the *Five Classics* or the *Nine Classics* which were used as texts in schools and for taking imperial examinations from Han to Tang, nor as part of the *Nine Classics* or the *Three Classics* for school and imperial examination purposes during the Song dynasty. The *Book of Filial Piety* was later promoted as a classic as well, so it was often termed *jianjing* 兼經 or “as-well-classic.” Its is for its filial and moral values rather than for scholarly considerations that it was promoted during Tang and Song. For this reason, the early Tangut promotion of Confucian classics was more due to advocating moral ethics than to propagating Confucianism. Or, as other scholars have pointed out, “since Emperor Yuanhao was seeking independence from the Song government, his advertisement of a few Confucian booklets was intended more as a medium for spreading Tangut scripts than developing Confucian culture.”⁴ The fact that “Confucian” or “Confucianism” seldom appeared in collections of Tangut scripts as started by Yuanhao and Yeli Rongren testifies further to their lack of interest in it.

The second reference mentioned the importation of the *Nine Classics* into Xi-Xia, but, as some scholars have pointed out, the *Nine Classics* were never part of the curriculum in Tangut.⁵ Here we should mention that modern scholars usually take it for granted that the *Nine Classics* of the 7th year of Jiayou (1062) include the *Book of Changes*, the *Book of History*, the *Book of Songs*, the *Zuo zhuan*, the *Book of Rites*, the *Zhou Rituals*, the *Book of Filial Piety*, the *Analects of Confucius*, and the *Book of Mencius*. Yet this understanding may be wrong, for, to be sure, the *Nine Classics* had different connotations in different historical periods. The name *Nine Classics* emerged in the Tang Dynasty, and Lú Tao, a scholar of middle-to-late Song, testified that during the Five Dynasties, the Emperor of Houshu carved the *Book of Changes*, the *Book of Songs*, the *Book of History*, the *Chun qiu*, the *Zhou Rituals* and the *Book of Rites* in stone to make them available to scholars, and under the Song dynasty, the official Tian Kuang added the *Etiquette*, the *Gongyuan zhuan* and the *Guliang zhuan* to the *Nine Classics*.⁶ Scholars of the Southern Song also testified that, in the middle of the Tang epoch, Kong Yingda and Ma Jiayun added explanatory notes to the *Book of Songs*, the *Book of History*, the *Book of Rites*, the *Chun qiu* and the *Book of Changes*. During the Song dynasty, Emperor Zhenzong ordered Xing Bing to add the explanatory notes of the *Zhou Rituals*, the *Etiquette*, the *Gongyuan zhuan* and the *Guliang zhuan* to the collection.⁷ The *Book of Mencius* was officially placed on record in the *zi* (“philosophers”) section and remained so in the *Han shu*, the *Sui shu*, the *Tang shu*, and even in the *Zhaijun dushu zhi* of the Southern Song dynasty, not in the *jing* (“classics”) section. But the book caught more attention starting from mid-Tang, and with strong approval from such personages as Wang Anshi, the Cheng brothers, Zhu Xi, etc. it witnessed a rapid rise in popularity. By the time of Wang

⁴ Nie Hongyin 1990.

⁵ Li Jihe and Nie Hongyin 2002.

⁶ Lú Taj 1986, ch. 14, p. 105.

⁷ *Liuqing aolun zongwen*, p. 11–12.

Anshi's reforms, the *Book of Mencius* was already used as a textbook for civil service examinations and a Confucian classic at that. In 1124, Xi Dan, an official in Chengdu, had the *Mengzi shijing* carved in stone and formally placed it alongside other Confucian classics. Thus it can be seen that, during the Southern Song period, with the *Four Books* gradually coming into place, the *Nine Classics* also underwent some adjustments. Lǚ Zuqian revealed that "the *Nine Classics* consist of the traditional *Six Classics* plus the *Analects of Confucius*, the *Book of Mencius*, and the *Book of Filial Piety*, totaling 484,095 words."⁸ In an apt summary of the history of the *Nine Classics*, Wang Yinglin said: "In the *Jesters (Huaqi zhuan)*, the Grand Historian (Sima Qian) called the Books of *Rites*, *Music*, *Songs*, *History*, *Changes* and *Chun qiu* collectively the *Six Arts*; Ban Gu added to this list the *Analects of Confucius* and the *Book of Filial Piety*, giving rise to such appellations as *Five Classics*, *Six Classics*, and *Seven Classics*. The name *Nine Classics* was given by Chu Suiliang of the Tang Zhenguan era, and then, it was further subdivided into three groups as the *Greater Classics (Dajing)* comprising the *Book of Rites* and the *Chun qiu*, the *Middle Classics (Zhongjing)* comprising the *Book of Songs*, the *Zhou Rituals* and the *Etiquette*, and the *Lesser Classics (Xiaojing)* comprising the *Book of Changes*, the *Book of History*, the *Gongyang zhuan* and the *Guliang zhuan*. Later the three *zhuans* were combined, and the *Etiquette* was eliminated from the list, leaving the *Book of Changes*, the *Book of Songs*, the *Book of History*, the *Zhou Rituals*, the *Book of Rites* and the *Chun qiu* as the *Six Classics*. With the promotion of the *Book of Mencius*, the *Analects of Confucius* and the *Book of Filial Piety* to lesser classics, we now have all the *Nine Classics* in place."⁹ From the different explanations above we realize that the *Nine Classics* had different meanings in Northern and Southern Song, and we can gather from the decree of 1063 ("the *Nine Classics* and the *Book of Mencius*, medical books, etc., be granted to Tangut as requested")¹⁰ that the *Nine Classics* here were not a newly compiled edition, but the traditional collection of the Tang and Five Dynasties era comprising the *Book of Changes*, the *Book of History*, the *Book of Songs*, the *Book of Rites*, the *Zhou Rituals*, the *Etiquette*, the *Zuo zhuan*, the *Gongyang zhuan* and the *Guliang zhuan*.

In the third year of Renqing (1146), Emperor Renzong of Xi-Xia revered Confucius as King Wenxuan,¹¹ a fact recorded in almost all history books about Tangut as a testimony to the supreme status that Confucius enjoyed in Chinese history. This archival piece is henceforth of particular interest to scholars as a clue to the uniquely flourishing Confucianism in Tangut. It is also taken to indicate Tangut's profound grasp of the Han culture as represented by Confucianism. Yet, in fact, to put this piece of historical evidence in proper perspective, two other aspects merit serious attention: on the one hand, it shows that the emperor himself had great admiration for Confucius; on the other hand, it betrays his superficial understanding of Confucianism.

⁸ Lǚ Zuqian 1986, p. 244.

⁹ Wang Yinglin 2003, ch. 42 (藝文經解·總六經), p. 783.

¹⁰ *Xu Zizhi tongjian changbian*, ch. 198, p. 4802.

¹¹ *Song shi*, ch. 486 (夏國傳), p. 14025.

We can see that the titles given to Confucius were basically in line with a transmitter sage, or a holy teacher. From the Han dynasty onward, especially under Song, the Confucian culture has entrusted Confucius and the ruling emperors with respective duties: Confucius, Mencius and other Confucian scholars were the preachers, while Yao, Shun, Yu, Emperor Wen of Zhou, Duke Zhou, and all other emperors were practitioners, the former apparently more brilliant than the latter. That was why Confucius has been held in higher esteem than even Yao and Shun.¹² Throughout the ages, assisting the emperor and transforming him into a likeness of Yao and Shun remains the sacred duty of generations of Confucian scholars. They certainly do not wish Confucius to be confluent with the emperor; in fact, it is impossible. And the fact is, nearly eighty years before Confucius was proclaimed the King of Wenxuan in Xi-Xia, in 1074, Emperor Shenzong of Song was already prepared to do exactly that. Owing to resistance from the protocol officers, who deemed it unreasonable, the move was finally canceled.¹³ Confucianism developed and flourished during the Xining period, but protocol officials rejected the emperor's suggestion to honor Confucius as a king. Apparently, it had to do with the tradition of the Confucians' "esoteric way" of self-expression: this does not constitute eligibility to kingship. Seen in this light, Emperor Renxiao of Xi-Xia's worship of Confucius as King Wenxuan does not exactly indicate Tangut's thorough understanding of the subtleties of Confucianism.

The Causes of Confucian developments in Tangut: A tentative argument

Some scholars argue that, since Hexi 河西 and Shuofang 朔方 occupied by Tangut used to be part of the central government where Confucianism had a solid foundation, that very fact may have led to the flourishing of Confucianism in Xi-Xia state. But we need to view the phenomenon from multiple perspectives if we do not want to jump to conclusions on the basis of a few fragments or vague impressions. First, starting from Zhang Qian's "cutting through" the West during the Western Han, there was certainly substantial progress in the enculturation of Hexi and Shuofang by the Confucian regime, but with the onslaught of Anshi Rebellion in mid-Tang and the Tibetan occupation of Helong (western Gansu), there was actually an ethnic mix in those regions, where Chinese and barbarians coexisted. This was the common view of Song and Yuan historians as well as of the Confucian scholar-gentry of the era. Ouyang Xiu, the compiler of the *New History of the Five Dynasties*, had references to this area. He believed that Helong was a land of Chinese-barbarian cohabitation during the Five Dynasties, basically cut off from the central land:

“When Emperor Suzong, then in Lingwu, summoned the troops of Hexi to help quell the Anshi Rebellion, the Tibetans took the opportunity to occupy Hexi and Longyou, resulting in a million Chinese falling into barbarian rule. Emperor

¹² *Song shi*, ch. 427 (道學一), p. 12709.

¹³ *Song shi*, ch. 105 (禮八, 吉禮八, 文宣王廟), p. 2548.

Wenzong used to dispatch envoys to the western regions, who found the urban setup basically unchanged in Gan, Liang, Gua, Sha, etc.”

By the time of the Five Dynasties, with the decline of the Tibetan rule, this land was divided by the Uighurs (Huihu) and Dangxiang, but the latter did not submit any people there. China proper was in turmoil then, struggling hard to hold itself together. The four areas of Gan, Liang, Gua, and Sha had frequent contact with the Central Land, however. With the exception of Gan, which borders on the Uighurs, the government officials of Liang, Gua, and Sha still called themselves Tang officials and frequently offered to assist the Central government. Since the time of Emperor Taizu of Liang, the Lingwu military governor was also entrusted to govern Hexi while keeping an eye on Gan, Su, Wei, etc., although this was in name only, since Liang, for example, had its own governor instituted. In the 4th year of Changxing of Tang, Liang Governor Sun Chao sent his general Tuoba Chengqian, together with his entourage of Buddhist and Daoist monks, seniors, communication officers, etc. to the capital city to seek official banners from the emperor. When asked by Emperor Mingzong, Chengqian replied: “After Liang fell into Tibetan rule, a certain Zhang Yichao of Zhangye recruited an army and drove them out. Then he was named the local military governor, with 2,500 militias from Yunzhou in garrison. But then as Tang fell, it again became chaotic, and with the Turks and Uighurs on the east, Liang was isolated. Even the militias from Yunzhou could not find their way home. So the people of Liangzhou are mostly descendants of the garrisoned troops from Yunzhou.”¹⁴

It is obvious from the above that, during the later stages of the Five Dynasties, Hexi was basically sealed off from the central regime, and dominating the scene was the mixed-up cohabitation of Chinese and barbarians under Dangxiang and Turks.

There were indications that the Song people regarded these regions as part of China proper. For example, when Emperor Renzong was changing the title of his reign, he issued a decree which said that “the people of Hexi have always been part of China. As their emperor, how I lament [their tragic fate].”¹⁵ Zhang Fangping said: “The Qiang and Rong, more farmers than hunters and herders, used to live under Han and Tang as prefectures and counties ... judging from their music and education, the peoples of the five prefectures in Shuofang, Lingwu, and Hexi are probably Chinamen.”¹⁶ Yet despite this, when Qingtang 青唐 fell during the time of Yuanfu of Emperor Zhezong of Song, the Song scholar-gentry took it as an attempt to transform a barbarian region to a Chinese land, as was recorded in *Zhezong jiulu* 哲宗舊錄: “The slackening Tang rule led to successive Tibetan rebellions, and shortly after, Longyou and Hexi fell into barbarian hands. From the year of Qianyuan to Zhide, no less than twenty prefectures went barbarian, a situation that has lasted for more than three years up to now.” “Shortly thereafter Zhang Chun, *et al.*, wrote a short congratulatory note, saying that although Longxi and Heyuan had long been under barbarian rule, local peoples soon adopted the Chinese way. And owing to the slack

¹⁴ *Xin wudai shi*, ch. 74 (四夷附錄第三), p. 914.

¹⁵ *Xu Zizhi tongjian changbian*, ch. 134, p. 3198.

¹⁶ *Song zhuchen zouyi*, ch. 133, p. 1475.

control there, the Chinese soon gained the upper hand and ruled the area as if it were under the Tang regime.”¹⁷ Ma Duanlin of the Song-to-Yuan era interpreted the history from mid-Tang to the founding of Tangut basically as the Chinese transforming the barbarians, or in his own words, “after the year of Tianbao of Tang, Hexi and Longyou fell into Tibetan control. The name of Dazhong was but name only, although it persisted throughout the Five Dynasties and even to Song <...> Xichui was decidedly under Tibetan rule, giving rise to clear distinctions between Chinese and the barbarians. It was a fate to be pitied that after being part of China for centuries, these regions were perennially ruled by the barbarians.”¹⁸ Obviously, in the eyes of Chinese scholar-gentry, these were cases where China was disrupted by barbarians, where even the Chinese were assimilated into barbarian ways. That was why, when relating Yuanhao’s setting up of the *Fanxue* 蕃學 in Tangut, the Qing scholar Wu Guangcheng gave the following surmise: “Ever since the Five Dynasties, Xiazhou had been outside of the Chinese administration. The official titles there were either inherited or installed by the military, with no civil service examinations in place. Yuanhao was setting up the *Fanxue* mainly to confront the Chinese system.”¹⁹ In such a historical context, it is no longer valid to stress that Hexi and Shuofang had boasted a solid Confucian foundation before Xi-Xia was founded.

Secondly, a look at Confucian classics education in China proper may give some clue as to how Confucian education was developed in Longxi. The above argument says that the spread of Confucianism was closely connected to school education, but to be sure, access to Confucian education was fairly limited before Song, even in the Central Plain area. This is because, before Song, school education was provided mainly for the nobility and the powerful. The *Hongwenguan* and the *Chongwenguan* of Tang were both institutions for the nobility; the *Guozixue* and the *Taixue* generally received students from families ranked three to five or above; the *Simenxue* admitted students from families of the eighth rank and landowners’ descendants, while the common rank and file barely had a chance for school. The situation began to change only under the Song dynasty, which featured an important transition from the old nobility/clan society to a new civil society. This means that the rank and file had much more access to school education. But even so, Confucian moral ethics, political thought and basic knowledge were made accessible only during the later Southern Song. It is worth pointing out that school education was decidedly undeveloped during the Five Dynasties and the first sixty years of Song;²⁰ it witnessed substantial growth only during the reigns of Emperors Renzong, Shenzong and Huizong, having received strong impetus from Fan Zhongyan, Wang Anshi and Cai Jing respectively. Compared with the decline of education under the Five Dynasties and the early Song, there was a substantial Confucian revival in the reign of Qingli of Emperor Renzong of Song. The Confucian Revival has two primary objectives: firstly, it was revived in order to sustain Confucianism. Song Confucian scholars claimed that Zhou Dunyi

¹⁷ *Xu Zizhi tongjian changbian*, ch. 516, p. 12265.

¹⁸ Ma Duanlin, ch. 322 (輿地考 8: 古雍州), p. 2537.

¹⁹ *Xi-Xia shu shi*, ch. 13, p. 152.

²⁰ Cf. Yuan Zheng 1991, pp. 7–9.

and the Cheng brothers were the direct descendants of Mencius. Secondly, it was to restore the supremacy of Confucianism that was disrupted by the prevalent Buddhism and Daoism ever since Sui and Tang. This is another reminder that Confucianism was far from flourishing in China proper before Xi-Xia was founded, to say nothing of the fact that ever since mid-Tang there had been a great flourishing of Buddhism in Helong region. A more accurate picture was Confucianism steadily backtracking. With the exception of a few Dunhuang documents that contain references to Confucian classics, there is little else that testifies to the development of Confucianism in this area throughout the later Tang, the Five Dynasties and the early Song. On what grounds, then, can we claim that Confucianism had a solid foundation in Tangut? All considered, it seems wise for us not to overestimate the development status of Confucianism in Tangut from the later Tang through the Five Dynasties to the early Song.

In fact, the development of Confucian culture or Confucian education in Tangut state found recourse in conscious or unconscious absorption of Confucian political culture by the founders of Xi-Xia in the process of the latter's state-building. As Fu Bi 富弼 of Song remarked shortly after Yuanhao founded Xi-Xia (1044), "The Tuoba took an active employment of all talents after they won the regions west of Lingxia. Occupying the Chinese land, taking advantage of the Chinese human resources, claiming Chinese titles, mimicking Chinese official institutions, employing Chinese elites, reading Chinese books, wearing Chinese costumes aboard Chinese carts, practicing Chinese laws and ordinances, <...> in all these, they were very similar to the Chinese."²¹ The "Chinese" as quoted refers to the Tang and Song Chinese regimes, and the political institutions, laws and ordinances, etiquette and rituals, books and utensils mentioned were deeply embedded in Confucian culture. So despite Yuanhao's alleged effort to use "barbarian rites and *Fanxue* to confront the Chinese system," to cut off hair and to use locally invented writing systems, the contents of these rites and the *Fanxue* were inescapably Chinese. What they did was simply to use their local scripts to explicate the Chinese classics. Therefore, it can be said that even after Yuanhao started the local writing systems and the *Fanxue*, the Chinese culture remained the intellectual basis for the Fan rites and Fan studies. Not only were these Fan rites and Fan studies unable to escape the impact of Chinese culture, the latter went on to become a crucial mechanism that enabled the Dangxiang rulers to stabilize and extend their political control. It is truly unthinkable that these Dangxiang rulers were to extend their influence to Shuofang and Hexi or even Guanzhong and central plains relying on militarized nomads alone without trying to absorb parts of Chinese culture. So the development of Confucianism in Tangut state in this period was in essence an attempt to learn and benefit from the Chinese bureaucratic system and political culture. In other words, a distinction has to be made between passive acceptance of Confucian politics and moral ethics induced by efforts to mimic the Chinese politically, economically and culturally, and active pursuit and explication of Confucian classics finally giving rise to new schools of thought and new ideas.

²¹ *Xu Zizhi tongjian changbian*, ch. 150, p. 3641.

Confucian education witnessed some real progress only in later Xi-Xia, when local rulers were switching from the original mimicking of Tang and Song political institutions and culture to conscious or unconscious acceptance of Confucian culture, active study of Confucian classics, and finally active promotion of Confucian education. Frederic Engels once said that “a theory is realized in a certain state to the degree it satisfies the state’s needs.”²² Likewise, the later Tangut’s Confucian worship was dictated by the sociopolitical needs of the time. This has been studied extensively and will not be repeated here. What merits emphasis here are the major aspects of Confucian development in Xi-Xia. Tanguts practiced a civil service examination system, which provided avenues for both Fan and Han landlords and common people to participate in politics. This was certainly different from the early Tangut practices, when the court was trying to attract renegade Han intellectuals, serving as a haven for those “failed [Song] candidates, who would emigrate there and were entrusted by Yuanhao as marshals, generals, or courtiers.”²³ There was a popular story about certain Zhang Yuan and Wu Hao who at the Tangut court were helping to plan against Song—a typical example of the above situation. After civil examination was instituted and Confucian temples erected during the Renxiao era, there was a clear improvement. Not only was Confucian education promoted in Xi-Xia, the court also spent handsomely on importing Confucian classics and translating them into the local language. Among those translated were the *Analects of Confucius*, the *Book of Mencius*, the *Book of Filial Piety*, the *Erya*, etc. Besides, there was a number of partially translated compilations titled the *Jingshi zachao* 經史雜抄, the *Xinji Cixiaozhuan* 新集慈孝傳, the *Dexing ji* 德行集, as well as some independent collections like the *Shengyi lihai* 生義立海, the *Xin jijin chengdui yanyu* 新集錦成對諺語. Though the quality of translation was barely passable,²⁴ these represent a big progress on the part of the Dangxiang. With the popularity of Confucian education in Tangut, it happened that many Confucian political ideas and moral concepts found their way into local dictionaries. For example, in the *Fanhan heshi zhang zhongzhu*, a Tangut-Chinese dictionary of the later Xi-Xia compiled by Gule Maocai, one finds the following entries:

Man: saints, sages, wise men, silly men, gentlemen, petty men

Human affairs: the unity of Yin and Yang; benevolence, justice, and faithfulness; kindred affinity; the study of Sacred Canons; self-cultivation; good fame; propriety and virtues; loved by the people; a yardstick for the people; sensitivity and care for the people; gentlemanly manners; petty men’s misdemeanor; cannot do harm to your hair and body as these were given by parents, says the *Book of Filial Piety*; such single-minded fidelity belongs to piety; please allow for my ignorance of the world; even the hearing of this is my own fault.²⁵

²² Marx and Engels 1995, p. 11.

²³ *Xu Zizhi tongjian changbian*, ch. 124, p. 2926.

²⁴ See Nie Hongyin 1990a; Nie Hongyin 1990b; Nie Hongyin 1997; Nie Hongyin 2002; Nie Hongyin 2008.

²⁵ *Fanhan heshi zhang zhongzhu*, pp. 36–37, 112, 127–128, 131–136.

This is an important indicator of Confucianism permeating political consciousness and social morality of the era.

As for the development of Confucianism in other sectors, Confucianism and the Yuan politics, for example, readers can turn to a huge number of available studies that are not to be repeated here.

References

- Fanhan heshi zhang zhongzhu — *Fanhan heshi zhang zhongzhu* [A Timely Pearl in the Hand] 番漢合時掌中珠. Comp. by Gule Maocai 骨勒茂才. Ed. by Huang Jianhua 黃建華, Nie Hongyin 聶鴻音, Shi Jinbo 史金波. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川: 寧夏人民出版社, 1989.
- Jin shu — *Jin shu* [History of the Jin Dynasty] 晉書. Ed. by Fang Xuanling 房玄齡. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 2003.
- Li Huarui 2006 — Li Huarui 李華瑞. “Lun ruxue yu fojiao zai Xi-Xia wenhua zhong de diwei” [On the Position of Confucianism and Buddhism in Xi-Xia Culture] 論儒學與佛教在西夏文化中的地位. In *Xi-Xia xue* [Tangut Studies] 西夏學, 1 (2006), pp. 22–27.
- Li Huarui 2010 — Li Huarui 李華瑞. “Guanyu Xi-Xia ruxue yanjiu zhong de jige wenti” [Some Problems of the Research on the Xi-Xia Confucianism] 關於西夏儒學研究中的幾個問題. In *Xi-Xia xue* [Tangut Studies] 西夏學, 6 (2010), pp. 109–115.
- Li Jihe and Nie Hongyin 2002 — Li Jihe 李吉和, Nie Hongyin 聶鴻音. “Xi-Xia fanxue bu yi jiujiing kao” [An Inquiry into the Reasons Why the Nine Classics were Not Translated into Tangut] 西夏番學不譯九經考. In *Minzu yanjiu* [Ethno-National Studies] 民族研究, 2 (2002), pp. 89–95.
- Liujiing aolun — *Liujiing aolun* [On Main Content of the Six Classics] 六經奧論. Ed. by Zheng Qiao 鄭樵. Taipei: Taiwan shangwu yinshuguan 臺北: 臺灣商務印書館, 1986.
- Lü Tao 1986 呂陶 — *Jing de ji* [A Collection on Pure Virtue] 淨德集. Ed. by Lü Tao 呂陶. Taipei: Taiwan shangwu yinshuguan 臺北: 臺灣商務印書館, 1986.
- Lü Zuqian 1986 — Lü Zuqian 呂祖謙. *Shaoyi waizhuan* [Non-Canonical Record of the Smaller Rules of Demeanour] 少儀外傳. Vol. 1. Taipei: Taiwan shangwu yinshuguan 臺北: 臺灣商務印書館, 1986.
- Ma Duanlin — Ma Duanlin 馬端臨. *Wenxian tongkao* [Comprehensive Examination of Literature] 文獻通考. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 1966.
- Marx and Engels 1995 — *Makesi Engesi xuanji* [Selections from Marx and Engels] 馬克思恩格斯選集. Vol. 1. Beijing: Renmin chubanshe 北京: 人民出版社, 1995.
- Nie Hongyin 1990a — Nie Hongyin 聶鴻音. “Xi-Xia wen ‘Xin xiu Taixue ge’ kaoshi” [Interpreting the Newly Revised *Taixue ge* in Tangut Script] 西夏文〈新修太學歌〉考釋. In *Ningxia shehui kexue* [Ningxia Social Sciences] 寧夏社會科學, 3 (1990), pp. 8–12.
- Nie Hongyin 1990b — Nie Hongyin 聶鴻音. “Xi-Xia wen ‘Xinji Cixiaozhuan’ shidu” [Interpreting the Newly Collected *Cixiaozhuan* in Tangut Script] 西夏文〈新集慈孝傳〉釋讀. In *Ningxia daxue xuebao* [Ningxia University Journal] 寧夏大學學報, 2 (1990), pp. 42–48.
- Nie Hongyin 1997 — Nie Hongyin 聶鴻音. “‘Zhenguan zhengyao’ de Xi-Xia wen yiben” [The Tangut Translation of *Zhenguan zhengyao*] 〈貞觀政要〉的西夏文譯本. In *Guyuan shizhuan xuebao* [Journal of Guyuan Normal College] 固原師專學報, 1 (1997), pp. 63–65.
- Nie Hongyin 2002 — Nie Hongyin 聶鴻音. “Xi-Xia wen *Jingshi zachao* chutan” [A Preliminary Study of *Jingshi zachao* in Tangut Script] 西夏本〈經史雜抄〉初探. In *Ningxia shehui kexue* [Ningxia Social Sciences] 寧夏社會科學, 3 (2002), pp. 84–86.

- Nie Hongyin 2008 — Nie Hongyin 聶鴻音 “Tangut Script Translation of *Kongzi and Tanji*” 〈孔子 and 壇記〉的西夏譯本. In *Minzu yanjiu* [Ethno-National Studies] 民族研究, 3 (2008), pp. 89–95.
- Pi Xirui — Pi Xirui 皮錫瑞. *Jingxue lishi* [History of the Study of Canons] 經學歷史. 2nd ed. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 2008.
- Qian Han shu — *Qian Han shu* [History of the Former Han Dynasty] 前漢書. Ed. by Ban Gu 班固. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 1995.
- Song shi — *Song shi* [History of Song Dynasty] 宋史. Ed. by Tuotuo 脫脫. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 1977.
- Wang Yinglin 2003 — Wang Yinglin 王應麟. *Yu hai* [The Jade Sea] 玉海. Yangzhou: Guangling shushe 揚州: 廣陵書社, 2003.
- Xin wudai shi — *Xin wudai shi* [New History of Five Dynasties] 新五代史. Ed. by Ouyang Xiu 歐陽脩. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 1995.
- Xi-xia shushi — *Jiaozheng Xi-xia shushi jiaozheng* [The Proofreading of the ‘Xi-Xia shushi’] 西夏書事校證. Comp. by Wu Guangcheng 吳廣成, ed. by Gong Shijun 龔世俊. Lanzhou: Gansu wenhua chubanshe 蘭州: 甘肅文化出版社, 1995年.
- Xu Zizhi tongjian changbian — *Xu Zizhi tongjian changbian* 續資治通鑑長編. [Materials in Continuation of the *Comprehensive Mirror to Aid in Government*] 續資治通鑑長編. Ed. by Li Tao 李燾. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 2004.
- Yuan Zheng 1991 — Yuan Zheng 袁征. *Song dai jiaoyu* [Education under the Song Dynasty] 宋代教育. Guangzhou: Guangdong gaodengjiaoyu chubanshe 廣州: 廣東高等教育出版社, 1991.
- Songchao zhuchen zouyi — *Songchao zhuchen zouyi* [The Officials’ Remonstrances to the Throne under the Song Dynasty] 宋朝諸臣奏議. Comp. by Zhao Ruyu 趙汝愚. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 1999.

Lin Ying-chin

The Principles of Tangut Text Interpretation: Taking 𗵑 zju² as an Example*

Based on the author's own experience in the Tangut language, this article illustrates basic principles of Tangut text interpretation with linguistic concerns. Two main points are stated as follows.

The first main point of the article focuses on the Tangut character 𗵑 zju², seeking an appropriate interpretation of it based on several Chinese-Tangut translation materials. According to these texts, 𗵑 zju² can either serve as a phonetic transcription of Chinese proper nouns such as *rǔ* 汝, *rú* 孺, *rú* 如 and *rú* 儒 or a semantic translation of several Chinese lexemes. Based on existing sources, the semantic concept of 𗵑 zju² is associated with 'the distinction of the shapes between two or more objects after deliberate measurement.'

It is also clear that 𗵑 zju² has a salient verbal property. As we can observe, 𗵑 zju² can go after the prefix 𗵑 djij². Also, it can appear before the sentence-final particle 𗵑 lj+¹, the nominalized character 𗵑 ·jjj¹ indicating the property of its argument, and the character 𗵑 ku¹ which serves as a conjunction to connect two sentences. Similar interpretation of 𗵑 zju² can also be adopted in the contexts where 𗵑 zju² serves as an attribute of nouns or goes after the interrogative pronoun 𗵑 ljø².

* This article is originally my personal memorandum of Tangut text interpretation. In August 19th, 2011, this article was used as a handout for my oral presentation at the Second International Conference on the Tangut Studies in Wuwei, Gansu Province. At that time the article was simply based on Sentences (5) and (6), with respect to interpreting the common meaning of 𗵑 zju² shared between Sentences (5)–(8) recorded in *Nv-II*, p. 484, along with further analysis of three related Tangut sentences from *Jiangyuan, Beidi*. In the new version, materials from the Tangut law *Tiansheng lüling* are added, together with some more specific discussions. Based on Professor Kychanov's twenty-year devotion to the *Tiansheng lüling* that lightens the path of Tangut literary studies, I am able today to engage in further analysis of the character 𗵑 zju² from *Tiansheng lüling*. I sincerely wish to dedicate this article to Professor Kychanov in celebration of his birthday, as a salute to his brilliant contribution to the Tangut language studies. Finally, I am deeply grateful to Victoria Chen, now of the University of Hawaii, who generously helped me revise the writing of English.

Second, I illustrate several principles of Tangut text interpretation from a linguistic perspective. The basic idea is the discipline of four-line glossing, along with an emphasis on a clear and thorough understanding of the syntactic property of Tangut with respect to giving coherent interpretations. The discipline of four-line glossing guarantees objective translations, avoiding vague interpretations as well as providing a better way for readers to make their own judgments about the texts. On the other hand, despite the fact that these texts cannot be properly interpreted without taking into account the original goals of Chinese or Tibetan literature, the syntactic property of the Tangut language itself should always be prioritized and carefully considered.

§ 1. Some examples with reference to 𗉑 zju²

§ 1.1. 𗉑 zju² serving as phonetic transcription of Chinese

𗉑 zju² is basically a rarely used character.¹ According to Nevsky (1960, vol. II, p. 484; hereinafter Nv-II) and Li Fanwen (1997, No. 5708), this character is a loanword from Chinese (the source is the character *rú* 如). In fact, in the Tangut *Leilin*, this character often serves as the phonetic transcription of Chinese characters such as *rǔ* 汝, *rú* 孺, *rú* 如 and *rú* 儒, as shown in the following materials.

1. 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑
 zju² na¹ ljɿ² ·io¹ tsjow¹ ·jwā¹ pie¹ rjir² wji¹ dǰjwɿ¹ rjɿr² wji¹
 [汝南] 地 方 [張 元 伯] 與 友 友 △ 爲。
 Rǔnán place Zhāng Yuánbó with friends PRE. do/be²
 與汝南張元伯爲友。
 ‘be friends with Zhāng Yuánbó from Rǔnán.’ (l. 156-1)³

¹ The tentative claim that 𗉑 zju² is a rare word is based on the fact that it is seldom used, for which reason scholars are still unable to give a clear explanation of its meaning. However, it is not because of its rareness that I choose it as an example for this article. In the spring of 2011, I had the pleasure of reading Dr. Galambos’s manuscript, ‘The northern neighbors of the Tangut.’ In the Tangut text *Jiangyuan, Beidi* which this manuscripts dealt with, 𗉑 zju² appears three times: 𗉑 (/ 樞 / 毅) 𗉑 𗉑 𗉑 lew¹ (/ njɿɿ¹ / sɿ¹) tsew² zju² sjij¹ ηwu², which corresponds to the Chinese sentence *yī* (èr/sān) *yě* — (二 / 三) 也. In this example, there is no appropriate Chinese character to serve as a translation of 𗉑 zju², as discussed in § 2.

² Abbreviations used in this paper are as follows: CONJ: conjunctive; NEG: negative; PART: particle; PL: plural; POST: postposition; PRE: prefix; SUF: suffix; TOP: topic.

³ In l. 278-3 and 280-5, there are also two sentences that adopt 𗉑 zju² na¹ as the phonetic transcription of the Chinese proper noun *rǔnán* 汝南. Also, in 275-4, the sentence 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑 𗉑 zju² na¹ zjɿr² rjijr¹ dzjwo² ηwu¹ can be interpreted as *rǔnán nánfāng rén* 汝南南方人 ‘a southerner in Rǔnán’. Despite the fact that it is rather different from the sentence *hénán yǐngchūān rén* 河南潁川人 in the Chinese text *Leilin zashuo* ‘a person from hénán Yǐngchūān,’ the use of 𗉑 zju² na¹ as a phonetic transcription of *rǔnán* 汝南 is appropriate.

2. 穉 嶽 峴 嶺 務 精 勁
 sju² tsǿj² nioow¹ mjij² źju² tsə¹ ·jɿ²
 [徐 稚] 又 名 [孺 子] 謂。
 XúZhì literati.name Rúzǐ say
 徐稚字孺子。(l. 282-1)
 ‘XúZhì has a literati name called RúZǐ.’

3. 芥 嬭 務 苑 羸 豨 胤 穉 務 斂 覈 覈 纒 務
 šju¹ lhjij² tsǿw¹ nji² mjij¹ sə¹ biao² sjo² źju² do² kjɿ¹ dew² wji¹
 [蜀] 國 [卓] -▽ 女 [司 馬 相 如] 處 △ 奔 爲。
 Shǔ state Zúo -PL. woman Sīmǎ Xiàngǔ place PRE. run do/be
 蜀卓氏女奔司馬相如。(l. 293-4)⁴
 ‘A woman of the Zúo family in Shǔ state ran away in order to get married to Sīmǎ Xiàngǔ.’

4. 務 頑 孺 編 籍 務 羸 斂 斂 斂 斂 斂 斂 斂
 sjwǐ¹ ljwǐ¹ ·jij¹ ljo² tsəj¹ źju² lja¹ rjijr² twu¹ mja¹ do² kjwǐ¹ tsja¹ šji²
 [荀 倫] 之 弟 [儒] 北 方 邊 母 處 跪 拜 往。
 Xúnlún GEN. brother Rú northern.frontier mother place kneel.bow, go
 (荀) 倫弟儒北方省舅氏。(l. 415-7)⁵
 ‘Xúnlún’s younger brother Rú goes to the north to visit his wife’s parents.’

§ 1.2. 務 zju² serving as semantic translation of Chinese

Despite the fact that 務 zju² is often used as phonetic transcription of Chinese characters, examples such as Sentence (5) from *Leilin* and others indicate that 務 zju² does have actual semantic meanings. Furthermore, based on the syntactic property of Tangut we have sufficient evidence to claim that 務 źju² is the main predicate of the sentence, since there is a sentence-final particle 斂 ljɿ¹ that goes after 務 źju² indicating the end of the sentence.

⁴ As for the character 孺 nji² in this sentence, I agree with Kepping’s opinion (1981) that 孺 nji² is a plural marker, indicating that the preceding 務 tsǿw¹ is a family name (hence it bears a plural connotation).

⁵ The ninth character of this sentence is clearly 斂 lha⁻, instead of 斂 twu¹. However, since 斂 lha⁻ has an actual semantic meaning, it is impossible for it to appear in this context here. In my opinion, 斂 lha⁻ might actually be an incorrectly written 斂 twu¹. Since 斂 twu¹ is a locative noun that bears a similar meaning with 斂 tjǐ², it is appropriate to appear before the character 斂 do² (see also Sentence 3), a postposition that nominalizes its antecedent into a locative noun.

5. 𦉳 𦉳 𦉳 𦉳 𦉳 𦉳 𦉳 𦉳
 sjij² tshju¹ sjij² mjij¹ so¹ ʧa² bjuu² zju² ljɿ¹
 智 有，智 無，三十里 也。
 wisdom have, wisdom lack, thirty.miles PART.
 有智無智，校三十里。(l. 280-5)
 ‘The difference between the two men’s intelligence is distinguished through a thirty-mile way.’

Obviously, in this sentence 𦉳 zju² corresponds to Chinese *jiào* 校, having the meaning ‘to measure, to evaluate.’ The complete meaning of the sentence spoken by Cao Cao 曹操 is ‘after pitting ourselves against each other, our intelligence is distinguished through the thirty-mile way.’⁶ Such an interpretation agrees with the evidence from the Tangut *Sunzi*, as shown in the following sentences.

6. 𦉳 𦉳 𦉳 𦉳 𦉳 𦉳
 wjjij² zjɿ¹ su¹ ʧa² bjijij¹ zju² ku¹
 敵 如，十 倍 則；
 enemy as ten.times then
 十倍相懸（，然後…）(s. 30a-5b)
 ‘While the enemy is ten times as much as us, then...’

At first sight, it seems that the Tangut translation is rather different from the original Chinese sentence. However, in my opinion, 𦉳 zju² corresponds well to Chinese *xíngxuán* 相懸. In Chinese, *xuán* 懸 has the meaning ‘distant; highly different.’ In this sentence, *shíbèi xíngxuán* 十倍相懸 ‘ten times different from the other’ is used to describe the extreme differences in quality (e.g., military strategies, quality of soldiers, conditions of terrain, etc.) between the two armies. From such a perspective, both the semantic and syntactic property of 𦉳 zju² are clear and compatible with our previous interpretations of Example 5.

§ 1.3. The materials from Nv-II, p. 491

For the reasons stated above, I agree with Li Fanwen’s opinion and interpretation (1997, No. 5708). In his dictionary, Li cites Nv-II, p. 491, for reference. However, the shape of the character in Nv-II, p. 491 looks very different from the shape of 𦉳 zju². Without any phonological illustration, Nv-II, p. 491 simply states two sentences,⁷ as shown below:

⁶ According to *Leilin yanjiu* (Shi Jinbo et al. 1993, p. 99), the Chinese character corresponding to the Tangut 𦉳 zju² is *néng* 能.

⁷ In Nv-II, p. 484, 𦉳 zju² is noted as a phonetic transcription. Other characters that serve as transcriptions provided on the same page are 𦉳 rowr¹, 𦉳 njij², 𦉳 sioow¹, 𦉳 ʧa¹, 𦉳 sioow¹, 𦉳 ·iejr², and 𦉳 kjur². From Sofronov’s perspective, all the left-part components of these characters are identical. On the other hand, however, in Nv-II, p. 491, 𦉳 zju² is placed between the characters 𦉳 daa² and 𦉳 baj¹, in which combination these three characters do not share a common component. Also, we cannot find a character corresponding to it in Sofronov 1968.

7. 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽¹ 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽¹ 𐰇𐰺𐰽¹
 tha² tsəj¹ tshji² zju² ·jij¹ dzju¹
 大 小 根 __, 於 明
 big small root __ POSP. distinguish

‘The difference of the (shape of) the big and the small roots is clear and distinct.’

In this sentence, Nevsky explains the phrase *dàxiǎo jīfēn zhī béi* 大小機分之別 as ‘The distinction of the big and the small genius’ [*lián, xù*]. ‘Preface of *Lotus*.’ This sentence may be derived from the Chinese sentence *jīfēn xiǎodà zhī béi* 機分小大之別 ‘the difference between the sizes of the roots’ in the *Hongchuan* preface of *Miaofa lianhuajing* by Daoxuan. Here 𐰇𐰺𐰽² corresponds to Chinese *béi* 別, indicating the ‘difference’ between 𐰇𐰺𐰽² tsəj¹ tshji²: ‘the big and the small roots.’⁸

Another sentence goes as follows:

8. 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽¹ 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽¹ 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽¹ 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽¹
 dzjwo² we² tjtj² mj+¹ sjij² ljw¹ dzjwo¹ rjir¹ ljo² zju²
 人 爲, 禮 不 識, 禽 獸 __ 與 豈 __。
 human be etiquette not.understand birds.and.beasts with how __

‘Without etiquette, there is no difference between men and beasts.’

In Example 8, Nevsky compares the Tangut sentence to *jīn rén ér wú lǐ* (*suēi néng yán*) *bú yì qínshòu zhī xīn hū* 今人而無禮 (雖能言) 不亦禽獸之心乎 ‘Without etiquette, there is no difference between men and beasts, even though men are able to speak languages,’ and notes that it is cited from *Liji* (I, 6–7).⁹ Here it is applicable to adopt our previous interpretation (Examples 5–7) of 𐰇𐰺𐰽² to this sentence, since the character 𐰇𐰺𐰽² ljo² has an interrogative meaning, the phrase 𐰇𐰺𐰽² 𐰇𐰺𐰽² zju² is similar to Chinese *zěnmó fēnbéi* 怎麼分別 ‘how to distinguish it?’ or *yǒu shénmó bùtóng* 有什麼不同 ‘what is the difference?’

⁸ According to Nv-II, p. 491, cited by Li Fanwen (1997), the sentence goes as *dàxiǎo gēnfēn zhī béi* 大小根分之別 ‘the distinction between the big and the small roots’ (*liánxù* 蓮序). The ‘Preface of *Lotus*’ mentioned by Nevsky is actually the *Hongchuan* preface of *Miaofa lianhuajing* by Daoxuan. The explanation of Nv-II, p. 491, seems to correspond to 𐰇𐰺𐰽² to Chinese (*jī* 機) *fēn* 分 ‘the distinction’; also, Li interprets this character as *fēn* 分 ‘difference.’ However, the sentence preceding it is *suōyì xiānyuàn gàoichéng, jīfēn xiǎodà zhī béi, jūnhé gùmǐng, dàoshū bànmǎn zhī kē* 所以仙苑告成, 機分小大之別。金河顧命, 道殊半滿之科。In such parallel prose, the sentence *jīfēn xiǎodà* 機分小大 must correspond to *dàoshū bànmǎn* 道殊半滿 in form. Thus I suggest that *jīfēn* 機分 conveys here the meaning ‘genius’ or ‘intelligence.’

⁹ The original material seems to be preserved in St. Petersburg and numbered “Танг 5,” that is, the Tangut *Jingshi zachao* named by Nie Hongyin (2002). According to Huang Yanjun 2009, this material is the Tangut translation based on the Chinese *Xinji wenci jiujiingchao* which was discovered in Dunhuang. The original Tangut material (p. 15) includes sentences from the article of the Chinese classic *Liji, Quli: yīnwǔ néng yán, bù lí fēiniǎo; xīngxīng néng yán, bù lí qínshòu. jīn rén ér wú lǐ, suēi néng yán, bú yì qínshòu zhī xīn hū* 鸚鵡能言, 不離飛鳥; 猩猩能言, 不離禽獸。今人而無禮, 雖能言, 不亦禽獸之心乎。Parrots can speak (language), but they are still birds; orangutans can speak [language], but they are still beasts. Without etiquette, there is no difference between men and beasts.’

On the basis of the four sentences above, we are able to reach a general conclusion as to the meaning of the Tangut 務 *zju*².

(1) 務 *zju*² refers to an abstract semantic concept, having the meaning ‘the difference or distinction between two objects after deliberate measurement.’

(2) With respect to the constituents that appear before 務 *zju*² in these sentences, we can observe that in Examples 5 and 6 it is 務 *zju*²'s complement that goes before it, indicating the quantity of the ‘differences’; while in Example 7 it is the nouns 鞞 繡 *tha*² *tsəj*¹ *tshji*² ‘the big and the small roots’ which are subjected to measurement that appear before 務 *zju*². In Example 8, 蕞 *rjir*¹ marks the object 鞞 繡 *ljw*¹ *džjw*¹ ‘birds and beasts’ which is under comparison with the subject 鞞 繡 *džjw*² *we*² ‘being a man.’ Hence, in this sentence 鞞 繡 *džjw*² *we*² ‘being a man’ is also an object that is under comparison. This phrase is an antecedent of the interrogative pronoun 鞞 *lj*² which appears before 務 *zju*². Based on these materials, we can conclude that 務 *zju*² serves as the head of the sentence, that is, the verb of the predicate.

§ 2. 務 *zju*² in the Tangut text *Jiangyuan, Beidi*

The character 務 *zju*² also appears in the Tangut text *Jiangyuan, Beidi*. However, its semantic context is rather different from that in the Tangut *Leilin* and *Sunzi*, as shown in the following sentences:¹⁰

(20) 鞞 蕞 鞞 鞞 情 鞞 鞞 鞞 鞞 ……

*thja*¹ *rjir*¹ *ɣwej*¹ *lew*² *njaa*² *šjij*¹ *tja*¹ *so*¹ *mə*²

之 與 戰， 可， 非。 勢 者 三 種

they with fight, should.not situation TOP. three.types

‘(The Han) should not fight with them. The situation (of the war) can be divided into three subtypes …….’¹¹

¹⁰ The Tangut *Jiangyuan* is one of the texts discovered by M.A. Stein in Khara-Khoto. The material is preserved at the National British Library, numbered Or.12380/1840. According to the *Yingcang Heishuicheng wenxian*, vol. 2, pp. 217–219, this is a 113-line manuscript damaged at several places in the lower part of some pages. Galambos suggests that there are twenty Tangut characters per line. The Tangut sentences in this article are mainly based on Galambos (2011, pp. 97–99). In discussing these sentences, I replace the ‘□’ marker with ‘……’. Readers can check the original manuscript by the line and page number noted in this article. In addition, I dismiss five characters in l. 20, and the character 鞞 *lew*¹ in l. 26, for they are irrelevant to our discussion here.

¹¹ Because of the damage of the original manuscript, the corresponding Chinese translation is incomplete. Hence, the translation here is simply based on the meaning of the Tangut characters. Sentences from the original Chinese classic corresponding to these Tangut sentences (Galambos 2011, pp. 84–85) are cited below.

- (21) 蕤 聃 聃 輶 尾 嚳 殺 後 後 鹿 麤 麤……虱¹²
 ywej¹ tɿ² ·jar² lɿ¹ rɿjɿr² la² zɿj¹ ·o¹ njjɿr¹ khia¹ njwɿ¹ lhjɿ² lew¹
 戰，疲，勞 苦 多。廣 主 射 獵，敏 捷 一
 fight exhausted toil many wide.ruler shoot.hunting agile one
 ‘(They) fight, (they) must toil and suffer from fatigue. The ruler of the northern tribes is very good at hunting …… the first’
- (22) 礫 務 羸 毖 殺 殺 結 鹿 概 刻 窺
 tsew² zju² ʃjɿj¹ ŋwu² zar¹ gja¹ lɿ¹ ɿ² ŋwu² khwa¹ tɿ¹ njɿ¹ njɿ¹²
 第 分 勢 也。漢 軍 地 程 遠，一 日
 SUF. sub- situation PART. Han.soldier marching far, one.day
 窺 効 窺……
 ·jɿr² bjuu² dʒjɿ-
 百 里 步
 hundred.miles on.foot.
 ‘It is the (first) subtype situation. The Han soldiers are good at marching on foot. They are able to march a hundred Chinese miles within a day. ……’
- (23) 榜 馳 務 殺 殺 後 鹿 燧 疏 羸 鎗 窺 窺……
 ·ja¹ bjɿjɿj¹ gjɿj¹ zar¹ zɿjɿ¹ ·o¹ nioow¹ dʒjɿw¹ dzjɿ² dʒjɿw² dzju² njjɿ² wjɿr²
 一 倍 過。漢 廣 主 後 追，食 糧 甲 負
 one.time exceed Han wide.uler after chase provision weapon carry
 ‘doubled as much. While the Han are in pursuit of the ruler of the northern tribes, (they must) carry the provisions and weapons (on their own) ……’
- (24) 鹿 燧 飛 飛 獮 虬 飛 殺 飛
 nioow¹ dʒjɿw¹ dzeej¹ tʃhjaa¹ tʃhjɿ² rjar² lhjɿ- dʒjɿ- dzeej¹
 後 追，騎 上 疾 及。步，騎
 after chase ride above speedy reach on.foot ride
 識 殺 殺 梟 礫 務 羸 毖……殺 殺¹³
 bji² mjɿ¹ ka¹ njɿ¹ tsew² zju² ʃjɿj¹ ŋwu² zar¹ dʒjɿ-
 步 不 等。第 二 分 勢 是。漢 步
 pace unequal second sub- situation PART. Han on.foot
 ‘(While the northern tribes) chase after (an enemy), they ride on horseback and move fast. The speed of infantry and cavalry is different. This is the second subtype situation. …… the Han have (numerous) infantry

¹² Galambos considers the last character of this line to be 虱 lew¹. I agree with his view.

¹³ There are five characters lost at the end of this line. Galambos fills in four characters. I basically agree with his opinion.

- (25) 徠 駁 駁 駁 駁 駁 駁¹⁴ 馥 馥 馥 駁
 rejr² zjij¹ ·o¹ dzeej¹ dzeej² la² ljɿ¹ sjij¹ dæə¹ dæə¹ zjij¹ dzeej¹
 多，廣主 騎 多。風勢 爭，時，騎
 many wide.ruler cavalry many wind situation compete when ride

駁……

dzjɿ¹

疾

rapid

‘many (infantry), the ruler of the northern tribes has many cavalry. When competing for the situation of the wind force, the cavalry is fast as regards speed……’

- (26) 鏞 滌 茲 茲 茲 鏞 鏞 駁 鏞 懲
 khwej² thja¹ rjir¹ ɣwej¹ tjɿ² mjij¹ thjɿ² tja¹ so¹ tsew² zju²
 魁。之與戰，處無。此者第三分
 huge they with fight place have.no this TOP. third sub-

鏞 敵……

sjij¹ ɲwu²

勢也。

situation PART.

‘huge. There is no space to fight with them. This is the third subtype situation.……’

Obviously, these Tangut sentences are originally from the following Chinese text:¹⁵

漢不與戰，其略有三。漢卒且耕且戰，故疲而怯；虜但牧獵，故逸而勇。以疲敵逸，以怯敵勇，不相當也。此不可戰一也。漢長於步，日馳百里；虜長於騎，日乃倍之。漢逐虜，則齎糧負甲而隨之；虜逐漢，則驅疾騎而運之。運負之勢已殊，走逐之形不等。此不可戰二也。漢戰多步，虜戰多騎；爭地形之勢，則騎疾於步。遲疾勢懸，此不可戰三也。

The reason why the Han do not fight them is based on three strategies. The Han soldiers have to engage in farming as well as fighting, thus they are fatigued and timid. The barbarians, on the other hand, live on hunting, thus they are well rested and courageous. Using the fatigued against the well-rested, the timid against the courageous, the Han are unable to be equal to the barbarians. This is the first

¹⁴ The literal translation of 駁 鏞 ljɿ¹ sjij¹ is *fēngshì* 風勢 ‘the force of the wind.’ However, this seems to be very different from the original Chinese sentence *dìxíng zhī shì* 地形之勢 ‘the terrain.’

¹⁵ See also fn. 10, 11. I slightly modify the punctuation of the Chinese sentence, and refer to Galambos 2011, pp. 85–86 in translating this paragraph into English, only with several little modifications.

reason why the Han should not fight with the barbarians. The Han are good at marching on foot and can cover a hundred Chinese miles a day. The barbarians are good at riding on horseback and thus can cover twice as much in a day. When the Han are in pursuit of the barbarians, they have to haul their provisions and carry their armor during the chase. When the barbarians are in pursuit of the Han, however, they move at great speed and transport things on horseback. The efficiency of transporting things on horseback as opposed to carrying those on foot being so different, the means of pursuit are unequal. This is the second reason why the Han should not fight with the barbarians. In battle, the Han soldiers are mostly infantry, while the barbarians are mostly cavalry. When competing for advantageous terrain, riding is faster than walking. The difference between the efficiency of slowness and speed should be very salient. Thus this is the third reason why the Han should not fight with the barbarians.

However, the Tangut version is not a direct translation of the original text. Instead, it should be viewed as a combination of the original content and the Tangut interpreter's own understanding of the Chinese text. There are also some modifications to the wording. An obvious example comes from the change of *lǔ* 虜 to *guǎngzhǔ* 廣主 𐞗𐞙𐞚¹ ·o¹ (ll. 21, 23, 25),¹⁶ in which the former conveys the meaning 'barbarian' while the latter simply means 'the ruler of tribes.' Also, the original text is not fully translated. Instead, the Tangut version merely starts with the eighth character of line 4 in 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 *pju¹ wer¹ so¹ ʧa² ʃja¹ tsew² wēiyi dì sānshiqī* 威儀第三十七 'the thirty-seventh: demeanor', i.e., the upper part of the manuscript, l. 17 on p. 219).¹⁷

According to our understanding of the Tangut syntax, 𐞗 (/ 𐞗 / 𐞗) 𐞗𐞙𐞚² 𐞗𐞙𐞚² 𐞗𐞙𐞚² 𐞗𐞙𐞚² is a typical declarative sentence. 𐞗𐞙𐞚² is a frequently used Tangut copula that was normally a translation of Chinese sentence-final particle *yě* 也. Hence, the constituent 𐞗𐞙𐞚² 𐞗𐞙𐞚² here should be a nominal predicate. These characters also form a complex ordinal noun phrase, based on the evidence that 𐞗𐞙𐞚² is placed after the quantifiers 𐞗 (/ 𐞗 / 𐞗) *lew¹* (/ *nj⁺⁺¹* / *so¹*). However, 𐞗𐞙𐞚² should be treated as the attribute of the noun phrase (in which the stative verb serves as the head of the noun phrase). Semantically, 'dis-

¹⁶ The correspondence of 𐞗𐞙𐞚¹ ·o¹ to *guǎngzhǔ* 廣主 is based on Kepping 2003, where these two characters have the meaning of Chinese *guǎng* 廣 and *zhǔ* 主. Galambos gives a long discussion of this phrase in his article. See Galambos 2011, pp. 99–101.

¹⁷ The Tangut 𐞗𐞙𐞚 *pju¹ wer¹* can be matched with the topic of the original Chinese text *wēiling* 威令 'governing.' 𐞗𐞙𐞚² appears in line 16, as shown above.

12. 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚 𐞗𐞙𐞚
khja² tshjiw² nj⁺⁺¹ njij² rjir² tha² mji¹ ʃju² lj⁺⁺¹
 [桀] [紂] 二 王 與 大, 不 ____ 也。
Jie Zhou two.rulers POSP. big NEG. ____ PART.
 'The two rulers, *Jie* and *Zhou*'

Despite the fact that we cannot interpret the whole paragraph due to the lack of context, it is still clear that 𐞗𐞙𐞚² appears after the negative adverb 𐞗𐞙𐞚¹ *mji¹* and before the sentence-final particle 𐞗𐞙𐞚¹ *lj⁺⁺¹*. Such an order is exactly the same with the sentences mentioned in § 1.2, which supports our previous interpretation.

inction' or 'difference' may prompt one to carry out further subgrouping, hence it would be reasonable to claim that 務 *zju*² is the attribute of 羸 *sjj*¹. For the same reason, I suggest that 務 *zju*² must correspond to the Chinese character *fēn* 分, meaning 'to separate into parts, subdivide.'

§ 3. 務 *zju*² in the Tangut Code *Tiansheng lüling*

The following sentences are from the *Tiansheng lüling*, vol. II, section 6, article 4.¹⁸

(1) 殺 殺 殺 殺 殺 殺 殺 殺 殺
*lj*¹ *dzj*² *lhjw*¹ *lj*¹ *sq*¹ *mə*² *·jij*¹ *sjj*¹ *nj*²
 -- 備 取 及 三 種 已 世 等，
 M. have.obtained CONJ. three type self.generation etc.

處 處 處 處 處 處 處 處
*rjur*¹ *rjar*¹ *nji*² *phja*¹ *dzj*² *mjiij*² *·o*¹ *mji*¹
 諸 司 -▽ 斷 判； 名 有， 不¹⁹
 these.court-PL. judge trial name have NEG.

¹⁸ (1) This Tangut paragraph is cited from Kychanov 1987, vol. 2, p. 348. The line numbers listed in the article are based on the original text. From the line 2 to the last line, all of the lines in the original text are written by two characters lower than the first line. As we can see, article 4 has 13 lines. Besides the sentence discussed here, there are still 11 characters in the sixth line. Along with the following ll. 7 to 14 (proviso), they are irrelevant to our discussion, therefore I omit those sentences. (2) It is obvious that the format of the *Tiansheng lüling* imitated the Chinese classic *Tanglü shuyi*, and some articles were adaptations of the *Tanglü shuyi*. However, the *Tiansheng lüling* is not a Tangut translation of the *Tanglü shuyi*; hence the fourth line does not exist here. (3) Most parts of the *lüling* have been translated into Russian by Kychanov (1987). Li Zhongsan (1988) translated the second volume of the Russian version into Chinese. Shi Jinbo et al. (1994) translated the Tangut manuscripts (published by Kychanov) into Chinese. Then they (1999) modified the previous work (1994) based on the *Ecang Heishuicheng wenxian*, vol. 8 and 9, which had not been interpreted by Kychanov, and engaged in Chinese translation of Tangut *Minglüe* (two volumes). In addition, Shimada (2003) translated part of the Chinese version into Japanese (based on Shi Jinbo et al. 1999). (4) For the reader's reference, I provide the corresponding sentences from Shi Jinbo et al. 1999 and Li Zhongsan 1988 below.

Shi Jinbo et al. 1999, p. 151:

一無期徒刑及三種長期徒刑等，諸司人判決有名以外，而後判決各不有名者，應奏不奏，擅自判斷時，不應贖及應贖未使贖等，已承贖杖者，一律當算，當依人數多寡，罪狀高低，有一人徒三年，二人徒五年，三年以上一律徒六年。體例 格式。

Li Zhongsan 1988, pp. 40–41 (Kychanov 1987, vol. 2, pp. 54–55):

任何衙門在斷議十三年苦役滿後即于配處落戶或三期苦役 [終身苦役不得回自窩] 案時，議斷既不宣明案情，又不申奏 (儘管有可能申奏)，而擅自裁斷，或被判有罪者不能贖罪，但亦未宣明可否贖罪，或對罪犯施烙印並用刑杖者，應算錯獄，依斷錯人數 [斷錯主司] 應獲罪：[斷錯] 一人者，處三年苦役；二人者，處五年苦役；三人以上者，處六年苦役。

¹⁹ (1) See also fn. 4. 處 *nji*² in this line is also a plural marker. I suggest that 處 *nji*² indicates that the preceding phrase 處 處 *rjur*¹ *rjar*¹ should be a plural noun. There is also 處 *nji*² in the second line that indicates the preceding 殺 *·jij*¹ is a plural pronoun. (2) As for the phrase 處 處 *phja*¹ *dzj*², Shi Jinbo et al. (1999) interpreted it as 'to adjudge.' Li Zhongsan (1988) interpreted it as 'to decide somebody is guilty or not' (see also the note given above). I consider these both views acceptable.

- (2) 翻 辨 慨 徽 祗 筭 慨 葬 殺 鞞
 wjij¹ tshj¹ nioow¹ phja¹ dzj² mjij² mji¹ ·o¹ ηewr² khjij²
 有。爾 後 斷 判，名 不 有。數 告，
 have after.that judge trial name NEG. have several inform
 祿 慨 鞞 翦 苑 胤
 wo² mji¹ khjij² ·jij¹ nji² phji¹
 應，不 告；己 -▽ 意
 should NEG. inform self-PL. opinion

- (3) 諱 祗 覈 彙 慨 祿 敵 彙 祿
 dzjw² dzj² zjij¹ zjor¹ mji¹ wo² lj¹ zjor¹ wo²
 決 斷，時；贖，不 應，及 贖 應，
 decide while redeem NEG. should CONJ. should.redeem
 祿 彙 祗 鞞 胤 茲 鞞
 mjij² zjor¹ phji¹ nj² dzji² bo² wj²
 未 贖，令，等，黥 碎 △²⁰
 not.yet redeem cause etc. tattoo smash PRE.

- (4) 緘 緘 榜 慨 數 擗 鞞 殺 徧 敵
 lhjj- tja¹ ·ja¹ tj² wjij² sej¹ dzjwo² ηewr² rej² zj¹
 受 者，△ 法，△ 算；人 數 多少，
 suffer TOP. PRE. mode PRE. count person several how.many

²⁰ (1) See also fn. 19. According to the phonetic reconstruction, I consider 諱 祗 dzjw² dzj² to be an integrated phrase. The evidence of it being corresponding to Chinese *juéduàn* 決斷 'to decide somebody is guilty or not' is based on Sutra translations, in which 諱 祗 胤 葬 dzjw² dzj² phji¹ tha¹ is the translation of *juéduàn yì fó* 決斷意佛 (from *Guoqu qianfo mingjing*. See Wang Jingru 1932, p. 144). However, in the same text, 胤 翦 鞞 葬 yie² tsjiir¹ gjij¹ tha¹ is used to translate *juéduàn yīn fó* 決斷音佛 (Wang Jingru 1932, p. 162). In this sentence the Tangut phrase used to render Chinese *juéduàn* 決斷 is 翦 鞞 tsjiir¹ gjij¹ instead of 諱 祗 dzjw² dzj². On the other hand, *Zhangzhongzhu* 281 correlates 諱 鞞 dzjw² dzjw² with an officer's name *yùshǐ* 御史. This provides some clues for 諱 祗 dzjw² dzj²'s correspondence to *tǒnglǐ* 統理 (from *Qifo*. Cited from Nv-1, p. 292) and *zhípíng* 治擯 (from *Jingguang mingjing*. See Wang Jingru 1933, p. 214). (2) The last second character in this line is clearly 茲 swej¹. This character usually serves as the phonetic transcription of Chinese *sù* 碎. The sentence 胤 茲 鞞 緘 dzji² swej¹ wj² lhjj- can be roughly interpreted as 'to be sentenced to tattooing,' i.e. being tattooed on the body or face. However, I cannot give a clear interpretation if 胤 dzji² and 茲 swej¹ is a compound word or not. The only clue is the sentences from the seventh part of this volume: 胤 慨 鞞 dzji² tj² ya¹ 'the rule of tattoo.' In this part, there is a statement 胤 胤 胤 dzji² dji² tj² 'the form of tattoo,' in which the first point mentions the sentence 胤 鞞 緘 dzji² bo² lhjj- wo² (Kychanov 1987, vol. 2, p. 351). It is very likely that the character 茲 swej¹ here is a mistaken 鞞 bo² because of their similarity in shape. The Tangut 鞞 bo² means 'stick,' for which reason Shi Jinpo et al. translate 胤 鞞 緘 dzji² bo² lhjj- bo² as *yīng shòu qíng, zhàng* 應受黥、杖 'should be tattooed, struck' (Shi Jinpo et al. 1999, p. 152); and Kychanov translates this sentence as *shī làoìn hé zhàngxíng* 施烙印和杖刑 'to be tattooed and struck by a stick' (see Li Zhongsan 1988, p. 42).

𪚩 𪚪 𪚫 𪚬 𪚭 𪚮
 sjij¹ bju¹ dzji² tsewr¹ bji² bjij²
 法 依； 罪 節 低 高
 law accord crime scale low high

(5) 𪚯 𪚰 𪚱 𪚲 𪚳 𪚴 𪚵 𪚶 𪚷 𪚸 𪚹
 djij² zju² lew¹ ·jij¹ so¹ kjiw¹ njt+¹ ·jij¹ ηwə¹ kjiw¹ so¹
 △ ___；一 於 三 年， 二 於 五 年， 三
 PRE. ___ one POSP. three year two POSP. five year three

𪚺 𪚻 𪚼 𪚽 𪚾
 sjwo¹ bj+¹ bjij² ·ja¹ tj+²
 起， 上 上 △ 法，
 exceed upward PRE. mode

(6) 𪚿 𪚾 𪚽 𪚼 𪚻
 tshjiw¹ kjiw¹ nj+² kjij¹ lhju²
 六 年 等； △ 獲。²¹
 six year etc. PRE. be.found

Despite the fact that the Tangut code is an adaptation of the Chinese classic *Tanglü shuyi*, the exact content of the *Tiansheng lüling* is not a Tangut-Chinese translation of the *Tanglü shuyi*. As Professor Kychanov has said,²² we are still unable to interpret the whole paragraph accurately, even if every Tangut character is individually interpretable.

However, there are still clues helpful to our analysis. As we can observe, there is a prefix 𪚯 djij² preceding 𪚰 zju² in l. 5, which indicates that our previous analysis of 𪚰 zju²'s syntactic property is also compatible with this example. Our previous interpretation of 𪚰 zju² is suitable in this context, either. Furthermore, the Tangut sentences from 𪚳 𪚴 to 𪚯 𪚰 should mean 'to distinguish the degree of penalty by the number of persons misjudged by a judge.' Presumably, I would still suggest that 𪚰 zju² corresponds to the Chinese character *fēn* 分, meaning 'to separate into parts, to be subdivided,' so that the interpretation we get here is exactly the same as that I suggested in section 2.

²¹ Here I agree with Kychanov's interpretation, in which the phrase 𪚺 𪚻 𪚼 𪚽 𪚾 *rjur¹ rjar¹ nji²* serves as the subject of 𪚿 𪚾 *kjij¹ lhju²*. Hence the core meaning of the law is *zhūsī huòzuì* 諸司獲罪 'all the judges who commit misjudgment(s) are pronounced guilty.' The sentences between the two phrases state the conditions of various types of misjudgments, along with the criteria of penalty for the miscarriage of justice. From the seventh character of l. 4 to the third character of l. 6, the meaning might be 'based on the instances of misjudgment, the judge of the court will be punished accordingly. Judges who misjudged one person would be sentenced to a three-year penalty; a five-year penalty is for those who misjudged two persons; and a six-year penalty for those who misjudged three or more persons.'

²² See the Russian translation (Kychanov 1987) of the *Tiansheng lüling* and the preface of the publication.

§ 4. Conclusion

It is about twenty years since I began to think about the Tangut character 𗵑 zju². At the beginning, I dealt with two sentences (i.e. Examples 5 and 6) when I had been interpreting the Tangut *Sunzi bingfa*. Although it is clear that 𗵑 zju² in those two examples shows identical syntactic and semantic behavior, it is difficult to reach further conclusion based on just two sentences. Later on, while I engaged in the study of the Tangut *Tiansheng liling*, the phrase 𗵑 𗵑 djij² zju² (see § 3) drew my attention. Due to the lack of corresponding sentences from the original Chinese text (see fn. 18–22), however, the clues for interpreting this character were still insufficient.

In 1997, Li Fanwen published his *Tangut-Chinese Dictionary*, having combined Nv-II, pp. 484 and 491 together and put them under No. 5708. At that time, I was still reserved about his interpretation of 𗵑 zju² from Examples 7 and 8, for the source of the sentences was still unknown. It was not until Galambos (2011) achieved a word-by-word interpretation of the Tangut *Jiangyuan, Beidi* that I began to adopt an optimistic attitude toward the interpretation of this character. I collected those sentences from different texts in pursuit of a rigorous analysis, attempting to reach a definite conclusion regarding the character 𗵑 zju². And now, in accordance with the examination of the three sections above, I am able to reach a general conclusion as regards the meaning of the Tangut 𗵑 zju².

(1) 𗵑 zju² refers to an abstract semantic concept having the meaning ‘the difference or distinction between two objects after deliberate measurement.’

(2) It is also clear that 𗵑 zju² has a salient verbal property. As we can observe, 𗵑 zju² can go after the prefix 𗵑 djij². Also, it can appear before the sentence-final particle 𗵑 lja¹, the nominalized character 𗵑 jji¹ indicating the property of its argument, and the character 𗵑 ku¹ which serves as a conjunction to connect two sentences. Similar interpretation of 𗵑 zju² can also be adopted in the contexts in which 𗵑 zju² serves as an attribute of nouns or goes after the interrogative pronoun 𗵑 ljo².

This article is dedicated to Professor Kychanov in celebration of his birthday. Along with my salute to his contribution, I would like to promote the discipline of the four-line glossing methodology for Tangut text interpretation. This is not an innovation of mine, but it has been adopted by many scholars. Professor K.J. Solonin, Arakawa Shintarō, Ikeda Takumi and Duan Yuquan accept this type of glossing. With respect to establishing a universal and readily understandable glossing system, it is advantageous to scholars to share a common method of sentence glossing. On the other hand, the form of four-line glossing has the advantage of avoiding vague translations; via the form, interpreters maintain strict discipline in interpretations. For the convenience of readers, the four-line glossing is also favorable in terms of the literal clearness of the sentences illustrated, hence readers are able to make their own judgments about the text. Furthermore, the four-line glossing system provides a good basis for establishing a thorough database of the Tangut language—as we all know, a well-established database is nowadays the only way for scholars to perform accurate analysis of the Tangut materials.

References

- Huang Yanjun 2009 — Huang Yanjun 黃延軍. “Xi-Xia wen *Jingshi zachao* kaoyuan” [On the Origin of the Tangut Script of *Jingshi zachao*] 西夏文《經史雜抄》考源. In *Minzu yanjiu* [Ethno-National Studies] 民族研究, 2 (2009), pp. 97–103.
- Galambos 2011 — Galambos I. “The Northern Neighbors of the Tangut.” In *Cahiers de Linguistique – Asie Orientale*, 40 (2011), pp. 69–104.
- Керпинг 1979 — *Сунь цзы в тангутском переводе*. Факсимиле ксилографа. Изд. текста, перевод, введение, коммент., грамматич. очерк, словарь и прил. К.Б. Кепинг. М.: Наука, ГРВЛ, 1979 (Памятники письменности Востока XLIX).
- Керпинг 1983 — *Лес категорий. Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе*. Факсимиле ксилографа. Изд. текста, вступ. статья, перевод, коммент. и указатели К.Б. Кепинг. М.: Наука, ГРВЛ, 1983 (Памятники письменности Востока XXXVIII).
- Керпинг 1985 — Кепинг К.Б. *Тангутский язык. Морфология*. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.
- Kuchanov 1987 — *Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Невское процветание (1149–1169)*. В 4-х кн. Кн. 2. *Факсимиле, перевод и примечания (главы 1–7)*. Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е. И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1987 (Памятники письменности Востока LXXXI, 2).
- Li Fanwen 1986 — Li Fanwen 李范文. *Tongyin yanjiu* [The Study of *Tongyin*] 同音研究. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川：寧夏人民出版社, 1986.
- Li Fanwen 1997 — Li Fanwen 李范文. *Xia-han zidian* [Tangut-Chinese Dictionary] 夏漢字典. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京：中國社會科學出版社, 1997.
- Li Zhongsan 1988 — *Xi-Xia fadian — Tiansheng gaijiu dingxin lüling (di 1–7 zhang)* [Amended and Re-approved Code of the Tiansheng Reign (Chapters 1–7)] 西夏法典——天盛爭改舊定新律令. [Trans. into Russian by E.I. Kuchanov] 克恰諾夫俄譯. [Trans. into Chinese by Li Zhongsan] 李仲三漢譯, [ed. by Luo Maokun] 羅矛昆校訂. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川：寧夏人民出版社, 1988.
- Lin Ying-chin 1994 — Lin Ying-chin 林英津. *Xiayi ‘Sunzi bingfa’ yanjiu* [Research on *Sun-tzy Ping-fa* in Tangut] 夏譯《孫子兵法》研究. 2 vols. Taipei: Institute of History and Philology, Academia Sinica 臺北：中央研究院歷史語言研究所 (Monograph Series of the Institute of History and Philology, Academia Sinica 中央研究院歷史語言研究所單刊之 28).
- Lin Ying-chin 2010a — Lin Ying-chin 林英津. “Touguo fanyi han (yi) wen ben foxue wenxian, xi-xia ren jian-gou ben minzu foxue sixiang tixi de changshi: yi *Xi-Xia wen ben Huizhong ‘Xinjing’ zhu wei li*” [Attempt to Establish the Xi-Xia National Buddhist Ideology Reflected in the Interpretation of Chinese Version of Buddhist Works: An Example of the Tangut Version of *Prajnaparamita-hrdaya Sutra* with Huizhong’s Commentaries] 透過翻譯漢(譯)文本佛學文獻，西夏人建構本民族佛學思想體系的嘗試：以「西夏文本慧忠《心經》注」為例. In *Xi-Xia xue* [Tangut studies] 西夏學, 6 (2010), pp. 19–56.
- Lin Ying-chin 2010b — Lin Ying-chin 林英津. “San du *Fan-han heshi zhangzhongzhu xu*” [The Third Reading of the Preface for *Fan-han heshi zhangzhong zhu*] 三讀《番漢合時掌中珠·序》. Paper for 2010 Conference of Institute of Linguistics, Academia Sinica, Taipei, 09/20/2010.
- Ma Zhongjin 1987 — Ma Zhongjin 馬忠建. *Xi-Xia yu yufa ruogan wenti zh itaolun* [The Consideration of Some Questions on Tangut Grammar] 西夏語語法若干問題之討論. Academic diss. Chinese Academy of Social Science Graduate School, 1987.
- Nevsky (= Nv-I / Nv-II) — Невский Н.А. *Тангутская филология. Исследования и словарь*. В 2-х кн. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
- Nie Hongyin 2002 — Nie Hongyin 聶鴻音. “Xi-Xia ben *Jingshi zachao* chutan” [The Preliminary Study of the Tangut Text of *Jingshi zachao*] 西夏本《經史雜抄》初探. In *Ningxia shehui kexue* [Ningxia Social Sciences] 寧夏社會科學, 3 (2002), pp. 84–86.

- Shi Jinbo et al. 1993 — Shi Jinbo 史金波, Nie Hongyin 聶鴻音, Bai Bin 白濱. *Leilin yanjiu* [Study of *Leilin*] 類林研究. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川：寧夏人民出版社, 1993.
- Shi Jinbo et al. 1994 — *Xi-Xia Tiansheng lüling* [Tangut Code of Laws of Tiansheng Reign] 西夏天盛律令. Trans. and commented by Shi Jinbo 史金波, Nie Hongyin 聶鴻音, Bai Bin 白濱. Beijing: Kexue chubanshe 北京：科學出版社, 1994.
- Shi Jinbo et al. 1999 — *Tiansheng gaijiu xinding lüling* [Amended and Re-approved Code of Tiansheng Reign] 天盛改舊新定律令. Trans. and commented by Shi Jinbo 史金波, Nie Hongyin 聶鴻音, Bai Bin 白濱. Beijing: Falü chubanshe 法律出版社.
- Shimada 2003 — Shimada Masao 島田正郎. *Seika hōten shotan* [Preliminary Study on the Tangut Code] 西夏法典初探. Tōkyō: Sōbunsha 創文社, 2003 (Tōyō hōshi ronshū 東洋法史論集 8).
- Sofronov 1968 — Софронов М.В. *Грамматика тангутского языка*. В 2 кн. М.: Издательство восточной литературы, 1968.
- Wang Jingru 1932–1933 — Wang Jingru 王靜如. *Xi-Xia yanjiu* [The Study of Xi-Xia] 西夏研究. 3 輯 [3 issues]. Beijing: Institute of History and Philology, Academia Sinica 北平：國立中央研究院歷史語言研究所, 1932–1933 (Monograph Series of the Institute of History and Philology, Academia Sinica 國立中央研究院歷史語言研究所單刊甲種之 8, 11, 13).
- Yingcang Heishuicheng wenxian — *Yingcang Heishuicheng wenxian* [Documents from Khara-Khoto in the British Library] 英藏黑水城文獻. 5 vols. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社, 2005–2010.

Uighur Scribble Attached to a Tangut Buddhist Fragment from Dunhuang*

The relationship between the Tangut (Xi-Xia) and the Uighurs has been a target of the academic studies related to the history, cultures, Buddhism and other religions, linguistics, and other fields of the Central Asian studies. Our esteemed jubilee Prof. Dr. Evgeny Kychanov has contributed to the issue with his numerous articles and monographs.¹ In this short paper I deal with a Uighur scribble attached to a fragment of a Buddhist Tangut blockprint, whereby I would like to honour Prof. Kychanov on the occasion of his 80th birthday.

The Tangut fragment in question is now preserved under the shelf number Peald 6f in the East Asian Library and the Gest Collection of Princeton University. The size of the paper is 15.6 × 18.8 cm. The contents of the Buddhist Tangut text can be identified with the Chinese version of 阿毘達磨大毘婆沙論 *A-pi-da-mo da-pi-po-sha-lun* (Skt. *Abhidharma-mahāvibhāṣāśāstra*). Five of other Tangut fragments of the Princeton Collection (Peald 6c, Peald 6d, Peald 6e, Peald 6h and Peald 6i) and one (Txd 39-08b) in the Tenri Library, Nara, Japan also belong to the same print as Peald 6f, and all of these fragments must have been brought from the Northern Caves of Dunhuang Mogaoku.²

The 1st line of the Tangut text of Peald 6f shows the ideograms corresponding to the Chinese chapter heading as 雜蘊第一中愛敬納息第四[之一] *za-yun di-yi zhong ai-jing na-xi di-si [zhi yi]* “[Section 1] of (Chapter) 4 of *Ai-jing na-xi* in (Part) 1 of *Za-yun*” of *Abhidharma-mahāvibhāṣāśāstra*.³ In fact, the line ends with the Tangut ideogram for Chin. 四 *si* “4, four” before the bottom marginal line, and

* I would like to express my sincere gratitude to Prof. Shintarō Arakawa, Prof. Peter Zieme and Dr. Simone-Christiane Raschmann for their kind and important suggestions.

¹ E.g. Kychanov 2004.

² Arakawa 2011, p. 148; Arakawa 2012, pp. 6–7. Cf. Matsui 2011, pp. 32, 42; Matsui, forthcoming, for the Uighur almanac divination texts on the reverse side.

³ Taishō Tripitaka, vol. 27, No. 1545, p. 150c12.

Peald 6f recto

The East Asian Library and the Gest Collection, Princeton University
http://idp.bl.uk/database/oo_scroll_h.a4d?uid=159286112011;recnum=79512;index=1

the ideograms for Chin. 之一 *zhi yi* “one of” should have been at the top of line 2, which is now lost but there is blank space left beneath. Accordingly the current second line was originally line 3, and it comprises the Tangut text corresponding to the following Chinese text [云何愛], 云何敬, 如是等章 [*yun he ai*], *yun he jing*, *ru shi deng zhang* “The section concerning (the questions about) [what is love], what is respect, and so on.”⁴

The reverse side of our fragment Peald 6f was reused for a Uighur text of almanac divination, which apparently belongs to the Mongol-Yuan times (13th–14th cc.) and has nothing to do with the Tangut text on the recto side. However, we find another Uighur note scribbled in the blank beneath the original line 2 of the Tangut text on the recto side. It is also written in the cursive script of the Mongol

⁴ Arakawa 2012, pp. 8, 13.

times, but the clumsiest handwriting hardly allows us to decipher all of the words in full.

For two upper lines, I would propose a tentative transliteration and transcription as shown below:

<i>Transliteration</i>	<i>Transcription</i>
1. PYRD' 𐰚	birdä 𐰚
2. TWRT	tört

${}_2TWRT = tort \sim tört$ seems to be a mistake for $TWYRT = tört$ “four”. Then *birdä tört* should be literally interpreted as “four of one.”⁵ Still we find an ideograph below ${}_1birdä$ (rendered as 𐰚 in the text above), which seems to be written by the same hand as the Uighur inscription. Prof. Shintarō Arakawa proposed to regard it as a rough sketch of the Tangut script “one”, appearing as the third ideogram in the first line (𐰚).⁶

The Uighur writings beneath are most difficult to decipher. Judging from the vertical positioning, they seem to run from upper-right to bottom-left, in the order reverse to the normal Uighur writing.

<i>Transliteration</i>	<i>Transcription</i>
3. ČWDK'Y TWYD 夫	čodk'i töd 夫
4. Č'W PYRD'	Č'W birdä

For ${}_3ČWDK'Y$, which looks like $ČWDYRW$ at a glance, I would place *čodk'i* as a mistake for $ČWD'KY = čodaki \sim čodake$ “questioner, asker, objector, pupil” (< Skt. *codaka*).⁷ The following ${}_3TWYD = töd$ may be modified into $tö(r)d \sim tört$ “four”. The meaning of a sign or symbol like a Chinese character 夫 *fu* beneath ${}_3töd$ is totally ungraspable for me. If we may modify ${}_4Č'W$ into $Č'W$, it might be regarded as *čo[daki]* repeated but interrupted. Reading ${}_4PYRD' = birdä$ “in one” needs some explanations: Its initial strokes *P*- and *-Y*- are written intermittently, and the oval stroke of *-D*- is so small that it is nearly indistinguishable from the tail of *-Y*-.

If I am right in my transcriptions and interpretations of the Uighur scribble shown above, ${}_1birdä$ ${}_2tört$ “four of one” can be interpreted as “(Section) 4 of (Part) 1”, and it should be the translation for the Tangut text corresponding to Chin. 雜蘊第一中愛敬納息第四 “Chapter 4 (of *Ai-jing na-xi*) in Part 1 (of *Za-yun*)”. Also ${}_3čodk'i töd$ ${}_4Č'W birdä > čodaki törd$ *čo[daki] birdä* “In [Questioner] 1 (of) Questioner 4” may correspond to the following Tangut text for Chin. [愛敬納息]第四[之一, 云何愛]云何敬, 如是等章 “[Section 1] of (Chapter) 4 of *ai-jing na-xi*, i.e., the section concerning (the questions about) [what is love], what

⁵ However, reading in reverse as *tört birdä* “in four-one; in one (of) four” would be possible if it had been written from right to left similar to lines 3-4.

⁶ Arakawa 2011, p. 148; Arakawa 2012.

⁷ See Shōgaito 2008, p. 542. I am grateful to Prof. Peter Zieme for suggesting this reconstruction.

is respect, and so on”. In the Uighur *Abhidharma*-texts, *čodaki* ~ *čodake* “questioner, asker, objector, pupil” is frequently used in the phrases as *čodake sözlär* “the questioner says (= questions) [as following]” or *čodake sezik ayıdu* “the questioner asks a question (as following)” to begin a catechism.⁸

As the result, we may now consider that the scribe of our Uighur scribble was able to read and understand the chapter heading of the Tangut Buddhist text and even translate it into Uighur language. The quite clumsy handwriting of the scribble might suggest that the scribe was not a native Uighur. On the other hand, the sketch for the Tangut ideogram “one” is too rough to be regarded as written by a native Tangut: The letters for numbers are most fundamental. Moreover, it would not have been necessary for the Tangut scribe to translate only the chapter heading in his/her native language into Uighur. Accordingly, for the time being I would assume that the scribe was of Uighur origin, or of any other ethnic origin but familiar with the Uighur language.⁹

Here we may mention also that several Uighur *Abhidharma*-texts have been brought from the Dunhuang Mogaoku. So far as hitherto is known, all of them are based on Chinese originals.¹⁰ Of course we need more materials to prove that the scribe of our scribble knew the Tangut script as well as the Buddhist doctrine of *Abhidharma-mahāvibhāṣāsāstra* from the Tangut blockprint, but our fragment might be a first attestation of the Tangut texts as sources of the Uighur Buddhist texts in the Gansu region.

Even though some Chinese historical records inform us about the contribution of Uighur Buddhist monks to the translation of the Chinese Buddhist canons into the Tangut language during the Tangut-Xi-Xia Kingdom, contradictorily we have thus far no Tangut Buddhist text to declare that it was translated from the Uighur original or by the Uighur monk(s), or to show linguistic influence by Uighur.¹¹ It has been debatable how close or how remote was the Buddhist relationship between the Tanguts and the Uighurs during the 10th–14th centuries.¹²

Our fragment may well demonstrate the real existence of the Tangut-Uighur bilingual Buddhist in the Mongol times, and it can throw a light on the practical aspects of the cultural interaction between the Tanguts and the Uighurs.

⁸ See Shōgaito 2008, lines 79, 2596, 2658, 2827, 3559.

⁹ For this assumption I owe many to the discussion with Prof. Shintarō Arakawa. Also see Arakawa 2012, p. 9.

¹⁰ Kudara 1982, pp. 1–5; Kudara 1984, p. 65. Especially, see Kudara 1986, pp. 155–153, for the Uighur *Abhidharma*-text in the Tenri Library that corresponds to *Abhidharma-mahāvibhāṣāsāstra* (or its variant Chin. 阿毘曇毘婆沙論 *A-pi-tan-pi-po-sha-lun*) and even comprises modifications and additions to the Chinese original. For the up-to-date information on extant Uighur *Abhidharma*-texts, see Shōgaito 2008, pp. 1–2.

¹¹ But we may note the Sino-Uighur inscription for the memory of the Tangut officials’ family, who governed the circuit of Suzhou through the Mongol period. See Geng Shimin 1986; cf. Moriyasu 1982, pp. 14–15.

¹² E.g., Kychanov 1968, pp. 286, 287–278; Kychanov 1978, p. 208; Kychanov 2004, p. 156; Nishida 1975, pp. 5–6; Moriyasu 1985, pp. 74, 88 & n. 27.

References

- Arakawa 2011 — Arakawa Shintarō 荒川慎太郎. “Purinsuton Daigaku shozō Seika-bun *Kegonkyō* maki 77 yakuchū” [An Annotated Japanese Translation of the Tangut Version of *Avataṃsaka sūtra* Vol. 77 in Princeton University Collection] プリンストン大學所藏西夏文華嚴經卷七十七譯注. In *Ajia Afurika gengo bunka kenkyū* [Journal of Asian and African Studies] アジア・アフリカ言語文化研究, 81 (2011), pp. 147–305.
- Arakawa 2012 — Arakawa Shintarō 荒川慎太郎. “Purinsuton Daigaku shozō Seika-bun butten danpen (Peald) ni tsuite” [On the Tangut Buddhist Fragments in Princeton University Collection Peald] プリンストン大學所藏西夏文佛典斷片 (Peald) について. In *Ajia Afurika gengo bunka kenkyū* [Journal of Asian and African Studies] アジア・アフリカ言語文化研究, 83 (2012), pp. 5–36.
- Geng 1986 — Geng Shimin 耿世民. “Huigu wen ‘Dayuan Suzhou lu yeke daluhuachi shixi zhi bei’ yishi” [Study of the Uighur inscription of Suzhou Prefecture in Yuan dynasty] 回鶻文『大元肅州路也可達魯花赤世襲之碑』譯釋. In *Xiang Da xiansheng jinian lunwen ji* 向達先生紀念論文集. Ed. by Yan Wenru 閻文儒 and Chen Yulong 陳玉龍. Urumqi, 1986, pp. 440–454.
- Kudara 1982 — Kudara Kōgi 百濟康義. “Uiguru-yaku ‘Abidatsuma-junshō-ron’ shōhon” [An Abridgement of Uighur *Abhidharmayāyānusāra-sāstra*] ウイグル譯『阿毘達磨順正理論』抄本. In *Bukkyogaku kenkyū* [Studies in Buddhism] 佛教學研究, 38 (1982), pp. 1–27.
- Kudara 1984 — Kudara Kōgi 百濟康義. “Uiguru-yaku ‘Abidatsuma-kusharon’ shotan” [Preliminary study on Uighur *Abhidharmakośabhāṣya*] ウイグル譯『阿毘達磨俱舍論』初探. In *Ryūkoku daigaku ronshū* [Journal of Ryukoku University] 龍谷大學論集, 425 (1984), pp. 65–90.
- Kudara 1986 — Kudara Kōgi 百濟康義. “Tenri-toshokan-zō Uiguru-go bunken” [Uighur texts in the Tenri Library] 天理圖書館藏ウイグル語文獻. In *Biblia* ビブリア, 86 (1986), pp. 180–127 + 4 pls.
- Kychanov 1968 — Кычанов Е.И. *Очерк истории тангутского государства*. М.: Наука, ГРБЛ, 1968.
- Kychanov 1978 — Kychanov E.J. “Tibetans and Tibetan culture in the Tangut state Hsi-Hsia (982–1227).” In *Proceedings of the Csoma de Kőrös Memorial Symposium*. Ed. by L. Ligeti. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978, pp. 205–211 (Bibliotheca Orientalis Hungarica; Vol. XXIII).
- Kychanov 2004 — Kyčanov E.I. “Turfan und Xixia”. In *Turfan Revisited — The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road*. Ed. by D. Durkin-Meisterernst et al. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004, pp. 155–158 (Monographien zur Indischen Archäologie, Kunst und Philologie; Bd. 17).
- Matsui 2011 — Matsui Dai 松井太. “Tonkō shutsudo no Uiguru-go rekisen monjo” [Uighur almanac divination fragments from Dunhuang] 敦煌出土のウイグル語曆占文書. In *Jinbun shakai ronsō* [Studies in Humanities] 人文社會論叢, 26 (2011), pp. 25–48 (Faculty of Humanities Hirosaki University).
- Matsui (forthcoming) — Matsui Dai 松井太. “Uighur Almanac Divination Fragments from Dunhuang”. In *Proceedings of Dunhuang Studies: Prospects and Problems for the Coming Second Century of Research, St. Petersburg, 3–5 September 2009*. St. Petersburg, (forthcoming).
- Moriyasu 1982 — Moriyasu Takao 森安孝夫. “An Uigur Buddhist’s Letter of the Yüan Dynasty from Tun-huang”. In *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko*, 40 (1982), pp. 1–18.

- Moriyasu 1985 — Moriyasu Takao 森安孝夫. “Uiguru-go bunken” [Uighurica from Dunhuang] ウイグル語文獻. In *Kōza Tonkō 6, Tonkō kogo bunken* [Lecture Series on Tun-huang, Vol. 6, Literature in Central Asian Languages from Tun-huang] 講座敦煌 6・敦煌胡語文獻. Ed. by Z. Yamaguchi. Tokyo, 1985, pp. 1–98.
- Nishida 1975 — Nishida Tatsuo 西田龍雄. *Seika-bun Kegonkyō* [The Hsi-Hsia *Avatamsaka Sūtra*] 西夏文華嚴經. Vol. I. Kyoto, 1975.
- Shōgaito 2008 — Shōgaito Masahiro 庄垣内正弘. *Uiguru-bun Abidaruma ronsho no bunken-gaku-teki kenkyū* [Uighur Abhidharma Texts: A Philological Study] ウイグル文アビダルマ論書の文献學的研究. Kyoto, 2008.

Complexity from Compression: a Sketch of Pre-Tangut

Nearly half a century ago, E.I. Kychanov and M.V. Sofronov co-authored *Issledovanija po fonetike tangutskogo jazyka* (1963), the first monograph with a systematic reconstruction of Tangut phonology. Several other reconstructions have appeared since then. All have distinct values for most, if not all, of the 105 rhymes of the 文海寶韻 *Precious Rhymes of the Sea of Characters*, a monolingual Tangut dictionary. These reconstructed values generally contain few final consonants and no final obstruents. G. Clauson was skeptical about such a rhyme system: “Sofronov’s (1963) list contains sixty-five open vowels <...> It does seem impossible that a Tangut phonetician,¹ however acute his hearing, could have distinguished sixty-five different open vowel sounds, even if some of these were in fact diphthongs”.² His objections could also apply to later reconstructions. Nonetheless, there is no Chinese, Tibetan, or Sanskrit transcription evidence for a more elaborate set of final consonants in Tangut, so it is safest to continue reconstructing a large number of final vowels.

How did such a large set of vocalic distinctions come into being? In this paper, I present a scenario in which pre-Tangut, a language with a relatively simple phonology, developed into Tangut, a language with a much more complicated phonology, through a process that I call ‘compression’. Due to space limitations, I cannot offer full arguments for my speculations, though I will mention parallels in other languages for various features and sound changes.

1. Pre-Tangut

Pre-Tangut is the unattested, hypothetical ancestor of Tangut reconstructed on the basis of (1) phonological alternations in Tangut and (2) comparison with related languages. It is an intermediate stage between Proto-Tibeto-Burman and Tangut.

¹ And, I would add, any Tangut native speaker.

² Clauson 1964, p. 66.

2. Word structure of pre-Tangut

Many if not most words of pre-Tangut were sesquisyllables consisting of an unstressed presyllable followed by a stressed syllable.

*presyllable (C)(V) + syllable (C)(G)(V́)(C)(H)³

This iambic structure is similar to the structure of Old Chinese as reconstructed by Sagart (1999). It is found today in the minor-major syllable sequences of Burmese and the unrelated Mon-Khmer languages. Perhaps it can be projected back to the ancestors of pre-Tangut: Proto-Tibeto-Burman or even as far back as Proto-Sino-Tibetan.

3. Pre-Tangut presyllables

L. Sagart proposed that Old Chinese had two kinds of prefixes: fused prefixes that combined with root initials and iambic prefixes that were lost.⁴ I reconstruct a similar distinction in pre-Tangut between *three* kinds of presyllables:

1. Fused preinitials or presyllables that conditioned medial *-w-*, tense vowels, aspiration, and retroflexion (see 3.1)
2. Iambic presyllables that were lost before intervocalic lenition (see 3.2.1)
3. Iambic presyllables that were lost after intervocalic lenition (see 3.2.1).

The unstressed vowels of all three types of presyllables may have conditioned the warping of the vowel of the stressed syllable before fusion or presyllabic loss (see 3.2.2).

3.1. Preinitial consonants

Preinitial consonants could either be primary or secondary.

Primary preinitials were never followed by unstressed vowels. In other words, they were never onsets of presyllables.

Secondary preinitials were onsets of presyllables that lost their vowels:

*presyllable CV- > *preinitial C-

Preinitial consonants fused with the initial consonants of stressed syllables, resulting in *Cw*-clusters (3.1.1.1), tense consonants that in turn conditioned tense vowels before being lost (3.1.1.2), aspirates (3.1.1.3), and retroflexion (3.1.2.1).

3.1.1. Preinitial obstruents

3.1.1.1. Preinitial labials

<bC> in Tibetan transcriptions of Tangut corresponds to Tangut *Cw* (Tai 2008). This may suggest that *bC-* had become *Cw-* in the native dialect(s) of the Tibetan

³ I write asterisks before my pre-Tangut reconstructions. However, I do not write asterisks before my Tangut reconstructions because (1) all non-Tangut script representations of Tangut are reconstructions by definition and (2) the absence of asterisks helps to distinguish Tangut reconstructions from pre-Tangut reconstructions which I always write with asterisks. See appendixes 1 and 2 for lists of the initials and finals of my Tangut reconstruction. All reconstructions in this paper are mine unless explicitly stated otherwise.

⁴ Sagart 1999, pp. 17–18.

transcribers of Tangut. The <bC> transcriptions could also be taken at face value as evidence for a Tangut dialect preserving an earlier preinitial labial obstruent *P-. If Tibetan represented a real Tangut preinitial, then Tibetan medial <w> might have represented a Tangut ‘primary waw’ as opposed to a Tangut ‘secondary waw’ that developed from *P- in other dialect(s) such as the standard dialect codified in dictionaries.

*-w- > primary waw -w- in all (?) Tangut dialects

*P- > secondary waw -w- (except in the dialect(s) transcribed in Tibetan?)

Tangut *zero ~medial -w- alternations⁵ originated as zero ~ *P-alternations: e.g.,

𗉑 *Idzi* < **dzi* ‘calm’ (adjective)⁶

𗉑 *Idzwi* < **P-dzi* ‘to calm’ (verb).

Nonalternating native Tangut medial -w- may be either primary or secondary. There is no guarantee that all *P-less cognates of *P-words survived in Tangut, so a medial -w-word without a medial -w-less counterpart may not necessarily have a primary waw: e.g., 𗉑 *2dzwio* ‘person’ could be from **Cuu-dzwoH* with primary waw or from **Puu-dzoH* whose presyllable conditioned a secondary waw.⁷

There are no Tangut words with labial initials followed by -w- (*pw-*, *phw-*, *bw-*, *mw-*, *vw-*). If pre-Tangut had **PP*-sequences, they were simplified to *P-* in Tangut: e.g., **P-m-* > **mw-* > *m-*, etc.

3.1.1.2. Preinitial coronals

Gong Hwang-cherng observed alternations between Tangut lax and tense vowels.⁸ Gong (1999) then proposed that tense vowels (written here with subscript dots) originated from preinitial **s-* on the basis of external comparisons: e.g.,

𗉑 *Itəu* ‘thousand’: Written Tibetan *stong* ‘id.’

Since lax-tense vowel alternations in Tangut have multiple functions,⁹ perhaps tense vowels originated from more than one voiceless coronal obstruent that I will symbolize as **S-*. This **S-* could either be part of the root or a prefix. I reconstruct it as a prefix if a tense vowel word has a lax vowel cognate within Tangut or has an **s-*-less external cognate: e.g.,

𗉑 *Ikhwa* < **khwa* ‘distant’

𗉑 *Ikhwa* < **S-khwa* ‘to keep at a distance.’

⁵ Gong 1988, p. 798–800.

⁶ English glosses of Tangut words are based on the glosses in Gong 1988 and Li 2008.

⁷ A presyllable with a high vowel is necessary to account for the warping of -o to -io. See 3.2.2.2.

⁸ Gong 1988, pp. 805–811. At the time, Gong was using Sofronov’s reconstruction with “minor revisions” (1988, p. 784). Sofronov’s reconstruction did not have any retroflex vowels, so some of the lax-tense cognate sets in Gong (1988) would now be reinterpreted as nonretroflex-retroflex cognate sets in reconstructions with retroflex vowels like the reconstruction in Gong (2003) or the reconstruction in this paper.

⁹ Gong 1988, pp. 810–811.

How could a consonant condition tension in a following but nonadjacent vowel? Modern Korean tense consonants (*pp-*, *tt-*, *ss-*, *cc-*, *kk-*) originated from Late Middle Korean clusters with *p-* and/or *s-*. According to S. Martin,¹⁰ “The laryngeal tension [of modern Korean tense consonants] continues on into the vowel, which can be described as ‘laryngealized’”. The development of tense consonants and vowels in Korean could be formulated as

$$p/sCV > CCV > \underset{\cdot}{C}V > \underset{\cdot}{C}\underset{\cdot}{V} / \underset{\cdot}{C}\underset{\cdot}{V}$$

with the subscript dots used by Tangutologists to represent tenseness. Note that in modern Korean, only the tenseness of consonants is phonemic, whereas the tenseness of vowels is subphonemic. However, in Tangut, the tenseness of consonants was lost, so the tenseness of vowels became phonemic:

$$*SCV > *CCV > *\underset{\cdot}{C}V > *\underset{\cdot}{C}\underset{\cdot}{V} > *C\underset{\cdot}{V} / C\underset{\cdot}{V}.$$

3.1.1.3. Preinitial gutturals

Gong Hwang-cherng¹¹ found alternations between Tangut nonaspirated and aspirated initials. I derive these alternations from earlier *zero ~ *K-alternations. *K- was a voiceless velar, uvular, or glottal obstruent that devoiced voiced/ consonants: e.g.,

$$*Kb- > ph-, *Kd- > th-, *Kg- > kh-, *Kd\underset{\cdot}{z}- > t\underset{\cdot}{j}h-, *Kl- > lh-$$

Voiced consonants are preserved in nonprefixed members of voiced-aspirated cognate sets: e.g.,

$$\begin{aligned} \text{𐰇} \text{ } Igi &< *gi \text{ ‘to fall, to lose’} \\ \text{𐰇} \text{ } Ighi &< *K-gi \text{ ‘to let fall, to cause to lose.’} \end{aligned}$$

Note that not all such sets involved a *K-prefix. Some doublets reflect different strata of borrowing from Chinese: one before devoicing and another after devoicing: e.g.,

$$\begin{aligned} \text{𐰇} \text{ } Idza \text{ ‘mixed’} &< \text{Late Middle Chinese 雜 } *dzap \text{ ‘id.’ (early loan)} \\ \text{𐰇} \text{ } Itsha \text{ ‘mixed’} &< \text{Tangut Period Northwestern Chinese 雜 } *tsha < \text{Late Middle} \\ &\text{Chinese ‘id.’ (late loan; aspirated } tsh\text{- directly from Chinese rather than from} \\ &\text{pre-Tangut } *K\text{-}dz\text{-).} \end{aligned}$$

*K- aspirated most voiceless obstruents: e.g.,

$$\begin{aligned} \text{𐰇} \text{ } Ika &< *ka \text{ ‘center’} \\ \text{𐰇} \text{ } Ikha &< *K-ka \text{ ‘in’ (postposition)} \end{aligned}$$

One might expect *k- to have merged with *S- and become k- followed by a tense vowel (see 3.1.1.2). If such a merger occurred, then *Ikha* ‘in’ must have had a non-*k- guttural preinitial (e.g., *x-ka; see below). If such a merger did not occur,

¹⁰ Martin 1992, p. 27.

¹¹ Gong 1988, pp. 785–796.

then perhaps aspiration preceded tension, so **k-k-* became *kh-* before **sk-* became a new **kk-* that was ultimately reduced to *k-* before a tense vowel:

Early pre-Tangut	<i>*k-k-</i>	<i>*Sk-</i>
Aspiration	<i>*kh-</i>	<i>*Sk-</i>
Gemination	<i>*kh-</i>	<i>*kk-</i>
Tangut	<i>kh-</i>	<i>k-</i> + tense vowel

The relative chronology of the rules in this paper has yet to be worked out.

One also might expect **Ks-* to become an aspirated *sh-* like modern Burmese *ə*. However, there is no evidence for such an initial in Tangut. **K-* may have conditioned tense vowels after *s-*: e.g., 𐰽 *Isə* ‘three’ may be from **sə < *sə < *sso < *xso < *Kso* (cf. the *g-* of Written Tibetan *gsum* ‘three’).

In Korean, **hVC-* as well as **kC-* developed into Late Middle Korean aspirates.¹² I assume Tangut also underwent similar sound changes and therefore cannot rule out the possibility of velar, uvular, and/or glottal fricative sources of aspiration: e.g., **xC-* > *Ch-*. Modern Mawo Qiang, a distant relative of Tangut, has *xC-* and *χC-* clusters.¹³

3.1.2. Preinitial sonorants

3.1.2.1. Preinitial **r-*

Pre-Tangut preinitial **r-* was one source of retroflexion in Tangut vowels: e.g.,

𐰽 *lɿəʔ* < **ru-ləʔ* ‘four.’

For the other source of retroflexion, see 4.4.2.2.

Retroflex vowels are very common in Tangut. Perhaps some were conditioned by preinitial **l-* and even preinitial dental stops that merged with preinitial **r-*: e.g., **TV-* > **T-* > **r-*.

Nonretroflex-retroflex cognate sets can be reconstructed with **Ø-* ~ **r-*: e.g.,

𐰽 *lza* < **za* ‘red face’

𐰽 *lzaʔ* < **r-za* ‘red-faced ancestor.’

I reconstruct **r-* as a prefix even in retroflex vowel words like 𐰽 *lɿəʔ* ‘four’ which lack nonretroflex vowel cognates within Tangut if they have **r-*-less exterior cognates: e.g., Written Tibetan *bzhi* < **b-lyi* ‘four’ and Old Chinese 四 **s-li-s* ‘four.’

3.1.2.2. Preinitial nasals?

I do not know of any voiceless ~ voiced obstruent alternations that suggest **zero* ~ **preinitial nasal* alternations in pre-Tangut: e.g., **p-* ~ **b-* < **p-* ~ **Np-*, etc.

¹² Vovin 2010, p. 11; Lee and Ramsey 2011, p. 89.

¹³ Sun Hongkai 1981, p. 27.

However, perhaps some Tangut voiced obstruent initials are from pre-Tangut *preinitial nasal + obstruent initial sequences: e.g., *b-* < **Nb-*, etc.

3.2. Presyllabic vowels

The vowels of pre-Tangut presyllables have left two kinds of traces in Tangut.

3.2.1. Intervocalic lenition

Pre-Tangut presyllables that were lost at a very late date conditioned the lenition of main syllable initials in intervocalic position:

	Early presyllable loss	Late presyllable loss	Fusion
Early pre-Tangut	* <i>CV-CV'</i>	* <i>CV-CV'</i>	* <i>CV-CV'</i>
Loss of presyllabic vowel; presyllable becomes preinitial	* <i>CV-CV'</i>	* <i>CV-CV'</i>	* <i>C-CV'</i>
Early loss of presyllable	* <i>CV'</i>	* <i>CV-CV'</i>	* <i>C-CV'</i>
Lenition	* <i>CV'</i>	* <i>CV-C_{lenited}V'</i>	* <i>C-CV'</i>
Late loss of presyllable	* <i>CV'</i>	* <i>C_{lenited}V'</i>	* <i>C-CV'</i>

Forms subject to sound changes are in **bold**.

All obstruents at the same point of articulation merged into a single lenited initial. The reflexes of Tangut lenition are similar to those of intervocalic lenition in Vietnamese and Korean.

*Labials > *v-* (phonetically [β]?; cf. Middle Vietnamese [β] < **-p-*, **-b-* and Middle Korean [β] < **-p-*)

*Dentals > *l-* (cf. Middle Korean [r] < **-t-*)

*Alveolars > *z-* (cf. Middle Korean [z] < **-s-*, **-ts-*)

*Alveopalatals > *ʒ-* (cf. Middle Vietnamese [ʒ] < **-c-*, **-tʃ-*)

*Velars > *ɣ-* (cf. Middle Vietnamese [ɣ] < **-k-*, **-g-* and Middle Korean [ɣ] < **-k-*)

Lenition obscures etymological relationships: e.g., the Tangut cognate of Written Tibetan *gcig* 'one' and Old Chinese 隻 **tek* 'single' is 𪛗 *llew* < **k_A-tek* or **k_A-tik*. (I assume the pre-Tangut prefix had an initial **k-* corresponding to Written Tibetan *g-*, though other initials are possible. See 3.2.2 for the reasoning behind reconstructing **ɰ* as the vowel of the presyllable. See 4.4.1.1 for the **k* > *-w* shift.)

3.2.2. Stressed vowel warping

In 2008, I proposed that the Old Chinese type A/B distinction was conditioned by presyllabic vowels.¹⁴ The following adaptation of that theory and A. Schuessler's

¹⁴ Miyake 2008.

(2007, 2009) theory of vowel warping in Chinese can account for much of the large rhyme inventory of Tangut.

I reconstruct at least two different vowels in Tangut presyllables:

- a lower vowel symbolized¹⁵ as **ɿ* (cf. the Middle Korean ‘minimal vowel’ [ɿ])
- a higher vowel symbolized as **u* (cf. the Middle Korean ‘minimal vowel’ — [u])

These vowels may have resulted from the merger of a larger number of even earlier unstressed vowels.

Pre-Tangut main syllable vowels also belonged to lower and higher classes:

Higher	<i>*i</i>	<i>*u</i>
Lower	<i>*e</i>	<i>*ə</i> ¹⁶
	<i>*a</i>	<i>*o</i>

Pre-Tangut had partial vowel harmony (under Chinese influence?). If the height class of an unstressed presyllabic vowel matched the height class of a stressed vowel, the latter did not change either before or after presyllable loss: e.g.,

- *Cu-Cí* > **Cu-Cí* > *Ci* (higher + higher)
- *Cɿ-Cá* > **Cɿ-Cá* > *Ca* (lower + lower).

However, if the height class of an unstressed presyllabic vowel did not match the height class of a stressed vowel, the latter warped (partly lowered or raised) before the presyllable was lost: e.g.,

- *Cɿ-Cí* (lower + higher) > **Cɿ-Cəí* > *Cəi* (lower + **partly lowered**)
- *Cu-Cá* (higher + lower) > **Cu-Ciá* > *Cia* (higher + **partly raised**).

Partly lowered vowels developed into diphthongs beginning with *ə*: *əu*, *əi*.

Partly raised vowels developed into diphthongs beginning with *i* (after *v*-, *l*-, and alveopalatals) or **i* (after all other initials): *ia*, *iə*, *ie*, *io* ~ *ia*, *iə*, *ie*, *io*. (There are exceptions to this pattern of complimentary distribution.) The *i* that resulted from partial raising is not to be confused with the *i* that developed before high vowels after *v*-, *l*-, and alveopalatals (see 4.3.1).

If a presyllable has lenited a following initial but has not warped a following stressed vowel, I reconstruct the presyllabic vowel with the height class of the stressed vowel: e.g.,

- 𗰨 *llew* < **kɿ-tek* ‘one’¹⁷ (lower + lower) (**kuu*- with a higher vowel would have warped **e* to **ie*.)

¹⁵ I use the term ‘symbolized’ to indicate that **ɿ* and **u* may not have been the precise phonetic values of the Tangut presyllabic vowels. They could have been central **i* and **e*, etc. What matters is their heights relative to each other.

¹⁶ It is also possible that **ə* belonged to the higher vowel class of **i* and **u*, but then its behavior would be anomalous, as it would be the only higher class vowel that bent upward and never bent downward.

¹⁷ The pre-Tangut form could also have been **kɿ-tik*. The lower vowel of the presyllable would have conditioned the warping of **i*: **ik* > **əik* > *ew*.

藏 *lʒiɪw* < **Cu-fuk* ‘juniper tree’¹⁸ (higher + higher) (**CA-* with a lower vowel would have warped **u* to **əu* which would then have monophthongized to *e* before *-w*. For *-iɪw* < **-uk*, see 4.4.1.1).

Medial *-i-* alternations¹⁹ may reflect earlier prefixes: e.g.,

藏 *lʒhəu* < **CA-tshu* ‘shovel’ (prefix conditioned vowel warping)

藏 *lʒhiu* < **tshu* ‘shovel’ (no prefix; **u* became *iu* after **tsh-*; see 4.3.2).

However, “no semantic difference can be observed” between alternating forms.²⁰ Furthermore, these alternations occur mostly in words with *u*. These cognate sets may reflect interdialectal and/or dialect-internal variation in the pronunciation of /u/ rather than morphology.

3.2.3. Stressed vowel brightening

Perhaps there were more than two kinds of presyllabic vowels. ‘Brightening’ (raising of **a* to *i*) in Tangut²¹ may have been conditioned by high front vowels in presyllables: e.g.,

**Ci-Cá* > *Ci* (= *Cji* in Gong’s reconstruction used by Matisoff).²²

The height of a palatal presyllabic vowel may have determined the degree of brightening: e.g.,

**Ce-Cá* > *Cie* (= *Cjij* in Gong’s reconstruction used by Matisoff)

with a partly high diphthong rather than *Ci* with a high monophthong.

There are also sporadic cases in which pre-Tangut **a* was raised to *ə*: e.g.,

藏 *lɪwə* < **PV-ɪa* ‘five’: Written Tibetan *lɪŋa*, Old Chinese 五 *ɲʰaʔ* ‘id.’

I hesitate to reconstruct yet another presyllabic vowel to account for only a few instances.

4. Pre-Tangut stressed syllables

4.1. Pre-Tangut stressed syllable initials

I tentatively project the Tangut initial inventory (see Appendix 1) back into pre-Tangut.

¹⁸ Jacques (2004, p. 160; 2006) compared this Tangut word to Japhug rGyalrong *cɣɣ* ‘juniper tree’ and Written Tibetan *shug-pa* ‘juniper tree’.

¹⁹ Gong 1988, pp. 796–798.

²⁰ Gong 1988, p. 798.

²¹ Matisoff 2004.

²² The negative particle 藏 *lmi*, cognate to Old Chinese 無 **ma* ‘not have’, may pose a problem for this derivation, as it would have to come from a sesquisyllabic **Ci-ma*. Would such a high-frequency particle really be so phonologically complex? On the other hand, it is hard to believe that **ma* would brighten to *lmi* without any conditioning factor. Not all Tangut **a* brightened, so one cannot attribute the raising to a regular vowel shift.

A few Tangut initials may be secondary in origin: e.g., an initial may always be the result of lenition like Vietnamese *g-* [ɣ] which is only from **CV-K-*.

I presume that pre-Tangut had more stressed syllable initials than presyllabic initials: e.g., **k-*, **kh-*, **g-* were possible stressed syllable velar stop initials, but **k-* may have been the only possible presyllabic velar stop initial.

All vowels after pre-Tangut syllable-initial **r-* became retroflex: **rV > rV'*. Note that medial **-r-* did not condition retroflex vowels. See 4.2.4.

A couple of external correspondences suggest that uvulars may have conditioned Tangut Grade II vowels *u* and *i*:

𗉑 *lyu* < **Gu?* ‘head’: Baxter and Sagart’s (2012) Old Chinese 后 **Gʰ(r)o?* ‘sovereign’ (< ‘head of a state’), Written Tibetan *mgo* ‘head’
 𗉑 *lkhɪ* < **Ci-qa?* ‘bitter’: Mawo and Taoping Qiang *qha*,²³ Zhongu Tibetan *qhɛnde* ‘to be bitter’,²⁴ Written Tibetan *kha* ‘bitter’, Baxter and Sagart’s (2012) Old Chinese **khʰa?* (not **qhʰa?*!).

(See 4.2.4 for more on Grade II.) However, the reconstruction of uvulars in Old Chinese is still unsettled. A. Schuessler (2007; 2009) does not reconstruct them in Old Chinese. Moreover, note that Baxter and Sagart reconstruct a velar in **khʰa?* ‘bitter’ instead of a uvular corresponding to a uvular in Qiang and Zhongu. N. Hill²⁵ regarded Zhongu uvulars as being “due to the influence of a Qiangic substrate.” Perhaps the uvular in Old Chinese ‘head’ is primary whereas the uvular in Qiang and Zhongu ‘bitter’ is secondary.²⁶ Did Tangut inherit a secondary uvular in ‘bitter’ from Proto-Qiangic? In any case, there is no strong evidence for a medial **-r-* in either ‘head’ or ‘bitter’ that would normally condition Grade II (see 4.2.4), so the vocalism of those words needs another explanation.

4.2. Pre-Tangut medial glides

4.2.1. Pre-Tangut medial **-w-*

This medial is preserved in Tangut. It is primary waw, whereas secondary waw reflects an earlier **P-* (see 3.1.1.1).

4.2.2. Pre-Tangut medial **-j-*

A palatal glide may be the source of some *-i-* and *-i-* in Tangut: e.g.,

𗉑 **sjeH > 2sie* ‘knowledge’: Written Tibetan *shes-pa*, Proto-Tibeto-Burman **syey-s* ‘id.’²⁷

It is also possible to derive *2sie* from a yodless **Cuu-seH* with partial raising of **e*.

²³ Sun Hongkai 1981, p. 216.

²⁴ Sun Jackson 2003, p. 772.

²⁵ Hill 2010, p. 120.

²⁶ I think it may be possible to reconstruct a uvular in Old Chinese ‘bitter’ on entirely internal grounds, enabling me to reconstruct a uvular at the Proto-Sino-Tibetan level for that word.

²⁷ Matisoff 2003, p. 614.

4.2.3. Pre-Tangut medial *-rj-

The pre-Tangut cluster **rj-* became Tangut *ʃi-'*: e.g.,

𐵑 **rjat* > *ʃia'* 'eight': Written Tibetan *brgyad*, Old Chinese **p^hret* 'id.'

4.2.4. Pre-Tangut medial *-r-

According to G. Jacques (2009), Gong (1993) derived his Grade II *-i-* from an earlier **-r-*. Gong's Grade II *iV*-diphthongs correspond to my Grade II lowered vowels:

Pre-Tangut	<i>*ru</i>	<i>*ri</i>	<i>*ra</i>	<i>*rə</i>	<i>*re</i>	<i>*ro</i>
Gong's Grade II ²⁸	(none)	<i>ie</i>	<i>ia</i>	<i>iə</i>	<i>iej</i>	<i>io</i>
Grade II in this paper	<i>ʊ</i>	<i>ɪ</i>	<i>æ</i>	<i>ɐ</i>	<i>ɛ</i>	<i>ɔ</i>

This vowel shift pattern is similar to what Schuessler (2007, 2009) reconstructed in Chinese:

Old Chinese **râ* > Later Han Chinese *a* (a low front vowel close to [æ] and distinct from back [ɑ])

Old Chinese **rê*, **rê* > Later Han Chinese **ɛ*

Old Chinese **rô* > Later Han Chinese **ɔ*

In Chinese, this shift only occurred in type A syllables (indicated with circumflexes over vowels in Schuessler's notation). Perhaps the Tangut shift only occurred in syllables with low vowels or partly lowered vowels:

Pre-Tangut after vowel lowering	<i>*rəu</i> < <i>*ru</i>	<i>*rəi</i> < <i>*ri</i>	<i>*ra</i>	<i>*rə</i>	<i>*re</i>	<i>*ro</i>
Grade II	<i>ʊ</i>	<i>ɪ</i>	<i>æ</i>	<i>ɐ</i>	<i>ɛ</i>	<i>ɔ</i>

**-r-* may have vanished before high vowels:

Pre-Tangut after vowel raising	<i>*ru</i> > <i>*riu</i>	<i>*ri</i>	<i>*ria</i>	<i>*riə</i>	<i>*rie</i>	<i>*rio</i>
Grade III	<i>iu</i>	<i>ii</i>	<i>ia</i>	<i>iə</i>	<i>ie</i>	<i>io</i>
Grade IV	<i>iu</i>	<i>i</i>	<i>ia</i>	<i>iə</i>	<i>ie</i>	<i>io</i>

See 4.3.1 and 4.3.2 for the *-i-* and *-i-* that developed before **u* and **i*.

²⁸ Gong's pre-Tangut forms might not necessarily correspond to mine.

The correspondence of 𪛗 *lʃhiw* ‘six’ to Written Tibetan *drug* ‘id.’ suggests that some Tangut alveopalatal affricates may be from **Tr*-clusters. Perhaps ‘six’ was once **k-truk* with a preinitial **k-* that conditioned aspiration (see 3.1.1.3). (See 4.4.1.1 for the development of *-iiw* from **-uk*.)

4.2.5. Pre-Tangut medial **-l-*?

There are several instances of Tangut *lh-* corresponding to Japhug rGyalrong *k-* presyllables followed by *l, l,* or *j < *lj-* in Jacques (2006): e.g.,

𪛗 *llhew* < **-k* ‘to graze’: Japhug rGyalrong *kʁ lʁy* ‘id.’

These correspondences suggest that some Tangut *lh-* may be from **kl-*.

Pre-Tangut **-l-* in other environments might have merged with another medial or disappeared without a trace.

4.3. Pre-Tangut stressed vowels

I project the six basic vowel types of Tangut (*u, i, a, ə, e, o*; see Appendix 2) back into Proto-Tangut with only a few changes:

- **-a* is restored in ‘brightened’ syllables (see 3.2.3).
- *-iiw* in ‘six’ and ‘juniper tree’ (see 3.2.2, 4.2.4) and perhaps other words is derived from **-uk* (see 4.4.1.1). *-iw* may also sometimes be from **-uk*.
- *-o* is partly from **-aŋ*,²⁹ cf. Japhug rGyalrong *-o* < **-aŋ*,³⁰ and Tangut period Northwestern Chinese *-o* < **-aŋ*).

It is not clear whether the long vowels of Tangut are primary or secondary (see 4.4.4.1 and 4.4.4.2). So pre-Tangut may have had either six or twelve vowels (six short and six long). Nasalization, tensing, retroflexion, and diphthongization occurred later.

Old Chinese as reconstructed by W. Baxter and L. Sagart (2012) also had the same basic six vowels as Tangut, though one should not expect simple one-to-one correspondences between the two vowel systems: e.g., Baxter and Sagart’s Old Chinese 馬 **m^hraʔ* ‘horse’ may correspond to pre-Tangut **Cu-re* (> Tangut 𪛗 *lrie*’ ‘id.’, not **mraH*).

4.3.1. Grade III *-i-*

The high vowels **i* and **u* became *ii* and *iu* after Grade III initials (*v-*, *l-*, and alveopalatals).

**-iuk* became *-iiw* (see 4.4.1.1).

4.3.2. Grade IV *-i-*

The high vowel **u* became *iu* after Grade IV initials (initials other than *v-*, *l-*, and alveopalatals) whereas **i* remained unchanged.

²⁹ Gong 1995.

³⁰ Jacques 2004, p. 232.

Tangut had no simple rhyme *-u* (see Appendix 2). This situation may have arisen under the influence of Late Middle Chinese whose **-u* had similarly shifted to **-iu* or **-iu*,³¹ leaving a gap to be filled later by **-o* after raising.

4.4. Pre-Tangut codas

Although Tangut had no final obstruents and few final consonants, pre-Tangut once had a richer set of codas like its relatives Japhug rGyalrong, Classical Tibetan, Old Burmese, and Old Chinese.

4.4.1. Pre-Tangut obstruent codas

4.4.1.1. Pre-Tangut **-k*

**-k* became *-w* after front vowels but disappeared elsewhere. See Gong (1995) for examples.

Although **-iuk* had a back vowel, this rule applied to this rhyme after **u* dissimilated to a front vowel **i* before a velar coda:

**-iuk* > **-iuɣ* > **-iuɣ* > **-iiɣ* > **-iiw*.

See ‘six’ (3.2.2) and ‘juniper tree’ (4.2.4).

It is tempting to regard the long *-aa* of 𐰇𐰏 *2mia-2niaa* ‘Tangut’ (cf. Written Tibetan *mi-nyag* ‘id.’) as an instance of compensatory lengthening after the loss of **-k*. However, other **-k* words like

𐰇 *Ido* < **dok* ‘poison’; borrowed from Middle Chinese 毒 **dowk* ‘id.’

have short vowels. Could the *-aa* of ‘Tangut’ be from **-aakH* with an original long vowel? (The final **-H* is the source of the second tone. See 4.5.)

4.4.1.2. Other pre-Tangut stop codas

The final **-p* and **-t* that one would expect from comparison with Old Chinese, Written Tibetan, and Old Burmese have vanished without a trace: e.g.,

𐰇 **Cɿ-kap* > *lɣa* ‘needle’: Japhug rGyalrong *ta-qaβ*, Written Tibetan *khab* ‘id.’)

𐰇 **ʔjat* > *lʔaʔ* ‘eight’: Written Tibetan *brgyad*, Old Chinese **pʔret* ‘id.’).

There are a few instances of long vowels in probable **-t* words: e.g.,

𐰇 **Cuu-maat* > *lmiaa* ‘fruit’: Japhug rGyalrong *suu-mat* ‘id.’

but these vowels may be primary long vowels rather than remnants of lost stops.

4.4.1.3. Pre-Tangut fricative codas

See 4.5.

³¹ Compare Kan-on 九 *kiu* ‘nine’ (borrowed from northwestern Late Middle Chinese) with Go-on *ku* ‘id.’ (borrowed from southern Early Middle Chinese prior to **u*-breaking).

4.4.2 Pre-Tangut sonorant codas

4.4.2.1. Pre-Tangut nasal codas

Nasals disappeared after all vowels, leaving behind nasalization in some cases with at least two major exceptions:

— There are no native nasalized *u*-syllables. All nasalized *u*-syllables are Chinese borrowings.

— **-aŋ* became *-o* (see 4.3).

4.4.2.2. Pre-Tangut liquid codas

Final **-r* is another source of vowel retroflexion: e.g.,

𪛗 *lkaaʳ* < **kaar* ‘to measure’: Japhug rGyalrong *kɣ-skɣɹ* ‘to weigh.’

Since a final *-Nr* or *-rN* cluster is absent from languages of the region, I assume that the nasalized retroflex vowels of Tangut rhymes 65, 76, 97, and 98 originated from preinitial **r-* + final **-N* sequences: **r-CVN* > *CṼʳ*.

4.5. Pre-Tangut tonogenetic codas

Tangut had two basic tones, a ‘level tone’ and a ‘rising tone’.³² The terms were obviously adopted from the Chinese phonological tradition and may not be meant to be taken at face value as descriptions of tonal contours. They may have meant nothing more than ‘first category’ and ‘second category’. They could even have referred to phonations rather than tones, but I will continue to use the traditional term ‘tone’.

Given that the Tangut level tone was much more common than the Tangut rising tone and that the rising and departing tones of Middle Chinese originated from Old Chinese final glottals, I derive the Tangut rising tone from a lost final glottal **-H*. This **-H* in turn may be from an even earlier **-s* (cf. Old Chinese **-s* and Written Tibetan *-s*) and/or **-ʔ* (cf. Old Chinese **-ʔ*).

Tonal alternations³³ arose from zero ~ **-H* alternations. An **-H* suffix could be added after other codas: e.g., the rising tone word 𪛗 *2lew* < **Cɿ-tek-H* or **Cɿ-tik-H* ‘same’³⁴ is a suffixed cognate of the level tone word 𪛗 *1lew* < **kɿ-tek* or **kɿ-tik* ‘one’.

Old Chinese **-s* could also follow any coda. Written Tibetan *-s* has a more restricted distribution; homorganic *-Cs* sequences are not possible.

If a Tangut rising tone word has no known level tone cognates, its **-H* can be tentatively regarded as part of its root unless external comparison reveals that the **-H* is a suffix.

³² I will not deal with the ‘entering tone’ in the *Precious Rhymes of the Sea of Characters* and other tonal oddities here.

³³ Gong 1988, pp. 821–832.

³⁴ I am not sure whether ‘same’ had the same numerical **kɿ-*prefix as ‘one’. The unwarped nonhigh *e* of *2lew* necessitates the reconstruction of a nonhigh **ɿ* in the presyllable.

Conclusion

The pre-Tangut phonological system that I have reconstructed in this paper brings Tangut typologically closer to Old Chinese while also accounting for Tangut-internal morphological alternations. It is far from a finished product, as it is based only on a small number of examples. Application of my hypotheses to the Tangut lexicon as a whole will undoubtedly result in the reformulation or even rejection of some of my proposals. Nonetheless, I remain confident that Tangut phonological history will eventually be integrated into the larger saga of monosyllabic compression across the Sinosphere.

Appendix 1

Tangut initials

This system is nearly identical to Gong (2003). I write his $w \ t\acute{s} \ t\acute{s}h \ d\acute{z} \acute{s} \acute{z} \cdot$ as $v \ t\acute{f} \ t\acute{f}h \ d\acute{z} \acute{f} \acute{z} \ ?$. Roman numerals refer to the initial classes of the Tangut 同音 *Homophones* dictionary. Unlike Nishida (1964) or Arakawa (1999), neither Gong nor I reconstruct distinct initials for class IV. Alternative phonetic interpretations are in the right-hand column.

I	$p-$	$ph-$	$b-$	$m-$		
II					$v-$	[w]?
III	$t-$	$th-$	$d-$	$n-$		
V	$k-$	$kh-$	$g-$	$\eta-$		
VI	$ts-$	$tsh-$	$dz-$		$s-$	
VII	$t\acute{f}$	$t\acute{f}h-$	$d\acute{z}$		\acute{f}	retroflex [tʂ tʂh dz,ʂ]?
VIII	\acute{z}	$x-$	$y-$			glottal [ʔ h h̥]?
IX	$l-$	$lh-$	$z-$		$\acute{z} \ - \ r-$	[ʈ ʈ̥ ʂ z, r]?

$v-$, $l-$, and the alveopalatals were usually followed by Grade III rhymes with $-i-$ rather than Grade IV rhymes with $-i-$. There was something antipalatal about those consonants, so I suspect $l-$ may have been velarized [ʈ] and the alveopalatals were really retroflexes. The correspondence of $t\acute{f}h-$ to Written Tibetan $dr-$ in ‘six’ (4.2.4) suggests that the alveopalatals might have been retroflexes.

$v-$ may have been [w] like Polish $ł$ or Belarusian \check{y} from earlier nonpalatalized l . However, Tibetan transcriptions of $v-$ as <b(w)>, <ḥbh> and even <ww>³⁵ suggest that Tangut $v-$ had more friction than $w-$.

³⁵ Nishida 1964, pp. 82–83; Tai 2008, pp. 177–178.

Appendix 2

Tangut rhymes

This system is a revision of Gong (2003). Although the phonetic values are somewhat different, the rhyme groups are nearly identical to his.

Grade III and IV rhyme numbers marked with a and b are in complementary distribution. Rhymes unique to Chinese loanwords have no pre-Tangut sources and hence are in parentheses. Variants of rhymes with medial *-w-* are not listed.

Pre-Tangut basic vowel	Grade I	Grade II	Grade III	Grade IV
* <i>u</i>	1. - <i>əu</i>	4. - <i>ʊ</i> ³⁶	2. - <i>iu</i>	3. - <i>iu</i>
	5. - <i>əəu</i>	6. - <i>ʊʊ</i> ³⁷	7a. - <i>iuu</i>	7b. - <i>iuu</i>
	(104. - <i>əũ</i>)			
	61. - <i>əu</i>		62a. - <i>iu</i>	62b. - <i>iu</i>
	80. - <i>əu'</i>			81. - <i>iu'</i>
* <i>i</i>	8. - <i>əi</i>	9. - <i>ɪ</i>	10. - <i>ii</i>	11. - <i>i</i>
	12. - <i>əəi</i>	13. - <i>ɪɪ</i>	14a. - <i>iii</i>	14b. - <i>ii</i>
	15. - <i>əĩ</i>		16a. - <i>iĩ</i>	16b. - <i>ĩ</i>
	68. - <i>əi</i>	69. - <i>ɪ</i>	70a. - <i>ii</i>	70b. - <i>i</i>
	82. - <i>əi'</i>	83. - <i>ɪ'</i>	84a. - <i>iii'</i>	84b. - <i>i'</i>
	99. - <i>əəi'</i>		101a. - <i>iii'</i>	101b. - <i>ii'</i>
* <i>a</i>	17. - <i>a</i>	18. - <i>æ</i>	19. - <i>ia</i>	20. - <i>ia</i>
	22. - <i>aa</i>	23. - <i>ææ</i>	21. - <i>iaa</i>	24. - <i>iaa</i>
	25. - <i>ã</i>	26. - <i>æ̃</i>	27a. - <i>iã</i>	27b. - <i>iã</i>
	66. - <i>a</i>		67a. - <i>ia</i>	67b. - <i>ia</i>
	85. - <i>a'</i>	86. - <i>æ'</i>	87a. - <i>ia'</i>	87b. - <i>ia'</i>
	88. - <i>aa'</i>		89a. - <i>iaa'</i>	89b. - <i>iaa'</i>
				(105. - <i>ya</i>)
* <i>ə</i>	28. - <i>ə</i>	29. - <i>ɪ</i>	30. - <i>iə</i>	31. - <i>iə</i>
	32. - <i>əə</i>		33a. - <i>iəə</i>	33b. - <i>iəə</i>
	71. - <i>ə</i>		72a. - <i>iə</i>	72b. - <i>iə</i>
	90. - <i>ə'</i>	91. - <i>ɪ'</i>	92a. - <i>iə'</i>	92b. - <i>iə'</i>
			100a. - <i>iəə'</i>	100b. - <i>iəə'</i>

³⁶ Gong Hwang-chenng classified rhyme 4 as Grade I and reconstructed it as homophonous with Grade I rhyme 1. However, there are minimal pairs distinguishing rhymes 1 and 4, so the two rhymes must have been distinct. Since rhymes 2 and 3 were Grades III and IV, rhyme 4 might have been Grade II. Unfortunately, there are no diagnostic Grade II initials (*v-*, *l-*, alveopalatals) in rhyme 4 syllables. However, the order of Tangut rhymes seems to be based on a Chinese model, and the first four Tangut rhymes (Grade I 1, Grade III 2, Grade IV 3, and Grade II 4) apparently correspond to the first three Middle Chinese rhymes (Grade I 東/冬, Grade III/IV 鐘, and Grade II 江). Moreover, there are no alveolar initials unique to Grades I and IV in rhyme 4 syllables. Rhyme 4 can only be Grade II or Grade III (as in Arakawa 1999).

³⁷ Gong classified the extremely rare rhyme 6 as Grade III. There are only two different rhyme 6 syllables, *khʊʊ* and *ʒʊʊ*. *kh-* and *ʒ-* can only coexist in Grade II, so I classify rhyme 6 as Grade II.

*e	34. -e	35. -ɛ	36. -ie	37. -ie
	38. -ee	39. -εε	40a. -iee	40b. -iee
	41. -ē	42. -ê	43a. -iē	43b. -iē
		76. -ĕ	65a. -iĕ	65b. -iĕ
		63. -ɛ̄	64a. -iɛ̄	64b. -iɛ̄
	77. -e ^r	78. -ɛ ^r	79a. -ie ^r	79b. -ie ^r
*ik/ek/uk	44. -ew	45. -εw	46a. -iew	46b. -iew
	< *-ik/-ek?	< *-ek only?	< *-ek only	< *-ek only
			47a. -iiw	47b. -iw
			< *-ik, *-uk	< *-ik, (*-uk?)
	93. -e ^r w			94. -i(e) ^r w
< *-ik/-ek?			< *-ik/-ek?	
*o	51. -o	52. -ɔ	53a. -io	53b. -io
			50. -wio	
	54. -oo	55a. -ɔɔ	55b. -ioo	55c. -ioo
	56. -ō	57. -ō̄	58a. -iō	58b. -iō
		59. -ō̄ō̄	60a. -iō̄	60b. -iō̄
	73. -o	74. -ɔ	75a. -io	75b. -io
	95. -o ^r	96a. -ɔ ^r	96b. -io ^r	96c. -io ^r
	102. -oo ^r			103. -ioo ^r
	97. -ō ^r			98. -iō ^r

The *o-rhymes had some unusual characteristics (i.e., a separate rhyme 50 -wio distinct from 53a -io which could also be preceded by -w-; a three-way split of rhymes 55 and 96) that deserve investigation.

50 -wio could only have the level tone, whereas 53a -wio with -w- could only have the rising tone.

Perhaps /oo/ was [ɔɔ] after the high vowels /i i/, so 55a [ɔɔ] could rhyme with 55b [iɔɔ] and 55c [iɔɔ] and 96a [ɔɔ^r] could rhyme with 96b [iɔɔ^r] and 96c [iɔɔ^r].

References

- Arakawa 1999 — Arakawa Shintarō 荒川慎太郎. “Ka-zō taion shiryō kara mita Seikago no seichō” [A Study on Tangut Tones from Tibetan Transcriptions] 夏藏对音資料からみた西夏語の声調. In *Gengogaku kenkyū* 言語学研究 [Linguistic Research], 17–18 (1999), pp. 27–44.
- Baxter and Sagart 2012 — Baxter W., Sagart L. “Baxter-Sagart Old Chinese reconstruction (Version 1.00).” In <http://crlao.ehess.fr/docannexe.php?id=1202> (accessed January 27, 2012).
- Clauson 1964 — Clauson G. “The Future of Tangut (Hsi Hsia) Studies”. In *Asia Major*, 11.1 (1964), pp. 54–77.
- Gong 1988 — Gong Hwang-chen 龔煌城. “Phonological Alternations in Tangut.” In *Zhongyang yanjiu lishi yuyuan yanjiusuo jikan* [Bulletin of the Institute of History and Philology] 中央研究院歷史語言研究所集刊, 59.3 (1988), pp. 783–834.

- Gong 1993 — Gong Hwang-cherng 龔煌城. “Xi-Xia yu yu qiangyuzhi yuyan tongyuanci de lishi cengci” [Cognate Historical Strata of Tangut and the Qiangic Languages] 西夏語與羌語支語言同源的歷史層次. Unpublished manuscript, 1993.
- Gong 1995 — Gong Hwang-cherng 龔煌城. “The System of Finals in Proto-Sino-Tibetan.” In *The Ancestry of the Chinese Language*. Ed. by William S.Y. Wang. Berkeley: Project on Linguistic Analysis, University of California, 1995, pp. 41–92.
- Gong 1999 — Gong Hwang-cherng 龔煌城. “Xi-Xia yu de jin muyin ji qi qi yuan” [Tangut Tense Vowels and Their Origin] 西夏語的緊母音及其起源. In *Zhongyang yanjiu lishi yuyan yanjiusuo jikan* [Bulletin of the Institute of History and Philology] 中央研究院歷史語言研究所集刊, 70.2 (1999), pp. 531–558.
- Gong 2003 — Gong Hwang-cherng 龔煌城. “Tangut.” In *The Sino-Tibetan Languages*. Ed. by Graham Thurgood and Randy J. LaPolla. London: Routledge, 2003, pp. 602–620.
- Hill 2010 — Hill Nathan W. “An Overview of Old Tibetan Synchronic Phonology.” In *Transactions of the Philological Society*, 108.2 (2010), pp. 110–125.
- Jacques 2004 — Jacques G. “Phonologie et morphologie du japhug (rGyalrong).” PhD diss. Université Paris Diderot, 2004.
- Jacques 2006 — Jacques G. “Essai de comparaison des rimes du tangoute et du rgyalrong.” In *Medieval Tibeto-Burman Languages II — 10th Seminar of the International Association for Tibetan Studies*. Ed. by Ch. Beckwith. Leiden: Brill, 2006.
- Jacques 2009 — Jacques G. “The Origin of Vowel Alternations in the Tangut Verb.” In *Language and Linguistics*, 10.1 (2009), pp. 17–27.
- Kuchanov and Sofronov 1963 — Кычанов Е.И., Софронов М.В. *Исследования по фонетике тангутского языка (предварительные результаты)*. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Lee and Ramsey 2011 — Lee Ki-Moon 李基文, Ramsey S.R. *A History of the Korean Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Li 2008 — Li Fanwen 李範文. *Xia-han zidian* [Tangut-Chinese Dictionary] 夏漢字典. 2nd edition. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京: 中國社會科學出版社, 2008.
- Martin 1992 — Martin S.E. *A Reference Grammar of Korean*. Rutland: Charles E. Tuttle, 1992.
- Matisoff 2004 — Matisoff J.A. “‘Brightening’ and the place of Xi-Xia (Tangut) in the Qiangic Subgroup of Tibeto-Burman.” In *Studies on Sino-Tibetan Languages: Papers in Honor of Professor Hwang-cherng Gong on His 70th Birthday*. Ed. by Ho Dah-an. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2004, pp. 327–352.
- Miyake 2008 — Miyake Marc Hideo. “Avoiding ABBA: Old Chinese Syllabic Harmony.” In *Evidence and Counter-Evidence: Essays in Honour of Frederik Kortlandt. Vol. 2. General Linguistics*. Ed. by A. Lubovsky, J. Schaeken and J. Wiedenhof. Amsterdam: Rodopi, 2008, pp. 283–301.
- Nishida 1964 — Nishida Tatsuo 西田龍雄. *Seikago no kenkyū* [A Study of the Hsi-Hsia Language] 西夏語の研究. Tokyo: Zauhō kankōkai 東京: 座右實刊行會, 1964.
- Sagart 1999 — Sagart L. *The Roots of Old Chinese*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Schuessler 2007 — Schuessler A. *ABC Etymological Dictionary of Old Chinese*. Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2007.
- Schuessler 2009 — Schuessler A. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: A Companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2009.
- Sun Hongkai 1981 — Sun Hongkai 孙宏开. *Qiangyu jianzhi* 羌语简志 [A Brief Description of the Qiang Language]. Beijing: Minzu chubanshe 北京: 民族出版社, 1981.
- Sun Jackson 2003 — Sun Jackson. “Phonological Profile of Zhongu: A New Tibetan Dialect of Northern Sichuan.” In *Language and Linguistics*, 4.4 (2003), pp. 769–836.

- Tai 2008 — Tai Chung Pui 戴忠沛. “Xi-Xia wen fojing canpian de zangwen duiyin yanjiu” [A Study of Tibetan Phonological Transcription in Tangut Buddhism Fragments] 西夏文佛經殘片的藏文對音研究. PhD diss. Graduate School of Chinese Academy of Social Sciences, 2008.
- Vovin 2010 — Vovin A. *Koreo-Japonica: A Re-Evaluation of a Common Genetic Origin*. Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2010.

О роли Российской академии наук в исследовании Восточного Туркестана

История ознакомления с Дуньхуаном прошла несколько стадий. Как город на Великом шелковом пути он был известен на рубеже древности и раннего средневековья. В ханьское время появились первые описания Западного края (Си юй), в эпоху Тан были получены новые сведения об этом обширном районе Центральной Азии, в период правления династии Цин Западный край вошел в состав империи сначала как внешняя территория, а с 1884 г. — как провинция. Здесь находились маньчжурские гарнизоны, сюда же ссылали провинившихся чиновников.

Один из таких чиновников — Ци Юнь-ши оставил любопытный дневник своего путешествия к месту ссылки в Илийскую долину в 10-й год правления Цзя-цин (1805 г.). Ци Юнь-ши — уроженец провинции Шаньси, был обладателем высшей ученой степени *цзиньши* и членом Академии Ханьлинь, т.е. высокообразованным китайским официалом, служил в столице в высших учреждениях империи. Как член Историографической комиссии подготовил труд «Вайфань Мэнгу хуйбу вангун бяочжуань», представлявший собой топографическое и историческое обозрение границ Внутренней и Внешней Монголии, Западного края и Тибета. Затем написал работу «Стратегические планы правящей династии в отношении инородцев» («Хуанчао фаньбу яолюе»). Даже в ссылке он не оставлял литературных занятий и подготовил целый ряд трудов, посвященных западным областям империи. Он обладал глубокими познаниями в области истории и географии, его литературный талант позволил ему подготовить сборник собственных произведений под названием «100 поэм».

«Дневник» Ци Юнь-ши был опубликован на китайском языке в 1992 г. Шаньсийским народным издательством под заглавием «Путешествие длиной десять тысяч ли»¹. Этот заголовок лишь кажется аллегорией, связанной с по-

¹ Ци Юнь-ши 1992. Здесь же помещена его биография (с. 1–8). В ссылку он попал за то, что, будучи смотрителем Монетного двора, допустил недостачу.

словницей «путь в десять тысяч *ли* начинается с первого шага». На самом деле автор, прибыв на место назначения, с традиционной китайской пунктуальностью отметил, что от Пекина он действительно находится на расстоянии 10 700 *ли*. А через полвека после прибытия Ци Юнь-ши в Западный край, 23 марта 1855 г., молодой китаевед Павел Цветков, член Русской духовной православной миссии в Китае, завершил перевод «Дневника» на русский язык. К сожалению, в ноябре того же года он ушел из жизни². Его труд был напечатан в Пекине в 1907 г.³, т.е. за 75 лет до указанной публикации «Дневника» на китайском языке.

Ци Юнь-ши упомянул Дуньхуан в своем «Дневнике», но не заезжал в него⁴, однако, продвигаясь по родной провинции, он дал интересное описание местности в районе города Бинчжоу. «В старину — при Сунской династии — этим городом управлял *гун* Фань Вэнь-чжэн. Он лежит от местечка Тайюй на северо-запад в 30 *ли* и в древности назывался Бинди. Начиная от города Юншоу и до самого Бинчжоу жители обитают в пещерах и ямах — древний обычай, сохранившийся здесь доселе. Здешняя земля имеет в себе много вязких частиц, оттого пещеры держатся долгое время; в других странах подобные здания могли бы скоро разрушаться... На запад от Бинчжоу через 10 с небольшим *ли* находится замечательная гора Минцзушань, вершина которой покрыта землей, а подошва состоит из камней. В ней такое множество пещер, что невозможно пересчитать. Во всех них встречаются изображения Будд... Отселе через 10 с лишком *ли* я увидел в каменном углублении горы громадной величины статую Будды — вышиною в 85 футов, высеченную из целого горного камня. Эта вещь заслуживает внимания»⁵.

Изображения Будд и другие памятники Восточного Туркестана, о которых написал Ци Юнь-ши, стали достоянием мировой науки в конце XIX — начале XX в. При этом существенный вклад в изучение древностей Центральной Азии и в дуньхуановедение в частности внесла Российская академия наук. Не в последнюю очередь благодаря трудам российских ученых дуньхуановедение за первые 100 лет своего становления и развития превратилось в одно из важных направлений деятельности мирового востоковедения. Ныне это ком-

² На могильной плите была сделана надпись: «Здесь покоится прах иеромонаха Павла Цветкова, приб[ывшего] в Пекин в 1849 г., преставился 27 ноября 1855 г. 35 лет от рожд[ения]. Господи, помилуй раба твоего».

³ Цветков 1907. Очевидно, П. Цветков располагал экземпляром дневника, в котором Ци Юнь-ши выступал под одним из своих имен: Ци Хэ-чао. Он был помилован императором и возвращен из ссылки. Получил награды за свои литературные труды. Служил у бывшего генерал-губернатора Западного края Сун Юня, который ему покровительствовал, в бытность последнего губернатором провинций Цзянсу, Цзянси и Аньхуй.

⁴ «Я утешал себя еще и тем, что древние Юймынь и Янгуань находятся от настоящей крепости (Цзяюй. — *В.М.*) еще далее на запад на несколько сот *ли* — и именно в окрестностях нынешнего города Дуньхуан-сяня» (Цветков 1907, с. 28). «Древняя крепость Юймыньгуань (Яшмовая застава. — *В.М.*) находилась на месте теперешнего города Дуньхуан-сяня и от города Юймынь-сяня далеко на юго-запад» (там же, с. 29).

⁵ Цветков 1907, с. 14. Я благодарен моей китайской коллеге доктору Лю Жо-мэй за помощь в получении этих материалов.

плексная отрасль востоковедной науки, включающая в себя археологию, древнюю и средневековую историю, литературоведение, текстологию, китаеведение, индологию, буддологию, тибетологию, тангутоведение, центрально-азиатские исследования и, наконец, науку о комплексной реставрации памятников.

С 3 мая 1889 г. в течение 26 лет Императорскую Академию наук возглавлял великий князь Константин Константинович⁶. Широкой публике он знаком как замечательный поэт Серебряного века, подписывавший свои стихи криптонимом К.Р. Но в конце XIX — начале XX в. он был не менее известен и в научном мире.

В период его президентства русское востоковедение вышло на мировой уровень. В Академии наук оно было представлено такими выдающимися учеными, как санскритолог О.Н. Бётлингк, синолог, буддолог, маньчжуровед В.П. Васильев, гебраист и тюрколог В.В. Вельяминов-Зернов, арабист В.Р. Розен, тюрколог, этнограф В.В. Радлов, иранист К.Г. Залеман, востоковед-филолог Ф.Е. Корш, историк В.В. Бартольд, индолог С.Ф. Ольденбург, гебраист, семитолог П.К. Коковцов, языковед Н.Я. Марр. Среди членов-корреспондентов следует упомянуть семитолога Д.А. Хвольсона, арабиста И.Ф. Готвальда, арабиста и тюрколога Н.И. Ильминского, лингвиста Д.З. Бакрадзе, армяноведа К.П. Патканова, китаеведа П.С. Попова, археолога и нумизмата В.Г. Тизенгаузена, арабиста В.А. Жуковского, египтолога О.Э. Лемма, арабиста, санскритолога, ираниста, армяноведа А.И. Томсона, археолога, арабиста, тюрколога Н.И. Веселовского.

Со многими членами Академии у Константина Константиновича установились доброжелательные отношения, хотя академики и старались «держать дистанцию». Став президентом Академии, великий князь помог в 1890 г. академику В.П. Васильеву получить в Министерстве народного просвещения разрешение и финансовую поддержку для поездки в Западный Китай, в новую провинцию Синьцзян. Дело осложнялось тем, что сама Академия не имела средств не только для снаряжения и отправки экспедиций, но и командирования отдельных ученых в страны Востока. К тому же В.П. Васильеву уже исполнилось 72 года и дальнейшее путешествие было связано с риском для здоровья.

Константин Константинович договорился с В.П. Васильевым, что тот будет регулярно писать президенту Академии о своих находках и впечатлениях. В письме от 22 августа 1890 г. ординарный академик В.П. Васильев сообщил, что исполнилось его «желание еще раз взглянуть хоть на окраины Китая, из которого выехал более 40 лет назад». Затем автор ряда работ по отношениям России с Китаем отметил важнейшую, по его мнению, перемену в Синьцзяне: «Может быть, небезынтересно будет Вашему Императорскому Высочеству [узнать], как удивило и обрадовало меня появление русского влияния в стра-

⁶ См.: Соболев 1993, с. 9; РАН. Персональный состав, с. 274. Константин Константинович не был единственным великим князем — почетным членом Академии. В 1855 г. в качестве почетных членов были избраны великие князья Михаил Николаевич (1832–1909) и Николай Николаевич (старший, 1831–1891), в 1898 г. почетным членом стал великий князь Георгий Михайлович.

не, прославившейся своим затворничеством и чужданием всего постороннего. Почти вся огромная провинция⁷, вновь образованная в западной части застенного Китая — бывшие Чжунгария и Туркестан, — не может обойтись без русских товаров, даже чай еще недавно вывозился сюда из России⁸.

Далее В.П. Васильев приводил многочисленные свидетельства активной экономической деятельности русских подданных в Синьцзяне. Эта информация была чрезвычайно важна по двум причинам. Во-первых, она пришла в Петербург в разгар «Большой игры» в Азии — англо-русского соперничества в центральных районах Евразии⁹. Во-вторых, Россия готовилась направить ряд экспедиций в Монголию и Северо-Западный Китай для изучения письменных памятников и остатков материальных культур народов, населявших эти районы в древние времена¹⁰.

Средства для снаряжения экспедиций отпускались из императорской казны через созданные в середине XIX в. Русское географическое и Русское археологическое общества — РГО и РАО. В финансировании экспедиций принимал участие и Генеральный штаб¹¹. Под эгидой РГО прошли знаменитые на весь мир экспедиции Н.М. Пржевальского и его учеников В.И. Роборовского, М.В. Певцова, П.К. Козлова¹².

Академия наук, ее президент и члены принимали активное участие в подготовке экспедиций и, главное, в научном изучении их результатов, поступавших в Азиатский музей Академии наук, в Эрмитаж и Кунсткамеру. Так, М.В. Певцов, рассказывая о своем путешествии в Тибет в 1889–1890 гг., отмечал, что о Северо-Западном Тибете «не только в европейских, но и в китайских источниках, просмотренных нашими синологами Э.В. Бретшнейдером и В.П. Васильевым, не нашлось никаких сведений. В рукописном географическом обозрении Тибета, составленном по тибетским источникам академиком В.П. Васильевым, которым он любезно разрешил мне попользоваться, я тоже не нашел никаких сведений о северо-западной части этой страны, кроме общего указания, что она очень высока и отличается суровым климатом»¹³.

После возвращения экспедиции В.И. Роборовского ее материалы на китайском, уйгурском языках и на санскрите были изучены С.Ф. Ольденбургом и китаеведом А.О. Ивановским и представлены В.В. Радлову, который сделал о них доклад в Академии наук. Затем Отделение исторических наук и филологии сформировало компетентную комиссию для разработки археологических коллекций Восточного Туркестана. В нее вошли В.В. Радлов, А.А. Куник, В.П. Васильев, К.Г. Залеман, В.Р. Розен. Участвовали в работе комиссии и специально приглашенные Д.А. Клеменц и С.Ф. Ольденбург¹⁴.

⁷ Синьцзян стал провинцией Китая в 1884 г.

⁸ Тункина 2008, с. 140–141.

⁹ Подробнее см.: Постников 2005; Мясников 2007.

¹⁰ Попова 2008.

¹¹ Мясников 2005.

¹² Козлов 2003.

¹³ Цит. по: Попова 2008, с. 22–23.

¹⁴ Попова 2008, с. 28.

По инициативе Константина Константиновича был организован ряд экспедиций в страны Центральной Азии. Так, в 1891 г. в долину р. Орхон, протекающей в Северной Монголии, была направлена археологическая экспедиция, возглавляемая академиком В.В. Радловым. В конце года экспедиция возвратилась в Петербург. Результаты были блестящими, они получили широкий отклик в академическом сообществе, для продолжения работ было решено направить в этот район на четыре года Д.А. Клеменца¹⁵. Президент Академии отозвался на это событие написанным 8 декабря в Гатчине стихотворением «Будда»¹⁶.

Успехи российского академического востоковедения были высоко оценены во всем мире. В 1899 г. в Риме на XII Международном конгрессе востоковедов академики В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург доложили о результатах русских экспедиций в Центральную Азию и обнаруженных там древнеуйгурских и рунических письменах и остатках материальной культуры и искусства. По решению Конгресса была создана Международная ассоциация для изучения Центральной и Восточной Азии¹⁷.

Ценнейшие коллекции раннесредневековых тюркских деловых документов были доставлены в Академию наук в результате экспедиции Д.А. Клеменца в Восточный Туркестан в 1898 г. Они были опубликованы В.В. Радловым. Собрание этих письменных памятников было продолжено в ходе первой Российской Туркестанской экспедиции под руководством С.Ф. Ольденбурга (1903) и экспедиций С.Е. Малова в 1909–1911 и 1913–1915 гг.¹⁸.

В 1903 г. было решено сосредоточить всю экспедиционную деятельность на Востоке в одном органе — специально созданном Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии (РКСА), который был отдан в ведение Министерства иностранных дел, так как экспедиции направлялись за рубежи России. Возглавил комитет академик В.В. Радлов, а его заместителем стал неперменный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург.

Академик С.Ф. Ольденбург активно участвовал в деятельности РКСА. Он лично возглавил две экспедиции в Восточный Туркестан. Вторая экспедиция доставила богатейшие материалы из Дуньхуана, что позволило Сергею Федоровичу составить «Описание пещер Дуньхуана», часть которого он позднее опубликовал в виде статьи¹⁹.

При оценке успехов российской науки нельзя не упомянуть еще одного человека, исключительно много сделавшего в практическом плане для успеха русских экспедиций в Западный Китай. Его имя Николай Федорович Петровский (1837–1908), он был первым русским консулом в Кашгаре. Попав в этот край, полный старинных памятников различных культур и цивилизаций, Н.Ф. Петровский все свободное от дипломатических обязанностей время по-

¹⁵ Соболев 1993, с. 52.

¹⁶ Романов 1991, с. 147–149.

¹⁷ Попова, с. 29–30.

¹⁸ Тугушева 2008, с. 44–47.

¹⁹ Ольденбург 1922, с. 57–66.

свящал собиранию коллекций, которыми старался пополнить академические собрания. Он вел постоянную переписку с академиками С.Ф. Ольденбургом и В.Р. Розеном, которые руководили его изысканиями. В академических изданиях публиковались статьи этого подвижника науки²⁰. Кстати, он же как свидетель описал и землетрясения в Синьцзяне в 1895 и 1898 гг., которые нанесли значительный урон историческим памятникам, в том числе и Дуньхуану²¹.

Приведу лишь несколько отрывков из интереснейших писем Н.Ф. Петровского²², проливающих свет на его научные интересы. Так, 15 сентября 1892 г. он сообщал В.Р. Розену, что приобрел в Куче «еще несколько рукописей, написанных такими же письменами, как моя „кашгарская рукопись“, и те 12 листков, которые я имел честь послать Вашему превосходительству для их просмотра»²³.

В октябре 1893 г. он докладывал директору департамента внутренних сношений МИД барону Ф.Р. Остен-Сакену: «Археологическое внимание мое после Кучи и Курля на севере, имевшее в результате отыскание более 100 листов санскритских рукописей на коже, коре и бумаге и открывшее (как пишет мне С.Ф. Ольденбург) совершенно новое поле исследований, обратилось к югу — к Хотану; и тут мне посчастливилось: добыл великолепные геммы великолепной резьбы, некоторые с подписями на языке гупти (династия между V и VIII вв. по Р[ождеству] Х[ристову]) и разные вещи и монеты»²⁴.

Наконец, 25 декабря 1895 г., вновь обращаясь к Ф.Р. Остен-Сакену, Н.Ф. Петровский подытожил свои успехи за истекший год: «О моих открытиях в области археологии, скажу с гордостью, Вы, конечно, знаете. Можно было бы сделать гораздо больше, но нет возможности отлучиться даже за 25 в[ерст] от Кашгара, а настоящие древности от меня далеко. Прав был В.В. Григорьев, говоря, что В[осточный] Туркестан гораздо древнее Бактрии. Много мне помогли своими советами и поощрениями барон В.Р. Розен и [С.Ф.] Ольденбург»²⁵.

В Восточном Туркестане были обнаружены и манихейские тексты на среднеперсидском, парфянском и согдийском языках. Выступая 17 октября 1918 г. в Восточном отделении РАО с докладом «Памяти профессора Эдуарда Шаванна», Василий Михайлович Алексеев, отметив вклад Шаванна в буддологию, заметил, что тот совместно с П. Пеллио дал «санкции совершенного

²⁰ Петровский 1877; Петровский 1892а; Петровский 1892б; Петровский 1896.

²¹ Петровский 1895; Петровский 1898.

²² Сотрудник Архива РАН В.Г. Бухерт подготовил переписку Н.Ф. Петровского к публикации. См.: Петровский 2010.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2, д. 337. Л. 10.

²⁴ РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1, д. 466. Л. 300–302.

²⁵ РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1, д. 466. Л. 322 об. В РГАДА хранится личный фонд Остен-Сакенов. Барон Федор Романович Остен-Сакен был потомственным дипломатом. Его отец Роман Федорович Остен-Сакен служил старшим советником Министерства иностранных дел в 1835–1863 гг. Ф.Р. Остен-Сакен возглавлял Департамент внутренних сношений в 1875–1897 гг. При нем в феврале 1897 г. департамент был переименован во Второй департамент [Очерк истории МИД. Приложения, с. 5].

исследования знаменитому отныне манихейскому трактату, найденному в Дуньхуане»²⁶. Я бы добавил, что академик К.Г. Залеман, который в 1890–1916 гг. был директором Азиатского музея (ныне — Институт восточных рукописей РАН), ввел признанную затем во всем мире систему транслитерации манихейских текстов еврейским квадратным письмом²⁷.

В своем отчете о работе Китайского кабинета Института востоковедения АН СССР за 1934 г. В.М. Алексеев заключил, что «надо признать деятельность Кабинета достаточно развернутой, чему особенно способствовали обнаружение залежей в бывшем Азиатском музее китайских документов из Дуньхуана и других мест...»²⁸. Так начался новый период в изучении Дуньхуана в нашей академии — систематизация и изучение коллекций.

В 1940 г. В.М. Алексеев опубликовал историко-библиографический очерк «Китайская литература», в котором отметил, что «буддийские трактаты покрыли собой невероятное количество бумаги, ибо „благочестивым“ порядком переписывались по заказу верующих без конца, так что, например, первыми по количеству среди добытых в Дуньхуане (в начале XX в.) древних рукописей первыми оказались буддийские»²⁹.

В 1947 г., говоря о деятельности советского китаеведения за 30 лет, В.М. Алексеев отметил, что, проводя изучение китайской живописи, «мы приняли участие в организации выставок знаменитых находок Ноин-Ула, Турфана, Дуньхуана, Хара-Хото и т.д. и сделали ряд этюдов для выяснения их истории и техники»³⁰.

В 60-е годы XX в. лидером исследования дуньхуанских рукописей в РАН стал ученик В.М. Алексеева Л.Н. Меньшиков, всемирно признанный специалист, член многих иностранных научных обществ, в том числе и Дуньхуанской академии КНР³¹.

Открытые русскими исследователями в конце XIX — начале XX в. в Восточном Туркестане документы и материалы стали основополагающими источниками для изучения истории Китая и Центральной Азии. В качестве примера можно привести фундаментальное исследование профессором Е.И. Кычановым истории, светской культуры и религии тангутского государства Си Ся³².

Литература

- Алексеев 1978 — *Алексеев В.М.* Китайская литература. Избранные труды. М.: ГРВЛ, 1978.
 Алексеев 1982 — *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982.
 Козлов 2003 — *Козлов П.К.* Дневники Монголо-тибетской экспедиции 1923–1926. Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев, отв. ред. А.В. Постников. СПб.: Наука, 2003 (Научное наследие).

²⁶ Алексеев 1982, с. 73.

²⁷ Лившиц 2008.

²⁸ Алексеев 1982, с. 210.

²⁹ Алексеев 1978, с. 5.

³⁰ Алексеев 1982, с. 141.

³¹ О нем см.: Милибанд 2008, с. 906–907; Попова 2006, с. 219–221.

³² Кычанов 2008.

- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* История Тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008 (Исторические исследования).
- Лившиц 2008 — *Лившиц В.А.* Manichaica в Азиатском музее // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century. Под ред. И.Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 82–87.
- Милицанд 2008 — *Милицанд С.Д.* Востоковеды России. XX — начало XXI века. Библиографический словарь. Кн. I: А–М. М.: Восточная литература, 2008.
- Мясников 2005 — *Мясников В.С.* По следам Маннергейма // Восток–Запад. Историко-литературный альманах. Под ред. акад. В.С. Мясникова. 2003–2004 гг. М.: Восточная литература, 2005. С. 246–254.
- Мясников 2007 — *Мясников В.С.* Из истории российской политики в Центральной и Средней Азии в XVIII–XIX вв. // *Постников А.В.* Формирование южных рубежей России в XVIII–XIX вв. Под ред. акад. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 5–22.
- Ольденбург 1922 — *Ольденбург С.Ф.* Пещеры тысячи будд // Восток. Кн. 1. М.–Пг.: Всемирная литература, 1922. С. 57–66.
- Очерк истории МИД — Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Изд. МИД, 1902.
- Петровский 1877 — *Петровский Н.Ф.* Учено-торговая миссия в Китай в 1874–1875 гг. // Русский вестник. Т. 5. 1877. С. 101–141.
- Петровский 1892а — *Петровский Н.Ф.* Буддийский памятник близ Кашгара // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. VII. 1892. С. 298–301.
- Петровский 1892б — *Петровский Н.Ф.* Загадочные яркендские монеты // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. VII. 1892. С. 307–310.
- Петровский 1895 — *Петровский Н.Ф.* Землетрясение в Кульдже и Кашгарии летом 1895 г. // Известия Русского географического общества. Т. XXXI (5). 1895. С. 574–575.
- Петровский 1896 — *Петровский Н.Ф.* Заметки о древностях Кашгара. I. Хан-уй // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. IX. 1896. С. 147–155.
- Петровский 1898 — *Петровский Н.Ф.* Землетрясение в Кашгаре 10 июня // Известия Русского географического общества. Т. XXXIV (3). 1898. С. 366.
- Петровский 2010 — *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма. Отв. ред. В.С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
- Попова 2006 — *Попова И.Ф.* Лев Николаевич Меньшиков (1926–2005) // Восток-Oriens. 2006, № 2. С. 219–221.
- Попова 2008 — *Попова И.Ф.* Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century. Под ред. И.Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 11–39.
- Постников 2005 — *Постников А.В.* Схватка на «крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. Общ. ред. и предисл. акад. В.С. Мясникова. М.: Рипол классик, 2005. С. 5–25.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- РАН. Персональный состав — Российская академия наук. Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. Действительные члены, члены-корреспонденты, почетные члены, иностранные члены. М.: Наука, 1999.
- Романов 1991 — *Романов К.К.* Избранное. Стихотворения, переводы, драмы. М.: Советская Россия, 1991.
- Соболев 1003 — *Соболев В.С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. СПб.: СПб-Искусство, 1993.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Тугушева 2008 — *Тугушева Л.Ю.* Экспедиции в Центральную Азию и открытие ранне-средневековых тюркских письменных памятников // Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century. Под ред. И.Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 40–49.

Тункина 2008 — *Тункина И.В.* Письмо В.П. Васильева президенту Петербургской Академии наук К.К. Романову о поездке в Синьцзян летом 1890 г. // Восток–Запад. Историко-литературный альманах. Под ред. акад. В.С. Мясникова. 2007–2008 гг. М.: Восточная литература, 2008. С. 89–93.

Цветков 1907 — Переезд из Пекина в Или (Путевой дневник китайского вельможи Ци Хэ-чао, сосланного в Или). Перевел с китайского иеромонах Павел Цветков. Пекин: Типография Успенского монастыря при Русской духовной миссии, 1907.

Ци Юнь-ши 1992 — *Ци Юнь-ши 祁韻士.* Вань ли сичэн цзи (Путешествие длиной десять тысяч ли) 萬里行程記. Тайюань: Шаньси жэньминь чубаньшэ 太原: 山西人民出版社, 1992.

Nie Hongyin

Tangut Fragments Preserved in the China National Institute of Cultural Heritage

Four pieces of Tangut fragments have recently come to light in the China National Institute of Cultural Heritage (Zhongguo wenhua yichan yanjiuyuan 中國文化遺產研究院).¹ It is considered that they were originally included in the Dunhuang collection of Zheng Zhenduo and were taken over by the government in the 1960s. In a decade, they were handed over to the Institute and preserved unexamined in its Library until 2010 when Dr. He Junhong, Deputy Director of the Institute Library, showed me these fragments for identification.

One of these fragments (pl. 1), a xylograph in a fine condition, is easily identified—it comes from the volume 32 of the Tangut version of *Apidamo dapiposha lun* 阿毗達磨大毗婆沙論 (*Abhidharma-mahā-vibhāṣā-śāstra*):

禪 繆 毘 毘 毘 繆
毘 繆 毘 毘 毘 繆
繆 毘 毘 毘 毘 繆

Chinese decipherment:

勝理是諸果中
何故擇滅△達通名
涅槃者慧果是則故達

The relevant Chinese original translated from Sanskrit by Xuanzang in 659 can be found in *Taishō Tripitaka*, vol. 27, p. 163c:

¹ Three pieces were affixed with the seal of Wenwu bowuguan yanjiusuo cang (文物博物館研究所藏 Collection of the Research Institute, Museum of Cultural Relics) and numbered *xian* 獻 14458: 1–3, but on the remaining one of the four, the most fragmentary xylograph, there are no marks of a collection.

Pl. 1

Pl. 2

於諸理中是最勝理，於諸果中是最勝果，故名最勝。問：何故擇滅亦名通達？
答：通達謂慧，涅槃是慧果，故亦名通達。

Arakawa Shintarō reports that there are also twelve pieces of Tangut fragments of the same śāstra kept in the Princeton East Asian Library and all of their Chinese correspondences can be found in the volume 32.² Thus we may assume, according to the characteristics of engraving, that what is preserved in the Institute of Cultural Heritage might, along with those in Princeton, have come from one and the same xylograph excavated from the Northern Region of Mogao Grottoes in Dunhuang.

The identification of a second fragment (pl. 2) is largely beyond my ability. It is a piece of the severely damaged gold ink manuscript, where a few characters are indecipherable. We can see five columns of characters on it: the first two to the right prove to be its Sanskrit title in Tangut phonetic transliteration, while the third column should be a Tangut paraphrase of the title but is evidently incomplete, and the last two columns might be a short glorification to the Buddhas. Perhaps we can decipher some intelligible characters as the following:

² Arakawa Shintarō 2011, pp. 147–305. For the parallel Chinese texts see *Taishō Tripitaka* № 1545, vol. 27, pp. 150c–167a.

儼 𑖇 𑖈 𑖉 𑖊 𑖋 𑖌 𑖍 𑖎 𑖏 𑖐 𑖑 𑖒 𑖓 𑖔 𑖕
 𑖖 𑖗 𑖘 𑖙 𑖚 𑖛 𑖜 𑖝 𑖞 𑖟 𑖠 𑖡 𑖢 𑖣
 𑖤 𑖥
 𑖦 𑖧 𑖨 𑖩 𑖪 𑖫 𑖬 𑖭 𑖮 𑖯 𑖰 𑖱 𑖲 𑖳 𑖴
 𑖵 𑖶 𑖷 𑖸 𑖹 𑖺 𑖻 𑖼 𑖽 𑖾 𑖿

Skt.: *Buddha sarva natari ikā[ra]
yayur samā tantra nā[ma]*

Tangut: ...

All sorts of practice begin from origin; now realize the original correct awakening.
Let me pay homage to the true body of ...³

We know that a Tangut Buddhist work must have been translated from Tibetan if it is initiated by the transliteration of a Sanskrit title at the very outset.⁴ But unfortunately, although the possible Tibetan title might be tentatively reconstructed here as *Sangs-rgyas thams-cad bsong-ba i-yi-ge ... mnyam-pa rgyud zhes-bya-ba*,⁵ I have not yet been able to locate the relevant Tibetan original so far and hence give any accurate decipherment.

Two other pieces of manuscript, identified to be certain kinds of Buddhist mantras, are fairly interesting. Along with the most widely spread mantras in the Gansu Corridor, they must have played an important role in the spiritual life of Tanguts in the middle ages, for transcriptions of the same mantras are excavated from the Caves of Tianti Mountain and Bingling Temple in the past century and then preserved in the Gansu Museum. Chen Bingying published their facsimile and pointed out that three mantras among them were copied separately on 14 pieces of paper with a few divergences of characters,⁶ but he failed to identify their title and origin.

Now we can conclude that the third Tangut fragment in the Institute of Cultural Heritage (pl. 3) identical to the mantra of the Second Class discussed in Chen Bingying's article⁷ proves to be the transliteration of *Shier yinyuan zhou* 十二因緣咒 (*Dhāraṇī of the Twelve Causes and Conditions*), though there are some characters differing from each other:

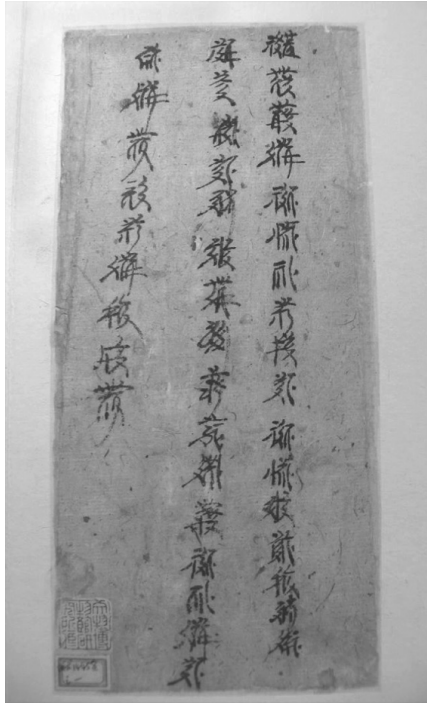
³ The possible Chinese translation might be 修口皆之初始中, 現証正覺初始時. 口口親身處敬禮.

⁴ Nishida Tatsuo 1966, p. 296.

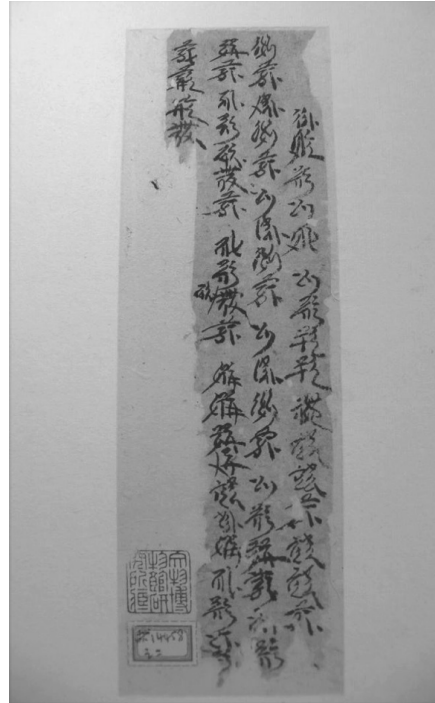
⁵ Its tentative Chinese reconstruction might be 佛一切回向伊字口口平等怛特羅.

⁶ Chen Bingying 1987, pp. 63–65 and the back cover.

⁷ The mantras discussed by Chen Bingying fall into three classes. The First Class, beyond the topic of the present paper, is the Tangut transliteration of *Amituofo genben zhou* 阿彌陀佛根本咒 (*Basic Dhāraṇī of Amitābha*).

Pl. 3

Pl. 4

禰 叢 叢⁸ 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰
 禰 禰 禰 禰⁹ 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰 禰
 禰 禰 禰 禰 禰 禰¹⁰ 禰 禰

Skt.: *Oṃ ye dhārmāhetu prabhava hetuteṣān tathāgato hyavadatate śāñcayo nirodha evaṃ vātī mahā śramaṇaḥ*¹¹ svāhā.¹²

The fourth piece of the Tangut manuscripts in the Institute of Cultural Heritage (pl. 4), identical with the mantra of the Third Class in Chen Bingying’s study, proves to be the Tangut transliteration of *Budong Rulai jingchu yezhang zhou* 不動如來淨除業障咒 (*Dhāraṇī to Eliminate Hindrance of Tathāgata Akṣobhya*):

⁸ According to the Sanskrit form and Bingling Temple manuscripts, Tangut character 禰 *ri* is dropped here.

⁹ According to the Sanskrit form, Tangut character 叢 *da* might be dropped here.

¹⁰ According to the Bingling Temple manuscripts, Tangut character 禰 *ya* is dropped here.

¹¹ According to the Chinese transliteration and Bingling Temple manuscripts, the Sanskrit word *śramaṇaḥ* ought to be *śramaṇāya*.

¹² Sun Bojun 2009, pp. 163–198. The Sanskrit form of this mantra shows slight divergences from that in *All Mantras in Mahāpiṭaka*, see Lin Guangming 2001, pp. 407–408.

𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 [𣎵]
 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵¹³ 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵
 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵¹⁴ 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 𣎵𣎵 [𣎵𣎵]
 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵

Skt.: *Namo ratna trayāya om kāmḱani kāmḱani rocani rocani troṭani troṭani trāsani trāsani pratihana pratihana sarva karma parāṃ parāni me svāhā.*¹⁵

Chinese versions of *Shier yinyuan zhou* and *Budong Rulai jingchu yezhang zhou* came into being in Xi-Xia era and have been well preserved up to the present. In 1200, a Xi-Xia minister He Zongshou 賀宗壽 engaged śramaṇas Zhiguang 智廣 and Huizhen 慧真 to compile a Buddhist work with the title of *Mizhou yuanyin wangsheng ji* 密咒圓因往生集 (*Selection of Mantras Connected to Rebirth*), where we find:

十二因緣咒
 唵 英 𣎵捺吟麻形丁各 不囉末幹 形丁各 𣎵善 怛達遏多 纈末𣎵捺𣎵 善捺養
 祢 𣎵浪𣎵捺 𣎵英 𣎵捺 幹 唵 實囉麻捺英 莎訶¹⁶

不動如來淨除業障咒
 捺麼 囉唵捺 唵囉也也 唵 葛葛妳 葛葛祢 𣎵浪捺祢 𣎵浪捺祢 唵囉怛祢
 唵囉怛祢 唵囉薩祢 唵囉薩祢 不囉帝訶捺 不囉帝訶捺 薩唵末 葛唵麻
 鉢囉 鉢囉祢 銘 莎訶¹⁷

Evidently, the Chinese versions are phonetically congruent with both the Sanskrit originals and its Tangut versions quoted above. This fact shows that there must have been some standard originals of the Sanskrit mantras in Xi-Xia. The assumptive originals must have been separated from their primary sūtras and spread independently among people in the Gansu Corridor, for we can see that the *Budong Rulai jingchu yezhang zhou* is transliterated quite differently from the original sūtra wherein it was included.

¹³ According to the Sanskrit and Chinese mantra in question, *troṭani* or *trotani*, the Tangut character 𣎵 *tsa* (*ca*) in 𣎵 𣎵 𣎵 𣎵 *trocani* should be 𣎵 *ta*, but I cannot figure out why the character 𣎵 *tsa* (*ca*) is also used in the manuscripts of Bingling Temple, or perhaps the Sanskrit form read by Tanguts then was *trotsani*, not *troṭani*.

¹⁴ 𣎵 𣎵 *māma* also occurs in the Bingling Temple manuscripts, but cannot be found in other versions of this mantra.

¹⁵ Sun Bojun 2009.

¹⁶ *Taishō Tripitaka* vol. 46, p. 1012c. The original Chinese phonetic annotations are deleted here for reading convenience. The main part of the same mantra also appears in Chinese version of *Sheng miao-jixiang zhenshiming jing* 聖妙吉祥真實名經 (*Ārya-mañjuśrī-nāma-saṃgīti*), see *Taishō Tripitaka* vol. 20, p. 832b, but does not appear in its Tangut version, see Lin Ying-jin 2006. It seems that the *Shier yinyuan zhou* was not included in the initial composition of *Sheng miao-jixiang zhenshiming jing* but attached, along with some other mantras at the end of the sūtra, by somebody in the Yuan era.

¹⁷ *Taishō Tripitaka* vol. 46, p. 1010a. The original Chinese phonetic annotations are deleted here for reading convenience.

The Chinese version of *Budong Rulai jingchu yezhang zhou* appeared initially in *Baji kuan tuoluoni jing* 拔濟苦難陀羅尼經 (*Sūtra of the Dhāraṇīs that Remove Suffering and Adversity*) translated by Xuanzang in 654, and its Tangut version was discovered in Khara-Khoto by the Kozlov expedition and is now preserved as Inv. No. 117 (ИИВ. № 117) in the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences,¹⁸ where we can see an almost entirely different transliteration of *Budong Rulai jingchu yezhang zhou*:

廂廂莪廂廂莪 廂廂莪廂廂莪 刻廂莪廂廂莪 刻廂莪廂廂莪 刻廂莪廂廂莪 刻廂莪廂廂莪
廂廂莪 廂廂莪刻廂廂莪 廂廂莪刻廂廂莪 廂廂莪刻廂廂莪 廂廂莪刻廂廂莪¹⁹

The original Chinese version reads:

羯羯尼羯羯尼 魯折尼魯折尼 咄盧磔尼咄盧磔尼 怛邏薩尼怛邏薩尼 般刺底喝那般刺底喝那 薩縛羯莫般藍般邏般謎 莎訶²⁰

Comparison between the mantra in *Baji kuan tuoluoni jing* and that in the collection of the Institute of Cultural Heritage shows that the corresponding Tangut characters are not always homophones; for example, the Sanskrit word *rocani* is transliterated as 廂廂莪 *rjur-tśja-nji* in *Baji kuan tuoluoni jing*, whereas in the Institute of Cultural Heritage manuscript it is transliterated as 廂廂莪 *ror-tsja-nji*.²¹ 廂 *rjur* and 廂 *ror* are differentiated by their vowels, whereas 廂 *tśja* and 廂 *tsja* by their consonants. The possible explanation to this phenomenon lies in a divergence in their transliteration method, that is to say, 廂廂莪 *rjur-tśja-nji* comes from the Chinese sound 魯折尼 *lu-tśja-ni* but 廂廂莪 *ror-tsja-nji* come from the Tibetan sound *ro-tsa-ni*. This conclusion can be supported by another cognate version of *Budong Rulai jingchu yezhang zhou* in a Tangut translation of the Tibetan sūtra 'Phags-pa *mi-gyo-ba zhes-bya-ba'i gzungs*,²² where we see the same transliteration of 廂 *tsa* for *ca*:

訖訖 廂廂廂 刻廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂
廂廂廂 刻廂廂廂 刻廂廂廂 刻廂廂廂 刻廂廂廂 刻廂廂廂 刻廂廂廂 刻廂廂廂
廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂 廂廂廂

¹⁸ For the descriptive introduction, see Kychanov 1999, pp. 445–446.

¹⁹ Nie Hongyin 2010a, pp. 1–5.

²⁰ *Taishō Tripitaka* vol. 21, p. 912b-c. Notice that the Sanskrit words *namo ratna trayāya om*, reflected in *Mizhou yuanyin wangsheng ji*, can not be found here. Besides, according to Lin Guangming (2001, vol. 5, p. 399), the parallel Sanskrit form should be *kāṃkanikāṃkani rocanirocāni troṭānitroṭāni trāsanitrāsāni pratihanapratihana sarvakarmāparāmpara(ni)me svāhā*, where only the syllable *ni* in bracket does not appear in both the Chinese and Tangut transliteration.

²¹ The phonetic reconstruction forms of Tangut in the present paper are quoted from Li Fanwen (1997).

²² Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, ИИВ. № 5194, the Chinese translation for the title can be *Budong zongchi* 不動總持 (Kychanov 1999, p. 480).

²³ Skt.: *Tadyathā* does not appear in other versions.

Skt.: *Namo ratna trayāya tadyathā oṃ kākani kākani **rotsani rotsani** troṭani troṭani trāsani trāsani pratihana pratihana sarva karma parāṃ parāni me svāhā*

We have already encountered such a linguistic rule that along the Silk Road in the middle ages, which posits the phonetic correspondence between Sanskrit palatals (*c-*, *ch-*, etc.) and Tibetan or Chinese dentals (*ts-*, *tsh-*, etc.) and which proves to be a transliteration principle followed by many Buddhist translators in Middle Tang and Song era.²⁴ It is notable that the Sanskrit syllables *ro* and *ca* are also represented in the Tangut version *Renwang huguo boruo boluomiduo jing* 仁王護國般若波羅蜜多經 (*Wisdom Sūtra about a Benevolent King Who Protects His Country*) by their transliteration form 𑖠 *ror* and 𑖡 *tsja* (𑖠𑖡 𑖢𑖣 *Vairocana*) discussed above.²⁵ The correspondence between Tangut dentals and Sanskrit palatals, in fact, can be identified only in the mantras transliterated after 1150s, so we may believe that the transliteration principle initiated in the Tang era was adopted by both Chinese and Tangut translators within the Xia-Xia territory of the second half of the 12th c.

References

- Arakawa Shintarō 2011 — Arakawa Shintarō 荒川慎太郎. “Purinsuton daigaku shozō Seigabun Kagenkyō Kan Shichijūshichi Yakuchū” [An Annotated Japanese Translation of the Tangut Version of *Avatamsaka Sūtra* Vol. 77 in Princeton University Collection] プリンストン大学所蔵西夏文華嚴經卷七十七訳注. In *Ajia Afurika gengo bunka kenkyū* 亞非言語文化研究, 81 (2011), pp. 147–305.
- Chen Bingying 1987 — Chen Bingying 陳炳應. “Zhengui de Xi-Xia yuyin cailiao” [Precious Materials for Tangut Phonetics] 珍貴的西夏語音材料. In *Minzu yuwen* 民族語文, 4 (1987), pp. 63–65.
- Kuchanov 1999 — *Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук*. Сост. Е.И. Кычанов; вступ. статья Нисида Тацуо; подготовка издания Аракава Синтаро. Киото: Университет Киото, 1999.
- Li Fanwen 1997 — Li Fanwen 李範文. *Xia-han zidian* [Tangut-Chinese Dictionary] 夏漢字典. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京: 中國社會科學出版社, 1997.
- Lin Guangming 2001 — Lin Guangming 林光明. *Xinbian Dazang quanzhou* [The New Edition of *All Mantras in Mahāpīṭaka*] 新編大藏全咒. Taipei: Mantra Publisher 臺北: 嘉豐出版社, 2001.
- Lin Ying-jin 2006 — Lin Ying-jin 林英津. *Xi-Xia yu yi Zhenshiming jing shiwen yanjiu* [A Deciphering Study on the Tangut Version of *Nāma-saṃgīti*] 西夏語譯《真實名經》釋文研究. Taipei: Academia Sinica 臺北: 中央研究院, 2006. (Language and Linguistics, Monograph A 8 語言暨語言學單刊甲種之八.)
- Luo Changpei 1931 — Luo Changpei 羅常培. “Fanwen eyin wumu zhi zanghan duiyin yanjiu” [A Study on the Tibetan-Chinese Transliteration Concerning Five Palatal Initials of Sanskrit] 梵文顎音五母之藏漢對音研究. In *Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica* 中央研究院歷史語言研究所集刊, 3(2) (1931), pp. 263–276.

²⁴ Luo Changpei 1931, pp. 263–276.

²⁵ Nie Hongyin 2010b, pp. 44–49.

- Nie Hongyin 2010a — Nie Hongyin 聶鴻音. “Ecang Xi-Xia ben *Baji kuan tuoluoni jing kaoshi*” [A Textual Research of the Tangut Version *Sūtra of the Dhāraṇīs that Remove Suffering and Adversity* Preserved in Russia] 俄藏西夏本《拔濟苦難陀羅尼經》考釋. Ed. by Du Jianlu 杜建錄. In *Xi-Xia xue* [Tangut Studies] 西夏學, 6 (2010), pp. 1–5.
- Nie Hongyin 2010b — Nie Hongyin 聶鴻音. “*Rengwang jing de Xi-Xia yiben*” [The Tangut Version of *Renwang jing*] 《仁王經》的西夏譯本. In *Minzu yanjiu* 民族研究, 3 (2010), pp. 44–49.
- Nishida Tatsuo 1966 — Nishida Tatsuo 西田龍雄. *Seikago no kenkyū* [A Study of Hsi-Hsia Language] 西夏語の研究. 2. Tokyo: The Zauho Press 東京: 座右宝刊行會, 1966.
- Sun Bojun 2009 — Sun Bojun 孫伯君. “Puningzang ben Mizhou yuanyin wangsheng ji de basibazi zhuyin yanjiu” [A Study on the 'Phags-pa Transliteration in *Mizhou yuanyin wangsheng ji* of the *Puning Tripitaka*] 普寧藏本《密咒圓因往生集》的八思巴字注音研究. In *Zhonghua wenshi luncong* 中華文史論叢, 95 (2009), pp. 163–198.

А.М. Певнов

О некоторых тунгусо-маньчжурских грамматических реликтах в чжурчжэньском языке

Чжурчжэньское письмо, точнее, так называемое малое чжурчжэньское письмо представлено эпиграфикой XII–XV вв. на северо-востоке Китая, в южной части Приморского края, а также в низовьях реки Амур (Тырская стела-трилингва, находящаяся ныне во Владивостоке). «Малое» чжурчжэньское письмо (о «большом» почти ничего не известно, поэтому далее в статье будет просто «чжурчжэньское письмо») стало привлекать к себе внимание после того, как В. Грубе опубликовал в Германии в 1896 г. китайско-чжурчжэньский словарь, относящийся к средневековой серии «Хуа и и-юй».

Манерой начертания графем (в целом их было несколько больше тысячи) чжурчжэньское письмо весьма похоже на китайскую иероглифику, однако в типологическом плане напоминает, на мой взгляд, египетское, шумерское, майя, японское и т.д.

Почти все работы, касающиеся чжурчжэньского языка, основаны на интерпретации китайской средневековой иероглифической транскрипции, нередко весьма условно передающей звучание чжурчжэньских графем и записываемых ими слов¹. Л. Лигети в своих статьях² продемонстрировал возможность проверки звучания некоторых чжурчжэньских графем на примере относительно небольшого количества чжурчжэньских слов.

Для тунгусо-маньчжурской компаративистики имеющий надежное чтение чжурчжэньский материал вполне сопоставим с ценностью старописьменных монгольских или древнетюркских данных для сравнительного анализа соот-

¹ См.: Kiyose 1977; Jin Guangping, Jin Qizong 1980; Jin Qizong 1984; Kane 1989; и др.

² Ligeti 1953, 1961.

ветствующих языков. Понятно поэтому, насколько важно для сравнительно-исторического изучения тунгусо-маньчжурских языков получение информации о чжурчжэньском на основе именно письменности, а не только интерпретации китайской транскрипции. Чтение чжурчжэньских писем дает уникальную возможность заглянуть в реальную, а не гипотетическую тунгусо-маньчжурскую языковую историю «на глубину», исчисляемую примерно семью столетиями.

Вероятно, чжурчжэньский был первым тунгусо-маньчжурским языком, который обрел свое письмо, причем самобытное, очень сложное и не применявшееся более ни к какому другому языку. Письмо чжурчжэней — одна из тех графических систем, которые не стали интернациональными. Со временем письмо чжурчжэней было забыто; язык, зафиксированный этим письмом, постепенно подвергся замене другими (прежде всего китайским), сам же чжурчжэньский этнос утратил свое «я» и продолжил существование уже в других народах — в первую очередь в маньчжурах.

Итак, особенностью чжурчжэньского письма является то, что фактически оно было создано только для одного языка — чжурчжэньского. По-видимому, маньчжурский текст в принципе можно записать при помощи чжурчжэньского письма — дело здесь не только в особой генетической близости чжурчжэньского и маньчжурского языков, но и в значительном сходстве их фонотактики. Тексты на эвенкийском и уж тем более на эвенском языках, несмотря на их относительно близкое родство с чжурчжэньским, невозможно записать при помощи чжурчжэньских графем, поскольку фонотактика этих языков различается весьма существенно. В этой жесткой привязанности системы письма к определенной фонотактике и кроется одна из причин недолговечности чжурчжэньского письма (им пользовались с XII в. по XV). Для письменности так же губительна «привязанность» к одному конкретному языку, как для языка «привязанность» к одной конкретной традиционной культуре — в первом случае с уходом языка неминуемо выходит из употребления и обслуживавшая его, исключительно для него созданная письменность; во втором случае с исчезновением конкретной традиционной культуры, как правило, уходит в небытие и обслуживавший ее язык. Разумеется, и у «письменности для одного языка», и у «языка определенной традиционной культуры» есть шанс выжить, однако для этого необходимы существенные изменения, заключающиеся в первом случае в приспособлении к иной фонотактике, а во втором случае в адаптации к новой, нередко более высокой в определенном отношении культуре. Иначе говоря, для письма идеалом является фонотактическая универсальность (это и есть алфавит), а идеалом для языка следует считать его способность обслуживать любую культуру — как традиционную, так и культуру индустриального и постиндустриального общества.

В типологическом отношении чжурчжэньское письмо было смешанным — в нем использовались как «**сигнограммы**» (сигнограммой я называю письменный знак, передающий языковой знак), так и **фонограммы** (в основном сил-

лабограммы). Сигнограммами обычно записывались знаки, имеющие лексическое значение. Последовательностью фонограмм чжурчжэни иногда передавали все слово целиком, большей же частью фонограммами записывались аффиксы. Нередко чжурчжэньские фонограммы использовались для «подтверждения» чтения финальной части языкового знака, передаваемого сигнограммой (иначе такие «подтверждения» называются фонетическими комплемен-тами).

Первые в истории человечества системы письма были смешанными — сигнофонографическими; возникли они примерно пять тысяч лет назад в Египте и Месопотамии. Такие смешанные системы письма, как японское, до недавнего прошлого корейское³, киданьское, чжурчжэньское, являются образцами, так сказать, рецидивной сигнофонографии. Смешанный характер этих относительно поздних дальневосточных систем письма был обусловлен стремлением применить китайскую (или «квазикитайскую») сигнографию для записи текстов на языках с совершенно не подходящей для сигнографии структурой. Иными словами, дальневосточная «рецидивная сигнофонография» представляет собой более или менее удачную попытку приспособить китайскую систему письма (графема совпадает с морфемой, которая совпадает со слогом) к передаче текстов на языках алтайского типа (корень + аффиксы, причем морфема необязательно совпадает со слогом).

Дешифровка самых разных исторических смешанных систем письма имеет, на мой взгляд, один общий результат, который можно было бы назвать «смешанным чтением». Такое чтение предполагает наличие фоноверифицированного чтения у одних графем и реконструированного — у других. Особенностью дешифровки чжурчжэньского письма является то, что при невозможности фоноверифицировать или реконструировать чтение какой-либо графемы на помощь приходит (при всем ее несовершенстве) китайская средневековая иероглифическая транскрипция чжурчжэньских слов («китайское чтение»). Таким образом, чтение в пределах слова (словоформы) часто бывает неоднородным в отношении надежности. Смешанное чтение чжурчжэньских писмен имеет три градации: фоноверифицированное чтение, реконструированное чтение и «китайское чтение» (они перечислены по мере убывания надежности).

Смешанное чтение чжурчжэньских графем целесообразно передавать при помощи заглавных и строчных букв кириллицы, а также строчными буквами латиницы. Например, в словоформе *ДЭКдэвита* 'посылать дары, делать приношения (букв.: поднимать)' курсивом заглавными буквами кириллицы (*ДЭК*) обозначается реконструированное чтение (используемое в том случае, когда невозможна фоноверификация), курсивом строчными буквами кириллицы (*дэ*) передается фоноверифицированное чтение, латиницей (но не курсивом —

³ В настоящее время в Южной Корее китайские иероглифы (*ханчча*) используются главным образом в научной литературе и в газетах для записи лексических единиц китайского происхождения. В Северной Корее перешли на алфавитную систему письма (*хангыль*).

bima) обозначается китайское чтение, которое представляет собой передаваемое китайским фонетическим алфавитом современное чтение иероглифов, использовавшихся для транскрибирования чжурчжэньских слов в «Хуа-и и-юй» (а точнее, в «Нюйчжэнь и-юй»).

Первым стал передавать звучание чжурчжэньских слов смешанным способом с использованием заглавных и строчных букв латинского алфавита Л. Лигети. В статье, посвященной чжурчжэньской записи буддийской сакральной формулы на Тырской стеле, а фактически чтению нескольких десятков чжурчжэньских слов, Л. Лигети дает, например, такие чтения, как *XOTO-o-ni* (= *XOTO-ni*), *EMU-ni*, *DORO-o-bo* (= *DORO-bo*)⁴.

Краткое изложение принципов чжурчжэньского письма и его дешифровки необходимо в данной статье хотя бы для того, чтобы читателя не удивляла необычность записи примеров на чжурчжэньском языке.

Кроме того, целесообразно охарактеризовать генетические отношения внутри тунгусо-маньчжурской языковой семьи и, в частности, отношение чжурчжэньского языка к маньчжурскому.

К тунгусо-маньчжурской языковой семье принадлежат чжурчжэньский (он перестал существовать несколько веков назад), маньчжурский, нанайский, ульчский, орокский (уильта), удэгейский, ороцкий, негидальский, солонский, эвенкийский и эвенский. Возможно, самостоятельными языками являются (являлись) арманский (близкий к эвенскому), кур-урмийский, или кили (вероятно, смешанный язык: нанайский + эвенкийский), а также близкий к маньчжурскому сибинский.

Вероятно, первоначальная дивергенция тунгусо-маньчжурских языков началась примерно две тысячи лет назад в Среднем Приамурье (см. [Певнов 2008]). В настоящее время тунгусо-маньчжурская языковая история представляется мне следующим образом: первым от праязыка отделился предок чжурчжэньского и маньчжурского языков; вторым от оставшегося «постпраязыкового» диалектного континуума обособился предок нанайского, ульчского и орокского языков; третьим от уже «постпостпраязыкового» диалектного континуума отделился предок ороцкого и удэгейского языков; то, что осталось — это предок эвенкийского, солонского, негидальского и эвенского языков. Если такая модель дивергенции тунгусо-маньчжурских языков верна, то лингвистически максимально удаленными друг от друга должны быть, с одной стороны, чжурчжэньско-маньчжурская ветвь, а с другой — языки так называемой северной ветви (негидальский, солонский, эвенкийский и эвенский). Факты этому не противоречат, хотя общая картина значительно усложняется из-за имевших место длительных и весьма глубоких контактов родственных между собой языков: маньчжурского с предком нанайского, ульчского и орокского, а также языков ороцкого-удэгейской ветви с языками нанайско-ульчско-орокской ветви. Все четыре ветви тунгусо-маньчжурской языковой общности по-своему архаичны и по-своему инновационны (кстати, первым деление тунгусо-маньчжурских языков на четы-

⁴ См.: Ligeti 1961, с. 16, 17, 18.

ре группы, причем с таким же распределением языков по этим группам, предложил Дз. Икегами⁵. При этом в одном и том же языке архаичность прекрасно уживается с инновационностью; складывается даже впечатление, что, чем ярче архаичность, тем сильнее инновационность некоторых тунгусо-маньчжурских языков. Это касается прежде всего чжурчжэньского и маньчжурского, предок которых самым первым отделился от праязыка, а также эвенского, обособившегося одним из последних от «постпостпраязыкового» диалектного континуума.

Отношения между чжурчжэньским и маньчжурским языками оценивались по-разному. Так, Н. Поппе писал: «Чжурчжэньский близок к маньчжурскому, и (его) можно рассматривать как староманьчжурский или как диалект языка, другим диалектом которого был староманьчжурский»⁶. В более поздней работе Н. Поппе читаем примерно то же: «Чжурчжэньский является языком очень близким к маньчжурскому и может рассматриваться либо как ранняя форма маньчжурского, либо как диалект, очень близкий к старому маньчжурскому»⁷. Сходного мнения по поводу взаимной близости этих идиомов придерживался Л. Лигети: «...в конечном счете маньчжурский должен считаться одним из диалектов чжурчжэньского»⁸. Иную точку зрения высказал в начале XX в. Б. Лауфер: «Часто повторяемое утверждение о том, что маньчжуры являются потомками чжурчжэней, совершенно необоснованно и бездоказательно. Все, что позволяют сказать наши скромные знания о чжурчжэнях, — это то, что оба языка связаны тесным родством и, вероятно, представляют родство по одной и той же родословной линии, но не то, что один исторически развился из другого»⁹ (подчеркнуто мной. — *А.П.*).

Разумеется, в тунгусо-маньчжурской языковой семье к чжурчжэньскому ближе, чем какой-либо иной, стоит маньчжурский. То, что мы наблюдаем в исторической фонетике обоих языков, скорее напоминает прямое наследование (чжурчжэньский → маньчжурский). Лексика (как и синтаксис) в этом отношении вряд ли может быть надежным источником, к тому же и лексика, и синтаксис чжурчжэньского языка известны совершенно недостаточно для сопоставления с маньчжурским. Что же касается морфологии, то некоторые существенные различия между чжурчжэньским и маньчжурским (в данной статье речь будет идти, в частности, и о таких различиях) свидетельствуют о том, что это разные языки, которые восходят к общему языку-предку (чжурчжэньско-маньчжурскому). Следует уточнить, что такие различия в морфологии не могли возникнуть за те несколько столетий, которые отделяют маньчжурский от чжурчжэньского, особенно позднечжурчжэньский (XV–XVI вв.) от раннеманьчжурского (XVII–XVIII вв.).

⁵ См.: Ikegami 2001, с. 395.

⁶ Poppe 1965, с. 28.

⁷ Там же, с. 30.

⁸ Ligeti 1960, с. 231.

⁹ Laufer 1908, с. 45.

Данная работа посвящена описанию некоторых особенностей чжурчжэньской морфологии. В тунгусо-маньчжурской языковой семье эти особенности представлены в основном в чжурчжэньском или в чжурчжэньском и маньчжурском.

И. Одной из самых интересных форм чжурчжэньского языка является глагольная форма на *-p*; этот аффикс передается графемой ㄨ. Верифицированное мной именно такое чтение графемы ㄨ существенно отличается от китайской транскрипции (кит. *lu, лу*)¹⁰. Цзинь Гуан-пин и Цзинь Ци-цзун (а также Г. Киёса) читают чжурчжэньскую графему ㄨ как *пу*, Х. Ямадзи читает ее как *лу*¹¹.

Чтение *p* (а не *пу* или *лу*) может быть подтверждено следующим образом: в чжурчжэньском тексте Тырской стелы встречается средневековый топоним 仄ㄨㄨ¹². В соответствии с китайской транскрипцией в «Хуа-и и-юй» это слово следует читать как *pu-lu-e* (современное чтение китайских иероглифов, использовавшихся для транскрипции этого топонима). Однако в действительности китайская транскрипция *pu-lu-e* весьма далека от подлинного чтения соответствующего чжурчжэньского слова. Топоним 仄ㄨㄨ встречается в чжурчжэньском тексте Тырской стелы шесть раз (строки 1, 3, 6, 9, 10, 15); в монгольском тексте Тырской стелы этот топоним выступает в несколько иной форме: *nurget*¹³, в китайском тексте Тырской стелы (1413 г.) этот топоним читается как *nurgan* (奴兒干 *nu er gan*)¹⁴.

Если учитывать монгольскую и китайскую формы этого топонима (*nurget* и *nu-er-gan = nurgan*), мы несомненно придем к выводу о том, что соответствующее чжурчжэньское слово должно читаться как *nurɣe* (пографемное чтение этого слова: 仄 *nu* — ㄨ *r* — ㄨ *ɣe*). Таким образом, чжурчжэньская графема ㄨ безусловно читается как *p*. Кстати, ни одна другая чжурчжэньская графема не читается как изолированный согласный звук (в данном случае *p*): все чтения чжурчжэньских графем представляют собой либо открытый слог (*a, ру, ти, мэи, ло* и т.д.), либо закрытый (*ам, ан, эн, ил, эл, ур, ун* и т.д.), либо замкнутый (*хан, сур, сол, мау* и т.д.), либо даже сочетание двух слогов (*ара, ира, ура, бурэ, али*).

Чжурчжэньская глагольная форма на *-p* (ㄨ) является причастием¹⁵, поскольку она может функционировать не только в качестве конечного пре-

¹⁰ См.: Певнов 2004, с. 181.

¹¹ См.: Jin Qizong 1984, с. 20–21.

¹² Этим чжурчжэньским словом называли, по крайней мере, Нижнее Приамурье (см. [Головачев и др. 2011: 55, 276]).

¹³ См.: Головачев и др. 2011, с. 126.

¹⁴ Там же, с. 60.

¹⁵ Кстати, для дополнительной верификации чтения графемы ㄨ используется то, что можно было бы назвать альтернативным написанием: причастный показатель *-p* имеется в фонoverифицируемом чтении словоформ *жал-лу-ур = жалур* 'полный, являющийся полным' (причастие прошедшего времени: *жал-лу-ха = жалуха*), *тум-му-ур = тумур* 'погружающийся; погрязающий (в пьянстве)', *БАНДИ-ру-ур = БАНДИрур* 'живущий', *шигар* 'смотрящий, наблюдающий' (в устойчивом словосочетании *ОШИХА шигар* 'предсказатель, провидец, пророк (букв.: смотрящий на звезды, наблюдающий за звездами)'). Как видим, показатель причастия может передаваться на письме либо «один к одному» (ㄨ = *p*), либо при помощи некоторых графем (в частности, 𐰽 и 𐰼), чтение которых имеет конечный звук *p* (соответственно *ур* и *гар*).

диката, но также в роли атрибута и объекта, сохраняя при этом глагольное управление. Иллюстрацией того, что форму на *-р* следует квалифицировать как причастие, могут быть несколько фрагментов чжурчжэньского текста Тырской стелы; текст этот и по содержанию, и по объему весьма близок к монгольскому, выгравированному на той же стороне стелы, что и чжурчжэньский. Более полный китайский текст выгравирован на другой стороне этого памятника, установленного посланцами китайского императора в 1413 г. на высоком красивом утесе примерно в ста километрах выше устья Амура.

Существенное сходство чжурчжэньского и монгольского текстов Тырской стелы позволяет более точно понять первый (в частности, уточнить грамматическое значение некоторых глагольных словоформ). Сходство это в целом настолько велико, что можно даже глоссировать оба текста не порознь, а вместе, т.е. перед нами открывается уникальная возможность привести «коглоссинг» — единое глоссирование двух семантически и грамматически аналогичных или довольно близких текстов или их фрагментов. Приведу несколько примеров (сначала идет чжурчжэньский текст, а под ним — монгольский)¹⁶:

ДОНДИ-чи АБУКА дэүэ б'е-мэи ГЭНГ'эн □¹⁷ ДОР-ба ДАШИ-мэи diandэ-р
sonos-basu tngri ün(dü)g bǎ'ge-tele gegegen ʎ(aʃa)g oron-i bürkü-(n) čid(a-qu)
слышать-CVB небо верх¹⁸ быть-CVB свет земля¹⁹-ACC покрыть-CVB мочь-РТСР

‘Если послушать [что говорят], то [хотя] небо [и] высоко, свет [его] может накрыть землю’²⁰.

гилэми УДИүэн АБУКА-и ПЭҗилэ таипиү-бэ ДОНДИ-б'э КЭНкэлэ-мэи нэДУ-р
gilemi üdigen tngri-yin दौरа таибин-и sonos-či m(ü)rgü-n od-či
нихви удигэны небо-GEN под мир-ACC слышать-CVB кланяться-CVB идти(?)-РТСР²¹

¹⁶ CVB = converb (деепричастие), ACC = accusative (винительный падеж), РТСР = participle (причастие), SBVZ = substantivizer (субстантиватор), REF = reflexive-possessive (возвратное притяжание (‘свой, свои...’)).

¹⁷ Знак □ указывает на то, что находящаяся в данном месте текста графема не читается.

¹⁸ Монг. *üdüür* означает ‘высокий’.

¹⁹ Головачев и др. 2011, с. 178, 180-181, 191. Чжурчжэньское слово □ ДОР предположительно означает ‘земля’. Монгольское парное слово ʎ(aʃa)g oron означает ‘страна’.

²⁰ Возможен и такой перевод: ‘Если послушать [что говорят], то на небе имеющийся свет земле накрыть может’. Такой перевод предполагает, что дэүэ ‘верх’ является здесь послелогом (АБУКА дэүэ ‘на небе’, букв. ‘небо верх’, ср. кит. 天上 *tiān shàng* ‘на небе’, букв. ‘небо верх’). Что касается деепричастия на *-маи/-мэи*, то иногда в чжурчжэньских текстах оно выступает в качестве атрибута (*б'э-мэи* ‘находясь, находящийся’); то же самое возможно и в маньчжурском языке: «В порядке единичных исключений одновременные деепричастия встречаются еще в одной необычной для них функции — атрибутивной» [Авrorин 2000, с. 202].

²¹ В монгольском тексте здесь не причастие, а деепричастие (CVB), причем лексическим его значением является ‘отправляться’.

‘Гилэми²² и удигэны²³, услышав о том, что в Поднебесной [воцарился] мир, шли [?] на поклон [к императору]’.

... ХУсун бу-р-бэ ...
 ... küčün ög-kü-i-ben ...
 ... сила дать-PTCP-ACC (монг.: дать-PTCP-SBVZ-REF) ...

‘... сделать всё возможное (буквально: ‘отдать (свои) силы’) ...’²⁴.

Как видим, в двух случаях чжурчжэньская форма на *-р* соответствует монгольскому причастию на *-qu/-kü* (*dianдэ-р — čid(a-qu)*; *бу-р-бэ — ög-kü-i-ben*), а в одном случае — монгольскому деепричастию на *-čul/-čü* (*ҺэДУ-р — od-čü*).

Временное значение причастия на *-р* может быть проиллюстрировано противопоставлением следующих форм чжурчжэньского глагола *žalu-* ‘наполнить, наполнять’: *žaluxa* (*žal-lu-xa = žaluxa*) («Нюйчжэнь и-юй с письменностью») и *žalur* (*žal-lu-ur = žalur*) (стела Нюйчжэнь *цзиньши тимин бэй*). Первая словоформа (*žaluxa*) представляет собой причастие прошедшего времени, вторая (*žalur*) — причастие настоящего (настояще-будущего?) времени.

Чжурчжэньский причастный показатель *-р* не имеет прямых соответствий в современных тунгусо-маньчжурских языках. Есть, правда, в бикинском (уссурийском) нанайском глагольная форма на *-р*, напоминающая чжурчжэньское причастие на *-р* (см. об этом дальше).

²² Имеются в виду, несомненно, нивхи. Сами нивхи себя вроде бы не называли *гилэми*, т.е. это, по всей вероятности, аллоэтноним, сохранившийся до нашего времени, например, в языке орочей (*гилэми* ‘нивх’ [Аврорин, Лебедева 1978, с. 173]); автоэтнонимом нивхов является *нивх-гу* ‘люди’ (в 1998 г. Ч.М. Таксами сказал мне о том, что существует более полный и более точный вариант этого этнонима — *мер нивх-гу* ‘наши (инклюзив) люди’). Слово *гилэми* поддается историческому членению — путем сравнения с употребляемым эвенками и негидальцами названием нивхов *гилэжэ* (> русск. *гиляк*) выделяется корень *гилэ*.

²³ Возможно, «удигэнами» (чж. *УДИгэнь*, монг. *üdigen*) называли во время династии Мин (1368–1644) тунгусо-маньчжуроязычное население Приамурья; скорее всего, чжурчжэни осознавали своё, по крайней мере, языковое родство с этим населением, что подтверждается наличием в «несловарной» части «Нюйчжэнь и-юй» словосочетания *ŽURČEN УДИгэнь Н’АРМА* ‘чжурчжэньские дикие люди’, свидетельствующего о том, что во время династии Мин среди *УДИгэнь Н’АРМА*, т.е. «диких», нецивилизованных людей, числились как некоторые северные чжурчжэни, так и нечжурчжэни, при этом среди последних были, вероятно, предки ульчей и нанайцев. Можно предположить монгольское происхождение чжурчжэньского слова *УДИгэнь* ‘дикий’, ср. письм.-монг. *ködege(n)* ‘открытая степь, сельская местность’ [Певнов 2004, с. 144–145]. Думаю, что в маньчжурском языке чжурчжэньскому *УДИгэнь* ‘дикий’ соответствует слово *вэži* (< **уži* < **уди*), одним из значений которого является ‘дремучие леса’ (т.е. для монгола *дикая* местность — это степь, а для маньчжура — дремучий лес). Вполне вероятно, что чжурчжэньское слово *УДИгэнь* стало самоназванием удэгейцев: уд. *удизэ* ~ *удихэ* < **удихэ* < **удизэ* < чж. **удигэ-сэ* ‘дикие’ (возможность оформления чжурчжэньских прилагательных показателем множественного числа подтверждается наличием чжурчжэньской словоформы *дигэ-са* ‘близкие’).

²⁴ Чжурчжэньское словосочетание *ХУсун бурбэ* и монгольское *küčün ögküiben* выступают в предложении в роли прямого объекта, что маркируется соответствующими аффиксами (в первом случае это показатель винительного падежа, во втором — показатель возвратного притяжания).

Возможно, причастие на *-р* было когда-то в маньчжурском языке (точнее, в праманьчжурском), однако со временем оно вполне могло бесследно исчезнуть, поскольку в этом языке на определенном этапе его развития действовал закон устранения звука *р* в абсолютном исходе слова: ср. эвенк. *саңār* 'дыра', нан. *саңгар* 'дыра', маньчж. *саңга* 'дыра', эвенк. *дār* 'маховая сажень', нан. *дар* 'маховая сажень', маньчж. *да* 'маховая сажень', эвенк. *жūr* 'два', нан. *жүэр* 'два', маньчж. *жүэ* (на письме *жүвэ*) 'два'²⁵ (следует, правда, иметь в виду, что во всех приведенных В.И. Цинциус маньчжурских примерах звук *р* исчез в исходе слова или после исторически долгого гласного, или после дифтонга).

Не исключено, что причастный аффикс *-р* мог сохраниться в виде *-ру*²⁶ в маньчжурских ругательствах типа *эймэ-бу-ру* (*эймэ-бу-* 'возбуждать презрение', *эймэ-* 'презирать') 'негодяй, мерзавец'; *уб'а-бу-ру*, *уб'а-бу-рэ(?)о* (*уб'а-бу-* 'внушать отвращение, возбуждать презрение') 'мерзавец, негодяй'; *мајла-рэ(?)о* ~ *мајла-ру* (*мајла-* 'заражаться') 'Чтоб тебя черная немочь взяла!'; *фусихула-ру* (*фусихула-* 'унижать') 'негодяй, подлец, низкая тварь'; *ф'ару-на-ра-ңгэ* ~ *ф'ару-на-ха-ңгэ* ~ *ф'ару-на-ру* (*ф'ару-на-* 'заводиться червям в вяленом мясе', *ф'ару* 'червь, заводящийся в вяленом мясе') 'червивый', 'Чтоб тебя черви съели!'. Следующий пример не является ругательством: *сүјсиру* ~ *сүј иси-ру* 'бедовый' (такой перевод дается в словаре²⁷. — А.П.); *сүјси-* ~ *сүј иси-* 'провиниться, попасть в беду'; *сүј* 'преступление, грех, вина; беда', *иси-* 'доходить, достигать'. Весьма интересна маньчжурская формула *Абка са-ру* (*абка* 'небо', *са-* 'знать' 'Да знает небо!', 'Бог знает!', 'Бог свидетель! (в клятвах)', 'Чтоб тебя черная немочь взяла! (в ругательствах)',²⁸.

Маньчжурские примеры такого рода приведены в работе Дз. Икегами, однако интерпретируются они иначе — как древние формы императива²⁹.

Чжурчжэньский причастный показатель *-р* представляется весьма интересным с этимологической точки зрения: по-видимому, он дает возможность объяснить происхождение некоторых глагольных аффиксов тунгусо-маньчжурских языков. Имеются в виду следующие аффиксы:

1) Показатель настоящего времени (условно настоящего) **-ра/-рэ/-ро* — рефлексы его представлены не во всех тунгусо-маньчжурских языках; интересно, что общетунгусо-маньчжурским маркером глагольного коннегатива также является **-ра/-рэ/-ро*, при этом совпадение действительно полное, так как в «неправильных глаголах» алломорфы аффикса настоящего времени совпадают с алломорфами показателя глагольного коннегатива, ср., напр., эвенк.:

²⁵ См.: Цинциус 1949, с. 245–246.

²⁶ В абсолютном исходе маньчжурских слов звук *р* исчез (об этом речь шла выше), сохранился он в этой позиции в основном в образных словах. Следует отметить, что в заимствованном, очевидно, из монгольского языка маньчжурском слове *багуру* 'богатырь, герой' (монг.-письм. *bayatur* 'богатырь', др.-тюрк. *batur* 'богатырь, герой') конечный *р* сохранился благодаря тому, что он был «прикрыт» эпентезой — гласным *у*. Возможно, аналогичное «прикрытие» сохранило маньчжурский *р* в исходе «формульных слов» (в основном ругательств, «злопожеланий»).

²⁷ См.: Полный маньчжурско-русский словарь 1875, с. 632.

²⁸ Там же, с. 24, 59, 149, 632, 862, 1077, 1098.

²⁹ См.: Ikegami 1999a, с. 282.

<i>бака-ра-н</i> 'нашел'	<i>э-чэ-н бака-ра</i> ³⁰ '(он/она) не нашел (не нашла)'
<i>би-си-н</i> 'есть (связка)'	<i>э-чэ-н би-си</i> '(он/она) не есть (связка)'
<i>о-да-н</i> 'стал'	<i>э-чэ-н о-да</i> '(он/а) не стал(а)'

2) Показатель причастия настоящего (настояще-будущего) времени **-рй̄*, рефлексы его есть во всех тунгусо-маньчжурских языках (в чжурчжэньском и маньчжурском показатель причастия настоящего-будущего времени *-ра/-рэ/-ро* восходит к **-рй̄*³¹, ср. аналогичный звуковой переход в маньчжурском деепричастном аффиксе *-мэ* (< **-мй̄*), а также в аффиксе *-һгэ* (как, например, в слове *миниһгэ* 'мой (англ. *mine*)') < **-һгй̄*³².

По поводу происхождения аффикса нанайского причастия настоящего-будущего времени В.А. Аврорин пишет: «Не лишено серьезных оснований сделанное Т.И. Петровой предположение, что первоначально суффикс *-й̄ ~ -ри ~ ди ~ чи* был составным и включал в себя компоненты *-ра/-рэ + -и* [-рай]/[-рэи], из которых путем обычной монофтонгизации дифтонгов и образовался современный неразложимый суффикс настоящего-будущего времени»³³. Возможно, конечно, и такое объяснение, однако оно остается на уровне гипотезы, поскольку непонятно, что представлял собой элемент *-и*.

3) Показатель деепричастия предшествующего действия³⁴ **-рā/-рē* (нанайский, ульчский, орокский языки; ср. также негидальский аффикс деепричастия предшествующего действия *-jān/-jēn/-jōn* (< **-рā + -н / *-рē + -н / *-рō + -н*)).

4) Показатель императива 2-го л. ед. ч. **-ру* (один из алломорфов)³⁵ (нанайский, ульчский, орокский языки).

Приведу цитату из нанайской грамматики В.А. Аврорина: «Разбор форм для вторых лиц начнем с ближайшего будущего времени. В единственном числе эти формы состоят из двух обязательных морфем: основы и суффикса повелительного наклонения для вторых лиц, который имеет два основных варианта — *-ро/-ру* для основ первого и второго типов и *-до/-ду* для основ третьего и четвертого типов. По своим согласным звукам эти суффиксы, как уже отмечалось, совпадают с суффиксами настоящего-будущего времени причастий, настоящего времени глаголов утвердительного наклонения, инфинитивной отрицательной формы и одновременного деепричастия. Различие ограничивается гласными звуками: у суффикса повелительного наклонения — гласный [о]/[у], а у прочих сходных с ним суффиксов — гласные [и], [а]/[э]»³⁶.

³⁰ Отрицательные аналитические формы эвенкийских глаголов приведены по работе [Константинова 1964, с. 194].

³¹ В солонском языке причастие на *-ри* является исконным, однако близкое к нему или даже совпадающее с ним по употреблению причастие на *-ра/-рэ/-ро* заимствовано, очевидно, из маньчжурского.

³² См.: Цинциус 1949, с. 104.

³³ Аврорин 1961, с. 68.

³⁴ В.А. Аврорин называет это деепричастие одновременным [Аврорин 1961: 148-150].

³⁵ Во множественном числе будет *-русу* (один из алломорфов), где *-су* является показателем 2-го л. мн. ч.

³⁶ Аврорин 1961, с. 123.

В то же время в тунгусо-маньчжурских языках для каждого показателя тех же пяти категорий (настоящего времени, формально совпадающего с ним коннегатива, причастия настояще-будущего времени, императива (2-е л.), деепричастия предшествующего действия — разновременного деепричастия) характерно идентичное варьирование согласных в зависимости от типа основы, гласные при этом остаются, естественно, одинаковыми:

эвенкийский язык

бака-ра-н 'он/она нашел/нашла'
ō-да-н 'он/она стал/стала'
бака-жа-рй 'находящий'
ō-дй 'становящийся'

нанайский язык

бā-ра 'находит, получает'
ō-да 'становится'
бā-ри (< *бака-рй) 'находящий, получающий'
о-жи (< *ō-дй) 'становящийся'
бā-ру 'найди, получи'
о-ду 'стань'

негидальский язык

баха-јаан (< *бака-рā-н) 'найдя'
ō-дāн 'став'

В маньчжурском и в позднем чжурчжэньском («Хуа-и и-юй без письменности», XVI в.) есть уникальная форма второго лица императива от глагола со значением 'прийти':

маньчж. *жy*³⁷ 'приди(те)' < *жи-у < *ди-у;
 чжурчж. *диu* 'приди(те)'³⁸.

Наличие в чжурчжэньском (а в реконструкции и в маньчжурском), пусть даже в одной словоформе, «бессогласного» показателя императива -у так же важно, как и наличие «безгласного» показателя причастия -р в чжурчжэньском языке. Оба этих факта великолепно «работают» вместе, подтверждая идею о том, что аффиксы *-ра/-рэ/-ро, *-рй, *-рā/-рэ, *-ру исторически являются составными. Правда, вопросов остается немало: какую роль играли присоединявшиеся к форманту *-р гласные *-а/-э/-о, *-й, *-ā/-э, *-у? Что представлял собой этот формант *-р в то далекое время, когда к нему присоединялись указанные гласные?

Составным считает аффикс -ра и О.А. Константинова, однако, по ее мнению, образованию этого аффикса способствовало превращение аналитической формы в синтетическую (при этом она использует другие термины): «Как же образовался форматив ра, состоящий из двух элементов: р + а (э, о)? В эвенкийском языке элемент р в форманте ра мог бы быть сопоставлен с аффиксом -р, оформляющим слова на р, которые обычно употребляются в качестве первого компонента сложного слова, например: *кэңурōран* (из *кэңур* + *ōран*) 'опустел', *лупурōран* (из *лупур* + *ōран*) 'прошел сквозь', *мурдурōран* (из *мурдур* +

³⁷ Приведу цитату из словаря И.И. Захарова: «**чжю**, читай: **чжю**, **цзю**, вм. правильного: **чжи**, повел. отъ: **чжимби**: приди! подойди! поди сюда!» [Полный маньчжурско-русский словарь 1875, с. 981].

³⁸ Kane 1989, с. 121.

бран) 'нагнулся', *уңкёрбран* (из *уңкёр* + *бран*) 'поклонился' и т.д. В качестве второго компонента выступает глагол *бран* (из *б-* 'сделать, стать'). Таким образом, сложение изобразительного слова (с конечной морфемой *p*) и глагола *б-* привело к слиянию конечного согласного первого слова *p* с первым гласным основы слова *б-*. Так на стыке двух слов появился формант *po*, который, подвергаясь влиянию вокализма целого слова в соответствии с законом гармонии гласных, стал изменяться в *pa*, *pэ* и утратил долготу гласного»³⁹. К сожалению, такая этимология аффикса *-pa/-pэ/-po* не объясняет, почему якобы участвовавший в его образовании элемент *-p* оформлял только образные (изобразительные) слова, а потом вдруг стал универсальным. С аффиксом *-pa/-pэ/-po* явно связан по происхождению показатель причастия *-pй*, этот факт определенно противоречит предложенной О.А. Константиновой гипотезе. К тому же гипотеза эта основана на данных только эвенкийского языка и не учитывает материал других тунгусо-маньчжурских языков (в частности, наличия генетически связанного с аффиксом *-pa/-pэ/-po* показателя императива *-пу* в нанайском, ульчском и орокском языках). Непонятно также, по какой причине могла быть утрачена долгота гласного составного аффикса (**-pā/-pē/-pō* > **-pa/-pэ/-po*). Верно, по-моему, в этой гипотезе лишь то, что эвенкийский (и общетунгусо-маньчжурский) аффикс *-pa/-pэ/-po* исторически является составным.

Трудно сказать, каким было значение глагольного аффикса *-p* в тунгусо-маньчжурском праязыке. Много неясного и с чжурчжэньской глагольной формой на *-p* — похоже на то, что она на самом деле функционировала как причастие, однако тогда непонятно, почему в чжурчжэньском языке было два одинаковых или близких по значению причастия (на *-p* и на *-pa/-pэ/-po* < **-pй*).

По-видимому, праязыковой глагольный аффикс *-p* с неясным для нас значением допускал семантически мотивированное «вокалическое расширение» при помощи «сингармонической триады» широких гласных *a/э/о*, а также узких гласных *й* и *у*: **-p* > **-pa/-pэ/-po* (настоящее время и формально совпадающий с ним глагольный коннегатив), **-p* > **-pй* (причастие настоящего-будущего времени), **-p* > **-pā/-pē/-pō* (деспричастие предшествующего действия, разновременное), **-p* > *-пу* (императив, 2-е лицо).

Итак, причастный показатель *-p* имеется лишь в чжурчжэньском, в остальных тунгусо-маньчжурских языках представлены только его «аффиксальные дериваты» (**-pa/-pэ/-po*, **-pй*, **-pā/-pē*, **-пу*). Возможно, древний глагольный аффикс *-p* сохранился в виде реликта в эвенкийском именном словообразовании *ичэ* 'видеть' — *ичэр* 'взгляд', *давда* 'быть побежденным' — *давдан* ~ *давдар* 'поражение, проигрыш; неудача', *модан* ~ *модар* (ербогочёнский диалект) 'речная извилина'; *он'о* 'рисовать' — *он'ор* (непский диалект) 'орнамент; рисунок' (ср. *он'очб* (чумиканский диалект) 'бурундук', где словообразовательный аффикс *-чб* совпадает с показателем причастия прошедшего времени). Ср. нанайские слова *балжир*, *балжича* '1) черты лица; 2) внешний вид, фигура; строение' (*балжи-* '1) родиться; 2) жить; 3) расти').

³⁹ Константинова 1964, с. 182.

Чжурчжэньское причастие на *-р* можно сравнить с глагольной формой на *-р*, имеющейся в бикинском (уссурийском) диалекте нанайского языка, примеры:

Мафа ток'иду тэхэн'и, солак'и-тана анар тахан'и 'Медведь сел на нарты, а лиса (их) столкнула';

Долбо с'ингэр'ивэ кэскэ зэфтэр тахан'и 'Ночью кошка мышку (и) слопала';

С'эхо зэфк'ичи, мамакава омгор тахачи 'Все съели, а о старушке и не вспомнили (букв.: забыли)';

Солак'и мафа хоскалар тахан'и 'Лисица медведя царапнула'⁴⁰.

II. Во всех тунгусо-маньчжурских языках, кроме чжурчжэньского, маньчжурского и хэчжэ⁴¹, основа глагола, не имеющая словоизменительной аффиксации, не может быть словом, т.е. выступать в качестве того или иного члена предложения.

В маньчжурском и в хэчжэ (материалы по диалекту (языку) *хэчжэ* опубликовал Дж. Лин⁴²) глагольная основа способна функционировать в предложении с нулевым аффиксом — в этом случае совпадающее с основой слово выражает повеление, обращенное ко второму лицу единственного или множественного числа. Вот несколько маньчжурских примеров:

ала 'скажи(те)'; *бу* 'дай(те)'; *туа* 'посмотри(те)'; *ара* 'сделай(те)' и 'напиши(те)'; *гэнэ* 'пойди(те)'; *бодо* 'обдумай(те)'; *тачи* 'учись, учитесь'; *алабу* 'вели(те) сказать'; *туабу* 'покажи(те)'; *тачинги* 'направь(те) учиться'⁴³.

При этом в маньчжурском языке имеется группа нерегулярных глаголов, для которых характерны особые формы императива 2-го лица. Приведу цитату из работы Дз. Икегами:

«*баису* от *баимби* 'искать',
бису от *бимби* 'быть',
досину наряду с регулярной формой *доси*
от *досимби* 'входить'
или от *досинамби* 'входить',
гаису от *гаимби* 'брать',
зэфу наряду с регулярной формой *зэ* (по *Daqing quanshu*)
от *зэмби* 'есть',
зио наряду с регулярной формой *зи* (по *Daqing quanshu*)
от *жимби* 'приходить',
-(*н*)*жу* от -(*н*)*жимби* 'приходить, чтобы ...',
журану наряду с регулярной формой *жура*,

⁴⁰ См.: Сем 1976, 106.

⁴¹ *Хэчжэ* — диалект нанайского или языка, генетически весьма близкого к нему; на этом диалекте (языке), вероятно, еще говорят в провинции Хэйлунцзян (КНР) недалеко от границы с Россией.

⁴² См.: Ikegami 1999a, с. 278–279.

⁴³ Аврорин 2000, с. 213.

от *журамби* 'пускаться в путь, отправляться',
осо от *омби* 'стать, становиться',
тучину наряду с регулярной формой *тучи*
от *тучимби* 'выходить' или *тучинэмби* 'выходить',
васину от *васимби* 'идти сверху вниз' или *васинамби* 'спускаться',
вэсину от *вэсимби* 'подниматься' или *вэсинэмби* 'подниматься'.

Я считаю возможным, что когда-то маньчжурский язык имел такую систему форм императива, которая принципиально совпадала с нанайской и орокской системами форм императива, и что хотя бы некоторые из вышеупомянутых нерегулярных форм императива отсюда и происходят (т.е. от форм, аналогичных нанайским и орокским. — А.П.)»⁴⁴.

Итак, Дз. Икегами полагает, что в маньчжурском языке употребление глагольной основы без словоизменительных показателей является инновацией. Надо сказать, что в маньчжурском такая неоформленная основа может иметь только значение повеления, обращенного ко второму лицу (как единственного, так и множественного числа).

Иначе обстоит дело в чжурчжэньском: глагольная основа без словоизменительных показателей может функционировать в этом языке в качестве:

1) конечного предиката, например:

бугу гашандо БАНДИРУ '(он?) живет (жил?) в деревне Бугу' (стела *Чаосянь Цинъюань цзюнь нюйчжэнь гошу бэй*);

2) коннегатива:

Эшин dianдэ 'не мочь, не понимать' («*Нюйчжэнь и-юй* с письменностью»).

В текстах чжурчжэньских стел встречается такое употребление неоформленной глагольной основы, которое напоминает свойственное деепричастиям функционирование в роли второстепенного (неконечного) предиката. Правда, примеры такого рода весьма спорны:

ухэду Поошу таиран ИЛИФУМА МУТЭБУХЭИ да... 'Предводитель, который начертал (букв.: начертав?) на камне и соорудил храм' (или несколько иначе: 'Предводитель, который преуспел в гравировке на камне и в возведении храма (храмов)').

В «*Нюйчжэнь и-юй без письменности*» глагольная основа без словоизменительных показателей может выступать в качестве атрибута:

⁴⁴ Ikegami 1999a, с. 272–273. Цитирую последний абзац из работы Дз. Икегами в оригинальном виде: «Ich glaube annehmen zu können, daß das Mandschurische früher ein Flexionssystem der Imperativformen besaß, das mit den gold. und orok. Flexionssystemen der Imperativformen grundsätzlich übereinstimmt und daß wenigstens manche der obenerwähnten unregelmäßigen Imperativformen daraus stammen».

Выражаю глубокую благодарность проф. Тосиро Цумагари из университета Хоккайдо (Hokkaido University) за то, что он порекомендовал мне эту, а также много других работ профессора Дзиро Икегами; кроме того, я признателен проф. Цумагари за то, что он предоставил мне копии этих работ.

*hasha hudasha bo*⁴⁵ [*гаша худаша бō⁴⁶] ‘деревенский магазин (букв.: деревня + торговать + дом)’;
hudasha niema [*худаша н’а(л)ма] ‘купец, торговец (купцы, торговцы) (букв.: торговать + человек (люди))’, ср. маньчж. *худашара нялма* ‘торгующие, торговцы’⁴⁷;
huoni feita aligu [*хони фанга алигу] ‘блюдо, используемое для того, чтобы резать баранину (букв.: овца + резать + блюдо)’;
yiche fashi [*ичэ факши] ‘красильщик (букв.: красить + мастер)’;
maxila ala fashi [*махила ара факши] ‘мастер, шьющий шапки; шляпный мастер (букв.: шапка (шляпа) + делать + мастер)’.

Интересно, что в том же источнике («Нюйчжэнь и-юй без письменности») глагольным атрибутом может быть не только глагольная основа без словоизменительных аффиксов, но и причастие (как в маньчжурском языке), например:

wumusu dule fashi [*умусу ду-рэ факши] ‘мастер, делающий пояса (букв.: пояс(а) + бьющий + мастер)’, ср. маньчж. *ду-рэ* ‘бьющий (в частности, молотком)’;
adu aole fashi [*аду ау-рэ факши] ‘работник, занимающийся стиркой белья, одежды’ (букв.: ‘одежда + моющий, стирающий + мастер’).

Следует отметить, что в одном из современных маньчжурских диалектов возможно употребление глагольной основы без словоизменительных показателей в роли конечного предиката. Такое употребление упоминается в статье «Маньчжурский язык, на котором говорят в деревне Саньцзяцзы в уезде Фуююй в китайской провинции Хэйлунцзян» («Manchu language spoken in Sanjiazi village, Fuyu County, Heilongjiang Province in China»):

«Интересно, что наш информант использовал императивную форму в неимперативных предложениях:

sind bo
 я даю это тебе (слов, означающих ‘я’ и ‘это’, в данном примере нет. — А.П.).
jixa sind bo
 я даю тебе деньги (слова, означающего ‘я’, в этом примере нет)»⁴⁸.

Проблема заключается в том, является ли то или иное синтаксическое функционирование глагольной основы без словоизменительных показателей инновацией в чжурчжэньском и маньчжурском или же это древняя, исконная особенность, присущая тунгусо-маньчжурскому праязыку и сохранившаяся лишь в чжурчжэньском и маньчжурском, т.е. в языках, предок которых (чжурчжэньско-маньчжурский идиом) отделился, по-моему, первым от тунгусо-маньчжурского праязыкового диалектного континуума.

⁴⁵ Чжурчжэньские слова из «Нюйчжэнь и-юй без письменности» [Капе 1989] транскрибированы здесь при помощи китайского фонетического алфавита; в «Нюйчжэнь и-юй без письменности» не указывалась граница между чжурчжэньскими словами в словосочетаниях и предложениях.

⁴⁶ Реконструкция звучания чжурчжэньских слов осуществлена здесь мной. — А.П.

⁴⁷ Полный маньчжурско-русский словарь 1875, с. 439.

⁴⁸ Kim и др. 2008, с. 40. Выше уже было сказано, что в маньчжурском языке форма императива (2-е лицо) совпадает с глагольной основой.

С одной стороны, функционирование глагольной основы в качестве императива в маньчжурском языке весьма похоже на инновацию. Дз. Икегами писал об этом в своих работах⁴⁹, аргументация его кажется мне вполне убедительной. Возможно, инновацией является и употребление неоформленной глагольной основы («формы императива») в роли конечного предиката в маньчжурском диалекте, на котором говорят (говорили?) в Северо-Восточном Китае в деревне Саньцзяцзы, — такое употребление похоже на подражание китайскому образцу: ср. маньчж. диалектное *ǰixa sind bo* ‘Деньги тебе даю’ и китайское 我給你錢 *Wǒ gěi nǐ qián* ‘Я даю тебе деньги’. Впрочем, нельзя не заметить разный порядок слов в маньчжурском предложении и в его китайском смысловом эквиваленте — это вызывает некоторые сомнения в том, что маньчжурский в подобных случаях идет настолько далеко в своем подражании китайскому, что даже лишает глагол словоизменительной аффиксации.

С другой стороны, трудно признать инновацией синтаксическое функционирование неоформленной глагольной основы в чжурчжэньском языке. Китайским влиянием объяснить это, пожалуй, невозможно, поскольку воздействие китайского языка на чжурчжэньский было довольно ограниченным, распространялось оно главным образом на лексику, связанную с культурой, и вряд ли затрагивало чжурчжэньскую морфологию. В таком случае самостоятельное употребление глагольной основы, не осложненной словоизменительной аффиксацией, следует признать исконной особенностью чжурчжэньского языка, а также, по-видимому, и тунгусо-маньчжурского праязыка, от которого чжурчжэньский отстоял во времени вряд ли существенно дальше, чем современные тунгусо-маньчжурские языки отстоят во времени от чжурчжэньского.

III. Чжурчжэньский, маньчжурский, солонский и язык эвенков-хамниган Маньчжурии отличаются от остальных тунгусо-маньчжурских языков наличием родительного падежа⁵⁰. При этом аффиксы родительного падежа в чжурчжэньском и маньчжурском, с одной стороны, в солонском и хамниганском — с другой, имеют разное происхождение.

В солонском языке «Genitivus (кого? чего?) образуется при помощи суфф. *-ī* (после *n* основы) и *-nī* (после других согласных и гласных основы)»⁵¹. Вряд

⁴⁹ В частности, в: Ikegami 1999a.

⁵⁰ О наличии родительного падежа в эвенкийском языке писали М.А. Кастрен [Castrén 1856, § 23], Н.Н. Поппе [Поппе 1927, с. 5], Г.М. Василевич [Василевич 1940, с. 36]. Показателем родительного падежа они называли аффикс атрибутивно-предикативного притяжания, хотя Г.М. Василевич уточняла: «Суффикс родительного падежа -нги по форме совпадает с притяжательным суффиксом -нги. Но -нги, как суффикс падежа, занимает место п о с л е суффикса множественного числа, а -нги, как словообразовательный суффикс притяжания, занимает место п е р е д суффиксом числа» [Василевич 1940, с. 36]. О.П. Суник отрицал наличие родительного падежа в эвенкийском языке [Суник 1948, с. 287], с ним была солидарна О.А. Константинова [Константинова 1964, с. 65].

⁵¹ Поппе 1931, с. 112.

ли целесообразно выделять в солонском два алломорфа аффикса родительного падежа, показателем его является *-нй̄* (< **-нй̄*⁵²).

В языке эвенков-хамниган Маньчжурии аффикс родительного падежа имеет два алломорфа: *-нй̄* (*-ngi*) после гласных и *-нй̄* (*-ni*) после согласных⁵³.

В солонском и в языке эвенков-хамниган Маньчжурии показатели родительного падежа происходят от аффикса атрибутивно-предикативного притяжания **-нй̄* (в маньчжурском ему соответствует аффикс предикативно-притяжательной формы *-нй̄э*). В.А. Аврорин пишет: «...предикативно-притяжательная форма и форма родительного падежа связаны между собой дополнительной дистрибуцией. Значение у них общее, но допустимые окружения различны. В одних окружениях (позиция сказуемого и заместительное употребление) употребительна предикативно-притяжательная форма и недопустим родительный падеж, а во всех прочих окружениях употребителен родительный падеж и недопустима предикативно-притяжательная форма»⁵⁴. В эвенкийском языке ситуация иная — в нем соответствующая форма выступает не только как предикативно-притяжательная, но и как атрибутивно-притяжательная. Понятно поэтому, что форма атрибутивно-предикативного притяжания в принципе может стать формой родительного падежа (или же её могут принять за родительный падеж).

Между тем родительный падеж отличается от формы атрибутивно-предикативного притяжания весьма существенно: во-первых, форма атрибутивно-предикативного притяжания не имеет никаких дополнительных значений (функций), в то время как любой падеж, в том числе и родительный, реально или потенциально многозначен (полифункционален)⁵⁵. Во-вторых, показатель атрибутивно-предикативного притяжания присоединяется вроде бы только к словам, обозначающим живых существ⁵⁶, родительный же падеж оформляет в принципе любое имя существительное.

⁵² В солонском языке исконный заднеязычный носовой (*ŋ*) в начале морфемы некогда перешел в переднеязычный носовой (*n*), результат этого перехода наблюдается в показателе родительного падежа (**-нй̄* > *-нй̄*), а также, например, в таких словах: *нинахй̄* (< **нйнакин*) 'собака', *нāла* (< **нāла*) 'рука', *наммакта* (< **нанмакта*) 'комар' (у Н.Н. Поппе *ninaxī*, *nāla* ~ *nāli* и *namakta* [Поппе 1931, с. 62, 60, 61]).

⁵³ См.: Janhunen 1991, с. 62.

⁵⁴ Аврорин 2000, с. 86–87.

⁵⁵ Если говорить о многозначности (полифункциональности) маньчжурского родительного падежа, то следует отметить его уникальную особенность: «Родительный падеж выражает (практически много реже) дополнение орудия. В орудной функции родительный падеж конкурирует с дательным, причем эта функция появилась у него относительно недавно, тогда как раньше она выражалась только дательным падежом. Позднее наметилась дифференциация условий употребления этих двух падежей в названной функции: родительный падеж употребляется почти исключительно при глагольных словах, обозначающих неокончившиеся или даже неначавшиеся действия, тогда как дательный падеж употребляется преимущественно при словах, обозначающих действия окончившиеся» [Аврорин 2000, с. 79].

⁵⁶ Слово, оформленное в эвенкийском языке атрибутивно-притяжательным аффиксом, обозначает субъект обладания (например: *бэжэ-нй̄* 'принадлежащий человеку'), в то время как лично- и возвратно-притяжательные аффиксы обозначают объект обладания (например: *бэри-в* 'мой лук (для стрельбы)'). Понятно, что субъект обладания должен быть живым существом — чело-

Интересно, что подлинный родительный падеж имеется только в тунгусо-маньчжурских языках, на которых говорят (или говорили) на территории Китая. В чжурчжэньском и маньчжурском родительный падеж с показателем *-и* является, по-моему, исконным, унаследованным ими от пратунгусо-маньчжурского языка. В солонском же и в языке эвенков-хамниган Маньчжурии родительный падеж относительно позднего происхождения, при этом он одновременно и заимствованный, и исконный: исконный потому, что аффикс его восходит к праязыковому показателю **-һӣ*, заимствованным же родительный падеж следует считать по той причине, что он возник под влиянием языков, оказавших сильное влияние на солонский и на язык эвенков-хамниган Маньчжурии. Как известно, солонский язык находился в тесном контакте с дагурским, а также с маньчжурским (обоим свойствен родительный падеж), язык эвенков-хамниган Маньчжурии был и продолжает оставаться под сильным монгольским воздействием (родительный падеж есть во всех монгольских языках).

В маньчжурском языке «родительный падеж имеет аффикс *и*, а при основах, оканчивающихся на *һ*, его фонетический вариант *һӣ*»⁵⁷.

В чжурчжэньском языке родительный падеж имеет показатель *-и* (как и в маньчжурском, после основ с конечным *һ* употребляется алломорф *-һӣ*).

Ни в чжурчжэньском, ни в маньчжурском нет притяжательных аффиксов, поэтому вся нагрузка выражения посессивных отношений ложится в обоих этих языках на родительный падеж. Впрочем, есть основание предполагать, что в чжурчжэньском и маньчжурском языках некогда имелся аффикс 3-го лица, сохранившийся в качестве реликта в маньчжурском и чжурчжэньском показателях императива 3-го лица. Аффикс *-кини* в маньчжурском языке является составным — первый его компонент естественно было бы сравнить с показателем желательного наклонения *-ки*, что же касается второго (*-һӣ*), то исторически это не что иное, как показатель 3-го лица единственного числа⁵⁸. То же самое можно сказать и о чжурчжэньском аффиксе императива 3-го лица *-һинӣ*⁵⁹. Странным может показаться то, что и в маньчжурском, и в чжурчжэньском языках показатели *-кини* и *-һинӣ* относятся не только к единственному («пусть он(а)...»), но и ко множественному числу («пусть они...»). Следует отметить, что в солонском языке, находившемся длительное время в контакте с маньчжурским, также произошла нейтрализация значения числа в третьем лице глагола, причем разных наклонений и времен; в частности, со-

веком или животным (словоформа *бэр-һӣ* 'принадлежащий луку' вряд ли допустима в речи). В то же время в маньчжурской грамматике В.А. Аврорина есть пример, в котором аффикс предикативно-притяжательной формы присоединен к слову, не обозначающему живое существо («*эрэ учэ бһӣгэ* 'эта дверь домашняя (дома)')» [там же, с. 86].

⁵⁷ Там же, с. 75.

⁵⁸ Первым к выводу о том, что в маньчжурской повелительной форме 3-го лица «спрятан» личный аффикс, пришел Н.Н. Поппе: «С этим же показателем 3-го лица суффикс этот имеется в маньчжурском, ср. ма. *-kini*...» [Поппе 1931, с. 125].

⁵⁹ Аффикс *-һинӣ* представлен только в чжурчжэньском тексте Тырской стелы: *са-һинӣ* знать, управлять-IMP.3SG,PL (8-я строка) (см. [Головачев и др. 2011, с. 201]).

лонский аффикс *-gini* стал показателем повелительного наклонения 3-го лица как единственного, так и множественного числа⁶⁰. Интересно, что и в монгольских языках в 3-м лице императива не различаются формы единственного и множественного числа: в качестве примера можно привести показатель *-tuγai* ~ *-tügei* ('пусть он(а)...', 'пусть они...') в письменном монгольском языке⁶¹, а также аффикс *-г* в бурятском языке (*ябаг* 'пусть идет', 'пусть идут')⁶².

Итак, этимологический анализ чжурчжэньского аффикса *-хини* и маньчжурского *-кини* позволяет сделать важный вывод: в предке чжурчжэньского и маньчжурского языков были личные показатели — по крайней мере, показатель 3-го лица единственного числа⁶³.

Думаю, что древний показатель родительного падежа *-и* не исчез бесследно и в некоторых других тунгусо-маньчжурских языках; я имею в виду следующие атрибутивные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица (а также атрибутивные формы возвратных местоимений):

мин ~ *мини* 'мой', *син* ~ *сини* 'твой' и т.д. в негидальском и орокском языках;
мин (< **мини*) 'мой', *син* (< **сини*) 'твой' и т.д. в ульчском⁶⁴ и эвенском языках (ср. маньчж. и чжурчж. *мини* 'мой').

К местоименным формам родительного падежа **мин-и* 'мой' (**бй* 'я'), **син-и* 'твой' (**сй* 'ты') и т.д. в тунгусо-маньчжурском праязыке мог, вероятно, присоединиться аффикс предикативно-притяжательной формы **-нй* (**-нйй*): **мин-и-нй* (**мин-и-нйй*) 'мой (англ. *mine*)', **син-и-нй* (**син-и-нйй*) 'твой (англ. *yours*)' и т.д. Рефлексы таких форм представлены во всех тунгусо-маньчжурских языках, например:

маньчж. *Эрэ жэка миннйгэ*⁶⁵ 'Эта вещь моя'⁶⁶;
 нан. *Эј дајса миннй* 'Эта книга моя' (*миннй* < **миннй* < **мин-и-нй*);
 эвенк. *Эр орон миннй* 'Этот олень мой'; в эвенкийском форма на *-нй* может быть не только предикативно-притяжательной, но и атрибутивно-притяжательной: *миннй оронми* 'мой олень' (*миннй* < **мин-и-нй*).

⁶⁰ Поппе 1931, с. 125.

⁶¹ См.: Орловская 1997, с. 24.

⁶² См.: Грамматика бурятского языка 1962, с. 258.

⁶³ В принципе так бывает, что аффиксом выражается только третье лицо, ср. англ. *I understand, you understand, he/she understands*.

⁶⁴ В ульчских материалах, собранных А.Н. Липским, представлены две формы: *мин* и *мини* 'мой' (у А.Н. Липского *мин*) [Липский, дело 71, лист 91 (оборот)]; в ульчских текстах, записанных О.П. Суником, в некоторых случаях вместо *мэн* 'свой' можно обнаружить *мэни* [Суник 1985, с. 82, 83 и др.]. Подобные полные притяжательные формы местоимения есть также в бикинском (уссурийском) диалекте нанайского языка [Сем 1976, с. 56].

⁶⁵ В маньчжурском языке показатель предикативно-притяжательной формы *-нйгэ* восходит, вероятно, к **-нйй*.

⁶⁶ Аврорин 2000, с. 143.

IV. В агглютинативных языках существует несколько способов образования новых аффиксов: 1) грамматикализация, 2) существенное изменение прежнего грамматического значения (возникает не вариант значения, а новое значение), 3) заимствование аффикса из другого языка или из диалекта того же самого языка, 4) составная аффиксация (в том числе и образование новой морфемы из двух оказавшихся смежными в результате превращения аналитической конструкции в синтетическую).

Одним из основных (если не главным) способов образования новых аффиксов в тунгусо-маньчжурских языках была составная аффиксация. При этом вполне очевидно, что составная аффиксация стала бурно развиваться после «первого раскола» тунгусо-маньчжурской языковой общности, т.е. после отделения от нее чжурчжэньско-маньчжурского идиома. Аргументация проста: для тунгусо-маньчжурского праязыка можно восстановить лишь несколько составных аффиксов, а после «первого раскола» — в «постпраязыке», который дал начало всем тунгусо-маньчжурским языкам, кроме чжурчжэньского и маньчжурского, — составных аффиксов возникло немало, причем не только в словообразовании, но и в словоизменении. Эта постпраязыковая составная аффиксация, претерпев определенные фонетические изменения, сохранилась до наших дней в нанайском, ульчском, орокском, удэгейском, ороцком, негидальском, солонском, эвенкийском и эвенском языках.

Приведу несколько примеров эвенкийских составных аффиксов:

- вкән/-вкән/-вкән < *-бу-кән/-бу-кән/-бу-кән (показатель каузатива);
- вкй < *-бу-кй («суффикс глагольно-именной формы обычности действия»)⁶⁷;
- рак/-рэк/-рок < *-ра-ки/-рэ-ки/-ро-ки (показатель условно-временного деепричастия);
- сал/-сэл/-сол < *-са-л/-сэ-л/-со-л (показатель множественного числа);
- дук(и) < *-ду-ки (показатель отложительного падежа);
- ткй/-тикй < *-ти-кй (показатель направительного падежа).

Количество примеров эвенкийских, эвенских, негидальских, ульчских, нанайских и т.д. составных аффиксов можно было бы существенно увеличить.

В маньчжурском число составных аффиксов значительно меньше, чем в только что перечисленных языках. Составная аффиксация представлена в маньчжурском главным образом в словообразовании. Приведу несколько примеров маньчжурских словообразовательных составных аффиксов (сведения о чжурчжэньской морфологии весьма скудны, поэтому ограничимся маньчжурскими примерами, взятыми из книги В.А. Аврорина⁶⁸; номера страниц в этой работе указаны далее в скобках):

- схун (дахасхун 'послушный', с. 126);
- чука/-чукэ (олхочука 'осторожный; осторожно', с. 126);
- рги (дорги 'внутренность; внутренний; внутри', с. 134);

⁶⁷ Эвенкийско-русский словарь 1958, с. 747.

⁶⁸ Аврорин 2000.

- сита/-ситэ (коимасита- 'постоянно обманывать', с. 166);
- нэа/-нэа/-нэо (гуниңэа- 'постоянно думать, обдумывать', с. 167–168);
- лэа/-лэа/-лэо (мидалэа- 'вилять хвостом', с. 168);
- рэа/-рэа/-рэо (мэлэрэа- 'робеть, стесняться, прятаться', с. 168–169);
- рала/-рэла (укарала- 'постоянно убежать, находиться в бегах', с. 171).

Словоизменительных составных аффиксов в маньчжурском языке совсем немного, приведу примеры:

1) Показатель продольного падежа -дэри⁶⁹. О происхождении этого аффикса Дз. Икегами писал: «Вероятно, в маньчжурском языке старая форма **deli*, не засвидетельствованная в письменности, была заменена на *deri* по аналогии с *deleli* 'на поверхности', *dolori* 'внутри', *juleri* (маньчжурские слова я здесь не транслитерировал. — А.П.) 'впереди', *oilori* 'над' и *tuleri* 'снаружи'. Возможно, что показатель **deli* был постконсонантным вариантом пролативного падежного аффикса **li*; показатель **deli*, вероятно, представляет собой комбинацию аффикса дательного падежа **de* и аффикса пролатива **li*; могло быть и так, что „переходный слог“ (*de*. — А.П.) был вставлен между конечным согласным основы (например, *-n*) и начальным *l*-аффиксом»⁷⁰.

Кстати, падежный аффикс -дэ вполне может быть инновацией в маньчжурском языке, поскольку в материалах по чжурчжэньскому языку (кроме «Нюй-чжэнь и-юй без письменности»⁷¹) показателем дательно-местного падежа является -до/-ду, а не -дэ. В самом позднем (1413 г.) чжурчжэньском камнеписном тексте на Тырской стеле-трилингве мы видим также показатель -до/-ду (он встречается 13 раз⁷²).

2) Показатели причастия настоящего времени (классы III и IV) -ндара/-ндэрэ/-ндоро, -нэрэ/-норо, -жара/-жоро, -дэрэ, -тэрэ, -сирэ (все они включают аффикс -ра/-рэ/-ро, В.А. Аврорин отметил, что аффикс -ндара/-ндэрэ/-ндоро состоял из компонентов -на + -да + -ра⁷³).

3) Показатель причастия прошедшего времени (классы II и III) -нка, который, как считает В.А. Аврорин, восходит к сочетанию аффиксов -на + -ка⁷⁴.

4) Показатель настоящего времени изъявительного наклонения глагола -мби < -мэ би (одновременное деепричастие + глагол со значением 'быть').

⁶⁹ «Падежная форма на *дэри*, которую мы по аналогии с другими тунгусо-маньчжурскими языками назвали продольным падежом, в письменном языке встречается редко, по-видимому, она исчезает из употребления, в диалектах же маньчжурского языка, в частности в сибирском, эта падежная форма встречается значительно чаще» [Аврорин 2000, с. 75].

⁷⁰ «There seems to be a probability that in Manchu the older form **deli*, which is not attested in records, was replaced by *deri*, which was formed on the analogy of *deleli* 'on the surface', *dolori* 'inside', *juleri* 'in front', *oilori* 'over' and *tuleri* 'outside'. It is possible that **deli* may have been a post-consonantal variant of the prolativ case-ending **li*, which was derived from the combination of the dative ending **de* and the prolativ ending **li* or this ending with a transitional syllable inserted between a stem-final consonant (such as *-n*) and the ending-initial *l*». Ikegami 1999b, с. 288.

⁷¹ См.: Kane 1989.

⁷² См.: Головачев и др. 2011, с. 196–197.

⁷³ См.: Аврорин 2000, с. 189–190.

⁷⁴ Там же, с. 190.

5) Показатели прошедшего времени изъявительного наклонения глагола *-хаби/-хэби/-хоби*, *-каби/-кэби/-коби*, *-һкаби/-һкэби/-һкоби*⁷⁵ (< *-ха/-хэ/-хо би*, *-ка/-кэ/-ко би*, *-һка/-һкэ/-һко би* (причастие прошедшего времени + глагол со значением 'быть')).

6) Аффикс вежливой формы повелительного наклонения *-чина*⁷⁶ < ?

7) Аффикс повелительного наклонения для третьего лица *-кини*⁷⁷ [Аврорин 2000: 214] < **-ки* + *-ни*.

Как было уже сказано выше, сведения о чжурчжэньской морфологии скудны и фрагментарны. Тем не менее очевидными примерами составной аффиксации в чжурчжэньском языке являются аффикс повелительного наклонения для третьего лица *-хини* (**-хи* + **-ни*, ср. маньчж. *-кини*) и показатель аблатива *-дохи/-духи* (**-до/-ду* + **-хи*). Наличие аблативного аффикса *-дохи/-духи* в чжурчжэньском языке позволяет говорить, во-первых, о том, что показатель этот восходит к тунгусо-маньчжурскому праязыку (соответствия представлены во всех ветвях тунгусо-маньчжурской языковой семьи)⁷⁸, а во-вторых, дает возможность восстанавливать в этом праязыке составной аффикс (аффикс дательно-местного падежа **-дү* + **-ки* (значение этого аффикса неизвестно)).

Аффикс императива для третьего лица *-хини* и аффикс аблатива *-дохи/-духи* представлены только в чжурчжэньском тексте Тырской стелы⁷⁹ — в других чжурчжэньских памятниках они пока не обнаружены.

Во всех тунгусо-маньчжурских языках есть словообразовательные аффиксы, которые используются для своеобразной семантической классификации имен существительных. В отличие от именных классов (как, например, в языках банту) или от классификаторов (как, скажем, в китайском или в корейском), охватывающих в принципе все существительные или большую их часть, «классифицирующие аффиксы» тунгусо-маньчжурских языков встречаются в сравнительно небольшом количестве слов.

В эвенкийском языке такая «избирательная классификация» распространяется, например, на слова, обозначающие совокупность мелких однородных предметов (или один предмет из такой совокупности) — звезды, ягоды, грибы, зубы, ногти, волосы и т.п. (аффикс *-кта/-ктэ/-кто*: *жиктэ* 'голубика', *йктэ* 'зуб' и т.д.), на слова, обозначающие животных (аффикс *-кй*, например: *сулакй* 'лиса', *һэрэ-кй* 'лягушка'); аффикс *-кса/-ксэ/-ксо* обозначает шкуру (*сулакй-кса* 'шкура лисы' — в этом слове сразу два классифицирующих аффикса); омонимичный предыдущему аффикс оформляет названия «массы однородного материала» (*тамнакса* 'туман', *сэксэ* 'кровь'); аффикс *-мкурā/-мкурэ* оформляет названия «ягодных кустарников или плодовых деревьев» (*жиктэмкурэ*

⁷⁵ Там же, с. 211–212.

⁷⁶ Там же, с. 214.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Вряд ли можно предполагать, что чжурчжэньский показатель аблатива *-дохи/-духи* был заимствован из какого-то другого тунгусо-маньчжурского языка.

⁷⁹ См.: Головачев и др. 2011, с. 201, 197.

‘кустик голубики’); аффикс *-магда/-мэгдэ/-могдо* «обозначает сеть» (*нирумагда* ‘сеть для хариусов’); *-мāүйин/-мэүйин/-мōүйин* — аффикс, «образующий названия болезней» (*һалганмāүйин* ‘болезнь ног’); *-птун* — «суффикс, образующий названия предметов, охватывающих предмет, значение которого выражено в основе: *һāлакāн* ‘рука (кисть)’ — *һāлакāптун* ‘браслет’»; *-рук* — «суффикс, обозначающий название хранилища, помещения, чехла, коробки: *инмэ* ‘игла’ — *инмэрук* ‘игольник’»; *-сик* — «суффикс, обозначающий одежду... *тууэсик* ‘зимняя одежда’»⁸⁰ (примеры, взятые из словаря Г.М. Василевич, транслитерированы).

Для нас такие именные словообразовательные (классифицирующие) аффиксы представляют интерес с точки зрения того, являются ли они составными или же «простыми». Как видим, в приведенных примерах только один аффикс не относится к числу составных — это словообразовательный аффикс *-кй*, присоединяющийся к названиям животных. Показательно, что из всех перечисленных выше аффиксов (*-кта/-ктэ/-кто*, *-кй*, *-кса/-ксэ/-ксо*, *-мкурā/-мкурэ*, *-магда/-мэгдэ/-могдо*, *-мāүйин/-мэүйин/-мōүйин*, *-птун*, *-рук*, *-сик*) только *-кй* имеет соответствия во всех тунгусо-маньчжурских языках, не исключая маньчжурский и чжурчжэньский (в обоих последних это *-ха/-хэ* — долготу *й* эвенкийского, эвенского, солонского и негидальского языков соответствуют в конце слов в маньчжурском языке широкие гласные *а, о, э* или (реже) *у*⁸¹).

В чжурчжэньском и маньчжурском языках есть другой аффикс *-ха/-хэ* — омонимичный только что упомянутому, однако восходящий не к **-кй*, а к **-кā/-кэ/-кō*. Этот аффиксальный омоним оформляет в чжурчжэньском и маньчжурском языках слова, обозначающие мелкие однородные предметы, т.е. по значению он аналогичен, например, эвенкийскому *-кта* в слове *ōсикта* ‘звезда’. Звезда называется по-чжурчжэньски *ОШИха*; если привлечь для сравнения диалектные данные эвенкийского языка, то праформой чжурчжэньского *ОШИха* ‘звезда’ следует считать **ōсикā*. Именно такую реконструкцию нам подсказывает название звезды в подкаменнотунгусском диалекте эвенкийского языка (*ōсикāкта* — в такой форме слово приведено в Эвенкийско-русском словаре⁸²; точное соответствие есть в эвенском языке⁸³). В подкаменнотунгусском эвенкийском слове *ōсикāкта* сегмент *ōсикā-* представляет собой производящую основу, к которой когда-то был присоединен словообразовательный аффикс *-кта*, имеющий то же значение, что и праязыковой словообразовательный аффикс *-кā* в праформе **ōси-кā*.

В целом можно утверждать следующее: только совсем немного составных аффиксов в тунгусо-маньчжурских языках группы Б (к ней я бы отнес все языки этой семьи, кроме маньчжурского и чжурчжэньского) имеют полное, «поаффиксное» соответствие в языках группы А, т.е. в чжурчжэньском и

⁸⁰ Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 761, 763, 764, 770, 773–774, 784, 787, 788.

⁸¹ См.: Цинциус 1949, с. 102.

⁸² Эвенкийско-русский словарь 1958, с. 328

⁸³ Ср. эвенское название звезды *ōсикат* < **ōсикāкта*.

маньчжурском; примером может быть все тот же составной показатель аблатива: чжурчж. *-дохи/-духи*, эвенк. *-дук(и)*, эвен. *-дук*, солон. *-духи*, удэг. *-диуи* (< **-дууи* < **-дуки*), ороц. *-дуи* (< **-дуки*); ср. также нанайский аффикс *-дуи* (< **-дуки*), который оформляет объект сравнения в сравнительной конструкции.

Бывает и так, что компоненты имеющегося в языках группы Б составного аффикса функционируют в чжурчжэньском и маньчжурском в качестве самостоятельных аффиксов.

Например, в чжурчжэньском языке *-һи* является словообразовательным аффиксом имен существительных, обозначающих различные вещества (*сэһи* 'кровь', *ПУЛЭһи* 'зола, пепел', *иМЭһи* 'растительное масло; жир, сало', *ИМАһи* 'снег', *ТУһи* 'облако', *та(р?)маһи* 'туман').

В маньчжурском языке ему соответствует словообразовательный аффикс *-ги*, а также *-һиги* (например: *соги* 'зелень, овощи', *нимаһиги* 'снег'). В других тунгусо-маньчжурских языках соответствующий аффикс встречается исключительно редко (ср., например, нан. *ниэсэһиги* ~ *н'эсэһиги* 'пот', ороц. *н'эсэһиги* 'пот', нег. *н'эсэһи* 'пот'⁸⁴). При этом в эвенкийском языке (подкаменнотунгуские говоры, ербогоченский, непский, токкинский говоры) слово, означающее 'пот', оформлено исторически составным аффиксом: *н'эксэ* (< *н'э* 'потеть')⁸⁵.

Аналогичный по значению аффикс *-кса/-ксэ* в языках группы Б образовался, по-моему, из составного аффикса **-һи-са/-һи-сэ*, первый компонент которого совпадает с чжурчжэньским *-һи* (показатель собирательности), а второй — с чжурчжэньским *-са/-сэ* (показатель множественного числа имен существительных и прилагательных⁸⁶, в прошлом аффикс *-са/-сэ* выражал, вероятно, собирательность). Реконструируемый **пост**праязыковой аффикс **-һиса/-һисэ*, присоединявшийся к названиям различных веществ, в результате звуковых преобразований превратился со временем в *-һса/-һсэ* (ср. ороц. *силэ-һсэ* 'роса') или в *-мса/-мсэ* (ср. нан. *силэмсэ* 'роса; иней (растаявший)'), затем аффикс *-һса/-һсэ* закономерно трансформировался в *-кса/-ксэ* (ср. эвенк., нег. *силэ-ксэ* 'роса').

Этимологический анализ свидетельствует о том, что чжурчжэньский язык (а также маньчжурский) сохранил более древний, первичный словообразовательный аффикс *-һи*, остальные же тунгусо-маньчжурские языки при помощи составной аффиксации создали варианты вторичного, составного словообразовательного аффикса.

По всей видимости, составная аффиксация была представлена весьма ограниченно в тунгусо-маньчжурском праязыке. Можно, конечно, предположить, что в праязыке было немало составных аффиксов, которые по неведомой причине исчезли, не сохранившись до нашего времени. Однако невозможно себе представить, что праязык решил расстаться именно с составными аф-

⁸⁴ См.: Болдырев 1987, с. 104–105. Любопытно, что в маньчжурском языке слово *һэ* 'пот' не имеет словообразовательного суффикса.

⁸⁵ См.: ССТМЯ 1975, с. 650.

⁸⁶ См.: Певнов 2004, с. 376.

фиксами — отличить составной аффикс от несоставного способен только лингвист.

Итак, сравнение чжурчжэньских данных с данными других тунгусо-маньчжурских языков дает возможность обнаружить некоторые архаичные особенности, которые, вероятно, были свойственны морфологии тунгусо-маньчжурского праязыка.

Литература

- Аврорин 1961 — *Аврорин В.А.* Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Аврорин 2000 — *Аврорин В.А.* Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000.
- Аврорин, Лебедева 1978 — *Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Орочские тексты и словарь. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978.
- Болдырев 1987 — *Болдырев Б.В.* Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987.
- Василевич 1940 — *Василевич Г.М.* Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, Ленинградское отделение, 1940.
- Головачев и др. 2011 — *Головачев В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О.* Тырские стелы XV в.: перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб.: Наука, 2011.
- Грамматика бурятского языка 1962 — *Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология.* М.: Издательство восточной литературы, 1962.
- Ивановский 1894 — *Ивановский А.О.* Mandjurgica. I. Образцы солонского и дахурского языков. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894.
- Константинова 1964 — *Константинова О.А.* Эвенкийский язык. М.–Л.: Наука, 1964.
- Липский — *Липский А.Н.* Ульчский словарь. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ РАН), фонд 5, опись 1, дело 71.
- Орловская 1997 — *Орловская М.Н.* Старописьменный монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997.
- Певнов 2004 — *Певнов А.М.* Чтение чжурчжэньских писем. СПб.: Наука, 2004.
- Певнов 2008 — *Певнов А.М.* Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопросы языкознания. 2008, № 5.
- Полный маньчжурско-русский словарь 1875 — *Полный маньчжурско-русский словарь.* Составитель Иван Захаров. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1875.
- Поппе 1927 — *Поппе Н.Н.* Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927.
- Поппе 1931 — *Поппе Н.Н.* Материалы по солонскому языку. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1931.
- Сем 1976 — *Сем Л.И.* Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976.
- ССТМЯ 1975 — *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков.* Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1975.
- Суник 1948 — *Суник О.П.* О посессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках // Язык и мышление. XI. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948.

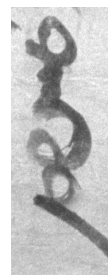
- Суник 1985 — *Суник О.П.* Ульчский язык. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985.
- Эвенкийско-русский словарь, 1958 — Эвенкийско-русский словарь. Составитель Г.М. Василевич. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Цинциус 1949 — *Цинциус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1949.
- Castrén 1856 — *Castrén M.A.* Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1856.
- Grube 1896 — *Grube W.* Die Sprache und Schrift der Jučen. Leipzig: Kommissions-verlag von O. Harrassowitz, 1896.
- Ikegami 1997 — *Ikegami Jirō* 池上二良. A dictionary of the Uilta language spoken on Sakhalin = Uilta Kəseni Bičixəni = Uirutago jiten ウイルタ語辞典. Sapporo: Hokkaidō Daigaku tosho kankōkai 北海道大学図書刊行会, 1997.
- Ikegami 1999a — *Ikegami Jirō* 池上二良. Über die Herkunft einiger unregelmäßiger Imperativformen der mandschurischen Verben. In: Researches on the Manchu Language = Manshūgo kenkyū 満洲語研究. Tokyo: Kyūkoshoin 汲古書院, 1999.
- Ikegami 1999b — *Ikegami Jirō* 池上二良. The Manchu Prolative *deri*. In: Researches on the Manchu Language = Manshūgo kenkyū 満洲語研究. Tokyo: Kyūkoshoin 汲古書院, 1999.
- Ikegami 2001 — *Ikegami Jirō* 池上二良. Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // Researches on the Tungus Language = Tsungēsugo kenkyū ツングース語研究. Tokyo: Kyūkoshoin 汲古書院, 2001. P. 395–396.
- Janhunen 1991 — *Janhunen Juha.* Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finnougric Society, 1991. (Castrenianumin toimitteita; Vol. 40).
- Jin Guangping, Jin Qizong 1980 — *Jin Guangping* 金光平, *Jin Qizong* 金启祿. Nüzhen yuyan wenzhi yanjiu 女真语言文字研究. Beijing: Wenwu chubanshe 文物出版社, 1980.
- Jin 1984 — *Jin Qizong* 金启祿. Nüzhenwen cidian 女真文辞典. Beijing: Wenwu chubanshe 文物出版社, 1984.
- Kane 1989 — *Kane D.* The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters. Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989 (Uralic and Altaic Series; Vol. 153).
- Kim *et al.* 2008 — *Kim Juwon, Ko Dongho, Chaoke D.O., Han Youfeng, Piao Lianyu, Boldyrev B.V.* Materials of Spoken Manchu. Seoul: Seoul National University Press, 2008 (Altaic Languages Series; 1).
- Kiyose 1977 — *Kiyose G.N.* A study of the Jurchen language and script: reconstruction and decipherment. Kyoto: Hōritsubunka-sha, 1977.
- Laufer 1908 — *Laufer B.* Skizze der mandjurischen Literatur // Keleti Szemle. IX. 1908. P. 1–53.
- Ligeti 1953 — *Ligeti L.* Note préliminaire sur le déchiffrement des «petits caractères» jou-tchen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. III, fasc. 2, 1953.
- Ligeti 1960 — *Ligeti L.* Les anciens éléments mongols dans le mandchou // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. X, fasc. 3, 1960.
- Ligeti 1961 — *Ligeti L.* Les inscriptions djurtchen de Tyr. La formule *om mani padme hūm* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XII, fasc. 1–3, 1961.
- Poppe 1965 — *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965.
- Poppe 1979 — *Poppe N.* Jurchen and Mongolian // Studies on Mongolia. Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979.

The Personal Name *Tarjut* as Seen from the Old Uighur Texts

Among the entries within the long list of categories for the name giving among the Turkish peoples, compiled by L. Rásonyi, there is one with the headline “III/8 Enemy (people, country, sovereign) defeated at the time of birth.”¹ In a broad scope he deals with this subject in another article under the headline “III. Noms de peuple > noms de personnes”:

“Les noms de personnes dérivés des noms de peuple constituent, eux aussi, une catégorie importante des noms de personnes. C’est un phénomène universel que de voir les personnes isolées dans un milieu étranger désignées par un surnom qui n’est autre que le vocable rappelant le peuple ou la tribu dont elles sont issues. On peut accoler à quelqu’un comme surnom, le nom d’un certain peuple avec lequel il a été en contact, ne fut-ce que d’une façon épisodique mais suffisante pour qu’il en ait été marqué.”²

Therefore it is no coincidence that we find the names of different peoples among the personal names or as an element in the personal names of the Old Uighurs.³ The main sources for the Old Uighur onomasticon are the Old Uighurs’ manuscripts and block prints which were excavated in the Turfan oasis and neighbouring sites in East Turkestan (Xinjiang) as well as in Dunhuang and which are preserved today in the Central Asian archives worldwide. In our context the colophons of a big number

¹ Rásonyi 1976, p. 216.

² Rásonyi 1953, p. 337.

³ In his article “Hybrid Names as a Special Device of Central Asian Naming,” P. Zieme stated with regard to this subject: “From the time when Turkic people started to use more than one element in their personal names, they also began adopting foreign names/words according to their cultural backgrounds. These data provide important clues for some aspects of their cultural history.” Cf. Zieme 2006, p. 114.

of Buddhist texts and civil documents are of special interest because these groups of written sources deliver the largest amount of material on personal names. Besides the names of the translator, the sponsor and the scribe, normally a long list of persons is included in the text of the colophon, denoting those people to whom the *punya* of copying the text has to be transferred. It is obvious that official and private documents, i.e. contracts, deeds, receipts, registers, letters etc. provide a large amount of personal names. Besides, stake inscriptions, inscriptions on wall painting from the several Buddhist temples and grottoes as well as graffiti enrich the Uighur onomastic material.

The following list is far away of being complete, but will throw light on what is to be found in the Old Uighur onomasticon with regard to the topic of people's names as personal names or as an element of personal names. For the attested personal names in question only selected samples from the written sources are given here.

Basmıl

Basmıl (U 5241: vendee of land)⁴

Totok Basmıl (U 2890 + U 2916: donor of a copy of the *Kšanti kalguluk nom bitig*)⁵

Indu⁶

Indu(?) (Ot. Ry. 2733 party to a loan contract)⁷

Indu (U 5330: name of a peasant in a document)⁸

Indu (MIK III 4633a: blockprint, Sino-Uighur family portrait < 印都 *yin du*)⁹

Käräy¹⁰

Käräy (U 5239: witness in a contract)¹¹

Käräy (Ch/U 7325 v: party in a contract)¹²

Käräy (U 6190: *kagunči* Käräy, mentioned in a list)¹³

Kıpčak

Kıpčak (USp 57: witness in a sale contract)¹⁴

Kıpčak (U 5259: witness in a loan contract)¹⁵

Kıpčak (U 5245: member of *el bodun*)¹⁶

⁴ SUK II, pp. 10–11, 246 (Sa04).

⁵ BT XXV, pp. 8, 66–67, 344.

⁶ Rybatzki 2006, p. 131.

⁷ SUK II, p. 87–88 (Lo03).

⁸ Matsui 2004b, pp. 199, 197.

⁹ Gabain 1976, p. 204.

¹⁰ Rybatzki 2006, p. 571.

¹¹ SUK II, pp. 174–175 (Mi28).

¹² VOHD 13,21 # 83.

¹³ VOHD 13,21 # 236.

¹⁴ SUK II, pp. 55–56 (Sa26).

¹⁵ SUK II, pp. 110–111 (Lo28).

¹⁶ SUK II, pp. 165–166.

Kırgız

Kırgız T(ä)ñrim (U 3276 r: donor of a copy of the *kšanti kılğuluk nom bitig*)¹⁷

Kıtan

Kıtan [] (?) (U 3721 v: colophon of the *Maitrisimit*)¹⁸

Kıtan (U 5245: member of *el bodun*)¹⁹

Kıtay

Kıtay Bört Inal (SI Kr.II 32/1: colophon)²⁰

Kıtay [Tä]ñri[m] (U 2477 + U 2505: colophon)²¹

Kıtay Tut[ıñ] (SI O 046 r: colophon?)

Kıtay Ɖaruga (U 5283 v: party in an administrative order)²²

Kıtay Ɖaruga (Ch/U 7370 v: party in an administrative order)²³

Mačar

Mačar Elči (MIK III 6972: party in an administrative order)²⁴

Mačar (Ch/U 7411 v: document)²⁵

Märkid

Märkid (U 5238: witness in a sale contract)²⁷

Mısır

Mısır (Ch/U 7344 v: party in a *ulag* document)²⁹

Mısır (U 5245: witness in a document)³⁰

Mısır Kay-a (Mainz 20: donor of a copy of the *altun yaruk sudur*)

Mısır Šabi Ky-a (Ch/U 3910a v: reader of a copy of the *čoagaam*)³¹

Moñol

Moñol Buka (U 5242: scribe in a document)³³

Sart

Sart (U 5582: party in a register)³⁵

Sart Kuba (So 14865 v: owner of measuring instrument in a (loan?) document)³⁶

¹⁷ UigOn II, p. 93; BT XXV, pp. 8, 182–183, 375.

¹⁸ BT XXVI, p. 193.

¹⁹ SUK II, pp. 165–167 (Mi20).

²⁰ BT XXVI, pp. 268–269.

²¹ UigOn III, p. 280; BT XXVI, pp. 258–259.

²² Matsui 2003, pp. 58–59 (text A); VOHD 13,21 # 9.

²³ Matsui 2003, pp. 60–61 (text B); VOHD 13,21 # 6.

²⁴ Matsui 2003, p. 64 (text F).

²⁵ Matsui 2003, p. 64 (note F2a).

²⁶ Clark 1975, p. 141.

²⁷ SUK II, pp. 23–24 (Sa10).

²⁸ Clark 1975, p. 170; UigOn I, p. 77; UigLeih 225.

²⁹ VOHD 13,22 # 425.

³⁰ SUK II, pp. 165–167 (Mi20).

³¹ ĀgFrag 272.

³² Rybatzki 2006, pp. 606–607.

³³ SUK II, pp. 147–148 (Mi02).

³⁴ Zieme 2005; Rybatzki 2006, pp. 718–719.

³⁵ VOHD 13,22 # 435.

³⁶ Raschmann 2010, pp. 109, 111.

Tavgač

T(a)vagač Hatun (U 5582: party in a register)³⁷

Tavgač Y(a)ŋa (or: Yäkä) (U 5243: party of a testament)³⁸

Türk³⁹

Türk Buka (U 5236: witness in a sale contract)⁴⁰

It was the honoured jubilee himself who studied the relationship of the Tanguts with the Old Uighurs in detail.⁴¹ Concerning the impact of this relationship on the lexicon he wrote:

“Für jene Zeit waren die tangutisch-uirgurischen Kriege ein wichtiges Ereignis, sie fanden ihre Widerspiegelung selbst im Wörterbuch von Maḥmūd al-Kāšgārī.”⁴²

Therefore it is not surprising that the ethnic name *taŋut* found its way into the Old Uighur personal names, too. Probably the occurrence of the personal name Taŋut may give a further hint for an approximately dating of the texts, if we recall the above mentioned category: “Enemy (people, country, sovereign) defeated at the time of birth.”

In the following I would like to list some records of *taŋut* as a personal name in more detail.

In the document **So 14865** of the Berlin Turfan collection a person, Taŋut by name, is among those who had to return five *taŋ* of cotton:

So 14865/v/2/-/3/ *sart kuba-nıŋ t(a)ŋı üzä beš t(a)ŋ kâpâz taŋut kao bugra lıg kavšurmiš birlä köni berir-biz*

(ll. 2-3) We, i.e. Taŋut, Kao, Bugra, Lıg and Kavšurmiš, will correctly give (back?) 5 *taŋ* cotton, measured with the *taŋ* of Sart Kuba.⁴³

In the land sale contract⁴⁴ with the old shelf number **3Kr. 39**, preserved in the manuscript archive of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS), St. Petersburg, a person, Taŋut by name, is mentioned as an owner of a certain plot of land:

3Kr. 39/v/17/-20/ *bu yerniŋ sıçısı öŋdün yıŋa[k] burhan kulınıŋ örtgüni kündin yıŋak ulug yol . kedin yıŋak taŋutnuŋ yer tagtın yıŋak buyančuknuŋ örtgün adırar .*

(ll. 17–20) The borderlines of this plot of land are: in eastern direction it is limited to the haystack of Burhan Kuli, in southern direction to the Great Way, in western direction to the plot of land of Taŋut, and in northern direction to the haystack of Buyančuk.

³⁷ VOHD 13,22 # 435.

³⁸ UigOn I, 83; SUK II, pp. 134–135 (WP01).

³⁹ Rybatzki 2006, pp. 429–430.

⁴⁰ SUK II, pp. 34–35 (Sa15).

⁴¹ Kychanov 2004.

⁴² Kychanov 2004, p. 155.

⁴³ Raschmann 2010, pp. 108–113.

⁴⁴ SUK II, pp. 14–15 (Sa06), pp. 285–286; SUK III, pl. 11.

In a document concerning a slave, first published by Feng Jiasheng in 1960,⁴⁵ a person, *Taṅut Buka* by name, is mentioned as a witness of the fixed contract.

/r/9/ *tanuk taṅut buka*

(l. 9) The witness (is) *Taṅut Buka*.

A person, *Taṅuta*⁴⁶ by name, is mentioned in another document, which is also preserved in the archive of the Institute of Oriental Manuscripts in St. Petersburg. This document with the old shelf number **4bKr 71**⁴⁷ consists of different sections and is related to the sale of a person and the loan of silver.

4bKr 71/v/1/-/3/ maṅa kačukka yuṅ[l]aklıg kümüş k(ä)rgäk bolup **taṅutani** {pusardu}ka bir yastuk beš s(ı)tır kümüş saṭtı

(ll. 1–3) I, Kačuk, being in need of silver for consumption, have sold *Taṅuta* to Pusardu for (an amount of) 1 yastuk and 5 s(ı)tır of silver.

4bKr 71/v/5/ munta taṅuṭa baş bitigin kılayın tep ṭedim ärdi bolmadı

(l. 5) It was not (the case) that I said: I will fixe the main contract of *Taṅuta* here.

4bKr 71/v/6/ bars yıl altınč ay tört yaṅıka maṅa taṅuṭa šälikä asıg {kümüş} k(ä)rgäk bolup {sävinč} k(a)y-a-ta üç otuz s(ı)tır kümüş altım

(l. 6) The year of the tiger, the sixth month, on the fourth day: I, *Taṅuta Šäli*, being in need of silver for interest, have borrowed 23 s(ı)tır silver from Sävinč Kaya.

The Old Uighur fragment **Tōkyō A06**, published only recently by P. Zieme,⁴⁸ belongs to the final part of the *Mārīcīdhāraṇī*, an early Tantric text. Several persons, to whom the merit earned by copying the text is transferred, are mentioned. One of them has the name *Taṅut*.

Tōkyō A06/r/50/ [täṅri]m taṅutka

(l. 50) ... Täṅri]m, to *Taṅut* [...

In the unpublished fragment from the St. Petersburg collection with the old shelf number **SI O 046** an assembly of persons is listed.⁴⁹ The names of all those persons are ending in *tutuṅ*. *Tutuṅ* is a wide spread element of Old Uighur personal names (*tutuṅ* < chin. 都統 *dutong*⁵⁰). Among those persons there is one, Saṅgastri *Taṅut Tutuṅ* by name. It seems that the list of persons is a part of the colophon and that the *puṅya* of copying the text is (among others?) transferred to this group of *Tutuṅs*.

⁴⁵ Here quoted from SUK II, pp. 173–174 (Mi27); SUK III, pl. 151–152.

⁴⁶ For the formative +A for personal names cf. UW 35 and OTWF 56–57.

⁴⁷ Matsui 2004a, pp. 49–53 [No. 4].

⁴⁸ BT XXIII, pp. 113–114.

⁴⁹ I owe this information to P. Zieme.

⁵⁰ Cf. Hamilton 1984, Oda 1987, ZiemeTitres 136ff.

MIK III 4633a. detail
By courtesy of the
Museum of Asian
Art, Berlin-Dahlem

SI O 046 r/4/ ... sangastri taṇut tutuṇ[ka]

(l. 4) ... [to] the *sanghasthavira* Taṇut Tutuṇ ...

Matsui Dai⁵¹ proposed the new reading Taṇut instead of former T(ā)ṅrim⁵² in the letter **Ot. Ry. 2718**. Taṇut is one of the persons to whom the letter is addressed (**Ot. Ry. 2718/r/2/**).⁵³

Finally, a block print preserved in the Museum of Asian Art under the shelf number **MIK III 4633a** shows a Sino-Uighur family portrait.⁵⁴ It formed the frontispiece of a Buddhist text.⁵⁵ The names of the depicted persons are given in Chinese characters. In one of these cartouches (no. 6) the name reads as follows: 唐古不花 *tang gu bu hua*.

According to A. von Gabain, it is the Chinese transcription for the Old Uighur personal name Taṇut Buka.⁵⁶ From H. Franke, who identified the family portrait as that of the family of the chancellor Mungsuz (1206–1267), we learn that Mungsuz had two sons born by a concubine: 火你赤 Huo-ni-qi and 唐兀帶 Tang-wu-dai. So he supposed: “T’ang-wu-tai (Tanggudai, “the Tanggut”) must be identical with no. 6 of the list, T’ang-wu pu-hua 唐兀不花, Tanggut Buqa.”⁵⁷

References

- ĀgFrag — Kudara Kōgi, P. Zieme. “Uigurische Āgama-Fragmente (1).” In *Altorientalische Forschungen*, 10 (1983), pp. 269–318.
BT XXIII — Zieme P. *Magische Texte des uigurischen Buddhismus*. Turnhout: Brepols, 2005 (Berliner Turfantexte 23).

⁵¹ Personal communication in Berlin, 09/09/2011. I am very grateful to him for this information.

⁵² Haneda and Yamada 1961, p. 205 (no. 12).

⁵³ Cf. Haneda and Yamada 1961, pl. 22. An edition of all preserved Old Uyghur letters is in preparation by Moriyasu Takao.

⁵⁴ Gabain 1976, p. 204 + fig. 1.

⁵⁵ Franke 1978, p. 33.

⁵⁶ The missing of the last syllable for Taṇut, normally attested as 唐古特 or 唐古忒 in Chinese (cf. Ricci 2001, p. 825), may be caused by the intention to reduce the personal name to four characters only.

⁵⁷ Franke 1978, p. 38. Why Franke quoted 唐兀 instead of 唐古 from the cartouche (no. 6) is unclear.

- BT XXV — Wilkens J. *Das Buch von der Sündentilgung. Edition des alttürkisch-buddhistischen Kšanti Kılğuluk Nom Bitig*. Teil 1–2. Turnhout: Brepols, 2007 (Berliner Turfantexte 25.1-2).
- BT XXVI — Kasai Yukiyo. *Die uigurischen buddhistischen Kolophone*. Turnhout: Brepols, 2008 (Berliner Turfantexte 26).
- Clark 1975 — Clark L.V. “Introduction to the Uyghur Civil Documents of East Turkestan (13th–14th cc.)” PhD diss. Indiana University, 1975. [microfilm edition, Indiana University.]
- Franke 1978 — Franke H. “A Sino-Uighur Family Portrait: Notes on a Woodcut from Turfan.” In *The Canada-Mongolia Review. La Revue Canada-Mongolie*, 4 (1) (1978), pp. 33–40.
- Gabain 1976 — Gabain A. von. “Ein chinesisch-ugurischer Blockdruck.” In *Tractata Altaica. Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata*. Ed. by W. Heissig, J.R. Krueger, F.J. Oinas, and E. Schütz. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976, pp. 203–210.
- Hamilton 1984 — Hamilton J. “Les titres *šāli* et *tutung* en ouïgour.” In *Journal Asiatique*, 272 (3–4) (1984), pp. 425–437.
- Haneda and Yamada 1961 — Haneda Akira, Yamada Nobuo. “A Preliminary List of the Manuscript Remains in Uighur Script Brought by Otani Expeditions and Preserved in the Ryukoku University Library.” In *Chūō Ajia kodaigo bunken* [Buddhist Manuscripts and Secular Documents of the Ancient Languages in Central Asia]. Kyōto, 1961, pp. 171–207 (Seiiki bunka kenkyū [Lat. Nebentitel: Monumenta Serindica] 4).
- Kychanov 2004 — Kyčanov E.I. “Turfan und Xixia.” In *Turfan Revisited — The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road*. Ed. by D. Durkin-Meisterernst et al. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004, pp. 155–158 (Monographien zur Indischen Archäologie, Kunst und Philologie; Bd. 17).
- Matsui 2003 — Matsui Dai. “Yarin monjo. Jūyon seiki shotō no uigurubun kyōshutsu meirei monjo rok ken.” [The Yalın-texts. Six Uigur administrative orders from the early fourteenth century]. In *Studies in the Humanities* [Cultural Sciences], 10 (2003), pp. 51–72.
- Matsui 2004a — Matsui Dai. “Sivusidu, Yakushidu kankei monjo to Toyoku sekkutsu no bukkyō kyōdan. Peteruburugu shozō uigurugo sezoku monjo sakkī” [Notes on the Uighur Secular Documents from the St. Petersburg Collection: Buddhist Monastery of the Toyoq Caves as Revealed from the Texts Related to Monks Sivšidu and Yaqšidu]. In *Chūō Ajia shutsudo bunbutsu ronsō* [Papers on the Pre-Islamic Documents and Other Materials Unearthed from Central Asia]. Ed. by Moriyasu Takao. Kyōto, 2004, pp. 41–70.
- Matsui 2004b — Matsui Dai. “Mongoru jidai no Uiguru nōmin to bukkyō kyōdan. U 5330 (USp 77) monjo no saikentō kara” [Uigur Peasant and Buddhist Monasteries during the Mongol Period: Re-examination of the Uigur Document U5330 (USp 77)]. In *Tōyōshi kenkyū* [The Journal of Oriental Researches], 63 (1) (2004), pp.1–32, 36–37 (English summary).
- Oda 1987 — Oda Juten. “Uiguru no shōgō tutung to sono shūhen.” In *Tōyōshi kenkyū* [The Journal of Oriental Researches], 46 (1) (1987), pp. 57–86.
- OTWF — Erdal M. *Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon*. 1–2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991 (Turcologica 7).
- Raschmann 2010 — Raschmann S.-Ch. “Herbst-Baumwolle (*kūzki kâpâz*).” In *Trans-Turkic Studies. Festschrift in Honour of Marcel Erdal*. Ed. by M. Kappler, M. Kirchner, and P. Zieme. Istanbul: Kitap Matbaası, 2010, pp. 103–116 (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi 49).
- Rásonyi 1953 — Rásonyi L. “Sur quelques catégories de noms de personnes en turc.” In *Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 3 (1953), pp. 323–351.
- Rásonyi 1976 — Rásonyi L. “The Psychology and Categories of Name Giving among the Turkish People.” In *Hungaro-Turcica*. Ed. by Gyula Káldy-Nagy. Budapest: Loránd Eötvös Univ., 1976, pp. 207–223.
- Ricci 2001 — *Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise*. Paris: Desclée de Brouwer, 2001.
- Rybatzki 2006 — Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies 8).

- SUK II — Yamada Nobuo. *Uiguru-bun keiyaku monjo shūsei* [Sammlung uigurischer Kontrakte]. Ed. by Oda Juten, P. Zieme, Umemura Hiroshi, and Moriyasu Takao. Bd. 2: Textband. Texte in Transkription und Übersetzung, Bemerkungen, Listen, Bibliographie und Wörterverzeichnis. Osaka University Press, 1993.
- UigLeih — Zieme P. “Ein uigurischer Leihkontrakt über Weizen.” In *Altorientalische Forschungen*, 7 (1980), pp. 273–275.
- UigOn I — Zieme P. “Materialien zum uigurischen Onomasticon I.” In *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*, 1977. Ankara, 1978, pp. 71–86.
- UigOn II — Zieme P. “Materialien zum uigurischen Onomasticon II.” In *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*, 1978–1979. Ankara, 1981, pp. 81–94.
- UigOn III — Zieme P. “Materialien zum uigurischen Onomasticon III.” In *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*, 1984. Ankara, 1987, pp. 267–283.
- UW — Röhrborn K. *Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien*. Lieferung 1–6. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1977–1998.
- VOHD 13,21 — *Alttürkische Handschriften. Teil 13: Dokumente. Teil 1*. Beschrieben von S.-Ch. Raschmann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2007 (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. 13,21).
- VOHD 13,22 — *Alttürkische Handschriften. Teil 14: Dokumente. Teil 2*. Beschrieben von S.-Ch. Raschmann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009 (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. 13,22).
- Zieme 2005 — Zieme P. “Notizen zur Geschichte des Namens *sart*.” In *Turks and Non-Turks: Studies on the History of Linguistic and Cultural Contacts*. Ed. by E. Siemieniec-Golaś & M. Pomorska. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2005, pp. 531–539 (Studia Turcologica Cracoviensia 10).
- Zieme 2006 — Zieme P. “Hybrid Names As a Special Device of Central Asian Naming.” In *Turkic-Iranian Contact Areas. Historical and Linguistic Aspects*. Ed. by L. Johanson and Ch. Bulut. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006, pp. 114–127.
- ZiemeTitres — Zieme P. “Sur quelques titres et noms des bouddhistes turcs.” In *L'Asie Centrale et ses voisins. Influences réciproques*. Ed. by Rémy Dor. Paris: INALCO, 1990, pp. 131–139.

Четырехчастная система законов династии Тан

Общие замечания

Писаное право в Китае возникло в особых условиях, что обусловило его собственную специфику. Первые попытки введения рационально сконструированных законов, призванных сменить и, по возможности, сделать неактуальным обычное право, относятся к периоду долгого исторического кризиса, политической борьбы в княжествах и между княжествами, на которые распалось древнее китайское государство в последние века династии Чжоу (VIII–III вв. до н.э.). Борьба идеологий и политических практик, одной из составляющих которой явилась борьба за введение и применение искусственно создаваемых законов, наложила свой отпечаток и на концептуальные основы права, и на круг задач, решение которых было за правом закреплено, — и наложила навсегда.

В отличие от многих древних обществ, законы в Китае никогда не создавались как нечто священное и непререкаемое, как благой дар богов, как идейная сверхценность. Напротив, господствующая теория поначалу относилась к продукту творчества некитайских, «варварских» народов, не ведавших морали и стыда, а потому вынужденных, чтобы хоть как-то наладить общежитие, прибегать к постоянному насилию посредством законодательно налагаемых запретов. Д. Бодде и К. Моррис отмечают, что, по всей видимости, подобная концепция возникла в V–VI вв. до н.э., когда идея введения законодательства вызывала почти всеобщее неприятие и резко порицалась традиционалистами¹, каковых в ту пору было, разумеется, большинство. Впоследствии, когда идея писаного закона постепенно доказала свою практическую ценность для государства, для поддержания в нем порядка и социального, пусть не мира, но хотя бы отсутствия внутренней войны, отношение к этой идее вынужденным образом несколько изменилось: законотворчество было приписано

¹ Bodde, Morris, 1967, p. 13.

древним мудрецам, которые стремились скомпенсировать законами, т.е. в первую очередь запретами и точно установленными наказаниями за их нарушение, неудержимо и постоянно происходящую порчу нравов. Было постулировано, что, если изменяется ситуация в стране, обязательно надлежит менять и законы, с тем чтобы они наилучшим образом могли обеспечивать порядок и пользу государства².

Сутью и смыслом писаного права виделась оптимизация отношений не между людьми, но между государственной властью и подданными.

Поначалу право попыталось выступить против всех связей между людьми, кроме связи «правитель–подданный», поскольку эти связи лишь мешали подданному быть эффективным и не стесненным никакими посторонними обязанностями исполнителем монаршей воли. Однако в результате длительного процесса конфуцианизации оно, напротив, горой встало на защиту основных иерархических и субординационных связей традиционного общества, а следовательно и традиционной этики.

Двухчастное деление китайских законов на так называемые *люй* 律 и *лин* 令 возникло задолго до династии Тан (618–907), еще при Хань (206 до н.э. — 220 н.э.). В ту пору считалось, что *люй* — это основа, наиболее стабильные и неизменные нормы, которые унаследованы от прошлого, а *лин* — это более оперативные нововведения, вводимые в действие текущими императорскими указами. Как отмечает Е.И. Кычанов, при Хань между законами этих групп еще не было четкого функционального различия и вторые, являясь сборниками императорских указов, могли наравне с *люй* включать вновь вводимые нормы уголовного права, т.е. нормы, предусматривавшие за те или иные действия те или иные наказания; однако постепенно в процессе разделения функций сложилось положение, согласно которому уголовные законы сосредоточились в нормах *люй*, в то время как нормы *лин* стали законами общеадминистративными³. В *люй*, косвенно принявших форму запретов, трактовалось о том, как надлежит наказывать тех, кто совершил что-либо наказуемое, т.е. о том, как поступать нельзя. В *лин* трактовалось о том, в соответствии с какими нормами и каким регламентом следует жить, т.е. о том, как поступать надо.

Однако в танское время именно в разъяснениях к *люй* было зафиксировано немало предписывающих норм, без предварительного изложения и объяснения которых зачастую оказывалось невозможным объяснить, в чем состоит то или иное их нарушение. И вдобавок, что не менее существенно, именно в разъяснениях к *люй* зачастую содержатся общетеоретические обоснования того, почему тот или иной поступок является проступком, почему данный проступок рассматривается тяжелее иных, сходных, и почему наказывается так, а не иначе. В *линах* ничего подобного не было. Этот культурологический слой, возможно, является самым интересным в танских *люй*. Значит, понимание законов *люй* как чисто уголовных не исчерпывает всего их содержания — но иначе их тоже никак не назовешь.

² См.: Книга правителя области Шан 1968, с. 175–178.

³ См.: Кычанов 1986, с. 7.

Ко времени формирования танского права бинарная модель *люй–лин* была дополнена двумя другими видами законов: *гэ* 格 и *ши* 式. Каждый из этих видов предписаний имел свою специфическую функцию.

Дословный перевод четырех этих иероглифов мало что говорит сам по себе, ибо значения их во многом повторяют друг друга. *Люй* значит «закон, закономерность, законоположение, устав, норма, уложение, дисциплина, кодекс; приводить в порядок, регулировать, ограничивать, наказывать по закону»; собственно, даже термин «закон сохранения энергии» по-китайски сформирован с применением этого же термина *люй*⁴. *Лин* значит «приказ, предписание, декрет, директива, наставление; приказывать, предписывать, обязывать, заставлять, давать возможность, побуждать»⁵. *Гэ* значит «норма, стандарт, правила, требования, рамки; ограничиваться, быть в рамках, подходить по стандарту»⁶. *Ши* значит «образец, стандарт, эталон, форма, норма, этикет, ритуал, образец, пример для подражания, церемониал, регламент, постановление»⁷.

Нетрудно заметить, что во всех этих четырех веерах значений главным общим смыслом является понятие ориентирующего образца, стандартизирующего требования, которое призвано обрубить частное своевольное разнообразие во имя общего скоординированного единения.

В англоязычном востоковедении принято переводить эти термины соответственно как Code (сборник законов, кодекс, свод законов государства, система правил), Statutes (законы, законодательные акты парламента, статуты, устав), Regulations (правила, устав, постановления, инструкции) и Ordinances (руководства, указы, предписания, приказы, религиозные таинства)⁸.

Сами тогдашние китайцы объясняли функциональное своеобразие этих законов так:

В танское время было четыре типа уложений: *люй*, *лин*, *гэ* и *ши*. *Лины* устанавливали распорядок и соотношение среди старших и младших, знатных и низких, а также государственную структуру. *Гэ* устанавливали постоянную практику, осуществляемую всеми должностными лицами на их постах. *Ши* являлись законами (*фа* 法), которых они (должностные лица. — В.Р.) неизменно придерживались. Во всех делах государственное управление должно было следовать этим трем [типам законов] (*цы сань чжэ* 此三者). Если же происходили их нарушения или если люди склонялись ко злу и доходили до преступлений, всегда следовало принимать меры на основании *люй*⁹.

Исходя не столько из буквального смысла терминов, сколько из функций обозначаемых ими правовых норм, я в своем переводе уголовного кодекса

⁴ См.: БКРС 1983–1984, т. 2, с. 899.

⁵ См.: там же, с. 753.

⁶ См.: там же, с. 525.

⁷ См.: там же, т. 4, с. 202.

⁸ См., например: The Tang Code 1979, p. 5.

⁹ Синь Тан шу 1975, с. 1407.

династии Тан «Тан люй шу и» предложил весьма условно, зато единообразно, называть законы *люй*, *лин*, *гэ* и *ши* соответственно уголовными, общеобязательными, нормативными и внутриведомственными установлениями. В этих формулировках я нарочито старался избегать употребления термина «закон», поскольку его непосредственный китайский аналог *фа* значительно более многогранен и широк по смыслу, нежели то, что в данном случае имеется в виду (это можно увидеть даже из приведенной выше цитаты). *Фа* — это законы как таковые, законы как принцип, как альтернатива неписаным нормам морали или вообще организационному хаосу, произволу, основанному на минутных пристрастиях и колебаниях правителя. *Люй*, *лин*, *гэ* и *ши* — это конкретные законодательные установления четырех разных типов, призванные упорядочивать четыре строго определенных сферы человеческой и государственно-административной активности.

Уголовные установления *люй*

Знаменитый «Тан люй шу и» — «Уголовные установления Тан с разъяснениями», или, в просторечии, танский кодекс, — являлся, как видно уже из самого названия, собранием уголовных установлений танского правительства, т.е. тех, что должны были устрашать потенциальных преступников страхом неотвратимого и заранее известного наказания, тех, с помощью которых государственной администрации различных уровней надлежало вразумлять и наказывать подданных, запятнавших себя совершением неправильных, отклоненных от одобряемого стандарта поступков. В силу того, что некие действия физически могли быть совершены, но морально не могли быть одобрены, за каждым из заранее предусмотренных действий такого рода были заранее закреплены наказания той или иной строгости.

Ко времени воцарения великой династии Тан процесс правотворчества насчитывал в Китае уже много веков, и каждая династия вносила в него что-то новое, свое. Но от тех эпох до нашего времени дошло очень мало правовых текстов. От Тан тоже дошло отнюдь не всё, но разница тем не менее принципиальна. И это можно считать неслыханной удачей китаистики, потому что именно при Тан долгий период созревания, формирования права, его адаптации к китайским культурным и социально-политическим реалиям наконец вполне завершился. То, что было сделано в этой области при династии Тан, явилось, с одной стороны, результатом долгого и многогранного развития, увенчанием вековых усилий, итогом многочисленных кодификаций, а с другой — основой и образцом для всего последующего развития уголовного права как в Китае вплоть до свержения монархии в 1911 г., так и во всей Юго-Восточной Азии, во всех странах, находившихся в сфере китайского культурного влияния, — Японии, государстве тангутов Си Ся (1032–1227), Корее, Вьетнаме.

Начало длительному, многоэтапному процессу создания величайшего правового памятника было положено сразу после прихода к власти основателя

танской династии Ли Юаня, императора Гао-цзу (прав. 618–627). Едва утвердившись в столице, он отменил действие наиболее жестоких законов предшествовавшей Тан династии Суй (581–618). То, что бесчеловечность ее последнего правителя и принятых при нем уголовных норм вызывала всеобщее возмущение, стало в Китае притчей во языцех. Был введен временный короткий кодекс (всего лишь из двенадцати статей). Смертную казнь Гао-цзу оставил только для преступников, повинных в измене, убийстве человека, грабеже и дезертирстве из его армии¹⁰.

Этой реформы было явно недостаточно, и в первый же год правления Гао-цзу повелел одному из наиболее высокопоставленных своих сподвижников, Лю Вэнь-цзину, самому, подобрав себе помощников, составить проект полноценного уголовного кодекса, имея образцом свод законов, принятый при Суй в годы правления Кай-хуан (589–600), т.е. в первые, относительно спокойные годы династии. При самой Суй кодекс Кай-хуан был в 607 г. заменен кодексом годов правления Да-е (605–617), от суровых предписаний которого Гао-цзу и поспешил избавиться сразу после прихода к власти¹¹. Кодекс на основе законов Кай-хуан был составлен, но модифицированными оказались лишь 53 статьи. Например, все три вида ссылки (наказание ссылкой подразделялось на три степени в зависимости от дальности высылки) были утяжелены добавлением 1000 *ли* (ок. 500 км) к первоначально полагавшимся расстояниям. Зато входившие в каждую из разновидностей принудительные работы по месту ссылки были резко облегчены: вместо 3 и 2,5 лет работ ко всем ссылкам присовокуплялся отныне только один год¹². Эти нормы были введены в действие в том же году, а затем постепенно была создана развернутая версия на основе кодекса Кай-хуан из 500 статей (что практически совпадает с окончательным вариантом танского кодекса, включающего 502 статьи). Эта версия была провозглашена в 624 г., но, по-видимому, за исключением этих 53 модифицированных статей, она в остальном копировала кодекс Кай-хуан¹³. Надо полагать, это мало кого могло устроить в наступившую новую эпоху — эпоху стабилизации и процветания.

С воцарением следующего императора Тан — великого Тай-цзуна (прав. 627–650) работа по созданию нового кодекса была продолжена. По-видимому, она ориентировалась на максимально возможное в рамках тогдашних воззрений смягчение наказаний и приведение предписаний кодекса в соответствие с реальной практикой управления и быта. В 637 г. известный ученый Фан Сюань-лин возглавил комиссию по очередному пересмотру, завершившемуся уменьшением наказаний за 92 преступления, ранее наказывавшиеся смертью (они ста-

¹⁰ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 1а; Синь Тан шу 1975, с. 1408.

¹¹ Есть, правда, основания полагать, что этот как бы неоспоримый факт является лишь поздней идеологемой. Э. Балаш приводит данные, согласно которым уголовный кодекс, принятый при Ян-ди, — кодекс годов Да-е — был на самом деле по многим показателям более мягким, нежели предшествовавший ему кодекс годов Кай-хуан, см.: Balazs 1953–1954, p. 89–92). Но, понятное дело, после свержения тирана не должно было обнаруживаться ничего хорошего.

¹² См.: Синь Тан шу 1975, с. 1408.

¹³ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 1б.

ли наказываться ссылкой), и 71 преступление, прежде наказывавшиеся ссылкой (теперь они стали наказываться каторгой)¹⁴.

Проводились и иные модификации. Например, ранее, уже при самой Тан наказание 50 различных преступлений, за которые прежде полагалась смертная казнь удушением, было смягчено, и в качестве послабления за те же преступления была предписана казнь отрезанием правой стопы¹⁵. Теперь на случай совершения тех же преступлений она была еще более смягчена — ее заменили на утяжеленную тремя годами работ ссылку максимальной предусмотренной законом дальности, так называемую ссылку с дополнительными работами (*цзю и лю* 加役流). Похоже, этой радикальной реформе предшествовали бурные споры относительно того, не чрезмерно ли такое милосердие¹⁶.

На протяжении следующих лет под руководством близкого родственника императора, одного из влиятельнейших сановников той эпохи — Чжансунь У-цзи, совершалась дальнейшая работа. Вдобавок к статьям *люй* были написаны пространные разъяснения *шу и*, подробно растолковывавшие и уточнявшие положения статей, а порой и присовокуплявшие к ним идеологические и культурологические обоснования. Очередные пересмотренные варианты кодекса вводились в 651 и 653 гг.; вариант 653 г. оказался практически окончательным¹⁷.

Существующие в наше время версии кодекса «Тан люй шу и» восходят к его изданию 737 г. — но, по всей видимости, текст этого издания копировал текст 653 г.; во всяком случае, мы не имеем никаких свидетельств о том, что те или иные положения кодекса за это время как-то пересматривались¹⁸. Ни одного варианта, напечатанного собственно в танское время, не сохранилось. Уцелевшие с той эпохи фрагменты в некоторых деталях отличаются от известных нам полных вариантов, но эти отличия несущественны¹⁹.

Характеризуя танские уголовные законы самым общим образом, надлежит сказать следующее.

Человек всегда хотел управлять природой или хотя бы встать с нею вровень — но в те времена, когда до реальных рычагов воздействия на природные стихии было еще далеко, он добивался равновеличия с ними хотя бы в собственных глазах.

Смирненно ощущать, будто он значит для вселенной ровно столько же, сколько любое другое животное, человек с его амбициями просто неспособен, особенно на ранних стадиях цивилизации, когда никаких реальных доказательств его скромной роли наука дать не могла. Человек видел себя гипертрофированно значимым в космосе; ощущая и понимая всю свою зависимость от космоса, всю значимость космоса для себя, он просто не мог и себя видеть иначе, не-

¹⁴ См.: Синь Тан шу 1975, с. 1410; см. также: The T'ang Code 1979, p. 39.

¹⁵ Возможно, лишь пальцев на правой стопе.

¹⁶ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 26; Синь Тан шу 1975, с. 1409.

¹⁷ См.: The T'ang Code 1979, p. 39.

¹⁸ См.: Кычанов 1986, с. 8.

¹⁹ См.: The T'ang Code 1979, p. 40.

жели значимым для космоса. Вообразить мир иначе оказалось бы просто невыносимо, а значит, и в голову не приходило²⁰.

Но, поскольку человек естественным образом ощущал гармонию между миром и собой как гармонию более или менее равных элементов целого, а при этом еще и рассчитывал на благожелательность мира²¹, он взамен вполне всерьез повышал при этом требования к самому себе.

Представление о том, что поведение людей может по каналам неких соответствий, отражений, откликов вызывать реакцию мироздания, присуще всем ранним культурам. И в традиционном Китае, как это часто бывало и бывает, субъективные иллюзии культуры вели к объективному социальному благу. Видя себя и свои представления как органичное продолжение природного мира, а природный мир — как органичное продолжение своей культуры и морали, человек наделял природу абсолютной моральностью, а потом всерьез старался ей соответствовать. Уверовав в существование обоюдной резонансной связи, он неизбежно должен был начать беречь гармоничную моральную вселенную от собственной аморальности, которая могла, нарушая мировую гармонию, через дисгармонизацию природы больно ударить рикошетом по самому же человеку. Мания величия в традиционных культурах оборачивалась манией не безответственности, но — ответственности.

Такая ответственность не могла реализовываться иначе, нежели через тщательное соблюдение моральных норм, являвшихся порождениями данной культуры со всей ее спецификой. Приписывая природе моральность, человек неизбежно приписывал ей моральность именно своей культуры, той, внутри которой находился он сам и которую полагал единственной.

Возвращаясь к анализу китайского традиционного уголовного права, в частности танского, можно сказать, что главной непосредственной задачей применяемого уголовного закона являлось устранение искажений из гармонично функционирующего триединого континуума Небо–Земля–Человек.

Чем более высокое положение занимает индивидуум, тем больше его роль в этом функционировании, тем, следовательно, больше воздействуют на континуум в целом его индивидуальные действия. Ответственнее всех, разумеется, император; от его правильных или неправильных действий напрямую зависит природный баланс. Окончательное утверждение подобной концепции связывается с именем ученого времен династии Хань — Дун Чжун-шу (179?–104? до н.э.).

Проступки и преступления менее значительных персон, разумеется, не влекли за собой глобальных последствий, но и они воздействовали на приро-

²⁰ Вполне современным рудиментом такой убежденности является, возможно, нынешняя уверенность в том, что глобальное потепление вызывается всего-то лишь нашей экологической неряшливостью. Да, мол, мы ведем себя неправильно, незаботливо, нерачительно — но ведь все равно прежде всего нам *лестно* сознавать, будто наша неряшливость может иметь планетарную мощь. Из этого однозначно следует, что, стоит нам стать заботливыми, это тоже почувствует сразу вся планета — и неприятные для нас явления разом прекратятся.

²¹ Грех не упомянуть, что ныне эта архаичная надежда на заботливость вселенной к человеку парадоксальным образом подтверждается антропным принципом астрофизики.

ду негативно. Следовательно, они должны были быть скомпенсированы наказанием, равным преступлению по силе воздействия на природу. Такое равенство являлось обязательным условием применения наказаний, поскольку в противном случае они не восстанавливали бы нарушенную преступлением гармонию, понимаемую как вселенская справедливость²², а лишь еще сильнее вредили бы ей. Наказания, принадлежащие к женской, темной стихии *инь*, при чрезмерно частом употреблении или несоразмерной суровости могли привести к непропорциональному распуханию *инь* в мире, вполне способному вызывать стихийные бедствия — наводнения, эпидемии, засухи, а то и нашествия саранчи. И когда подобные бедствия начинали превышать средненормальный уровень, это воспринималось как реальная реакция со стороны мироздания — бесстрастного, но обязанного на определенный раздражитель отвечать вынужденно суровым образом. И тогда императору, услышавшему неодобрительный окрик Неба, приходилось смягчать законы, объявлять амнистии и пр.

Карательная санкция не была, в сущности, наказанием, вразумлением или возданием — хотя в каком-то смысле была и тем, и другим, и третьим. Важнейшей составляющей пенитенциарной активности было восстановление мировой гармонии, компенсация урона, наносимого мирозданию преступлениями. И само применение таких компенсаций ни в коем случае не должно было быть чрезмерным, чтобы не привести к прямо противоположным результатам.

Вот, например, как увещевал в своем докладе танскую императрицу У-хоу (прав. 684–705) один из ее приближенных, полагая, что высшая власть попустительствует тем, кто злоупотребляет жестокими наказаниями:

Несправедливо обвиненные стонут и вздыхают, и чувства их нарушают мировую гармонию. Мировая гармония приходит в беспорядок, и на живущих рушатся поветрия, за ними следуют наводнения и засухи, и наступают лихие годы. Люди теряют занятия... страх охватывает все живое. В последние годы солнце палит не вовремя и облака не дают дождя. Землепашцы выпускают сохи из рук и, тяжело вздыхая, смотрят на небо. Как же тут не сожалеть о том, что Вы, Ваше Величество, обладая благой силой дэ, не распространяете ее на людей!²³

Эта концепция явилась существеннейшей причиной, обусловившей стремление танских юристов с максимальной тщательностью и однозначностью устанавливать соответствие наказаний не только разнообразным преступлениям, но и разнообразным обстоятельствам, при которых данные преступления могли совершаться. Дотошность тогдашних правотворцев просто удивительна. Но не менее удивительна и точность, с которой предписывалось явившееся результатом многоступенчатых уточнений конечное наказание.

²² Которая, правда, мыслилась отнюдь не как учет неким субъектом действия неких неотъемлемых прав объектов его воздействия, но просто как совершение всеми всех их действий надлежащим образом, не по прихоти своей, а согласно великим неизменным нормам.

²³ Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 9а.

Коль скоро все ситуационные и количественные характеристики преступления были путем следственных мероприятий однозначно определены, а затем в формулу уголовной статьи подставлены, судья должен был получить, по сути, совершенно точный, единственно возможный результат. Всякое отклонение от него, всякое проявление собственной гибкости уже, в свою очередь, начинало считаться правонарушением. Каждая из специальных статей танского кодекса может быть уподоблена математической формуле по типу « a , умноженное на b , возведенное в степень c и деленное на d , равно e ». Скажем, a — это конкретный субъект преступления (дееспособный, например, или нет, чиновник или простолюдин, лично свободный или лично зависимый и др.), b — это конкретная стоимость присвоенного им имущества, c — способ присвоения (например, с применением или без применения насилия) и d — наличие или отсутствие между субъектом и объектом преступления каких-либо родственных или субординационных связей (например, кража состоялась внутри семьи или украденное было вверено данному чиновнику-вору по службе). Понятно, что e в этой ситуации не могло быть расплывчатым, как в современных уголовных законах; танское право не допускало никаких «от трех лет каторги до пяти», «от шестидесяти палок до восьмидесяти». Формула давала однозначный результат и не могла иначе. Ничто не могло быть оставлено на произвол судьбы. Ведь если бы он ненароком принял неправильное, не выверенное лучшими умами империи решение, реки, чего доброго, вышли бы из берегов и погубили урожай.

Этичность уголовных законов Тан, с одной стороны, и однозначность их предписаний — с другой, дают исследователю уникальную возможность численного сопоставления тех или иных этических норм того времени, выстраивания их четкой иерархии, как бы их взвешивания. Можно сказать, что количество назначаемых лет каторги или палок может применительно к требованиям традиционной конфуцианской морали рассматриваться как некий аналог атомного веса в химии или, скажем, длины электромагнитной волны в физике.

Общеобязательные установления *лин*

Создание танских *линов* происходило параллельно созданию уголовных установлений *люй*, хотя по понятным причинам отражению этого процесса уделялось несколько меньше внимания. Работа над *линами* просто упоминается в паре с работой над *люй*. Например: первый император Тан Гао-цзу, вступив на престол,

...повелел... обривизовать и отредактировать установления *люй* и установления *лин*²⁴.

Или:

В 4-й год под девизом правления У-дэ (618–626) снова повелел... заняться написанием установлений *люй* и установлений *лин*²⁵.

²⁴ Синь Тан шу 1975, с. 1409.

²⁵ Там же.

Одновременно с уже упоминавшимся пересмотром уголовных установлений, выразившимся в замене в 92 статьях смертной казни на ссылку, а в 71-й статье — ссылки на каторгу, было сформулировано и утверждено 1546 статей общеобязательных установлений²⁶. Позже, в 11-м году под девизом правления Чжэньгуань (627–649) общеобязательных установлений оказалось уже 1590 статей, разбитых на 30 глав; в первом месяце указанного года они были обнародованы²⁷.

К этому времени свод уголовных установлений достиг своего завершающего варианта; возможно, нечто подобное произошло и с собранием *линов*. Фундаментальный регламент для всей империи был разработан и утвержден. В нем до тонкостей были расписаны все стороны социального бытия. Текущая, более тонкая и оперативная регулировка жизни управленческого аппарата и управляемого населения совершалась уже при помощи иных установлений — *ээ* 格 и *ши* 式.

Если танские *люй* сохранились практически полностью, пусть и с какими-то разночтениями, то установления других трех групп, к сожалению, практически полностью были утеряны.

В случае с общеобязательными установлениями *лин*, однако, положение удалось в значительной степени восстановить. Два основных фактора способствовали тому, что *лины* времен Тан нам ныне доступны: во-первых, выдержки из них часто и пространно цитировались в китайских источниках того времени, и, во-вторых, танские *лины*, так же как и танские *люй*, послужили образцами для многих сопредельных стран, в частности для Японии, и в Японии сохранились²⁸.

Например, в самом «Тан люй шу и» танские *лины* процитированы, причем достаточно связно, более полутора сотен раз. На них, как на авторитетное предписание относительно того, как надо жить, ссылались творцы уголовных законов, обосновывая закрепление того или иного уголовного наказания за поведением, нарушающим содержащиеся в *линах* предписания, т.е. суля кару за то, как жить не надо. И, кроме того, на общеобязательные установления зачастую было просто удобно сослаться, характеризуя то или иное официальное поведение либо ту или иную официальную структуру — вместо того, чтобы заново описывать их своими словами. Здесь и указания на то, что:

...согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, на откуп от смертной казни отводится 80 дней, от ссылки — 60 дней, от каторги — 50 дней, от наказания тяжелыми палками — 40 дней, от наказания легкими палками — 30 дней²⁹.

Или что:

²⁶ См.: там же, с. 1410.

²⁷ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 36.

²⁸ Хорошее представление о тогдашних японских *линах* — *рё* дает на русском языке перевод К.А. Попова, см.: Свод законов «Тайхорё», 1985–1989.

²⁹ Тан люй шу и, ст. 493; см. также: Уголовные... 2008, с. 219.

Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, тем, кто имеет 5-й ранг или выше, при совершении ими [наказуемых смертной казнью преступлений], не входящих в Злостную строптивость, или более тяжелых, разрешают покончить с собой дома³⁰.

Или, с другой стороны, что:

...согласно общеобязательным установлениям, тем, кто занимает служебные должности 5-го ранга и выше или же имеет награжденные должности 3-го ранга и выше, полагается личная охрана и домашняя стража³¹.

Или:

Согласно общеобязательным установлениям, 50 дней работы совершеннолетнего тяглого мужчины могут идти в зачет налогов и повинностей соответствующего года и полностью избавить от них³².

Или:

Согласно общеобязательным установлениям о семейном хозяйстве, при подозрении на притворство возраст и состояние определяют, исходя из внешнего облика³³.

Или:

Согласно общеобязательным установлениям, Семь причин для выдворения жены таковы: первая — бездетность, вторая — распутство, третья — неуслужливость по отношению к свекру и свекрови, четвертая — длинный язык, пятая — вороватость, шестая — ревнивость, седьмая — неизлечимая болезнь³⁴.

Или:

Согласно общеобязательным установлениям о конюшнях и пастбищах, на всех пастбищах доля потерь от смертей разнообразных животных ежегодно определяется из сотни голов. Допустимая убыль верблюдов составляет 7 голов, мулов — 6 голов, коней, быков, ослов, черных баранов — 10, а белых баранов — 15³⁵.

Эти примеры можно множить и множить, и все они, пусть и фрагментарно, относительно хаотически, содержат интереснейшую конкретную информацию о том, как день за днем жила страна на всех ее уровнях, во всех ее проявлениях: и в государственных учреждениях, и на производстве, и в быту.

³⁰ Тан люй шу и, ст. 499; см. также: Уголовные... 2008, с. 231.

³¹ Тан люй шу и, ст. 6; см. также: Уголовные... 1999, с. 80.

³² Тан люй шу и, ст. 44; см. также: Уголовные... 1999, с. 242.

³³ Тан люй шу и, ст. 55; см. также: Уголовные... 1999, с. 281.

³⁴ Тан люй шу и, ст. 189; см. также: Уголовные... 2001, с. 177.

³⁵ Тан люй шу и, ст. 196; см. также: Уголовные... 2001, с. 194.

Чего стоит, например, ссылка на общеобязательное установление, данная в статье, которая устанавливала наказание за устроение свадьбы в ту пору, когда отец или мать либо дед или бабушка по мужской линии находится за совершение какого-либо преступления в тюрьме³⁶. Наказание за такой брак варьировалось в зависимости от того, насколько тяжким было преступление, в котором обвиняли пребывающего под следствием предка, — ибо от тяжести преступления зависела, естественно, тяжесть наказания, а вот уж от нее напрямую зависел уровень скорби, которую надлежало испытывать в такое время потомку, вместо того чтобы весело стремиться к личному счастью посредством собственной свадьбы. Одно и то же веселье, поскольку оно могло идти вразрез со скорбью различных уровней, могло тем самым демонстрировать различные уровни аморальности. Если тот, кто находился в тюрьме, совершил наказуемое смертью преступление (т.е. ему грозила смертная казнь), новобрачный получал 1,5 года каторги. Если тем, кто в тюрьме, было совершено преступление, наказуемое ссылкой, новобрачному полагался один год каторги. Если же предок находился в заключении из-за преступления, наказуемого каторгой, наказание за свадьбу было 100 ударов тяжелыми палками.

Так вот, если брак этот заключался не своей волей, а согласно повелению того самого отца или деда по мужской линии, который находился в тюрьме, вина за такое поведение на брачующегося не возлагалась — ведь он не шел на поводу у собственных вожделений, а послушно выполнял волю предка, пусть и преступного, но отнюдь не утратившего из-за пребывания под следствием своих полномочий и своей ответственности за устроение дел семейных. Но далее в статье лаконично говорится:

Однако, согласно общеобязательным установлениям, нельзя устраивать свадебный пир³⁷.

Другими словами, жениться можно, но веселиться — нет. И это существеннейшее и очень симптоматичное ограничение вводилось именно общеобязательным установлением.

Этика должна была быть единообразной. Иначе это уже не этика, а хаос, мешанина личных предпочтений и прихотей.

Колоссальная работа по вычленению подобного рода ссылок и цитат из всего круга доступных китайских источников, а также их последующего структурирования с учетом структуры сохранившихся японских *линов* была принята именно в Японии. Корпус цитат удалось дополнить еще и разрозненными текстами некоторых оригинальных *линов*, обнаруженных археологами, и получившийся в результате свод, собранный Ниидой Нобору и опубликован-

³⁶ Когда в кодексе говорится «под арестом в тюрьме» (*бэй цю цзинь* 被囚禁), это надо понимать «под следствием», так сказать «в КПЗ». Тюремное содержание как собственно наказание за преступление танскими законами не предусматривалось.

³⁷ Тан луй шу и, ст. 180; см. также: Уголовные... 2001, с. 164.

ный в 1933 г., стал неоценимым источником относительно танских законов группы *лин*³⁸.

Как и *люй*, *лины* группировались тематически. Уголовные установления легче всего было классифицировать по сферам преступных деяний: нарушения в области охраны императорских резиденций, в области отправления гражданской служебной деятельности, в области военного управления, в области домашнего хозяйства и семейных норм, в области охраны личности или имущества и пр. Общеобязательные установления группировались по областям позитивной деятельности: структурирование элиты или государственных учреждений, землепользование, домашнее хозяйство, всеобъемлющий этикет, к которому относились и такие важные сферы, как правила участия в императорских аудиенциях или, наоборот, предоставление нерабочих дней по случаю общегосударственных праздников либо личных событий (смерть старших родственников, совершеннолетие или женитьба отпрысков и пр.).

Некоторые из разделов свода Нииды Нобору весьма невелики: скажем, раздел «Штатное расписание гвардий» содержит всего лишь два предписания, да и то прискорбно лаконичных: единственное по-настоящему информативное из них гласит, что для каждой из гвардий предусматривалась одна должность главнокомандующего (*да цзянцзюнь* 大將軍) и две должности командующих (*цзянцзюнь* 將軍), причем командующие должны были помогать главнокомандующему и при необходимости подменять его³⁹. Зато, например, такой раздел, как «Поля», содержит массу ценной информации об организации землепользования, от определения размерности единиц площади⁴⁰ до размеров земельных участков, выделявшихся чиновникам провинциальных административных единиц различного уровня согласно их рангам⁴¹, и даже нормирования использования тягловых животных при обработке земли в военных поселениях в зависимости от качества почвы⁴².

При ознакомлении с общеобязательными установлениями возникает поразительная картина тотально регламентированной социальной жизни, всегда снабженной статучинальными и функциональными маркерами. Современному человеку попытка ввести жизнь в предписанные для всех единые, вдобавок весьма жесткие, рамки может показаться безумной или по меньшей мере безумно бесчеловечной. Но такое маркирование имело важнейшие функции. Во-первых, его целью было благое намерение уподобить мелочную, сумбурную суету людей великой и неизменной гармонии мироздания с тем, чтобы и сами люди могли наслаждаться тем же покоем, той же неизменностью, что свойственны мирозданию. Во-вторых, создать положение, при котором всякий знал бы сразу, с кем и при каких обстоятельствах его столкнула судьба, чтобы не запутаться и по неведению или торопливости не совершить каких-то

³⁸ См.: Ниида Нобору 1964.

³⁹ См.: там же, с. 144.

⁴⁰ См.: там же, с. 607.

⁴¹ См.: там же, с. 647–648.

⁴² См.: там же, с. 656.

стациональных или поведенческих нарушений. Если вспомнить все это, тогда становится очевидно, что ничего иного, как попытаться сформулировать тотальный регламент, танским законодателям просто не оставалось.

Например, если на дороге встречались чиновники разных рангов, то чиновник 4-го ранга или ранга более низкого обязательно должен был сойти наземь при виде чиновника 1-го ранга. Аналогично обязаны были поступать, например, начальники любого из отделов Правительствующего учреждения империи (*шаншушэн* 尚書省) при встрече с руководителями данного учреждения⁴³.

В рамках тогдашних представлений соблюдение этого правила вовсе не было самодурством или проявлением невообразимой кичливости начальства, но, напротив, стремлением соблюсти глобальную правильность, всеобъемлющую регулярность даже в мелочах и тем хоть немного, да внести лепту в предотвращение возможных стихийных бедствий или эпидемий, другими словами — обеспечить народу и стране благосостояние и покой.

Но, чтобы такое правило не осталось пустым звуком, а могло бы реально работать, необходимо было создать положение, при котором все эти чиновники с первого взгляда были бы в состоянии опознать ранг, а то и место работы друг друга. А это влекло за собой столь же строгую регламентацию в одеяниях, экипажах, почетном эскорте и пр.

В *линах* не назначалось наказаний за нарушение того, что ими предусматривалось; это были предписывающие установления, а не перечисление предугадываемых нарушений с установлением за них эквивалентных мер воздаяния, как в случае с *люй*. Зато в самих *люй* была предусмотрена специальная статья за несоблюдение *лин*, согласно которой тот, кто нарушил общеобязательное установление, содержащее некое предписание или некий запрет, должен был быть наказан 50 ударами легкими палками. На случай нарушения внутриведомственных установлений *ши* 式 также предусматривалось наказание, но более легкое — 40 ударов легкими палками⁴⁴.

Этим, впрочем, дело не исчерпывалось, поскольку некоторые *лины*, особо важные для поддержания наглядного порядка в социуме, были, что называется, «равнее прочих». Другая статья кодекса предусматривает за их нарушение более тяжелое наказание:

Всякий, кто возвел или изготовил дом, постройку, экипаж, одеяние, предмет утвари или вещь, равно как могильный холм, каменное изваяние в виде животного и тому подобное в нарушение общеобязательных установлений, наказывается 100 ударами тяжелыми палками⁴⁵.

То есть, другими словами, намеренное нарушение социально маркирующего общеобязательного установления, способное дезинформировать окружающих относительно статуса данного лица, посягательство на видимые при-

⁴³ См.: там же, с. 493; см. также: Рыбаков 2009, с. 169–171.

⁴⁴ Тан люй шу и, ст. 449; см. также: Уголовные... 2008, с. 112.

⁴⁵ Тан люй шу и, ст. 403; см. также: Уголовные... 2008, с. 34.

знаки иного статуса каралось тяжелее нарушений прочих общеобязательных установлений. Нарушение визуальных социальных кодов было недопустимым проявлением недостатка человеколюбия, ибо оно было чревато погружением общества в хаос и возникновением его общего диссонанса со вселенной.

Дальше в той же статье уточняется, что, даже если была провозглашена амнистия, освобождавшая виновного от наказания, это никоим образом не давало ему права на пользование незаконно присвоенными маркерами чужого статуса: неправильное жилище, неправильная одежда и т.д. должны были быть перестроены или удалены. Исключение касалось только могил: если кто-то соорудил почившему предку надгробие не по статусу, тревожить умершего все же не следовало. Пиетет предков перевешивал здесь значимость дресс-кода; но, возможно, такое послабление могло быть истолковано и вполне прагматически — ведь сбой в программировании человеческого поведения относительно могил реально был куда менее значимым, чем сбой, например, в программировании поведения двух живых и функционирующих чиновников относительно друг друга.

Очень характерно, что в статье ни слова не сказано о посягательстве на маркеры именно и только более высокого статуса. Говорится о несоответствиях как таковых, в любую сторону равно. Не вводится и разделения тяжести наказаний за посягательство на более высокие и более низкие маркеры. Закону в данном случае, похоже, было все равно, оделся ли нарушитель князем или нищим. Важно то, что он оделся не как подобает. Его нельзя опознать, классифицировать, с первого взгляда соотносить с требованиями вести себя с ним как должно.

Текст основной статьи кодекса о нарушениях *линов* вводит немаловажную оговорку:

...Имеется в виду, что в общеобязательном установлении содержится запрет или предписание, а в уголовных установлениях за их нарушение не предусмотрено определенного наказания⁴⁶.

Это значит, что наказание 50 ударами легкими палками за нарушение общеобязательного установления назначалось только в том случае, если запрет или предписание, введенные данным *лином*, не были повторены в каком-либо виде текстами статей уголовного кодекса и за них не было назначено специально оговоренного наказания.

Дело в том, что часто бывало наоборот. Например:

Согласно общеобязательным установлениям, те, кто направлен к месту службы, получают время, отведенное на сборы. Тот, кто по истечении срока еще не отправился, за 1 день наказывается 10 ударами легкими палками. За каждые последующие 10 дней наказание увеличивается на 1 степень. Увеличение наказания ограничивается 1 годом каторги⁴⁷.

⁴⁶ Тан луй шу и, ст. 449; см. также: Уголовные... 2008, с. 112–113.

⁴⁷ Тан луй шу и, ст. 96; см. также: Уголовные... 2001, с. 22.

В *линах* по этому поводу говорится:

Всем провинциальным чиновникам, получившим назначение, предоставляется отпуск на сборы. Если место назначения расположено в пределах 1000 *ли* — 40 дней, если в пределах 2000 *ли* — 50 дней, если в пределах 3000 *ли* — 60 дней, если в пределах 4000 *ли* — 70 дней, если более чем в 4000 *ли* — 80 дней⁴⁸.

Таким образом, данное общеобязательное установление содержит предписание, но нарушение этого предписания, если оно было коротким, могло быть наказано легче 50 ударов легкими палками, а если затягивалось, наказание могло серьезно превысить то, что предписывалось, вообще говоря, за невыполнение общеобязательного установления.

Или: согласно общеобязательным установлениям, наблюдатель, увидев странности ветра, облаков, испарений или освещения, обязан был подать тайную запечатанную докладную записку на Высочайшее имя⁴⁹. Наблюдение и толкование небесных знамений было в танском Китае делом государственной важности и, соответственно, секретности, ибо именно через знамения (если только дело не доходило до крайности и не приходилось воздействовать стихийными бедствиями) Небо выражало свое мнение относительно деятельности правящего императора. Понятно, что интерпретировать выражение этого мнения, расшифровывать послания Неба могли только квалифицированные люди, находившиеся на специальном счету. Поэтому нарушение данного общеобязательного установления каралось отнюдь не 50 ударами легкими палками, а попадало под действие статьи о разглашении дел, которые надлежит хранить в тайне. Соответствующая уголовная статья посвящена главным образом разглашению секретных планов военных или специальных операций, однако в разряд дел небольших, но секретных было включено и наблюдение необычных атмосферных явлений. Тот, кто не направлял вверх тайную запечатанную докладную записку, а разглашал итоги своих наблюдений, наказывался 1,5 годами каторги⁵⁰.

Конечно, встает вопрос, насколько точно и постоянно соблюдались все эти бесчисленные регламентирующие правила. Надо думать, в том, что касается чиновников и учреждений, равно как и их рутинной деятельности, соответствие буквы установлений и духа живой жизни было весьма велико. На нижних же уровнях, как всегда, возможны были варианты; ситуации, когда закон сам по себе, а быт сам по себе, никого не могут удивить и отнюдь не являются признаком того, что закон не работает, что он не соответствует жизни, что он превратился в формальность. Просто следует помнить, что зазор всегда возможен и это, в сущности, нормально.

Впрочем, видный китаевед Д. Твитчетт полагает:

⁴⁸ Ниидэ Нобору 1964, с. 749–750.

⁴⁹ См.: там же, с. 847.

⁵⁰ Тан луй шу и, ст. 109; см. также: Уголовные... 2001, с. 42.

...На протяжении Тан предписания уголовного кодекса вряд ли исполнялись с точностью до буквы, в то время как статуты... похоже, строго проводились в жизнь⁵¹.

Если вспомнить давнее противоборство конфуцианской концепции управления при помощи морали и легистской — при помощи законов, которые затем, слившись, породили синтетическую концепцию, согласно которой мораль и законы представляли собою лишь две стороны единства, сродни стихиям *ян* и *инь*, можно сказать, что в какой-то мере двуединая система *люй* и *лин* стала правовым воплощением этого единства.

Мораль побуждает действовать правильно и подсказывает, как должна выражаться эта правильность, а закон подкрепляет требования морали страхом наказания за их несоблюдение, когда моральные побуждения пасуют перед корыстью, эгоизмом или простой необразованностью, из-за которой человек пусть и хотел, да не сумел быть хорошим. Общеобязательные установления являлись предельно формализованным и стандартизованным воплощением побуждений морали, вводили правильное поведение в строго определенные рамки. Чиновников в учреждениях ровно столько, сколько надо для оптимального выполнения дел. Каждый из них получает в соответствии со своим рангом ровно такое жалованье, какое справедливо. Каждая семья получает ровно столько земли, сколько ей надлежит иметь. Каждый человек носит траур по родственникам строго определенным образом, точно учитывая близость родства, чтобы ни в коем случае проявления скорби по дальним не могли сравниться с проявлениями скорби по ближним. И так далее, и так далее... Уголовные же установления постоянно стояли рядом в полной боевой готовности на случай, если по небрежению или тем более из корысти, неприязни или по злобе кто-то решился нарушить означенные нормы. Поэтому в *люй* предусмотрены наказания и на случай сверхштатного назначения чиновников, и на случай нарушения норм землепользования, и на случай нарушения сроков траура.

Конечно, строгой параллельности этих двух рядов не было и быть не могло. Прежде всего потому, что далеко не все требования морали могли быть формализованы. Более того, не могли быть формализованы ее главные требования. Общеобязательными установлениями типа *лин* незачем было, например, предписывать не убивать, не воровать, не поджигать соседский дом или, например, не портить водозащитные дамбы. Это как бы само собой разумелось для всех в равной мере. Не убий — не жанр императорских указов. Но огромная часть уголовных установлений посвящалась наказаниям нарушений именно норм морали, обеспечивающих элементарные взаимные гарантии в обществе. Поэтому наказания были предусмотрены и за убийство, и за кражу, и за поджог, и за порчу дамб.

Однако там, где мораль поддавалась количественному исчислению, как, например, в случаях с наделами земли или сроками траура, или, скажем, точ-

⁵¹ Twitchett 1957, p. 29.

ному маркированию, как в случаях с одежаниями, без *линов* оказывалось невозможно обойтись, и тогда *люй* и *лин* действительно становились двумя параллельными элементами бинарной совокупности.

Нормативные установления *гэ*

Относительно двух других видов установлений — нормативных и внутриведомственных — мы знаем гораздо меньше, потому что они практически не сохранились. Есть лишь весьма узкий круг цитат из них, которые можно обнаружить в тех или иных источниках, да несколько случайно сохранившихся, археологами найденных фрагментов — и то относительно некоторых из них до сих пор идут споры, является ли данный отрывок без начала и конца отрывком, скажем, *гэ* или нет.

Работа над нормативными установлениями была по меньшей мере столь же интенсивной, что и работа над *люй* и *лин*.

Уже во 2-м году под девизом правления У-дэ (618–626), т.е. на второй год царствования первого императора Тан, были обнародованы новые *гэ* в 53 статьях, посвященные различным преступлениям чиновников, наказания за которые не могли отменяться или облегчаться амнистиями⁵². В 11-й год под девизом правления Чжэнь-гуань (627–649), на пике великого царствования второго императора Тан Тай-цзуна, наряду с выпуском 30 глав *линов* было проанализировано свыше 3000 императорских указов годов правления У-дэ и более поздних и на их базе сформулировано и издано 700 *гэ*⁵³ в 18 главах⁵⁴. В 3-й год под девизом правления Кай-юань (713–741) были изданы *гэ* периода Кай-юань, а в 25-м году того же периода — новые *гэ* из 1000 статей⁵⁵. 18 глав были изданы в период Юн-хуй (650–655), причем с этого момента нормативные установления начали подразделяться на *гэ* для столичных учреждений, или, если переводить китайский термин *люсыгэ* 留司格 более дословно, на нормативные установления, остающиеся в учреждениях, и *саньбаньгэ* 散頒格, т.е. рассылаемые, распространяемые *гэ* — нормативные установления для местной администрации округов и уездов. В «Цзю Тан шу» разница разъясняется так:

...Те, в которых трактовалось о служебном распорядке отделов и приказов, назывались *люсыгэ*, а те, которые рассылались по Поднебесной, общие для всех, назывались *саньбаньгэ*. *Саньбаньгэ* распространялись по округам и уездам, тогда как *люсыгэ* оставались в центральных учреждениях и использовались там⁵⁶.

В годы под девизом правления Чуй-гун (685–688) было выпущено 6 глав *люсыгэ* и 3 главы *саньбаньгэ*. В год под девизом правления Тай-цзи (712 г.)

⁵² См.: Синь Тан шу 1975, с. 1408.

⁵³ См.: там же, с. 1410.

⁵⁴ См.: Цзю тан шу 1936, цз. 50, с. 36.

⁵⁵ См.: Синь Тан шу 1975, с. 1413.

⁵⁶ Цзю тан шу 1936, цз. 50, с. 56.

был еще один очередной выпуск *зэ*. Первый выпуск *зэ* годов под девизом правления Кай-юань (713–741) был в 10 главах, второй тоже в 10 главах⁵⁷. Упоминаются и другие издания. В среднем в первой половине Тан сборники новых нормативных установлений издавались каждые 10–15 лет. Затем, в связи с перманентным кризисом, в который вошло танское государство, все процессы правотворчества, по-видимому, оказались заморожены, в том числе и этот. Во всяком случае, упоминания о пересмотре тех или иных видов установлений в династийных историях перестали мелькать так, как это происходило при описаниях первых десятилетий династии.

Базой для нормативных установлений были императорские указы. Поток их был нескончаем; повеления Сына Неба, подразделенные на несколько иерархических уровней в зависимости от затрагиваемых в них тем, были единственной формой реагирования высшей власти на любые изменения обстоятельств, на любые новые события в империи или на ее пределах. Это была управленческая текучка, рутина. Время от времени массив указов просеивался на предмет выделения решений и предписаний, которые не относились к некоему единичному событию, а имели (или могли иметь) более или менее длительное действие. Они компилировались воедино, и так получались сборники нормативных установлений.

Существенно то, что многие указы, послужившие базой для нормативных установлений, были связаны с внесением временных поправок к установлениям *люй* и *лин*. В *зэ* формулировались существенные правила, взятые из указов, но освобожденные от обязательной для указов стилистической цветистости. Между указами и нормативными установлениями существовали и обратные связи. Д. Твичетт упоминает, что существовали сборники, которые назывались *Гэ хоу чи*, т.е. «эдикты вслед за регуляциями», игравшие большую роль в поддержании законодательства на уровне требований текущей ситуации после мятежа Ань Лу-шаня (755 г.), когда регулярные периодические пересмотры законов основных типов временно прекратились. В частности, они издавались по нескольким поводам в течение первых лет правления Дэ-цзуна (780–804) и в правление Сянь-цзуна (806–820) и его наследников, когда центральное правительство настойчиво пыталось восстановить контроль над провинциями. Они использовались и прежде, первые серии появились, возможно, до 705 г., затем в 731 г. Они были хорошо известны тогдашним японским юристам⁵⁸.

Как и многие единомоментные императорские указы, нормативные установления подразделялись по названиям учреждений. Они издавались только для исполнения только данными государственными, столичными или провинциальными, органами определенного профиля, и в названиях *зэ* то, где они должны были исполняться, указывалось с самого начала.

В танском уголовном кодексе, хоть и значительно реже, чем *лины*, цитируются и *зэ*.

⁵⁷ См.: там же, с. 4а.

⁵⁸ Twitchett 1967, p. 374–375.

Например:

Согласно нормативным установлениям, даосские монахи и монахини, самовольно надевавшие мирскую одежду, должны быть возвращены в мир⁵⁹.

Или:

Согласно нормативным установлениям, даосский монах, распространяющий учение, ходя от двери к двери, наказывается стодневным *куши* 苦使⁶⁰.

Или:

Согласно отдельным нормативным установлениям (*бе ээ* 別格), всякий варвар, взявший ханьскую женщину в жены или наложницы, не может взять ее с собой, возвращаясь в варварские пределы⁶¹.

Кроме того, есть и предписания, проясняющие правовую работу с самими нормативными установлениями, например:

Всякий раз, когда выносится приговор к наказанию, необходимо полностью привести текст уголовного, общеобязательного, нормативного или внутриведомственного установления с прямыми указаниями⁶².

Или:

Всякий раз, когда приговор к наказанию был вынесен Указом или Высочайшим распоряжением, он является мерой лишь для данного момента и не должен рассматриваться как нормативное установление, дарованное навечно. Приводить его впоследствии для определения наказания по аналогии (*бифу* 比附) нельзя⁶³.

Очень интересно многослойное, похожее на матрешку (*люй*, который ссылается на *лин*, в котором трактуется о *ээ*) предписание, гласящее:

...Согласно общеобязательным установлениям о чиновниках правоохранительных ведомств, если было совершено преступление и затем были введены нормативные установления с изменениями, так что предусматриваемое новым установлением наказание легче, чем предусмотрено в *люй*, при вынесении приговора разрешается следовать более легкому⁶⁴.

⁵⁹ Тан люй шу и, ст. 23; см. также: Уголовные... 1999, с. 158.

⁶⁰ Тан люй шу и, ст. 23; см. также: Уголовные... 1999, с. 158. У. Джонсон интерпретирует наказание *куши* как сидение в цепях в пустом внутреннем дворе монастыря и переписывание текстов сутр, пять страниц в день; см.: The T'ang Code, p. 146.

⁶¹ Тан люй шу и, ст. 88; см. также: Уголовные... 1999, с. 350.

⁶² Тан люй шу и, ст. 484; см. также: Уголовные... 2008, с. 197. Имеется в виду, надо думать, приведение текста того установления, на основании которого или в связи с нарушением которого выносится приговор.

⁶³ Тан люй шу и, ст. 486; см. также: Уголовные... 2008, с. 200.

⁶⁴ Тан люй шу и, ст. 31; см. также: Уголовные... 1999, с. 188.

К сожалению, отсылки, даваемые в кодексе, не проясняют структуру самих нормативных установлений и ни разу не упоминают, об установлениях для какого именно учреждения в каждом данном случае идет речь.

Пожалуй, самый знаменитый фрагмент нормативного установления был обнаружен среди манускриптов из Дуньхуана. Фигурирующее в нем *гэ* предназначалось для исполнения в провинциях местными правоохранительными органами. Содержание документа и обнаруженных в иных источниках вариантов фигурирующего в нем установления подробно излагает Д. Твитчетт в специально посвященной этому работе.

Документ датируется 705 г. Он предписывает ужесточение наказания за изготовление фальшивой монеты. Исходный императорский указ был провозглашен в 682 г. Его издание было вызвано неким кризисом в сфере наличных средств денежного обращения⁶⁵, с которым правительство пыталось бороться, в частности, ужесточением мер против фальшивомонетчиков. Основанное на данном указе нормативное установление, отрывок из которого известен, поскольку он был приведен в уголовном кодексе следующей после Тан династии Сун⁶⁶, относится к 737 г. Все три варианта (682, 705 и 737 гг.) предписывали дополнительные санкции против изготовителей фальшивой монеты и дополняли соответствующую статью уголовного кодекса⁶⁷.

Указ 682 г. разделялся на две части: в первой речь шла о наказании самих фальшивомонетчиков, во второй — об ответственности главы семьи, членов соседской ячейки и пятидворки круговой поруки, а также нечиновных глав местной низовой администрации: сельских (*личжэн* 里正) и квартальных (*фанчжэн* 坊正), в чьем ведении жили и действовали преступники. Первая часть была поправлена несохранившимся указом, изданным в промежутке между 682 г. (годом издания исходного указа) и 705 г. (годом издания данного нормативного установления). Исходный указ 682 г. утяжелял наказание главного преступника со ссылки на 3000 *ли* на удушение, а для сообщников предусматривал ссылку с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流) — одну из пяти особых ссылок, которая, как мы помним, в начале Тан была введена вместо членовредительского наказания отсечением правой стопы. Согласно найденному фрагменту нормативного установления 705 г., наказание, предусмотренное в уголовном кодексе, дополнялось, однако, лишь тем, что ответственность семьи главного преступника следовало конфисковать в казну, а также тем, что все чиновники, замешанные в преступлении, не могли пользоваться для избавления от наказания зачетом должностью или откупом. Текст сунского кодекса снова предписывает смертную казнь удушением, предваряемую битьем 100 ударами тяжелыми палками. Твитчетт заключает, что *гэ* 705 г., видимо, отражает временное изменение закона, которое затем было отменено, и такое предположение хорошо согласуется с тогдашней по-

⁶⁵ См.: Twitchett 1963, p. 290.

⁶⁶ См.: Сун син тун 1964, с. 863–864.

⁶⁷ См.: Тан луй шу и, ст. 391; см. также: Уголовные... 2008, с. 12. Данная статья кодекса назначает изготовителям фальшивой монеты наказание ссылкой на 3000 *ли*, а если изготовление еще не было завершено — двумя годами каторги.

литикой относительно изготовления фальшивой монеты: предписания были сильно смягчены в конце правления У-хоу, за несколько лет до 705 г., и ужесточены после 717 г. Вторая, и более длинная, часть статьи, касающаяся коллективной ответственности членов семьи, соседей, старост, во всех трех вариантах практически оставалась одинакова⁶⁸.

Данный пример как нельзя лучше иллюстрирует роль нормативных установлений. Ими не подменялись уголовные установления. Они не служили материалом для последующих пересмотров уголовного кодекса, которые шли своим чередом независимо от издания конкретных указов или сборников нормативных установлений. Это были документы разных уровней.

Сами тогдашние китайцы отлично понимали эту разницу.

Составлявшие уголовный кодекс установления *люй*, равно как общеобязательные установления *лин*, хотя их и можно было пересматривать при последовательных редактурах соответствующих уложений, все равно оставались не реагирующими на мир, но взысканиями к миру. Они изменялись не потому, что ситуация в стране требовала каких-то экстренных мер, но потому, например, что изменились представления о человеколюбии — как, скажем, в случаях с заменой удавления отсечением правой стопы, а того, в свою очередь, на ссылку с дополнительными работами.

Изменения в *люй* и *лин* вносились тогда, когда изменялись представления о конкретных проявлениях справедливости, когда делался очередной шаг на бесконечном пути познания вечной вселенской гармонии и попытках уподобиться ей. Такие изменения вызывались жизнью духа.

А на изменения во внешнем, бренном мире отвечали нормативные установления, которые служили посредниками между великими принципами права и требованиями текущего момента. Именно нормативные установления не давали танскому праву закостенеть и оторваться от жизни, позволяли государству быстро и гибко реагировать на то, что составляло злобу дня. Но при этом сиюминутные законодательные реакции не должны были мешать базовым принципам сохраняться во всей их вечной красоте. И очень характерно, что, как опять-таки отмечает Д. Твитчетт, нормативные установления могли действовать на протяжении даже десятилетий без особых изменений, но они все равно не включались в *люй* или *лин*⁶⁹. Они кодифицировали поправки и дополнения, которые по природе своей ощущались преходящими, сиюминутными и всегда готовыми для отмены, изменения или очередного дополнения в ответ на изменения исторических обстоятельств.

Внутриведомственные установления *ши*

Работа танских юристов была интенсивной как над установлениями этого вида, так и над иными. Например, одновременно с пересмотром уголовных установлений, сведшимся к замене 92 наказаний смертной казнью на ссылку и

⁶⁸ См.: Twitchett 1967, p. 377–378.

⁶⁹ Ibid., p. 380.

71 наказания — ссылкой на каторгу, изданием общеобязательных установлений в 1546 статьях и созданием на базе более чем 3000 императорских указов, накопившихся со времен годов правления У-дэ, серии нормативных установлений в 700 статьях, составлялись и внутриведомственные установления, группы которых были предназначены точно для каждого из учреждений столицы, равно и для каждой из столичных гвардий охраны императора⁷⁰.

Были составлены *ши* годов правления Юн-хуй (650–655) в 14 главах, *ши* годов правления Чуй-гун (685–688), годов правления Шэнь-лун (705–707) и годов правления Кай-юань (713–741) в 20 главах; они были отредактированы и утверждены наравне с *гэ* и *линами*⁷¹. Д. Твитчетт отмечает, что в интервале между 624 и 737 гг. внутриведомственные установления обновлялись 11 раз, причем почти в каждом случае группирующие их разделы, если их названия сохранились, назывались так же, как соответствующие учреждения. Однако, в отличие от ситуации с нормативными установлениями, это не было неизменным правилом, и некоторые важные темы описывались в специально посвященных данным темам главах⁷².

Уголовный кодекс в той же статье, в которой предусматривалось наказание за нарушение общеобязательных установлений, предусматривал и наказание за нарушение установлений внутриведомственных. Как уже упоминалось, за нарушение *ши*, содержащих какое-либо предписание или какой-либо запрет, полагалось 40 ударов легкими палками⁷³.

То есть установления *люй* предписывали обязательные наказания за те проступки, о которых говорилось в них самих, за нарушение установлений *лин* и за нарушение установлений *ши*. Только за нарушения *гэ* в уголовном кодексе не назначено наказаний. Это дало возможность Д. Твитчетту предположить, что все установления *гэ* содержали определения карательных санкций за нарушение каждого из них в самих себе, так, как это было, скажем, в случае с *гэ*, посвященном изготовлению фальшивой монеты. Ссылки на нормативные установления в уголовном кодексе скорее подтверждают это предположение: там упомянуты *гэ*, согласно которым назначалось принудительное возвращение в мир монахов, которые самовольно оделись в мирское, или стодневное *куши* странствующим проповедникам. Если это действительно так, изоморфизм иньяноподобных двуединств закон–мораль, *люй–лин* и *гэ–ши* становится особенно наглядным.

Правда, некоторые ссылки на нормативные установления, сделанные в уголовном кодексе, отчасти размывают эту стройную картину, хотя и не противоречат ей впрямую. Судя по ним, порой *гэ* были ближе не к уголовным установлениям *люй*, но к общеобязательным установлениям *лин*, не запрещали, но обязывали, а потому не могли включать в себя карательных санкций за содержащиеся в них предписания. Например:

⁷⁰ См.: Сянь Тан шу 1975, с. 1410.

⁷¹ См.: Цзю Тан шу 1936, цз. 50, с. 4а.

⁷² См.: Twitchett 1957, p. 33–34.

⁷³ Тан люй шу и, ст. 449; см. также: Уголовные... 2008, с. 112.

Если в нормативных и в общеобязательных установлениях не предусмотрено для данного учреждения таких штатных единиц, но на них было произведено назначение, это называется назначением, когда не полагалось назначать⁷⁴.

Наказание же за такое преступление определялось отдельной статьей уголовного кодекса и зависело от числа неправильно назначенных (т.е. назначенных на реально предусмотренную должность, но более предусмотренного для нее числа служащих, или назначенных на должность, выдуманную самим назначающим). В таких случаях за одного противоправно назначенного человека полагалось наказание 100 ударами тяжелыми палками, за каждых последующих трех человек наказание увеличивалось на одну степень и при 10 человеках достигало возможного максимума — двух лет каторги⁷⁵. Наказание, следовательно, в данном случае назначается уголовным установлением — и назначается оно за нарушение нормативных установлений, которые носят предписывающий характер (количество штатных единиц) и даже в самом тексте статьи поставлены в ряд с установлениями общеобязательными.

Или:

В нормативных, общеобязательных и внутриведомственных установлениях нет текстов о том, что в данных обстоятельствах должно подавать доклады... но подали доклад... Должно наказывать 80 ударами тяжелыми палками⁷⁶.

Наконец, уже упоминавшееся выше нормативное установление, вводящее запрет на отъезд за рубеж вместе с мужьями китайнок, вышедших замуж за варваров во время их пребывания в Китае, уточняется в кодексе так:

Прибывшим ко двору варварам разрешается оставаться на жительство, тогда им можно брать жен и наложниц. Но если тот, кто взял жену или наложницу, возвращается с нею в варварские пределы, закон предусматривает наказание за нарушение Высочайшего распоряжения⁷⁷.

За само же нарушение Высочайшего указа или распоряжения кодекс назначал наказание двумя годами каторги⁷⁸. Значит, карательная санкция назначалась и в этом случае уголовным установлением *люй*, но не нормативным установлением *ээ*.

И все же действительно представляется наиболее вероятным, что нормативные установления в целом служили дополнениями и уточнениями к уголовным установлениям, а внутриведомственные установления — в целом дополнениями и уточнениями к установлениям общеобязательным. Родство *лин* и *ши* несомненно уже хотя бы потому, что в статье кодекса, вводящей наказа-

⁷⁴ Тан люй шу и, ст. 35; см. также: Уголовные... 1999, с. 202.

⁷⁵ Тан люй шу и, ст. 91; см. также: Уголовные... 2001, с. 9–10.

⁷⁶ Тан люй шу и, ст. 117; см. также: Уголовные... 2001, с. 54.

⁷⁷ Тан люй шу и, ст. 88; см. также: Уголовные... 1999, с. 350.

⁷⁸ Тан люй шу и, ст. 112; см. также: Уголовные... 2001, с. 46.

ние за их нарушение, они перечисляются рядом как нормы однотипные, неразрывно связанные функционально и лишь чуть-чуть различающиеся статусно: наказание за нарушение *лин* на одну степень тяжелее, чем за нарушение *ши*. Значит, *лин* чуть-чуть, на одну степень, важнее *ши*.

В уголовном кодексе «Тан люй шу и» цитат из внутриведомственных установлений хоть и меньше, чем цитат из установлений общеобязательных, но гораздо больше, чем из установлений нормативных. Например:

Согласно внутриведомственным установлениям, в заступающих на дежурство гвардиях все, от рядового гвардейца и выше, распределяются и назначаются по местам выполнения вверенных служебных обязанностей наличным начальником данной гвардии⁷⁹.

Но тут же вводится и наказание за нарушение этого установления, отличающееся от предписанного в уже не раз упоминавшейся ст. 449⁸⁰, а именно:

Если некто вразрез с внутриведомственными установлениями распределил назначения не в соответствии с вверенными служебными обязанностями или порядком очередности или же самовластно передал своего подчиненного кому-либо в подчинение либо использовал в другом месте как обслугу, в любом из этих случаев он наказывается 100 ударами тяжелыми палками⁸¹.

Или:

Согласно внутриведомственным установлениям привратной стражи, человек, получивший Высочайшее повеление на открытие каких-либо из ворот дворцового комплекса ночью, делает полные отметки о необходимости раскрыть ворота и о людях, которые входят или выходят, и Высочайшее повеление пересылается к сведению Надзора Срединных документов (*чжуншуншэн* 中書省). Надзор Срединных документов пересылает его к сведению Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省). Тогда кто-либо из ответственных за все внутренние ворота Дворцового комплекса молодец при вратах (*чэнмэньлан* 城門郎), а также главнокомандующий (*да цянцзюнь* 大將軍) либо командующий (*цянцзюнь* 將軍), срединный молодец-командующий (*чжунланцзян* 中郎將) либо молодец-командующий (*ланцзян* 郎將), общеназначивший пристав (*чжэчун* 折衝) либо непреклонно-смелый общеназначивший пристав (*гои* 果毅) от всех находящихся в данный момент на очередном дежурстве гвардий и от Привратных гвардий (*цянмэнь* 監門) — по одному [от каждой инстанции], являются в палаты с докладом, испрашивающим подтверждения распоряжения. По получении державного подтверждения испрашивают составную верительную бирку и ключи от ворот. Ответственные чиновники привратной стражи

⁷⁹ Тан люй шу и, ст. 70; см. также: Уголовные... 1999, с. 314.

⁸⁰ В которой за нарушение *линов* и *ши* вводится наказание соответственно 50 и 40 ударами легкими палками.

⁸¹ Тан люй шу и, ст. 70; см. также: Уголовные... 1999, с. 314.

первым делом приводят привратный караул в состояние чрезвычайной готовности. Внутри и снаружи от раскрываемых ворот выставляются отряды, зажигаются факелы и производится проверка подлинности составной верительной бирки. Затем раскрывают ворота⁸².

Или:

Порядок и виды благовещих знамений изложены во внутриведомственных установлениях Палаты церемоний⁸³.

Или:

Во внутриведомственных установлениях Военной палаты предписано: если во время похода умер общеназначивший пристав (*чжэчун* 折衝), жертвуется 30 двойных *пи* шелка, если умер непреклонно-смелый общеназначивший пристав (*зои* 果毅) — 20 двойных *пи* шелка, если умер нарочный командующий — 10 двойных *пи*⁸⁴.

Или:

Согласно внутриведомственным установлениям Палаты церемоний, у чиновников 5-го ранга и выше одеяние фиолетовое, а у чиновников 6-го ранга и ниже — красное⁸⁵.

Информация, содержащаяся в *ши*, крайне разнородна, но это и понятно — они не представляли и не могли представлять собой связный текст, но были набором конкретных норм, затрагивавших более или менее мелкие темы. Это было что-то вроде уставов или правил внутреннего распорядка — сухие и точные описания конкретных действий, которые должны производить по тому-то и тому-то случаю служащие того или иного учреждения и отступать от которых было наказуемо: либо, согласно основной на сей счет статье уголовного кодекса, за такое отступление полагалось 40 ударов легкими палками, либо, если специальные статьи кодекса предусматривали за данное нарушение наказание более тяжелое, — согласно специальной статье.

Впрочем, гораздо лучше, чем по коротким цитатам из «Тан луй шу и», природу внутриведомственных установлений можно представить себе по переводу обширного фрагмента *ши*, найденного в Дуньхуане. Этот перевод в качестве приложения приводит в своей специально посвященной *ши* статье уже не раз упоминавшийся мною Д. Твитчетт. Данная подборка внутриведомственных установлений прямо адресована одному-единственному учреждению — водному отделу (*шуйбу* 水部) Работной части (*зунбу* 工部). Но, как видно из содержания документа, его предписания адресовались не только центральному аппарату отдела, но и специально водоустроительным учреж-

⁸² Тан луй шу и, ст. 71; см. также: Уголовные... 1999, с. 315. Относительно упомянутых должностей и перевода их названий см.: Рыбаков 2009, с. 239, 245, 249, 370, 385, 389.

⁸³ Тан луй шу и, ст. 377; см. также: Уголовные... 2005, с. 348.

⁸⁴ Тан луй шу и, ст. 407; см. также: Уголовные... 2008, с. 39.

⁸⁵ Тан луй шу и, ст. 449; см. также: Уголовные... 2008, с. 112.

дениям определенных местных единиц. Я позволю себе без комментариев привести несколько выдержек из этого перевода.

На всех главных каналах, вода которых используется для ирригации, везде, где есть шлюзы, следует воздвигать из камней или бревен боковые стены с тем, чтобы укрепить их. Плотины не следует строить непосредственно на канале.

Там, где есть главный канал, используемый для ирригации, и где уровень воды низок, а земля высока, плотины непосредственно на канале строить не следует. Разрешается строить шлюзы, чтобы забирать воду в высоких местах вверх по течению. Все шлюзы должны строиться под надзором должностных лиц округов и уездов, и их нельзя строить по частной инициативе. Малые ответвления каналов, там, где земля высока, а уровень воды низок, разрешается в надлежащий период временно перекрывать с тем, чтобы оросить землю... Когда вода достигнет всех, разлив должен быть прекращен. Первая обязанность властей — обеспечивать, чтобы вода распределялась поровну всем, и они не должны быть пристрастны и несправедливы.

На глубоких местах старого канала дворца Хэби надлежит спланировать и построить шлюзы для регулирования воды так, чтобы канал всегда поддерживался полным. Простым людям разрешается брать из него воду по очереди, когда они в ней нуждаются...

На реке Фэньшуй в уезде Хэсисянь округа Тунчжоу простым людям разрешается пользоваться водой для орошения с 1-го дня 4-го месяца до 30-го дня 7-го месяца...

Когда транспортные корабли из разных округов на пути к Великому зернохранилищу на север проходят через Внутренний парк Цзыюань, если они остаются там на ночь, 1 или 2 человека должны оставаться на борту в качестве сторожей, а остальные могут отдыхать вне корабля.

На таможенном переходе Хуйнин должно быть 50 судов. Официальным лицам надлежит назначать сильных и способных чиновников для их осмотра и надлежит отряжать войска для их охраны и защиты. Им нельзя бросать якорь у северного берега. В других местах по Хуанхэ, которые удобны для перехода, окружные и армейские администрации должны быть беспощадными, арестовывая тех, кто переходит реку без соответствующих документов.

Везде, где есть понтонные мосты, после 10-го месяца, когда крепнет лед, крепления их должны сниматься⁸⁶.

Отчетливо видно, что внутриведомственные установления представляли собой точные, дотошные, детальные инструкции, составленные отдельно для каждого из упоминаемых в них пункта или района, с учетом его специфики, рельефа, иных природных условий, его стратегического значения, населения и его занятий и т.д.

⁸⁶ Twitchett 1957, p. 38–66. Все китайские термины тщательно и подробно прокомментированы самим Д. Твитчеттом в его статье.

Конечно, подобные задачи не могли быть решены при помощи общеобязательных установлений — такая конкретика была *линам* не под силу. Они устанавливали общие для всей империи правила игры. Ведь чиновники всех административных единиц, упомянутых в вышеприведенной цитате (равно как и всех иных), получали жалованье и должностные поля по одним и тем же, одинаково увязанным с их рангами нормам, носили платье одинакового покроя и цвета, получали равные отпуска по случаю смерти родственников или совершеннолетия отпрысков. Но что именно им надлежит делать конкретно, надев эти одинаковые одеяния и получив одинаковое жалованье, как благоустроить порученные им административные единицы, как заботиться о вверенном им и потому подвластном им простом народе — это для каждого конкретного случая расписывали *ши*. Общеобязательные и внутриведомственные установления представляли собой единый комплекс административных законов, но первые являлись повсеместно и наравне применяемыми общими правилами социального поведения, тогда как вторые обычно трактовали о делах, связанных с разделением полномочий и ответственности между отдельными, часто низовыми, учреждениями и отдельными территориями.

Очень жаль, конечно, что нормативные и внутриведомственные установления практически не дошли до наших дней, но было бы куда хуже, если бы история сложилась иначе и в распоряжении китаеведов остались сравнительно полные наборы *гэ* и *ши*, но безвозвратно исчезли *люй* и *лин*.

Потому что тогда вместо грандиозной картины тотально гармонизированной социальной Вселенной, связанной воедино сложной системой взаимных долженствований, вместо завораживающего отчета о титанических усилиях уподобить движение официальных бумаг, людей, семей, государственных структур, всего общества в целом непреложному постоянству, свойственному движению планет, повторению сельскохозяйственных сезонов и честному исполнению своего долга Землей и Небом, современный историк мог бы наблюдать и анализировать лишь достаточно обыденное, суетное приспособление административной машины к переменчивым мелочам, жалкий одышливый бег неизменной и потому вечно пожилой вечности вдогон всегда новым, всегда юным и потому всегда ветреным превратностям бытия.

Литература

- БКРС 1983–1984 — Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1984.
- Книга правителя области Шан 1968 — Книга правителя области Шан / Пер. с кит., вступит. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Кычанов 1986 — *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1986.
- Ниидэ Нобору 1964 — *Ниидэ Нобору.* То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.
- Рыбаков 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009.

- Свод законов «Тайхорё» 1985–1989 — Свод законов «Тайхорё» / Вступит. ст., пер. с др.-яп. и коммент. К.А. Попова. М.: Наука, ГРВЛ, 1985–1989. Т. 1–3.
- Синь Тан шу 1975 — Синь Тан шу (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин, 1975.
- Сун син тун 1964 — Сун син тун (Свод уголовных законов периода Сун). Т. 1–2. Тайбэй, 1964.
- Уголовные... 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
- Уголовные... 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
- Уголовные... 2005 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005.
- Уголовные... 2008 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / Введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
- Цзю Тан шу 1936 — Цзю Тан шу (Старая история Тан) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы). Т. 72–74. Шанхай, 1936.
- Balazs 1953–1954 — *Balazs E.* Le Traité juridique du “Souei-chou” // *Études sur la société et l’économie de la Chine médiévale*. Vol. 1–2. Leiden: Brill, 1953–1954. Vol. 2.
- Bodde, Morris 1967 — *Bodde D., Morris C.* Law in Imperial China. Cambridge, 1967.
- The T’ang Code 1979 — The T’ang Code. Vol. 1: General Principles / Trans. with an introd. by Wallace Johnson. Princeton, 1979.
- Twitchett 1957 — *Twitchett D.C.* The Fragment of the T’ang Ordinances of the Department of Waterways Discovered at Tun-huang // *Asia Major, New Series*. Vol. VI, pt 1. L., MCMLVII (1957).
- Twitchett 1963 — *Twitchett D.C.* Financial Administration under the T’ang Dynasty. Cambridge, 1963.
- Twitchett 1967 — *Twitchett D.C.* A note on the Tunhuang fragments of the T’ang Regulations (*ko*) // *Bulletin of the School of Oriental and African studies. Univ. of London*. Vol. XXX, pt 2, 1967.

Портреты тангутов в живописи из Хара-Хото*

Имена реальных людей, чьи портреты (или, точнее, изображения) были обнаружены П.К. Козловым в Хара-Хото, иногда мы узнаем из подписей, иногда можем предположить, а иногда они так и остаются неизвестными. Ранее мной было опубликовано несколько работ, посвященных изображениям исторических персонажей, донаторов, а также значению и функции тангутских буддийских икон. Настоящая статья посвящена изображениям тангутов на иконах, которые были написаны в государстве Си Ся (1032–1227). Изучение портретов помогает понять жизненные реалии и облик конкретных тангутских мужчин и женщин. В живописи из Хара-Хото представлена подлинная портретная галерея императоров, донаторов, монахов, которые жили 800–900 лет тому назад.

В инвентарной книге эрмитажной коллекции имеется описание «Портрета тангутского императора» (илл. 1). Сам портрет не сохранился, осталась лишь черно-белая фотография. В центре его на кресле восседает «император» в белой одежде на красной подкладке с двойным красным поясом, сшитой из ткани с характерными медальонами с драконами в центре¹. На нем черная шапка с заложеными по бокам складками и украшенная спереди позолоченной веткой растения. Справа — персонаж в военных доспехах «героического» облика в точно такой же шапке и красном с золотом панцире под зеленым плащом. Слева — женщина в богатом платье с типично центральноазиатским оплечьем. Вокруг — свита, одетая в зеленые и красные одежды: сокольничий, лучник; другие персонажи держат трудноразличимые атрибуты.

Перед «императором» — охотничья собака и благие символы богатства, покрытые красным платком. На первый взгляд изображен «групповой портрет» охотников. Однако в верхней части картины сохранилась еще одна загадоч-

* Публикуемые произведения (илл. 1, 2, 4–13) хранятся в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, инв. № X-2531, X-2439, X-2465, X-2400, X-2522, X-2416, X-2435, X-2406, X-2407, X-2454, X-2523, X-2532. Авторы фотографий Ю.А. Молодковец, В.С. Терехин, Л.Г. Хейфец.

¹ Известно, что император тангутов Юань-хао одевался в белое платье, см.: Кычанов 1968, с. 70.

Илл. 1

ная композиция: в левом углу на облаке — фигура воздевшего к небу руки «императора», а в центре, тоже на облаке, фигура воина в доспехах, который как будто с усилием тащит облако с «императором». Простой ли это групповой портрет «императора» с охотничьей свитой и император ли изображен на картине? У нас есть свидетельства письменных источников и изобразительный материал, подтверждающие, что главный персонаж — император.

Групповые сцены, аналогичные представленной на портрете, украшают гробницы киданьских императоров. Как бы ни были реалистичны росписи ляоских гробниц, которые показывают как будто бы земную жизнь, они имеют культовое значение. В портрете сакральный смысл явлен верхней композицией, которую я и попытаюсь гипотетически интерпретировать. Само собой разумеется, что на облаке наверху должны изображаться умершие и переродившиеся персонажи. Подтверждением служит гравюра из коллекции ИВР РАН, иллюстрирующая текст «Предисловия к „Правилам раскаяния в храме милосердия лянского императора У-ди“», где рядом с фигурой на облаке

переродившейся императрицы Си имеется пояснительная надпись: «Госпожа Си в небе переродилась»².

Очевидно, в верхней части портрета императора с охотничьей свитой изображены находящиеся на небесах отец и сын — тангутский император и наследник престола. В истории тангутов был только один случай, неоднократно описанный в источниках, который поразил воображение средневековых авторов, когда отец и сын одновременно отправились в мир иной: сын Юань-хао по имени Нинлинге зимой 1048 г. убил своего отца и тут же сам был убит стражей³. По одной версии убийство произошло на охоте, по другой — во дворце, но в обоих случаях сын убил отца за то, что тот якобы взял себе в жены и сделал новой императрицей невесту сына. На портрете мы и видим новую императрицу Сими из рода Моцзан Эпана. Художник написал ее молодой, как то и было в действительности. «Старая» императрица из рода Ели, мать Нинлинге, пятая жена Юань-хао, была в преклонном возрасте, что не соответствует изображению молодой и красивой жены императора. Вероятно, портрет был написан вскоре после смерти Юань-хао, т.е. в конце XI — начале XII в., по горячим следам событий. Композиционное и отчасти смысловое сходство (группа охотников) с росписями из киданьских гробниц, а также наличие одинаковых предметов в руках представителей свиты — коробка, зеркало — подтверждают датировку.

Рисунок, традиционно называвшийся в Эрмитаже «Чиновник со слугой», является, по моему мнению, также изображением императора (илл. 2). Под этим названием рисунок был издан М.Л. Рудовой (Пчелиной)⁴. «Чиновник» изображается в одежде с кругами, внутри которых нарисованы драконы, и шапке, похожей на головной убор на «Портрете тангутского императора со свитой». Кроме ветки растения в центре растительный узор украшает шапку по краю. Рядом с чиновником — собака, перед ним — атрибуты богатства и благие символы. За ним — мальчик. Император на «Портрете» изображен в белом одеянии также с кругами, на рисунке же на платье остались следы зеленой краски. Возможно, белый цвет одежды предназначался для торжественных случаев. Одежду зеленого цвета, в соответствии с законодательством, носили знатные тангуты, но драконы в кругах могли украшать только одежду императора.

О том, что на рисунке действительно изображен император, свидетельствуют как его платье и шапка, так и черты лица, рисунок бровей, усов и бороды, сходные с изображением императора с гравюры «Сцена перевода сутр» из Национальной библиотеки в Пекине (илл. 3). Непонятна роль мальчика на рисунке. Он стоит со сложенными руками, имеет индивидуализированные черты лица, у него распущенные волосы, часть которых на макушке собрана в перевязанный лентой пучок. Его платье тоже украшают круги. Ясно только, что он не слуга, поскольку слуги в изобразительном искусстве всегда обслужи-

² См.: ТФ-3861, ТФ-3857, ТФ-3926, ТФ-8349; Самосюк 2002, с. 188–195.

³ См.: Бай Бинь 1988, с. 165–172; Кычанов 1991, с. 57; Кычанов 2008, с. 576.

⁴ См.: Рудова 1976, с. 54–55; Самосюк 1993, с. 38–40.

Илл. 2

вают своего господина — и это показывается конкретным действием или конкретными атрибутами. Кроме того, его фигура не уменьшена в размерах, как положено при изображении слуг, а равновелика фигуре императора. Может быть, он — сын императора? Третий персонаж, представленный на рисунке, — собака с колокольчиком на шее, повернула голову к хозяину и охраняет богатство⁵.

⁵ Такую охранительную функцию выполняет собака на «Портрете императора со свитой». Две собаки, бегающие вокруг монеты на гравюре «Сцена перевода сутр», на первый взгляд тоже охраняют богатство, однако их присутствие в сюжете, столь существенном и «возвышенном», важном для определения идеологии государства и взаимоотношения государства и буддийской сангхи, требует более глубокого обоснования. Настойчивое повторение изображения собак в разных контекстах позволяет предположить, что тангуты по-особому относились к собакам. Предположение подтверждается рассказом из сочинения Лубсан Данзана «Алтан Тобчи» о последних днях существования империи тангутов: «У тангутского Шидургу-хагана (монгольское

Илл. 3

Уникальным является изображение тангутского императора на иконе «Гуань-инь и похороны тангутского императора» (илл. 4). Она является единственным известным науке памятником, в котором изображение бодхисаттвы милосердия сочетается с «жанровой» на первый взгляд сценой: около открытой ямы-могилы музицируют и пляшут тангуты, на краю могилы стоят кони, и за ними — бунчук (знамя на древке). Сочетание не имеет аналогий в известных мне китайских или центральноазиатских памятниках.

Эта сцена действительно имеет уникальный характер.

Бодхисаттва Гуань-инь показывает дорогу праведнику в Чистую Землю Амитабхи. Праведник, призывающий бодхисаттву, изображен в сопровождении мальчика, стоящим на облаке и воскуривающим благовония. Положение

имя последнего тангутского императора Вэймин Сяня (1226–1227). — К.С.), говорят, есть желто-рыжая с черной мордой собака по кличке Хубэлик, предсказывающая будущее... Когда было мирно и спокойно, то собака весело лаяла: „Врагов нет!“; когда же она лаяла завывая, то это означало, что враг появился...» [Лубсан Данзан, с. 235]. Собака является предвестницей будущего, и это при всей сказочности сюжета и поздней — XVII в. — дате отчасти объясняет привязанность тангутов к собакам, а также повторение их фигур в памятниках искусства. Кроме того, стоит заметить, что не только изображение собак, но и многие другие детали и реалии чаще всего не несут признака жанровости, а являются знаковыми фигурами или предметами и должны интерпретироваться в историческом, мифологическом, религиозном или символическом смысле.

Илл. 4

на облаке означает, что праведник уже умер и здесь изображена не сцена призывания бодхисаттвы, а сам путь в Чистую Землю. Праведник одет в зеленый халат, украшенный крупными золотыми кругами, в которые вписаны драконы — символы императора. На голове — высокая шапка с заложенными по бокам складками и с золотым растительным орнаментом спереди. На ногах — туфли. Нужно заметить, что знатные донаторы на шести иконах из Хара-Хото обуты в туфли, в отличие от танцующих тангутов на описываемой иконе, которые изображены в сапогах. Особенности костюма подтверждают, что перед нами император, и сцена в левом нижнем углу картины приобретает особый, сакральный смысл.

У ямы-могилы стоят два коня; два музыканта и два танцора справляют тризну. Похороны у тангутов сопровождалась музыкой и танцами. Сцена написана с верхней точки, с позиции бодхисаттвы. Один из танцоров и арфист изображены с прической *туфа* («брите головы»). Это крайне редкий пример изображения *туфа*. В коллекции тангутских икон Государственного Эрмитажа подобная прическа встречается еще на иконе «Сюань-у» (илл. 5). На гравюрах из Хара-Хото в коллекции ИВР РАН есть несколько примеров *туфа*, но их также немного⁶. В иконе представлено не имеющее аналогий сочетание буддизма с традиционным обрядом похорон с кровавыми жертвоприношениями коней⁷.

⁶ См.: Терентьев-Катанский 1993, с. 89–91; Tamura 1977, pl. 15, 16.

⁷ Подробно об иконе см.: Samosyuk 1997, p. 53–60; Самосюк 2006, с. 56–58.

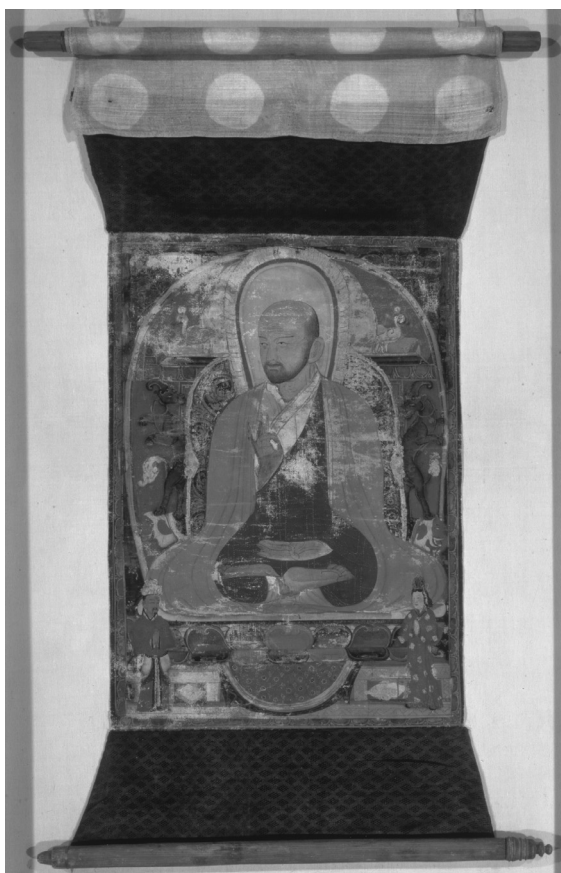
Илл. 5

Царственные донаторы стоят перед Учителем-*гоши* или *дшии* (государственным или императорским наставником) (илл. 6).

«Портрет Учителя» написан в традиции тибетского искусства. Собственно, мы видим здесь три портрета: Учителя и двух донаторов. Монах восседает на лотосовом троне, он сидит на кресле с резной спинкой и резным навершием, боковые стороны трона состоят из фигур слонов, на спинах которых расположились леогрифы, на перекладине стоят птицы. В индийском искусстве на таких тронах восседали чакравартины, будды, бодхисаттвы. Наш монах одет в верхнее пурпурное платье, нижнее — светлое (к сожалению, пигмент осыпался) и внешний плащ оранжевого цвета без узора. Левая рука и ступни ног переписаны или, скорее, дописаны позже. Грубый рисунок рук и ног контрастирует с уверенным мастерством, с которым написана вся икона, поражает ярко выраженная индивидуальность лица, портретность. Фигура и трон занимают почти всю поверхность иконы. Перед тронном — царственные донаторы. Можно предположить, что и изображенный на нашем портрете Учитель пришел в страну тангутов проповедовать учение и занимал очень высокое положение, которое и позволило запечатлеть его образ вместе с императорской четой. Простой верующий не мог изображаться вместе со столь высокопоставленным Учителем.

Портрет может быть датирован не ранее 1170 г., но я склоняюсь к более поздней дате⁸. На портрете изображен не старый император, каким был Жэнь-

⁸ См.: Кычанов 2008, с. 603–604.

Илл. 6

цзун после 1170 г., а молодой правитель с молодой женой. Возможно, это кто-то из наследников Жэнь-цзуна, Чунь Юй (1193–1206) или Ань Цюань (1206–1223). Подтвердить эту гипотезу могут только надписи и факты.

Замечу, что портреты Учителей, иерархов школ или настоятелей монастырей в Тибете сопровождаются изображением цепочки восприемников учения или должности. Среди памятников тибетского искусства, синхронных с тангутскими, мне не известны композиции, подобные «Портрету Учителя» из Хара-Хото. Этот факт можно считать важным свидетельством высокой роли обожествленного Учителя в Си Ся и знаком тесного взаимодействия императорской четы и императорского наставника *диши* (или *гоши*).

К этой группе хронологически и семантически примыкает датируемый мной достаточно широко (конец XII — начало XIII вв.), вероятно китайской работы, свиток «Буддийский патриарх и император» (илл. 13). Учитывая особую роль, которую играли в жизни тангутских императоров учителя–проповедники буддизма, их высокое социальное положение, глубокое почитание их

деятельности адептами учения и взаимную заинтересованность государства и сангхи, я включила этот свиток в типологический ряд изображений императоров, хотя, судя по иконографии, на свитке представлен не тангутский, а китайский Сын Неба. Свиток аналогичен гравюре из собрания ИВР РАН, на которой запечатлена встреча государственного наставника гоши Чэн-гуаня и танского Шунь-цзуна. Содержание их беседы представляло, по всей вероятности, интерес для тангутов. Встреча произошла в 805 г., Чэн-гуань убедил Шунь-цзуна уступить трон преемнику и уйти от мира⁹.

Монах сидит на камне причудливой формы. Утрированы «некитайские» черты лица: большие глаза с круглыми зрачками, крупный нос с широкими крыльями и раздутыми ноздрями, странная улыбка. Длинные волосы покрывают плечи. На нем надето монашеское одеяние, оставляющее открытой грудь, ноги босые. В левой руке он держит метелку-опахало из хвоста оленя — знак превосходства, атрибут Учителя–наставника *гоши*, в правой — «плод Будды», *фошоу*. Именно эти атрибуты позволили с уверенностью вписать свиток в контекст буддийского искусства. Собеседник одет в красный халат, поверх которого наброшен монашеский плащ. На груди — квадратный знак *фан синь цзюэ линь*, который является деталью торжественного одеяния китайского императора и который дал возможность определить фигуру собеседника как императора¹⁰.

Гравюра, изображающая сцену перевода сутр на тангутский язык в присутствии царственных особ, иллюстрируют «Сутру о тысяче имен Будды современной Бхадра-кальпа» (илл. 3). Профессор Ши Цзинь-бо и Рут Даннелл исследуют гравюру как исторический источник и вписывают ее содержание в контекст истории тангутов после смерти императора Юань-хао в 1048 г. и до конца XI в.¹¹ На протяжении этих пятидесяти лет на троне сменяли друг друга малолетние императоры, а реальная власть принадлежала по очереди трем вдовствующим императрицам из сильных кланов Моцзан и Лян.

В правом от центра углу изображена императрица со свитой, в левом — император со свитой. Слева от императрицы в картуше имеется надпись: «Мать, вдовствующая императрица госпожа Лян»¹². Она занимает почетное место с правой от центра стороны. Левое место принадлежит императору. Надпись в картуше в переводе К.Б. Кепинг гласит: «Сын, император, чья просветленность возрастает». В титулатуре императрицы и императора госпоже Лян принадлежит присущее бодхисаттвам свойство сострадания *бэйхэ*, а императору также свойство Бодхисаттв — *чжигуан* («сияние знания»).

Императрица воскуривает благовония, т.е. выполняет почетную и социально значимую роль. Император изображен с гирляндой цветов в руках. Другие атрибуты, которые держат в руках три свитских персонажа, особенно интересны. Двое из них несут регалии императора: древко со сплюсненным ша-

⁹ См.: Меньшиков 1984, с. 266.

¹⁰ См.: Сычев Л., Сычев С. 1975, рис. 123.

¹¹ См.: Ши Цзинь-бо 1988, с. 149; Dunnell 1996, с. 65.

¹² Перевод К.Б. Кепинг (устное сообщение).

ром наверху (вид скипетра). Такой же, если не тот же, предмет держит в руках наследник престола на «Портрете тангутского императора»¹³.

Второй предмет, который держит слуга, стоящий за императором, отождествить очень трудно. Скорее всего, это монета, перевязанная лентой, подобно монете с лентами, нарисованной на полу перед столом и охраняемой двумя собаками. Замечу, что монетовидные амулеты, подобные китайским времени династии Сун (960–1279), подвешены на лентах в верхней части гравюры в качестве украшения и имеют благопожелательный смысл. Возможно ли, чтобы монета превратилась в инсигнию власти? Думаю, что возможно. Юаньхао, объявив себя императором, проводит ряд реформ, суть которых сводилась к утверждению государственности. Эмиссия собственных монет и создание в 1158 г. специального управления, ведавшего их выпуском, были, по всей вероятности, чисто прокламативными актами утверждения «своего пути». Монеты выпускались с легендой на тангутском и китайском языках и по форме повторяли китайские, т.е. были круглыми, с квадратным отверстием в центре. Наиболее ранняя монета относится к 1053–1056 гг., к интересующему нас времени относится монета годов правления Да-ань (1076–1085). Собственный, а не китайский девиз годов правления и собственные деньги характеризуют утверждение государственности, поэтому монета помимо символа богатства могла быть и знаком власти, регалией императора.

Императрица-мать, обладавшая реальной властью как представительница клана Лян, воскуривает благовония, а слуги за ее спиной держат два опахала, которые сами по себе не являются атрибутами власти, но все же несут «властную» символику. На одном из них изображена птица, на другом — пара геральдически расположенных птиц. К сожалению, непонятно, какие именно это птицы: может быть, феникс и пара соколов, аналогичные тем, что изображены на опахалах над головой уйгурки из пещеры № 19 комплекса Юйлиньку.

В гравюре из Национальной библиотеки в Пекине на всех стоящих во втором ряду светских участниках сцены надеты точно такие же головные уборы, как и на императоре Хуй-цзуне¹⁴. В соответствии с правилами иконографии царственная пара занимает места, предназначенные для заказчиков и покровителей действия. Гравюра абсолютно уникальна как по содержанию — фиксация чрезвычайно важного события в жизни страны, т.е. завершение или

¹³ Кстати, заметим, этот атрибут в руках наследника престола еще одно подтверждение того, что на портрете представлен тангутский император. Подобные скипетры несут в руках два «генерала» из свиты Вайшраваны на иконе из Хара-Хото. Аналогичный предмет, происходящий из уезда Хайюань округа Нинся, представлен в экспозиции нового Музея культуры и искусства Си Ся в городе Иньчуань. Неудивительно, что регалия Стража Севера, охранителя территории, и заодно бога богатства Вайшраваны, который изображается со знаками власти — в короне, доспехах, со свитой (я имею в виду не иконографические признаки буддийского божества, а именно «властные»), является также регалией тангутского императора. Как уже отмечалось, культ Вайшраваны был очень популярен в Си Ся.

¹⁴ Я согласна с мнением Ши Цзинь-бо, который считает, что на гравюре изображен император Хуй-цзун — Вэймин Бин-чан (1061–1086, прав. 1068–1086), см.: Ши Цзинь-бо, 1988, с. 74. К.Б. Кепинг полагала, что здесь представлен император Чжун-цзун — Вэймин Цянь-шунь (1084–1139, прав. 1086–1139).

процесс перевода буддийского канона на тангутский язык, так и по композиции.

Историко-культурный контекст вышеназванных произведений, надписи на гравюре на сюжет перевода сутр, платья и головные уборы тангутских правителей и членов их семей, а также ляоские и тибетские аналогии составляют комплекс доказательств того, что и на иконах изображены император с императрицей.

Второй сюжет, привлечший наше внимание, представлен многотиражным изданием с гравюрами, иллюстрирующими уже упоминавшееся «Предисловие к „Правилам раскаяния в храме милосердия лянского императора У-ди“». Они хранятся в Национальной библиотеке в Пекине и в ИВР РАН. В гравюрах из коллекции ИВР РАН контекст реалий, о которых мы будем говорить ниже, тангутский (инв. № 3861, 3857 и 3926). В гравюре № 8349 и гравюре, принадлежащей Национальной библиотеке в Пекине, контекст реалий китайский (Самосюк 2006, илл. 45).

На гравюрах из собрания ИВР РАН Танг-2876 (инв. № 3861, 3857 и 3926) император, восседающий на троне, и придворные одеты по-тангутски, а слуги, стоящие по левую руку от императора, изображены с тангутской прической *туфа*, узаконенной императором Юань-хао. Шрамана Чжи-гун одет в монашескую рясу, его голова повязана шарфом, концы которого завязаны узлом и свисают с левой стороны. Ноги императора стоят на подставке в форме лотоса. Последнее представляется самой важной деталью, подтверждающей высказанное Н.А. Невским и повторенное последующими исследователями предположение о том, что тангутские императоры были полудуховными правителями — бодхисаттвами¹⁵. Во всех известных росписях на буддийские сюжеты только «божественные» персонажи стоят на лотосах. Таким образом, незначительная на первый взгляд деталь, на которую мы впервые обратили внимание, подтверждает наиболее существенные особенности тангутского государства: роль буддизма в нем как государственной религии и представление о монархе как о бодхисаттве.

Все изображения императоров, о которых говорилось выше, имеют общие черты. Они выделены мной из изображений реальных личностей по костюмам, атрибутам и, что самое главное, по особенному сакральному контексту произведений. Мы можем отметить или сакрализацию самих образов, или увековечение из ряда вон выходящего события: сын убивает отца, и оба одновременно оказываются на небесах; похороны императора и тризна; перевод сутр буддийского канона на тангутский язык; чудо нового перерождения императрицы, где император изображен как бодхисаттва.

Платья императоров украшают круги с драконами, императрицы одеты в богатые с золотыми узорами костюмы, их шапки орнаментированы золотом. Знаками сакральности являются: бунчук и в целом комплекс погребального обряда, запечатленный на иконе «Гуань-инь и похороны тангутского императора»; атрибуты богатства, охраняемые собакой; булава с навершием в форме

¹⁵ См.: Невский 1960, кн. 1, с. 82.

Илл. 7

сплюснутого шара, скипетр (?) с навершием- монетой; лotosовый трон вместо подставки для ног¹⁶.

Далее обратимся к реальным персонажам, представленным в живописи из Хара-Хото, донаторам-тангутам, которые обращаются к божеству.

Четверо персонажей из десяти икон, на которых изображены донаторы, имеют имена. Из этих десяти икон только парные мандалы Ушнишавиджайи принадлежат к группе произведений тибетского стиля, остальные следуют китайской или той части центральноазиатской традиции, которая в основном зависит от китайской, причем божественным персонажем в этом случае бывает либо Будда Амитабха, либо бодхисаттва Авалокитешвара, которого в дальнейшем применительно к группе китайских икон я буду называть Гуань-инь.

¹⁶ Изображение императоров в гравюрах, иллюстрирующих сутры, где они выступают как заказчики и покровители изданий, является отдельной проблемой изучения. Там они представлены в самом торжественном ритуальном одеянии и коронах с навесом, с которого свешиваются нити жемчуга. Гравюры исследованы Л.Н. Меньшиковым и хранятся в ИВР РАН. Замечу лишь, что я не уверена, что торжественное одеяние императоров в тангутских гравюрах не является простым воспроизведением китайских образцов и соответствует тангутским реалиям. Мы знаем, что регламентация костюмов сильно зависела от политической ситуации в государстве тангутов и «мода» на китайское то вводилась, то отменялась.

Илл. 8

Пара знатных донаторов-тангутов, муж и жена, из «Явления Амитабхи» (илл. 7) одеты в костюмы, похожие на одеяния императорской супружеской пары, изображенной на иконе «Портрет Учителя» (илл. 6). Женский костюм, прическа и головной убор сходны с аналогичными элементами убранства двух тангуток, которых можно видеть на иконе «Бодхисатва Самантабhadра с женщинами-донаторами Бай и Гао» (илл. 8). Женщина из «Явления Амитабхи» одета в темно-красное платье с цветами, обведенными тонким золотым контуром. Платье запахнуто на правую сторону, в запáхе виднеется нижняя одежда. С левой стороны тоже видна складка нижнего платья. Левосторонний, доходящий до бедра разрез хорошо виден на платьях госпожей Бай и Гао, повернутых к зрителю левым боком. Тангутское женское платье, таким образом, имело запáх и разрез, узкие длинные рукава. Прическа состояла из пучка волос на темени и закрывающих уши низко опущенных прядей по бокам, из-под которых видны серьги. Головной убор состоял из каркаса, украшенного цветными камнями, жемчугом и лентами, он надевался на пучок, а сзади имел спускающуюся до шеи «ветку». Головной убор госпожей Бай

и Гао по конструкции аналогичен убору дамы с иконы «Явление Будды Амитабхи», но не украшен драгоценностями и как будто бы покрыт прозрачным шелком. Головной убор императрицы (илл. 6) отделан золотом и покрыт золотой сеткой или золотистым шелком. Супруг из «Явления Амитабхи» (илл. 7) одет в неопределенного серого (черного?) цвета платье из ткани с цветочным узором. Набедренник темно-красный; платье подпоясано ремнем с пряжкой; на голове нет убора, но и нет прически *туфа*. Перед ушами ровно подстриженные пряди, волосы зачесаны гладко назад. Его прическа близка к прическе донатора с иконы «Встреча праведника на пути в Чистую Землю Амитабхи».

Донаторы — знатные дамы Бай и Гао — были заказчицами и просительницами благ у бодхисаттвы. Датировка; точное определение главного персонажа; интерпретация фамилий Бай и Гао; необычное изображение лица бодхисаттвы, впервые воплотившего тангутский антропологический облик, и лиц донаторов, стилистические странности — все это нам до конца непонятно. Надписи в картушах скорее не помогают, а запутывают исследователей. Старшая дама преподносит бодхисаттве белые пионы. В картуше — надпись по-китайски: «Цветы персика от госпожи Бай». Младшая молитвенно сложила руки. Надпись в картуше гласит: «Новобрачная госпожа Гао воскуривает благовония». Почему в обоих случаях наблюдается противоречие между реалиями (пионы и отсутствие курений) и надписями (о цветах персика и благовониях) — не ясно. Белые цветы пионов, скорее всего, символизируют невинность новобрачной. Обращает на себя внимание совпадение фамилий донаторов с официальным тангутским названием государства Си Ся. К.Б. Кепинг считала, что совпадение неслучайно и здесь зашифрован какой-то смысл, однако это предположение гипотетично и с ним трудно согласиться¹⁷. Профессор Ши Цзинь-бо в личной беседе высказал интересное предположение, что у этой иконы могла быть парная и что на этой несохранившейся, симметричной по композиции иконе могли быть изображены донаторы-мужчины. Тогда они должны предстать перед другим бодхисаттвой. Возможно, так и было, но никаких доказательств у нас нет. Парной могла быть икона Маньджушри. Самантабhadра помимо основной функции (бодхисаттва знания) выполнял также функцию покровителя женщин. Очевидно лишь то, что эта икона была заказана по случаю свадьбы девушки из семьи Гао.

В иконе «Явление Амитабхи» прослеживается разная степень мастерства в изображениях лиц людей и божественных персонажей и, при всех художественных достоинствах этого произведения, лица донаторов (илл. 7) написаны хуже, чем лик Будды. То же в «Портрете Учителя», где по сравнению с мало-выразительными лицами пары царственных донаторов поразительно тонко передан облик Учителя, индивидуализированный и одухотворенный (илл. 6). Возможно, разницу можно объяснить тем, что художник, набивший руку или пользовавшийся прописями для изображения божественных персонажей, не умел с такой же легкостью писать лица реальных людей.

¹⁷ См.: Kepping 1995, p. 23–31.

Илл. 9

На двух написанных на деревянных досках-мандалах с Ушнишейвиджайей в качестве главного божества донаторами представлены общинники — муж и жена (илл. 12 и 13). Функция женского божества Ушнишавиджайя — даровать долголетие, и изображенные рядом с ней заказчики — просители долголетия. В опубликованных Е.И. Кычановым и Л.Н. Меньшиковым каталогах письменных памятников на тангутском и китайском языках из Хара-Хото встречаются имена заказчиков с указанием их социального статуса и цели заказа перевода, переписки, печатания сутры или же другого религиозного текста¹⁸. Реже имена заказчиков можно прочесть в иллюстрациях к сутрам, еще реже и очень предположительно их можно «узнать» среди изображенных

¹⁸ См.: Кычанов 1999, с. 50, XXVI; Меньшиков 1984, с. 225 (ТК-164, ТК-165).

людей. Так, мы можем соотнести одного из заказчиков «Махапраджнапарамита сутры» — члена семьи Гха-хва (в китайской транскрипции — Ехай) — и госпожу Лион (Лян) с донаторами, чьи «портреты» нарисованы на этих мандалах¹⁹.

В левом от центра углу, вне дворца мандалы, представлена женщина-тангутка. В картуше написано: «С почтением, госпожа Лян Шан Э (последний иероглиф не сохранился)». В картуше парной мандалы около фигуры мужчины-тангута: «С почтением, Ехай Сун Бо Шань»²⁰.

Как уже упоминалось, обе фамилии встречаются среди восьми коллективных заказчиков переписки Махапраджняпарамита-сутры, которую Е.И. Кычанов датирует между 1141 и 1170 гг. Возможно, мужчина и женщина были мужем и женой. В тангутских семьях женщина сохраняла свое родовое имя, причем Ши Цзинь-бо считает фамилию Лян китайской, хотя признает, что заказчица по облику и костюму была тангуткой²¹. Фамилия Лян совпадает с фамилией двух императриц из рода Лян. Первая умерла в 1085 г., вторая — в 1099 г. Однако у нас нет никаких оснований предполагать, что изображенная на мандале женщина принадлежала к их роду.

К группе икон с изображением светских донаторов принадлежат и иконы-гороскопы (илл. 9). Функцию гороскопа выполняет икона с изображением божества планеты Юэбо. В данном образе совмещены атрибуты Марса, Раху и Юэбо, но на основании тангутской надписи мы определяем его как Юэбо. Это дополнительная планета, «луннодневная». Н.А. Невский относит ее к числу одиннадцати планет китайской астрологии. Божество планеты было личным покровителем донатора, родившегося под этим знаком. Возле донатора, в картуше, написано: «Донатор по фамилии Ле...»²².

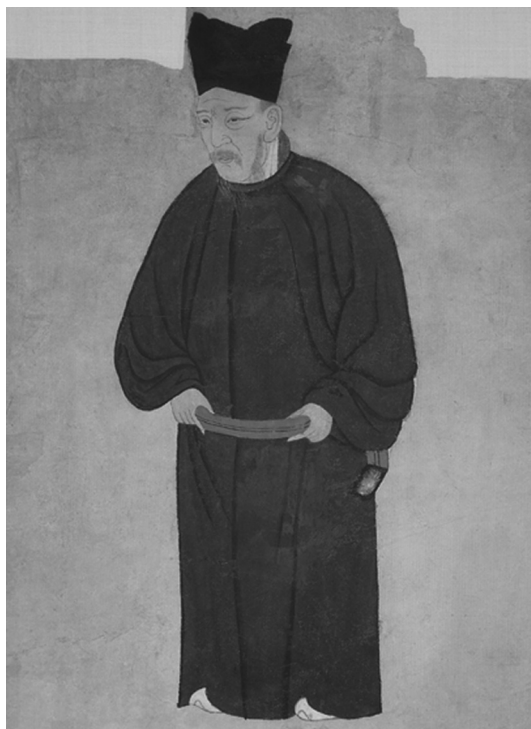
Последний чрезвычайно интересный «портрет» представлен на иконе «Сюань-у — Владыка Северного квадранта неба». На эрмитажной иконе изображен обращающийся с молитвой к Сюань-у тангут, по-видимому воин. Иконография божества в минской энциклопедии XVI в. *Саньцай тухуй* аналогична нашей иконе; там Сюань-у изображен с распущенными волосами, в такой же одежде, с мечом в правой руке и с босыми ногами. Следовательно, в иконографии божества в иконе из Хара-Хото нет специфически тангутского содержания и она имеет прямую аналогию в китайском искусстве. Что же касается содержания иконы, то на него указывает знамя со звездами Северного ковша (Большой Медведицы), который распорядился смертью: молящийся обращается к Сюань-у с просьбой о благоприятной посмертной судьбе. Антропологический тип донатора соответствует описаниям облика тангутов: лицо с крупными чертами, с большим курносым носом, бритое. На нем костюм для верховой езды, скорее всего костюм военного: сапоги и подобран-

¹⁹ См.: Кычанов 1999, с. 107, 128 (№ 11).

²⁰ Оба имени, по предложению К.Б. Кепинг, можно перевести. Мужское имя Ехай: Сосна — Кипарис — Гора. Госпожа Лян: Высокий-Берег (?). См.: Ши Цзинь-бо 1988, р. 181. Второй иероглиф фамилии мужчины я даю в чтении Кепинг.

²¹ См.: Ши Цзинь-бо 1988, с. 181.

²² Чтение Ши Цзинь-бо. Последние три иероглифа не читаются.

Илл. 10

ные полы верхней одежды открывают широкие штаны. На талии и бедрах — широкий набрюшник с поясом, плечи закрывает пелерина. На лбу — красная повязка, на затылке — деревянная, покрытая черным лаком вертикальная дощечка — часть воинского шлема, описанного в тангутских письменных источниках²³.

Представленная галерея образов реальных персонажей позволяет с уверенностью полагать, что в тангутском искусстве существовал жанр портрета.

Образы, представленные в живописи из Хара-Хото, позволяют расширить наше представление об искусстве портрета: исходя из них можно выявить несколько типов изображений людей, их свойства и социальную роль. Тип, представленный, например, «Портретом старого сановника», можно назвать дидактическим (илл. 10). Он возник и существовал в Китае на протяжении всей истории в тесной связи с конфуцианством. Такой портрет представляет собой официальное, парадное изображение достойной личности. Человек выступает в нем как носитель нравственности, он лишен индивидуальной характеристики, он — сумма добродетелей. Конфуцианство как в Китае, так и в Си Ся определило ценность личности как социально значимую, призванную воспитывать потомков примером собственной безупречности. Замечательный пример привел Е.И. Кычанов:

²³ См.: Кычанов 1997, с. 56.

Илл. 10 (фрагмент)

он называет переводчика китайской классики Ва Дао-чуна. В контексте нашей работы об искусстве тангутов Ва Дао-чун интересен тем, что, прославившись своими переводами и достигнув высоких чинов, был удостоен чести быть запечатленным на портрете. «„Вот почему они (жители Ся. — К.С.) нарисовали портреты князя и вменили в правило приносить жертвы ему вместе с прочими жертвоприношениями в школах уездов и областей их страны...“». Портрет Ва Дао-чуна сохранился в Лянчжоу после гибели Си Ся. Его видел потомок Ва Дао-чуна юаньский *лянфанши* Мин Дао в одном из полуразрушенных дворцов Лянчжоу. Мин Дао „плакал навзрыд и никак не мог оттуда уйти, требовал рабочих, чтобы скопировать портрет и хранить его в семье“. Внук Мин Дао написал славословие в честь своего предка: „...Но не забывают своего родственника, / ныне живущие мудрые внуки / подновили картину красной и синей краской / и приобрели доказательства славного прошлого...“²⁴.

В тангутской культурной традиции, так же как в китайской, сложилось несколько типов идеальной личности. Конфуцианский ученый, достойный занять место в императорской галерее верных слуг, — это Ва Дао-чун у тангутов; о преданных слугах писали средневековые авторы трактатов о живописи. Например, живший в XI в. автор «Записок о живописи» Го Жо-суй считал

²⁴ Цит. по: Кычанов 1968, с. 274–275.

Илл. 11

живопись делом государственной важности и приводил примеры благотворного воздействия картин на нравы простых смертных и императоров. Он рассказывал о том, как танский император Дэ-цзун любовался посмертными портретами старых сановников в галерее под названием «Почетные крюки» в Западном дворце, о танском наместнике округа Тяньчжоу, в котором тот основал школу и нарисовал портреты учеников Конфуция и известных мудрецов древности, сам сочинил восхваления, отчего произошли большие перемены в нравах «темного» населения пограничных областей²⁵.

Портреты создавались в соответствии с физиомантией — наукой о зависимости черт лица от нравственных качеств и судьбы человека (илл. 11). Иллюстрация к скорописному тангутскому тексту является редким, можно сказать, уникальным памятником, блестяще переведенным Е.И. Кычановым²⁶.

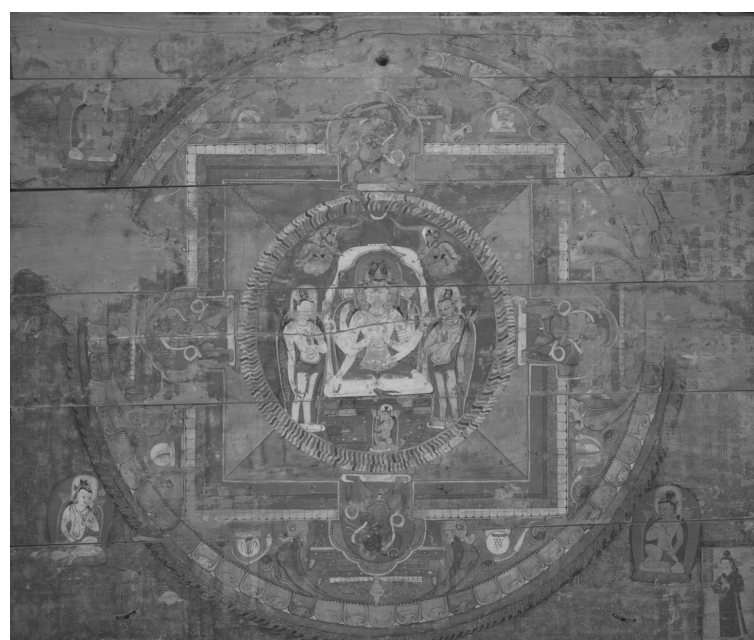
Физиомантия отнюдь не была помехой для художника, который, учитывая законы передачи индивидуальных свойств характера и требования сходства, выявлял в лице человека универсальные закономерности и уподоблял формы и черты лица структуре мироздания: например, темные и освещенные части лица воплощали всеобщий принцип *инь-ян*; пять «вершин» — нос, лоб и скулы

²⁵ См.: Го Жо-суй 1978, с. 19–21.

²⁶ Перевод и рисунок лица с «приговором» судьбы и характера опубликованы в каталоге выставки «Lost Empire of the Silk Road», см.: Piotrovsky 1993, № 70.

Илл. 12

Илл. 13

уподоблялись пяти горным вершинам. Но физиомантия — сравнительно позднее явление, получившее теоретическое осмысление у Су Дун-по (1037–1101) и зафиксированное в трактате Го Жо-сюя. Последний пишет о художнике, жившем в конце X в., который «овладел искусством физиомантии и прекрасно писал портреты», этот художник определял характер личности и предсказывал судьбу человека²⁷.

В буддизме идеальным образом был ученик Будды, адепт учения, наставник в вере. Появились «портреты» донаторов, в которых передавалось внешнее сходство, однако далеко не всегда художник был озабочен этой проблемой: приоритет порой отдавался фиксации социальной позиции, занимаемой должности, о чем сообщалось в сопутствующих надписях и что отражалось в костюмах, прическах, атрибутах.

Тангутские художники — назовем их портретистами — следовали традиции китайских мастеров, современников или даже предшественников. К сожалению, эрмитажный «Портрет старого сановника» (илл. 10) безымянный и мы не знаем, кто на нем изображен. Но сохранилась очень близкая к нему сунская аналогия — свиток «Пять старцев из Суйяна», который сохранился в разрезанном на части виде. Каждый из портретов заслуженных сановников имеет сопроводительную надпись с именем, возрастом и должностью. И наш портрет, написанный по сунскому образцу, увековечил какого-то прославившегося деятеля Великого государства, Белого и Высокого, в соответствии с конфуцианской традицией запечатлевать образы преданных слуг. Стиль «Портрета старого сановника» буквально повторяет сунский свиток; сходство так велико, что кажется, что оба произведения принадлежат руке одного мастера.

Определить жанровую принадлежность «Портрета тангутского императора со свитой» довольно трудно. Пользуясь европейской терминологией, этот свиток можно отнести к историческому жанру, но в теории китайской живописи не было такой жанровой характеристики, хотя длинные, многометровые свитки, на которых был запечатлен ритуальный объезд императором всей страны, повествовательные картины — путешествия запечатлевали события исторические. И все же тангутская картина с сюжетом, описывающим чрезвычайное событие в истории государства Си Ся, не имеет аналогий и представляет чисто тангутскую историю, запечатленную средствами китайской художественной стилистики — основной особенности тангутского искусства.

Пользуясь случаем, я выражаю глубокую благодарность Е.И. Кычанову за помощь и поддержку, за неоценимый материал по истории и культуре тангутов, собранный в трудах ученого. Надеюсь, что ему будет приятно увидеть портреты реальных персонажей, которые запечатлены в произведениях живописи из Хара-Хото.

²⁷ См.: Го Жо-стой 1978, с. 76.

Литература

- Го Жо-суй 1978 — *Го Жо-суй*. Записки о живописи: что видел и слышал. Пер. и коммент. К. Самосюк. М.: ГРВЛ, 1978.
- Кычанов 1968 — *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Кычанов 1991 — *Кычанов Е.И.* Император Великого Ся. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1991 (Страны и народы).
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е.И.* Море значений, установленных святыми. Изд. текста, предисл., пер. с тангутского, коммент. и прил. Е.И. Кычанова (Памятники культуры Востока, IV). СПб., 1997.
- Кычанов 1999 — Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук. Сост. Е.И. Кычанов. Вступит. ст. Т. Нисида. Изд. подготовлено С. Аракава. Киото: Университет Киото, 1999.
- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2008 (Исторические исследования).
- Лубсан Данзан 11973 — *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М.: Наука, ГРВЛ, 1973 (Памятники письменности Востока X).
- Меньшиков (рук.) 1984 — *Меньшиков Л.Н.* Книжная гравюра в китайских изданиях из Хара-Хото (рукопись).
- Меньшиков 1984 — *Меньшиков Л.Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М.: Наука, ГРВЛ, 1984.
- Невский 1960 — *Невский Н.А.* Тангутская письменность и ее фонды // Тангутская филология. Исследование и словарь. В 2-х кн. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
- Рудова 1976 — *Рудова М.Л.* Чиновник со слугой: рисунок из Хара-Хото // Сообщения Государственного Эрмитажа (СГЭ). Вып. XLI. Л., 1976.
- Самосюк 1993 — *Самосюк К.Ф.* Портреты тангутских императоров. Чтения в честь Б.Б. Пиотровского. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1993. С. 38–40.
- Самосюк 2006 — *Самосюк К.Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV веков. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006.
- Сычев 1975 — *Сычев В.Л.* Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М.: 1975.
- Dunnell 1996 — *Dunnell R.W.* The Great State of White and High. Buddhism and State Formation in Eleventh-century Xia. Honolulu: University of Hawaii Press, 1996.
- Kepping 1995 — *Kepping K.B.* The Oficial Name of the Tangut Empire as Reflected in the Native Tangut Texts / *Manuscripta Orientalia*. International Journal for Oriental Manuscript Research. Vol. 1, No. 3. December 1995. P. 22–32.
- Piotrovsky 1993 — Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara Khoto (X–XIIIth centuries). Ed. by M.B. Piotrovsky. Milan: Electa and Thyssen-Bornemisza Foundation 1993.
- Samosyuk 1997 — *Samosyuk K.* The Guanyin Icon from Khara-Khoto // *Manuscripta Orientalia*. International Journal for Oriental Manuscript Research. Vol. 3, No. 1. March 1997. P. 51–61.
- Бай Бинь, 1988 — *Бай Бинь* 白濱. Юаньхао чжуань 元昊傳 (Жизнеописание Юаньхао). Чанчунь 长春: Цзилинь цзяоюй чубаньшэ 吉林教育出版社, 1988.
- Ши Цзинь-бо 1988 — *Ши Цзинь-бо* 史金波. Си Ся фоцзяо шилюэ 西夏佛教史略 (Исторический очерк о буддизме в Си Ся). Иньчуань 銀川: Нинся жэньминь чубаньшэ 寧夏人民出版社, 1988.

Study of Messenger Passports in the Xi-Xia Dynasty¹

Introduction

The Xi-Xia (Tangut) dynasty, whose court was in the modern Ningxia region, controlled a large area from Ordos (Inner Mongolia) to the Hexi Corridor (western Gansu province). Many scholars have pointed out that this dynasty controlled the trade routes between East and West, and prospered through *entrepôt* trade. The Xi-Xia government divided the territory of the state into several military districts, which were controlled by setting up government agencies named 監軍司 (Military-Police Departments) in each district. The majority of its territory comprised desert areas where it hardly rains with oasis areas interspersed among these deserts. The time taken to move from the capital to the farthest Military-Police Department was 40 days.²

In this way, the Xi-Xia government, which controlled a region with such a large and relentless natural environment, must have established a meticulous traffic system to enable envoys and merchants to move around freely and safely without delay. Pre-modern Central Eurasian and East Asian states built roads that connected the capital to the provinces so that messengers, officers, and merchants could move safely over long distances. Each state set up posting stations at fixed distances to supply beds, food, and pack animals for people holding government passports. The Xi-Xia dynasty must have also established a similar system, and Prof. Kychanov has already studied this topic.³ Some scholars, however, have offered different opinions on the nature of the passports and the use of each passport. This paper focuses on the

¹ This work was supported by the Japan Society for the Promotion of Science (JSPS) KAKENHI (21720256), Grant-in-Aid for Young Scientists (B).

² Sato 2007b, pp. 455–457.

³ Кодекс, vol. 1, pp. 342–347.

passports held by messengers of the Xi-Xia who were sent from the capital to the provinces (or from the provinces to the capital). It analyzes the classification and use of passports considering the content of the *Tiansheng Code* (=TSC; Chin. 天盛改舊新定禁令: *The Revised and Newly Endorsed Code for the Designation of Tiansheng Reign*), which was compiled in the middle of the 12th c.⁴

1. Paitza and ‘touzi’ documents

There is no doubt that a paitza (Chin. 牌子)⁵ was a passport and a form of identification for messengers. Paitzas were given to confirm that messengers were sent by the government. According to the TSC, as Dr. Kychanov has mentioned, paitza holders could press a designated number of pack animals into service en route, and if someone impeded a paitza holder, he was punished ruthlessly. The number of days for a paitza holder’s journey was designated. Consequently, missing the deadline was punished. If a paitza holder destroyed, lost, or had their paitza stolen, he was also punished. As Dr. Kychanov also wrote, paitzas had been in use since the Tang dynasty, and were also used by the Liao and Jin empires. It is well-known that paitzas were also in use by the Mongol empire, which destroyed Xi-Xia.⁶

Researching the Tangut administrative documents unearthed at Khara-Khoto, we found descriptions of a “person bestowed with a golden paitza” and a “person bestowed with a silver paitza” as the titles of officers and commanders.⁷ Bronze and silver paitzas also appear in the TSC (Article 978, ch. 13).⁸ Although paitzas that were used for indicating titles were not exactly synonymous with their use as passports, the Xi-Xia government gave officers and commanders these paitzas to facilitate the acquisition of pack animals, etc.⁹

The Xi-Xia paitzas still are found in China. The most famous of them is engraved in Tangut characters meaning “paitza holding an imperial order and who rode a horse due to an emergency” (Chin. 勅燃馬牌). This paitza is round in shape, and made of

⁴ For the research of the TSC, I read the original texts collected at the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, and translated the Tangut texts into English directly. I would like to express to my appreciation to the Institute for the support.

⁵ For how paitza was written in Tangut, see СТЯ, № 3120-0; Li Fanwen 2008, № 3697.

⁶ See Кодекс, vol. 1, p. 343; Kychanov 2008, pp. 186–187.

⁷ Танг инв. № 8185 (translation and study see in: Kychanov 1977; Nie Hongyin 2000; Sato 2007a), Танг инв. № 2736 (translation and study see in: Kychanov 1971; Matsuzawa 1984; Nie Hongyin 2000; Sato 2007a).

⁸ For the Japanese translation, see Sato 2010b, pp. 112–113. Further, Du Jianlu mentioned that copper, iron, wood, and paper paitzas were used in Xi-Xia (1999, pp. 372–373).

⁹ The Jin empire gave a golden paitza for Brigade Commander (Chin. 萬戶); Battalion Commander (Chin. 猛安) received a silver paitza, and Company Commander (Chin. 謀克) received a wooden paitza (*Jinshi* 金史 [History of Jin], ch. 58. See also Du Jianlu 1999, p. 373). The Mongol empire gave for Brigade Commander a tiger tally (Chin. 虎符), Battalion Commander (Chin. 千戶) received a golden paitza and a silver paitza as evidence of his command of Company Commander (Chin. 百戶). Yanai Wataru guessed that these paitzas were privileges awarded to military officers. See Yanai 1922 (repr.: 1930, p. 875–879).

copper.¹⁰ We do not have any examples of round paitzas being used in the Liao and Jin empires. In the Mongol empire, however, messengers who conveyed emergency orders carried round paitzas.¹¹ Although the TSC describes that the number of days for a journey and the number of pack animals that could be pressed into service were designated beforehand, the existing paitzas are not engraved with such numbers. Article 972, ch. 13 of the TSC, however, describes that “When a paitza holder had used more pack animals than the number written in ‘touzi 頭子’...”¹² The fact that messengers held ‘touzi’ documents with their paitzas, and their number of pack animals, are written in the document.

We cannot find the original Xi-Xia ‘touzi’ documents, and so do not know the form such documents took. Nevertheless, some Xi-Xia administrative documents excavated at Khara-Khoto are inscribed in Chinese as follows: “(I) received ‘touzi’ from Anpaiguan (?) 准安排官頭子...,”¹³ “(I) received a ‘tou(z)’ with silver paiza from Anpaiguan(?) 准銀牌安排官頭// (子) ...”¹⁴ These documents indicate that ‘touzi’ documents were actually used in Xi-Xia. Sogabe Shizuo mentioned that the Bureau of Military Affairs (Chin. 樞密院) of the Song dynasty, which was a neighbor to Xi-Xia, issued ‘touzi’ documents, and sometimes issued silver paitzas instead of ‘touzi’ documents.¹⁵ According to research by Sogabe Shizuo, we can infer that Song dynasty messengers either had ‘touzi’ documents or silver paitzas.

It seems that the Xi-Xia ‘touzi’ documents were influenced by the Song dynasty. According to the TSC articles, however, Xi-Xia messengers who received both ‘touzi’ documents and paitzas could press pack animals into service *en route*. Xi-Xia had a system different from the Song as to whether a messenger must hold both items. On the other hand, in the Mongol empire, messengers received a document called *puma shengzhi* 鋪馬聖旨 or *puma zhazi* 鋪馬箭子 with their paitzas. This document described the number of pack animals that could be pressed into service *en route*.¹⁶ This system resembles that of Xi-Xia.

2. Tally

Ch. 13 of the TSC says that one messenger received another item in addition to his paitza and ‘touzi’ documents. The name for this item comprises the Tangut characters for “make clear”¹⁷ and “pair, harmonious.”¹⁸ Earlier researchers translated this term

¹⁰ DX, p. 47, Kychanov 2008, p. 188. Zhang Xu mentioned that this kind of paitza resembles the “gold character paitza (Chin. 金字牌).” See Zhang Xu 2010, p. 81.

¹¹ Haneda 1930 (repr.: 1957, pp. 91–110).

¹² For the Japanese translation, see Sato 2010b, p. 108; cf. Кодекс, vol. 4, p. 48; Shi Jinbo, et al. 1999, p. 469, l. 5.

¹³ Танг 349, инв. № 354; Sato 2010a, p. 17.

¹⁴ Танг 349, инв. № 315; Sato 2006, pp. 65–66.

¹⁵ Sogabe 1972, pp. 334–336.

¹⁶ Haneda 1909 (repr.: 1957, pp. 8–11, 14–15); Yanai 1922 (repr.: 1930, pp. 889–892).

¹⁷ СТЯ, № 5443-0; Li Fanwen 2008, № 2149.

¹⁸ СТЯ, № 1630-0; Li Fanwen 2008, № 1233.

as “accompanying document,”¹⁹ “order”²⁰ or “military tally.”²¹ The phrase used in the TSC is as follows: “Verify in the presence of officers and Regional Inspectors (Chin. 刺史)” (Article 993).²² “The shape is the same, but there is a slight mismatch” (Article 1003).²³ Due to these descriptions, I think this term should be translated as “tally” (Chin. 符).

Considering the related articles of TSC, we find that there were at least three types of tally. Below we present the study of the each type.

a) Type A: “Tally”

Type A is designated by the characters “make clear” and “pair, harmonious” (see above). Its usage is as follows:

Stamps, paitzas and tallies belonging to each Military-Police Department shall be registered. These shall be kept by the office of the person who holds the highest position among the key officers (directors and assistant secretaries) of the Military-Police Department. When the order to raise an army is received, verification shall take place in the presence of the officers and the Regional Inspector. (Article 993)²⁴

If the Regional Inspector and the Military-Police Department failed to report to the capital in time despite being able, or if they raised an army by themselves before the arrival of a tally, or if they delayed raising an army, they were judged using the regulations concerning the loss of tallies. (Article 1006)²⁵

If the paitza holder lost the tally for raising the army, and if the soldiers who should have been raised could have gathered in time to meet the deadline, the person who lost the tally shall be subject to three years’ penal servitude. If the soldiers who should have been raised were unable to gather in time to meet the deadline, the person who lost the tally shall be executed by hanging. (Article 997)²⁶

According to these articles, we see that Military-Police Departments possessed Type A tallies, and when the Bureau of Military Affairs (Chin. 樞密) ordered the Military-Police Department to prepare the troops for action, this tally was given to a messenger as identification. According to Article 997, however, even if the mes-

¹⁹ Кодекс, vol. 4, p. 57.

²⁰ СТЯ, № 5443-2.

²¹ Shi Jinbo, et al. 2000, p. 474.

²² For Japanese translation see Sato 2011, p. 106; cf. Кодекс, vol. 4, p. 57; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 474, l. 13.

²³ For Japanese translation see Sato 2011, p. 113; cf. Кодекс, vol. 4, p. 59; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 476, l. 6.

²⁴ For Japanese translation see Sato 2011, p. 106; cf. Кодекс, vol. 4, p. 57; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 474, ll. 12–13.

²⁵ For Japanese translation see Sato 2011, p. 115. TSC has already been translated into Russian (Кодекс) and Chinese (Shi Jinbo, et al. 2000), but the most part of this article are not translated in either.

²⁶ For Japanese translation see Sato 2011, p. 108; cf. Кодекс, vol. 4, p. 58; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 469, ll. 7–8.

senger conveying orders to ready the troops for action possessed a tally, he also needed to have a paitza. Military-Police Departments held half of the tally, and the other half was held by the Bureau of Military Affairs. The messenger from the Bureau of Military Affairs must visit the Military-Police Department with half of the tally. When the messenger arrived at the Military-Police Department, the Military-Police Department compared the messenger's half of the tally with the half that they held to verify that the messenger was authentic. Chinese researchers have pointed out that Song dynasty documents described how the 11th c. Xi-Xia dynasty mobilized their troops with the use of a “tally to mobilize the troops” (起兵符契).²⁷ I personally think that Type A tallies correspond to the “起兵符契” described in the Song documents.

Type A tallies used by messengers to pass the mobilization orders from Bureau of Military Affairs to local military agencies were also used in the Tang dynasty (where they were called *fabingfu* 發兵符), the Liao dynasty (where they were called *jinyufu* 金魚符), and the Song dynasty (where they were called *tongbingfu* 銅兵符).²⁸ It is evident that the Type A Xi-Xia tally was modeled by the systems of the other states.

b) Type B: “Mobilizing tally”

In the Tangut texts, the meaning of the character used for Type B tallies is “arise, give birth, mobilize,”²⁹ preceded by the word used for Type A tallies. This word can be translated directly as “mobilizing tally”. Because no object is used in the sentence, we cannot identify what was mobilized.

The TSC includes the following examples:

If the Commanders of the March (Chin. 行監) and the *inni* (Chin. 盈能?), who possess “mobilizing tallies” lost their tally at ordinary times, they shall be judged according to the article on “People awaiting orders (Chin. 待命者) lost their ‘sword tally’ (=Article 836)” as described in ch. 12. If an officer lost their tally through carelessness while moving troops along the frontier or when mobilizing troops in the course of the duties, the mobilizing officer shall be punished according to the articles on “Failure to mobilize the troops on time because the paitza holder lost their tally (= Article 997).” (Article 1002)³⁰

The Superior Prefecture (Chin. 府), the Military Prefecture (Chin. 軍), the Commandery (Chin. 郡), the Prefecture (Chin. 県), and the Military-Police Department shall determine how many “mobilizing tallies” need to changeover from

²⁷ Chen Bingyin 1995, p. 21; Shi Jinbo 2007, p. 120. The other Song document reads that the Xi-Xia dynasty used silver paitza to mobilize the troops (*Xu zichi tongjian changbian* 續資治通鑑長編, ch. 120, December, 4th year of reign Jingyou 景祐 [1037]: 發兵以銀牌). The TSC was created in the middle of the 12th c., so it is possible that the Xi-Xia dynasty initially mobilized its troops using silver paitzas, and then used tallies later.

²⁸ Yanai 1922 (repr.: 1930, p. 851); Nunome 1962, pp. 5–7; Matsui 1918, pp. 9–10.

²⁹ СТЯ, № 5475-0; Li Fanwen 2008, № 0009.

³⁰ For Japanese translation see Sato 2011, p. 112, cf. Кодекс, vol. 4, p. 59; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 476, ll. 3–4.

old to new tallies for all the Commanders of the March, Leaders of March, and *inni*. And (report?) their results to the Affiliated Military Commissioner (Chin. 經略使). ...shall (report?) to the Palace and Capital Command (Chin. 殿前司) once every four months, and report to the Bureau of Military Affairs. (Article 1007)³¹

The Commander of the March, Leader of March and *inni* who appear in these articles are the leaders of medium and small-sized units of the Xi-Xia army. According to Article 1002, they hold the “mobilizing tallies”. This type of tally was used when they mobilized their own troops. Dr. Kychanov translated the tally into “order for mobilization.”³² I think that this was not a paper document but a kind of metal or wooden tally, because Article 1007 described the “changeover from old to new tallies” and, from Article 1007, we can see that the Bureau of Military Affairs issued “mobilizing tallies,” whereas the Bureau of Military Affairs did not issue this type of tally to the Commanders of the March directly, but issued them by way of the Military-Police Department; that is to say, it is strongly possible that a pair of “mobilizing tallies” was held by the Commander of the March, the Leader of March and the *inni*, and another pair was held by the Military-Police Department. As the Military-Police Department must have controlled the local Commander of the March, Leader of March and *inni*,³³ it can be presumed that this “mobilizing tally” was used as an identification tag when the messenger bearing the order to mobilize the troops arrived from the Military-Police Department for the Commander of the March, Leader of March and the *inni*, or from the Commander of the March, the Leader of March and the *inni* to the smaller military units. Type A tallies were also used to identify messengers when troop mobilizations were ordered between the Palace and Capital military administration and local military administrations by other Chinese dynasties. Type B examples, however, which were used by local military administrations to order troop mobilizations by medium and small army units, are not described once in the Tang and Song dynasties. The majority of Xi-Xia soldiers were not stationed in military bases, and in times of peace they engaged in cultivation or livestock-farming, and in times of war they gathered at their designated location. Consequently, I think that Military-Police Departments required Type B tallies when ordering the leader of medium and small army units to mobilize their troops.

c) Type C: “Sword tally”

Another type of tally called the “sword tally” appears in the aforementioned Article 1002 in the TSC. This term is expressed using the Tangut character for

³¹ This article has not been translated into Russian and Chinese yet. For Japanese translation see Sato 2011, p. 115.

³² See Кодекс, vol. 1, p. 440–441; СТЯ, № 5475-2.

³³ Article 383 in ch. 6 of the TSC (for Japanese translation see Sato 2009, p. 19, cf. Кодекс, vol. 2, p. 201; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 265, ll. 13–14) says the Military-Police Department was concerned with the selection of the *inni*. Probably, the Military-Police Department was also concerned with the selection of the Commander of the March.

“sword”³⁴ and another character meaning to “make clear” (see above). Dr. Kychanov translated this term as “knife-order 刀令.”³⁵

There are very few examples in the TSC; however, Article 836, ch. 12 says:

Servants of emperor’s bed chamber (Chin. 帳門末宿), Servants of the palace (Chin. 内侍), Defenders of the Imperial Court, and their leaders are not permitted to lose, pawn or lose by brawling their “sword tally”, mallet, and stick, on which are written their belongings and names.³⁶

Servants of the emperor’s bed chamber and Servants of the palace are the names of posts of people who guard and perform miscellaneous duties within the palace. This shows that they possessed “sword tallies”, and their names were inscribed therein.

Some wedge-shaped metal objects made of copper have been collected in China. These are carved with the Tangut inscription, “Servants of the emperor’s bed chamber who await orders (Chin. 帳門末宿待命)” and “Night watchman who awaits orders (Chin. 内宿待命)” etc., and still more of them are engraved with people’s names.³⁷ These metal objects are known to researchers, and I believe that they are Type C “sword tallies”. Although we do not know clearly how to use these objects, palace servants who possessed these “sword tallies” described in Article 836 above were expected to be dispatched to foreign countries as messengers.³⁸ The “sword tally” might have been used as identification for people working in the palace, which they took with them when they were dispatched as messengers.

3. “Iron arrow”

Prof. Kychanov has indicated that special messengers who were dispatched from among the emperor’s bodyguards carried “iron arrows,” the holder for which was treated as a paitza holder.³⁹ For example, Article 883, ch. 12 in the TSC says,

When all “iron arrow” holders who need to commandeer pack animals did so, but exceeded the regulation numbers, judge the holders using the regulation regarding “Paitza holders who commandeer more than the regulation number of pack animals” described in ch. 13.⁴⁰

These “iron arrows” were a form of personal identification for people working in the palace. When communicating orders from the emperor, they carried their “iron arrows” with them. With the “iron arrows” in their possession, they could commandeer pack animals *en route* in the same way as paitza holders.

³⁴ СТЯ, № 1440-0; Li Fanwen 2008, № 5037.

³⁵ СТЯ, № 1440-5.

³⁶ Cf. Кодекс, vol. 3, p. 191; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 429, ll. 13–14.

³⁷ ТМСС, p. 78–81.

³⁸ See Article 1319, ch. 13 in the TSC (for Japanese translation see Sato 2003, pp. 204–205, cf. Кодекс, vol. 4, pp. 161–162; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 568, l. 9. p. 569, l. 1)

³⁹ Кодекс, vol. 1, pp. 322, 346.

⁴⁰ Cf. Кодекс, vol. 3, p. 209; Shi Jinbo, et al. 2000, p. 469, ll. 9–10.

Japanese researchers have already found examples of messengers carrying arrows as identification in Central Eurasia. Okazaki Seiro indicated that messengers sent to raise armies and conscripts carried items called an “arrow (Chin. 箭)” or “arrow for transmission (of orders) (Chin. 傳箭)” as identification in the Later Tang dynasty (established by Shatuo-Turk in northern China in the 10th c.), Tangut (before the establishment of the Xi-Xia dynasty), Khitan (the Liao empire), Jurchen (the Jin empire), and Tufan (the Tibetan empire). Okazaki traced their origins as far back as the Turks (Chin. 突厥; the Ancient Turkish empire).⁴¹ Mori Masao also mentioned that arrows were used to identify messengers who arrived to communicate orders for raising armies and for conscription, and that Turkish messengers carried arrows as identification in case it was necessary to requisition people other than soldiers. He has indicated that arrows were used as the symbol of messengers sent by leaders from Northeast and North Asian hunting-livestock societies.⁴² Although we have not found any actual “iron arrows” yet, as described above, “tallies” were used to identify messengers who came to communicate conscription orders. It is not known what issues were communicated by messengers who were in possession of “iron arrows.” Due to the very existence of a system by which messengers sent from the Xi-Xia emperor carried “iron arrows,” however, we know that the Xi-Xia dynasty was deeply influenced not only by the Chinese empire but also by pre-modern Central Eurasian nomadic states.

Conclusion

This paper examined the different applications of paitzas, tallies and “iron arrows” held by Xi-Xia government messengers, and studied the resemblance between Xi-Xia and other states. Some applications were common to the Tang, Song, Liao, Jin, and Mongol empire, and some of them (e.g., the “iron arrow”) originated not in the Chinese empire but the nomadic states of Central Eurasia. There is already an established theory that Xi-Xia Buddhism was influenced by Tibetan Buddhism. With regard to its administrative and military systems, however, the majority of researchers are apt to research the resemblances only between Xi-Xia and the Chinese empire. The Tangut who established the Xi-Xia dynasty were originally nomads. The Uighurs and the Tibetans lived as the indigenous people of the Hexi region, which was conquered by Xi-Xia in the early 11th c., and the Shatuo-Turks had also lived there during the 8th c. To research Xi-Xia systems, it is necessary to compare Xi-Xia with the nomadic states of Central Eurasia.

⁴¹ Okazaki 1948.

⁴² Mori 1952, pp. 85–88.

Abbreviations

- DX — *Daxia xunzong* — *Xixia wenwu jicui* [Selection of the Relics from the Lost Xi-Xia] 大夏尋踪——西夏文物輯萃. Ed. by Zhongguo guojia bowuguan 中国国家博物館 and Ningxia huizu zizhiqu wenhuating 寧夏回族自治区文化庁. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京: 中国社会科学出版社, 2004.
- TMCC — *Zhongguo cang Xi-Xia wenxian* [Tangut Manuscripts Collected in China] 中国藏西夏文献. Ed. by Shi Jinbo 史金波 and Chen Yuning 陳育寧. Vol. 20. Lanzhou: Dunhuang wenyi chubanshe 蘭州: 敦煌文藝出版社, 2006.
- Кодекс — *Измененный и заново утверждённый кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). В 4-х кн.* Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989 (Памятники письменности Востока LXXXI, 1–4).
- СТЯ — *Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь.* Сост. Е.И. Кычанов. Со-сост. Аракава Синтаро. Киото: Университет Киото, 2006.

References

- Chen Bingyin 1995 — Chen Bingyin 陳炳應. *Zhenguan yujing jiang yanjiu* [Study of *Mirror of Military Command of the Zhenguan Reign*] 貞觀玉鏡將研究. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川: 寧夏人民出版社, 1995.
- Du Jianlu 1999 — Du Jianlu 杜建錄. “Shilun Xixia de paifu” [An Essay on the Passports in Xi-Xia] 試論西夏的牌符. In *Songshi yanjiu lunwenji* [A Collection of the Articles on the History of the Song Dynasty] 宋史研究論文集. Ed. by Qi Xia 漆俠 and Wang Tianshun 王天順. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川: 寧夏人民出版社, 1999, pp. 372–380.
- Haneda 1909 — Haneda Toru 羽田亨. “Mōko ekiden kō” [The Mongolian Postal Service] 蒙古驛傳考. In *Tōyō kyōkai cyōsabu gakujiutsu hōkoku* [Report of the Investigation of the Oriental Society] 東洋協會調查部學術報告, 1 (1909), pp. 237–275 (reprint: Haneda 1957, pp. 1–31).
- Haneda 1930 — Haneda Toru 羽田亨. *Genchō ekiden zakkō* [Studies of the Postal System of the Mongol Empire] 元朝驛傳雜考. Tokyo: Tōyōbunko 東洋文庫, 1930 (reprint: Haneda 1957, pp. 32–114).
- Haneda 1957 — Haneda Toru 羽田亨. *Haneda hakushi shigaku ronbunshū; rekishihihen* [French subtitle: *Recueil des œuvres posthumes de Toru Haneda; études historiques*] 羽田博士史學論文集歷史篇. Kyoto: Tōyōshi kenkyūkai 東洋史研究会, 1957.
- Kuchanov 1971 — Kuchanov E.I. “A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto.” In *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2 (24) (1971), pp. 189–201.
- Kuchanov 1977 — Кычанов Е.И. “Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.)” In *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972*. М.: Наука, ГРВЛ, 1977, pp. 139–145.
- Kuchanov 2008 — Кычанов Е.И. *История тангутского государства*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Li Fanwen 2008 — Li Fanwen 李範文. *Xia-han zidian* [Tangut-Chinese Dictionary] 夏漢字典. 修訂重印本. 2nd edition. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京: 中国社会科学出版社, 2008.
- Matsui 1918 — Matsui Hitoshi 松井等. “Kittan no kokugun hansei oyobi senjutsu” [Organization and Tactics of the Kitan Army] 契丹の国軍編制及び戦術. In *Man Sen chiri rekishi kenkyū hōkoku* [Studies on Geography and History in Manchuria and Korea] 滿鮮地理歴史研究報告, 4 (1918), pp. 1–65.
- Matsuzawa 1984 — Matsuzawa Hiroshi 松澤博. “Sobieto tōyōgaku kenkyūsyō reningurādo shibu zō no. 2736 monjo ni tsuite” [On No. 2736 Document in the Institute of Oriental Studies, Leningrad Branch] ソビエト東洋学研究所レニングラード支部蔵 no. 2736 文書について. In *Tōyō shien* [The Bulletin of the Society of Oriental Researches] 東洋史苑, 23 (1984), pp. 67–87.

- Mori 1952 — Mori Masao 護雅夫. “Ya wo wakeataeru hanashi ni tsuite; Kita Ajiya syāmanizumu no kenkyū no issetsu” [A Story of Impartment Arrows; a Study of Shamanism in North Asia] 矢を分け與へる話について—北アジアシャーマニズムの研究の一節. In *Hoppō bunka kenkyū hōkoku* [Studies on Culture of the Northern Peoples] 北方文化研究報告, 7 (1952), pp. 81–96.
- Nie Hongyin 2000 — Nie Hongyin 聶鴻音. “Guanyu Heishuicheng de liangjian Xi-Xia wenshu” [Study of Two Tangut Documents Unearthed from Heishuicheng (Khara-Khoto)] 關於黑水城的兩件西夏文書. In *Zhonghua wenshi luncong* [Journal of Chinese Literature and History] 中華文史論叢, 63 (2000), pp. 133–146.
- Nunome 1962 — Nunome Chofu 布目潮風. “Tōdai fusei kō; tōritsu kenkyū. 2” [The *Fu* (tally) System of T'ang Dynasty; Studies in the T'ang Card. Pt. 2] 唐代符制考—唐律研究(二). In *Ritsumeikan bungaku* [The Journal of Cultural Sciences of Ritsumeikan University] 立命館文学, 207 (1962), pp. 1–35.
- Okazaki 1948 — Okazaki Seiro 岡崎精郎. “Kōtō no Meisō to kyūshū, 2” [Mingzong of the Later Tang Dynasty and the Traditional Customs of the Shatuo Tribe, Pt. 2] 後唐の明宗と舊習(下). In *Tōyōshi kenkyū* [The Journal of Oriental Researches] 東洋史研究, 10 (2) (1948), pp. 29–41.
- Sato 2003 — Sato Takayasu 佐藤貴保. “Seika hōten bōeki kanren jōbun yakuchū” [Japanese Translation and Commentary of the Provisions on Foreign Trade in the Tangut Code] 西夏法典貿易關連條文譯註. In *Shirukurōdo to sekaishi* [World History Reconsidered through the Silk Road] シルクロードと世界史. Ed. by Moriyasu Takao 森安孝夫. Toyonaka (Osaka): Osaka University Graduate School of Letters 大阪大学大学院文学研究科, 2003, pp. 197–255.
- Sato 2006 — Sato Takayasu 佐藤貴保. “Roshia zō Karahoto shutsudo seikabun *Dai-hōkōbutsukegonkyō* kyōchitsu monjo no kenkyū; Seika kakujōshi kanren Kanbun monjogun wo chūshin ni” [Study of Khara-Khoto Documents Found in the Folding Cases for Tangut *Avatamsaka Sūtra* Collected in Russia. Focusing on the Chinese Documents Written by Xi-Xia Monopoly Market Manager] ロシア蔵カラホト出土西夏文『大方廣佛華嚴經』経帙文書の研究—西夏権場使關連漢文文書群を中心に. In *Higashi Torukisutan shutsudo 'Ko Kan monjo' no sōgō chōsa; Heisei 15 nendo~Heisei 17 nendo Kagakukenyūhi (kiban kenkyū B) kenkyū seika hōkokusho* [Researches of Chinese and non-Chinese Documents from East Turkestan]. Grant-in-Aid for Scientific Research (Japan Society for the Promotion of Science [JSPS]), Basic Research (B) for 2003–2005. Report on Research Results 東トルキスタン出土「胡漢文書」の総合調査; 平成15年度~平成17年度科学研究費補助金(基盤研究(B))研究成果報告書, headed by Arakawa Masaharu 荒川正晴. Toyonaka (Osaka): Osaka University Graduate School of Letters 大阪大学大学院文学研究科, 2006, pp. 61–76.
- Sato 2007a — Sato Takayasu 佐藤貴保. “Seika jidai makki ni okeru Kokusuijō no jōkyō; futatsuno Seikago monjo kara” [Khara-Khoto in the Last Period of Xi-Xia: Based on Two Tangut Documents] 西夏時代末期における黒水城の状況—二つの西夏語文書から. In *Oashisu chiikisi ronsō; Kokuga ryūiki 2000 nen no tenbyō* [Essays on the History of Oasis Regions: Sketches of 2,000 Years in the Heihe River Valley] オアシス地域史論叢—黒河流域2000年の点描. Ed. by Inoue Mitsuyuki 井上充幸, et al. Kyoto: Shōkōdō 松香堂, 2007, pp. 57–79.
- Sato 2007b — Sato Takayasu 佐藤貴保. “Seika jidai ni okeru kokuga ryūiki no kōtsūro” [Traffic Routes of the Heihe Region in the Tangut Period] 西夏時代における黒河流域の交通路. In *Heishuicheng renwen yu huanjing yanjiu* [Studies in Humanity and Environment of Khara-Khoto: Proceedings of International Symposium on the Human Culture and Environment of Khara-Khoto Region] 黒水城人文與環境研究. Ed. by Shen Weirong 沈衛榮 and Nakao Masayoshi 中尾正義. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe 中国人民大学出版社, 2007, pp. 447–462.
- Sato 2009 — Sato Takayasu 佐藤貴保. “Seikago bunken ni okeru 'syuryō' no yōrei ni tsuite; hōreishū 'Tensei Kinrei' no jōbun kara” [Examples of 'Head' in Tangut Document; with *Tiansheng Code*] 西夏語文獻における「首領」の用例について—法令集『天盛禁令』の

- 条文から. In *Kan Nihonkai kenkyū nenpō* [Annual Bulletin of the Northeast Asian Studies] 環日本海研究年報, 16 (2009), pp. 12–24.
- Sato 2010a — Sato Takayasu 佐藤貴保. “Roshia zo Karahoto shutsudo seikabun Seika kakujōshi kanren Kanbun monjogun rokubun teiho” [Revision and Supplement of Chinese Khara-Khoto Documents Written by Xi-Xia Monopoly Market Manager Collected in Russia] ロシア蔵カラホト出土西夏文西夏榷場使關連漢文文書群録文訂補. In *Seika jidai no Kasai chiiki ni okeru rekisi, gengo, bunka no shosō ni kansuru kenkyū; Nihon gakujutsu shinkōkai kagaku kenkyūhi hojokin (Kiban kenkyū C) kenkyū seika hōkokusho* [Research of Various Phases of History, Linguistic, and Culture in Hexi Region in the Xi-Xia Period. Grant-in-Aid for Scientific Research (JSPS), Basic Research (C), Report on Research Results] 西夏時代の河西地域における歴史・言語・文化の諸相に関する研究: 日本學術振興会科学研究費補助金(基盤研究(C))研究成果報告書, headed by Arakawa Shintaro 荒川慎太郎. Fuchu (Tokyo): Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Languages and Cultures of Asia and Africa 東京外国語大学アジア・アフリカ言語文化研究所, 2010, pp.11–18.
- Sato 2010b — Sato Takayasu 佐藤貴保. “Seika hōreishū *Tensei kinrei fuhai* kanren jōbun yakuchū. 1” [Japanese Translation and Commentary of the Provisions on Passport in the Tangut *Tiansheng Code*. Pt. 1] 西夏法令集『天盛禁令』符牌關連条文譯注(上). In *Seihoku shutsudo bunken kenkyū* [Studies on Documents Unearthed at Northwest Area of China] 西北出土文獻研究, 8 (2010), pp. 101–120.
- Sato 2011 — Sato Takayasu 佐藤貴保. “Seika hōreishū *Tensei kinrei fuhai* kanren jōbun yakuchū. 2” [Japanese Translation and Commentary of the Provisions on Passport in the Tangut *Tiansheng Code*. Pt. 2] 西夏法令集『天盛禁令』符牌關連条文譯注(下). *Seihoku shutsudo bunken kenkyū* [Studies on Documents Unearthed at Northwest Area of China] 西北出土文獻研究, 9 (2011), pp. 101–120.
- Shi Jinbo, et al. 1999 — *Tianshen gaijiu xinding liling* [The Revised and Newly Endorsed Code for the Designation of Reign Tiansheng] 天盛改舊新定律令. Trans. and commented by Shi Jinbo 史金波, Nie Hongyin 聶鴻音, Bai Bin 白濱. Beijing: Falü chubanshe 法律出版社, 1999.
- Shi Jinbo 2007 — Shi Jinbo 史金波. *Xi-Xia shehui* [The Tangut Society] 西夏社会. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe 上海人民出版社, 2007.
- Shimada 1979 — Shimada Masao 島田正郎. *Ryōchōshi no kenkyū* [Study on the History of the Liao Dynasty] 遼朝史の研究. Tokyo: Sōbunsha 創文社, 1979.
- Sogabe 1974 — Sogabe Shizuo 曾我部静雄. “Sōdai no ekiden yūho” [The Post-station System of the Song Dynasty] 宋代の驛傳郵鋪. In *Sōdai seikeishi no kenkyū* [Studies on the History of Politics and Economics in the Song Dynasty] 宋代政経史の研究. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan 吉川弘文館, 1974, pp. 324–364.
- Yanai 1922 — Yanai Wataru 箭内互. “Genchō haifu kō” [Study on Passports under the Yuan Dynasty] 元朝牌符考. In *Man Sen chiri rekishi kenkyū hōkoku* [Studies on Geography and History of Manchuria and Korea] 満鮮地理歴史研究報告, 9 (1922), pp. 243–311 (reprint: Yanai 1930, pp. 839–898).
- Yanai 1930 — Yanai Wataru 箭内互. *Mōkoshi kenkyū* [Studies on Mongolian History] 蒙古史研究. Tokyo: Tōkōshoyin 刀江書院, 1930.
- Zhang Xu 2010 — Zhang Xu 張旭. “Xi-Xia yilu yu yichuan zhidu” [The Post-station Roads and the Post-station System in Xi-Xia] 西夏驛路與驛傳制度. In *Beifang minzu daxue xuebao; zhexue shehui kexue ban* [Journal of Beifang Ethnic University; Philosophy and Social Science Series] 北方民族大学学报(哲学社会科学版), 1 (2010), pp. 77–82.

Two Fragments of Chinese *Mañjuśrīnāmasaṃgīti* Transcribed into Uighur Script: Дх-12114 and Дх-12082 Preserved in St. Petersburg

We have found more than a dozen fragments of Chinese texts transcribed into Uighur script at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, with the assistance of Prof. E.I. Kychanov. We identified them as being from the following three Buddhist texts: eight fragments of 聖妙吉祥真實名經 (*Mañjuśrīnāmasaṃgīti*), two fragments of 四分律比丘戒本 (*Si fen lü bi qiu jie ben*), and five fragments of 禮懺文 (*Li chan wen*) “Worship and repentance.”¹ The original Chinese text of the *Mañjuśrīnāmasaṃgīti* was translated into Chinese during the Yuan dynasty; therefore, the text could not have been transcribed into the Uighur script before that. However, the phonological system of Chinese transcribed into the Uighur script in the *Mañjuśrīnāmasaṃgīti* bears a closer resemblance to the North-Western dialect of the later Tang or Five Dynasties period than to Chinese of the Yuan dynasty. The other texts transcribed into the Uighur script also display the same phonological characteristics as the *Mañjuśrīnāmasaṃgīti*. Meanwhile, Chinese spoken in Turfan and Dunhuang during the Yuan dynasty had a different phonological system, namely the Old Mandarin system known as 中原音韻 (*Zhongyuan yinyun*). Therefore, we inferred that the Uighur monks of the Yuan dynasty recited Chinese Buddhist texts in a historically unique way. We called this style of pronunciation ‘Inherited Uighur Pronunciation of Chinese (IUPC).’

¹ The studies of these fragments are published in Shōgaito 1995; 1996; 1997; 2003. Several fragments of this type are preserved in the Turfan Collection in Berlin. Among these fragments Peter Zieme found a fragment of *Mañjuśrīnāmasaṃgīti* (Zieme 1996), Yutaka Yoshida found a fragment of 般若波羅蜜多心經 (*Prajñāpāramitāhṛdayasūtra*) (Yoshida 2000), and we found a fragment of 梵網經 (*Brahmajāla-sūtra*) (Shōgaito 2009). Moreover, we found 阿含經 (*Āgama-sūtra*) at the Staatliche Museen zu Berlin-Preußischer Kulturbesitz Museum für Asiatische Kunst (Shōgaito 2009).

Since then, we have found at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS several other fragments of Chinese texts scribed into the Uighur script. We identified the contents of two of them as *Mañjuśrīnāmasaṃgīti*, but a different version of text than the text known before.

1. Text of *Mañjuśrīnāmasaṃgīti*

Our Chinese texts scribed into the Uighur script are composed of two fragments numbered Дх-12082 and Дх-12114, which belong to *Mañjuśrīnāmasaṃgīti*. These texts are written on the reverse of Chinese 妙法蓮華經 (*Saddharmapuṇḍarīka*).² Among the *Mañjuśrīnāmasaṃgīti* texts transcribed into the Uighur script there are no other texts written on the reverse side of the *Saddharmapuṇḍarīka*. The text of the two fragments in the Uighur script corresponds to the original Chinese one except for three characters.³

1.1. Transliteration

Дх-12114

- A1) [] qwq q-' s[yn
- A2) cww v'q 世界[
- A3) sy nynk kww [
- A4) cy 'ww qww 大[
- A5) 四 tym cww 中[
- A6) 以 七 qwq cy v[y
- A7) syk 二 šw'l'y qwn[k
- A8) q'y 八 t'w 正 'yk[y
- A9) 二 q'y 真[
- A10) 於

Дх-12082

- B1) [] 之 [
- B2) [] 中之 [
- B3) [sy]p sy syr [
- B4) [] lw[q] syr [
- B5) yy sy syp c[wnc
- B6) synk q'y 'y[r
- B7) 一切正 qwq q'n q['
- B8) 無 pyn 'yk q'y [
- B9) py cww c'r n' [

² The contents of Дх-12082 corresponds to *Taishō Tripitaka*, vol. 9, p. 56a12-18, and the contents of Дх-12114 corresponds to p. 56a28-b4.

³ The fragment of *Mañjuśrīnāmasaṃgīti* in Zieme 1996 also has these characteristics of the Uighur scripts. This fragment is also written on the reverse of a Chinese text which Zieme considered to be *Prajñāpāramitā*, but it is 大通方廣懺悔滅罪莊嚴成佛經 (*Da tong fang guang chan hui zui zhuang yan cheng fo jing*) and corresponds to *Taishō Tripitaka*, vol. 85, p.1341c1-13.

B10) yyk q'y c'r n' [

B11) [] synk c' [

1.1. Corresponding Chinese *Mañjuśrīnāmasaṅgīti*

大寶光明具吉祥	A1) 正覺化身莊嚴具
A2) 諸百世界皆令動	A3) 而能具彼神足力
A4) 持於廣大實性念	A5) 四念住中靜慮王
A6) 以七覺支為花香	A7) 即是如來功德海
A8) 解八道支義理故	A9) 是解真實正覺道
A10) 於諸有情大分著	亦如虛空無所著
一切有情意中生	速疾猶如有情意
解諸有情根與義	能奪有情諸心意
亦解五蘊實性義	清淨五蘊令受持
決定出彼諸邊際	亦能出於決定中
向決定出道中住	宣說一切決定出
拔十二支三有根	持於清淨十二種
B1) 具有四諦之義相	B2) 解持八種之心識
B3) 十二實義令具足	B4) 十六實性現體解
B5) 以二十種成菩提	B6) 勝解一切正覺相
B7) 一切正覺幻化身	B8) 無邊億界令出現
B9) 彼諸剎那現了解	B10) 亦解剎那諸有義
B11) 種種乘者方便理	· 利益去來皆了解

(Taishō Tripitaka, vol. 20, p. 829b23-c11)

2. Phonological reconstruction of the Chinese characters

We reconstructed the phonological forms of the Chinese characters transcribed into the Uighur script by applying the phonological system of IUPC proposed in Shōgaito 2003.

The first reconstruction of this phonological system was made in Shōgaito 1995 and then revised in Shōgaito 2003. For the further discussion we focus on the following main characteristics of IUPC:

- 1) Tones are not distinguished.
- 2) Middle Chinese *ts-*, *ts' -*, *dz-*, *s-*, and *z-* are mostly represented as *s-*.
- 3) Middle Chinese *tʂ-*, *tʂ' -*, *tʂ-*, *tʂ' -*, *t-*, *t' -*, and *d-* are represented as *č-*.
- 4) Middle Chinese labiovelars are almost delabialized. 化 *hua* <χua> *q-* is represented as χa, not χua.
- 5) Middle Chinese *k-*, *k' -*, and *g-* are represented as *k-* when combined with a final in division (= grade) 3 or 4, having a medial *-i-*, *-r-*, and as *q-* elsewhere. 固 *gu* <ko> *qw* qu, 句 *ju* <kū> *kw* ku.
- 6) Middle Chinese *m-* and *n-* are denasalized. However, the nasal *m-* remains when the syllabic ending is also nasal: 妙 *miao* <miəu> *pyw* beu ~ 面 *mian* <mien> *myn* men, while *n-* is denasalized almost completely: 泥 *ni* <niei> *ty* di ~ 念 *nian* <nien> dem, 難 *nan* <nân> dan.

7) Middle Chinese non-nasal stops are not dropped in the final position: 業 *ye* <ŋjɛp> *kyp* geb, 別 *bie* <piet> *pyr* per, 欲 *yu* <yio̯k> *ywq* yuɣ.

8) The final *-ŋ* is dropped in the Dang group (宕攝 *dang she*: *-âŋ, -iâŋ, uâŋ, iuâŋ*) and Geng group (梗攝 *geng she*: *-âŋ, -aŋ, -iaŋ, -uaŋ, iuaŋ, -ieŋ, -iēŋ*): 當 *dang* <tâŋ> *tw* to, 名 *ming* <miēŋ> *my* me. Cf. Ceng group (曾攝 *ceng she*: *-əŋ, -iəŋ*): 登 *deng* <təŋ> *tynk* tŋ, Tong group (通攝 *tong she*: *-uŋ, -iuŋ, -ioŋ*): 功 *gong* <kuŋ> *qwnk* quŋ, 從 *zong* <dzioŋ> *swnk* suŋ.

2.1. Reconstructed forms of the characters

2.1.1. Typical forms in terms of IUPC

覺 <kək> *qwq* /qoɣ/ (A1)(A6)(B7)
 化 <χua> *q'* /χa/ (A1)(B7)
 身 <çien> *s*[yn] /šin/ (A1)
 諸 <tçio> *cww* /cuu/ (A2)
 而 <nziəi> *sy* /zi/ (A3)
 能 <nəŋ> *nynk* /nŋ/ (A3)
 具 <giu> *kww* /kuu/ (A3)
 持 <diəi> *cy* /ci/ (A4)
 於 <io> *'ww* /uu/ (A4)
 廣 <kuâŋ> *qww* /qou/ (A4)
 念 <niem> *tym* /dem/ (A5)
 住 <diu> *cww* /cuu/ (A5)
 支 <tçie> *cy* /ci/ (A6)
 為 <fiue> *vy* /vi/ (A6)
 即 <tsiək> *syk* /sig/ (A7)
 如 <nzio> *šw* /žu/ (A7)
 來 <lai> *l'y* /lai/ (A7)
 功 <kuŋ> *qwnk* /quŋ/ (A7)
 解 <kai> *q'y* /qai/ (A8)(A9)(B6)(B10)
 道 <dâu> *t'w* /tau/ (A8)
 十 <ziəp> *[sy]p* /šib/ (B3)(B5)
 二 <nziei> *sy* /zi/ (B3)(B5)
 實 <çiet> *syr* /sir/ (B3)(B4)
 六 <liuk> *lw*[q] /luɣ/ (B4)
 以 <yie̯i> *yy* /yi/ (B5)
 種 <tçioŋ> *c*[wnk] /cuŋ/ (B5)
 勝 <çieŋ> *synk* /šin/ (B6)
 一 <iet> *'y*[r] /ir/ (B6)
 幻 <fiuan> *q'n* /χan/ (B7)
 邊 <pien> *pyn* /pen/ (B8)
 億 <iək> *'yk* /ig/ (B8)
 界 <kai> *q'y* /qai/ (B8)
 彼 <pre> *py* /pi/ (B9)
 諸 <tçio> *cww* /cuu/ (B9)

刹 <tʂʰat> c'r /car/ (B9)(B10)
 亦 <yiek> yyk /yeg/ (B10)
 乘 <ɕiəŋ> synk /ʃiŋ/ (B11)
 者 <tʂia> c' /cä/ (B11)

The forms between the slash marks are the reconstructed phonological ones. We could easily reconstruct these forms by applying the phonological system of IUPC. In the other words, these writings in the Uighur script were done using the phonological system of IUPC.

2.1.2. Forms alien to the IUPC

We must note that the following three forms are somewhat alien to the normal system.

a) 百 <pak> is normally transcribed into *p'q* and reconstructed as /pay/, but here it is written as *v'q* (A2). There are some other examples showing that script *v* can correspond to Middle Chinese *p* or *p'* in the Chinese texts scribed into Uighur script: 八 <pat> *v'r*, 悲 <pēi> *vy*, and 普 <p'o> *vw*. We reconstructed these transliterated forms respectively as /far/, /fi/, and /fu/. Therefore, *v'q* may be reconstructed as /fay/.

b) The nasal initial *n-* when it had no nasal endings (*-m, -n, -ŋ*) in the finals, was denasalized and became *d-* in IUPC. Therefore, 那 <nâ> was to be transcribed into *d'* (or *t'*) and to be reconstructed as /da/, but here it was transcribed into *n'* (B9)(B10). This denasalization-rule is rigid in IUPC, so we regard *n'* in (B9)(B10) as a special form constituting the second part of the Buddhist term 刹那 <tʂʰat nâ>, and reconstruct it as /na/.

c) 義 <ŋiē> is transcribed into 'yk[y](A8). This character is normally transcribed into *ky* and reconstructed as /gi/. We consider that the velar nasal initial *ŋ-* in Middle Chinese is generally denasalized in IUPC, but in our text there are a few curious forms that correspond to *ŋ-*: 五 <ŋo> 'wqw /uγu/ (while the normal form is *qw* /γu/) and 願 <ŋiueŋ> 'wykwn /uigun/ (the normal form is *kwn* /gun/). These curious forms 'wk- (/uγ-/) and 'wyk- (/uig-/) corresponding to the initial *ŋ-* might express some remnant of the original nasal qualities of initials. Here we would reconstruct 'yk[y] as /igi/ for present purposes.

2.2. Unusual usage of the Chinese characters

The three characters 二正中 written instead of the Uighur script correspond to 是支種 in the Chinese text. If we replace the latter three characters with the former ones in the same order, the contents of the Chinese text will be different from the original. However, if we recite these characters in IUPC, both texts will have the same or similar phonological forms, as shown below:

是 <zie rising tone> : 二 <nziei departing tone> (A7)(A9) IUPC /ʃi/ : /ʒi/
 支 <tʂie level tone> : 正 <tʂieŋ level tone> (A8) IUPC /çi/ : /če/
 種 <tʂioŋ rising tone> : 中 <tʂiuŋ level tone> IUPC /čun/ : /čun/ (B2)

Though we cannot understand why 二正中 were used for 是支種, it is clear that the writer of this text knew that the former three characters belonged to the same phonological categories as the latter three.⁴ However, a problem for us is that 是 and 支 do not show the same sounds as 二 and 正 respectively in IUPC.

The similar problems arise with the phonetic notes written in interlinear. For example, in Chinese, the interlinear character 二 <nzi̯ei> is written for the same sound as 屍 <ɕiei>, but the phonological forms of these two characters are different in IUPC: the former is represented as /zi̯/ and the latter is represented as /si̯/. Moreover, the interlinear character 藉 <ɕi̯ɛk> is written for the same sound as 即 <tsi̯ɛk>, but in IUPC their phonological forms are /seg/ and /sig/, respectively.⁵ These distinctions between /z/ and /s/ or between /e/ and /i/ in IUPC are common issues we found in our texts.

The reconstruction of the phonological system of IUPC was made basing on the Chinese texts transcribed into the Uighur script, comparing it with Middle Chinese, the North-Western dialect of Chinese in the later Tang dynasty, and Old Mandarin. We found that employing the information about Chinese made some reconstructed sounds too narrowly classified because the Uighur script is polyphonic. Consonants /s/ and /z/ are written with the same script, *s* or *s'*. Both vowels /i/ and /e/ are written with a single script *y*. Here, we could argue that /s/ and /z/ or /i/ and /e/ denoted the same sound, probably /s/ and /i/. However, there might be another possibility, namely that the writers of these characters recognized these subtle distinctions of IUPC, but they used these characters to represent similar sounds. At present, it is unknown which possibility is correct.

2.3. Chinese characters in the texts

We can infer that the characters in the texts other than 中二正 mentioned in section 2.2 were also read in IUPC. We reconstruct their phonological forms by using the phonological system of IUPC, as shown below:

世(A2) <ɕiei> /si̯/
 界(A2) <kai> /qai/
 大(A4) <dâi> /tai̯/
 四(A5) <siei> /si̯/
 以(A6) <yi̯ɛ> /yi̯/
 七(A6) <ts'iet> /sir/

⁴ There is a similar usage of Chinese characters in the fragment numbered as SI Kr. IV 309. This fragment contains the part of Chinese 四分律比丘戒本 (*Si fen lü bi qiu jie ben*) transcribed into the Uighur script. Preceding the Uighur scripts there are three lines of Chinese characters, and the second line is 月說戒竟衆來若. This string of characters corresponds to original 月說戒經中來若, that is 竟衆 are written instead of 經中. Though 竟衆 has no meaning in this string of characters, it has the same phonological form as 經中 in terms of IUPC as shown below:

經 <kieŋ> : 竟 <kiaŋ> IUPC /ke/ : /ke/
 中 <tiuŋ> : 衆 <ɕiuŋ> IUPC /çuŋ/ : /çuŋ/

⁵ These examples are from the texts of Chinese *Suvarṇaprabhāsa* which are preserved at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, and numbered as Дх-17385 and Дх-17058.

八(A8) <pat> /far/
 真(A9) <tɕien> /cin/
 於(A10) <ʼo> /uu/
 之(B1) <tɕiɕi> /ci/
 一(B7) <iet> /ir/
 切(B7) <ts'iei> /si/
 無(B8) <m̩ru> /uu/

2.4. Reconstructed text

Here, we show how Uighur monks recited our texts. The missing parts of the text, which are put in square brackets, are also reconstructed by using the phonological system of IUPC.

Дx-12114

A1) [če] qoγ ɣa š[in čo yem kuu]	正覺化身莊嚴具
A2) čuu fay ši qai [qai le tuŋ]	諸百世界皆令動
A3) ži n̩ŋ kuu [pi šin suγ lig]	而能具彼神足力
A4) či uu qou tai [šir se dem]	持於廣大實性念
A5) s̩ dem čuu čuŋ [se lu wo]	四念住中靜慮王
A6) yi sir qoγ či v[i ɣa xo]	以七覺支為花香
A7) sig ži žulai qu[ŋ tiŋ ɣai]	即是如來功德海
A8) qai far tau če ig[i li qu]	解八道支義理故
A9) ži qai čin [šir če qoγ tau]	是解真實正覺道
A10) uu [čuu yu se tai fin čay]	於諸有情大分著

Дx-12082

B1) [kuu yu s̩ ti] či [igi so]	具有四諦之義相
B2) [qai či var] čuŋ či [sim šig]	解持八種之心識
B3) [ši]b ži šir [igi le kuu suγ]	十二實義令具足
B4) [šib] lu[ɣ] šir [se xen ti qai]	十六實性現體解
B5) yi ži šib č[un] še pu ti]	以二十種成菩提
B6) šin qai i[r si če qoγ so]	勝解一切正覺相
B7) ir si če qoγ ɣan ɣ[a šin]	一切正覺幻化身
B8) uu pen ig qai [le čur xen]	無邊億界令出現
B9) pi čuu čar na [xen leu qai]	彼諸剎那現了解
B10) yeg qai čar na [čuu yu igi]	亦解剎那諸有義
B11) [čuŋ čuŋ] šin čä [fo pen li]	種種乘者方便理

3. Conclusion

Thus far, we have published eight fragments of *Mañjuśrīnāmasaṃgīti* transcribed into the Uighur script. This Buddhist text is especially important for studies on IUPC because it is fairly clear that the writing was done during the Yuan dynasty. The two fragments discussed here have Chinese characters incerted

in the Uighur scripts. In this way, they are different from other fragments of *Mañjuśrīnāmasaṃgīti* in Russia. It is noteworthy that some of these characters force us to re-examine the phonological system of IUPC.

We have found several more Chinese fragments written in Uighur script in the Russian Collection, but have not identified them yet.

References

- Shōgaito 1995 — Shōgaito Masahiro 庄垣内正弘. “Uiguru moji onsha saretā kango butten dampen nitsuite: uiguru kanjion no kenkyū” [Chinese Buddhist Texts in Uighur Script] ウイグル文字音寫された漢語佛典斷片について—ウイグル漢字音の研究. In *Gengogaku kenkyū* [Linguistic Research] 言語學研究, 14 (1995), pp. 65–153.
- Shōgaito 1997 — Shōgaito Masahiro 庄垣内正弘. “Uiguru moji onsha saretā kango butten dampen nitsuite: uiguru kanjion no kenkyū” [Chinese Buddhist Texts in Uighur Script (cont.)] ウイグル文字音寫された漢語佛典斷片について—ウイグル漢字音の研究 (續). In: *Seinan-Ajia kenkyū* [Bulletin of the Society for Western and Southern Asiatic Studies] 西南アジア研究 (*Kyoto University*), 46 (1997), pp. 1–31.
- Shōgaito 2003 — Shōgaito Masahiro 庄垣内正弘. *Roshia shozō uiguru bunken no kenkyū—uiguru moji hyōki kanbun to uigurugo butten tekisuto* [English subtitle: Uighur manuscripts in St. Petersburg — Chinese texts in Uighur script and Buddhist Uighur texts] ロシア所蔵ウイグル文献の研究 — ウイグル文字表記漢文とウイグル語仏典テキスト. Kyoto: Kyoto University, Graduate School of Letters, 2003 (Studies in Old Eurasian Languages 1).
- Shōgaito 2004 — Shōgaito Masahiro 庄垣内正弘. “How were Chinese Characters Read in Uighur?” In *Turfan Revisited – The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road*. Ed. by D. Durkin-Meisterernst et al. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2004, pp. 321–324 (Monographien zur Indischen Archäologie, Kunst und Philologie 17).
- Shōgaito 2009 — Shōgaito Masahiro 庄垣内正弘. “The *Fanwangjing* 梵網經 (Brahmajāla-sūtra): A Chinese text transcribed in the Uighur script.” In *Tujue yuwenxue yanjiu – Gen Shimin jiaoshou 80 huadan jinian lunwenji* [Studies in Turkic Philology. Festschrift in Honour of the 80th Birthday of Professor Geng Shimin] 突厥語文學研究——耿世民教授 80 華誕紀念論文集. Ed. by Zhang Dingjing 張定京 and Abdurishid Yakup 阿不都熱西提. Beijing: Minzu University Press 北京:中央民族大學出版社, 2009, pp. 426–434.
- Shōgaito 2010 — Shōgaito Masahiro. “A Chinese Agama text written in Uighur Script.” In *Trans-Turkic Studies. Festschrift in Honor of Marcel Erdal*. Istanbul: Gener Dođıtım Pandora Kitabevi, 2010, pp. 67–77.
- Yoshida 2000 — Yoshida Yutaka 吉田豊. “Further remarks on the Sino-Uighur problem.” In *Annals of Foreign Studies* (Kobe City University of Foreign Studies), 45 (2000), pp. 1–11.
- Zieme 1996 – Zieme P. “A fragment of the Chinese in Uigur Script from Turfan.” In *Studies on the Inner Asian Languages*, 11 (1996), pp. 1–14.

«Улус» в монгольских летописях XVII в.

Энциклопедически образованный ученый Е.И. Кычанов уделяет много внимания изучению кочевых обществ и роли кочевников в истории Центральной Азии. В своих трудах он неоднократно обращается и к исследованию монгольского общества периода империи, а также более позднего времени — Халхи XVII в.¹ В данной статье, рассматривающей употребление термина «улус» в летописях XVII в., представлены все значения этого термина, актуальные для своего времени.

В идентификационных практиках XVII в. термин «улус» часто встречается со словом «монгол», причем в сочетании («монгол улус») эти слова могут передавать, хотя и довольно редко, такое понятие, как «Монголия». Прежде чем начать изложение всех значений термина «улус», хотелось бы сказать несколько слов о другом словосочетании, которое также употребляется для обозначения территории проживания монголов — *Mongγol-un γajar* («монгольская земля»), может быть даже в смысле «страна» («страна монголов»)². Это понятие использовалось как для характеристики предшествовавшего периода, так и для описываемого настоящего. Сакья-пандиту пригласили распространять буддизм «в монгольской земле» (монг. *kiγajar Mongγol-un γajar-a*³). Далай-лама III отметил, что в монгольской земле много луусов, шимнусов, онгонов и проч.⁴ Упоминается распространение «ханского рода на монгольской земле Бэдэ» (монг. *Bede mongγol-un γajar-a qad-un ugu*⁵).

Интересны употребления термина *ulus* в описании событий, относящихся к наиболее ранним временам. Так, в летописи XVIII в. «Шара туджи» этот термин впервые упоминается в связи с Бортэ-Чино, предком монголов, кото-

¹ Кычанов 2010, с. 202–238, 280–282.

² ЕТ 1990, р. 84, 87, 140, 157, 169, 177, 179.

³ ЕТ 1990, р. 82.

⁴ ЕТ 1990, р. 148.

⁵ ЕТ 1990, р. 46.

рого автор летописи представляет, в соответствии с буддийской традицией, как потомка тибетского правителя: «Тушемил Алтан Сандалиту-хугана, по имени Лонгам, хана убил. Когда этот тушемил на ханский престол воссел, то младший сын Алтан Сандалиту-хагана Буртэ Чино ушел в землю Гонбо, там не прижился и, взяв жену свою по имени Гоа Марал, переправился на восточную сторону моря Тэнгис, достиг горы Бурхан Халдун [и] встретил народ по имени Бида (монг. *Bida kemekü ulus-tu jolγaju*⁶). Когда [он] рассказал о своих обстоятельствах, то тот народ Бида, посоветовавшись между собой, поставил его нойоном»⁷ (монг. *Siltayan-iyar ögülegsen-dür tere bida kemekü ulus kelelčejü noyan bolγabai*⁸). Безусловно, встретить можно было только людей, причем этот народ, называвшийся Бида, обсуждал (в монгольском тексте выражение *ulus kele[lčej]ü* определенно указывает на совместные действия группы людей) вопрос о прибытии Бортэ-Чино и избрании его своим главой.

Последующие сведения источника, отражающие деятельность Чингис-хана по расширению власти монголов, с достаточной степенью уверенности подтверждают это значение термина *ulus*. Чингис-хану приписываются, например, следующие слова: «Подобный сокровищнице весь великий народ мой»⁹ (монг. *Güü sang metü güр yeke ulus mini*¹⁰). Далее говорится: «Когда соединял и собирал воедино великий народ... Когда собирал обширные многие народы»¹¹ (монг. *Yeke ulus-i joban жүgejü жүggele quriyaqu čay-tur... eng olan ulus-i quriyaqu-dur*¹²); этот же термин встречается в словах сунитского Хилугэтэй-Багатура: «С поспешностью собранный, твой народ рассеется... Прежде соединенный, народ твой станет чужим»¹³ (монг. *Qamuy-un жүgegsen ulus činu tarqamji. ...üris-ün жүgegsen ulus činu öber kümüni болон tarqamji*¹⁴). Именно в этом значении (люди, народ) употреблен термин *ulus* и в словах, сказанных нукеру Чингис-хана Боорчи его женой по имени Тэгусхэн Гоа: «Ты встретился раньше создания всего, собирал все народы... когда великие милости даны были ныне всему великому народу. То как же забыл одного тебя?»¹⁵ (монг. *Bütügü-yin urida učiraju бүкүи ulusi quriyalčacu : burin yeke törü-yi inu qasilčaju. ...edüge narmai yeke ulus-tu yeke qayira boltala : γayča čimai ese durasuγsan yaγun bui*¹⁶). Ясно, что собрать и одарить милостями можно только людей. Когда речь идет о покорении противника, его захвате и приведении к покорности, то имеются в виду именно люди. В связи с этим представляется верным перевод термина *ulus*, предложенный Н.П. Шастиной при описании по-

⁶ ШТ 1957, с. 21.

⁷ ШТ 1957, с. 127.

⁸ ШТ 1957, с. 21.

⁹ ШТ 1957, с. 133.

¹⁰ ШТ 1957, с. 35.

¹¹ ШТ 1957: 133–134.

¹² ШТ 1957, с. 36.

¹³ ШТ 1957, с. 134.

¹⁴ ШТ 1957, с. 37.

¹⁵ ШТ 1957, с. 130.

¹⁶ ШТ 1957, с. 29.

беды Чингис-хана над карлукским Арслан-хаганом, которого он убил, «а народ покорил»¹⁷ (монг. *Ulusı inu ababai*¹⁸). Это значение подтверждается другими свидетельствами источника: «В некоторых источниках сказано: в год собаки Чингис-хаган отправился в поход на тангутский народ (монг. *Tangyud irgen-e ayalabai*¹⁹)... Богурджи (Боорчи. — Т.С.) и Мухули повеление сделал: „Людей Джуйин из китайского народа вы оба себе возьмите“»²⁰ (монг. *Kitad irgen-eče juin irgen-i ta qoyar ab*²¹). Мы видим, что *Ulusı inu ababai* в первом случае синонимично *irgen-i ...ab* в последнем. А *irgen*, как известно, имеет лишь одно значение — люди.

В качестве идентификационных маркеров границ общности, образованной Чингис-ханом, используются разные обозначения. Прежде всего это обозначение собственно монгольской общности: «Подобным образом понемногу собрал товарищей, также покорил сорок тумэнов монгольского народа (монг. *Tere metü ulam nöbür nemejü basa tayilču abču döčün tümen mongyol ulusı oroölči*²²) и двадцати восьми лет от роду в Худо-Арал на Керулене стал хаганом»²³. В данном случае используется маркер общности, не употреблявшийся в XIII в. и сложившийся позже, — сорок тумэнов монгольского народа²⁴.

Новый, не встречавшийся в эпоху великого завоевателя его образ в качестве вселенского монарха можно видеть в следующих словах, приписываемых Чингис-хану: «По велению отца моего небесного Хормуста тэнгри покорил я двенадцать великих хаганов всего мира, завершил большую часть великих дел, ныне спокойно жить буду»²⁵ (монг. *Tngri qormusta tngri ečige-yügen jarliü-iyar delekei dakin-u arbrn qoyar yеке qayarı-i : erke-degen oroölju : yerü yekengki üiles-iyen tegüsgebei bi*²⁶). В данном примере число двенадцать обозначает горизонтальную модель мира, который цивилизуется нахождением в его центре персоны Чингис-хана. Подобная модель отмечается в «Шара туджи» и для Хубилая, который, «летом пребывая в городе Шанду Хэйбун Хурду, зимой в городе Ихэ Дайду, четырех народов не допуская до потрясений, восьми

¹⁷ ШТ 1957, с. 128.

¹⁸ ШТ 1957, с. 24.

¹⁹ ШТ 1957, с. 32.

²⁰ ШТ 1957, с. 132.

²¹ ШТ 1957, с. 33.

²² ШТ 1957, с. 22.

²³ ШТ 1957, с. 128.

²⁴ Представление о монголах как общности сорока тумэнов предположительно относится ко времени Юаньской династии, поскольку в «Шара туджи» имеются сведения о том, что при изгнании Тогон Тэмура из Китая «из сорока тумэнов монголов вышли [лишь] шесть тумэнов» (ШТ 1957, с. 140), монг. *döčün tümen mongyol-un jirguyan tümen inu yarbai* (ШТ 1957, с. 57). И хотя, как указано выше, из Китая вышло только шесть тумэнов монголов, однако и позже, во времена Эсэна, монголы обозначались как сообщество сорока тумэнов, о чем свидетельствуют его слова, сказанные своему прислужнику Инаг Хэрэ: «Испытай Сорок и Четырех» (ШТ 1957, с. 145), монг. *döčün dörben-i tengse* (ШТ 1957, с. 85), где число сорок обозначает монголов, а четыре — ойратов.

²⁵ ШТ 1957, с. 131.

²⁶ ШТ 1957, с. 39.

границ не колебля (монг. *dörben ulusı ülü tengselgen : naiman kijayar-i ülü nisayalayan*²⁷), установил всеобщее спокойствие и счастье»²⁸. В летописях XVII в. встречается и модель, известная по «Сокровенному сказанию», только Чингис-хан здесь не является сыном Неба, а приобретает буддийскую окраску: «хубилган Чингис-хаган и покорил пять цветных и четыре чужих народа»²⁹ (монг. *Tabun öngge dörben qarı ulusi erkedegen oγuлуγsan anu*³⁰).

Естественно, центром вселенной в эпоху Чингис-хана являются монголы — *mongyol ulus*. Согласно Саган-Сэцэну, Чингис-хан заявляет, что с этого времени *Köke mongyol* будет называться *Köke ulus mongyol* или же *Köke mongyol ulus*³¹. Неустойчивость словосочетания (разное написание в разных версиях ЕТ) позволяет предположить, что данный идентификационный маркер еще не закрепился в политической практике XVII в. Первый вариант трудно поддается переводу, поскольку термин *ulus* не оформлен грамматически. Если бы он был в родительном падеже, то его можно было бы перевести как «монголы синего улуса». Второй вариант может иметь два значения. Первое — «улус синих монголов» (в значении политии), второе — «синие монголы» (в значении «народ»). Возможность второго значения подтверждается и следующим пассажем, также относящимся ко времени Чингис-хана. В речи сунитского Гилугэн-багатура, обращенной к последнему, упоминаются *urγumal ayul albatu Mongyol ulus cinu*³² («увеличивающиеся в числе (разрастающиеся) подданные — монгольский народ твой»)³³. В данном контексте словосочетанием *Mongyol ulus* совершенно определенно обозначаются люди, поскольку оно сопровождается определением «те, которые приносят дань» — подданные.

Словосочетание *Mongyol ulus* в тексте «Эрдэнийн товчи» встречается довольно часто. В период «малых ханов» ойратский Батула-чинсанг убил монгольского Элбэг-хагана, захватил его сына Олдзэйтү-хунтайджи и «подчинил себе (здесь и далее курсив мой. — Т.С.) большую часть монгольского народа» (монг. *Mongyol ulus-un yekengki-gi anu oγuлуγsan ajuγu*³⁴). Здесь *Mongyol ulus*

²⁷ ШТ 1957, с. 50.

²⁸ ШТ 1957, с. 139.

²⁹ ШТ 1957, с. 128.

³⁰ ШТ 1957, с. 22.

³¹ ЕТ 1990, р. 56.

³² ЕТ 1990, р. 82.

³³ Аналогичное значение термина *ulus* в плаче сунитского Хилугээтэй-Багатура по поводу смерти Чингис-хана мы находим в «Шара туджи»: «„Когда обеспокоился весь великий народ... Весь великий народ свой покинул... Силою собранный народ твой... Издавна собранный народ твой... Все возрастающие народы твои... Многочисленный монгольский народ твой...Весь говорящий народ твой... Все целиком народы твои... Ты отвернулся ли от своего старого монгольского народа, государь мой?“. Когда так сказал, то хан-государь соблаговолил, и одноколка, скрипя, двинулась. Весь народ обрадовался» [ШТ 1957, с. 135–137] (монг. *gür yeke ulus jobaquidur... güri yeke ulus-ıyan orkiju... albala bayıγuluγsan ulus cinu... urida jögegsen ulus cinu... urγumal ulus irgen cinu... olan mongyol ulus cinu... kelekü bügüde ulus cinu... qotala bügüde ulus cinu... qayučin mongyol ulus-ıyan tebčibü či ejen minu... qamuγ ulus[-dur cinu üjigülüy-e ni]... qamuγ ulus bayasqulang-tu bolbai* [ШТ 1957, с. 40–43]).

³⁴ ЕТ 1990, р. 101.

может нести в себе оба смысла и выступать как в качестве политонима «монгольский улус», так и в качестве этнонима (монгольский народ, монголы). Mongγol ulus является объектом действия и имеет амбивалентное значение также в следующих двух контекстах: «Монгольский улус *силой возьму*» (монг. *Mongγol ulus kücün-iyer buliyaju odumu*³⁵); «так как я *не хочу навредить* монгольскому улусу, а ты думаешь о торо, требуй своих нойонов миром» (монг. *bi Mongγol ulus-tur maγui ülü kikü-yin tula : ta tögö-yi sanaju : poγan-iγan eye-ber nekekü bügesü*³⁶). В данных случаях речь может идти и о монгольском улусе как о политике, и о монголах как об этнической общности в противовес ойратам.

Впоследствии, во времена Эсэху-хагана, у ойратов тайком выкрали Олдзэйту-хунгоа, Адзай-тайджи и Аругтай-тайши и «отправили их к их родственникам к монголам» (монг. *törküm-dür-iyen Mongγol ulus-tur ileger-ün*³⁷). Этот последний случай также связан с понятием «народ, люди» и имеет этнические коннотации, поскольку подчеркивает кровнородственную связь. Можно с большой долей уверенности приписать это последнее значение понятия и в следующем случае, поскольку речь идет о собирании множества, т.е. людей, народа: «После этого в короткий срок *собрали* монгольский народ» (монг. *tegünü qoyina Mongγol ulus qogomqan jaγur-a tökögerün бүкүйе*³⁸), и ханом стал старший сын Элбэг-хагана Гун-Тэмур, который правил три года.

Безусловное значение словосочетания Mongγol ulus как «монгольский народ, монголы» отмечается и в других контекстах, например в поговорке: «У монголов мудрости мало, гордости много» (*Mongγol ulus-un bilig ücükен : омоу yeke*³⁹). Другой пример связан с ситуацией, когда Далай-лама приехал в Монголию и «увидел своими глазами, как *грешит* монгольский народ» (*Mongγol ulus-i nigülesküi-yin nidün-iyer üjen*⁴⁰). Следует обратить внимание на то, что здесь Mongγol ulus выступает субъектом действия, как и в следующем случае: «в то время как монголы *опасались* за свои окраины» (монг. *jaq-a-daki Mongγol ulus emiyejü yabun atala*⁴¹).

Вместе с тем Mongγol ulus выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии — прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «если *разрушить* нынешний улус шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов» (монг. *erten-ü döcin tümen Mongγol ulus-aca ülegsен : eneküken jirγuγan tümen ulus-i ebdebesü*⁴²). И сорокатымэнный монгольский улус, и шеститумэнный улус являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть; их можно разрушить.

³⁵ ЕТ 1990, р. 179.

³⁶ ЕТ 1990, р. 183.

³⁷ ЕТ 1990, р. 103.

³⁸ ЕТ 1990, р. 102.

³⁹ ЕТ 1990, р. 166.

⁴⁰ ЕТ 1990, р. 166.

⁴¹ ЕТ 1990, р. 183.

⁴² ЕТ 1990, р. 131.

Вышеуказанные примеры постоянно демонстрируют неразрывную связь улуса с правителем. Отсутствие границы между правителем (ханом/хаганом) и его владением (улусом) свидетельствует об антропоморфизации политической власти. С одной стороны, владение (улус) выступает в качестве его богатства, с другой стороны, улус как сообщество подданных является объектом, к которому хаган проявляет патерналистское отношение в качестве «владыки» (*ejen / qan ejen / qaγan ejen / ulus-un ejen /ejen boyda / tenggelig boyda ejen*), обозначаемого как «хаган-отец» (*qaγan eciγe*⁴³). Вышеперечисленные термины, безусловно, указывают на то, что правитель является владельцем, хозяином улуса, что, вероятно, произошло от первоначального обозначения владения кем-либо или чем-либо, например домохозяйством. Даже послы воплощали частичку статуса правителя и обозначались не как посланники страны, а как его представители. Так, прибывшие к Далай-ламе послы из Китая и от чахаров обозначаются как «послы китайского минского императора Ванли... послы чахарского Тумэн-хагана» (монг. *Kitad-un Daiming Vanli qaγan-u elcis... Saqar-un Tümen qaγan-u elcis*⁴⁴).

Выражение *ulus-un ejen*, которое можно интерпретировать как «владыка улуса», является распространенным словосочетанием: *Magada ulus-un ejen*⁴⁵; *Kaci ulus-un ejen*⁴⁶; «владелец улуса, называемого „Монгольский“, перерожденец бодисатвы хаган по имени Годан» (монг. *Mongγol kemekü ulus-un ejen anu bodisadu-yin qubilyan Köden neretü qaγan*⁴⁷); «Пусть Даян владеет улусом... [сказала Мандухай и] воспитала владыку улуса Даян-хагана» (монг. *dayan ulus-i ejelekü boltuγai... ulus-un ejen Dayan qaγan-i ükertür tegejü*⁴⁸). Владыкой улуса называет Даян-хана и «Шара туджи»: «Мудрая Сэцэн Мандухай-хатун, свернув узлом на макушке свои волосы, посадив Даян-хагана, владыку народа (монг. *ulusun ejen dayan qaγan*⁴⁹), в повозку, сама предводительствуя, отправилась в поход»⁵⁰.

Как видим, констатация статуса хагана как владыки (владельца, господина) улуса сопровождается фиксацией факта владения (*ulus-i ejelekü*) или овладения (*ulus-i abcu*) улусом. Так, тангутский Шидургу-хаган сказал: «Я владел всем улусом до недавнего времени, я ли не хаган» (монг. *qamγu ulus-i ejelen baγaγ-a edüi-e : qaγan buyu bi*⁵¹); Чингис-хан говорит: «владею моим внешним пятицветным улусом» (*γadaγadu tabun öngge ulus-i minu ejelejü*⁵²), которые он завоевал и стал владыкой, что следует из следующего текста: «Владыка-богдо по имени Темучжин [сказал]: „Пойду, захвачу улусы разных сторон (досл.:

⁴³ ЕТ 1990, р. 13, 186.

⁴⁴ ЕТ 1990, р. 165.

⁴⁵ ЕТ 1990, р. 11.

⁴⁶ ЕТ 1990, р. 12.

⁴⁷ ЕТ 1990, р. 84.

⁴⁸ ЕТ 1990, р. 123.

⁴⁹ ШТ 1957, с. 72.

⁵⁰ ШТ 1957, с. 148.

⁵¹ ЕТ 1990, р. 69.

⁵² ЕТ 1990, р. 75.

там-сям расположенные. — Т.С.)“» (монг. *ejen boγda Temüjin kemekü : endeki tendeki ulus-i abcu yabunam*⁵³). О Тогон-Тэмуре сообщается, что он «властвует во внешнем улусе» (монг. *γadaγatu ulus-tur ejerken yabuqu*⁵⁴).

Таким образом, мы прежде всего отмечаем те случаи употребления термина, которые несут его первоначальное значение — *народ, люди*. Наиболее показательными являются фразы типа «Тот самый народ страны Шамбала» (монг. *Sambala-yin oγon-u terekü ulus*⁵⁵), где эксплицитно названы жители страны. Подобное значение можно отметить и в следующем случае: «Подвластные люди (подданные. — Т.С.) местности Гамсу во множестве приняли великую добродетельную парамиту (монг. *Gamsu-yin γajar-tur qariyatu ulus : saγlasi ügei yeke buyan barmaid-I ergün*⁵⁶). Не вызывает сомнений значение термина «улус» и в пересказе известного сюжета, связанного с Бодончаром, жившим среди людей, у которых не было правителя и которые впоследствии стали подданными монголов. Саган-сэцэн пишет: «У тех людей спросили... когда на тот безродный народ напали и захватили» (монг. *tere ulus-aca surabasu... tere oγorcaγ ulus-i duγulju abqui-dur*⁵⁷). Безусловно, то же значение отмечается и в том случае, когда Есугэй сосватал Темучину невесту и, оставив его там, сам отправился домой. В это время «татары (татарский народ. — Т.С.) устроили пир» (монг. *Tatar ulus qurimlan*⁵⁸), и Есугэй «вошел в юрту дружественного народа» (монг. *amaray ulus-un gerte oroju*⁵⁹), где его, как известно, отравили. Упоминаются народы кочующие (*ködelkü ulus*)⁶⁰ и оседлые (*saγuqui ulus*)⁶¹.

Народ можно *захватить* (*abqu*), как в случае, когда («захватили тридцать одно кочевье и людей» (монг. *γүсін nigen nutuγ ulus-i abcu*⁶²), где, как видим, раздельно упоминаются люди и территория, на которой они кочуют. А когда речь идет о военном походе Алтан-хана на Тибет, то сообщается, что он «захватил людей» (монг. *ulus irgen kiged-i aγulju abun*⁶³), на что прямо указывает парное слово *ulus irgen* — люди. В значении *захватить* используется и другой глагол — *buliyaqu*. «Монголов захвачу силой» (монг. *Mongγol ulus küсүн-iyer buliyaju odumu*⁶⁴). О том, что улус — это люди, свидетельствует и следующая фраза, сообщающая о том, что он «разграбил и захватил людей и скот» (монг. *ulus mal-i talaju abun*⁶⁵). О захвате людей говорится в тексте, рассказывающем о военном походе Алтан-хана на ойратов, когда он, убив Мани-

⁵³ ЕТ 1990, р. 71.

⁵⁴ ЕТ 1990, р. 91.

⁵⁵ ЕТ 1990, р. 174.

⁵⁶ ЕТ 1990, р. 160.

⁵⁷ ЕТ 1990, р. 49.

⁵⁸ ЕТ 1990, р. 51.

⁵⁹ ЕТ 1990, р. 52.

⁶⁰ ЕТ 1990, р. 153.

⁶¹ ЕТ 1990, р. 72.

⁶² ЕТ 1990, р. 58.

⁶³ ЕТ 1990, р. 139.

⁶⁴ ЕТ 1990, р. 179.

⁶⁵ ЕТ 1990, р. 141.

минггату, «захватил всех людей» (монг. ulus бүгүдe-yi oгоулуju абууад⁶⁶) вместе с его вдовой — Джигэхэн-ага-пукпуш и сыновьями Тохоем и Бохэгүтэем. Здесь глаголу abqu сопутствует глагол oгоулуqu (приводить), что, безусловно, отмечает факт пленения людей во главе с их ханшей и принцами. В значении *привести кого-либо* в свои владения используется и глагол *tataqu* (тянуть): «поскольку народ привели издалека» (монг. qоla-yin ulus-i tataqu-yin tula⁶⁷). Можно также «привести людей [рода] уджиед» (монг. Üjiyed ulus күргеjү⁶⁸). Именно о людях идет речь, когда обсуждается вопрос, как *делить* их после смерти правителя в случае отсутствия прямых наследников. У Алтан-зулахатун, жены Бадма-самбау, детей не было. «Как мы будем делить людей, принадлежавших Бадме?» (Badm-a үyген ulus-i bida yakin qubiyamui)⁶⁹.

С народом можно *объединяться* и можно его *собирать*: «Старшие и младшие братья (принадлежавшие к Золотому роду. — Т.С.) соединились со своим великим народом» (монг. аq-a degüü yeke ulus-luуaban neyileldün) и «собрали весь народ» (монг. narmai yeke ulus-i qurıyan суулаулуju⁷⁰) во главе с великими и малыми нойонами ордосского тумэна. В плаче Тогон-Тэмура мы также обнаруживаем эту тему — соби́рание народа правителем под своей эгидой: «Сыном Хан-Тэнгри Чингис-хаганом собранный воедино народ брошен мною... Собранный, соединенный народ свой я покинул»⁷¹ (монг. qan tngri-yin köbegün Ćinggis qayan-u jögegsen ulus-i örkijü... qamur-un jögegsen ulus-i ni örkijü⁷²).

В следующем отрывке прослеживается явная синонимичность в употреблении терминов «улус» и «тумэн» в эпоху правления Лигдан-хагана: «Вследствие прежних деяний у ханов и простого народа шести тумэнов увеличилось стремление к неподчинению. Не сумел уговорить их мирным путем. Тогда силою собрав шесть великих народов, тридцать один год на ханском престоле сидел»⁷³ (монг. jıgıуан yeke ulusi küjig-iyer qurıуад⁷⁴). Это позволяет предположить, что, как и во времена Чингис-хана, термином «улус» обозначалась некая достаточно устойчивая общность — полития. Подтверждением этого может служить следующая цитата из «Шара туджи»: «Гудэн-хан, драгоценную великую державу усмиря, весь великий народ покоем осчастливил»⁷⁵ (монг. güden qayan qas yeke törü-yi töbsitkejü: güр yeke ulusi engke jıgıуулju⁷⁶). Политийность понятия yeke ulus подкрепляется сопровождающим его словом — güг, что уже в XIII в. маркировало иерархически структурированное

⁶⁶ ЕТ 1990, р. 138.

⁶⁷ ЕТ 1990, р. 60.

⁶⁸ ЕТ 1990, р. 187.

⁶⁹ ЕТ 1990, р. 138.

⁷⁰ ЕТ 1990, р. 181.

⁷¹ ШТ 1957, с. 142.

⁷² ШТ 1957, с. 55.

⁷³ ШТ 1957, с. 150.

⁷⁴ ШТ 1957, с. 76.

⁷⁵ ШТ 1957, с. 149.

⁷⁶ ШТ 1957, с. 74.

сложное сообщество. Гарантом его стабильности был правитель — проводник универсального закона вселенной, о чем, собственно, и сообщает источник: Гудэн-хаган цивилизовал и гармонизировал пространство социума благодаря связи с *tögü*⁷⁷. Причем правящая верхушка, как мы видим, отделена от народа, на что указывает и случай с пленением Дзайсан-нойона и преследованием его ханши, сыновей и людей (монг. *qatun köbegüd ulus inu nekejü kelelceküi-e*⁷⁸) и упоминание о Монголии времен Лигдан-хагана: «хан и простолюдины шести тумэнов» (*jigüγan tümen-i qan qaraču*)⁷⁹.

Для обозначения подданных, которые платят дань, используются разные термины — *albatu*, *qaralmai*. Так, Чингис-хан говорит «весь подданный народ мой» (монг. *yerüngkei albatu yeke ulus minu*⁸⁰). В своей речи перед смертью он, перечисляя самое ценное в его жизни, разделяет народ и землю: «подданный народ мой, любимая земля моя» (монг. *qaralmai ulus minu : qairan үajar minu*⁸¹).

Завоевания ведут к *приумножению* подданных: «приумножить людей, которые платят дань» (монг. *albatu ulus oldaqu*⁸²). Хонгирадский Вчир-сэцэн сказал: «Владыка мой... пусть твоих подданных будет много» (монг. *ejen minu... albatu ulus cinu elbeg boltuγai*⁸³). Улус можно *разорить* (*ebdekü*). Так, ордосские монголы напали на приграничный район Китая и «разорили земли и людей» (монг. *үajar ulus-i inu ebden yabuqui-dur*⁸⁴). Когда Алтан-хан пошел на Китай и «разорил земли и людей, китайцы (китайский народ) очень испугались» (монг. *үajad ulus-i inu ebdejü jobayan yabuqui-dur : Kitad ulus yekede ауju*⁸⁵). После этого он получил от китайцев титул и золотую печать.

Как видим, подданные обозначаются и другим термином (*qaralmai*), который употребляется неоднократно. Бортэ говорит: «Не любовь ли Бортэ, не смелость ли подданных — сила моего хана-владыки?» (монг. *Börte jüsin-ü duran buyu : qaralmai yeke ulus-un jorigü buyu : qan ejen-ü man-i kücün bui j-e*⁸⁶). Подданные в монгольском тексте переданы выражением *qaralmai yeke ulus* (досл. «подданный великий народ»), в котором перевод значения *ulus* как народ продиктован контекстом — смелость народа. Контекстуально подтверждается это значение слова *ulus* (народ, люди) и при характеристике Чингис-хана: «августейший владыка проявляет любовь к своим подданным» (монг. *boγda ejen qaralmai ulus-tayan qayira kijü*⁸⁷). Показателен также плач сунитско-

⁷⁷ На мой взгляд, Н.П. Шастина предложила неточный перевод фразы *qas yeke törü-yi töbsit-kejü* («драгоценную великую державу усмирять»). Ее, скорее всего, следует читать так: «установил яшмовое великое *tögü*» (о *tögü* см. далее в этой статье).

⁷⁸ ЕТ 1990, р. 183.

⁷⁹ ШТ 1957, с. 76.

⁸⁰ ЕТ 1990, р. 75.

⁸¹ ЕТ 1990, р. 80.

⁸² ЕТ 1990, р. 57.

⁸³ ЕТ 1990, р. 69.

⁸⁴ ЕТ 1990, р. 182.

⁸⁵ ЕТ 1990, р. 138.

⁸⁶ ЕТ 1990, р. 60.

⁸⁷ ЕТ 1990, р. 73.

го Гилугэна по смерти Чингис-хана, в котором неоднократно упоминаются подданные, страдающие после смерти владыки: «подданный великий народ твой рассеялся» (монг. qaralmai yeke ulus cinu qay-a kereg tarqamj-e), «подданные твои стали ничтожными» (монг. albatu ulus cinu esügüyidem j-e), «любимый великий народ твой рассеялся» (монг. qayıran yeke ulus cinu tarqamje⁸⁸). На то, что улус означает множество, а не государство, указывает фраза из этого плача: «Весь великий народ оплакивает тебя» (монг. qamuy yeke ulus anu küilen qayılan yabuqui-a⁸⁹).

Позитивный характер связи правителя со своим народом подчеркивается тогда, когда автор хроники желает выделить выдающиеся результаты его деятельности. Этот аспект широко позиционируется в биографическом сочинении, посвященном Алтан-хану. Когда Алтан-хану было 13 лет, умер его отец. Тогда тремя правыми тумэнами стали владеть Эрхэту-Мэргэн-джинон и Алтан-хаган совместно с младшими братьями. Они «тщательно управляли великим народом» (монг. Todorqai-a yeke ulus-i jiluyadun jalaju⁹⁰). Следует обратить внимание на определение Мэргэн-джинона как владыки народа: «Владыка народа Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган были людьми» (монг. Ulusun ejen Erdeni mergen jinong altan qayan qoyayula⁹¹), мысли которых беззаботны, смелы и дружелюбны. Можно уверенно утверждать, что во всех вышецитированных отрывках речь идет скорее о народе, чем о политике. В 1524 г. на туматов напали урянхайские Торой-нойон и Гэрэбэлэд-чинсанг, которые убили Басуд-Уринтэя и «захватили поселения и людей» (монг. küriy-e ulus-i egereküi⁹²), а в 1538 г. они же разграбили «народ и юрты»⁹³. Оба раза Мэргэн-джинон и Алтан-хаган разбивали тумэн урянханов и останавливались перед белыми юртами.

Взяв три правых тумэна белых юрт владыки Эрдэни, Мэргэн-джинон и Алтан-хаган остановились на южном склоне Хангая; взяв Эши-хатун (главную жену Тулуя, т.е. ее реликвии, хранящиеся в восьми белых юртах) и три левых тумэна, остановились на северном склоне Хангая. «Выдающийся великий народ кочевал там в 1538 г., набирая силы. Великий народ шести тумэнов сел на коней и атаковал» (монг. Erkin yeke ulus noqai jil-e tende nutuyaju . taruyalayad sasa. Juyuyan tümen yeke ulus mordaju dobtuluysan⁹⁴). И урянханы были побеждены счастливой харизмой (*сюр-тур*). Победив врагов, «великий народ возрадовался» (монг. yeke ulus bayasqulang-tan bolju⁹⁵). «Великий народ, радуясь, там кочевал» (монг. yeke ulus bayasuyad tende nutuyaju⁹⁶). Когда же Алтан-хагана не стало, «мысли всего великого народа не были спокойны.

⁸⁸ ET 1990, p. 80.

⁸⁹ ET 1990, p. 81.

⁹⁰ ETNS 2001, s. 156.

⁹¹ ETNS 2001, s. 157.

⁹² ETNS 2001, s. 156.

⁹³ ETNS 2001, s. 159.

⁹⁴ ETNS 2001, s. 159.

⁹⁵ ETNS 2001, s. 159.

⁹⁶ ETNS 2001, s. 164.

...Весь великий народ печалился от горя и скорби» (монг. *Qamuу yeke ulus-un setkil ülü amun... Tegsi qamuу yeke ulus ʏasal-un sinal-un enelgegejü*⁹⁷).

Глаголы, с которыми употребляется словосочетание *yeke ulus* (сесть на коней, атаковать, радоваться, печалиться, кочевать), как и в других случаях, позволяют с полной определенностью говорить о том, что речь идет не о государстве, а о людях. Именно весь народ может собраться, чтобы участвовать в избрании хагана. «Шесть монгольских тумэнов собрались перед юртой, обладающей харизмой хана, поклонившись священным предметам у лиственницы, перед владыкой весь великий народ Боди-хагану дал титул „күдэнг-хаган“» (монг. *Qan suu-tu сауан ger-ün emün-e жігууан түмен сіулууад. Qar-a modun-u dergede bolʏan qutuу-tur mörgöjü ejen-ü emün-e-ece. Qamuу yeke ulus bodi qayan-dur күдэнг qayan cola ögbe*⁹⁸). Если в этом случае используется выражение «весь великий народ», то ниже мы отмечаем употребление иного выражения к этому же факту собрания шести тумэнов в связи с инаугурацией Боди-хагана — «Шести[тумэнный] великий народ» (монг. *жігууан yeke ulus*⁹⁹). И именно людей можно взять, чтобы пойти на завоевание: «Взяв множество своего народа, пошли на Южный Китай» (монг. *yeke ulus-iyан abуад nanggi-yad-tur ayalaju*¹⁰⁰); «Взяв бесчисленное количество людей, Алтан-хаган пошел на Китай» (монг. *Сауласи үгеи yeke ulus-iyан abуад алтан qayan kitad-tur ayalaju*¹⁰¹).

Правитель, в свою очередь, заботился о людях. Так, например, упоминается Мэргэн-джинон, который подчинил своей власти неприятеля, «заботился о своих младших братьях и своем народе, постоянно возвышал закон» (монг. *Öber-ün degüner ulus-iyан asaran tedkүjü. Ülemji törö yosun-i жілуадун*¹⁰²). Поскольку «удивительный Мэргэн-хара стал опорой торо, дали [ему] титул „мэргэн джинон“» (монг. *Гауіqamsiу margin qar-a-yi törö-yin sitügen bolba kemejü margin jinong cola ögbe*¹⁰³).

Это же значение термина эксплицитно проявляется, когда летописец сообщает о распространении буддизма: «Распространяли буддизм среди народа пяти цветов» (монг. *Erkin tabun öngge ulus-tur burqan-u sasin-i delgeregүlүgsen*¹⁰⁴). Алтан-хаган вместе с женой Дзонгэн-хатун во главе великого народа согласились на приезд Далай-ламы (монг. *qayan qatun terigүten yeke ulus-iyар jöbsiyejü*¹⁰⁵), «народ пяти цветов» во главе с Алтан-ханом и Дзонгэн-хатун поклонялись стопам священного далай-ламы — украшению вершины (монг. *altan qayan jönggen qatun terigүten tabun öngge ulus-iyар*¹⁰⁶). В результате

⁹⁷ ETNS 2001, s. 196.

⁹⁸ ETNS 2001, s. 159.

⁹⁹ ETNS 2001, s. 161.

¹⁰⁰ ETNS 2001, s. 160.

¹⁰¹ ETNS 2001, s. 165.

¹⁰² ETNS 2001, s. 160.

¹⁰³ ETNS 2001, s. 159.

¹⁰⁴ ETNS 2001, s. 177.

¹⁰⁵ ETNS 2001, s. 184.

¹⁰⁶ ETNS 2001, s. 184.

«весь великий народ обратился в веру» (монг. *qamuу yeke ulus bisirel-i egüskeldübei*¹⁰⁷). Совместный залог глагола *egüske*[ldü]bei позволяет утверждать, что речь идет о множестве, т.е. о людях, что подтверждает и следующее сообщение: «Весь великий народ [во главе с] хаганом и ханшей прослушал о пользе обетов» (монг. *Dalai lam-a-aca qaуan qatun qamuу бүгүде yeke ulus. Darui-dur sayşabad sanvar-un aci tusa-yi sonosuуad*¹⁰⁸). Позже, в 1580 г., когда проповедническую деятельность проводил Манджушри-хутухту, «великий народ трех тумэнов собрался, великое религиозное правление сделали подобным шелковому шнуру» (монг. *Tedüi үurban түмен yeke ulus ciүлууad . Dgedü nom-un jасау-yi kib-ün janggiу-a metü üiledүgsen*¹⁰⁹).

Люди, как субъекты действия, могут *молиться* или грешить; так, монах Нилом-талада, отправившийся в Монголию, видел, как «люди, встречавшиеся на его пути, молились» (*jaуura-du jam-un [aliba] ulus mörgөгed*¹¹⁰), принимали обеты абишиг и слушали учение; в то же время, как уже отмечалось, Далай-лама «своими глазами видел, как грешит монгольский народ» (монг. *Mongуol ulus-I nigүlesküi-yin nidүн-iyer үjen*¹¹¹). Это уже вполне индивидуальные действия, присущие членам общности, обозначаемой как улус. В результате просветительской миссионерской деятельности тибетских лам буддизм распространился по всей Монголии. «Пятицветный улус повсюду (досл. „каждый“. — Т.С.) создал место поклонения» (монг. *Tabun öngge ulus tus tus бүri mörgөл-үн орон болуан abubai*¹¹²). Так, после смерти Алтан-хагана при проведении обряда парамиты перечисляются его участники: «потомки, живущие в двенадцати тумэнах, во главе со священнорожденной Дзонгин-хатун... народ пяти цветов... ханы и нойоны, золотой род сорока монголов» (монг. *arban qouar түмед-түр сауусан көбегүн acinar inu. Ariүun төрөлkitү noyincu jөnggin qatun terigүten qatalaуар. Asuru masi buyan barmaid-i тоуolasi үgei ergүн üiledbei... tabun öngge ulus-iyar buyan barmaid-i ergүн bariүad. Тауалal-iyar дөcin түмен mongуol-un qad noyad altan urуу inu. Tasural үgei buyan barmaid-i jergeber üiledbei*¹¹³).

Таким образом, в приведенных выше цитатах термином *ulus*, безусловно, обозначается народ, люди; в них, в отличие от ряда прочих, где улус выступает как объект, на который направлены действия разных акторов, народ является субъектом действия. Перечисление примеров, где народ, люди выступают субъектами действия, можно продолжить. Уже упоминались монголы, которые опасались нападения на окраинах (монг. *jaq-a-daki Mongуol ulus emiyejü yabun*¹¹⁴). Можно также вспомнить и качества, присущие людям, о которых

¹⁰⁷ ETNS 2001, s. 185.

¹⁰⁸ ETNS 2001, s. 186.

¹⁰⁹ ETNS 2001, s. 194–195.

¹¹⁰ ET 1990, p. 154.

¹¹¹ ET 1990, p. 166.

¹¹² ETNS 2001, s. 198.

¹¹³ ETNS 2001, s. 198.

¹¹⁴ ET 1990, p. 183.

говорилось выше: недостаток мудрости у монголов (Mongγol ulus) и много гордости¹¹⁵.

Но все-таки и в значении «народ, люди» улус чаще является объектом действий властвующей элиты, у которой были не только права на них в качестве господ и владельцев, но и обязанности *воспитывать, обеспечивать* мир, спокойствие и счастье людей. «Если воспитываешь свой великий народ согласно религии и светскому закону, не будет ли это заслугой того, кто назван хаганом» (монг. *narmai yeke ulus-i šasin tögö-ber tejigebesü : qaγan kemegdekü-yin γabiyu-a inu ene boluu*¹¹⁶). Юнло, рожденный матерью-монголкой, став императором в Китае, правил 22 года и благодаря двум законам «сделал весь великий народ благополучным и мирным» (монг. *narmai yeke ulus-i esen tayibing bolγaju*¹¹⁷). Его сын Суванди-хаган также «благодаря двум законам дал мир и счастье всему великому народу» (монг. *qoγar tögö-ber narmai yeke ulus-i engkejjigülün jirγayuluγad*¹¹⁸). Можно с уверенностью говорить, что термин *ulus* используется в значении народ, когда речь идет о договоре между китайцами и монголами: «Великие народы Монголии и Китая собрались, побрызгали Великому Небу и дали клятву» (монг. *Mongγol kitad qoγar yeke ulus ciγulju dabtan. Möngke tngri-dür saculi sacuju aman aldalduju*¹¹⁹). Тема заключенного договора («Установили китайско-монгольское великое торо», монг. *kitad mongγol-un yeke tögö toytaju*¹²⁰) связывается с миром и счастьем народа: оба народа были умиротворены (монг. *qoγar yeke ulus-i amuγulba*¹²¹). Отдельно выделяется установление мира среди монголов: «Великий народ зажил в мире — ноги на почве, руки на земле» (монг. *Tegsi yeke ulus köl köser-e γar γajar-a amuju*), «Сделали навсегда очень счастливым даюаньский великий народ» (монг. *Dayun yeke ulus-i ülemji masi jirγayulju*¹²²); «Установили мирное великое торо» (монг. *Dayibing yeke tögö toytaysan*¹²³).

Выше уже говорилось о том, что улус — это то, чем владеет правитель, поскольку он обозначается как *ulus-un ejen*. Одновременно с упоминаемыми выше представлениями о разделении понятий земли (*γajar* и *putuγ*) и людей (*ulus*) нельзя не отметить и существования концепта «владение», в котором эти две составляющие сочетались. Именно так, на мой взгляд, следует интерпретировать выражение *Sayang secen qong tayiji-yin ulus*¹²⁴, т.е. «владения Саган Сэцэн-хунтайджи» в местности Их шибэр. Здесь, кажется, прежде всего подчеркивается владение людьми, составившими определенную социально-политическую единицу, в связи с чем представляется корректным не давать

¹¹⁵ ET 1990, p. 166.

¹¹⁶ ET 1990, p. 184.

¹¹⁷ ET 1990, p. 186.

¹¹⁸ ET 1990, p. 187.

¹¹⁹ ETNS 2001, s. 170–171.

¹²⁰ ETNS 2001, s. 171.

¹²¹ ETNS 2001, s. 171.

¹²² ETNS 2001, s. 171.

¹²³ ETNS 2001, s. 171.

¹²⁴ ET 1990, p. 181.

перевода термина *ulus*, чтобы не затемнять значение феномена, который им обозначается, тем более что он может употребляться не с именем правителя, а с этнонимом. Чингис-хан, «изгнав Таян-хана, подчинил своей власти найманский оток улус» (монг. *Tayan qaγan-i kögejü γaγaγad : naiman otoγ ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai*¹²⁵). Здесь употреблено парное слово (оток улус), где первое обозначает род, что подчеркивает неполитийное значение термина «улус», т.е. речь идет о властвующей элите рода Таян-хана и их подданных, которых захватывали и уводили в плен. Это подтверждается использованием этого же парного слова для обозначения группы людей, выделяемых в качестве приданого невесты, которые следовали за ней в локус жениха. За Хулан-гоа «в качестве приданого дали людей двух родов — буга и солонго» (монг. *Buγas Solongγos qoγar otoγ ulus injitei ögсiküi*¹²⁶). Употребление в данном случае этнонимов с парным словом свидетельствует, скорее всего, о том, что и здесь улус обозначает людей, народ, которые перемещаются в пространстве.

Безусловно, термином *ulus* маркируется некая общность: «Даян-хан приказал так: „Есть великий славный улус, охраняющий восемь белых юрт владыки в Ордосе. Вместе с ним [пусть будет] еще один славный улус, хранящий золотой фонд владыки — урянхан. Пусть помогает хорчинский Абагата“» (монг. *Dayan qaγan eyin jarliy bolorun : Ordos ejen-ü nayiman саγan ger-i qadayalaysan yeke jayay-a-tu ulus бүлүге : tegün-lüge Uriayangqan mön ejen-ü altan kömörgei-gi sakiγsan basa yeke jayayatu ulus : Qoorcin Abay-a-tai tuslatuγai*¹²⁷). Здесь, вероятно, улус отмечает не всю общность — урянхан, а только часть.

Если выше речь шла в основном об использовании термина «улус» для обозначения в качестве объекта действия людей или народа, то приведенные ниже примеры демонстрируют значение улуса как политики: Чингис-хан «Токмакский улус подчинил своей власти» (монг. *Toγmaγ ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai*¹²⁸), «подчинил своей власти Китай (китайский улус. — Т.Д.)» (монг. *kitad ulus-i erke-dür oroγuluγsan*¹²⁹), «подчинил своей власти улус хоолас» (монг. *Qoolas ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai*¹³⁰), «подчинил своей власти улус харлигуд» (монг. *Qarliγud ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai*¹³¹) и «пять областей шара-сартулского улуса подчинил своей власти» (монг. *tabun muji Sira Sartayul ulus-i erke-dür-iyen oroγuγad*¹³²). В последнем случае политийность улуса подчеркивается территориальными коннотациями, что отмечается также и в следующем сообщении: «завоевал Хара-Тибет (Черный Тибет) — три области, восемьдесят восемь тумэнов» (монг. *γurban muji payan naiman түмен Qara Töbed ulus-i oroγulbai*¹³³), где, как видим, улус — это и территория, и лю-

¹²⁵ ЕТ 1990, р. 70.

¹²⁶ ЕТ 1990, р. 59.

¹²⁷ ЕТ 1990, р. 128.

¹²⁸ ЕТ 1990, р. 70.

¹²⁹ ЕТ 1990, р. 64.

¹³⁰ ЕТ 1990, р. 71.

¹³¹ ЕТ 1990, р. 71.

¹³² ЕТ 1990, р. 70.

¹³³ ЕТ 1990, р. 71.

ди. В аналогичной терминологии упоминается Корея: «Захватил тот Белый улус — три области Кореи» (teyin Caγan ulus γurban muji Solongγos-i oγuγulju abun¹³⁴).

Но этим термином может маркироваться и целостность, когда сообщается, что «твой улус — чахарский тумэн» (монг. ulus cinu Caγar tümen¹³⁵), и таким образом подчеркивается связь понятия ulus и с людьми, и с административной единицей.

Неопределенность значения термина ulus в полной мере проявляется в характеристике владений Даян-хана. «После этого Даян-хаган собрал и объединил шесть тумэнов-улусов и весь великий Монгольский улус сделал мирным и счастливым. Пребывал на ханском престоле 74 года и умер в возрасте 80 лет» (монг. tendece Dayan qaγan : jirγuγan tümen ulus-i jonggilan tökögircü : narbai yeke Mongγol ulus-i engkejigülün jirγaγuluγad : dalan dörben jile qan oron-dur saγuju : nayan nasun-iyān güi taulai jile tengri bolbai¹³⁶). Здесь, как видим, термином ulus обозначается как каждый из шести тумэнов, так и их общность/целостность — весь великий Монгольский улус, что позволяет, с одной стороны, предположить некую самостоятельность тумэнов, с другой стороны, недостаточно крепкое/цельное единство. Если в этом примере созданная Даян-ханом полития и ее структурные элементы обозначаются как разнородные единицы, то в следующем примере они соединены: «Даян-хаган ввел [под свою эгиду] всех — три правых [тумэна], объединил свой великий улус шести тумэнов и установил [там] порядок» (монг. tendece Dayan qaγan baraγun γurban-i burin oγuγulun : jirγuγan tümen yeke ulus-iyān tökögerün tübsidkeged¹³⁷). В результате образованная им полития называется и великий Монгольский улус, и великий шеститумэнный улус, что, по существу, свидетельствует об отсутствии твердо фиксированного наименования общности.

Это владения правителя, поскольку отмечается, что он объединил *свой* великий улус, и Мандухай и Даян-хаган «согласно обычаю сбора налогов великого улуса шести [тумэнов] сказали, нужно назначить джинонов... и в трех правых [тумэнах] назначили джиноном Улус Болада» (монг. jirγuγan yeke ulus-un alban-i γubciqi yosutu : jinong bolγan... kemegsen-dür : Ulus bolad-i baraγun γurban-dur : jinong bolγar-a¹³⁸). Хутубага говорит: «Молян хаган, я тебя убью, твой улус захвачу» (монг. Molan qaγan cimai alaju ulus-i cinu abuy-a¹³⁹).

Эта традиция — оставлять левое крыло, состоящее из трех тумэнов, в ведении верховного правителя, а три правых передавать в ведение джинона — продолжилась и после Даян-хагана. Так, автор «Шара туджи» сообщает: «Мандагул-хаган и Болху-джинон управляли собранными [ими] шестью тумэнами»¹⁴⁰

¹³⁴ ЕТ 1990, р. 59.

¹³⁵ ЕТ 1990, р. 124.

¹³⁶ ЕТ 1990, р. 130.

¹³⁷ ЕТ 1990, р. 129.

¹³⁸ ЕТ 1990, р. 124.

¹³⁹ ЕТ 1990, р. 118.

¹⁴⁰ ШТ 1957, с. 147.

(монг. *manduγul-un qaγan bolqu jinong qoγar jirγuγan tümen-ü tamtuγlan medejü*¹⁴¹). Если строго следовать монгольскому тексту, то правильнее переводить употребленные глаголы так: «разделив, ведали». Еще с XIII в. известно, что верховная власть связывается с левым крылом, в котором находится сакральный центр общности — очаг рода потомков Чингис-хана, к которому относится верховный правитель монголов. «Три восточных (левосторонних. — Т.С.) тумэна: Тумэн Чахар... Тумэн Халха — живущий в Хангай-хане... Тумэн Урянха... Три западных (правосторонних. — Т.С.) тумэна: тумэн Ордос... охраняющий гороподобную белую юрту родившегося с гордостью Эдзэна... Великий Юншиэбо... к Юншиэбо присоединив харачинов и асутов — будет один тумэн. Таковы шесть этих тумэнов»¹⁴². В XVI–XVII вв., как известно, верховная власть принадлежала чахарам, последний глава которых — Лигданхаган являлся и всемонгольским правителем. К сожалению, материалы источников не позволяют реконструировать механизм взаимодействия этих крыльев, как и характер отношений между тумэнами. Мы можем только отметить зафиксированную во всех источниках генеалогическую преемственность потомков Чингис-хана, возглавлявших эти тумэны, при этом нельзя не отметить то, что данные источников, конструирующих генеалогическое древо, расходятся. Отсутствуют какие-либо данные о наличии властных институтов государственного типа, составляющих иерархическую структуру и представляющих собой тот каркас, который формирует целостную общность, обозначаемую как «шеститумэнный монгольский улус». Напротив, она видится достаточно аморфной. Это понятие представляется скорее неким маркером, позволяющим определить границы общности, возглавляемой представителями родственной правящей группы («Золотого рода»), интересы которых не всегда совпадают.

Безусловно, *Mongγol ulus* выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии — прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «если *разрушить* нынешний улус шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов» (монг. *erten-ü döcin tümen Mongγol ulus-aca ülegsен : eneküken jirγuγan tümen ulus-i ebdebesü*¹⁴³). И сорокатумэнный монгольский улус, и шеститумэнный являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть, но можно и разрушить.

Приведенные примеры демонстрируют значение термина *ulus* в качестве объекта манипуляций правителя или претендента на владение этой общностью, что позволяет с достаточной уверенностью говорить об отсутствии употребления этого термина в значении «государство» в институциональном смысле, поскольку в тексте не обнаруживаются его проявления в качестве политического субъекта. Термин *ulus* не содержал нововременного представления о государстве как об относительно автономном аппарате правления,

¹⁴¹ ШТ 1957, с. 69.

¹⁴² ШТ 1957, с. 159.

¹⁴³ ЕТ 1990, р. 131.

отделенном как от личности правителя, так и от совокупности управляемых. Более того, обозначение правителя термином *ulus-un ejen* подчеркивает, что хаган воспринимает подданных как собственные владения. Немногочисленные случаи упоминания термина *ulus* как субъекта действия совершенно определено связаны с его начальным значением — народ, люди.

В заключение можно сказать, что оригинальный монгольский текст демонстрирует зачастую неопределенность значения термина *ulus*, который может одновременно интерпретироваться как аморфная масса — люди, народ и как некая форма общности — полития. Этот период характеризуется тем, что концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления на верховную власть, только начинает формироваться. В отличие от средневековой Европы, где уже с XIV в. в связи с возрождением римского права стали появляться специальные сочинения, посвященные анализу природы власти и государства, в Монголии это не являлось плодом творчества теоретиков, идеи о власти нашли лишь имплицитное отражение в летописях. В связи с этим здесь, во-первых, трудно обнаружить пример безличного употребления термина *ulus*, т.е. обозначения им субъекта действия, а, во-вторых, политическая власть привязана к личности правителя. Это позволяет говорить о том, что термин не отделился от коннотаций, связанных с прежними значениями, выступающими в качестве объекта действия правителя.

Литература

- ET 1990 — Erdeni-yin tobči. ('Precious Summary'). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewltz, J.R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. No. 15. Canberra: The Australian National University, 1990.
- ETNS 2001 — *Kollmar-Paulenz K.* Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen: Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.
- Кычанов 2010 — *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.
- ШТ 1957 — Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, перевод, введение и примечания Н.П. Шастиной. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

The Liao Buddhism and the Formation of the Tangut Chan Buddhism*

The extant collections of the Tangut and Liao Buddhist texts show that the Buddhist complexes of both states had a number of common features implying certain proximity between the Buddhist systems in the two countries. Current research into the Buddhist texts retrieved from Khara-Khoto has generally initiated a reevaluation of the previous views on the Tangut Buddhism: for example, many special features that had been ascribed to the indigenous development of Buddhism in Xi-Xia should be rather interpreted as the evidences of the Liao influence on the formation of Tangut Buddhism. One of the specific features of Tangut Buddhism, which are thus to be reconsidered, is the popularity of the Chinese Huayan Teaching in the Tangut state. The dominant form of the Huayan Teaching found in Xi-Xia is its later Tang period version represented in the works of Guifeng Zongmi 圭峰宗密 (780–841), a prominent Chan scholar and simultaneously a successor of Qingliang Chengguan 清涼澄觀 (737–838), who was the head of the Huayan lineage in China. The Huayan tradition of Zongmi and Chengguan is traceable in the Liao Buddhism: Chengguan's magnum opus *Huayan jing suishu yanyi chao* 華嚴經隨疏演義鈔 is widely presented among a scarce remained relics of the Liao Buddhism discovered under the Wooden Pagoda (*Muta* 木塔) in the Ying county (*Yingxian* 應縣). Several works of Chengguan and Zongmi survived in the Khara-Khoto collection of Tangut texts; thus this paper is an attempt to present a partial argument in support of the hypothesis that the known from the Tangut collections Zongmi's works originated not in China proper but in the Liao and might be considered as a testimony to the continued Liao influence on the formation of the Tangut Buddhist system.

* Conventions: modern works are cited according to the standard set up by the editor of the volume, the primary sources from Tripitaka, if not otherwise specified, are cited as: T (for *Taishō Tripitaka*), volume number, text number, page, lines; *Zoku Zokyo* texts are cited as: ZZ, volume number, text number, page line. Titles are provided in the footnotes or in the body text. If not otherwise indicated the quotations follow the electronic edition of CBETA.

Adaptation of the Liao Buddhist model had several important implications: that is, once the ideas of convergence between “Chan” and the “doctrinal teachings,” which constituted the core view of Chengguan, are accepted, the Buddhist system thus emerged becomes immune or even hostile to the Song period developments of Chan Buddhism, which is denominated as “radical.” This implies a specific attitude to the Chan Buddhist texts: refutation of the *Platform Sūtra* as forgery; general conviction that all the Chan lineages other than the Southern and Northern schools are deviation from the heritage of Bodhidharma; narrowed interpretation of the notion of the “Southern school” as of the tradition limited to Heze Shenhui (荷澤神會, 670–762)—Guifeng Zongmi line. This was exactly the case of the Liao, whose Buddhist system had been faithfully reproduced in the Tangut State. Several Liao texts belonging to this version of Chan and discovered in Khara-Khoto in either Chinese or Tangut version will be briefly presented below.

Zongmi’s heritage in Xi-Xia

Even a brief scan of Zongmi’s works and various texts connected with his teaching, available from P.K. Kozlov’s collection and other repositories both in Tangut and Chinese, reveals that Master Guifeng’s impact on the formation of Tangut Buddhism far exceeded the influence of other Buddhist authors.¹ Chengguan and Zongmi attempts to construct a harmonious Buddhist Teaching through a combination of Huayan theory of mind, “Southern Chan” practice and repentance rituals on the platforms (*daochang* 道場) of the *Sūtra of Perfect Enlightenment* and *Avatamsaka sūtra* gave birth to a substantial secondary literature produced in China, Liao, and Xi-Xia. The texts discovered in Khara-Khoto include both the works by Zongmi himself such as: *The Preface to the Elucidation of the Collection of Chan Sources according to Various Traditions* (*Zhushuo chanyuan zhuquan jidu xu* 諸說禪源諸詮集都序, hereafter: *The Chan Preface*),² and *The Chart of the Transmission of the Chan teaching of Mind-ground in China* (*Zhonghua chuan xindi chanmen shizi chengxi tu* 中華傳心地禪門師資承襲圖, hereafter: *The Chan Chart*)³ and several previously unknown texts corresponding the Huayan-Chan teaching. The repertoire of previously unknown works available from Khara-Khoto collection includes: *Condensed Text of the Chan Preface* (*Zhushuo Chanyuan jiduxu gangwen* 諸說禪源集都序綱文, 𐰇𐰣𐰚𐰩 𐰇𐰣𐰚𐰩 𐰇𐰣𐰚𐰩 𐰇𐰣𐰚𐰩),⁴ a schematic commentary

¹ For a list of Zongmi’s works available in Tangut translation see Solonin 2006, pp. 66–127. Various Zongmi’s works were also identified among the Chinese texts discovered from Khara-Khoto and were reproduced in the recent publication of Khara-Khoto texts preserved in Russia (see *Ecang Heishuicheng wenxian*).

² The textual analysis of this work had been carried out by Nie Hongyin (2010, pp. 30–35).

³ This is one of the most puzzling texts in the Tangut holdings: it contains a cover illustration, which features Zongmi, Pei Xiu and someone called Baiyun Shizi 白雲釋子 (Tangut 𐰇𐰣𐰚𐰩 𐰇𐰣𐰚𐰩), who is also mentioned in other Tangut texts. Sun Bojun believes that Baiyun Shizi is another name of Qingjue, but this hypothesis is not corroborated by other evidence.

⁴ Танг 227 инв. № 4736. This text is probably a translation of the otherwise unknown work by early Northern Song Tiantai master Ciguang Wenbei 慈光文備. See *Xianju pian* 閒居篇 by Gushan Zhiyuan (ZZ 56, No. 949: 898a19–20).

(*kewen* 科文) to the *Chan Preface, The Torch Revealing the Meaning of the Chan Preface* (*Zhushuo Chanyuan jiduxu zejuji* 諸說禪源集都序擇炬記, 歲多巖穉祿緝靜綫霞蕪)⁵ and *The Dharma Gate of the Mind-ground* (*Xindi famen wen* 心地法門文, 舜筌禪蒲菝),⁶ which is a lengthy commentary to the *Chan Preface*. Several of Zongmi's works related to the Huayan and Huayan Chan traditions are also found in the Chinese part of the Khara-Khoto collection.⁷ Discovery of these texts provides evidence substantiating the hypothesis that the so called Huayan Chan teaching probably was one of the dominant trends in the Tangut Buddhism. The origins and provenance of this commentarial literature require more research; however, considering the Liao custom of producing explications to the as it is lengthy commentarial texts, one can suggest that the abovementioned works are also of the Liao origin. Such an abundance of textual material related to the one particular dimension of Chinese Buddhism in the Tangut state deserves an explanation, which can be seen in the transmission of the Liao Buddhist pattern onto the Tangut soil.

Zongmi and Chengguan heritage in the Liao

The Liao Buddhism had been substantially influenced by the Chinese Huayan teaching, especially in its late Tang version represented by Zongmi's master Qingliang Chengguan who was the person of utmost importance for the Liao Buddhism and whose magnum opus *Huayan jing suishu yanyi chao* 華嚴經隨疏演義鈔 dominated the textual curriculum discovered from the Wooden Pagoda (*Muta* 木塔) in the Ying county (*Yingxian* 應縣).

Such Liao texts as *Record of the Mind as a Mirror* (*Jingxin lu* 鏡心錄) by the Liao esoteric master Daoshen (道殿, 1056?–1114?, see discussion below), which uphold and maintain this Buddhist tradition in the Liao, have been discovered in the

⁵ Тагг 227, инв. № 5172, 5174; Тагг 626, инв. № 7554. The schematic commentary was studied from linguistic perspective by Zhang Peiqi but has little to offer in this respect. From the first glance, the text bears certain proximity with *Schematic Commentary to the Preface to the Chan Sources and Private Notes* (*Zhushuo chanyuan zhuquan jiduxu kemu bing rusiji* 諸說禪源諸詮集都序科目并入私記) examined by Kamata Shigeo in *Shūmitsu kyōgaku* (although the Tangut version has only schematic commentary without explanations as in Kamata's version), another suggestion is that the text is probably a work by a Tiantai "off mountain" master Ciguang Wenbei (慈光文備, d.u.) which is mentioned by Gushan Zhiyuan (孤山智圓) in his *Xianju pian* 閑居篇 (ZZ 56, No. 949: 989a20).

⁶ Тагг 166 инв. № 7169. Unfortunately, the text is written in the Tangut analog of the Chinese *caoshu* 草書, thus its reading is extremely complicated.

⁷ The discoveries of Xi-Xia texts both in Chinese and Tangut in Shanzuigou (山嘴溝) and in the "Square Pagoda" (*fangta* 方塔) in Baisigou (拜寺溝) have been by far the most significant breakthroughs since the Khara-Khoto findings of 1908. The texts discovered at these locations include fragments of the *Sūtra of Perfect Enlightenment*, its Brief Commentary (*lüeshu* 略疏) by Zongmi, Repentance Ritual on the Platform of the *Sūtra of Perfect Enlightenment* (*Yuanjue jing daochang lichan yiben* 圓覺經道場禮懺一本) and other texts. The texts were edited by Fang Guangchang (2005). Tangut texts include fragments of Tangut translation of the *Sūtra of Perfect Enlightenment*, fragments of unknown commentary etc. (see Sun Changsheng and Niu Dasheng 2005).

Tangut translations, thus substantiating the hypothesis of the continued Liao–Xi-Xia Buddhist relationship. Although Chengguan was the towering figure for the Liao Buddhists, Zongmi’s influence is also seen throughout the extant texts of the Liao Buddhism: Wuli Xianyan (悟理鮮演, 1048–1118), one of the major figures of the Liao Buddhism during the reign of Daozong (道宗, 1055–1101) showed strong inclination towards the *Sūtra of Perfect Enlightenment*: the impulse most probably derived from the overall affection towards Zongmi’s theories. Although Zongmi’s works have not been discovered among the recent findings of Liao texts, there is little reason to call in question their wide circulation among the Liao. First, the extant Liao texts are packed with quotations from the Huayan master, and, as it will be shown below, Liao understanding of Chan was substantially influenced by Zongmi. The second is the fact that Liao authorities were instrumental in securing the wide circulation of several of Zongmi’s works. The works of Zongmi, especially his so-called *Chan Preface*, which were published during the Liao, were later one of the foundations of Huayan revival during the Yuan. The “Preface” to the Yuan edition of the famous *Preface to the Collection of Explanations of Chan Truths* (*Zhushuo Chanyuan zhuquan jiduxu* 諸說禪源諸詮集都序), one of Zongmi’s major works, has the following indication:

昔至元十二年春正月，世祖皇帝萬機之暇，御瓊華島，延請帝師。太保文貞劉公亦在焉。乃召在京耆宿，問諸禪教乖互之義。先師西菴贊公等八人，因以圭峯禪源詮文為對，允愜宸衷。當時先師囑其弟雙泉泰公為之記，仍命雪堂鏤板流行。[...] 向於雲中普恩興國二寺各獲一本，後在京萬壽方丈，復得遼朝崇天皇帝太后清寧八年印造頒行天下定本。 [...]

[...] In the first month of spring of the Zhiyuan reign period (1275), Emperor Shizu while he was not burdened by the ten thousand endeavors, arrived to the Island of Marvelous Jade (Qionghua dao 瓊華島) and invited Imperial preceptor. The Great Protector Wenzhen (太保文貞) Prince Liu (劉公, i.e. Liu Wenzhen) was also present. [His Majesty] summoned the reverend elders residing in the capital and asked them about the mutually contradicting ideas of various Chan schools. Old Master Reverend Yun from Xi’an (西菴贊公) and other eight people answered according to the text of *Explanation of the Chan Truths* by the Chan Master Guifeng, and thus pleased His Majesty’s heart. At that moment the Old Master called his student Reverend Tai to make records of it, and later ordered Xuetang⁸ to publish it for the wide circulation. [...] Originally at the court there were two manuscripts of the text from Puen and Xingguo Temples, and later a standard copy (*ding ben* 定本) printed for wide distribution by Liao Empress Chongtian (崇天皇后, wife of Daozong) in the eighth year of Qingning (1062) reign period was located. [...]⁹

⁸ Here Jia Ruozhou 賈汝舟, the author of the “Preface”, is referring to Xi’an Yun and Xuetang Ren, both members of Linji lineage during the Jin and early Yuan periods.

⁹ T 48, No. 2015: 398a15–22. In this respect it is interesting to mention that in both Liao and Xi-Xia empresses were very active in Buddhist publishing activities.

This brief introduction seeks to prove that Liao authorities attached special importance to the publication and circulation of Zongmi's works, and this attitude persisted among the Northern Buddhists after the fall of Liao. Similar approach to Zongmi had also been maintained by the Tangut Buddhists. That was partially due to Zongmi's position as Chengguan's successor in the Huayan lineage and also with his status of an exemplary Chan master to which he had been elevated by such authors as Xiayan during the Liao. Attention to Zongmi in the Liao was probably connected with the fact that he was a proponent of the Chan teachings, which tended to combine the Huayan scholarship with the Chan practices inherited from the Northern and Southern schools. In the Liao, this idea of Chan had been widely circulated, especially during the time of Daozong, and one of its major propagators had been again Xiayan. Commenting upon a phrase from Chengguan's *Huayan jing suishu Yanyi chao* (華嚴經隨疏演義鈔): “事理雙修, 依本智而求佛智” (“Practicing both things and principle, [means] to rely on the inherent wisdom and attain the Buddha wisdom”) Xiayan refers to the “four Chan diseases” as described in the *Sūtra of Perfect Enlightenment* and mentions:

二者任病。生死既空, 何勞除斷? 涅槃本寂, 何假欣修? 一切放縱身心, 更不念其罪福, 泯絕無寄, 故成其病。差乎! 近代多落此科, 誦禪歌, 毀於法筵, 虛尋名相, 說: 理性非於塔寺。狂認福田, 妄立宗途, 悞惑含識, 斷除佛種, 良足悲哉!¹⁰

The second is the disease of spontaneity. [Those who succumb to it think]: Life and death are empty, why then one should exhaust himself in removing them? Nirvāṇa is originally tranquil, what is the joy in following the way of perfection? They let loose their body and mind, and never again think of transgressions and happiness, their mind is as if in mist and devoid of any support. That is how this disease emerges. Alas! Many are those who now fell into this category. They sing Chan songs, and insinuate from the Dharma seats. They search the terms and concepts out of vanity, and say: Principle and nature are not in the stupas and temples. They are badly mistaken [in their understanding of] the fields of merit, and establish illusory schools and ways, thus leading sentient beings into confusion, and cut off seeds of Buddhahood. This is truly sorrowful.

Similar views were presented by the Korean princely monk Ūich'ōng (義天, 1055–1101), a notable collector of both the Song and Liao Buddhist lore, when he once observed that the followers of the Chan Buddhism in China at that time were in fact nothing more but heretics, who despised doctrinal learning and were thus lead into delusion and dangerous deviations. The main reason for such a degradation of the Chan was, according to the Korean princely monk, the wide popularity of the teachings of Mazu Daoyi and the *Platform Sutra*, which were generally believed to be corrupt and contain perverted version of the teaching of the Sixth Patri-

¹⁰ ZZ 8, No. 235: 7c2–5.

arch. Üich'ōng expressed his bitterness in a lengthy lament opening his publication of *Biezhuan xinfa yao* 別傳心法要 by Feishan Jiezhū (飛山戒珠, d.u.):

[Yitian] saw the *Discussion on the "Separate Transmission"* (probably *Chuanfa Zhengzong lun* 傳法正宗論 by Qisong 契嵩, 1007–1072) by Feishan (Feishan Jiezhū, d.u.) and wrote a Postface which said: "Oh! How far are the fame and real doings of the modern Chan [followers] from the Chan [masters] of the past! What was called Chan in the past was "relying on the teaching and entering the Chan" (*jijiao ruchanzhe* 藉教入禪者). And what Chan is now is "preaching Chan outside of the teachings" (*lijiao shuochanzhe* 離教說禪者). "Abandoning the teaching" is attachment to its name and losing its true essence. "Relying on the teaching" means attaining of the essential meaning through explanation, thus saving the contemporaries and correcting their errors and misunderstandings and thus restoring the pure Way of the ancient sages. Reverend Zhu discusses this in the most profound manner.

Recently the Liao Empire issued an order to the holders of the offices, instructing the learned monk Quanxiao to once again verify the catalogs of sūtras, and the texts which are known in the world as *The Platform Sūtra of the Sixth Patriarch* and *Baolin zhuan* were discarded and burnt, and the [relevant] entries [in the catalogs] had been rewritten. The third *juan* of *Continued Zhenyuan Catalog* explains this in detail, so that the mind transmitted by our [Lord] Buddha and the Dharma protecting spirit of the emperor are clearly seen. The texts and phrases of the modern Chinese Chan School in their majority deviate [from the correct teaching] and fell into heresy." That is why the people and masters from the Eastern Sea were in doubt [saying] that among Huaxia there is no one [who is worthy of being followed]. Now I have seen the profound discussion by Feishan and thus I know that there really are enlightened protectors (bodhisattvas) of the Dharma [in China]. [Yesterday, respectfully following king's order, I had the [text by Jiezhū] cut on the tablets of green jade, but being afraid that its circulation will not be wide, I had it also carved on the wooden blocks [for printing]. After a hundred generations, maintaining the Dharma which is in decline, can we not rely on the power or Reverend Zhu? [Prince of Koryo, Presiding Monk Üich'ōng].¹¹

As is seen from the text, Üich'ōng's alternative to the excessive Chan practices of the Song period is a balanced version of Chan, which would combine doctrinal learning, meditation and practices in a coherent whole just in the manner presented by Chengguan and Xianyan. As is clear from the rhetoric of the above paragraph, especially from the use of "*jijiao ruchanzhe* 藉教入禪者" formula, Üich'ōng had in mind the idea of Bodhidharma Chan expressed in the famous *Treatise on Two Entrances and Four Practices* (*Er ru si xing* 二入四行) by the legendary patriarch. Similar approach based on the threefold division of Chan into the "gates" of "seeing the nature," "pacifying the mind," and "initiating the practices" resurfaces in the two Chan compilations discovered from Khara-Khoto: the above mentioned *Jingxin*

¹¹ *Biezhuan xinfa yi* 別傳心法議 (ZZ 57, No. 953: 53).

lu by Daoshen and Chinese text of *Jiexing zhao xin tu* 解行照心圖. This idea is similar in nature to the ideal of the “perfect” Chan maintained by Zongmi in his works, especially in the *Chan Preface*, where Zongmi argued that every form of Chan meditation (*zong* 宗) should have its counterbalance in the relevant doctrinal teaching (*jiao* 教). For both Üich’öng and Xianyan, Zongmi is an ultimate authority on Chan matters: as far as I was able to determine, “Guifeng” is the only Chan master ever mentioned by Xianyan, and his general Chan discourse does not abandon “Northern versus Southern Chan” paradigm set forward in the Heze tradition, to which both Zongmi and Chengguan belonged. Again, due to the scarcity of the Liao materials, the evidence of Zongmi’s importance in the Liao is circumstantial, whereas Xi-Xia materials vigorously demonstrate the degree of his popularity. The available Chan texts from the Tangut collections demonstrate that the Tangut Chan repertoire emerged in accordance with the framework formulated by the Liao Buddhist leaders such as Xianyan and Daoshen, and may be interpreted as a version of the Liao Buddhist system.

Liao connection of the Tangut Buddhism are not exhausted with the above-mentioned materials: general idea that Xi-Xia had partially replicated the Liao Buddhist pattern is further seen in the presence of a number of Tangut versions of actual Huayan compilations, such as the Tangut translations of Xianshou Fazang’s (賢首法藏, 643–712) famous *Profound Huayan Contemplation of Ceasing Illusion and Returning to the Source* (*Xiu Huayan aozhi wangjin huanyuanguan* 修華嚴奧旨妄盡還源觀, 穉熾 薺)¹² and *The Golden Lion of Huayan*, which had been edited (or rather rewritten) by Jinshui Jingyuan (晉水淨源, 1011–1083). Recent discoveries had also revealed that another text crucial for Zongmi’s tradition, i.e. the *Sūtra of Perfect Enlightenment* (*Yuanjue jing* 圓覺經 甌 熾 薺 薺) as well as commentaries to it (e.g. *Yuanjuejingshu zhi lüebu* 圓覺經疏之略補 甌 熾 薺 薺 薺 薺 薺) was also widespread in Xi-Xia. All of the abovementioned texts share a common interest in the idea of the “true mind” (*zhenxin* 真心), which is also the mind of perfect enlightenment. Several volumes probably of native Xixia origin, such as the *Essentials on the Practice of Contemplation* (*Chan xiu yaolun* 禪修要論 熾 熾 薺 薺),¹³ also contain texts dealing with a more or less similar topic, which is the “contemplation of the True or Perfect mind.” All the texts mentioned above share several common features: they are all dealing with the explication of the “true” or “perfect” mind characteristic for the Zongmi’s tradition. This mind has to be contemplated (*guanxin* 觀心) in order to reveal its original enlightenment and lead one to the attainment of the Buddhahood. Presence of the *Bodhidharma’s Treatise on the Con-*

¹² Таңг 287 инв. № 6174, 2850. Only the abridged Tangut title survived.

¹³ Таңг 291 инв. № 4824 contains a short text entitled *Zhufa yixin yuanman dinghui bukesiyi yaolun* (諸法一心圓滿定慧不可思議要論 甌 熾 薺 薺 薺 薺 薺 薺); another collection, entitled *Guanxin shun* (觀心順 甌 熾 薺 薺 Таңг 167 инв. № 6775) contains such works as *Wuxin zhenyi yaolun* (無心真義要論 甌 熾 薺 薺 薺 薺 薺) and *Jisi xinxing dunwu yaolun* (寂思心性頓悟要論 甌 熾 薺 薺 薺 薺 薺). The contents and message of these texts is more complicated, since they contain works predominantly belonging to the Tibetan trend in the Tangut Buddhism, specifically the teaching of Mahāmudrā. These texts deserve further study, but the fact that the Tangut tended to express Chinese and Tibetan Buddhist ideas through similar terminology, is important for this study.

templation of Mind (*Damo dashi guanxin benmu* 達摩大師關心本母窺賊黻諤緝粼禱薺)¹⁴ within P.K. Kozlov's collection of Tangut texts is in fact in tenor with this concept. Moreover, all these texts are based on the authority of the *Avataṃsaka-sūtra* and Bodhidharma, whereas the teachings of other Chan patriarchs are ignored. Accepting this Huayan Chan tradition leads to several conclusions: one has to accept the importance of the doctrinal study (as a part of Bodhidharma's heritage), specifically concentrate on the research of the *Avataṃsaka-sūtra* and related texts; one should also accept authority of Zongmi and recognize Heze Shenhui (荷澤神會, 670/686–760/762) as the Seventh Patriarch. One has further to deny all the following developments within the Chinese Chan Buddhism as “heresies” as compared to the original Chan teaching of Bodhidharma (Damo Chan 達摩禪). This trend became out of fashion in the mainstream of the Chinese Chan during the Song, but might be considered one of the constituents of the Northern Huayan tradition as it survived in the Wutaishan area and was reproduced by the Liao Buddhist and then transferred to Xi-Xia.

Several cases of Liao-Xi-Xia Buddhist intercourse

The nomenclature of the Chan texts available from Khara-Khoto with a few exceptions is exhausted by the above list. This brief exposition demonstrates that Xi-Xia Buddhists were reproducing the Liao Chan Buddhist paradigm. Xianyan's works show that the Chan view peculiar to the Liao did not exceed the late Tang paradigm of “Northern versus Southern Chan”, “practice of principle” versus “practice of things” paradigm developed within Shenhui's tradition and later maintained by Zongmi. This view of Chan was advocating the combination of actual Chan contemplation with the variety of practices (*jiao* 教 and *xing* 行) as prescribed by the doctrinal Buddhism. It is on this point where Liao-Xi-Xia and Buddhist exchange is most vivid. By now, the several Tangut translations of Liao Chan compositions have been discovered in Khara-Khoto. The most important among these are in the work known under its abridged title *The Mirror* (Chin. 鏡, Tangut 鏡).¹⁵ The text was identified as the translation of the unavailable work by the Khitan Buddhist master Daoshen mentioned in several Chinese compilations such as *The Record of the Mirror of Mind* (*Jingxin lu* 鏡心錄). The text specifically concerns the Chan Buddhist matters and presents the angle similar to that of Xianyan and Üich'öng in the following manner:

These are the three gates of “seeing the nature,” “pacifying the mind” and “carrying out the practices,” which were truly transmitted by Damo. [These three] are like the three legs of a tripod: if one is missing, there is no whole. If there would be no teaching of “seeing the nature,” then the original mind would

¹⁴ The text in fact is not the work of Bodhidharma, but of Shenxiu (神秀, 606–706).

¹⁵ Таиґ 413 ИИВ. № 2548 in the holdings of the Institute of Oriental Manuscripts (IOM), Russian Academy of Sciences.

not be realized, following the ten thousand practices would produce suffering and exhaustion. If there were no teaching of “pacifying the mind,” then it would be impossible that every thought could come in harmony with the Way, and all the thoughts could not get rid of the seeds. If there were no teaching of “following the practices,” then the four wisdoms and two types of completeness [corrupt paragraph] it would not be possible to beautifully adorn. If the three gates are complete, then the miraculous completeness is attained.¹⁶

A similar attitude to Chan Buddhism is expressed in another Tangut compilation known as *Chart Illuminating the [Essence of] Mind through Understanding and Practices* (*Jiexing Zhaoxin tu yiben* 解行照心圖一本).¹⁷ The text might be a Khitan compilation but the argument in favor of this is inconclusive. However, the views on Chan presented thereby are in tenor with both Daoshen’s idea of the “tripod” and Zongmi’s views: the text presents the idea of the combination of “seeing the nature” (*jianxing* 見性), “pacifying the mind” (*anxin* 安心), and “ten thousand practices” (*wanxing* 萬行) based on the concepts of Zongmi, Sengzhao and other Buddhist authorities. Presence of the Tangut and Chinese versions of the works of the Liao Great Master Tongli as well as of a few other texts of the Liao masters only confirms this observation. The whole idea appears to be borrowed from the Liao, thus Xi-Xia Chan appears to be within the framework of the combined Huayan Chan tradition originating from Chengguan and Zongmi and later dominant in the Liao.¹⁸ The version of Chan Buddhism presented by the abovementioned texts sometimes is denominated as “Bodhidharma Chan.” These texts again demonstrate their dependence on the idea of integrated Chan as formulated by Üich’ong in his account of the Liao Chan.

This tradition is also represented by another Tangut text available from Khara-Khoto. The text in question is the composition known as *The Meaning of Perfect Luminous Mind of One Vehicle* (Chin. 究竟一乘圓明心義, Tangut 肩髻丕叢訛飭綈縹)¹⁹ composed by the Great Master Tongli Hengce (通理恒策, Tangut 繆璽鞞髻, Chin. 通理大師, 1049–1099).²⁰ His other works available from Khara-Khoto

¹⁶ This paragraph is found on the pages 16a–b of the actual Tangut text (Танг 413 инв. № 2548). First translation was published in Solonin 1998, pp. 365–424; identification of the text see: Solonin 2008.

¹⁷ *Ecang Heishucheng wenxian*, vol. 5, pp. 130–134, press-mark A4v.

¹⁸ Zongmi’s views on Chan enjoyed certain popularity and renown during the Northern Song among the Tiantai masters. There are several indications that Zongmi’s views had been discussed by Siming Zhili (四明智禮, 960–1028), Zongmi’s works had been studied by the “off mountain” Tiantai.

¹⁹ Танг 183 инв. № 2848, Chinese fragments of this text *Jiujing Yicheng Yuantong xiyao* 究竟一乘圓通心要 were published in *Ecang Heishucheng wenxian*, vol. 5, pp. 165–180, press-mark A-6.

²⁰ The activities of the Great Master Tongli are discussed in Chen Yanzhu 1993, pp. 38–52; Ren Jie 1999, pp. 117–131; Ledderose 2004, pp. 381–454. This account is based on the study of stele inscription from Guanyin Hall of Yanfu Temple (*Daan xian lianhuayu Yanfusi Guanyintang ji* 大安山蓮花峪延福寺觀音堂記), see also: Huang Chunhe 黃春和 “Liaodai ‘Daan xian lianhuayu Yanfusi Guanyintang ji’ Tongli shixing bukao” 遼代〈大安山蓮花峪延福寺觀音堂記〉通理實行補考. Unfortunately, I could not locate the complete version of this paper. Huang’s findings were summarized in: Huang Chunhe 1999, pp. 1–7.

in Chinese include *Admonitions on the Establishing of Will* (*Lizhi mingxin jie* 立志銘心誡) and *Three Regulations of the Liberation in the Sea of Nature of the Supreme Perfect Teaching* (*Wushang Yuanzong xinghai jietuo san zhili* 無上圓宗性海解脫三制律).²¹ The Great Master initiated the completion of the Fangshan stone sutras, but his role in Xi-Xia and Liao was specifically that of the propagator of Chan Buddhism. Famous inscription *Daanshan Lianhuayu Yanfu si Guanyintang jibei* 大安山蓮花峪延福寺觀音堂記碑 reads as follows,²²

“[...] 達磨來梁，玄風創扇，由是禪講隆興。久傳唐宋至我大遼，歷業已來，教傳盛而三惠齊生，宗未隆而一心闕，即致 唱教雖隆，見性地者 矣。至康安二號，南宗時運，果有奇人來昌大旨，遂以 寂照大師、通圓、通理此土三人捷生間出， 中之龍焉。傳佛心印，繼累代之高風，建無勝幢，作不請文，俾祖光迴照， 燈無昧者，始自三師。[...] 斯乃學 雖眾，原其根本唯三上人，乃曹溪的嗣，法眼玄孫，為此方宗派之原，傳心之首矣” [...].

[...] When Damo came to the Liang, the mysterious wind started to blow, and since then the Chan preaching prospered. It has long being widespread in the Tang and Song and reached our Great Liao. Since the deed was accomplished, the propagation of Teaching flourished and three wisdoms emerged. But the doctrine [*zong* 宗] did not become widespread, and teaching of one mind was missing, which lead to the situation that the teaching which was verbally acclaimed and lauded flourished, there were [few?] of those who attained the nature and acquired the ground. During the eras of [Tai]kang and [Tai]an (1075–1100), the Southern school set in motion, and finally appeared remarkable people who propagated the great intention. Then three people of this land: Great Master Jizhao, Tongyuan and Tongli appeared suddenly. [...] dragons. They transmitted the seal of the Buddha mind, accumulated the sublime style of many generations, raised the banner of invincibility and composed literary works without being asked to, so that the light of patriarchs will shine back and the light of the Lamp will never extinguish. All this began from the three masters. [...] That is, although there had many who studied, but only these three people attained its root [i.e. root of the Southern school]. They are descendants of Caoxi and mysterious heirs to Fayan (i.e. Fayan Wenyi 法眼文益, 885–958), founders of the [Chan] school in this land and the first in transmitting [the teaching of] the mind.

This paragraph, demonstrates several important features of Liao Chan Buddhism: it started its spread in the Liao during the reign period of Daozong, who showed personal interest in Tongli’s teaching and visited his *daochang* during his travels around the country.²³ Chan Buddhism was understood within the paradigm of balance

²¹ IOM collection, press-mark A-26.

²² Original text of the inscription see in: Mei Ninghua 2004, vol. 2, pp. 20–21; Bao Shixuan 1997, pp. 72–77; Ledderose 2004, pp. 409–412.

²³ *Liao shi*, ch. 9, p. 92

and harmony between *jiao* and *zong* (教宗) that is doctrinal teachings versus Chan insights clearly borrowed from Zongmi. Teaching of mind was clearly seen by the author of the inscription as a balance against domination of doctrinal teachings in the Liao and thus again is in tune with the overall intention to maintain harmony and complementary relationship between various dimensions of Buddhism. Tongli's presence among the corpus of Tangut Buddhist texts together with the works by Daoshen and other texts mentioned above, is indicative of the transfer of the Liao universalist Buddhist ideology into the Tangut state. In another inscription, Tongli is clearly called the "one who transmitted the essentials of Damo teaching of mind" (通理策師□授以達摩傳心之要),²⁴ as it was flourishing in the Liao during the last decades of 11th c. and found its way to Xi-Xia. If juxtaposed against the available repertoire of the Chan Buddhist texts from Xi-Xia, this evidence shows that a substantial part of Xi-Xia Buddhist complex emerged under the Liao influence.

The observations above allow suggesting that the Liao and Xi-Xia were dominated by partially similar Buddhist agenda. This agenda, based on the ideas generally originating from the late Tang version of the Huayan teaching in the versions of Chengguan and Zongmi, was represented in the Tangut state by the texts of the Liao origin, thus demonstrating the formative role, which the Liao Buddhism played in the evolution of the Tangut Buddhist system.

References

- Bao Shixuan 1997 — Bao Shixuan 包世軒. "Liao Daanshan Lianhuayu Yanfu si Guanyintang ji bei shuzheng" [Commentary Research on the Liao Period Stele Inscription from Guanyin Hall of Yanfu Temple in the Lotus Gorge of Daan County] 遼〈大安山蓮花峪延福寺觀音堂記〉碑疏證. In *Beijing wenbo* [Beijing Cultural Heritage] 北京文博, 3 (1997), pp. 72–77.
- Chen Yanzhu 1993 — Chen Yanzhu 陳燕珠. *Fangshan shijingzhong Tongli dashi kejing zhi yanjiu* [Research on the Sutra Carvings at Fangshan by the Great Master Tongli] 房山石經中通理大師刻經之研究. Taipei: Huiyuan wenjiao jijinhui 臺北: 慧遠文教基金會, 1993, pp. 38–52.
- Ecang Heishuicheng wenxian — *Ecang Heishuicheng wenxian* [Heishuicheng Manuscripts Collected in Russia] 俄藏黑水城文獻. Vol. 1–11. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社, 1996–2006.
- Fang Guangchang 2005 — *Zangwai fojiao wenxian* [Buddhist Monuments not Included in Tripitaka] 藏外佛教文獻. Ed. by Fang Guangchang 方廣錫. Vol. 7. Beijing: Zongjiao wenhua chubanshe 北京: 宗教文化出版社, 2005 (1st edition: 1995).
- Huang Chunhe 1999 — Huang Chunhe 黃春和. "Liao Yanjing Chanzong chuanbo shi kaoshu" [History of the Development of Chan Buddhism in the Liao Period Yanjing] 遼燕京禪宗傳播史跡考述. In *Shoudu bowuguan congkan* [Journal of Capital Museum] 首都博物館叢刊, 3 (1999), pp. 1–7.
- Ledderose 2004 — Ledderose L. "Carving Sutras into Stone before the Catastrophe: The Inscription of 1118 from the Cloud Dwelling Monastery near Beijing." In *Proceedings of British Academy*, 125 (2004), pp. 381–454.
- Liao shi — *Liao shi* [History of the Liao Dynasty] 遼史. Ed. by Tuotuo 脫脫. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海: 上海古籍出版社, 1978 (Ershiwu shi [Twenty Five Histories] 二十五史).

²⁴ Chen Yanzhu 1993, p. 365, the inscription for the Chan master Chongyu 崇昱.

- Mei Ninghua 2004 — *Beijing Liao Jin shiji tuzhi* [Epigraphy of the Liao and Jin periods in Beijing] 北京遼金史跡圖志. Ed. by Mei Ninghua 梅寧華. Vol. 1–2. Beijing: Yanshan chubanshe 北京: 燕山出版社, 2004.
- Nie Hongyin 2010 — Nie Hongyin 聶鴻音. “Chanyuan zhuquan jidu xu Xi-Xia yiben” [Tangut Translation of the *Chanyuan zhuquan jidu xu*] 禪源諸詮集都序西夏譯本. In *Xi-Xia xue* [Tangut Studies] 西夏學, 5 (2010), pp. 30–35.
- Ren Jie 1999 — Ren Jie 任傑. “Tongli dashi dui Fangshan kejing shiyede zhongda gongxian” [The Great Contribution of the Great Master Tongli into Carving the Stone Sūtras at Fangshan] 通理大師對房山刻經事業的重大貢獻. In *Fangshan shijing yanjiu* [Studies on Stone Scriptures of Fangshan] 房山石經研究. Ed. by Lü Tiegang 呂鐵鋼. Vol. 1–3. Hong Kong: Zhongguo fojiao wenhua 香港: 中國佛教文化, 1999, pp. 117–131.
- Solonin 1998 — Solonin K.J. “Tangut Chan Buddhism and Guifeng Zongmi.” In *Chung-Hwa Buddhist Journal*, 11 (1998), pp. 356–425.
- Solonin 2008 — Solonin K.J. “The Glimpses of Tangut Buddhism.” In *Central Asiatic Journal*, 58 (1) (2008), pp. 66–127.
- Sun Changsheng and Niu Dasheng 2005 — *Baisigou Xi-Xia fangta* [Tangut Square Pagoda at Baisigou] 拜寺溝西夏方塔. Ed. by Sun Changsheng 孫昌盛 and Niu Dasheng 牛達生. Beijing: Wenwu chubanshe 北京: 文物出版社, 2005.

Лоция «Моря письмен»

 «Море письмен» (кит. «Вэнь хай» 文海) наполнено явными и неявными объектами, о которых исследователи, изучающие это море, должны знать, чтобы использовать сведения о тангутском языке, которые оно хранит. Его явные объекты (тоны, рифмы, знаки письма и их толкования) выделены структурными и графическими средствами. Устройство словаря «Море письмен» по фонетическому принципу в виде классов тождественных единиц речи (слогов–полных омонимов и слогов с совпадающими компонентами — тонами, инициалами, медиальными, финалями) обусловлено характером тангутской письменности, знаки которой не содержат прямых указаний на их чтения. В отдельные главы собраны знаки для слогов «ровного» и «восходящего» тона; слоги с одинаковыми финалями распределены по 105 рифмам (кит. *юнь* 韻). Каждый толкуемый знак выделен графически более крупным размером и снабжен тремя толкованиями в следующем порядке: толкование графической структуры знака, значения, чтение по методу *фаньце* (кит. 反切). Этот метод описывает чтение отдельного иероглифа или группы омонимичных знаков («малой рифмы», кит. *сяо юнь* 小韻) с помощью двух других знаков, из которых первый передает инициаль слога, а второй — его финаль. Для знаков, входящих в группу «малых рифм», указывается общее для всей группы чтение по *фаньце* при первом знаке. Толкования графической структуры и семантики знаков в словаре являются важными источниками изучения тангутской письменности, языка, материальной и духовной культуры.

Отдельной частью «Моря письмен», своего рода заливом со своими особенностями навигации, являются «Смешанные категории „Моря письмен“» (кит. «Вэнь хай цза лэй» 文海雜類), где знаки сгруппированы в девяти главах не по рифмам, а по классам инициалей, которые соответствуют девяти классам согласных, известным по другим словарям традиционной тангутской филологии, например, по фонетическому словарю «Гомофоны» (кит. «Тун инь»

同音)¹. Глоссы устроены по образцу основного словаря, т.е. «Моря письмен», с истолкованием графической структуры, семантики и чтением по *фаньце*.

К неявным объектам «Моря письмен» относятся последовательность рифм, фонетические классы рифм, группы рифм, структуры групп рифм и отдельных рифм. Особый объект — чтения знаков по *фаньце*. Задача фонетической реконструкции состоит в том, чтобы интерпретировать фонетически компоненты слога и признаки тангутских фонем, описанные в словаре средствами тангутской иероглифической письменности. Для фонетической интерпретации используются существующие транскрипции средствами китайской и тибетской письменностей. Во всех реконструкциях звуки тангутского языка обозначены знаками международного фонетического алфавита (МФА/ІРА). Однако реальная артикуляция тангутских звуков остается неизвестной. Исследователи имеют в своем распоряжении только прямые указания на существование отдельных звуков тангутского языка определенного типа артикуляции, а также косвенные указания на их качество, поэтому от знаков МФА в реконструкциях не следует ожидать точного описания артикуляции звука тангутского языка. Обнаруживается также, что простых знаков МФА достаточно для обозначения тангутских согласных, но недостаточно для обозначения всех тех единиц тангутского вокализма, которые указаны в «Море письмен» и в «Фонетических таблицах» («Фонетические таблицы пяти тонов», кит. «У инь це юнь» 五音切韻)². В нашей реконструкции 1968 г. к стандартному алфавиту МФА были добавлены условные обозначения: медиаль *-ɹ-*, знак циркумфлекса для обозначения слогов II *дэна* и точка под гласными слогов малых циклов³, в настоящей статье они частично модернизированы: медиали *-i̇-* и *-j̇w-* заменены стандартными *-j-* и *-jw-*.

Словарь «Море письмен» был составлен тангутскими филологами, которые усвоили идеи и технические приемы китайской традиционной филологии эпохи Сун. Основными средствами описания звуков тангутского языка в словаре стали метод *фаньце* и рифмы с элементами техники китайских фонетических таблиц. В тангутской слоговой просодии словарь различает «ровный» и «восходящий» тоны. В предисловии к «Фонетическим таблицам», написанном позднее тангутским филологом следующего поколения, упоминаются четыре слоговые просодические единицы, которые по названиям соответствуют четырем среднекитайским тонам: «ровный», «восходящий», «уходящий», «входящий»⁴. Однако в самих «Таблицах» по-прежнему различаются только два тона «Моря письмен»⁵.

¹ Словарь исследован и издан Ли Фань-вэнем (1986).

² Тангутские «Фонетические таблицы» описаны и исследованы Н.А. Невским (1960) и М.В. Софроновым (1968).

³ Софронов 1968.

⁴ Невский 1960, с. 134.

⁵ Описание слоговой просодии в терминах четырех тонов встречается только в так называемом рукописном словаре без названия (см. Тангутские рукописи и ксилографы, № 4153, 4781, 6685, 7837), где обозначения «ровный, как уходящий» и «восходящий, как входящий» указывают чтение слогов традиционных «ровного» и «восходящего» тонов по четырехтоновой системе.

Компоненты слога — инициали и финали — представлены в «Море письмен» и в «Фонетических таблицах» в артикуляторно обоснованной последовательности. Локальные признаки артикуляции инициалей указаны в названиях классов или соответствующих глав «Смешанных знаков „Моря письмен“» и детализированы в «Фонетических таблицах»⁶. Локальные и модальные признаки финалей очевидны только из последовательности рифм в словаре и слогов внутри рифм. Финаль тангутского слога состоит из медиали и слогового гласного. Фонемная позиция инициали может оставаться незанятой, тогда слог начинается с медиали или слогового гласного. Конечные согласные в слогах отсутствовали. Сонант -п на конце слога (или назализация слогового гласного), который представлен в нашей реконструкции 1968 г., встречается только в словах, заимствованных из китайского языка.

В «Море письмен» распределение слогов по рифмам и далее по фонетическим классам внутри рифм происходит последовательно по обеим частям финали — по слоговому гласному и по медиали. Различаются два типа финалей, для обозначения которых использовались термины китайской филологии: *кайкоу* 開口 и *хэкоу* 合口. В слогах, где финаль начинается непосредственно со слогового гласного, медиаль является нулевой.

Последовательность рифм

Последовательность рифм в «Море письмен», в сущности, представляет собой классификацию слогов тангутского языка по нескольким разнородным, но характерным основаниям. Первым основанием является классификация по двум тонам: слоги «ровного» и «восходящего» тона. Внутри каждого тонового класса рифмы распределены по четырем циклам, среди которых один большой (60 рифм)⁷ и три малых (45 рифм). В основе деления на циклы лежит состав инициали: инициали большого цикла состоят из одного согласного, инициали малых циклов — из стечений двух согласных. Во всех циклах распределение слогов по рифмам и далее по вокалическим классам внутри рифм происходит последовательно по обеим частям финали — по слоговому гласному и по медиали. Слог каждого малого цикла начинается с циклового согласного (общего для всех слогов этого цикла), за ним следует основной, который относится к одному из восьми классов согласных, фактически различаемых в словаре. Судя по транскрипциям, цикловой согласный слогов I малого цикла был щелевым типа h-, во II малом цикле⁸ это сонант типа r-, в III малом цикле артикуляция циклового согласного неясна из-за недостатка транскрипций и малого объема цикла. Инициали описаны по *фаньце* разными наборами

⁶ Невский 1960, с. 117–121, 134–136; Nishida 1981, p. 127–147.

⁷ Число 60, соответствующее числу рифм большого цикла, связано с натурфилософскими представлениями тангутов, согласно которым слова, представленные в словаре, рассматриваются как свертка картины мира в целом. Оно символизирует здесь звуки речи, из которых состоят все слова тангутского языка, и указывает на полноту их описания.

⁸ Обсуждение инициалей слогов II малого цикла см. в работе: Дай Чжун-пэй 2008, с. 147–148.

первых знаков, образующими особые цикловые цепи. В каждом цикле рифмы распределены по фонетическим классам в соответствии с локальными (артикуляторными) признаками слоговых гласных. Аналогом фонетических классов в циклах «Моря письмен» являются классы рифм *шэ* 攝 в китайской традиции. Фонетические классы содержат от двух до 15 рифм, разделенных на группы рифм по тембровым свойствам слоговых гласных: открытых, закрытых, фарингализованных, назализованных.

Группы рифм в «Море письмен» построены по аналогии с китайской фонетической таблицей, где рифмы распределены по четырем *дэнам* (кит. 等) в зависимости от качества слогового гласного или от медиалей *-i-* и *-j-*.

В большом и I малом циклах первый фонетический класс — губной [u], за которым следуют гласные переднего и среднего ряда: [e], [i], [a], [э], [ɪ], далее дифтонги с исходом на /-i/ и на /-ш/, и завершает губной круглощелевой /o/. Во II малом цикле последовательность фонетических классов несколько изменена. III малый цикл начинается с рифм класса [e] и завершается рифмами класса [o], как во всех остальных циклах. Гласные слогов всех циклов одинаковы по своим локальным и тембровым признакам. Их идентичность подтверждена контактами слогов разных рифм в описании в «Море письмен» и «Гомофонах». В «Море письмен» эти контакты обнаруживаются в тех случаях, когда для описания финали слога одной рифмы большого цикла используется слог рифмы одного из малых циклов, и наоборот. В той редакции «Гомофонов», где «малые рифмы» формировались по признакам, близким к чисто фонетическим, слоги разных циклов иногда включались в одну «малую рифму».

Открытые и закрытые гласные

Основным источником сведений о тембровых признаках тангутских гласных являются первые знаки *фаньце*, передающие не только основную, но и дополнительную артикуляцию инициали, которую она приобретает при взаимодействии с финалью. По традиционной процедуре знаки, описывающие одну и ту же инициаль, объединяются в цепи. Выбор знака для описания инициали зависел прежде всего от слогового гласного и лишь во вторую очередь от медиали. В «Море письмен» один и тот же начальный согласный описывается с помощью знаков, входящих в три разных цепи. Это означает, что тангутские филологи различали три позиционных варианта инициалей, которые зависели от качества слогового гласного⁹.

Инициали тангутских слогов в описании «Моря письмен», как и в «Фонетических таблицах», состоят из класса шумных, куда входят глухие чистые, глухие придыхательные, гоморганные носовые сонанты, и класса ртовых сонантов. Каждый локальный класс смычных инициалей делится на отдельные фонемные позиции. «Фонетические таблицы» предусматривают в каждом локальном классе четыре позиции для согласных следующих видов: глухой чистый

⁹ Sofronov 2004, p. 487–496.

тый, глухой придыхательный, звонкий, носовой сонант. В классах аффрикат дополнительно была предусмотрена позиция для звонкого щелевого. В классе ртовых сонантов были предусмотрены две позиции: для сонантов типа /l/ и /r/ и сонантов типа /ʒ/¹⁰. Во всех классах согласных «Фонетических таблиц» представлена позиция звонкого согласного, но она обычно пустует. В «Море письмен» при индивидуальном описании чтений по *фаньце* специальные знаки для описания звонких инициалей отсутствуют. В последовательности слогов в вокалических классах рифм позиция звонкой инициали также отсутствует. Для слогов со звонкими инициалами в словаре созданы отдельные «малые рифмы» рядом со слогами с глухими инициалами.

Тембровые признаки тангутских гласных не передаются в транскрипциях из-за отсутствия соответствующих графических средств в китайском и тибетском письме. Об этих признаках можно судить по косвенным данным, которые содержатся в описании инициалей класса гортанных в рифмах «Моря письмен» и по *фаньце*. В «Фонетических таблицах» в классе тангутских гортанных были предусмотрены четыре традиционные позиции: гортанная смычка, глухой /x/, звонкий /ɣ/, сонант /j/. В «Море письмен» класс гортанных состоял из трех позиций, которые соответствовали китайской гортанной смычке, двоянной позиции — щелевой глухой /x/ и звонкий /ɣ/ — и сонанту /j/. Иначе говоря, были предусмотрены позиции для тангутской гортанной смычки, глухого /x/ и сонанта /j/, которые, вероятно, были похожи на китайскую гортанную смычку /x/ и /j/. Позиция для звонкого щелевого /ɣ/ отсутствовала. Таким образом, в «Море письмен» в классе гортанных различались три инициали, которые были реально представлены в тангутских слогах и описаны методом *фаньце*.

Для инициали x- знаки *фаньце* образуют отдельные цепи для рифм с открытыми и закрытыми гласными. Из этого описания следует, что щелевой /x/ отсутствует в слогах с фарингализованными гласными всех циклов и слогах I малого цикла, что является его важным дистрибутивным признаком. Этот признак, как кажется, имеет отношение к способу произношения фарингализованных финалей.

Предполагая полную аналогию китайским фонетическим таблицам, было бы естественно считать, что инициали на местах для гортанной смычки и для сонанта /j/ должны быть различны и, соответственно, переданы знаками особых цепей первых знаков *фаньце*. И действительно, знаки *фаньце*, которые описывают эти две инициали, образуют две цепи. Однако в «Море письмен» знаки этих цепей не специализированы на описании инициалей слогов на соответствующих местах в классе гортанных. В одной и той же рифме для описания инициалей на том и другом месте регулярно используются знаки, которые входят в одну и ту же цепь, а иногда вообще одни и те же знаки. В большом цикле «Моря письмен» слоги с инициалами в позиции гортанной смычки и /j/ представлены на обоих местах в 23 рифмах. 22 из них описаны знаками *фаньце* из одной и той же цепи.

¹⁰ Невский 1960, с. 133–134; Nishida 1982, p. 1–2.

При этом, если опустить технические детали формирования цепей, легко заметить, что в одних рифмах гортанная смычка и /j/ описаны знаками одной цепи, в других — знаками другой. Обнаруживается, что в тех вокалических классах, где присутствовали две группы рифм с одинаковыми транскрипциями, для описания гортанных инициалей первой группы использовались знаки одной цепи *фаньце*, а для их описания во второй группе — знаки другой цепи. Такое распределение функций знаков этих цепей *фаньце* означает, что их использование зависит от качества гласного, и, следовательно, они описывают два позиционных варианта одного и того же согласного. Фонетическая реальность, которую передавали знаки этих двух цепей, хорошо заметна в транскрипциях. Инициаль, описанная знаками первой цепи, передавалась в транскрипциях как j- в слогах с нелабиальными и как w- в слогах с лабиальными гласными. Инициаль, описанная знаками второй цепи, передавалась как любой заднеязычный согласный — шумный или сонант. Все это означает, что фонетическая реализация инициалей на местах гортанной смычки и /j/ зависела от качества слогового гласного. В первом случае это качество можно определить как закрытость или лабиальность, которая рассматривалась как разновидность закрытости, а в рифмах, где для их описания использовались знаки другой цепи, качество слоговых гласных можно определить как открытость. Таким образом, предметом описания этих двух цепей первых знаков *фаньце* был фонологический нуль, который при закрытых нелабиальных слоговых гласных реализовался как j-, при лабиальных как w-, а при открытых как заднеязычный согласный¹¹. В слогах с фарингализованными гласными эти инициали приобретали признак, свойственный всем согласным в таких слогах.

Таким образом, заполнение нулевой позиции тангутского слога зависит от качества слогового гласного: при лабиальном слоговом гласном нулевая позиция заполняется глайдом w-, при закрытых нелабиальных — сонантным глайдом j-. Так, например, нулевые инициали в рифмах 1–2 /u/ и в рифмах 51–53 /o/ описаны знаками *фаньце* из цепи для инициалей в слогах с закрытыми гласными. В обоих случаях они передают нулевую фонему как лабиальный глайд w-. При этом знаками *фаньце* из той же цепи для закрытых гласных описаны инициали рифмы 20 с закрытым ртовым /a/, которые описывают сонантный глайд j-. Как представляется, реализация фонологического нуля как некоторого заднеязычного согласного возможна лишь при сильной веляризации открытых гласных. В классе закрытых его реализация возможна как /w/ при сильной лабиализации губных и как j при мягком приступе закрытых гласных. Отсюда становится ясно, почему китайский слог ja с закрытым слоговым /a/ передается в транскрипции тангутским слогом с нулевой инициалью, а не специальным знаком *фаньце* для j. По этой причине описание инициалей по *фаньце* дает практическую возможность определять качество гласного отдельных рифм независимо от транскрипций.

Согласно описаниям по *фаньце*, в класс открытых входят гласные переднего и центрального ряда низкого и среднего подъема и приравненные к ним

¹¹ Софронов 2002, с. 549–551.

дифтонги. С некоторыми исключениями они образуют I *дэн* тангутских гласных. Класс закрытых более сложен по своему составу. В него входят губные /o/ и /u/, гласные высокого подъема /i/, /ɨ/, дифтонг /ei/. Сюда же входят все финали III *дэна* с одним исключением для финали рифмы 30 -jə, которая описана как открытый гласный.

В рифмах 8–9, 17–19, 28–30, 34–35, 41–42, 44–45, 50 I и II *дэнов* нулевая фонема описывается знаками, входящими в цепь для открытых гласных. В рифмах 10–11, 31, 36–37, 43, 46 III и IV *дэнов* нулевая инициаль описывается знаками цепи для закрытых гласных. Такое описание инициалей в рифмах III *дэна* в слогах с открытыми гласными, отличными от /a/ заднего ряда, объясняется влиянием медиали -j- на реализацию нулевой инициали: сочетание -j- с открытым слоговым гласным соответствовало закрытому слоговому гласному.

Описание инициалей по *фаньце* дает возможность составить представление об артикуляции слоговых гласных некоторых рифм. В группе рифм 1–2 звукового класса /u/ нулевая инициаль описана знаком из цепи для закрытых гласных и реализуется как -w-, в группе рифм 4 (которая состоит из одной рифмы I *дэна*) она описана знаком из цепи для открытых гласных и в транскрипции реализуется как заднеязычный смычный или сонант. Отсюда следует, что в группе рифм 1–2 был представлен лабиализованный плоскощелевой /u/, а в группе рифм 4 — нелабиализованный /ɯ/. В классе финалей -o в группе рифм 51–53 был представлен лабиализованный /o/, а в группе рифм 56–58 — нелабиализованный /ɔ/.

В фонетическом классе [a] нулевая инициаль в группе рифм 17–19 реализуется как заднеязычный согласный, а в группе 20–21 — как сонант j-. Это означает, что в группе рифм 17–19 гласный /a/ был открытым, а в группе 20–21 гласный /a/ закрытым. В фонетических классах /e/ и /ei/ гласные I и II *дэнов* трактуются как открытые, а гласный III *дэна* как закрытый по указанной выше причине. В классе [ə] все три *дэна* финали трактуются как открытые. Такая трактовка финали III *дэна*, скорее всего, отражает артикуляторное различие между гласными /e/ и /ɛ/, которое служило основанием для их чередования.

Закрытые гласные образуют группу фонем /u/, /a/, /o/. Открытые гласные образуют значительно более сложную и громоздкую систему.

Фарингализованные гласные

При первых попытках фонетической интерпретации рифм «Моря письмен» обнаружилось, что во всех фонетических классах присутствуют по меньшей мере две группы рифм с одинаковыми транскрипциями. На особое положение этих групп обратил внимание Дж. Клосон. Он усомнился в возможности существования столь громоздкой системы гласных, которая образуется при прямой интерпретации гласных тангутских рифм с помощью транскрипций, и предположил, что в финалях некоторых слогов этих рифм присутствует ко-

нечный согласный¹². Предположение Дж. Клосона было принято во внимание в нашей реконструкции 1968 г. Финали тангутских слогов рифм 5–7, 12–14, 20–24, 32–33, 38–43, 54–55, 60 большого цикла были реконструированы как V+C, т.е. слоговой гласный с конечным согласным. Такая структура слога, как предполагалось, еще была возможна во времена создания тангутской письменности в начале XI в.¹³ В дальнейшем сравнительный анализ транскрипций этих рифм привел Гун Хуан-чэна к заключению, что общим классообразующим признаком этих рифм уже в момент создания «Моря письмен» является долгота слогового гласного¹⁴. Эти рифмы я в свое время предложил назвать «рифмами Гуна», поскольку он первым предложил считать их особым классом рифм по признаку слогового гласного, а не по предполагаемому конечному согласному.

Особое положение этих рифм находит подтверждение также и во взаимной китайско-тангутской транскрипции, где слоги тангутского языка выступают как предмет транскрипции средствами китайского письма и как средство транскрипции слогов китайского языка. При этом тангутские слоги одних рифм регулярно использовались для транскрипции китайских слогов, а слоги других рифм не использовались или использовались очень редко. Примечательно, что слоги рифм, которые в реконструкции 1968 г. были обозначены как V+C, для транскрипции китайских слогов обычно не использовались. Очевидно, что слоги этих рифм обладали признаком, который в слогах китайского языка отсутствовал, и в китайском и тибетском письме не было средств для передачи этого признака в транскрипции. Однако на его существование указывают внутренние данные: для описания по *фаньце* инициалей слогов этих рифм в каждом цикле использовались специальные знаки, которые объединялись в особые цепи. Описание инициалей в особых группах рифм означает, что специальным признаком артикуляции обладали не только инициали, но и финали этих слогов независимо от их медиалей. Таким образом, носителем признака является слоговой гласный, который определенным образом влиял на согласный инициали. Результатом этого влияния является позиционный вариант согласного инициали, который потребовал ее особого описания методом *фаньце*. Как показывает опыт исследования других языков, признаком гласного, который распространяется на слог в целом, чаще всего бывает фарингализация.

Подойти к определению артикуляторного признака гласных рифм Гуна можно только путем реконструкции, основанной на описаниях чтений по *фаньце*. Выбор первого знака *фаньце* зависел от качества слогового гласного в финали слога, подлежащего фонетическому толкованию. Поэтому первый знак *фаньце* всегда дает возможность судить о качестве слогового гласного.

Как известно, *фаньце* «Моря письмен» и его «Смешанных знаков» сохранились не полностью. Поэтому, несмотря на то что наличные цепи их первых знаков достаточно надежны, во всех классах согласных все же присутствуют

¹² Clauson 1964, p. 67.

¹³ Софронов 1968, кн. 1, с. 136–138.

¹⁴ Gong 2002a, p. 141–151.

незамкнутые цепи, содержащие не все знаки, предназначенные для описания определенной инициалей. Представление о том, как выглядела полная система описания тангутских инициалей, состоящая из замкнутых цепей первых знаков *фаньце*, можно получить из так называемого рукописного словаря без названия¹⁵, где класс слогов с губной щелевой инициальной *v*- обоим тонам сохранился полностью. В этой системе первые знаки *фаньце* соединяются в три цепи. Незамкнутые цепи, неизбежные в описаниях инициалей остальных классов слогов, здесь отсутствуют. Все это позволяет полагать, что эти как минимум три цепи существовали в описаниях всех остальных согласных, а незамкнутые цепи первых знаков *фаньце* так или иначе примыкают к ним. Три цепи первых знаков *фаньце* для описания одного и того же начального согласного указывают на существование соответствующего числа признаков слоговых гласных, которые находили отражение в реализациях инициалей. Поскольку тембровые качества гласных не отражены в транскрипциях, для реконструкции каждого из них приходится пользоваться особыми методами. Как было показано выше, качество открытых и закрытых гласных было определено из описания нулевой фонемы, теперь задача состоит в том, чтобы определить качество гласных в рифмах Гуна.

Описание инициалей методом *фаньце* в «Море письмен» было выполнено точно, но не всегда последовательно исходя из той системы, которая обнаруживается после интерпретации цепей соответствующих знаков. Знаки для инициалей с фарингализованными гласными в отдельных случаях используются для описания инициалей в рифмах с закрытыми гласными. И наоборот, знаки из цепей для слогов с закрытыми гласными иногда используются для описания инициалей фарингализованных слогов. Важно отметить, что даже в тех случаях, когда знак для инициалей фарингализованного слога попадает в цепь знаков для инициалей слогов с закрытыми гласными, он фактически используется только для описания инициалей в слогах рифм Гуна и не используется для их описания в слогах с закрытыми гласными.

Перекрестное использование первых знаков *фаньце* для описания инициалей в слогах с закрытыми гласными и в слогах фарингализованных рифм означает, что особенность, которой обладали инициалей в слогах этих рифм, была сходна с той степенью палатализации, которую приобретали согласные инициалей в слогах с закрытыми гласными. Таким образом, согласные инициалей этих слогов обладали признаком, который напоминал палатализацию, и этот признак был воспринимаемым на слух. Именно это сходство иногда позволяло объединять в одну цепь знаки для описания инициалей слогов рифм с закрытыми и фарингализованными гласными.

Артикуляция инициалей фарингализованных слогов, выводимая из их описания методом *фаньце*, в основных деталях напоминает артикуляцию согласных в слогах с фарингализованными гласными в кавказских языках, где фарингализация гласного влечет за собой особого рода палатализацию согласных.

¹⁵ См. примеч. 5.

го, которую Н.С. Трубецкой в своем описании называл эмфатической¹⁶. В современном описании этого явления С.В. Кодзасов отмечает, что в кавказских языках наблюдается как эмфатическая палатализация, так и фарингализация, однако фонетическая природа и их место в фонологических системах этих языков различны¹⁷. Он указывает также и на то, что фарингализация распространяется на несколько звуковых сегментов слога и может сопровождаться дополнительными звуками. Поэтому при фонетической интерпретации фарингализация в одних языках относится к согласным, в других — к гласным. В арчинском языке — непосредственном предмете описания С.В. Кодзасова — сжатие гортани при артикуляции гласного сопровождается естественным подъемом кончика языка, что создает эффект палатализации гласного инициала слога. В зависимости от способа сжатия гортани при фарингализации образуются два вида тембровой окраски инициала и другие побочные акустические эффекты¹⁸.

Вероятно, фарингализация, распространяющаяся на весь слог, или сходный с нею артикуляторный признак слогового гласного стали причиной описания инициалей слогов рифм Гуна с помощью особых первых знаков *фаньце* и создания особых рифм для описания их финалей. Подъем кончика языка при артикуляции фарингализованного гласного создавал сходство, но не тождество качества инициалей фарингализованных слогов с палатализацией инициалей в слогах с закрытыми гласными. Сходное явление во многих современных сино-тибетских языках называется «напряженностью». Оно хорошо описано в языке *муя* (*мунья*), где представлены пары напряженных и ненапряженных гласных. При этом артикуляция напряженных гласных сопровождается изменениями позиции языка по отношению к соответствующим ненапряженным¹⁹. Однако исследователи ничего не говорят об артикуляции инициалей в слогах с напряженными гласными. Таким образом, в тангутском языке фарингализация или сходный с ней признак гласного воздействует на артикуляцию инициала, между тем как в исследованных современных сино-тибетских языках эта зависимость не отмечается. В своих реконструкциях Нисида Тацуо, Гун Хуан-чэн и Ли Фань-вэнь предполагают, что отмеченные в современных сино-тибетских языках напряженные гласные существовали также и в тангутском языке, однако связывают их не с описанием соответствующих слогов методом *фаньце*, а с малыми циклами рифм «Моря письмен»²⁰.

Внутренняя структура фарингализованных рифм имеет особенность, вытекающую из ограниченной способности слогов II и III *дэнов* к фарингализации. Она проявляется в том, что в группах фарингализованных рифм обычно бывают представлены рифмы I, II и III *дэнов*, но отсутствуют рифмы IV *дэна*.

¹⁶ Трубецкой 1980, с. 153–154.

¹⁷ Кодзасов 1977.

¹⁸ Там же, с. 203–206, 340–343.

¹⁹ Хуан Бу-фань 1991, с. 101–102; Икэда 1998, с. 3–5.

²⁰ Не Хун-инь 2004, с. 36–41.

Однако рифмы III *дэна* в таких группах содержат несколько вокалических классов. Наибольшее их число содержится в рифме 55, где представлены три вокалических класса слогов, которые по своим дистрибутивным признакам принадлежат II, III и снова I *дэнам*. В каждом вокалическом классе слоги могли делиться на подклассы *кайкоу* и *хэкоу*. Во всех фарингализованных рифмах эти классы подтверждены в «Фонетических таблицах». По числу слогов классы II и III *дэнов* обычно бывают меньше последнего класса I *дэна*. В некоторых рифмах в этих классах вообще может находиться всего одна или две группы слогов. Транскрипции класса слогов I *дэна* в основных чертах совпадают с транскрипциями слогов IV *дэна* в рифмах с нефарингализованными гласными. Поэтому, опираясь на системный характер тангутских рифм, вокалический класс I *дэна* в составе фарингализованных рифм III *дэна* следует рассматривать как IV *дэн*, соответствующий IV *дэну* группы слогов с открытым гласным, а последовательность рифм вокалического класса IV *дэна* — как соответствующую регулярной последовательности *дэнов* в рифмах 1–3, 8–11, 28–31, 34–37.

Группы рифм

Первая рифма группы содержит слоги I *дэна* с открытыми гласными. Вторая и третья рифмы, образующие соответственно II и III *дэны* группы, содержат слоги, финалы которых связаны с палатализацией инициалей. В реконструкции 1968 г. источником палатализации названы две медиалы типа *j*: -i- II *дэна* и -j- III *дэна*, обозначенная как -ị-. В связи с неясностью источника палатализации инициалей слогов II *дэна* финалы этих слогов была условно обозначена циркумфлексом над слоговым гласным. Финалы IV *дэна* заслуживают отдельного рассмотрения.

Артикуляторные признаки тангутских финалей обнаруживаются в транскрипциях и в описаниях методом *фаньце*, а дистрибутивные — в сочетаниях с инициалами. Тибетская транскрипция передавала тангутские гласные средствами слогового алфавита, поэтому могла передавать простые гласные, но не тембровые признаки гласных, входящих в класс. Она не передавала также тангутские дифтонги, хотя и располагала средствами для их обозначения на письме. Китайская транскрипция передавала тангутские слоги целиком. Это полностью удавалось в тех случаях, когда в китайском диалекте, на котором говорили в тангутском государстве, находился слог, точно соответствующий тангутскому по структуре и качеству гласного. Если таковой отсутствовал, тангутский слог передавался похожим китайским. Степень сходства могла быть различной, но гласный китайского транскрибирующего слога всегда был того же фонетического класса. В транскрипциях точно передаются слоги III *дэна*, поскольку возможности передачи слогов с медиалью -j- существовали как в китайском, так и в тибетском письме. Также китайская транскрипция точно передавала чтения тангутских слогов II *дэна* фонетического класса [a] с помощью китайских слогов II *дэна*. Поэтому основным, а иногда единственным (в бедных транскрипциях рифмах или в малочисленных рифмах без транскрипций)

средством определения принадлежности слогов к *дэну* являются дистрибутивные свойства их финалей, которые выявляются лишь при сочетании с инициалами в реальных слогах или в описаниях методом *фаньце*. Финали I и IV *дэнов* сочетаются с губными и переднеязычными смычными, а также со свистящими аффрикатами и щелевыми, финали II *дэна* — с губными смычными, а также с шипящими аффрикатами и щелевыми, финали III *дэна* — с губным щелевым, а также с шипящими аффрикатами и щелевыми. По дистрибутивным свойствам финали слогов 4-й рифмы любой группы не отличаются от финалей I *дэна*, но это не значит, что они не отличаются по артикуляции. Судя по тому, что слоги IV *дэна* выделены в отдельную рифму, их финали никоим образом не совпадают с финалями слогов I *дэна*. Поэтому финали IV *дэна* оказались особой проблемой, которую разные исследователи решали своим путем.

Качество слоговых гласных в «Море письмен» передается местом слога в фонетическом классе и *дэном* его финали в составе группы рифм. Дистрибутивные свойства финалей характеризуют их только косвенным образом. Можно допустить, что слоговые гласные всех рифм в группах, состоящих как из четырех, так и из трех рифм, имеют нечто общее в их артикуляции. Это допущение в целом подтверждается транскрипциями. Структура финалей первых трех рифм группы включает определенные рифмообразующие медиали: гласный I *дэна* выступает во II и III *дэнах* в сочетании с медиалами *-i-* и *-j-*. Из описания гласных I и IV *дэнов* в «Море письмен» известно только то, что они не различались по дистрибутивному признаку, но должны различаться по артикуляции. Поскольку это различие не могло выходить за пределы фонетического класса, артикуляция гласного IV *дэна* не должна была выходить слишком далеко за пределы области артикуляции гласного I *дэна*. Таким образом, гласные слогов I и IV *дэна*, скорее всего, принадлежали одному и тому же ряду, но могли различаться в зависимости от артикуляции гласного I *дэна*. Из описания инициалей слогов IV *дэна* по *фаньце* следует, что инициали I *дэна* передаются первыми знаками *фаньце*, специализированными на описании инициалей при открытых гласных, инициали IV *дэна* — знаками, специализированными на их описании при закрытых гласных. Таким образом, различие гласных слогов I и IV *дэнов* при сходстве артикуляции состояло в степени их открытости.

В звуковых классах простых гласных [u], [e] и [ə] высокого подъема это различие вполне очевидно. В реконструкции 1968 г. гласный /y/ IV *дэна* отличается от /u/ I *дэна* продвинутой губной артикуляцией вперед, а гласные /i/ и /i/ IV *дэна* отличаются от соответствующих /e/ и /ə/ I *дэна* подъемом. В фонетических классах простых гласных низкого и среднего подъема результат сдвига артикуляции менее очевиден. В рифмах фонетических классов [a] и [o] представлены небольшие вокалические классы слогов, которые по дистрибутивным свойствам финалей соответствуют IV *дэну*. По аналогии с гласными высокого подъема можно предположить, что в фонетическом классе [a] гласный IV *дэна* отличается от соответствующего гласного I *дэна* смещением вверх, а в рифмах фонетического класса /o/ с лабиализованными гласными — смещением вперед. В «Море письмен» они выделены в отдель-

ные вокалические классы, что говорит о реальном существовании гласных с предполагаемыми признаками.

В реконструкции 1968 г. на вопрос о финалях IV *дэна* был дан в целом противоречивый ответ. Внутренняя структура «Моря письмен» еще не была достаточно выяснена, и при фонетической реконструкции финалей предпочтение отдавалось иноязычным транскрипциям. К тому же группы рифм с фарингализованными гласными, т.е. примерно половина групп во всех фонетических классах, состояли из трех рифм. Отсюда следовал вывод, что в указанных фонетических классах рифм с гласными типа [u] и гласными переднего и центрального ряда IV *дэн* был лишь средством обозначить чистые и лабиализованные гласные высокого подъема переднего и центрального ряда, которые в китайской транскрипции передавались слогами III и IV *дэнов*. В группах остальных фонетических классов рифмы IV *дэна* вообще отсутствовали либо были представлены небольшими «малыми рифмами» или одиночными знаками в соответствующих вокалических классах.

В реконструкции 1968 г. вокалические классы финалей с дистрибутивными признаками I *дэна* в рифмах III *дэна* с фарингализованными гласными рассматривались как слоги того же III *дэна* с условной медиалью -ɿ-, которая относилась к типу -j-, но придавала финали дистрибутивные свойства I *дэна*. К такому выводу склоняло то обстоятельство, что слоги вокалических классов с указанными гласными в китайской транскрипции передавались слогами III и IV *дэнов*. При этом не было принято во внимание другое обстоятельство, что в рифмах класса /o/ тангутские слоги вокалического класса того же типа передавались слогами I *дэна*. Таким образом, с помощью этой условной медиали объяснялось присутствие финалей с дистрибутивными признаками I *дэна* в вокалических частях рифм III *дэна*. И далее для объяснения тождества дистрибутивных свойств финалей I и IV *дэнов* в группах рифм всех фонетических классов в реконструкции 1968 г. предлагалось двойное решение. Для рифм с гласными переднего и центрального ряда были реконструированы простые гласные, качество которых было определено в соответствии с гипотезой о смещенной артикуляции, а для остальных простых нефарингализованных гласных и дифтонгов была предложена реконструкция с помощью той же условной медиали -ɿ-, которая была им приписана.

Гун Хуан-чэн подошел к проблеме рифм IV *дэна* с точки зрения их дистрибутивных свойств. Он предложил считать, что финали III и IV *дэнов* одинаковы, но находятся в дополнительном распределении относительно инициалей. При этом он исходил из того, что финали слогов IV и III *дэнов* состоят из медиали -j- и слогового гласного I *дэна*²¹. Это очень экономное решение, которое существенно упростило систему тангутских простых гласных, было реализовано в его фонетической реконструкции.

Однако такое решение останется спорным до тех пор, пока не удастся доказать, что губные щелевые не являются позиционными вариантами губных

²¹ Gong 2002a, p. 141–143.

смычных, а шипящие не являются позиционными вариантами свистящих согласных. Дело в том, что в качестве источника палатализации инициалей «Море письмен» и «Фонетические таблицы» указывают на медиали типа -j-. Именно эти медиали в результате взаимодействия с инициалами превращают губные смычные в щелевые, а свистящие аффрикаты и щелевые в шипящие. Таким образом, артикуляторные классы губных и аффрикат находятся в дополнительном распределении относительно -i- и -j-. Поэтому одна и та же финаль с медиалью типа -j- не может сочетаться с губными щелевыми и шипящими в III *дэне* и с губными смычными и свистящими в IV *дэне*. Для финалей IV *дэна* все это означает, что медиаль -j- как источник палатализации инициалей в их составе отсутствует.

По сути, решение Гун Хуан-чэна отличается от нашего решения 1968 г. только тем, что в финалях IV *дэна* вместо нашей условной медиали -i- у него находится не менее условная медиаль -j-. По Гун Хуан-чэну, финали всех *дэнов* в группе рифм представляются как сочетание гласного I *дэна* с медиалью -j- и тем самым упраздняется проблема финалей IV *дэна*. Фактически его результатом являются три ступени палатализации инициалей тангутских слогов, которые создают соответственно медиали -0-, -i-, -j-²². Однако при дальнейшем исследовании тангутской фонетики, естественно, возник интерес к тому, каким еще может быть ответ на вопрос о гласных финалей IV *дэна*.

Простые и сложные рифмы

Структура групп рифм непосредственно связана с их внутренним устройством. Как уже упоминалось, число рифм в составе группы может быть различным. Группы из четырех рифм, относящихся к соответствующим *дэнам*, характерны прежде всего для рифм с открытыми гласными. В группах рифм с остальными гласными число рифм различно, но никогда не превышает четырех. Независимо от качества гласных во всех группах присутствуют рифмы I *дэна*, но число рифм остальных *дэнов* зависит от ряда условий. Наиболее естественной причиной различий является реально существующее число слогов разных *дэнов*, которые соответствуют условиям пребывания в одной группе: слоги определенного *дэна* отсутствуют в группе, потому что их не существует вообще, подобно тому как некоторые слоги известны только в одном из тонов.

Однако есть и другая причина, по которой число рифм в группе и число *дэнов* ее слогов может не совпадать. В первых исследованиях тангутской фонетики было принято считать, что в составе рифмы могут находиться слоги только одного *дэна*. В дальнейшем выяснилось, что слоги разных вокалических классов в составе рифмы имеют контакты со слогами рифм разных *дэнов* в пределах одного и того же фонетического класса²³. При этом последова-

²² Gong 2002a, p. 142–143.

²³ Софронов 1980, с. 203–208.

тельность вокалических классов в рифме соответствовала их последовательности в регулярной группе из четырех рифм. Таким образом, сами рифмы могут быть простыми, содержащими слоги одного *дэна*, и сложными, которые содержат слоги нескольких *дэнов*. В сложных рифмах слоги разных *дэнов* образуют особые вокалические классы с медиальными подклассами слогов *кай-коу* и *хэкоу*, как в обычных простых рифмах. В простых рифмах, которые встречаются преимущественно в большом цикле, состоят слоги одного *дэна*. В сложных рифмах, которые чаще встречаются в малых циклах, в одну рифму могут входить слоги не только разных *дэнов* одной и той же группы, но также слоги разных групп одного и того же фонетического класса.

Достоверность существования вокалических классов в составе рифм явствует из их описания в «Море письмен», где все вокалические классы и подклассы в составе рифмы за редкими исключениями замкнуты. Формально эта замкнутость выражена тем, что чтения финалей слогов каждого вокалического или медиального класса описаны особыми вторыми знаками *фаньце*, которые соединяются в отдельную цепь для каждого из классов такого рода. Внутреннее деление рифм на вокалические и медиальные классы подтверждено в «Фонетических таблицах»: каждому вокалическому классу рифмы «Моря письмен» там отведена отдельная строка со знаками, представляющими инициали слогов соответствующих «малых рифм». Расхождения в трактовке внутренней структуры рифм в этих двух описаниях фонетики тангутского языка встречаются в редких случаях и имеют вполне рациональное объяснение.

Представить тангутский вокализм в виде таблиц, демонстрирующих распределение рифм по фонетическим классам и четырем циклам (см. табл. 1–4), оказалось возможным для финалей слогов рифм большого, I и III малых циклов. Для II малого цикла нам не удалось сделать четкое представление из-за того, что рифмы этого цикла содержат большее, чем обычно, число вокалических классов. В составе одной рифмы часто находятся как открытый, так и закрытый гласный соответствующей артикуляции, с неполным составом финалей, т.е. при финали I *дэна* не обязательно будут присутствовать соответствующие финали остальных *дэнов*.

В рифмах большого цикла представлены финали со всеми слоговыми гласными тангутского языка. Рифмы малых циклов делятся на те же фонетические классы, что и большого, но при этом последовательность классов и число групп рифм в них могут отличаться от фонетических классов большого цикла. Для достоверной фонетической реконструкции тангутских гласных важно установление соответствий финалей слогов большого цикла с финалями малых циклов. Эти соответствия подтверждают реальность существования гласных таких рифм и их принадлежность основной системе тангутского вокализма. Формальным указанием на соответствие финалей слогов разных циклов являются, прежде всего, межцикловые контакты по *фаньце* и в «малых рифмах» «Гомофонов». Во всех циклах рифм «Моря письмен» последовательность фонетических классов строится по мере последовательного пере-

мещения места артикуляции слогового гласного снаружи внутрь от губного плоскощелевого /у/ и возвращения к исходной точке в виде губного круглощелевого /о/.

Табл. 1.1. Фонетические классы рифм²⁴ большого цикла: [u] — [ei]

I				4	1.4 2.4	-u	8	1.8 2.7	-e	17	1.17 2.14	-a	28	1.27 2.25	-ə	34	1.33 2.30	-ei
II							9	1.9 2.8	-ê	18	1.18 2.15	-â	29	1.28 2.26	-ô	35	1.34 2.31	-êi
III							10	1.10 2.9	-je	19	1.19 2.16	-ja	30	1.29 2.27	-jə	36	1.35 2.32	-jei
IV							11	1.11 2.10	-i				31	1.30 2.28	-ɪ	37	1.36 2.33	-i
I	1	1.1 2.1	-u							20	1.20 2.17	-a						
II	2	1.2A 2.2A	-û							21	1.21A 2.17A	-â						
III		1.2B 2.2B	-ju															
IV	3	1.3 2.3	-y								1.21B 2.17B	-ä						
I				5	1.5 2.5	-u ^ɤ	12	1.12 2.11	-e ^ɤ	22	1.22 2.19	-a ^ɤ	32	1.31	-ə ^ɤ	38	1.37 2.34	-ei ^ɤ
II				6	1.6	-û ^ɤ	13	1.13	-ê ^ɤ	23	2.20A	-â ^ɤ	33	1.32A 2.29A	-ô ^ɤ	39	1.38	-êi ^ɤ
III				7	1.7A 2.6A	-ju ^ɤ	14	1.14A 2.12A	-je ^ɤ		2.20B	-ja ^ɤ		1.32B 2.29B	-jə ^ɤ	40	1.39A 2.35A	-jei ^ɤ
IV					1.7B 2.6B	-y ^ɤ		1.14B 2.12B	-i ^ɤ		2.20C	-ä ^ɤ		1.32C 2.29C	-ɪ ^ɤ		1.39B 2.35B	-i ^ɤ
I										24	1.23A 2.21A	-au						
II											1.23B 2.21B	-âu						
I							15	1.15A 2.13A	-en	25	1.24 2.22	-an						
II								1.15B 2.13	-ên	26	1.25 2.23	-ân						
III							16	1.16A	-jen	27	1.26A 2.24A	-jan						
IV								1.16B	-in		1.26B 2.24B	-ân						

²⁴ В таблицах римскими цифрами обозначены *дэны*; для каждого фонетического класса ([u], [e], [a], [ə], [ei], [ai], [eɪ], [jəɪ], [o], [ɔ], [ʊ]) приведены: 1) номер рифмы (R); 2) номер рифмы в тональном классе (1, 2) с указанием вокалического класса (A, B, C, D); 3) финаль слога рифмы.

Табл. 1.2. Фонетические классы рифм большого цикла: [ai] — [o]

I	41	1.40	-ai	44	1.43 2.38	-еш				51	1.49 2.42	-o			59	1.57	-ô
II	42	1.41 2.36	-âi	45	1.44 2.39	-êш				52	1.50 2.43	-ô			60	2.50	-ju
III	43	1.42A 2.37	-jai	46	1.45 2.40	-jewш	47	1.46A	-jəш	53	1.51A 2.44A	-jo					
IV		1.42B 2.37B	-ε					1.46B	-ø		1.51B 2.44B	-ö					
I													56	1.54 2.47	-o		
II													57	1.55 2.48	-ô		
III													58	1.56 2.49	-jo		
IV																	
I							48	2.41	-əш ^ç	54	1.52 2.45	-o ^ç					
II							49	1.47	-əш ^ç	55	1.53A 2.46A	-ô ^ç					
III							50	1.48	-jo ^ç		1.53B 2.46B	-jo ^ç					
IV											1.53C 2.46C	-ô ^ç					

Табл. 2.1. Фонетические классы рифм I малого цикла: [u] — [ai]

I	61	1.58A 2.51A	-u	61	1.58B 2.51B	-u	63	1.60A 2.53A	-ei	65	1.62A 2.55A	-ai
II	62	1.59A 2.52A	-û					1.60B 2.53B	-êi			
III		1.59B 2.52B	-ju				64	1.61A 2.54A	-jei			
IV		1.59C 2.52C	-y					1.61B 2.54B	-i		1.62B 2.55B	-ε

Табл. 2.2. Фонетические классы рифм I малого цикла: [a] — [ɔ]

I	66	1.63 2.56	-a	68	1.65 2.58	-e	71	1.68A	-ə	73	1.70A 2.62A	-o	74	1.71 2.63	-ɔ
II	67	1.64A 2.57A	-â	69	1.66 2.59	-ê		1.68 C	-ə		1.70B 2.62B	-ô	75	1.72A 2.64A	-ô
III		1.64B 2.57B	-ja	70	1.67A 2.60A	-je	72	1.69A 2.61A	-â					1.72B 2.64B	-jo
IV		1.64C 2.57C	-a		1.67B 2.60B	-i		1.69B 2.61B	-jə					1.72C 2.64C	-ö
								1.69C 2.61C	-ɪ						
								1.69D 2.61D	-?						

Табл. 3.1. Фонетические классы рифм II малого цикла: [ai] — [e]

I	76	2.65	-ai	77	1.73 2.66	-ei	80	1.75A 2.69A	-u	82	1.77 2.71	-e
II				78	2.67	-êi		1.75B 2.69B	-u	83	1.78	-ê
III										84	1.79A 2.72A	-je
IV				79	1.74 2.68	-i	81	1.76 2.70	-y		1.79B 2.72B	-i

Табл. 3.2. Фонетические классы рифм II малого цикла: [a] — [o]

I	85	1.80A 2.73A	-a	90	1.84A 2.76A	-ə	93	1.87 2.78	-eʊ	95	1.89 2.80	-o
II	86	1.81	-â	91	1.85	-ê	94	1.88 2.79	-əʊ	96	1.90A 2.81A	-ô
III	87	1.82A 2.74A	-ja								1.90B 2.81B	-je
IV		1.82B 2.74B	-â	92	1.86A 2.77A	-ê					1.90C 2.81C	-ö
		1.82C 2.74C	-ja		1.86B 2.77B	-jə				97	1.91 2.82	-o
					1.86C 2.77C	-i						
		1.82D 2.74D	-ä							98	2.83	-jo
		1.82E 2.74E	-ä									
	88	1.83	-aʊ									
	89	2.75	-jaʊ									

Табл. 4. Фонетические классы рифм III малого цикла: [ə] — [o]

I	99	2.84	-e	102	1.94	-o
II	100	1.92A 2.85A	-ê	103	1.95	-jo
III		1.92B 2.85B	-ə			
IV		1.92C 2.85C	-ê			
	101	1.93 2.86	-i			
I				104	1.96	-o
II						
III				105	1.97	-jo
IV						

Анализ структуры всех рифм в фонетических классах и соответственно интерпретация данных таблиц являются предметом специального исследования. Здесь для примера рассмотрим первый фонетический класс [u] большого цикла. Он состоит из семи рифм, образующих три группы: две группы по три рифмы 1–3 и 5–7 и группы, состоящей из одной рифмы 4. По описанию инициалей слогов этих групп по *фаньце*, гласный группы 1–3 является открытым /u/, гласный группы 4 — закрытым /ụ/, гласный группы 5–7 — фарингализованным /u̠/. Простые рифмы 1.1 и 1.4 состоят из слогов I *дэна*. Остальные рифмы этого класса являются сложными. Последовательность вокалических классов в сложных рифмах строится в порядке *дэнов* финалей их слогов. В рифме 1.2 представлены два вокалических класса. По описанию их инициалей методом *фаньце* в первом классе находятся слоги II *дэна*, во втором — слоги III *дэна*. Таким образом, тройка рифм 1.1–1.3 в действительности представляют собой стандартную последовательность рифм четырех *дэнов*. Каждый класс поливокалической рифмы целесообразно рассматривать как отдельную рифму с ее обозначением буквой латинского алфавита. В порядке *дэнов* каждый вокалический класс получает буквенное обозначение А, В и т.д.: в рифме 1.2 вокалический класс слогов II *дэна* обозначается как рифма 2А, а класс слогов III *дэна* — рифма 2В. Так вместе с рифмами 1.1 и 1.3 образуется стандартная четверка рифм с финалями четырех *дэнов*: 1 -и, 2А -û, 2В -ju, 1.3 -у. Другой тип поливокалической рифмы представлен в тройке рифм 5, 6, 7 с фарингализованным /u̠/, где в рифме 7 имеются вокалические классы слогов III и IV *дэнов*, обозначенные как 7А -ju̠ и 7В -у̠.

В большом цикле в составе рифм III *дэна* с фарингализованными гласными всегда присутствует вокалический класс, финали которого по дистрибутивным признакам относятся к I *дэну*. Согласно правилу последовательности *дэнов*, это означает, что и в группах рифм с фарингализованными гласными присутствуют слоги тех же четырех *дэнов*, что и в предшествующих группах с открытыми или закрытыми гласными из четырех рифм. Фарингализация была распространенным признаком гласных прежде всего большого цикла: почти каждому простому гласному этого цикла соответствовал свой фарингализованный. Фарингализованные гласные, естественно, были представлены в слогах всех *дэнов*. Таким образом, слоги этих вокалических классов в рифмах III *дэна* содержат фарингализованные гласные IV *дэна*, которые соответствуют простым гласным IV *дэна* группы из четырех рифм с открытыми гласными. Различие между ними состоит только в том, что в первом случае слоги IV *дэна* выделены в особую рифму, а во втором они образуют особый вокалический класс в рифме III *дэна*, который находился, как и в других поливокалических рифмах, в конце рифмы согласно общему порядку «ступеней». Таким образом, этот вокалический класс сам по себе является рифмой, обозначенной соответствующей буквой.

В последовательности рифм «Моря письмен» сложным рифмам отведена определенная структурная роль. Формирование рифм в целом было нелегкой задачей для создателей «Моря письмен», которые стремились соединить тша-

тельность описания тангутского вокализма с практическим удобством пользования словарем. Чтобы избежать чрезмерного числа рифм и слишком заметного их неравенства по числу, составители объединяли малочисленные рифмы разных *дэнов* одной и той же группы в одну поливокалическую сложную рифму²⁵. Принцип артикуляторного единства слоговых гласных группы рифм при этом не нарушается, поскольку, несмотря на различие медиалей, артикуляция слоговых гласных в таких рифмах не выходит за пределы границ, установленных для группы.

В самом деле, в рассмотренном примере слоги простой рифмы 5 принадлежат I *дэну*, немногочисленные слоги простой рифмы 6 — II *дэну*. Сложная рифма 7 с фарингализованным гласным состоит из двух вокалических классов. Слоги первого из них относятся к III *дэну*, слоги второго по дистрибутивным признакам относятся к I *дэну*, т.е. фактически занимают место 4-й рифмы в стандартной четверке. В вокалическом классе III *дэна* рифмы 7 находятся четыре «малые рифмы», в классе IV *дэна* — 14. В соответствующей рифме 6 восходящего тона то же самое количественное соотношение. Такое соотношение числа слогов IV *дэна* и слогов II и III *дэна* характерно для всех рифм с фарингализованными гласными. Оно отражает то обстоятельство, что фарингализации более всего были подвержены гласные в финалях I и IV *дэнов*, а в слогах с медиалами типа -j- она встречалась намного реже. Чтобы избежать малочисленности рифм II и III *дэнов*, фарингализованные слоги IV *дэна* не выделяли в отдельную рифму, создавая вокалические классы в составе рифмы III *дэна*, а в рифме 5 объединили вокалические классы II, III, IV *дэнов*. По-видимому, сложные рифмы 2 и 7 образованы по принципу экономии места: вместо малочисленных рифм II *дэна* в первом случае и III *дэна* во втором образованы сложные рифмы стандартного объема с вокалическими частями II *дэна* — 2А, III *дэна* — 7А, IV *дэна* — 7В. Таким образом, группа из трех рифм 5–7 содержит фарингализованные слоги четырех *дэнов*: 5 -u^ɿ, 6 -û^ɿ, 7А -ju^ɿ, 7В -y^ɿ, которые соответствуют слогам с простыми гласными рифм 1 -u, 2А -û, 2 -iu, 3 -y. Следовательно, фарингализация распространяется на все финали без различия открытых и закрытых гласных.

Морфонология гласных

В 1982 г. Гун Хуан-чэн обратил внимание на то, что значительное число тангутских синонимов различаются лишь одной фонемой. Эти различия могут относиться к инициалам, медиалам, финалям, тонам слогов. Отсюда Гун Хуан-чэн сделал вполне естественный вывод, что различия фонем указывают на различия грамматических значений при сохранении общего лексического значения. В 1985 г. это подтвердила К.Б. Кепинг в своем исследовании морфологии тангутского языка. Источником достоверных сведений о чередованиях финалей является словарь «Гомофоны», где более чем в 500 случаях

²⁵ Софронов 1980, с. 203–208.

значение слоговой морфемы объясняется с помощью формы чередования. В настоящее время тангутские слоговые морфемы с чередующимися фонемами считаются синонимами, однако дальнейшие исследования лексики и грамматики тангутского языка могут внести поправки в современные представления об их семантике.

Существует несколько типов этих чередований: чередования внутри циклов — большого и малых, чередования между слогами большого и малых циклов. Таким образом, тангутские слоги с одним и тем же лексическим значением способны выступать в тексте в нескольких формах. Наибольшее число чередующихся пар морфем относится к чередованию слоговых гласных. В чередовании гласных наблюдаются два типа. К одному из них относится чередование рядов, при котором гласные переднего ряда чередуются с гласными центрального ряда. К другому относится лабиальное чередование, в котором участвуют как чистые, так и лабиальные гласные. Чистые гласные переднего и центрального ряда чередуются со своими лабиальными соответствиями, лабиализованный плоскощелевой гласный /u/ чередуется со своим круглощелевым соответствием /o/. В лабиальном типе чередующиеся пары морфем различаются функционально, между тем как в парах чередования по ряду такие различия не отмечены. То же самое относится к парам морфем с чередующимися инициалами и медиалами.

Чередования гласных важны для реконструкции тангутского вокализма, так как они указывают на артикуляторные признаки гласных чередующихся слогов. Среди этих признаков основное место занимают те из них, которые определяют принадлежность финалей к определенному *дэну*, а также тембровые признаки их слоговых гласных.

Лабиальные чередования в большом цикле

Дэн	Гласные		
	Открытые	Закрытые	Фарингализованные
I	R 34 (-ei) — R 56 (-ə)		R 38 (-ei ^h) — R 54 (-o ^h)
II	R 42 (-âi) — R 57 (-â)		
III		R 10 (-je) — R 53A (-jo) R 36 (-jei) — R 53A (-jo)	R 7 (-ju ^h) — R 55B (-jo ^h) R 14 (-je ^h) — R 55B (-jo ^h)
IV		R 37 (-i) — R 53B (-ö) R 11 (-i) — R 53B (-ö) R 3 (-y) — R 53B (-ö)	

Чередования по ряду в большом цикле

Дэн	Гласные		
	Открытые	Закрытые	Фарингализованные
I	R 8 (-e) — R 34 (-ei)		
II	R 9 (-ê) — R 35 (-êi)		R 13 (-ê ^s) — R 39 (-êi ^s)
III		R 10 (-je) — R 30 (-jə) R 10 (-je) — R 36 (-jei) R 10 (-je) — R 37 (-i)	R 14A (-je ^s) — R 40A (-jei ^s)
IV		R 11 (-i) — R 31 (-i) R 11 (-i) — R 37 (-i) R 31 (-i) — R 37 (-i)	R14B (-i ^s) — R40B (-i ^s)

Чередования слогов большого и I малого циклов

Дэн	Гласные	
	Открытые	Закрытые
I	R 4 (-u) — R 61B (-u)	R 1 (-u) — R 61A (-u)
	R 17 (-a) — R 66 (-a)	R 2 (-ju) — R 62B (-ju)
II		
III		R 10 (-je) — R 64A (-jei) R 36 (-jei) — R 64A (-jei) R 36 (-jei) — R 50 (jo) R 53 (-jo) — R 75B (-jə)
IV		R 3 (-y) — R 62C (-y) R 11 (-i) — R 64B (-i) R 31 (-i) — R 65B (ɛ) R 31 (-i) — R 64B (i) R 37 (-i) — R 64B (-i)

Чередования слогов большого и II малого циклов

Дэн	Гласные		
	Открытые	Закрытые	Фарингализованные
I	R 17 (-a) — R 85A (-a) R 28 (-ə) — R 90 (-ə)		
II	R 18 (-â) — R 86 (-â)		
III			R 14 (-je ^s) — R 84A (-je) R 33 (-jə ^s) — R 92B (-jə)
IV		R 3 (-y) — R 81 (-y)	

Чередования в I малом цикле

Дэн	Закрытые гласные
III	R 62B (ju) — R 75B (-jɔ)
	R 64A (jei) — R 75B(-jɔ)
	R 64A (-jei) — R 70A (-je)
	R 70A(-je) — R 75B (-jɔ)

Чередование финалей слогов I и II малого циклов со слогами III малого цикла

Дэн	Закрытые гласные
IV	R 70B(-i) — R 101(-i) R 84B(-i) — R 101(-i)

Таблицы показывают, что при чередованиях соблюдался *дэн* финали и тембр гласного. При межцикловых чередованиях соблюдалась также и его артикуляция. *Дэн* финали представляется важным признаком гласного, входящим в фонологическую систему тангутского языка как ее отдельный член. Соответственно при реконструкции тангутской фонетики следует рассматривать гласные IV *дэна* как особые гласные, а не как позиционные варианты финалей III *дэна*.

Относительно тембра гласного следует отметить, что открытые и закрытые гласные присутствуют во всех циклах. Однако фарингализованные представлены главным образом в большом цикле. Как видно из таблицы чередования слогов большого и I малого цикла, фарингализованные среди гласных слогов этого цикла отсутствуют. Во II малом цикле отмечены чередования рифм 14 -je^s — 84A -je и 33 -jɔ^s — 92B -jɔ. Однако по поводу тембра соответствующих гласных II малого цикла имеются некоторые сомнения. Дело в том, что специальные знаки *фаньце*, описывающие инициалы фарингализованных слогов, существуют только для слогов большого цикла. Для описания отдельных знаков малых циклов иногда используются знаки *фаньце* слогов большого цикла. Только чтения инициалей всех слогов рифмы 88 описаны знаками *фаньце* большого цикла для фарингализованных слогов. Что же касается описания инициалей в рифмах 84A и 92B, то они все описаны знаками *фаньце* для закрытых слогов II малого цикла и их связи с рифмами соответственно 14 и 33 подтверждаются контактами по «Гомофонам». Поэтому эти чередования не случайны, а имеют артикуляторные основания. Возможно, слоги этих рифм различались цикловым гласным, которым обладали слоги II малого цикла, и это различие создавало акустическое впечатление, сходное с эффектом фарингализации слогов большого цикла.

Объекты «Моря писем» — словно скалы на пути исследователей тангутской фонетики. Все 105 его объектов образуют четыре гряды — четыре цикла

разной величины по типу инициали. Внутренняя структура каждого цикла представляет собой последовательность фонетических классов рифм с открытыми, закрытыми, фарингализованными, назализованными слоговыми гласными. В зависимости от качества слогового гласного фонетические классы рифм делятся на группы, структура которых аналогична четырем *дэнам* китайских фонетических таблиц. Простые рифмы содержат слоги одного *дэна*, сложные — слоги нескольких *дэнов*. Вокалические структуры всех рифм представлены в приведенных таблицах. Связи между рифмами «Моря письмен» реализуются между слогами соответствующих вокалических и медиальных классов двояким путем. Формальная связь между рифмами с одинаковыми слоговыми гласными выявляется при описании финалей соответствующих слогов по *фаньце*, содержательная связь — межцикловыми чередованиями инициалей при одинаковых финалях. Для исследования тангутской фонетики эти связи важны как средство выявления системы описания тангутского вокализма в «Море письмен». И возможно, безмолвные тангутские вокалические классы обретут звучание в результате новых сравнительных исследований сино-тибетских языков.

Библиография

- Дай Чжун-пэй 2008 — *Дай Чжун-пэй* 戴忠沛. 西夏文佛经残片的藏文对音研究 (Тибетские транскрипции в фрагментах тангутских буддийских классических текстов). Докт. дис. Пекин, 2008.
- Икэда 1998 — *Икэда Такуми* 池田巧. 木雅语语音结构的几个问题 (Некоторые проблемы фонологической структуры языка *мья* [// Отчет по гранту фонда Фудзита. Отд. изд.]). Токио, 1998.
- Кепинг 1985 — *Кепинг К.Б.* Тангутский язык. Морфология. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.
- Кодзасов 1977 — *Кодзасов С.В.* Фонетика арчинского языка // *Кибрик А.В., Кодзасов С.В., Оловянная И.П., Самедов Д.С.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. I. Лексика, фонетика. Ч. 2. М.: Издательство Московского университета, 1977.
- Ли Фань-вэнь 1986 — *Ли Фань-вэнь* 李范文. 同音研究 (Исследование словаря «Гомофоны»). Иньчуань, 1986.
- Ли Фань-вэнь 1994 — *Ли Фань-вэнь* 李范文. 宋代西北方音 (Фонетика северо-западных диалектов эпохи Сун). Пекин: Шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1994.
- Море письмен 1969 — Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов / Пер. с тангутского, вступит. статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. 1–2. М.: Наука, ГРВЛ, 1969 (Памятники письменности Востока XXV).
- Не Хун-инь 2004 — *Не Хун-инь* 聂鸿音. 语音比较. 西夏语比较研究. 李范文主编 (Фонетические сравнения // Сравнительные исследования тангутского языка / Ред. Ли Фань-вэнь). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2004.
- Невский 1960 — *Невский Н.А.* Тангутские фонетические таблицы (штудии в области тангутской фонетики) // *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь. В 2 кн. Кн. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 132–139.
- Софронов 1968 — *Софронов М.В.* Грамматика тангутского языка. В 2 кн. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.

- Софронов 1980 — *Софронов М.В.* Дэн и юнь в тангутской филологии // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.
- Софронов 2002 — *Софронов М.В.* Гортанные в тангутском языке // Языкознание в теории и в эксперименте: Сб. научных трудов к 80-летию М.К. Румянцева. М.: Пробел-2000, 2002.
- Тангутские рукописи и ксилографы — Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР / Сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Трубецкой 1980 — *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1980.
- Хуан Бу-фань 1991 — *Хуан Бу-фань* 黄不凡. 藏缅语十五种 (Пятнадцать тибето-бирманских языков). Пекин: Яньшань чубаньшэ 北京: 燕山出版社, 1991.
- Clauson 1964 — *Clauson G.* The Future of Tangut (Hsi Hsia) Studies // *Asia Major* (NS). 1964, vol. XI, pt. I.
- Gong 2002a — *Gong Hwang-cherng.* A Hypothesis of Three Grades and Vowel Length Distinction in Tangut // 龔煌城. 西夏語文研究論文集 (*Gong Hwang-cherng.* Xixia yuwen yanjiu lunwen ji / Collected papers on Tangut philology). Taipei: Zhongyang yanjiuyuan yuyanxue yanjiusuo choubieichu 中央研究院語言學研究所 (籌備處), 2002.
- Gong 2002b — *Gong Hwang-cherng* 龔煌城. Phonological Alternations in Tangut // 龔煌城. 西夏語文研究論文集 (*Gong Hwang-cherng.* Xixia yuwen yanjiu lunwen ji / Collected Papers on Tangut Philology). Taipei: Zhongyang yanjiuyuan yuyanxue yanjiusuo choubieichu 中央研究院語言學研究所 (籌備處), 2002.
- Nishida 1981 — *Nishida Tatsuo* 西田龍雄. 西夏語韻圖『五音切韻』の研究(上). 京都大學文學部研究紀要 (A Study of the Hsihsia rhyme tables 'Wu yin qie yun') // *Memoirs of the Department of Literature, Kyoto University*. Vol. 20. Kyoto, 1981.
- Sofronov 2004 — *Sofronov M.V.* Problems in the study of upper *fanqie* character spellings in the *Ocean of Characters* // *Studies on Sino-Tibetan Languages: Papers in Honor of Professor Hwang-cherng Gong on His 70th Birthday*. Ed. by Ho Dah-an. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2004.

A Textual Research on the Tangut Version of *Bazhong cuzhong fanduo* Excavated from Khara-Khoto

The Tangut version of *Bazhong cuzhong fanduo* (𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤, Eight Afflictions of Violation) was excavated in Khara-Khoto ruins in the Ejina Banner, Inner Mongolia, in 1909 and then moved to Russia by P.K. Kozlov. It is now preserved as ИHB. № 6474 at the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. The manuscript ИHB. № 6474 was recorded as *Putidao jingwang* 菩提道經網 by Nishida Tatsuo in his “Catalogue of Tangut Sūtras,” and identified as a translation of the Tibetan work *Byang-chub lam-gyi sgron-ma'i dka'-'grel zhes-bya-ba* (Chin. *Putidao deng sishu* 菩提道燈細疏).¹ In Kychanov's catalogue, the text was recorded as *Shisizhong gen fanduo* 十四種根犯墮 and *Bazhong cuzhong* 八種龐重,² and described as: booklet, manuscript, 10 × 10 cm, 10 lines per half folio, 9 characters per line. According to the pictures brought from Russia by Jiang Weisong and Yan Keqin of Shanghai Chinese Classics Publishing House, we get further information on ИHB. № 6474. Actually, the text contains three works in total, all of which have to do with the rules of Tantric practice. Previous descriptions concern only a part of its contents. The first 12 folios of the text belong to the *Shisizhong genben fanduo* 十四種根本犯墮 (Fourteen Fundamental Violations) created by Bodhisattva Aśvaghōṣa (馬鳴菩薩造), but its initial part is lost. The Tangut title $\gamma\alpha^2$ - $ljir^2$ - $m\alpha^2$ $tshji^2$ $tsju^1$ - $tshjir^2$ 𐰽𐰏𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤 𐰽𐰏𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰏𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰏𐰺𐰍𐰏𐰤 is given at the end. Contents from the right half of the 12th folio to the 13th folio belong to the *Bazhong cuzhong fanduo* 八種粗重犯墮 created by the same author, along with its brief title *Bazhong cuzhong* (𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤). Contents from the left half of the 13th folio to the 14th folio are the *Deda putidao* 得達菩提道 (𐰽𐰏𐰺𐰍𐰏𐰤 𐰽𐰏𐰺𐰍𐰏𐰤). The reason why Nishida Tatsuo mistakenly recorded it as *Putidao jingwang* in his catalogue is that he misunderstood the last Tangut character as $t\eta$ 𐰽𐰏𐰺𐰍𐰏𐰤.

¹ Nishida 1977, p. 56.

² Kychanov 1999, p. 602.

The *Bazhong cuzhong fanduo* was not included in any Chinese *Tripitaka*, but the Chinese text was preserved as Φ-221+Φ-228+Φ-266 in the Dunhuang collection of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. This work was transcribed on the verso of the upper volume of *Dasheng ruzang lu* 大乘入藏錄 as the commentaries on *Bazhong cuzhong fanduo*, being published in the sixth volume of *Khara-Khoto Manuscripts Collected in Russia*.³ The entire Chinese transcription was published by Fang Guangchang in the first volume of *Zangwai fojiao wenxian* 藏外佛教文獻.⁴ In contrast with the Chinese text, there only exists the *gāthā* part in the Tangut version, without any notes or commentaries. Because the Tangut *gāthā* accords with the Chinese text, we can assume that the two texts came from the same original. The work in question begins with a phrase *Zuishang zunshi yu huazu, yi zhenshixin er dingli* 最上尊師於花足, 以真實心而頂禮 (“Superior preceptor makes a full prostration to the roots of lotus with his real heart”), and includes words such as *benxu* 本續 (*tantra*) and *chandingmu* 禪定母 (person in meditation). In the Tangut text, the Chinese word *chanding* 禪定 is rendered as *mji²-lhew²* 𐰇𐰏𐰪 (having silence), translated from Tibetan *rnal-'byor*; the word *tanchang* 壇場 (platform) as *gu²-tsji¹* 𐰇𐰏𐰪 (internal surrounding), translated from Tibetan *dkyil-'khor*. This reflects a feature common to all Tangut manuscripts translated from Tibetan Tantrist works.⁵ Furthermore, according to the explanation of the Chinese text *Zhu benxu zhong suo xuanshuo, cuzhong fanduo lie yanshuo* 諸本續中所宣說, 粗重犯墮略演說 (“According to the propaganda in various *tantras*, the affliction of violation may be briefly explained”) — *Gu Maming zao shisi gen, ba cuzhong, yi chanding benxu zhong, lue kaiyan chufan yigui* 故馬鳴造十四根、八粗重, 依禪定本續中, 略開演觸犯儀軌 (“So Aśvaghosa created fourteen roots and eight afflictions, briefly explained the affliction of violation according to various *tantras*”), we may infer that *Bazhong cuzhong fanduo* was translated from a text on the disciplines practiced in Tibetan Tantrism.

ИHB. № 6736 is also a collection of texts on Tibetan Tantric disciplines. In Kychanov’s catalogue, the text was recorded as *Jingang wangcheng shisizhong gen fanduo* 金剛王乘十四種根犯墮 (Fourteen Fundamental Violations of Vajrayāna).⁶ In fact, the text is a joint transcription of *Bazhong cuzhong fanduo* and *Deda Putidao*. We can make a collation of *Bazhong cuzhong fanduo* based on ИHB. № 6736 and 6474. The following are the Tangut text and a Chinese translation of it. With respect to the translation, the Chinese text in Russian collection is taken as reference, and translation divergences are pointed out in the explanatory part.

³ Ecang Heishuicheng wenxian 2000, pp. 72–79; Kychanov 1999, p. 45.

⁴ Fang Guangchang 1995.

⁵ Nie Hongyin 2005, pp. 127–134.

⁶ Kychanov 1999, p. 616.

Commentaries:

[1] *Fanduo* 犯墮, also translated as *duo* 墮, *lingduo* 令墮, *boyiti* 波逸提,¹² cf. Skt. *Pāyattika*, Tib. *ltung-byed*. The signature *Maming Pusa zao* 馬鳴菩薩造 (“Created by Bodhisattva Aśvaghōṣa”) in Chinese version is not found in Tangut.

[2] The first sentence of the *gāthā* in Chinese, *Zuishang zunshi yu huazu, yi zhenshixin er dingli* 最上尊師於花足, 以真實心而頂禮 (“Superior preceptor makes a full prostration to the roots of lotus with his real heart”), is slightly different from its Tangut version, in which *zhenshixin* 真實心 (real heart) was translated into *zjir¹-γiej¹-dziej²* 𐽄 𐽅 𐽆 (real trust).

[3] In the second sentence of the *gāthā* in Chinese, *Zhu benxu zhong suo xuanshuo, cuzhong fanduo lue yanshuo* 諸本續中所宣說, 粗重犯墮略演說 (“According to the propaganda in various *tantras*, the affliction of violation may be briefly explained”), *zhu benxu* 諸本續 (various *tantras*) is parallel with the Tangut *mji²-lhew² mār²-lhjir¹* 𐽇 𐽈 𐽉 (Tantras of meditation). The Tangut *mji²-lhew²* 𐽇 𐽈, meaning “having silence,” was translated from Tibetan *rnal-'byor*, cf. Skt. *yoga*; the Tangut *mār²-lhjir¹* 𐽉 𐽊, corresponding to *benxu* 本續, was translated from Tibetan *rgyud*, cf. Skt. *tantra*. The Chinese phrase *lue yanshuo* 略演說 (briefly explain) was translated as *zjir¹-phie²-tshjij¹* 𐽄 𐽅 𐽆 (briefly explain).

[4] In the Chinese phrase *chimi chandingmu* 持密禪定母, the word *chimi* 持密 (holding meditation) was translated as *dwu²-mjijr²* 𐽇 𐽈 (person in meditation), and *chandingmu* 禪定母 (person in meditation) was translated into 𐽇 𐽈 𐽉 (having silence), cf. Tib. *rnal-'byor-ba*, derived from Skt. *yogī*, cf. Chinese translation *xiuxishi* 修習士 (practician).

[5] *Julun* 聚輪 (assembled wheel), Tang. *dzji²-dziej²* 𐽇 𐽈, was translated from Tib. *tshogs-'khor* and was translated as *jilun* 集輪 in the Chapter “Praying to the Eighty-Five Preceptors of Achievement” of *Dacheng yaodao miji* 大乘要道密集.¹³

[6] In this Chinese *gāthā*, *Wo man shengwen zhe, gonggong zai qiye* 我慢聲聞者, 共宮在七夜, *man* 慢, also *jiaoman* 驕慢 (arrogant), was translated into Tangut *khwej¹-sjwo¹* 𐽇 𐽈 (to cause arrogance), coming from Tibetan *mngon-pa'i-nga-rgyal-can*, cf. Skr. *ābhimānika*. The Tangut *sjā¹-jar²* 𐽇 𐽈 (seven days) might be a mistranslation of *qiye* 七夜 (seven nights).¹⁴

[7] According to the Tangut grammar, the Chinese *gāthā*, *Ruo buzuo fashi, mizhe zi shouyong* 若不作法事, 密者自受用 (“If a person in meditation does not follow rituals, he himself will suffer from the consequence”), must have been a transition sentence. That is to say, those who accept the *Samaya* precept of *Mahāyāna* but

¹² *Fanyi mingyi ji* 翻譯名義集, vol. 7: “波逸提, 義翻為墮” (see *Taishō Tripitaka*, vol. 54, p. 1175a).

¹³ Lü Cheng 1942.

¹⁴ Commentaries on this sentence in Chinese version: “持秘密禪定人與小乘聲聞等不得同房在七夜, 犯粗重罪。西天有一法師, 常持小乘戒, 或於一日, 逢著一個持禪定人, 同房共住七夜。持禪定人依法修作, 法師心生譏謗。馬鳴因此造第五粗重。”

refuse to do any repentance rituals will be dragged to hell after their death.¹⁵ Thus, according to the Tangut grammar, the sentence should be interpreted as *miyu sui shouchi, er buzuo fashi* 密語雖受持，而不作法事 (“Though the meditationist accepts the *Samaya* precept, [he] does not perform rituals”). Besides, the Tangut word *dwu²-mjijr²* 齋修 (meditationist) was replaced by *dwu²-dq²* 齋禪 (Tantric precept) in ИНВ. № 6474, whereas in ИНВ. № 6736 it is *dwu²-dq²* 齋齋 (Tantric rituals). According to the Chinese commentaries, the Tangut translation *dwu²-dq²* 齋齋 seems more acceptable.

^[8] In this Chinese *gāthā*, *Wu jiju mingmu, yituo gu shouyong* 無記句明母，倚托故受用，the Tangut *la¹-gjwi²* 藪婦 (recorded sentence) originated from Tibetan *dam-tshig* (oath).

^[9] In this Chinese *gāthā*, *Ruohuo cigu chufanzhe, yici jianli yu tanchang* 若或此故觸犯者，依此建立於壇場，the Tangut equivalent of *tanchang* 壇場 (platform) is *gu²-tsji¹* 緜駁 (internal surrounding), translated from Tibetan *dkyil-'khor*, cf. Skt. *maṇḍala*; the Tangut equivalent of *jianli* 建立 (to establish) is *rjar¹-sjij²* 羅緜 (to write down).

Shen Weirong studied the data of Tantric rules of *rgyud* in the Khara-Khoto collection in Russia, and confirms that “the Tantric works *Jilun fashi* 集輪法事 and *Jingangsheng ba bugong fanduo* 金剛乘八不共犯墮 could be translated from *Tshogs-kyi 'khor-lo'i cho-ga* and *Rdo-rje-theg-pa'i rtsa-ba brgyad-pa'i ltung-ba'i las-kyi cho-ga* respectively. They could belong to the same system the above-mentioned *Jinganghaimu jilun gongyang cidi lu* 金剛亥母集輪供養次第錄 (A14) belongs to, explaining the eight crimes of violating oaths (*dam tshig*) which must be atoned for by persons in meditation in their practice of the Auspicious Assembled Wheel.”¹⁶ This statement is quite significant for the understanding of the relevant Tangut data, but unfortunately it did not provide any information on the Tibetan originals of the Chinese version of *Bazhong cuzhong fanduo* 八種粗重犯墮, though we might still locate it by following up the clue it gave us.

Based on the comparison of the Khara-Khoto Chinese materials, Fang Guangchang pointed out that the *Bazhong cuzhong fanduo* was more like a relic from the dead city of Khara-Khoto than from Dunhuang.¹⁷ Lev Men'shikov, Jiang Weisong and Bai Bin also considered the *Bazhong cuzhong fanduo* a Xi-Xia manuscript.¹⁸ The discovery of the Tangut version *Bazhong cuzhong fanduo* provides more reasonable evidence for the above-mentioned supposition.

¹⁵ Commentaries on this sentence in Chinese version: “持禪定者受大乘秘密戒已，不作禪定、不念真言、不放施食等，系破戒。再不受戒，但名持禪定人者，犯重罪。西天有一般彌怛法師，常與人受密戒。有一人受了密戒已經一年，于上師處並不學此法戒相。此人不肯懺悔，死入地獄。因此馬鳴造第六粗重。”

¹⁶ Shen Weirong 2007, pp. 159–179, note 54.

¹⁷ Fang Guangchang 1992.

¹⁸ Ecang Heishuicheng wenxian 2000; Kychanov 1999, p. 45.

References

- Ecang Heishuicheng wenxian 2000 — *Ecang Heishuicheng wenxian* [Khara-Khoto Manuscripts Collected in Russia] 俄藏黑水城文獻. Vol. 6. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海: 上海古籍出版社, 2000.
- Fang Guangchang 1992 — Fang Guangchang 方廣鎬. “Ecang *Dacheng ruzang lu* juanshang yanjiu” [A Study on the Upper Volume of *Dasheng ruzang lu* Preserved in Russia] 俄藏《大乘入藏錄卷上》研究. In *Zhongguo tushuguan xuebao* [Journal of the Library Science in China] 中國圖書館學報, 1 (1992), pp. 72–82.
- Fang Guangchang 1995 — *Zangwai fojiao wenxian* [Buddhist Monuments not Included in *Tripitaka*] 藏外佛教文獻. Ed. by Fang Guangchang 方廣鎬. Vol. 7. Beijing: Zongjiao wenhua chubanshe 北京: 宗教文化出版社, 1995 (2nd edition 2005).
- Kuchanov 1999 — *Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук*. Сост. Е.И. Кычанов; вступ. статья Нисиды Тацуо; подготовка издания Аракава Синтаро. Киото: Университет Киото, 1999.
- Lü Cheng 1942 — Lü Cheng 呂澂. “Hanzang fojiao guanxi shiliao ji” [Collected Historical Data on the Relation between Chinese and Tibetan Buddhism] 漢藏佛教關係史料集. In *Zhongguo wenhua yanjiusuo zhuankan* [Special Bulletin of the Institute of Chinese Culture] 中國文化研究所專刊. Series B, 1 (1942).
- Nie Hongyin 2005 — Nie Hongyin 聶鴻音. “Heishuicheng suo chu *Boruoxinjing* Dehui yiben shulüe” [A Brief Description of Dehui’s Version *Prajñāhṛdaya* from Khara-Khoto] 黑水城所出《般若心經》德慧譯本述略. In *Anduo yanjiu* [Amdo Studies] 安多研究, 1 (2005), pp. 127–134.
- Nishida 1977 — Nishida Tatsuo 西田龍雄. *Seikabun Kagenkyo* [The Hsi-Hsia *Avatamsaka Sūtra*] 西夏文華嚴經. Vol. 3. Kyoto: Kyoto University, Kyōto daigaku bungaku bu (Faculty of Letters of Kyoto University), 1977.
- Shen Weirong 2007 — Shen Weirong 沈衛榮. “Xushuo youguan Xi-Xia, Yuanchao suo chuan Zangchuan mifa zhi hanwen wenxian” [An Introduction to the Chinese Materials Concerning Tibetan Tantrism Spreading in the Period of Xi-Xia and Yuan] 序說有關西夏、元朝所傳藏傳密法之漢文文獻——以黑水城所見漢譯藏傳佛教儀軌文書為中心. In *Ouya xuekan* [Eurasian Studies] 歐亞學刊, 7 (2007), pp. 159–179.

A. West

Musical Notation for Flute in Tangut Manuscripts

Among the Tangut manuscripts and blockprints held at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg are two manuscripts that have unusual symbols written on them.¹ These symbols have been recognised as examples of musical notation since at least 1965, when Eric Grinstead from the Department of Oriental Printed Books and Manuscripts at the British Museum visited Leningrad and noted their similarity to musical notation in manuscripts held elsewhere.² However, little progress has been made in understanding them since that time.

The first example of musical notation is found on the back of a Tangut document (ИHB. № 4780³), where there are four lines of musical notation, in total about 40 signs.⁴ These signs largely correspond to the set of signs used on Tang dynasty manuscripts of *pipa* 琵琶 lute scores from Dunhuang (BnF, Pelliot chinois 3539, 3719, and 3808⁵), as well as in 9th century Japanese scores for four-stringed and five-string *biwa* lute,⁶ and are evidently examples of *pipa* lute notation. The lute notation on this manuscript will not be discussed further in this paper.

The second example of musical notation is found at the end of a manuscript book of Tangut rhyme tables, 儺韻彙編, *Dissected Rhymes of the Five Sounds* (call number Танг. 22/1, new ИHB. № 86, old ИHB. № 620⁷). On the last page of this

¹ Terent'ev-Katanskij 1981, pp. 72–74; Terent'ev-Katanskij 2009, p. 69.

² Terent'ev-Katanskij 1981, p. 73.

³ The call number and new inventory number (ИHB. №) of this item have not yet been assigned.

⁴ A copy of the musical notation on ИHB. № 4780, made by A.P. Terent'ev-Katanskij, is reproduced in his works. See Terent'ev-Katanskij 1981, p. 71, table VI; Terent'ev-Katanskij 2009, p. 74, fig. 5.

⁵ See Facang Dunhuang Xiyu wenxian 1994–2005, vol. 25, p. 212; vol. 27, p. 112; vol. 28, pp. 127–131.

⁶ For examples of surviving Japanese lute scores see Wolpert 1977; Wolpert 1981.

⁷ For a description of this manuscript, see Tangutskie rukopisi i ksilografiy 1963, pp. 50–52. A reproduction of the manuscript is given in Ecang Heishuicheng wenxian 1996–2007, vol. 7, pp. 258–278.

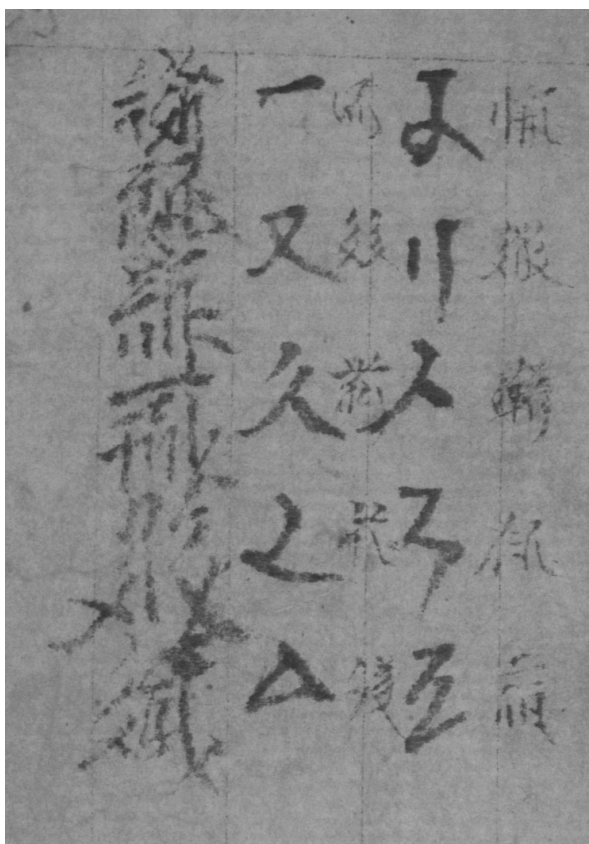

Fig. 1. Musical notation on page 39a of IOM Тагг. 22/1

© The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

book (p. 39a) are two lines of musical notation, in total 10 signs (see Fig. 1), which are the subject of this paper. This page has six widely ruled columns (the same layout as the first seven pages of the book), comprising two columns of five large and boldly-written musical signs, followed by one column of six large and not very neatly written Tangut characters. On the right of each sign is a small Tangut character, written on the ruling lines separating the columns of text rather than in their own column.

The last column of six Tangut characters is relatively clear, and the first five characters have been read by Nevsky, Nishida and Li Fanwen as the date 𐞑𐞐𐞑𐞐𐞑𐞐, “Qianyou era, cyclical year *guisi*,” i.e. the 4th year of the Qianyou era [1173].⁸ The final character is not clearly written, but could be the character 𐞑 “month,” although Nevsky reads it as 𐞑 “up.” It is generally assumed that this date is the date that the book was written or copied, but as the Tangut characters are not

⁸ Nevsky 1960, p. 132; Nishida Tatsuo 1983, p. 83; Li Fanwen 2006, p. 275.

written as clearly or as neatly as the rest of the text it is also possible that they were not written at the same time as the rest of the book, and therefore the date records when the musical signs and associated Tangut characters were written into the manuscript at a later date.

The small Tangut characters next to the musical signs are very unclear, and it is difficult to read them with certainty. In his 1983 study of the Tangut rhyme tables, Nishida Tatsuo merely notes the presence of two five-syllable lines of Tangut characters and “unrecognisable writing”, but he makes no attempt to read the Tangut characters or explain the signs.⁹ Li Fanwen, in his 2006 comparative study of the *Dissected Rhymes of the Five Sounds* and the *Precious Rhymes of the Sea of Characters*, does give possible readings for all but one of the Tangut characters next to the signs, although he is unable to make any sense of them as a whole or explain the meaning of the corresponding symbols. He concludes by saying that “to this day the Tangut characters and symbols are a mystery.”¹⁰

I believe that the mysterious symbols in this manuscript are signs used in Song and Yuan dynasty notation of flute scores, as well as in an important treatise on music by Zhang Yan 張炎 (1248 – c. 1320) entitled *Ci yuan* 詞源 (*The origins of lyric poetry*). There are only three surviving sources for flute scores that use this system of musical notation.

The largest extant set of flute scores are preserved in a collection of songs and musical poetry of the Southern Song scholar, musician and poet, Jiang Kui 姜夔 (c. 1155 – c. 1221). In his *Baishi daoren gequ* 白石道人歌曲 (*Songs of the White Stone daoist*), which only survives in Qing dynasty copies of a now lost late Yuan manuscript copy of a Song dynasty printed edition first published in 1202, there are seventeen *ci* 詞 poems with musical notation, intended for accompaniment by the *xiao* 簫 (end-blown flute) or the *bili* 篳篥 (a double-reed woodwind instrument).¹¹

A set of seven flute scores (without lyrics) in the *Zhenggong* mode are preserved in Yuan dynasty editions of the Southern Song encyclopedia, *Shilin guangji* 事林廣記 (see Fig. 2).¹² These are examples of tunes used in the performance of a form of popular music known as *changzhuan* 唱賺 that was widespread during the Southern Song and Yuan periods. Unlike the literary music of Jiang Kui, which was performed with the *xiao* and *bili*, *changzhuan* music was performed by a trio of performers, one singing and beating time with bamboo clappers, one playing a drum, and one playing the *di* 笛 (transverse flute), as depicted in illustrations to Yuan dynasty books and in a number of Liao and Yuan dynasty murals.

⁹ Nishida Tatsuo 1983, p. 83.

¹⁰ Li Fanwen 2006, p. 275.

¹¹ During the Five Dynasties and Northern Song, *ci* lyrics were normally intended for accompaniment by the *pipa* lute, but by the Southern Song the *xiao* and *bili* had become the favoured accompaniment for the few poets such as Jiang Kui and Zhang Yan who still considered *ci* to be a musical form. See *Ci yuan* (Zhang Yan 1909, juan 2, p. 2a), and remarks by Jiang Kui in Xia Chengtao 1959, pp. 46, 130 and 133.

¹² Reproduced in Zhongguo gudai yinyue shiliao jiyao 1962, pp. 703 and 720.

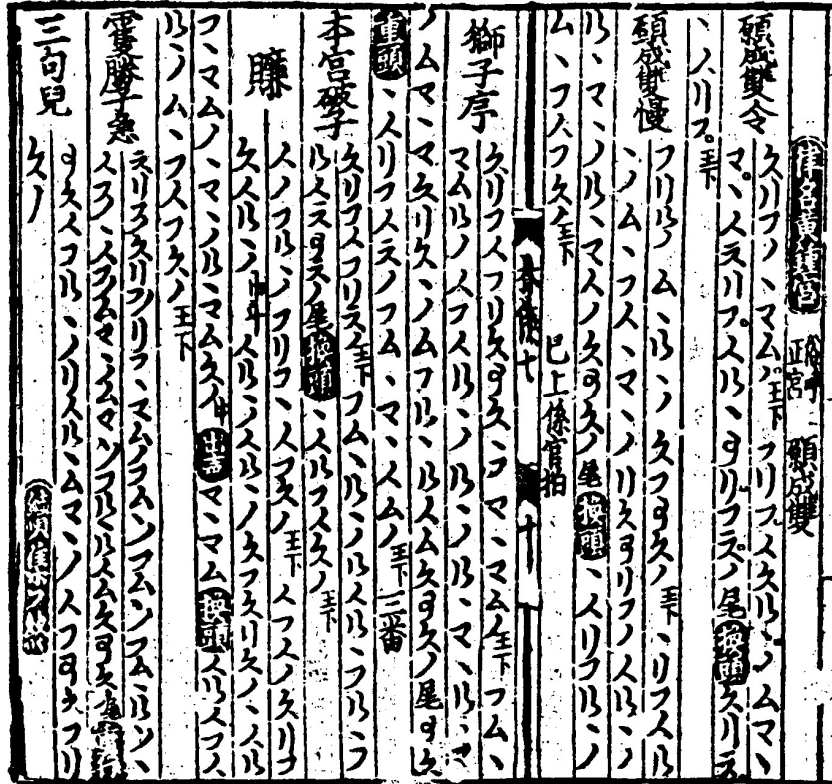

Fig. 2. Set of flute scores from the 1330–1333 edition *Shilin guangji*

In addition to these complete examples of flute scores, three very brief excerpts of flutes scores from a lost Yuan dynasty collection of music, *Yuefu huncheng ji* 樂府渾成集, are recorded by the Ming dynasty scholar Wang Jide 王驥德 (d. 1623).¹³

These three sources all use the same system of notation, comprising ten note signs derived from cursive or simplified forms of Chinese characters.¹⁴ They are similar to the note signs used for *pipa* lute notation, and four signs are common to both lute and flute notation. The signs used for both *pipa* lute notation and for flute notation during the Tang through Yuan dynasties represented systems of tablature, with each sign indicating the particular fingering required to produce a note. In the

¹³ See Wang Jide 1610, juan 4, pp. 1b–2a.

¹⁴ Theoretical discussions of flute music in Zhang Yan's *Ci yuan* (Zhang Yan 1909, juan 1, p. 6a) and *Shilin guangji* (see Zhongguo gudai yinyue shiliao 1962, pp. 691–693 and 722–724) state that there were sixteen notes, and modal tables in these two works have six extra note signs formed by circling some of the basic ten signs. However, this sixteen note system does not accord with actual flute scores, and would seem to be an artificial attempt to reconcile the system of popular music with the classical twelve-note system of music.

case of *pipa* notation, each of the twenty basic signs represents a particular finger position (open string or finger pressing on one of four frets) for one of the four strings. For flute notation, each of the ten basic signs represents a particular fingering required to produce a note, i.e. which of the six fingered holes of the *xiao* or *di* flute are open and which are closed (see Table 1).

Table 1. Song and Yuan flute notation

Relative Value	Notation Sign	Chinese Character	Pinyin	Fingering ¹⁵	Notes
2'	ㄅ	五	wǔ	●●●●●○	An octave above <i>sì</i>
1'	ㄆ	六	liù	○●●●●●	An octave above <i>hé</i>
7	リ	凡	fán	○●●○○●	
6	フ	工	gōng	●○○●●●	
5	人	尺	chě	●●○○●●	
4 [#]	ㄌ	勾	gōu	●●○●●●	The notes <i>gōu</i> and <i>shàng</i> are mutually exclusive, their usage depending on the mode of the tune.
4	么	上	shàng	●●●○○●	
3	一	一	yī	●●●●○○	
2	マ	四	sì	●●●●●○	
1	厶	合	hé	●●●●●●	

Nine of the ten Chinese characters corresponding to these signs are still used today in traditional Chinese musical notation (*gongchepu* 工尺譜), and some forms of religious and folk music still preserve signs that are the same as those used for Song and Yuan dynasty flute notation. However, the modern *gongchepu* notation and the notational systems used in religious and folk music are systems of pitch notation, not tablature as was the case for flute notation during the Song and Yuan dynasties.

¹⁵ Fingering is based on the diagram given in *Shilin guangi* (see Zhongguo gudai yinyue shiliao jiyao 1962, p. 721). Black circles represent closed holes, and white circles represent open holes; the blow hole is to the right of the six finger holes.

The ten signs found on the last page of IOM Таңг. 22/1 are identical or very similar to the note signs used in the flute scores found in Jiang Kui's musical poems and in *Shilin guangji*, and therefore must represent a form of flute notation. Furthermore, each of the ten note signs is given once and only once, and as all ten notes cannot occur together in the same tune (the *shàng* and *gōu* signs are mutually exclusive, the choice of which to use depending upon which mode a tune is set in), we can deduce that the signs cannot represent a fragment of a tune, but must simply be a list of the ten individual note signs. In this case, it is probable that the Tangut characters next to the signs are the corresponding name of the sign in Tangut. There are several possibilities: a) the Tangut name is a transliteration of the Chinese name; b) the Tangut name is a translation of the Chinese name; or c) the Tangut name is unrelated to the Chinese name. In fact, looking at the more easily identifiable Tangut characters, it quickly becomes apparent that the characters are transliterations of the Chinese note names, and with this knowledge it is possible to identify the remaining characters (see Table 2).

The Tangut characters corresponding to the note signs *wǔ*, *sì*, *liù* and *hé* are unproblematic as they are all used as transliteration characters for the corresponding Chinese characters.

The Tangut characters corresponding to the notes *gōng* and *chě* are next to the wrong signs: 𐰇 is used as a transliteration character for the Chinese character 工 and so should correspond to the note sign *gōng*, but it is actually next to the note sign *chě*. Likewise, 𐰈 is used as a transliteration character for the Chinese character 尺 and so should correspond to the note sign *chě*, but it is actually next to the note sign *gōng*. Therefore, either the note signs have been written the wrong way round or the order of the corresponding Tangut characters has been inadvertently reversed (I will argue below that the order of the Tangut characters is correct, and that the notes signs have been misordered). It should also be noted that the modern Mandarin pronunciation of the character 尺 as *chě* when used as a note sign (in contrast to its normal pronunciation as *chǐ*) is not reflected in the reconstructed reading of the Tangut character 𐰈 (*tshji*), suggesting that at this time the character 尺 did not have a special reading when used as a note sign.

The Tangut character 𐰉 corresponding to the note sign *fán* is a borrowing of the Chinese character 花 *huā* “flower,” but Tangut *xiw-/xw-* is also used to transliterate Chinese *f-*, and the reading of this character (*xiwā/xwā*) is phonetically very close to the reading of the Tangut character that is normally used to transliterate Chinese 凡 *fán*: L2052/K0404 𐰊 *xiwā/xwān*. Moreover, the character 𐰉 is used to transliterate the Chinese character 翻 *fān* in the name Guo Fan 郭翻, so it is a plausible transliteration of Chinese 凡 *fán*.

The Tangut character corresponding to the note sign *shàng* is not used to transliterate any Chinese characters, but its reading (*sjwo/sjo*) is phonetically close to those of characters that are used to transliterate Chinese *shàng* 尙 and *shàng* 上, such as L3774/K0893 𐰋 *sjow/sjon*, so it is a possible transliteration of Chinese 上 *shàng*.

Table 2. Correspondence between flute notes and Tangut characters in IOM Тагг. 22/1

Flute Notation ¹⁶				Tangut Characters ¹⁷				
Manu- script Sign	Standard Sign	Chinese	Pinyin	Tangut	Refs.	Read- ings	Meaning	Translitera- tions
ㄩ	ㄅ	五	wǔ	𐰇	L1915 K4305	·u ·u	salt	五吳烏吾
リ	リ	凡	fán	𐰇	L2476 K2760	xiwa xwā	flower	翻項
人	人	尺	chě (chǐ)	𐰇	L3738 K0557	kow kon	merit	工公翁軍 貢功
フ	フ	工	gōng	𐰇	L4018 K5009	tshji tshje	origin, base, root	尺赤齒滯 痴治持池 直
上	么	上	shàng	𐰇	L0009 K5475	sjwo sjō	to arise, to appear, to raise	
一	一	一	yī	𐰇	L1544	·ji	(translit.)	夷依噫
又	マ	四	sì	𐰇	L2460 K3107	sə sə	(translit.)	四斯嗣奴 氏司思已 絲死賜
久	久	六	liù	𐰇	L4153 K0151	ljiw ljeu	to gather	六略柳陸 綠錄
ㄥ	ㄥ	勾	gōu	𐰇	L1429 K4586	kjiw kjeu	(translit.)	鳩驕拘高 究韭九
合	厶	合	hé	𐰇	L3540 K3252	xa xa	(surname)	合哈褐皓 闔河和

¹⁶ The column headed “Manuscript Sign” gives the form of the sign as written in Тагг. 22/1. The column headed “Standard Sign” gives the form of the sign given in Jiang Kui’s *Baishi daoren gequ*.

¹⁷ The column headed “Refs.” gives the character numbers in Li Fanwen 2008 (prefixed ‘L’), and Kychanov 2006 (prefixed ‘K’). The column marked “Readings” gives the reconstructed pronunciations for the Tangut character as given in Li Fanwen’s dictionary (top) and in Kychanov and Arakawa’s dictionary (bottom). The column marked “Transliterations” gives a list of Chinese characters that the corresponding Tangut character may be used to transliterate, according to Li Fanwen’s dictionary and Kychanov and Arakawa’s dictionary.

The Tangut character corresponding to the note sign *yī* is written in cursive script, and is not easy to read, but I tentatively identify it with L1544 𐞑, which is used to transliterate characters which would have been homophonous or near-homophonous to Chinese 一 *yī* in northwestern Chinese of the time.

The Tangut character corresponding to the note sign *gōu* is not clear, but I tentatively identify it with L1429/K4586 𐞒, which is used to transliterate a variety of Chinese characters which would have been phonetically close to the pronunciation of 勾 *gōu* in northwestern Chinese of the time, although most of the Chinese characters it transliterates have palatization that is absent in 勾. However, as the Tangut character L2074/K5424 𐞓 *kew/keu* is used to transliterate both 高 *gāo* and 勾 *gōu*, and 𐞒 may occasionally be used to transliterate 高 *gāo*, it seems possible that it could also have been used to transliterate 勾 *gōu* in this manuscript.

The order of the signs (*wǔ, fán, chě, gōng, shàng, yī, sì, liù, gōu, hé*) is rather interesting as it matches the natural order of notes, from high to low, shown in Table 1 above (*wǔ, liù, fán, gōng, chě, gōu, shàng, yī, sì, hé*), except that the note signs *liù, chě, and gōu* are out of order. However, if we assume that the mismatch between the *gōng* and *chě* signs and their corresponding Tangut characters is due to the *gōng* and *chě* signs having been accidentally written in the wrong order, and that the order of the note signs should follow the order of the Tangut characters, then only the signs *liù* and *gōu* are out of order. This corrected order (*wǔ, fán, gōng, chě, shàng, yī, sì, liù, gōu, hé*) is still incorrect (*liù* and *gōu* are misplaced), but now it exactly matches the order of notes given in the *History of the Liao Dynasty*, where the description of “Great Music” (*dayue* 大樂) lists the ten notes as: *wǔ* 五, *fán* 凡, *gōng* 工, *chě* 尺, *shàng* 上, *yī* 一, *sì* 四, *liù* 六, *gōu* 勾, and *hé* 合.¹⁸ It cannot be a coincidence that both the editors of the *History of the Liao Dynasty* (composed 1342–1343) and the scribe of the Tangut manuscript, writing in 1173, used the same incorrect order, and suggests that they were both copying from a common source, perhaps a Liao dynasty work on Khitan music or the lost *History of the Liao Dynasty* compiled during the Jin dynasty.

Dated at 1173, some thirty years before the first publication of Jiang Kui’s lyrics with flute notation, IOM Таңг. 22/1 is the earliest extant example of the ten-note simplified character system of flute notation. However, it may not be the only example of flute notation on a manuscript from Kharakhoto. A Tangut manuscript fragment held at the British Library (call number Or. 12380/21) has a single line of partially obliterated signs that are very similar to those on IOM Таңг. 22/1 (see Fig. 3 and Table 3). It is difficult to be certain, but the line of signs on Or. 12380/21 look as if they are also a list of the ten signs used in flute notation, in almost the same order as given in IOM Таңг. 22/1.

¹⁸ Liao shi 1974, vol. 2, juan 54, p. 891. Apparently some editions of the *Liao shi* have the notes written as simplified note signs (see Li Shigen 1987, p. 6), but the only editions I have seen give the notes as standard Chinese characters.

**Table 3. Comparison of note signs
in BL Or. 12380/21 and IOM Tang. 22/1**

Or. 12380/21	Tang. 22/1	Chinese	Pinyin
■	ㄅ	五	wǔ
リ	リ	凡	fán
□	人	尺	chě
フ ?	フ	工	gōng
フ or 么 ?	么	上	shàng
一	一	一	yī
人 ?		尺	chě
フ or マ ?	マ	四	sì
久 ?	久	六	liù
厶	厶	勾	gōu
厶	厶	合	hé

Fig. 3. British Library Or. 12380/21
© The British Library Board

The fact that the list of ten flute notation signs are found on two different Tangut manuscripts makes it seem highly likely that the form of popular flute music prevalent in the territories of the Song and Liao empires was also practised within the Tangut state. This raises the intriguing possibility that somewhere, waiting to be discovered, are manuscript flute scores with accompanying Tangut lyrics.

Abbreviations & References

BL — British Library

BnF — Bibliothèque nationale de France

IOM — Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

refs. — references

translit. — transliteration

- Ecang Heishuicheng wenxian 1996–2007 — *Ecang Heishuicheng wenxian* [Khara-Khoto Manuscripts Collected in Russia] 俄藏黑水城文献. 13 vols. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海: 上海古籍出版社, 1996–2007.
- Facang Dunhuang Xiyu wenxian 1994–2005 — *Facang Dunhuang Xiyu wenxian* [Documents from Dunhuang and other Central Asian manuscripts in French collections] 法藏敦煌西域文獻. 34 vols. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海: 上海古籍出版社, 1994–2005.
- Kuchanov 2006 — *Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь*. Сост. Е.И. Кычанов. Со-сост. Аракава Синтаро. Киото: Университет Киото, 2006.
- Li Fanwen 2006 — Li Fanwen 李範文. “*Wuyin qieyun yu Wenhai baoyun bijiao yanjiu*” [Comparative Study of the “Dissected Rhymes of the Five Sounds” and the “Precious Rhymes of the Sea of Characters”] 《五音切韻》与《文海宝韻》比较研究. In *Xi-Xia yanjiu* [Tangut Studies] 西夏研究. Vol. 2. Beijing: Chinese Academy of Social Sciens, 2006.
- Li Fanwen 2008 — Li Fanwen 李範文. *Xia-han zidian* [Tangut-Chinese Dictionary] 夏漢字典. 2nd edition. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京: 中國社會科學出版社, 2008.
- Li Shigen 1987 — Li Shigen 李石根. *Xi'an guyue pushi fenxi* [Analysis of the notation used in Xi'an drum music] 西安鼓樂譜式分析. Beijing: Renmin yinyue chubanshe, 1987.
- Liao shi 1974 — *Liao shi* [History of the Liao Dynasty] 遼史. 3 vols. Ed. by Tuotuo 脫脫. Beijing: Zhonghua shuju, 1974.
- Liu Jihua 1974 — Liu Jihua 劉紀華. *Zhang Yan Ci yuan jianing* 張炎詞源箋訂. Taipei: Jiaxin shuini gongsi wenhua jijinhui, 1974.
- Nevsky 1960 — Невский Н.А. “Тангутские фонетические таблицы (штудии в области тангутской фонетики).” In Невский Н.А. *Тангутская филология. Исследования и словарь*. В 2 кн. Кн. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 132–139.
- Nishida Tatsuo 1983 — Nishida Tatsuo 西田龍雄. “Seikago inzu ‘Goin setsuin’ no kenkyū (ge)” [A Study of the Xi-Xia rhyme tables “Wu yin qie yun” (3)] 西夏語韻図『五音切韻』の研究(下). In *Kyōto daigaku bungakubu kenkyū kiyō* [Memoirs of the Department of Literature, Kyoto University] 京都大學文學部研究紀要, 22 (1983), pp. 1–187.
- Tangutskie rukopisi i ksilografy 1963 — *Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР*. Сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Terent’ev-Katanskij 1981 — Терентьев-Катанский А.П. *Книжное дело в государстве тангутов (По материалам коллекции П.К. Козлова)*. М.: Наука, ГРВЛ, 1981.
- Terent’ev-Katanskij 2009 — Терентьев-Катанский А.П. “Музыка в государстве тангутов.” Публикация и коммент. В.П. Зайцева. In *Письменные памятники Востока*, 1 (10) (2009), pp. 63–75.
- Wang Jide 1610 — Wang Jide 王驥德. *Qu li* 曲律. N.p., 1610. (National Library of Peiping Rare Books microfilm series, no. 2418.)
- Wolpert 1977 — Wolpert R.F. “A ninth-century Sino-Japanese lute-tutor.” In *Musica Asiatica*, 1 (1977), pp. 111–165.
- Wolpert 1981 — Wolpert R.F. “A ninth-century score for five-stringed lute.” In *Musica Asiatica*, 3 (1981), pp. 107–135.

- Xia Chengtao 1959 — Xia Chengtao 夏承燾. *Baishi shici ji* [Collected poems and lyrics of Baishi] 白石詩詞集. Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1959.
- Yang Yinliu and Yin Falu 1957 — Yang Yinliu 楊蔭瀏, Yin Falu 陰法魯. *Song Jiang Baishi chuanguo gequ yanjiu* [Study of the songs composed by Jiang Baishi of the Song dynasty] 宋姜白石創作歌曲研究. Beijing: Yinyue chubanshe, 1957.
- Zhang Yan 1909 — Zhang Yan 張炎. *Ci yuan* 詞源 [The origins of lyric poetry]. N.p., n.d. Shanghai: Shanghai yinshuguan, 1909 (*Sibu congkan* 四部叢刊).
- Zhongguo gudai yinyue shiliao jiyao 1962 — *Zhongguo gudai yinyue shiliao jiyao (diyiji)* [Collected historical materials on ancient Chinese music (first collection)] 中國古代音樂史料輯要 (第一輯). China music research institute 中國音樂研究所. Beijing: Zhonghua shuju, 1962.

A Study of the Tribal Name *Diela* in the Khitan Small Script

Introduction

Khitans Diela tribe (契丹迭剌部) was the native tribe of the Taizu emperor Yelü Abaoji (耶律阿保機) of the Liao dynasty, indeed one of the most significant tribes of the early Liao period. The Diela tribe was established approximately during the period of Kaiyuan (開元) or Tianbao (天寶) of the Tang dynasty. At the time, the tribe was not very powerful, therefore it was not one of the “Khitan Ancient Eight Tribes” (契丹古八部). Yet later, Yelü Abaoji was able to rely on the might of his tribe to oust the Yaonianshi clan (遙輦氏), which enabled him to found the Khitan dynasty. Afterwards, because the Diela tribe was becoming too powerful, it was divided into two tribes—*Wuyuanbu* (五院部) and *Liyuanbu* (六院部)—by Liao Taizu (遼太祖) in the first year of Tianzan (天贊, 922). The tribe played an important role in the historical transformation of the Khitan society; therefore scholars of Khitan history have paid it much attention. In recent years, with the discovery of new materials and other advances within Khitan studies, some new information is available for the study of this tribal name. This paper will discuss the meaning and pronunciation of a character in the Khitan small script possibly indicating “Diela,” according to the character denoting “tribe” and to analysis of the newly found epitaph of Yelü Jue (耶律玦). The author dedicates this paper to Professor Evgeniy Kychanov’s 80th birthday with gratitude and respect.

1. The block denoting “Tribe” in the Khitan small script

Jishi (1996) first introduced the idea that the block (*Xiao Linggong* 蕭令公, 17) could mean “tribe,” while (*Yelü Renxian* 耶律仁先, 40) means “road” (路). Toyoda Gorō (1998) suggests that denotes “surface” (面) *ni-'ur*. Wang

Weixiang (1999) considers that $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ means “tribe.” Liu Fengzhu concurs with the above scholars, also considering that $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ denotes “tribe.”¹ According to these views, we can see that both $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ and $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ denote “tribe.” Within them, the characters 升 and 安 have similar pronunciations *u* or *o* that have been established by earlier research.

However, we are still left exploring the grammatical meaning of the block $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$. In my opinion, it means $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ (“tribe”), with an added plural suffix 安 and a possessive case marker 升. I believe that the Khitan small script had a following spelling rule: the last consonant of a word will fall off when that word takes a suffix, i.e. $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{安} \end{smallmatrix} + \text{安} + \text{升} = \begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ ($nu:r + li + \partial n = nu:lien$); 曲 升 $g\partial r$ (帳 “tent”) + 升 d (locative case) = 曲 升 $g\partial d$ (“in a tent”). Like Khitan script, Mongolian script also observes a similar rule of the last consonant falling off, for instance ᠨᠣᠬᠣᠷ [noχör] “comrade, friend” + ᠳ (plural suffix) = *nohöd* ᠨᠣᠬᠣᠳ “comrades, friends.” Examination of the extant materials of the Khitan small script reveals that the block $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ appears 8 times, $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ 3 times, while blocks $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ and $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{安} \end{smallmatrix}$ never appear. Similarly, the block 曲 升 appears 22 times, while the block $\begin{smallmatrix} \text{曲} \\ \text{升} \end{smallmatrix}$ never appears.

Furthermore, the block $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{币} \end{smallmatrix}$ may mean “tribes.” This block appears on the 11th line of the *Yelü Cite* (耶律慈特): 一 升 $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{币} \end{smallmatrix}$ this passage meaning “northeast tribe,” as deciphered by Liu Fengzhu et al. (2006). The exact meaning of $\begin{smallmatrix} \text{伏} \\ \text{升} \\ \text{币} \end{smallmatrix}$ may be

¹ Liu Fengzhu et al. 2009.

“tribes,” its root being 伏 升 奕 . Consequently, we can see 伏 介 化 (Yelü Dilie 耶律迪烈, 6) denoting “tribes.”

The blocks 伏 只 奕 and 伏 只 化 appear on the 5th and 6th line of the Epitaph of Yelü Xiangwen (耶律詳穩). I argue that both these blocks mean “tribe,” because the characters 升, 介 and 只 are pronounced similarly as “u,” whereas 奕 and 化 are pronounced *ur*. In addition to this, we can also assume that the block 伏 只 充 (Xiao Zhonggong 蕭仲恭, 13) denotes “in a tribe.”

According to extant materials, we can conclude that the characters meaning “tribe” with its various declensions are written in the Khitan small script as follows:

Khitan script	伏 介 奕	伏 介 化	伏 升 奕	伏 只 奕
pronunciation	ni:ur	ni:ur	ni:ur	ni:ur
meaning	tribe	tribe	tribe	tribe
Khitan script	伏 介 夔	伏 升 夔	伏 只 充	伏 升 币
pronunciation	nu:li	nu:li	nu:d	nu:d
meaning	tribes	tribes	in tribes	in tribe
Khitan script	伏 升 奕 朮	伏 介 化 关	伏 升 奕 全	伏 升 奕 全 茶
pronunciation	ni:urən	ni:uri:	ni:uri:s	ni:uri:sər
meaning	tribe (possessive case)	tribe (objective case)	tribe (plural suffix)	tribes (instrumental case)

2. The block meaning “Diela” in the Khitan small script

Based on the context of the following passage, scholars have argued that its meaning is related to “Diela tribe”:

令 忝 小 伏 升 全 列 安	<i>Yelü Gui</i> 耶律貴, 2	令 忝 小 伏 升 全 列 安	<i>Gu Yelü</i> 故耶律, 4
全 忝 小 伏 升 全 列 安	<i>Yelü Zhixian</i> 耶律智先, 5	令 忝 小 伏 介 全 列 安	<i>Yelü Nu</i> 耶律奴, 5
令 忝 小 伏 介 全 列 化 关	<i>Yelü Taishi</i> 耶律太師, 2	□□ 小 列 伏 介 □ 列 安	<i>Yelü Dilie</i> 耶律迪烈, 5

Above, the first blocks 令 忝 全, 全 忝 全 and 令 忝 全 and the second blocks 小 列 and 小 列 also may have similar meanings respectively, although their character patterns or writing conventions are different from each other. The pronunciation and meaning of the third blocks have been mentioned before. However, up to now there is disagreement as to which block denotes the tribal name “Diela.” Bao Yuzhu (2006) argues that the first block means “big” which is equivalent to [tegüs] (“complete, satisfactory”) in Mongolian, the second block meaning “Diela” [delègo]. Liu Fengzhu et al. (2009) argues that the first block means “Diela” and the second one means “born of the same parents” (同胞). Yet Aisin Gioro Ulhicun (2006) maintains that the first two blocks record an alternative name of “Diela,” the pronunciation of 令 丙 全 丙 and 令 丙 全 丙 is *dəliæ*, and they may denote “Diela.”

In the extant materials, 令 忝 全 appears 9 times, 全 忝 全 2 times and 令 忝 全 1 time. These blocks are only used to embellish 小 列. However, 令 忝 全, 全 忝 全 and 令 忝 全 do not always appear in front of the block 小 列 or 小 列. For example:

止 及 子 丑 小 列 伏 介 方 安	<i>Yelü Dilie</i> 耶律迪烈, 6	化 凡 小 伏 介 相 列 安	<i>Yelü Taishi</i> 耶律太師, 3
Become tribe		Irgin tribe	
主 王 小 伏 只 列 安	<i>Yelü Xiangwen</i> 耶律詳穩, 5	杰 小 伏 只 列 安	<i>Yelü Xiangwen</i> 耶律詳穩, 7
Emperor tribe		King tribe	

What this means is that 小𠬞 (小𠬞) must be the head of the phrase, while 令𠬞 (令𠬞, 令𠬞) must be a modifier. In my opinion, the first block does not mean “big.” Since we are familiar with the character 又 modifying “country” and the character 𠬞𠬞 modifying “Khitan,” both of them meaning “big,” the blocks 令𠬞 (令𠬞, 令𠬞) cannot mean “big.” In addition, scholars have read the block 令𠬞 as [tegüs] which is equivalent to “complete, satisfactory” in the Mongolian language, so 令𠬞 (令𠬞, 令𠬞) does not seem to mean “big.”

From the point of view of phonetics, 令𠬞 (令𠬞, 令𠬞) cannot be read as *Dielā*. According to earlier research, 令 sounds *d*, 𠬞, 𠬞 *uei* or *ei*, and 𠬞 *s*, so the above may be read as *dueis*, *deis* or *duise*. The phonetic change of the Chinese characters 迭刺 is as follows:

	Old Chinese (上古)	Middle Chinese (中古)	Modern Chinese (近代)
迭:	diet④	diet④	tiɛ②
刺:	lat④	lat④	la④

Based on the above pronunciations, we can assume that the actual sound of 迭刺 may be *dietlat* or *tiɛla*. The tribal name 迭刺 is sometimes recorded as 迭刺葛 in *The History of the Liao Dynasty*,² so the tribal name may also have the phonetic form *dietlatg*, *tiɛlag*. However, these pronunciations are different from *dueis*, *deis* or *duise* of 令𠬞 (令𠬞, 令𠬞). It means that the block 小𠬞 (小𠬞) means “Dela”, rather than 令𠬞 (令𠬞, 令𠬞).

² Liao shi 1974, vol. 1, ch. 33, p. 393; Ibid., vol. 2, juan 46, p. 764.

According to previous research, the second character 𐰇 of 𐰇𐰏 reads [y], however, the pronunciation of 小 is unclear. There is evidence from the newly discovered materials for deciphering the character 小. There are 𐰇𐰏 𐰇𐰐 伏𐰏 𐰇𐰏 𐰇𐰏 𐰇𐰏 𐰇𐰏 𐰇𐰏 in the 2nd line of the *Yelü Jue* (耶律玦). From the reference to the *Big miegu shilie* (大蔑孤石烈) of the *Wuyuanbu* (五院部) in *The History of the Liao Dynasty*, we know the passage means “Diela tribe big miegu shilie.”³ The sound of the block 𐰇𐰐 may equal to 小𐰇 (𐰇𐰏). We know the first character 𐰇 reads as *t'*, *t* and the second 𐰐 as *li*, *la* and the last as 𐰏 *xi*, *x*, so the entire block may be read as *telax* or *delaag*. These phonetic interpretations are similar to the pronunciation of Chinese characters 迭刺 “*dietlatg*,” “*tielag*”.

We also know that 𐰏 *xi*, *x* and 𐰇 [y] are similar, so we can read 小 as *tela* or *dela*, according to the sound of 𐰇𐰐.

Sources

- Gu Yelü* 故耶律: the Memorial Stone of the Late Mrs. Yelü 故耶律氏銘石 *Gu Yelü shi mingshi*, dated 1115, discovered 1969.
Yelü Cite 耶律慈特: the Epitaph of Yelü Cite 耶律慈特墓誌 *Yelü Cite muzhi*, dated 1082, discovered 1997 (early summer).
Yelü Dilie 耶律迪烈: the Epitaph of Yelü Dilie 耶律迪烈墓誌銘 *Yelü Dilie muzhiming*, dated 1092, recovered 1997 (spring).
Yelü Gui 耶律貴: the Epitaph of Yelü Gui 耶律貴墓誌銘 *Yelü Gui muzhiming*, also known as the Epitaph of Yelü [Gui An] Diligu 耶律[貴安]迪里姑墓誌銘 *Yelü [Gui An] Diligu muzhiming*, dated 1102, discovered 2002.

³ The *Diela* tribe 迭刺部 was divided into two smaller tribal units in 922 (天贊元年), known as the Five and Six Divisions (*Wuyuanbu* 五院部 and *Liuyuanbu* 六院部). The Five Divisions tribe was subdivided into four *shilie* 石烈: *Big miegu shilie* 大蔑孤石烈, *Small miegu shilie* 小蔑孤石烈, *Oukun shilie* 甌昆石烈 and *Yixiben shilie* 乙習本石烈 (Liao Shi, vol. 1, ch. 33, p. 384). There are different interpretations of the meaning of the word *shilie* in *The History of the Liao Dynasty*: it is translated as “county” (縣) in the 百官志 section (Ibid., vol. 2, ch. 45, p. 718), though it is translated as “village” (鄉) in the 國語解 section (Ibid., vol. 3, juan 116, p. 1534).

- Yelü Jue* 耶律玦: the Epitaph of Yelü Jue 耶律玦墓誌銘 *Yelü Jue muzhiming*, dated 1071, discovery date unknown.
- Yelü Nu* 耶律奴: the Epitaph of Yelü Nu 耶律奴墓誌銘 *Yelü Nu muzhiming*, dated 1099, discovered 1999.
- Yelü Renxian* 耶律仁先: the Epitaph of Yelü Renxian 耶律仁先墓誌銘 *Yelü Renxian muzhiming*, dated 1072, discovered 1983.
- Yelü Taishi* 耶律太師: the Epitaph of Grand Preceptor (Taishi) Yelü 耶律太師墓誌銘 *Yelü Taishi muzhiming*, dated 1101, discovery date unknown, acquired 2009 (June).
- Yelü Xiangwen* 耶律詳穩: the Epitaph of Field Marshal Yelü 耶律詳穩墓誌 *Yelü Xiangwen muzhi*, dated 1091, acquired 2007 (June).
- Yelü Zhixian* 耶律智先: the Epitaph of Yelü Zhixian 耶律智先墓誌銘 *Yelü Zhixian muzhiming*, dated 1094, discovered 1998.
- Xiao Linggong* 蕭令公: the Broken Epitaph of Xiao Linggong 蕭令公墓誌殘石 *Xiao Linggong muzhi canshi*, dated 1057, discovered 1950.
- Xiao Zhonggong* 蕭仲恭: the Epitaph of Xiao Zhonggong 蕭仲恭墓誌 *Xiao Zhonggong muzhi*, dated 1150, discovered 1942.

References

- Aisin Gioro Ulhicun 2006 — Aisin Gioro Ulhicun 愛新覺羅·烏拉熙春. *Kittanbun boshi yori mita Ryōshi* 契丹文墓誌より見た遼史 [Liao History as Seen from the Epitaphs in the Khitan Script]. Kyōto: Shōkadō shoten 京都: 松香堂書店, 2006.
- Bao Yuzhu 2006 — Bao Yuzhu 寶玉柱. “Qidan xiaozi 𡗗 ji qi tihuanzi yanjiu” [Research on the Khitan Small Script Character 𡗗 and its Variants] 契丹小字 𡗗 及其替換字研究. In *Nei Menggu daxue xuebao (Zhaxue shehui kexueban)* [Bulletin of the Inner Mongolia University (Philosophical and Historical Series)] 內蒙古大學學報 (哲學社會科學版), 1 (2006), pp. 8–12.
- Jishi 1996 — Jishi 即實. *Milin wenjing: qidan xiaozi jiedu xincheng* 謎林問徑: 契丹小字解讀新程 [Seeking a Path through a Forest of Riddles — A New Stage in the Decipherment of the Khitan Small Script]. Shenyang: Liaoning minzu chubanshe 瀋陽: 遼寧民族出版社, 1996.
- Liao shi 1974 — *Liao shi* 遼史 [The History of the Liao Dynasty]. Ed. by Tuotuo 脫脫. 3 vols. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中華書局, 1974.
- Liu Fengzhu et al. 2006 — Liu Fengzhu 劉鳳翥, Cong Yanshuang 從豔雙, Yu Zhixin 於志新, Narangua/Naren Gaowa 娜仁高娃. “Qidan xiaozi ‘Yelü Cite / Wuliben muzhiming’ kaoshi” [A Study of the Epitaph of Yelü Cite / Wuliben in the Khitan Small Script] 契丹小字〈耶律慈特·兀裏本墓誌銘〉考釋. In *Yanjing xuebao* [Yenching Journal of Chinese Studies] 燕京學報 (New Series), 20 (2006), pp. 255–277.
- Liu Fengzhu et al. 2009 — Liu Fengzhu 劉鳳翥, Tang Cailan 唐彩蘭, Chengel/Qinggele 清格勒. *Liao shangjing diqu chutu de liaodai beike huiji* [A Collection of Inscriptions on Steles Excavated from the Supreme Capital of the Liao Dynasty] 遼上京地區出土的遼代碑刻匯輯. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe 北京: 社會科學文獻出版社, 2009.
- Toyoda 1998 — Toyoda Gorō 豐田五郎. “Qidan xiaozi suo baoliu xialai de zhonggu Mengguyu zhi henji — Yongfu, chunqiu, shuci” 契丹小字所保留下來的中古蒙古語之痕跡——永福、春秋、數詞 [Traces of Middle Mongolian preserved in the Khitan small script: Yongfu [tomb], spring/autumn, numerals]. In *Nitchū gōdō moji bunka kentōkai happyō ronbunshū* [Collected Papers Presented at the Japan-China Joint Writing Culture Conference] 日中合同文字文化研討會發表論文集. Kyōto: Moji bunka kenkyūsho 京都: 文字文化研究所, 1998, pp. 147–156.
- Wang Weixiang 1999 — Wang Weixiang 王未想. “Qidan xiaozi ‘Zezhou cishi muzhi’ canshi kaoshi” [A Study of the Khitan Small Script Broken Epitaph of the Prefect of Zezhou] 契丹小字〈澤州刺史墓誌〉殘石考釋. In *Minzu yuwen* 民族語文, 2 (1999), pp. 78–81.

Some Notes on the Ethnic Name *Taṅut* (*Tanguŋ*) in Turkic Sources

The name of the powerful Kingdom of 西夏 Xi-Xia (982–1227) in the indigenous sources was treated several times by the jubilee himself. In his book of 2008 the jubilee gives a survey on the history and culture of the Xi-Xia (Taṅut), i.e. on the sources that mention the name Taṅut in non-Taṅut languages.¹ In my contribution in honour of the highly esteemed scholar I would like to present some Old Uighur texts as well as to make some remarks on the name *taṅut* used in the Turkic sources.² Although many scholars regard the etymology of the term *taṅut* as settled insofar as the first component of the Chinese designation 党项 Dang Xiang is explained as its etymon,³ others do not.⁴ R. Dunnell discusses in great detail the historical sources where the name *taṅut* is attested.⁵ Chinese sources mention the tribe of the Taṅut for earlier periods, e.g. in the 7th c.⁶

The name Taṅut in the Old Turkic inscriptions

It is common knowledge that the earliest record of the tribal name *taṅut* is found in the Old Turkic inscriptions of the first half of the 8th c. Thanks to H. Şirin User's new dictionary it has become easy to refer to the data of the inscriptions. In the section of ethnic names (Kavim ve Boy Adları) her dictionary has the following entry from the Bilgä Kagan inscription:⁷ *y(e)ti y(e)g(i)rmi : y(a)ṣ(i)ma : t(a)ṅut : t(a)pa :*

¹ Kychanov 2008, pp. 650–658.

² Golden 1992, pp. 166–167.

³ Erdal 2004, p. 158 fn. 272: “The Taṅut people (this name first mentioned twice in the Orkhon inscriptions) were in Tang China called Dang Xiang. I would propose that +*Ut* was added to this first syllable. If this was done by Turks, the vowel would be fixed as /U/. If the language was Mongolic (the plural suffix +*Ud* being fully productive there), Mongolic /U/ would correspond to Turkic /X/.”

⁴ Kwanten 1982, p. 55.

⁵ Dunnell 1984. On p. 79 she refers to Bailey 1940, but in fact Bailey interpreted Khotanese Tāgutta as “Tibetan,” not as “Taṅut.”

⁶ Atwood 2010.

⁷ User 2009, p. 163, (text of the Bilgä Kagan inscription: p. 458).

sül(ä)dim : y(e)ti y(e)g(i)rmi : y(a)ṣ(i)ma : t(a)ḡut ; bod(u)n(u)g : bozd(u)m “At my age of seventeen I waged war against the Taḡut; at my age of seventeen I destroyed the people of the Taḡut.”

The name Taḡut in the Compendium of the Turkic Languages (1072)

Maḡmūd al-Kāṣḡarī has a list of names of peoples in which the Taḡut occupy a position between the Uighur and the Xitay: Čigil, Tuxsi, Yagma, Ograq, Čaruq, Čömül, Uygur, Taḡut, Xitay, Čin, Tawgač.⁸ He also recorded many scattered stanzas about the battle of Taḡut and Uygur that can be reconstructed as a verse cycle.⁹

The chapter on the Taḡut by Rašīd ad-Dīn

In his chapter on the Taḡut (Taḡqūt) Rašīd ad-Dīn describes their territory and mentions some rulers and their bellicose army during the time of Čiñiz Xān and how they were finally subdued. Here I only refer to the excellent English translation of W.M. Thackston.¹⁰

A Christian manuscript

In an Old Uighur manuscript of the Church of the East the borders of the Realm of the Old Uighurs are described as stretching from the lands of the Taḡut in the East to Fars in the West (ll. 65–66): *d(a)ḡut ellärtin . p(a)rs [...] ellärtin* “From the Taḡut countries, from countries of Pars (= Fārs) [...]”¹¹ Unfortunately there is no way for precisely dating this manuscript.

A colophon attached to a Buddhist text

In a colophon text written in strophic alliteration we find the following list of realms or peoples.¹² [*tavgač*] *taḡut töpöt sart el-[läri]* “the realms of the [Chinese], the Taḡut, the Tibetans, the Sart.”¹³ In the course of history under Sart different peoples were understood. As this manuscript seems to originate from the Mongol period, it is not clear which realm or state the realm *Sart eli* can refer to. But in the light of the Mongol sources a shift from “merchants” to “Muslims” can be taken as sure.¹⁴

A miscellaneous text from Turfan region mentioning the Taḡut

The text discussed in the following was written on the verso side of a Chinese scroll containing the Buddhist text *Shi shan ye dao jing* 十善業道經 (T. 660).

⁸ Dankoff, Kelly 1982 (Vol. I), p. 82.

⁹ Dankoff 1980.

¹⁰ In English translation: Thackston 1998, pp. 72–74.

¹¹ U 330 + U 334 (Turfan Collection of Berlin. Cf. Digital Turfan Archive on the website of the Berlin Brandenburg Academy of Sciences and Humanities).

¹² Dilara 2011, line 25.

¹³ Ibid.

¹⁴ Zieme 2005.

Unfortunately although several pieces are preserved,¹⁵ one cannot decide whether the paper of the Chinese scroll was cut into two halves or used in its complete height. Judging from the fact that the Uighur text starts at the utmost upper margin which is the upper margin of the Chinese side, one is inclined to consider that only half of the height was used for writing the Uighur text. There is a single fragment, Ch/U 7542, on which the margin is preserved. All other pieces have no traces of margins, they all are middle pieces. If the complete height of the original Chinese sheets were used, the missing text between the lines is more than half of a line. If only half of it was used, the lacunae are of course less, but still not exactly discernible. Therefore the interpretation of the text is hanging around. The Uighur script is astonishingly small, the letters are nevertheless clear. Some Sanskrit phrases or expressions in Brāhmī characters are inserted, but it is not totally clear whether they were translated or not. The mentioned difficulties make a reasonable understanding of the fragments nearly impossible. Therefore I abstain from a full translation.

Transcription of the text fragments

Ch/U 6691+ Ch/U 6687

01 01 [äd]gü adl(1)g tügünü[]
02 02 []ng-niṅ yin-kä []
03 03 []g t(a)vgač bodumı ' []
04 04 []lämiš b(ä)k bäglär []
05 05 [m]iš täg tal taglıg (?) []
06 06 [] tiš käziglig in[]
07 07 []ug-lar al[]
08 08 []g[]ulmiš ar[]
09 09 [] ägrülü ulun-lag []
10 10 []qa yal(a)ṅuk-lar-lıg []
11 11 [] ärmäz käyik-lär u[]

lacuna of approximately 32 Chinese lines

Ch/U 7542

12 01 []n kavırlmadın kamag ta []
13 02 [] kadir katıg-ılanmakıñız []
14 03 []di ärsär anunup kälmiš tarjut-l[a]r []
15 04 urtı amtı-katägi amıl-ın enčin a[siz]	
16 05 -iṅ al-lıg inçgä biligiñiz ağır ulug []	
17 06 t[o]bač türk bodunın kalkan say-ta kamçı []	
18 07 -qa basgan oğlu tatar bodunın bars-qa bög[ü]	
19 08 xanı täg korkınçsız alp arslan ıduk t(ä)ṅri[]	
20 09 ašnu azag-laštukuñuz üçün agzanmiš y(a)rlıg []	
21 10 bodunın açınıu ağır-ın tapıg-ın tapını y(a)rlık[a]	

¹⁵ The fragments: Ch/U 6691+ Ch/U 6687; lacuna of approximately 32 Chinese lines; Ch/U 7542; lacuna of approximately 2 lines (according to the Chinese Recto side); Ch/U 7750 + Ch/ 7540; Ch/U 7547; a not localised fragment: Ch/U 6684. Photographs are available in the Digital Turfan Archive on the website of the Berlin Brandenburg Academy of Sciences and Humanities.

22 11	baxşı birlä iduq şazını tıtag-ınta ilk[i]
	<i>lacuna of approximately 2 lines (according to the Chinese Recto side)</i>	
	Ch/U 7750 + Ch/ 7540	
23 01	[o]lar []
24 02	[] năčä []
25 03	[] amıl k[ön]gl[üñüz]
26 04	[] sizin köñ[ül]
27 05	[] bodun-ug . [] []
28 06	[]-up . yalrı[]
29 07	[]n ükliyü []
30 08	[]bolu y(a)rıka[]
31 09	[yar]lıkadıñız . []
32 10	[]kañ siz[]
33 11	[t]amtulur ö[]
34 12	[x]an eligimiz ö[]
35 13	[] ulug bädük tn[]
36 14	[äd]gü-lüg ulug tö[rlüg]
37 15	[tın]l(i)g-larka umug [ınağ]
38 16	[] gu nā ti śa yai-r ¹⁶ []
39 17	[] ädgü-lüg []
40 18	[] burxan kutıña []
41 19	[]-lar üzä ükliyü asılu []
42 20	[]lıg kök kalık yüüzintä y[]
43 21	[y]u y(a)rıkar siz . du kham su kham []
44 22	[] bodun-nuñ bokun-nuñ sta vā []i []
45 23	[]z ärür ançulayu ok ärk üz[ä]
46 24	[] anın siz arka bodunug küzädgä[y]
47 25	[e]l-tä taşdıñkı-lar-qa bı bıç[gu]
48 26	[a] śe śa jñā tvāj jñā ta ko ¹⁷ []
49 27	[]mamak []
50 28	[]mak-ta []
51 29	[] s[u] pu ji tā []
52 30	[] ögrünč-lüg []
53 31	[]iç[]
	Ch/U 7547	
54 01	[]maz-a : boguk []
55 02	[]sur ärki . ud[]
56 03	[]duki ok täğ[]
57 04	[] körk . tirilür []

¹⁶ Explanation by D. Maue: “gu nā ti śa yai-ṛ. Sandhi (-r) of Instr. Pl. m./n. of *guñātiśaya-*, here either Tatpuruṣa ‘abundance of good qualities’ or Bahuvrīhi ‘having abundance of good qualities’ (cf. *ädgülg* in line 39).”

¹⁷ Explanation by D. Maue: “*aśeṣajñātvāj jñāta*ko ‘famous because of his omniscience’, Sandhi -j < -t in front of j; Sandhi -o < -as in front of voiced consonants plus a-.”

58 05 []	d[.]-läšinjiz tuta kälg[]]
59 06 []	ö]gdir ančo açığ a[]]
60 07 []	agladı takı bo tuz[]]
61 08 []	n kuvratduru kut[]]
62 09 []	inip . kurč-ta a[]]
63 10 []	m bo dha rma rā ja id[uk]]
<i>A fragment not localizable</i>		
Ch/U 6684		
64 01 []	beš ya[]]
65 02 []	asıg bolu[r]]
66 03 []	uzta ädgü yol-l[]]
67 04 []	-ka knt-tin ädgü []]

Translation

It is nearly impossible to present a continuous translation. Here I would like to mention some points. In line 03 “the people of China” (or: “the Chinese people”), followed by 04 “the lords (*bäglär*). The “creatures” (or: “human beings”) in line 10 may be a part of a metaphorical expression in connection with the following “wild animals” of line (11). A large lacuna disjoins the text from the following passage:

12 [...] without being pressed (?), all [...] 13 [...] your strong striving [...] 14 [...] if it was [...], the Taŋuts who have prepared and came, [...] 15 threw (established?). Up to now, in piece and rest [...] 16 through your fine knowledge of means [you have ...] 17 the people of the T[o]bač Türk in Kalkan Say [with (?)] whip [...] 18 to [...], Basgan oğlu the people of the Tatar to Bars [...] 19 [...] the fearless Alp Arslan like the Xan of the wise [...], the holy Tängri[kän ...] 20 because of your former failing the command you expressed [was not followed ...] 21 protecting the people of [...] with great respect serving [...] 22 with the Baxşı because of the holy discipline the primordial ...

This passage gives the impression as if a historical event is reported on, but in the following we find references to clear religious expressions like (Sanskrit) “I want to confess” (line 38), “to the Buddhahood” (line 40), or (Sanskrit) “Well-honoured One” (line 51). Also (Sanskrit) *dharmarāja* (in line 63) belongs to the religious sphere. Therefore it is possible to explain the text as a kind of a long colophon discussing the “outer” (= worldly) and “inner” (= religious) matters. Similar examples are known from the Avadāna colophons edited by M. Shōgaito.¹⁸

¹⁸ Shōgaito 1988.

*Notes*¹⁹

Lines 17 to 19 contain some interesting details on a certain Alp Arslan (“Brave Lion”) who is compared to the famous Böğ[ü Xan]. But this is already an emendation without any certainty. In line 17 a local place is mentioned: Kalkan Say. In the region of today’s Xinjiang *say* means inter alia “salty steppe”²⁰ and is used in many place-names as also the word *kalkan*, originally “shield.”²¹ The same place name is known from the fragment Ch/U 6885v32 *kalkan say-taki sakıg-ča* “like a Fata Morgana in Qalqan Say.”

Very enigmatic remains in line 17 the word before *türk* here read as *t[o]bač*. Presumably this is an epithet to the designation *türk*. At first sight I thought to read *[čo]bač* for *[čo]vač* recorded by Maḥmūd al-Kāšgarī as “the royal parasol was set up there; this is a parasol made of silk for the kings of the Turks under which they seek shade in the summer heat and take shelter from rain and snow.”²² Could this word be the etymon of the name of the Čuvaš? While J. Benzing regarded the name of the Čuvaš as not yet explained,²³ J. Németh proposed a derivation from Tatar *yivaš*.²⁴ But if the word in question is spelled *t[?]bač*, it represents, at any case, another ethnic name.

Persons called Alp Arslan are known from the colophon fragment U 709²⁵ in which a layman is mentioned who ordered a copy of the *Altun Yaruk Sudur*²⁶ or from a colophon of the *Säkiz yükmäk Yaruk sudur*.²⁷ But here it should be a high-ranking person, probably the ruling king.

Suzhou inscription of 1361

In the 1361 inscription from Suzhou²⁸ studied and edited by Geng Shimin²⁹ in line 03 we encounter the term Great Taḥut: *ulug³⁰ taḥut yerindäki Sügčü* “(the city of) 肃州 Suzhou in the country of the Great Taḥut.”

The term *ulug taḥut* either reflects their own dynastic name of 大夏 *Da Xia* “Great Xia” or is simply an addition by the Uighur writer of the inscription.

¹⁹ Here I want to express my thanks to J. U. Hartmann and D. Maue for their help in reading the Brāhmī characters. D. Maue also gave explanations of two compounds (fn. 16 and 17).

²⁰ Jarring 1997, p. 398: “hard, sterile soil with a thin sprinkling of gravelly débis on the surface,” “gravel desert” etc. On pp. 398–400 69 different place-names are listed in detail.

²¹ Jarring 1997, p. 342: “main beams in the horizontal edges of the ceiling,” “an arrangement in the walls of a fortress in the form of pointed corners for the protection of the fortress,” “a shelter against the sun or the wind.”

²² Clauson 1972, p. 395a.

²³ Benzing 1968, p. 62.

²⁴ Rejected by Golden 1992, p. 396: “but this is, by no means, conclusively demonstrated.”

²⁵ Raschmann 2005, No. 669.

²⁶ For further details cf. Zieme 1981, p. 90 with reference to Alp Arslan as a part of a king’s name.

²⁷ Oda 2010, Text volume, p. 201.

²⁸ Franke 2002, p. 262, n. 124; Franke 2003, pp. 143–156.

²⁹ Geng 1986.

³⁰ Not read by Geng Shimin (Geng 1986). I have to admit that this reading is not absolutely clear, but the most probable one.

In line 07 the attack against and the killing of the Taṅut by Genghis (Čiŋgis) Khan and his troops is recorded: *taṅut öldürüp alkıp yokadurup*³¹ “killing, extinguishing³² and quashing of the Taṅut.”

Taṅut čölgä

D. Matsui mentions the term *Taṅut čölgä* “the circuit of the Taṅut” in an inscription of the Mogao caves still unedited.³³ He supplied also a useful map showing some places of Buddhist pilgrimage in Mongol times.³⁴

Conclusion

The data show us convincingly that the name of the Taṅut is known from various sources throughout the history. The Xi-Xia state existed only two centuries, but the tribe(s) of the Taṅut were known as neighbours and/or enemies across several centuries in the indigenous sources of the Türks and Uighur even before and after the flourishing time of the Taṅut. S.-Ch. Raschmann documents in her contribution many persons in different types of text who were simply called “Taṅut.”³⁵

References

- Atwood 2010 — Atwood C. “The Notion of Tribe in Medieval China. Ouyang Xiu and the Shatuo Dynastic Myth.” In *Miscellanea Asiatica: Mélanges en l'honneur de / Festschrift in Honour of Françoise Aubin*. Ed. by D. Aigle et alii. Nettetal: Steyler Verlag, 2010, pp. 593–621.
- Bailey 1940 — Bailey H. W. “Tägutta.” In *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 10 (1940), pp. 599–605.
- Benzing 1968 — Benzing J. “Das Tschuwaschische.” In *Handbuch der Orientalistik*. I Abt., 5. Bd. Turkologie. Leiden–Köln: Brill Publishers, 1968.
- Clauson 1972 — Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Dankoff 1980 — Dankoff R. “Three Turkic Cycles Relating to Inner Asian Warfare.” In *Eucharisterion. Essays Presented to Omeljan Pritsak on His Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students*. Ed. by I. Ševčenko & F. E. Sysyn. Vol. III–IV. Pt. 1. Cambridge, MA: Harvard University Ukrainian Research Institute, 1979–1980, pp. 151–165.
- Dankoff, Kelly 1982 — Dankoff R. and Kelly J. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)*. I–III. Cambridge, MA: Harvard University Printing Office, 1982–1985.
- Dunnell 1984 — Dunnell R. W. “Who are the Tanguts? Remarks on Tangut Ethnogenesis and the Ethnonym Tangut.” In *Journal of Asian History*, 18 (1984), pp. 78–89.
- Erdal 2004 — Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill Publishers, 2004.
- Franke 2002 — Franke H. “Seitenwechsel zum Feind. Tanguten im Dienst der mongolischen Eroberer.” In *Saeculum*, 53 (2002), pp. 226–268.
- Franke 2003 — Franke H. “Zur chinesisch-uirgurischen Inschrift von 1361.” In *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 153 (2003), pp. 143–156.

³¹ Different reading in Geng 1986.

³² This example, although important for the meaning of the word in this tripartite conjunction, is not recorded in the new edition of the “Uigurisches Wörterbuch” (Röhrborn 2010, p. 48 sub **alk-**).

³³ The word *čölgä* < Mong. *čölge* “circuit,” cf. Matsui 2008, p. 27.

³⁴ Matsui 2008, p. 28.

³⁵ See: Raschmann S.-Ch. “The Personal Name Taṅut as Seen from the Old Uighur Texts” in this volume.

- Geng 1986 — Geng Shimin 耿世民. “Huihuwen ‘Dayuan Suzhou lu yeke daluhuachi Shixi zhi bei’ yanjiu” [Studies on the Uighur Inscription of ‘Da Yuan Suzhou lu yeke daluhuachi Shixi zhi bei’] 回鹘文〈大元肅州路也可達魯花赤世襲之碑〉研究. In *Xiang Da xiansheng jinian lunwenji* [Essays in Memory of Professor Xiang Da] 向達先生紀念論文集. Ed. by Yan Wenru 閻文儒 and Chen Yulong 陳玉龍. Urumqi: Xinjiang renmin chubanshe 新疆人民出版社, 1986, pp. 440–454.
- Golden 1992 — Golden P. B. *Introduction to the History of the Turkic Peoples*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1992.
- Jarring 1997 — Jarring G. *Central Asian Turkic Place-Names, Lop Nor and Tarim Area: An Attempt at Classification and Explanation Based on Sven Hedin’s Diaries and Published Works*. Stockholm: The Sven Hedin Foundation, 1997.
- Israpil 2011 — Israpil D. 迪拉娜·伊斯拉非尔. “国家图书馆藏‘畏吾儿写经残卷’跋文研究” [Study on a Colophon of an Uighur Miscellany in the National Library of China]. In *Minzu yuwen* 民族語文, 3 (2011), pp. 56–62.
- Kwanten 1982 — Kwanten L. “The Lexicography of the Hsi Hsia (Tangut) Language.” In *Cahiers de linguistique — Asie centrale*, 11 (2) (1982), pp. 55–67.
- Kuchanov 2008 — Кычанов Е.И. *История мангутского государства*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Matsui 2008 — Matsui Dai. “Revising the Uigur Inscriptions of the Yulin Caves.” In *Studies on the Inner Asian Languages*, 23 (2008), pp. 17–33.
- Oda 2010 — Oda Joten. *A Study on the Buddhist Sūtra Named ‘Säkiz yükmäk yaruq’ or ‘Säkiz törlügin yarumış yaltrimış’ in Old Turkic*. In 2 vols. Kyoto: Hōzōkan, 2010.
- Raschmann 2005 — *Alttürkische Handschriften. Teil 7: Berliner Fragmente des Goldglanz-Sūtras. Teil 3: Sechstes bis zehntes Buch, Kolophone, Kommentare und Versifizierungen, Gesamtkonkordanzen*. Beschrieben von S.-Ch. Raschmann. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005 (Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. 13,15).
- Röhrborn 2010 — Röhrborn K. *Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien*. Neubearbeitung. I. Verben Bd. 1: ab- – äzüglä-. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010.
- Rybatzki 2006 — Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006.
- Shi Jinbo, Bai Bin 1982 — Shi Jinbo 史金波, Bai Bin 白滨. “Mogaoku Yulinku xixiawen tiji yanjiu” [Study on the Xi-Xia Inscriptions in the Mogao and Yulin Caves] 莫高窟榆林窟西夏文題記研究. In *Kaogu xuebao* 考古學報, 3 (1982), pp. 367–386.
- Shōgaito 1988 — Shōgaito M. “Drei zum Avalokitesvara-sūtra passende Avadānas.” In *Der türkische Buddhismus in der japanischen Forschung*. Ed. by J.P. Laut, K. Röhrborn. Wiesbaden: Harrassowitz, 1988, pp. 56–99, 13 plates.
- Thackston 1998 — Rashiduddin Fazlullah. *Jami’u’t-Tawarikh: Compendium of Chronicles. A History of the Mongols*. Transl. and annotated by W.M. Thackston. Pt. 1. Cambridge, MA: Harvard University, Dept. of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998.
- User 2009 — User Ş. H. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları (Söz Varlığı İncelemesi)*. Konya: Kömen Yayınları, 2009.
- Zieme 1994 — Zieme P. “Review of K. Röhrborn, Die alttürkische Xuanzang-Biographie VII.” In *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 144 (1994), pp. 422–424.
- Zieme 1981 — Zieme P. “Materialien zum uigurischen Onomasticon II.” In *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten 1978–1979*. Ankara, 1981, pp. 81–94.
- Zieme 2005 — Zieme P. “Notizen zur Geschichte des Namens *sart*.” In *Turks and Non-Turks: Studies on the History of Linguistic and Cultural Contacts*. Ed. by E. Siemieniec-Gołaś & M. Pomorska. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2005, pp. 531–539 (Studia Turcologica Cracovensia 10).

Shi Jinbo

The Pillar of Tangutology: E.I. Kychanov's Contribution and Influence on Tangut Studies

Professor Evgenij Ivanovich Kychanov is well-known among the international academic community as an outstanding specialist who contributed greatly to the Tangut studies, triggering significantly the development and progress of research.

E.I. Kychanov has devoted himself to Tangut studies for more than half a century since 1959, when he set up with research of Tangut manuscripts collected in the Leningrad (St. Petersburg) Branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IOS RAS). He has made good use of a number of Tangut documents kept in his Institute and having started with the inventory work and paleography achieved great results and gained respect from his colleagues Tangutologists worldwide.

In 2012 we are celebrating Professor Kychanov's 80th anniversary and the whole international Tangutological community extend their sincere congratulations on this occasion.

My postgraduate career majoring in Tangut studies began in 1950s and since then I have known about Russian scholars' works in Tangut studies, including Professor Kychanov's monographs. I didn't meet him at that time, but had an imaginary contact with him. After the opening-up of China since the late 1970s, there was a recovery in academic exchange between China and Russia, and in Tangutology this process was faster than in any other field. In 1987, I was into luck to be one of the first Chinese Tangutologists visiting IOS RAS and met Professor Kychanov and other Russian scholars. From then on, I have known E.I. Kychanov for 25 years mostly through our research communication and cooperation. And we became good friends. He is 8 years older than me, therefore, I consider him as my Mentor. I have learnt a lot from him and his works and he is a great example to me. Hereupon I would like to speak about Professor Kychanov's great contribution and deep influence on the Tangut studies and it will be based on my own knowledge about him.

© Shi Jinbo, 2012

1. Inventory work with the Tangut collection

The Tangut Kingdom was a multinational country. The reign of Xi-Xia dynasty lasted for around two centuries. There is little information about it in the extant Chinese records and many historical blanks still remain unfilled. The Khara-Khoto manuscripts from the Russian collection are very diverse; they are of various philological and historical, cultural and religious, economic and military content. On the one hand, Professor Kychanov furthered the Tangut studies basing on the previous research and has developed it a lot; on the other hand, he mastered some other new fields in the Tangut studies and has made outstanding achievements as well.

Institute of Oriental Manuscripts (former St. Petersburg Branch of IOS RAS) is an internationally acknowledged center for the Tangut studies. It keeps a collection of Tangut manuscripts excavated by P.K. Kozlov's expedition from the Khara-Khoto in China in 1908. Having been brought to St. Petersburg, the Tangut manuscripts were studied by the Russian scholars who made an outstanding contribution into the deciphering of Tangut script.

Since the late 1950s, Professor Kychanov has begun to study the Tangut manuscripts collected in the Leningrad Branch of IOS RAS. After working for some years, E.I. Kychanov and Z.I. Gorbachova published the book *Tangutskie rukopisi i ksilografiy* where the contents of the Tangut manuscripts collected in Russia were described systematically and the secular documents were described in details. This catalogue has opened to the world more than 400 pieces of Khara-Khoto documents.¹ It should be noted that this publication was based on the previous pioneering research of A.I. Ivanov, N.A. Nevsky, A.A. Dragunov, etc. Having completed this significant work, Z.I. Gorbachova and E.I. Kychanov published it. E.I. Kychanov was only 31 when he became famous among the Tangut scholars.

When this Tangut catalogue saw the light, very few scholars were engaged into the Tangut studies in China. The book provided the world academic Tangutological community with valuable information and we highly appreciated it.

After the Cultural Revolution, the gradual recovery of Tangut studies in China began. The Tangutology became one of the main fields of research in the Institute of Nationalities, Chinese Academy of Social Sciences (CASS). The results of practical investigation of the Chinese sources and translations of the monographs on the Tangut studies from abroad were published. The third issue of *Minzushi yiwenzhi* (Collection of Translations on the History of Nationalities), the unpublished journal compiled in the Bureau of Historical Studies, Institute of Nationalities, CASS, published in 1978, was mainly composed of the Chinese translations of Tangut studies in the USSR. At first, the catalogue *Tangutskie rukopisi i ksilografiy* was translated into Chinese and published under the title *Xi-Xia wen xieben he kanben mulu*; later, E.I. Kychanov's introduction to the significant Tangut manuscript *More pis'men* was also translated into Chinese; and finally, the works on Tangut script and history published abroad were surveyed in Chinese in one article, which highlighted

¹ Gorbachova, Kychanov 1963.

E.I. Kychanov's achievements and he was appraised as "the leading scholar of Tangut studies in the USSR."²

By its content, the Russian collection of Tangut documents is mainly Buddhist. The Tangut Buddhist sutras are kept in ten of twelve large bookcases of the Tangut manuscripts in the Institute of Oriental Manuscripts (IOM RAS), St. Petersburg. The most of Tangut secular documents were briefly described in *Tangutskie rukopisi i ksilografy*, whereas the Tangut Buddhist sutras were listed only with Chinese and Sanskrit titles and shelf numbers. The comprehensive introduction to a greater number of Tangut Buddhist manuscripts became the further research target of E.I. Kychanov. He studied several thousand scrolls of Tangut Buddhist sutras and gave their detailed description. And his work *Katalog tangutskikh buddijskikh pam'yatnikov* was published in 1999.³ This catalogue includes a comprehensive description of 374 items, description of several thousand scrolls of Tangut Buddhist sutras from the Russian collection; the bibliographical data included their titles, shelf numbers, format, identification, script style, binding styles and other important details. This magnificent publication with more than 800 pages showed both the scholarly significance of the Russian Tangut collection and E.I. Kychanov's hard work on the representation of thousands of Tangut Buddhist sutras.

2. Decipherment and identification

Having devoted his life to the Tangut monuments, E.I. Kychanov got an extensive knowledge concerning the illegible Tangut script and the use of Tangut grammar in order to approach to the decipherment of Tangut literature.

In 1963, the same year when *Tangutskie rukopisi i ksilografy* was published, E.I. Kychanov in cooperation with M.V. Sofronov published *Issledovaniya po fonetike tangutskogo yazyka*.⁴ This book focused on the research of Tangut phonetics and gave a preliminary overview of the grammar of the dead Tangut language. In 1966, E.I. Kychanov and V.S. Kolokolov set forth a book *Kitajskaya klassika v tangutskom perevode*,⁵ where the facsimiles of the Tangut translations of the Chinese Confucian canons *Analects of Confucius*, *Mencius* and *Book of Filial Piety* were published. All the Tangut characters from the facsimiles were put into an index with Chinese translation; the book was supplied with Sino-Tangut dictionary in the Appendix. Therefore, E.I. Kychanov together with his colleague V.S. Kolokolov made a comprehensive concordance of the Tangut translations of three classics and their Chinese originals. The decipherment of a great number of Tangut characters resulted from translating the Tangut manuscripts into Russian and required a profound knowledge of Tangut grammar.

² Gorbacheva, Kychanov 1978; Kychanov 1978; Shi Jinbo, Bai Bin 1978.

³ Kychanov 1999.

⁴ Sofronov, Kychanov 1963.

⁵ Kolokolov, Kychanov 1966.

After another 3 years, in 1969, E.I. Kychanov in cooperation with K.B. Kepping, V.S. Kolokolov and A.P. Terent'ev-Katansky published *More pis'men* (Chin. *Wenhai*), the most significant dictionary of indigenous Tangut characters. This publication with Russian translation and the facsimile gave an excellent material for the further development of Tangut studies. *Wenhai* includes all the Tangut characters, even those of falling-rising tone, which were lost in the extant xylographic versions. Each Tangut character is followed by the commentary in 2-line smaller characters with analysis of graphic construction, the interpretation of character's meaning, and the transliteration of *fanqie* spelling. This dictionary is extremely significant for the knowledge of Tangut graphic semantics, the study of the Tangut graphic construction and the Tangut phonetics. It is inexplicable, however, that two volumes of this publication were received by the Library of Chinese Academy of Sciences (unexpectedly, it was classified as "literature") and the Library of Institute of Nationalities, CASS, respectively after their delivery from the USSR. As soon as I saw the book, I started to translate the Tangut texts of *Wenhai* into Chinese, as I understood its special significance for deciphering the Tangut characters. Later, my colleagues Huang Zhenhua and Bai Bin took part in the translation, interpretation and research of *Wenhai*. This work became the main project of the Institute of Nationalities, CASS. After several years of hard work, our publication *Wenhai yanjiu* (*A Study of Sea of Characters*) was published in 1983. The Chinese publication included the Chinese translation of the Tangut text and a profound research of the Tangut graphic construction, the Tangut phonetic system, and the Tangut social life based on the information got from this source.⁶

E.I. Kychanov worked on the decipherment of not only the abovementioned Tangut document. In 1974 he published *Vnov' sobrannye dragotsennye parnye iz-rechenija*, which represented the xylographic collection of Tangut proverbs translated into Russian.⁷ The Tangut proverbs were very hard to translate, as there were no relevant Chinese equivalents. Later on, basing on Kychanov's Russian translation, a Chinese Tangutologist Chen Bingying translated this collection of Tangut proverbs into Chinese. E.I. Kychanov's work became a very important source for the study of the Tangut society and popular literature.⁸

It is especially worth noticing that in 1987–1989 Prof. Kychanov published four volumes of *Izmenennyj i zanovo utverzhdennyj kodeks deviza tsarstvovaniya Nebesnoe protsvetanie* translated into Russian with a comprehensive research and facsimiles of the Tangut originals.⁹ The book included the full text of the Tangut code and gave the researchers a broad data on criminal, procedure, civil, military and administrative law of the Tangut Kingdom. The Tangut text consists of 20 volumes that are composed of 1461 articles broken into 150 categories. It was a very difficult task to make a translation as it needed a strong will, lots of time and outstanding personal abilities to complete the Russian translation and study of more than

⁶ Shi Jinbo, Bai Bin, Huang Zhenhua 1983.

⁷ Kychanov 1974a.

⁸ Chen Bingying 1993.

⁹ Kychanov 1987–1989.

1000 pages of the Tangut text. Due to his outstanding personal ability of deciphering and high juridical knowledge, E.I. Kychanov succeeded in studying the Tangut code and made a breakthrough in the Tangut studies.

A comprehensive reflection of political, economic, military and cultural situation of the Tangut state and society in this Russian publication attracted the scholarly attention of Tangutological community. When Professor Kychanov mailed his publication to us, we immediately decided to translate it into Chinese for the sake of its availability for Chinese scholars. After five years of joint efforts, our version of *Xi-Xia Tiansheng lüling* (*Tangut Code of Laws of Tiansheng Reign*) was published in 1994 in a series of *Zhongguo zhenxi falü dianji jicheng* (*Collection of Rare Chinese Juridical Documents*). Later we revised our work and published the renewed edition entitled *Tiansheng gaijiu xinding lüling* (*Amended and Re-approved Code of Tiansheng Reign*) within the series *Zhongguo chuanshi fadian congshu* (*The Series of the Extant Chinese Codes of Law*).¹⁰ From that time the publications on Tangut society and history with reference to the Chinese translation of the Tangut Code are appearing constantly.

Shortly in 1990, E.I. Kychanov and Herbert Franke published a joint study focusing on the Tangut military code *Zhenguan yujing tong* (*The Jasper Mirror of Commanding Troops from the Reign of Zhenguan*).¹¹ This code is fragmental; still it is especially significant for Tangutology. With reference to the original facsimiles published in appendix of this issue, Professor Chen Bingying also translated the Tangut text into Chinese and published with a profound research some 5 years later (in 1995).¹²

In 1995 E.I. Kychanov in cooperation with Chinese scholars Li Fanwen and Luo Maokun published in Chinese *Shengli yihai yanjiu* (*A Study of 'Sea of Meanings Established by Saints'*).¹³ In 1997 he published *More znachenij ustanovlennykh svyatymi* with translation of this Tangut encyclopedia into Russian.¹⁴ Another translation from Tangut into Russian *Zapis' u altarya o primireanii Konfutsiya* was published by Professor Kychanov in 2000.¹⁵ In 2009 he published this book in Chinese in collaboration with Nie Hongyin and Jing Yongshi.¹⁶

E.I. Kychanov's results in deciphering the Tangut texts were published in a great number of works within only a few years. He has a great research insight to select the most significant works from the Khara-Khoto collection and to consider their content for studying history, society and culture of Tangut people. Being one of his colleagues involved into translating of Tangut texts, I know what enormous efforts had to be done and I truly admire Professor Kychanov's talents and achievements.

¹⁰ Shi Jinbo, Nie Hongyin, Bai Bin 1994; Shi Jinbo, Nie Hongyin, Bai Bin 1999.

¹¹ Kychanov, Franke 1990.

¹² Chen Bingying 1995.

¹³ Kychanov, Li Fanwen, Luo Maokun 1995.

¹⁴ Kychanov 1997.

¹⁵ Kychanov 2000.

¹⁶ Kychanov, Nie Hongyin 2009.

3. Case studies

The main goal of the Tangut studies specialists worldwide is to reconstruct the history of Tanguts. There is a very rare information on Xi-Xia dynasty in the Chinese official records and they have plenty of ambiguous details. The Tangut documents and artifacts excavated in modern time show up the new ways to study the history of Xi-Xia. E.I. Kychanov's works help us to fill many gaps in this field. He completed his doctoral dissertation with the subject on Tangut history in 1959 and published *Ocherk istorii Tangutskogo gosudarstva* in 1968.¹⁷ Furthermore, he also published a series of articles on Tangut history, society and ethnicity, which in 2008 were issued in the collection of his works *Istoriya Tangutskogo gosudarstva* in more than 760 pages.¹⁸

E.I. Kychanov paid attention to the Tangut administrative and economic documents from the Russian collection. In fact, among the manuscripts that P.K. Kozlov brought from China, was a great amount of documents shedding light on the life of the Tangut society. There were manuscripts of different lengths and kinds, many of them written in cursive script and only a few were easy to read. All those illegible manuscripts were not included into the Russian descriptive catalogues. E.I. Kychanov rather early learnt about their scholarly significance and in 1971 published in English the article entitled "A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto,"¹⁹ where he studied a report of the General of Khara-Khoto in the second year of *Qianding* reign. Soon afterwards he deciphered and interpreted a fragment of Tangut land-selling contract in semi-cursive script of the 22nd year of *Tiansheng* reign,²⁰ which is a very significant one among the Khara-Khoto manuscripts for the study of Tangut society. This contract includes the contracting time, the names of contractors, the description of sold land, the prices (paid with cattle), the guarantees, the penalties for non-execution, the guarantors' and the witnesses' signatures, etc. This only one document on land-selling in Xi-Xia state first deciphered by E.I. Kychanov later was studied by many other Tangut studies researchers.²¹ E.I. Kychanov deciphered some other important texts from Russian Khara-Khoto collection, which are of a big value for the study of Xi-Xia economy, military history and administrative practice.²²

In the process of deciphering of the Khara-Khoto texts, E.I. Kychanov got a rich new data on Tangut words meaning. In order to share them with colleagues, he compiled a unique *Slovar' tangutskogo (Si Sya) yazyka*.²³ This extensive dictionary contains 5803 Tangut characters, each followed by the Tangut lexical meaning, phonetic reconstruction and translations into Russian, English and Chinese.

¹⁷ Kychanov 1968.

¹⁸ Kychanov 2008.

¹⁹ Kychanov 1971.

²⁰ Kychanov 1974b.

²¹ Huang Zhenhua 1984, pp. 313–319; Chen Bingying 1985, pp. 275–279; Shi Jinbo 2007, pp. 72–73; Matsuzawa 2010.

²² Kychanov 1977a; Kychanov 1977b.

²³ Kychanov 2006.

4. International cooperation

E.I. Kychanov is a person of profound learning, still we also know him as our helpful colleague and an academic research organizer. In 1997–2003 he was a Director of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, RAS.

Our cooperation with Professor Kychanov started in the middle of 1980s, when China and Russia (then USSR) decided to renew the scholarly relations. The Tangut studies became one of the fields of preference for visiting scholars' communications. In January, 1987, Professor Li Fanwen and I first visited Russia in the severe weather of minus 40–50 degrees Centigrade and broke the ice in the contacts between Tangutologists of both our countries. We became the first Chinese scholars who could see the Khara-Khoto documents and had personal experience of the hospitality of Russian scholars. When we arrived to Leningrad, E.I. Kychanov and M.V. Kryukov met us at the railway station.

I was much impressed by E.I. Kychanov's friendly attitude, venerable status, deep knowledge and serious working capacity. In St. Petersburg (then Leningrad) I communicated with him, L.N. Men'shikov, K.B. Kepping and other Russian scholars. E.I. Kychanov stated from the beginning that the publication of the Russian collection excavated from Khara-Khoto should be performed within the international cooperation. We all strived to make the Khara-Khoto documents collected in Russia available for the specialists all over the world.

During almost two weeks we worked with the Khara-Khoto documents in the Manuscript Department of the Institute of Oriental Studies in St. Petersburg. I was reading and copying the texts in the daytime and was looking through the records at night. And we gained a lot of knowledge during those ten days. We visited also the famous Hermitage Museum, where a rich collection of artifacts from all over the world is stored. We became acquainted with the art items from Dunhuang, Turfan and Khara-Khoto. Among the artifacts from Khara-Khoto, there were exquisite Buddhist paintings, rare clay sculptures, valuable engravings, etc. E.I. Kychanov always accompanied us, so we made friends with him. I had been to his home, and later he came to my house several times when visiting Beijing.

Some years later, Mr. Xu Zhuang, Editor-in-chief of the People's Publishing House of Ningxia (Ningxia renmin chubanshe), exerted every effort to arrange publishing of the Russian collection from Khara-Khoto in China. E.I. Kychanov was invited to China for discussing the details of this project and preliminary agreement was achieved. From the beginning, I supported this agreement and communicated with E.I. Kychanov for many times. Later, however, the initial intention changed for some reasons.

Both Professor Hu Sheng, President of CASS, and Professor Ru Xin, Vice-President of CASS, paid attention to the study of Dunhuang and Khara-Khoto documents collected in Russia and hoped to publish them in China. In 1992, I was entrusted to contact Russian scholars regarding this publication project. I wrote to E.I. Kychanov stating that CASS intends to cooperate with RAS in publishing the whole documents of Tangut, Chinese and other scripts excavated from Khara-Khoto. Soon we received

the reply from Professor Ju.A. Petrosyan, the Director of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, RAS, and E.I. Kychanov, the Deputy Director, where they agreed to cooperate with the Institute of Nationalities, CASS, in collation and publication of the Khara-Khoto documents. Ju.A. Petrosyan and E.I. Kychanov were invited to Beijing in spring 1993 to discuss and sign the agreement of joint publication with the Institute of Nationalities and Shanghai Chinese Classics Publishing House (Shanghai guji chubanshe). Director Petrosyan did not visit Beijing for some reason, but E.I. Kychanov kept his promise to come to China. And after negotiations between Chinese and Russian parties we reached an agreement on the joint publication, which was later signed by Director Petrosyan and Wei Tongxian, the Editor-in-chief of Shanghai guji chubanshe, and me.

According to this agreement, in 1993–2000 I led the groups of Chinese scholars to Russia for four times (every time for about 2-3 months) for working on collation, description and photographing of the Khara-Khoto documents. Among the Chinese scholars participating in these missions were Professors Bai Bin and Nie Hongyin from the Institute of Nationalities, CASS, senior editor Jiang Weisong and photographer Yan Keqin from Shanghai guji chubanshe. During all the working periods in Russia, we were supported and aided greatly by the Russian specialists headed by E.I. Kychanov. Setting up the initial standards for cataloguing we referred mainly to the pioneering models worked out by the Russian specialists. E.I. Kychanov presented to us his own records on collating Tangut Buddhist sutras. As a result, 14 volumes of *Ecang Heishuicheng wenxian (Khara-Khoto Manuscripts Collected in Russia)* have been published. Later we supposed their number would have reached to 20 volumes; the totality of copied documents published facsimile would compose around of 30 volumes. Due to the kind efforts of E.I. Kychanov, the Russian side provided the world wide academic community of Tangut studies with the materials for this publication.

In 1997, the ceremony to celebrate the publication of the 1st volume was attended by Tomur Dawamat, the Vice-Chair of the National People's Congress of the People's Republic of China, Ismail Ahmet, the State Councilor of the People's Republic of China, and other national leaders, the leaders of CASS and more than 60 famous scholars.

When we worked with the Tangut documents in Russia, we saw that some of them were not included into the descriptive catalogues. There were more than 1,100 items in total, which mainly represent the household registers, financial accounts, military orders, contracts, juridical documents, reports, letters, etc. The collection includes not only valuable documents which reflect the life of Tangut society, but also a number of texts on Song, Khitan-Liao, Jurchen-Jin dynasties. Though the most of those Tangut manuscripts were written in illegible cursive script and their decipherment and research is in great difficulty, they broaden our understanding in Tangutology and trigger the further development of Tangut studies. In order to publish these manuscripts in *Ecang Heishuicheng wenxian*, at least a title of each fragment should be determined; the rough content was in need for it. Thus, I began to grope for the Tangut cursive texts to decipher them. After reading the documents for

many times, I accumulated all types of Tangut cursive characters, paralleled the cursive features and sought for legible rules. Over a long period, my legibility of Tangut cursive characters was gradually promoted.

Besides, the study of Tangut social texts became a new field in science; the results are applicable to encourage the learning of Chinese economy, military arts and law as well as to learn more about the manuscripts excavated from Dunhuang and Turfan. After about 7 years of decipherment, I set up the preliminary directories for the Tangut social texts (in volumes 12, 13, 14 of *Ecang Heishuicheng wenxian*) used for writing articles on the Tangut socio-economic and military problems.²⁴ In 2007, CASS announced that my project “A Study of the Tangut Military Manuscripts” (*Xi-Xia junshi wenshu yanjiu*) should be of the priority of academic studies; and in the same year, another project of mine “A Study of the Tangut Economic Manuscripts” (*Xi-Xia jingji wenshu yanjiu*) was supported by the Chinese National Social Science Fund. In both of these projects tens of Tangut economic and military original texts and documents from Khara-Khoto collected in Russia were used, deciphered and studied together with other Tangut and Chinese documents. Both of those projects have been completed by now.

From 2011 I am in charge of the special project “A Study of Tangut Documents and Artifacts” (*Xi-Xia wenxian wenwu yanjiu*) approved by the Chinese National Planning Office of Philosophy and Social Sciences. According to the administrative terms, all the specialists and resources related to Tangut studies all over China were integrated to tackle this key problem for gaining research achievements of superior quality. In the same year, the Tangut researchers from Beijing, Ningxia, Gansu, Inner Mongolia, Hebei, Jiangsu, and Sichuan were organized to establish more than 20 sub-projects. Based on the project planning, there was one month seminar on Tangut manuscripts held in Ningxia University; in cooperation with Ningxia University, the second International Tangutological Forum was held in Wuwei, Gansu province, with more than 100 participators from China and abroad; in the meantime, the database of Tangut resources is available on the website of the project. And the approval of this project is closely related to the publication of *Ecang Heishuicheng wenxian*, which E.I. Kychanov participated in.

E.I. Kychanov contributed lots of efforts in broadening and developing the international cooperation within the Tangut studies. He is a real pillar of the international Tangut studies community. And he feels hale and hearty to continue his own research. As his friend and colleague, who learned a lot from him, I want to express my heartfelt regards, wish him health and longevity for bringing up more successors and making new progress in Tangut studies.

*Translated from Chinese by John Tang
(Tang Jun 唐均, Southwest Jiaotong University)*

²⁴ Shi Jinbo 2004; Shi Jinbo 2005a; Shi Jinbo 2005b; Shi Jinbo 2008; Shi Jinbo 2010. All those contents are later collected into the book: Du Jianlu, Shi Jinbo 2010.

References

- Chen Bingying 1985 — Chen Bingying 陳炳應. *Xi-Xia wenwu yanjiu* [Studies of Tangut Artifacts] 西夏文物研究. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川: 寧夏人民出版社, 1985.
- Chen Bingying 1993 — Chen Bingying 陳炳應. *Xi-Xia yanyu – xin jijin chengdui yanyu* [The Tangut Proverbs: New Collection of Proverbs in Joint Sentences] 西夏諺語——新集錦成對諺語. Taiyuan: Shanxi renmin chubanshe 太原: 山西人民出版社 1993.
- Chen Bingying 1995 — Chen Bingying 陳炳應. *Zhenguan yujing jiang yanjiu* [A Study of *Jasper Mirror of Commanding Troops*] 貞觀玉鏡將研究. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川: 寧夏人民出版社, 1995.
- Du Jianlu, Shi Jinbo 2010 — Du Jianlu 杜建錄, Shi Jinbo 史金波. *Xi-Xia shehui wenshu yanjiu* [Studies on Documents on the Xi-Xia Society] 西夏社會文書研究. Shanghai: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社, 2010.
- Gorbachova, Kuchanov 1963 — *Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР*. Сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Gorbachova, Kuchanov 1978 — З.И. 戈爾芭切娃, Е.И. 克恰諾夫. “Xi-Xia wen xieben he kanben mulu” [Catalogue of Tangut Manuscripts and Xylographs] 西夏文寫本和刊本目錄. Trans. by Bai Bin 白濱, rev. by Huang Zhenhua 黃振華. In *Minzushi yiwenji* [Collection of Translations on History of Nationalities] 民族史譯文集, 3 (1978), pp. 1–113 (Information Group of Bureau of Historical Studies, Institute of Nationalities, CASS 中國社會科學院民族研究所歷史研究室資料組編譯).
- Huang Zhenhua 1984 — Huang Zhenhua 黃振華. “Xi-Xia Tiansheng ershier nian maida wenqi kaoshi” [Study and Comments on the Land-selling Contract of the 22nd year of Tiansheng Reign of Xi-Xia] 西夏天盛二十二年賣地文契考釋. In *Xi-Xia shi lunwenji* [Collection of Articles on History of Xi-Xia] 西夏史論文集. Ed. by Bai Bin 白濱. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川: 寧夏人民出版社, 1984, pp. 313–319.
- Kolokolov, Kuchanov 1966 — *Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сю цзин)*. Факсимиле текстов. Предисл., словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1966 (Памятники письменности Востока IV).
- Kuchanov 1968 — Кычанов Е.И. *Очерк истории тангутского государства*. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Kuchanov 1971 — Kuchanov E.I. “A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto.” In *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 24(2) (1971), pp. 189–201.
- Kuchanov 1974a — *Вновь собранные драгоценные парные изречения*. Факсимиле ксилографа. Изд. текста, пер. с тангутского, вступ. статья и коммент. Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1974 (Памятники письменности Востока XL).
- Kuchanov 1974b — Кычанов Е.И. «Тангутский документ 1170 г. о продаже земли». In *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1971*. М.: Наука, ГРВЛ, 1974, с. 193–203.
- Kuchanov 1977a — Кычанов Е.И. «Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.)». In *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972*. М.: Наука, ГРВЛ, 1977, с. 139–145.
- Kuchanov 1977b — Кычанов Е.И. «Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото». In *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972*. М.: Наука, ГРВЛ, 1977, с. 146–152.
- Kuchanov 1978 — Е.И. 克恰諾夫. “Xi-Xia wen zidian *Wenhai he Wenhai zalei jiqi zai Xi-Xia cishu zhong de diwei*” [The Tangut Dictionaries *Sea of Characters* and *Sea of Characters*,

- Mixed Categories and Their Significance*] 西夏文字典〈文海〉和〈文海雜類〉及其在西夏辭書中的地位. Trans. by Shi Jinbo 史金波, ed. by Huang Zhenhua 黃振華. In *Minzushi yiwenji* [Collection of Translations on the History of Nationalities] 民族史譯文集, 3 (1978), pp. 114–123 (Information Group of Bureau of Historical Studies, Institute of Nationalities, CASS 中國社會科學院民族研究所歷史研究室資組編譯).
- Kychanov 1987–1989 — *Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169)*. В 4-х кн. Изд. текста, пер. с тангутского, исследование и примеч. Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989 (Памятники письменности Востока LXXXI,1–4).
- Kychanov 1997 — *Море значений, установленных святыми*. Факсимиле ксилографа. Изд. текста, предисл., пер. с тангутского, коммент. и прилож. Е.И. Кычанова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997 (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия IV).
- Kychanov 1999 — *Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской академии наук*. Сост. Е.И. Кычанов; вступ. статья Нисида Тацуо; подготовка издания Аракава Синтаро. Киото: Университет Киото, 1999.
- Kychanov 2000 — *Запись у алтаря о примирении Конфуция*. Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с тангутского, вступ. статья, коммент. и словарь Е.И. Кычанова. М.: Восточная литература, 2000 (Памятники письменности Востока, CXVII).
- Kychanov 2006 — *Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь*. Сост. Е.И. Кычанов. Со-сост. Аракава Синтаро. Киото: Университет Киото, 2006.
- Kychanov 2008 — Кычанов Е.И. *История тангутского государства*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Kychanov, Franke 1990 — Kychanov E.I., Franke H. *Tangutische und chinesische Quellen zur Militärgesetzgebung des 11. bis 13. Jahrhunderts*. Vorgetragen in der Sitzung vom 2. Februar 1990. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1990 (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, NF 104).
- Kychanov, Li Fanwen, Luo Maokun 1995 — Kychanov E.I. 克恰諾夫, Li Fanwen 李范文, Luo Maokun 羅矛昆. *Shengli yihai yanjiu* [A Study of *Sea of Meanings Established by Saints*] 聖立義海研究. Yinchuan: Ningxia renmin chubanshe 銀川: 寧夏人民出版社, 1995.
- Kychanov, Nie Hongyin 2009 — Kychanov E.I. 克恰諾夫, Nie Hongyin 聶鴻音. “Xi-Xia wen Kongzi he tan ji yanjiu” [A Study of *The Altar Record of Confucius' Conciliation in Tangut*] 西夏文“孔子和壇記”研究. Beijing: Minzu chubanshe 北京: 民族出版社 (Xi-Xia xue yicong [Series of Translations on Tangut Studies] 西夏學譯叢).
- Matsuzawa 2010 — Matsuzawa Hiroshi 松澤博. “Bui Seika hakubutsukan zō Gaimodō shutsudo Seikabun keiyaku bunsho ni tsuite” [On the Tangut Contract Texts Collected in Wuwei Tangut Museum and Excavated from Haimu Cave] 武威西夏博物館藏亥母洞出土西夏文契約文書について. In *Tōyō shien* [The Bulletin of the Society of Oriental Researches] 東洋史苑, 75 (2010), pp. 21–64.
- Shi Jinbo 2004 — Shi Jinbo 史金波. “Xi-Xia huji chutan” [A Preliminary Research of Xi-Xia Household Registers] 西夏戶籍初探. In *Minzu yanjiu* [Studies on Nationalities] 民族研究, 5 (2004), pp. 64–72.
- Shi Jinbo 2005a — Shi Jinbo 史金波. “Xi-Xia liangshi jiedai qiye yanjiu” [A Study of Tangut Grain-loaning Contracts] 西夏糧食借貸契約研究. In *Zhongguo shehui kexueyuan xueshu weiyuanhui jikan* [Bulletin of the Academic Committee, CASS] 中國社會科學院學術委員會集刊, 1 (2005), pp. 186–204.
- Shi Jinbo 2005b — Shi Jinbo 史金波. “Xi-Xia nongye zushui kao” [On the Agricultural Taxation in Xi-Xia] 西夏農業租稅考. In *Lishi yanjiu* [Historical Research] 歷史研究, 1 (2005), pp. 107–118.

- Shi Jinbo 2007 — Shi Jinbo 史金波. *Xi-Xia shehui* [The Tangut Society] 西夏社會. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe 上海: 上海人民出版社, 2007.
- Shi Jinbo 2008 — Shi Jinbo 史金波. “Xi-Xia de wujia, maimaishui he huobi jiedai” [Prices of Commodities, Trading Taxation and Currency Loaning in Xi-Xia]. 西夏的物價、買賣稅和貨幣借貸. In *Song shi yanjiu lunwenji* [Collection of Articles on the Song History Studies] 宋史研究論文集. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe 上海: 上海人民出版社, 2008, pp. 440–458.
- Shi Jinbo 2010 — Shi Jinbo 史金波. “Xi-Xia junchao wenshu chushi” [A Preliminary Decipherment of the Military Statements of Xi-Xia] 西夏軍抄文書初釋. In *Zhongguo duo wenzi shidai de lishi wenxian yanjiu* [Study on Historical Documents of Multi-script Period in China] 中國多文字時代的歷史文獻研究. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe 北京: 社會科學文獻出版社, 2010, pp. 241–252.
- Shi Jinbo, Bai Bin 1978 — Shi Jinbo 史金波, Bai Bin 白濱. “Guowai yanjiu Xi-Xia wen, Xi-Xia shi jiankuang” [A Brief Survey of the Studies on Tangut Script and Tangut History Abroad] 國外研究西夏文、西夏史簡況. In *Minzushi yiwenji* [Collection of Translations on Ethnic History] 民族史譯文集, 3 (1978), pp. 124–130 (Information Group of Bureau of Historical Studies, Institute of Nationalities, CASS 中國社會科學院民族研究所歷史研究室資組編譯).
- Shi Jinbo, Bai Bin, Huang Zhenhua 1983 — Shi Jinbo 史金波, Bai Bin 白濱, Huang Zhenhua 黃振華. *Wenhai yanjiu* [A Study of Sea of Writings] 文海研究. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe 北京: 中國社會科學出版社, 1983.
- Shi Jinbo, Nie Hongyin, Bai Bin 1994 — *Xi-Xia Tiansheng lüling* [Tangut Code of Laws of Tiansheng Reign] 西夏天盛律令. Trans. and commented by Shi Jinbo 史金波, Nie Hongyin 聶鴻音, Bai Bin 白濱. Beijing: Kexue chubanshe 北京: 科學出版社, 1994.
- Shi Jinbo, Nie Hongyin, Bai Bin 1999 — *Tiansheng gaijiu xinding lüling* [Amended and Re-approved Code of Tiansheng Reign] 天盛改舊新定律令. Trans. and commented by Shi Jinbo 史金波, Nie Hongyin 聶鴻音, Bai Bin 白濱. Beijing: Falü chubanshe 北京: 法律出版社.
- Sofronov, Kuchanov 1963 — Софронов М.В., Кучанов Е.И. *Исследования по фонетике тангутского языка (предварительные результаты)*. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

Т.И. Юсупова

Общее и частное значение археологических открытий в Хара-Хото

Горы. Гоби. Жаркие ладони
Нам к лицу протягивает ветер.
Ветер колесо бессмертья гонит
Через Гоби, горы, годы, степи.

*Л. Букина*¹

Уникальные археологические находки в Хара-Хото, сделанные Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К. Козлова, дали науке ключи к тайнам тангутской истории и культуры и обогатили российские музеи выдающимися коллекциями восточных рукописей, книг и художественных произведений. Кроме своего главного, общепризнанного исторического значения это археологическое открытие повысило престиж российской науки в изучении Центральной Азии и, несомненно, сыграло важную роль в жизни руководителя экспедиции, замечательного российского путешественника Петра Кузьмича Козлова (1863–1935).

К началу Монголо-Сычуаньского путешествия П.К. Козлов уже был одним из самых авторитетных исследователей Центральноазиатского региона. Он участвовал в 4-й Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883–1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889–1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893–1895 гг. и, наконец, в Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг., которую возглавлял лично. Во время путешествия в Монголию и Кам талант Козлова проявился особенно ярко. Экспедиция прошла со съемкой более 10 тыс. км по труднодоступным и неисследованным территориям Монголии, Центрального Китая и Восточного Тибета (Кама). В Санкт-Петербург Козлов привез огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Кама, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно не

¹ Цит. по: Яцковская 2002, с. 269.

изученных областей Центральной Азии. Об экспедиции писали отечественные и зарубежные газеты и научные журналы².

За этот вклад в изучение Центральной Азии Русское географическое общество наградило путешественника своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью (1902). До этого труды Козлова были уже отмечены в 1891 г. серебряной медалью им. Н.М. Пржевальского³ и получили признание на международном уровне избранием его в 1896 г. почетным членом Королевского голландского географического общества.

Информация о его новой, Монголо-Сычуаньской экспедиции появилась 13–14 июля 1907 г. в большинстве петербургских и многих московских газетах («Биржевые ведомости», «Новое время», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Русские ведомости», «Россия», «Русь», «Торгово-промышленная газета» и др.). Содержание заметок варьировалось от краткой информации, что «5 июля подполковник П.К. Козлов имел счастье представиться Государю Императору в Петергоф-Александрии», до подробного изложения целей и маршрута экспедиции. Чуть позже было напечатано интервью с самим путешественником («Петербургская газета», 19 июля 1907). Правда, все газеты сообщали, что экспедиция выступает в августе, в действительности же по ряду организационных причин она началась в октябре 1907 г.

Дальнейшие события хорошо известны из публикаций самого П.К. Козлова⁴ и исследований современных историков⁵. «Географическое» открытие Хара-Хото для европейцев сделал ученик П.К. Козлова, участник его Монголо-Камской экспедиции Ц.Г. Бадмажапов, а вот принесшее этому городу мировую славу археологическое открытие по праву принадлежит экспедиции Козлова и ему лично как руководителю, сумевшему подобрать сотрудников, поставить перед ними задачу, организовать и, что немаловажно, вдохновить их на тяжелую работу.

Хотелось бы отметить, что условия, в которых проходила Монголо-Сычуаньская экспедиция, были непростыми в географическом и климатическом понимании, а нередко представляли серьезную опасность для жизни. Несколь-

² См., напр.: Deniker 1902; Nachrichten 1902; RTA.

³ В 1946 г. было утверждено новое Положение РГО о медалях, по которому эта медаль стала Золотой медалью им. Н.М. Пржевальского.

⁴ Козлов 1923.

⁵ Андреев 1997, с. 61–87; Кычанов 2001, с. 76–80; Юсупова 2008, с. 112–129. Впрочем, как это нередко бывает, «новое — это хорошо забытое старое». Еще в 1923 г. в рецензии на книгу П.К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» Д.Н. Анучин писал: «Само открытие Хара-Хото принадлежит не исключительно П.К. Козлову; он сам говорит, что первое известие об этих развалинах он получил из описания путешествия Г.Н. Потанина, который слышал о них от монголов, хотя сам и не мог их посетить. Но еще более данных об этих развалинах было собрано Ц.Г. Бадмажаповым, образованным бурятом, который был спутником Козлова в его предшествовавшей экспедиции 1899–1901 гг. Разъезжая по своим торговым делам, Бадмажапов, как мы слышали, посетил и Хара-Хото, снял там несколько фотографий и, при описании, послал их в РГО, которое, однако, его письмо не опубликовало ввиду того, что тогда отправлялась экспедиция Козлова, которой предстояло проверить и дополнить сообщенные сведения» (Анучин 1923, с. 402).

ко раз у экспедиции возникали конфликтные ситуации с местными князьями, с настороженностью принимавшими иностранцев, да еще с оружием, на своей территории⁶. Самым опасным был инцидент в княжестве Луцца, едва не погубивший путешественников, с трудом отбивших ночное нападение известного своей воинственностью местного населения. Этот эпизод подробно описан Козловым⁷.

Археологические находки в Хара-Хото несколько затмили другие, не менее значимые достижения экспедиции⁸. Сотрудники Козлова проделали большую работу по географическому изучению территорий, по которым проходил их маршрут, в том числе, как и было запланировано, низовья Эдзин-гола с озерами Сого-Нур и Гашун-Нур⁹. Впервые были проведены лимнологические работы на оз. Кукунор, причем с применением своеобразного ноу-хау — разборной брезентово-пробковой лодки. Особой географической заслугой экспедиции считается изучение северо-восточной части Тибетского нагорья — Амдо, проходившее в тяжелых условиях высокогорной местности (от 4300 до более 4800 м над уровнем моря). Кроме того, были собраны ценные этнографические сведения о тибетских племенах и коллекция бытовых и религиозных предметов¹⁰.

Как всегда Козлов доставил в Петербург богатые зоологические и ботанические коллекции, которые по традиции были переданы для изучения в Ботанический сад и Зоологический музей Академии наук. Одной из наиболее ценных зоологических находок экспедиции стал маленький тушканчик, пойманный 22 мая 1909 г. вблизи развалин Хара-Хото. Как впоследствии выяснилось, это животное принадлежало к совершенно новому роду и виду. Сотрудник Зоологического музея Б.С. Виноградов, изучавший привезенные сборы, присвоил ему имя П.К. Козлова — *Salpingotus Kozlovi*¹¹.

Ход экспедиции широко освещался в российской и зарубежной печати¹². «Известия ИРГО» регулярно публиковали письма, посылаемые Козловым в Географическое общество, где он скрупулезно описывал пройденный маршрут и результаты исследований¹³. Сообщения о своей деятельности Козлов также направлял в другие научные общества и отдельным ученым. Один из

⁶ В состав экспедиции входило около 20 человек, конвой был набран из казаков и гренадеров, которые были в целях безопасности вооружены.

⁷ Козлов 1923, с. 422–425.

⁸ Подробно см.: Овчинникова 1964.

⁹ Специальное геологическое изучение этой местности провел участвовавший в экспедиции геолог А.А. Чернов. См.: Чернов 1908; Чернов 1909.

¹⁰ Итс 1961.

¹¹ Виноградов 1923.

¹² Открытие 1909, с. 5–6. См. также: *Kozloff P.K. The Mongolia-Szechuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // The Geographical Journal. 1909. Vol. XXXIV. № 4, October. P. 384–408; The Geographical Journal. 1910. Vol. XXXVI. № 3, September. P. 288–309; Kozlov P. Spedizione nella Mongolia e nel Seciuian // Bollettino della Societa Geografica Italiana. Serie IV. Vol. XII. № 6. P. 758–775; № 8. P. 865–885. Roma, 1911.*

¹³ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. III, с. 171–174. Вып. V, с. 299–316. Вып. VII, с. 453–458; Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I, с. 121–125, 147–173. Вып. VII, с. 407–432.

них — авторитетнейший географ Д.Н. Анучин посчитал полученную информацию Козлова о первом посещении Хара-Хото настолько важной, что опубликовал присланное ему письмо в газете «Русские ведомости»¹⁴ и сопроводил своими комментариями, где одним из первых указал на значимость открытия Хара-Хото для престижа российской археологии.

Дело в том, что с конца XIX в. развернулось своего рода соревнование между исследователями ведущих мировых держав по научному освоению Центральной Азии. Решая чисто научные задачи, эти ученые в то же время способствовали увеличению влияния своих государств в исследуемом регионе, что являлось немаловажным фактором в условиях активизации борьбы за контроль над обширнейшими рынками сбыта и источниками сырья в ослабленном внутренними проблемами Китае. Хорошо снаряженные немецкие, английские, французские, японские экспедиции одна за другой делали географические и археологические открытия и добывали ценный научный материал в обнаруженных ими развалинах древних городов в Восточном Туркестане, в бассейне р. Тарим, в Турфанской котловине и других местах¹⁵.

Российские ученые, географический авторитет которых после путешествий Н.М. Пржевальского и его учеников был очень высок, в археологическом плане до открытий экспедиции Козлова отставали. Как отмечал Д.Н. Анучин, «русским исследователям трудно было соперничать с [...] богато обставленными экспедициями англичан, немцев и др.»¹⁶. Хотя в конце XIX — начале XX в. Н.Ф. Петровскому, Д.А. Клеменцу, М.М. Березовскому удалось приобрести в Турфане и Китайском Туркестане интересные рукописные материалы и произведения искусств, но, «не имея в своем распоряжении значительных средств, они не могли собрать многого и не в состоянии были производить продолжительные систематические раскопки»¹⁷. В связи с этим в широких научных и общественных кругах наблюдался повышенный интерес к результатам работ П.К. Козлова, и его возвращения с нетерпением ждали не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в городах, через которые экспедиция возвращалась домой. Особенно тепло и радушно, причем на самом высоком административном уровне, Козлова встретили в Иркутске, где генерал-губернатор устроил прием в его честь¹⁸. За ходом экспедиции Козлова с большим вниманием следил С.Ф. Ольденбург. В это время он готовил свою Первую туркестанскую экспедицию и, разминувшись с Козловым в Петербурге, по пути из Турфана в Кучар прислал в РГО телеграмму с просьбой передать тому горячие поздравления с блестящими успехами¹⁹.

¹⁴ Анучин 1909.

¹⁵ В этот период были совершены Турфанские экспедиции А. Грюнведеля (1902–1903, 1905–1907), А. Лекока и Т. Бартуса (1904–1907), экспедиции А. Стейна (1906–1908), Э. Шаванна (1906–1908), Отани Кодзуй (1902–1904) и др.

¹⁶ Анучин 1909.

¹⁷ Там же.

¹⁸ АРГО. Ф. 1-1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 62.

¹⁹ АРГО. Ф. 1-1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 71.

Торжественный прием в честь Козлова готовило и РГО. Празднования планировали провести в только что построенном собственном доме Общества в Демидовом переулке, 8 (сейчас Гривцов переулок, 10). Однако, как писал путешественнику секретарь Общества А.А. Достоевский, «ввиду огромного количества народа, который желает Вас слушать, и большого числа лиц особо приглашенных», а также учитывая, что зала может вместить всего 500 человек, Совет РГО принял решение провести прием в 1-м Кадетском корпусе, на Васильевском острове²⁰. В новом здании в Демидовом переулке было решено устроить выставку всего привезенного Козловым «научного богатства». Она открылась в начале февраля 1910 г. и имела большой успех: в течение месяца ее осмотрели около 12 тыс. посетителей²¹. Безусловно, для ученых главный интерес представляли находки из Хара-Хото. Но и просто любопытствующим здесь было чем полюбоваться: этнографические материалы, буддийская живопись и скульптура, ботанические и зоологические сборы и др.

Очередной географический подвиг Петра Кузьмича был отмечен со стороны Генерального штаба производством его в марте 1910 г. в чин полковника, со стороны РГО — выбором в апреле 1910 г. в почетные члены Общества. Чуть позже его заслуги были отмечены зарубежными научными учреждениями. Началось все с приглашения посетить Лондон. Это приглашение Козлов получил от П.А. Кропоткина, который проживал в столице Великобритании уже более 20 лет и тесно сотрудничал с Королевским географическим обществом. Именитый географ и революционер писал своему младшему коллеге: «Я столько лет с любовью следил именно за Вашими работами и так наслаждался, когда Вы давали общие описания природы... так радовался Вашим успехам, что для меня составит особое удовольствие быть чем бы то ни было полезным Вам. Лично познакомиться с Вами и познакомить Вас с женою и дочерью будет большое удовольствие»²².

Козлов прибыл в Лондон 28 сентября 1910 г. и в тот же день посетил Географическое общество, а вечером за ужином в семье Кропоткиных его «без конца... расспрашивали о путешествии, о Хара-Хото». На следующий день он побывал в Британском музее, куда взял с собой некоторые образцы из харахотинских коллекций, чтобы, как он писал своей будущей жене Е.В. Пушкаревой, «сравнить с богатством, добытым англичанами». «Угрюмые англичане, — делился Козлов впечатлениями, — пришли в восторг от образцов сборов в Хара-Хото. <...> Они смаковали, нюхали книги и образа Хара-Хото, а я сдержанно, тихо, в душе, улыбался»²³. Здесь же он познакомился с англий-

²⁰ АРГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 216. Письмо от 17 января 1910 г. Торжественное заседание прошло в присутствии великого князя Николая Михайловича. В зале собралось более двух тысяч человек.

²¹ Так, большой фоторепортаж с выставки был опубликован в журнале «Огонек»: Выставка коллекций Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. полковника П.К. Козлова в залах Императорского Географического общества в Санкт-Петербурге // Огонек. 1910. № 6. С. 8–9.

²² Цит. по: Маркин 2002, с. 274. Письмо к П.К. Козлову от 9 сентября 1910 г.

²³ Архив музея П.К. Козлова в Санкт-Петербурге. Ф. 1. Оп. 6. Письмо к Е.В. Пушкаревой от 29 сентября 1910 г.

ским путешественником и археологом А. Стейном, который затем сам в 1914 г. приехал в «мертвый город», чтобы произвести раскопки²⁴.

Позже, 16 марта 1911 г., Козлов получил сообщение, что Совет Географического общества в Лондоне наградил его золотой медалью за ценный вклад, внесенный начиная с 1883 г. в изучение Центральной Азии²⁵. В это же время он был избран почетным членом Венгерского и награжден золотой медалью Итальянского географических обществ.

Через два года, в 1913 г., за изучение и публикацию материалов о Центральной Азии Козлов получил премию им. П.А. Чихачева Французской академии наук. Инициатором выдвижения Козлова на эту награду был президент Географического общества Франции принц Бонапарт. Великий князь Константин Константинович обратился в связи с этим к С.Ф. Ольденбургу с просьбой предоставить принцу «самые существенные, главные данные об ученой деятельности нашего с вами приятеля»²⁶. Кроме Козлова эту премию получили еще только три российских путешественника: Г.Е. Грумм-Гржимайло (1893), В.А. Обручев (дважды, в 1897 и 1925), Ю.М. Шокальский (1911).

Козлов был прекрасным лектором, умел и любил рассказывать о своих путешествиях. Его выступления пользовались большим успехом, особенно после того как он начал показывать диапозитивы с фотографий, сделанных во время путешествия и с археологических находок. Одна из первых лекций о Монголо-Сычуаньской экспедиции была прочитана 25 марта 1910 г. в Царском Селе для императорской семьи и ее приближенных. Примерно через год, 5 марта 1911 г., Козлов познакомил Николая II с экспозицией, посвященной харахотинским находкам, подготовленной в Этнографическом отделе Русского музея имени имп. Александра III, куда они были переданы по высочайше одобренному решению РГО. «Государь то сам спрашивал о том о сем, то подводил к более интересным предметам», — описывал эту встречу Козлов в письме к Е.В. Пушкаревой. Во время осмотра коллекций Николай удовлетворил просьбу РГО передать рукописи из Хара-Хото в Азиатский музей Академии наук²⁷.

В период 1911–1920 гг. Козлов подготовил несколько публикаций, в которых были отражены главные результаты путешествия²⁸. Издание обстоятельного труда отодвинули вначале организация новой (хотя и несостоявшейся) экспедиции, затем Первая мировая война и последовавшие бурные политические события. Опубликовать книгу «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» удалось только в 1923 г. Уже несколько подзабытое открытие вновь привлекло широкое общественное внимание. Известный немецкий путешественник В. Фильхнер, находившийся в это время в Москве, попросил у Козло-

²⁴ Stein 1928.

²⁵ РГО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 12 и Д. 27.

²⁶ Юсупова 2010, с. 203.

²⁷ Архив музея П.К. Козлова в Санкт-Петербурге. Ф. 1. Оп. 6. Письмо к Е.В. Пушкаревой от 7 марта 1911 г.

²⁸ Козлов 1911; Козлов 1913а; Козлов 1913б; Козлов 1920.

ва разрешение перевести ее на немецкий язык, и в начале 1925 г. она вышла в Германии²⁹.

В. Фильхнер объяснил свое желание познакомить с этим трудом Козлова немецких читателей тем, что считал очень важным, чтобы его соотечественники лучше узнали о замечательных заслугах русских в географических исследованиях.

Однако помимо этого обстоятельства Фильхнер преследовал и определенные политические цели. Публикация книги российского путешественника в Германии имела в те годы важное значение для возобновления прерванного войной и революциями международного научного сотрудничества, восстановлению которого ничто не может служить лучше, как подчеркивает в редакторском предисловии Фильхнер, чем выдающиеся успехи крупного ученого. Козлов, по мнению немецкого путешественника, «особенно подходит для роли такого посредника; с редким упорством осуществлял он свои планы исследования Азии и своими открытиями не только принес почет и уважение своему Отечеству, но и завоевал признание всего образованного мира»³⁰.

Полностью присоединяясь к этим словам, я хотела бы отметить, что открытие Хара-Хото принадлежит не только и не столько конкретному человеку, сколько российской науке в целом. Коллекции ожили и «заговорили» не в последнюю очередь благодаря знаниям и высокому профессионализму исследователей и реставраторов, изучавших и до сих пор изучающих археологические находки и рукописи из «мертвого города». Одно из главных мест в этой плеяде принадлежит Евгению Ивановичу Кычанову, который является не только выдающимся исследователем, но и блестящим популяризатором истории государства Си Ся. Скрупулезно собранный фактологический материал он умеет излагать ярким, образным, живым языком, что делает понятным и близким события, свершившиеся много веков назад. Это особый талант, присущий далеко не каждому ученому. Автор статьи испытывает чувство особенной благодарности к Евгению Ивановичу за огромный и важный вклад в исполнение пожелания нашего героя, замечательного российского путешественника П.К. Козлова, обращенного к российским ученым: приложить «все усилия, средства и умение, чтобы достойным образом обработать и издать труды и материалы Хара-Хото»³¹.

Литература

- Андреев 1997 — *Андреев А.И.* О том, как был дважды открыт мертвый город Хара-Хото // От Байкала до священной Лхасы. СПб.; Самара; Прага: Агни, 1997. С. 61–87.
 Анучин 1909 — *Анучин Д.Н.* Из экспедиции Козлова // Русские ведомости. 1909. 20 сентября. С. 2.

²⁹ Kozlov 1925. Предисловие к этой книге написал знаменитый шведский путешественник Свен Гедин. Второй перевод на немецкий язык был осуществлен в 1955 г.: Kozlov 1955. Книга также была переведена на японский и китайский языки.

³⁰ Kozlov 1925. S. IVX.

³¹ АРГО. Ф.18. Оп. 1. Д. 157. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия. № 4.

- Анучин 1923 — *Анучин Д.Н.* Экспедиция П.К. Козлова в Центральную Азию // Восток. 1923. № 3.
- АРГО — Архив Русского географического общества.
- Виноградов 1923 — *Виноградов Б.С.* Заметка о своеобразном новом роде и виде тушканчика из Хара-Хото (Монголия) // Козлов 1923. С. 540–545.
- Итс 1961 — *Итс Р.Ф.* Китайские коллекции Петра Кузьмича Козлова в собраниях МАЭ // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XX. М.; Л., 1961. С. 5–29.
- Козлов 1911 — *Козлов П.К.* Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото. СПб., 1911 (тип. Н.Я. Стойковой).
- Козлов 1913 — *Козлов П.К.* Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету. СПб., 1913 (тип. Главного управления уделов).
- Козлов 1913 — *Козлов П.К.* Мертвый город Хара-Хото // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М.: Об-во любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском ун-те, 1913. С. 31–45.
- Козлов 1920 — *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920 (15-я Гос. тип.).
- Козлов 1923 — *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция РГО в Нагорной Азии 1907–1909. М.; Пг.: ГИЗ, 1923.
- Кычанов 2001 — *Кычанов Е.И.* Соблазн славы // Восточная коллекция. Осень 2001. С. 76–80.
- Маркин 2002 — *Маркин В.А.* Неизвестный Кропоткин. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Овчинникова 1964 — *Овчинникова Т.Н.* П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М.: Наука, 1964.
- Открытие... 1909 — Открытие мертвого города русским путешественником // Огонек. 1909. № 44. С. 5–6.
- Чернов 1908 — *Чернов А.А.* Низовье Эдзин-гола. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. VII. С. 459–466.
- Чернов 1909 — *Чернов А.А.* От Гурбан-Сайхан через низовье Эдзин-гола в Дын-юань-ин. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 126–146.
- Юсупова 2008 — *Юсупова Т.И.* Монголо-Сычуаньская экспедиция и открытие Хара-Хото // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / Ред. И.Ф. Попова (Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. Russian. Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century. Ed. by I.F. Popova). СПб.: Славия, 2008. С. 112–129.
- Юсупова 2010 — *Юсупова Т.И.* Премия Французской академии наук русскому путешественнику П.К. Козлову // Исторический архив. 2010. № 6. С. 200–204.
- Яцковская 2002 — *Яцковская К.Н.* Встреча цивилизаций (на примере русской и монгольской литературы) // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. Материалы Международной научной конференции. Звенигород, 2–5 июня 2001 г. М.: ИВ РАН, 2002.
- Deniker 1925 — *Deniker J.* Voyage du lieutenant Kozlov' en Asie Centrale // La Géographie. Bulletin de la Société de géographie de Paris. 1902. № 4. P. 273–278;
- Kozlov 1925 — *Kozlov P.K.* Zur Toten Stadt Chara-Choto. Die Expedition der Russischen Geographischen Gesellschaft nach der Mongolei, Amdo and Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld&Henius, 1925.
- Kozlov 1955 — *Kozlov P.K.* Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-choto / (Übers. von H. Sträubig). Leipzig: Brockhaus, 1955
- Nachrichten 1902 — Nachrichten von der Expedition von P.K. Koslow // Dr. A. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt. 1902. Bd 48. Heft VI. S. 137; Heft VII. S. 163–165.

- RTA — The Russian Tibet Expedition 1899–1901 // The Geographical Journal. 1902. Vol. XIX. No 5. P. 576–597.
- Stein 1928 — *Stein A.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. 5 vols. Oxford: Clarendon Press, 1928.

Some Thoughts Concerning the Authentication of Khitan Small Script Epitaphic Texts

Recent years have brought to daylight a considerable number of previously unknown epitaphic documents in the two Khitan scripts — the Khitan large script and the Khitan small script. A preliminary summary of the new discoveries was published just a few years ago by the Inner Mongolian scholars Wu Yingzhe, Buyandelger and Jiruhe (2009), but the situation changes rapidly as important new material is being discovered on an almost annual basis. At the same time, there has been a surge of new literature on the Khitan scripts and documents. In particular, rapid progress has been made in the decipherment of the Khitan small script. An important summary of the current state of knowledge was published by Daniel Kane (2009).

The publication of two freshly discovered Khitan small script epitaphic documents by Wu Yingzhe and myself (2010) may be seen as a part of the current wave of Khitan script and language studies. Our aim was to make available two documents, which we named “Xiao Dilu” (1114) and “Yelü Xiangwen” (1091). Both documents are now preserved at the Museum of Inner Mongolia University, Huhhot, which also possesses other, still unpublished, documents. Similar new finds are stored in other museums, both public and private, in various parts of northern China. With our book we also initiated a series called “Corpus Scriptorum Chitanorum” which, we hope, will ultimately help make available the total corpus of Khitan documents in the two scripts, both newly discovered and previously known.

It has not come as a surprise that our publication has begun an exceptionally lively discussion about the problem of authentication of Khitan texts. In several papers, the eminent Chinese specialist in Khitan studies, Professor Liu Fengzhu (2011abc), has maintained that the two documents published by us — and probably several other Khitan epitaphic documents kept in other collections — are recent “forgeries” rather than original pieces of Khitan writing. Liu Fengzhu’s arguments

have been countered by both Wu Yingzhe (2011) and myself (2011b), and our views have been supported by others, notably Nie Hongyin (2011). In fact, there is no doubt that Liu Fengzhu is mistaken in his basic claim: the two inscriptions published by us are, without a doubt, authentic inscriptions from the Liao period.

Even so, the topic of forgeries in Chinese epitaphic and other ancient script material is important. In anticipation of discussion, we also took up this problem briefly in our book.¹ The general background of the issue lies in the liberal attitude towards authorship and copyright that has always prevailed in Chinese culture. The phenomenon has ancient roots, as summarized by Craig Clunas (1990, 1992), but it was stimulated by the rapidly growing international demand for Chinese antiquities in the early 20th century. Already in the 1920s and '30s, Chinese “antiquity” shops were full of recently produced items, as has been vividly described by the Swedish specialist Orvar Karlbeck (1957).

Forgeries of ancient texts became current when Western scholars started the hunt for manuscripts and murals in Dunhuang and other grottos on the Silk Road. A particularly well known case is the forgery of Brahmi texts on paper by Islam Akhun, an Uighur entrepreneur in the field of forgery in the early 20th c. The fakes prepared by him and his colleagues for Western collectors even included codex-form books block-printed in a fantasy script.² One might think that modern scholars would not be fooled by such “primitive” attempts at deception, but we have to remember that, among other things, successful forgeries always involve a psychological aspect.

It is also necessary to understand the difference between forged textual documents and forged pieces of art. Forging art may be seen — and has always been seen in China — as a more or less honest activity, since it multiplies the fruits of artistic production and brings them within reach of a larger audience. The same is, to some extent, true of forged “antiquities,” but here the forger’s objectives are more closely concerned with economic profit. As far as texts in exotic scripts — manuscripts, books, stelae, and epitaphs — are concerned, the economic aspect is decisive, as such texts are rarely produced for other purposes than outright deception, an activity that requires the presence of a market for the forged products. This makes the topic raised by Liu Fengzhu relevant also to Khitan small script studies.

It has to be noted that the Khitan small script is today in a rather special position among the ancient scripts of China: it is relatively amply documented and relatively well known, but nevertheless obscure enough to stimulate interest in both the intellectual and commercial sense. Since new discoveries of Khitan small script documents are not very uncommon, it is also, in principle, possible to forge new texts without attracting too much attention. Let us therefore consider once again how a Khitan epitaphic text can be authenticated, and why even such an eminent specialist as Liu Fengzhu can be mistaken when he regards authentic documents as forgeries.

¹ Wu Yingzhe and Janhunen 2010, pp. 32–34.

² For illustrations, cf. Whitfield and Sims-Williams 2004, pp. 135, 219, 304.

It is not difficult to list some central criteria that should be considered when a newly discovered epitaphic text is to be authenticated. These include, most importantly, the following:

1. Technical examination. The technical study of epitaphs is still an open field. There is no systematic cooperation between specialists in ancient scripts and those in petrology, chemistry, and archaeological dating, especially in China. There has never been a technical study of any single Khitan epitaphic document. The proper technical examination of an ancient inscription would typically involve team work between a wide range of specialists, including natural scientists and archaeologists. In this respect, the recent publication of the Tyr stelae from the Ming period by the Russian team including V.Ts. Golovachev, A.L. Ivliev, A.M. Pevnov and P.O. Rykin (2011) is a good model for future research, though in the case of the Tyr stelae there was, of course, no question about the authenticity of the inscriptions.

However, in many cases, a careful visual examination of the epitaph, including the type and quality of the stone used, of the stone surface, and of the engraved characters, will give a good basis for judgement. In our case, we conducted a careful study of the stones and compared them with all other available Khitan epitaphic stones in other collections, and as a result we found our material completely compatible with other authentic epitaphic documents. It is interesting to note that Liu Fengzhu has not seen our epitaphs, which are open to free examination at the Museum of Inner Mongolia University. This suggests that he does not recognize the importance of visual and technical study, but focuses, rather, on other issues.

2. Aesthetic examination. When we are dealing with objects and texts produced in the Chinese tradition of aesthetic culture, it is important to examine their aesthetic qualities. This is, of course, a field in which subjective judgment plays an important role, and a field in which visual experience cannot be replaced by theoretical study. In the case of texts in the Khitan scripts this means, in particular, that the calligraphy has to be credible. A modern forger, however skillful he may be in other respects, is unlikely to get the calligraphic details right: he will either distort the forms when writing the individual characters, or he will adopt a strictly mechanical approach and omit all the calligraphic variation that gives a text its aesthetic dimension.

In this respect, the two epitaphic texts published by us comply perfectly with the picture we already have from other Khitan texts. As can be seen from the rubbings published in our book, the calligraphy in both “Xiao Dilu” (1114) and “Yelü Xiangwen” (1091) reveals a creative approach that can only have been achieved by original calligraphers working in Liao times. Moreover, the calligraphic style is rather different in the two texts, which, of course, reveals the fact that they were produced by different hands.

3. Palaeographic examination. Instead of aesthetic qualities, Liu Fengzhu is mainly concerned with palaeographic details, that is, he is trying to identify “incor-

rect” characters and spellings, which, as he thinks, would confirm that the “forger” has not been fully versed in the art of Khitan writing. This is an approach that involves a rather serious methodological mistake, in that any attempt to identify textual “mistakes” in a previously unknown inscription is bound to be based on a preconceived idea of what a “mistake” is. In fact, this approach is simply not applicable to a script and a language whose total range of variation is still unknown to us.

We should recognize that we still have very few — less than 40 — epitaphic texts in the Khitan small script. Moreover, compared with the epitaphic material, other sources on the Khitan small script (mainly epigraphic texts on mirrors, coins, and pottery, as well as some graffiti) are negligible. Each text, including those discovered several decades ago, includes unique and unexpected features that are not in line with the rest of the corpus. In this situation, it is only natural that our two texts should also contain examples of such features. These features should not, however, be taken as evidence against the authenticity of the texts themselves. Rather, they should be seen as challenges for future work on Khitan.

4. Historical examination. Each one of the epitaphic texts in the Khitan small script is an important source of historical, ethnographical, and geographical data concerning persons, genealogies, tribes, places, customs and historical events of the Liao period. In this respect, the two texts published by us are in line with our previous experience, in that they contain many previously unknown historical and geographical details, confirming, at the same time, many details known from other sources.

Again, Professor Liu — a recognized authority on Liao history — sees problems in points where information given by the new texts deviates from what he would expect on the basis of his earlier knowledge. However, such deviations should not be seen as evidence against the authenticity of the texts themselves but, rather, as fresh information that augments our knowledge of the Liao period. Both “Xiao Dilu” and “Yelü Xiangwen” are epitaphs of previously unknown persons, but information supplied by the texts allows us to place these persons in a context. As we note in our book, a complete gazetteer of personal and place names, as well as of historical events, of the Liao period, has not yet been compiled. Every new text, including the two published by us, adds information to the extant database.

5. Linguistic examination. Specialists in the Khitan small script are today in a fortunate position, as the writing system is to a considerable extent deciphered, which allows the underlying language to be approached. Although far from comprehensive, our knowledge of the Khitan language allows us to establish a large number of grammatical structures and vocabulary items, which, in turn, makes it possible to understand and translate long passages of Khitan text.³ It seems that a historian like Liu Fengzhu cannot fully realize that the linguistic framework is completely beyond the range of a forger.

³ Janhunen 2011b.

In the case of “Xiao Dilu” and “Yelü Xiangwen,” it is clear that the two texts are by all criteria linguistically coherent entities that are in complete agreement with what is known of Khitan grammar and lexicon. Moreover, the two texts also contain many previously unattested words and phrases, some of which can be “read,” while others cannot. There are even examples of proverbs — something that even the most erudite forger would not be able to create. Finally, “Xiao Dilu” contains a poem, much of which cannot yet be translated, but which shows a formal regularity that a forger could not have possibly invented. Indeed, Khitan small script documents of the types represented by “Xiao Dilu” and “Yelü Xiangwen” are impossible to forge, for the forger would have to be familiar with the Khitan language at a native level.

6. The pragmatic aspect. Finally, we have to consider the circumstances under which forgeries are produced. Professional forgers are typically excellent craftsmen, well informed of different materials and techniques. It is true that modern forgers tend to turn to machines where earlier craftsmen worked by hand, but in the Chinese context handicraft is still surprisingly alive, and there are master forgers who can produce even the highest quality of work with no easily detectable difference as compared with the work of ancient craftsmen.

Forgers are, however, rarely educated in the literary sense, meaning that they would be unable to produce credible historical calligraphy in a script that they do not fully know. Still less can they be expected to be profoundly familiar with the facts of history, palaeography, and linguistics. The production of an even superficially successful forgery would require the cooperation of several specialists, including a historian, a calligrapher, a linguist, and a craftsman. Such teams simply do not exist in the restricted circles of Khitan specialists. Apart from Liu Fengzhu himself, there are only a handful of persons in China sufficiently well versed in the Khitan small script to be able to produce any kind of coherent text in the Khitan language. Certainly none of these persons has had anything to do with “Xiao Dilu” and “Yelü Xiangwen,” which are, hence, original Khitan small script documents.

As it is, we do have knowledge of several forged texts in the Khitan *large* script. These are, in principle, “easy” to forge since the script is still undeciphered and there is no database with which a new text could easily be compared. These forgeries are, on the other hand, easy to detect by technical and aesthetic criteria. There have also been attempts at forging Khitan small script texts, especially in small scale (seals, paizi, tablets, coins), but the texts in these are typically either copies of extant texts (taken from published works, often with mistakes) or easily detectable products of fantasy. The fact is that the forger is always after easy money, and he would have no interest in investing several years of study to create a product of a “higher” quality. That would simply not be economically profitable enough.

We have to keep in mind that forgery business is closely connected with trade in real antiquities. As far as Khitan small script epitaphic texts are concerned, the profitable business today is still concerned with originals. In areas with Liao period

tombs there must still be thousands of undetected tombs. Many of these tombs, though not all, contain epitaphic texts, some of which are in the Khitan small script. It is no surprise that the number of newly discovered Khitan small script epitaphic texts has been growing constantly since the 1980s. Many of the areas with Liao period tombs, typically located on peripheral mountain sides, are now occupied by gardens, fields, roads, temples, and tourist resorts. Even without intentional “grave robbing,” the rapid development has led to the discovery of many new inscriptions, which gradually change hands from the original discoverers, often peasants, to local authorities and dealers, and finally to museums.

However, to avoid misunderstandings and false claims in the future, it is essential to develop technical methods of dating epitaphs. There are today reliable methods for the dating of pottery (thermoluminescence), wooden objects (dendrochronology), and objects made of other organic materials (radio carbon dating). Metal and stone objects, which are extensively forged, can often be authenticated by visual examination by an experienced eye, but the technical tools for dating them are still poorly developed. For epitaphs the situation is even worse. It would be important to create a line of research combining the experience from epitaphic studies with the scientific knowledge of fields such as petrology and chemistry.

A concrete task for the philologists and linguists working on Khitan small script epitaphic documents is to establish a contact with technical expertise on petrological, chemical, and archaeological dating. It is necessary to create a petrological taxonomy of the stones used for the epitaphs and to identify their source localities. More work is also needed on chemical and microscopical analysis of texts engraved on stone surfaces: quite certainly, it will be possible to develop techniques for distinguishing inscriptions made a thousand years ago from those made recently. Although such technical evidence is superfluous when we are dealing with well-formed texts in the Khitan language, it will be a useful tool when we have to convince critics who are unable to see the relevance of other types of evidence.

References

- Clunas 1990 — Clunas C. “Faking in the East.” In *Fake? The Art of Deception*. Ed. by Mark Jones. London: British Museum Publications Ltd., 1990, pp. 99–117.
- Clunas 1992 — Clunas C. “Connoisseurs and Aficionados: The Real and the Fake in Ming China (1368–1644).” In *Why Fakes Matter: Essays on Problems of Authenticity*. Ed. by Mark Jones. London: British Museum Press, pp. 151–156.
- Golovachev, Ivliev, Pevnov and Rykin 2011 — Головачев В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О. Тюрские стелы XV в.: перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб.: Наука, 2011.
- Janhunen 2011a — Janhunen J. “Khitan: Understanding the Language behind the Scripts.” In *Writings and Cognition*. Proceedings of the SCRIPTA 2011. Seoul: The Hunmin Jeongeum Society, 2011, pp. 19–47.
- Janhunen 2011b — Yang Hunen 楊虎嫩 [Janhunen J.]. “Qidan xiaozi beiming zhenweibian—da Liu Fengzhu xiansheng” [On the authentication of Khitan small script epitaphs—answering to

- Professor Liu Fengzhu] 契丹小字碑名真偽辨——答劉鳳翥先生. In *Zhongguo shehui kexue bao* 中國社會科學報 2011.11.8, p. 5.
- Kane 2009 — Kane D. *The Kitan Language and Script*. Leiden and Boston: Brill, 2009 (Handbuch der Orientalistik VIII, 19).
- Karlbeck 1957 — Karlbeck O. *Treasure Seeker in China*. London: Cresset Press, 1957 (Original Swedish edition: Stockholm: Bonniers, 1955).
- Liu Fengzhu 2011a — Liu Fengzhu 劉鳳翥. “Qidan xiaozi ‘Xiao Dilu muzhiming’ he ‘Yelü Lianning muzhiming’ jun wei yanpin” [The Khitan small script epitaphs of Xiao Dilu and Yelü Lianning are both forgeries] 契丹小字《蕭敵魯墓誌銘》和《耶律廉寧墓誌銘》均為贗品. In *Zhongguo shehui kexue bao* 中國社會科學報, 2011.5.19, p. 5.
- Liu Fengzhu 2011b — Liu Fengzhu 劉鳳翥. “Zailun ‘Xiao Dilu muzhiming’ wei yanpin shuo” [Once again: the epitaph of Xiao Dilu is a forgery] 再論《蕭敵魯墓誌銘》為贗品說. In *Zhongguo shehui kexue bao* 中國社會科學報, 2011.6.16, p. 5.
- Liu Fengzhu 2011c — Liu Fengzhu 劉鳳翥. “Zailun ‘Yelü Lianning muzhi’ wei yanpin” [Once again: the epitaph of Yelü Lianning is a forgery] 再論《耶律廉寧墓誌》為贗品. In *Zhongguo shehui kexue bao* 中國社會科學報, 2011.11.10, p. 5.
- Nie Hongyin 2011 — Nie Hongyin 聶鴻音. “Qidan xiaozi muzhi zhenwei bian—jian yu Liu Fengzhu xiansheng shangque” [On the authentication of Khitan small script epitaphs—a renewed discussion with Professor Liu Fengzhu] 契丹小字墓誌真偽辨——兼與劉鳳翥先生商榷. In *Zhongguo shehui kexue bao* 中國社會科學報, 2011.6.16, p. 5.
- Whitfield and Sims-Williams 2004 — *The Silk Road: Trade, Travel, War and Faith*. Ed. by Whitfield Susan and Sims-Williams Ursula. London: The British Library, 2004.
- Wu Yingzhe 2011 — Wu Yingzhe 吳英喆. “Qidan xiaozi ‘Xiao Dilu muzhiming’ ji ‘Yelü Xiangwen muzhi’ juefei yanpin — yu Liu Fengzhu xiansheng shangque” [The epitaphs of Xiao Dilu and Yelü Xiangwen are certainly not forgeries—discussion with Professor Liu Fengzhu] 契丹小字《蕭敵魯墓誌銘》及《耶律詳穩墓誌》絕非贗品——與劉鳳翥先生商榷. In *Zhongguo shehui kexue bao* 中國社會科學報, 2011.11.8, p. 5.
- Wu Yingzhe and Juha Janhunen 2010 — Wu Yingzhe, Juha Janhunen. *New Materials on the Khitan Small Script: A Critical Edition of Xiao Dilu and Yelü Xiangwen*. Folkestone, Kent: Global Oriental, 2010 (The Languages of Asia 9).
- Wu Yingzhe, Buyandelger and Jiruhe 2009 — Wu Yingzhe 吳英喆, Buyandelger 寶音德力根 and Jiruhe 吉如何. “Guanyu xinjin faxian de jijian Qidanwen muzhi ji yiwang fabiao de Qidanwen ziliao” [About several recently discovered Khitan epitaphs and previously published Khitan materials] 關於新近發現的幾件契丹文墓誌及以往發表的契丹文資料. In *Altai Hakpo*, 19 (2009), pp. 139–154.

Список авторов
List of Contributors

Аракава Синтаро, Токийский университет иностранных языков, Токио
Arakawa Shintarō (荒川慎太郎), Tokyo University of Foreign Studies, Tokyo

Богданов Кирилл Михайлович, Институт восточных рукописей РАН,
Санкт-Петербург
Bogdanov Kirill Mikhailovich, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian
Academy of Sciences, St. Petersburg

Вест Эндрю Кристофер, независимый исследователь, Лондон
West Andrew Christopher, independent researcher, London

Галамбош Имре, Кембриджский университет, Кембридж
Galambos Imre, University of Cambridge, Cambridge

Дмитриев Сергей Викторович, Институт востоковедения РАН, Москва
Dmitriev Sergey Viktorovich, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy
of Sciences, Moscow

Ду Цзянь-лу, Университет Нинся, Иньчуань
Du Jianlu (杜建錄), Ningxia University, Yinchuan

Жун Синь-цзян, Пекинский университет, Пекин
Rong Xinjiang (榮新江), Peking University, Beijing

Зайцев Вячеслав Петрович, Институт восточных рукописей РАН,
Санкт-Петербург
Zaytsev Viacheslav Petrovich, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian
Academy of Sciences, St. Petersburg

Кий Евгений Александрович, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
Kiy Evgeniy Alexandrovich, The State Hermitage Museum, St. Petersburg

Кляшторный Сергей Григорьевич, Институт восточных рукописей РАН,
Санкт-Петербург
Klyashtorny Sergei Grigoryevich, Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Ковалев Алексей Анатольевич, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

Kovalev Alexey Anatolievich, St. Petersburg State University, St. Petersburg

Кузнецов Вячеслав Семенович, Институт Дальнего Востока РАН, Москва
Kuznetsov Vyacheslav Semenovich, Institute of Far Eastern Studies of the Russian
Academy of Sciences, Moscow

Ларичев Виталий Епифанович, Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск

Larichev Vitaly Yefifanovich, Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Ли Фань-вэнь, Академия общественных наук Нинся, Иньчуань
Li Fanwen (李範文), Ningxia Academy of Social Sciences, Yinchuan

Ли Хуа-жуй, Столичный педагогический университет, Пекин
Li Huarui (李華瑞), Capital Normal University, Beijing

Линь Ин-цзинь, Лингвистический институт, Академия Синика, Тайбэй
Lin Ying-chin (林英津), Institute of Linguistics, Academia Sinica, Taipei

Мацуи Дай, Университет Хиросаки, Хиросаки
Matsui Dai (松井太), Hirosaki University, Hirosaki

Миякэ Марк Хидэо, независимый исследователь, Бёрлингтон, Нью-Джерси
Miyake Marc Hideo, independent researcher, Burlington, New Jersey

Мясников Владимир Степанович, Институт научной информации
по общественным наукам РАН, Москва
Myasnikov Vladimir Stepanovich, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Не Хун-инь, Институт этнологии и антропологии Академии общественных наук
КНР, Пекин
Nie Hongyin (聶鴻音), Institute of Ethnology and Anthropology, Chinese Academy
of Social Sciences, Beijing

Певнов Александр Михайлович, Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург
Pevnov Aleksandr Mikhailovich, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg

Попова Ирина Федоровна, Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург
Popova Irina Fedorovna, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg

Рашманн Симона-Кристиана, Академия наук в Гёттингене, Берлин
Raschmann Simone-Christiane, Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Berlin

- Рыбаков Вячеслав Михайлович, Институт восточных рукописей РАН,
Санкт-Петербург
Rybakov Vyacheslav Mikhailovich, Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
- Самосюк Кира Федоровна, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
Samosyuk Kira Fedorovna, The State Hermitage Museum, St. Petersburg
- Сато Такаясу, Ниигатский университет, Ниигата
Sato Takayasu (佐藤貴保), Niigata University, Niigata
- Сёгайто Масахиро, Киотоский университет, Киото
Shōgaito Masahiro (庄垣内正弘), Kyoto University, Kyoto
- Скрынникова Татьяна Дмитриевна, Институт восточных рукописей РАН,
Санкт-Петербург
Skrynnikova Tatiana Dmitrievna, Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
- Солонин Кирилл Юрьевич, Университет Фогуан, Тайвань
Solonin Kirill Jurievich, Foguang University, Taiwan
- Софронов Михаил Викторович, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва
Sofronov Mikhail Viktorovich, Moscow State University, Moscow
- Сунь Бо-цзюнь, Институт этнологии и антропологии
Академии общественных наук КНР, Пекин
Sun Bojun (孫伯君), Institute of Ethnology and Anthropology,
Chinese Academy of Social Sciences, Beijing
- У Ин-чжэ, Университет Внутренней Монголии, Хух-Хото
Wu Yingzhe (吳英喆), Inner Mongolia University, Hohhot
- Циме Петер, Свободный университет Берлина, Берлин
Zieme Peter, Freie Universität Berlin, Berlin
- Ши Цзинь-бо, Институт этнологии и антропологии Академии общественных наук
КНР, Пекин
Shi Jinbo (史金波), Institute of Ethnology and Anthropology, Chinese Academy
of Social Sciences, Beijing
- Юсупова Татьяна Ивановна, Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург
Yusupova Tatiana Ivanovna, St. Petersburg Branch of the Institute for the History
of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
- Янхунен Юха Антеро, Хельсинкский университет, Хельсинки
Janhunen Juha Antero, University of Helsinki, Helsinki

Содержание

Стало судьбой... (И.Ф. Попова)	3
Библиография научных трудов Е.И. Кычанова (сост. В.П. Зайцев)	15
<i>Arakawa Shintarō</i> . On the Tangut Verb Prefixes in “Tiancheng Code”	58
К.М. Богданов. Некоторые итоги и перспективы исследований материалов тангутского фонда ИВР РАН	72
<i>I. Galambos</i> . Consistency in Tangut Translations of Chinese Military Texts	84
С.В. Дмитриев. Тангутские растения по «Перлу в ладони». Декоративные цветы и деревья	97
Ду Цзянь-лу. Тангутский документ об аренде пекарни	120
Жун Синь-цзян. Обзор документов из Турфана, обнаруженных в 1997–2006 гг.	127
Е.А. Кий. Тангутский иллюстрированный ксилограф из собрания Государственного Эрмитажа (к определению китайского источника)	137
С.Г. Кляшторный. Проблемы ранней государственности у кочевников Центральной Азии	147
А.А. Ковалев. Северная граница тангутского государства Си Ся по данным археологических и письменных источников	154
В.С. Кузнецов. КНР и Индия сообщают отмечают годовщину Будда джаянъяи ...	186
В.Е. Ларичев. Святилище Их Тэнгэрийн-ам времени «Небесной империи» и раннего железного века (к проблеме устойчивого сохранения культово-религиозных традиций кочевников Центральной Азии)	194
Ли Фань-вэнь. Е.И. Кычанов и изучение документов из Хара-Хото	206
<i>Li Huarui</i> . A Reexamination of the Status of Confucianism in Tangut Culture	213
<i>Lin Ying-chin</i> . The Principles of Tangut Text Interpretation: Taking 務 <i>zju</i> ² as an Example	223
<i>Matsui Dai</i> . Uighur Scribble Attached to a Tangut Buddhist Fragment from Dunhuang	238
<i>Miyake Marc Hideo</i> . Complexity from Compression: a Sketch of Pre-Tangut	244

<i>В.С. Мясников.</i> О роли Российской академии наук в исследовании Восточного Туркестана	262
<i>Nie Hongyin.</i> Tangut Fragments Preserved in the China National Institute of Cultural Heritage	271
<i>А.М. Певнов.</i> О некоторых тунгусо-маньчжурских грамматических реликтах в чжурчжэньском языке	279
<i>S.-Ch. Raschmann.</i> The Personal Name <i>Tajut</i> as Seen from the Old Uighur Texts	305
<i>В.М. Рыбаков.</i> Четырехчастная система законов династии Тан	313
<i>К.Ф. Самосюк.</i> Портреты тангутов в живописи из Хара-Хото	342
<i>Sato Takayasu.</i> Study of Messenger Passports in the Xi-Xia Dynasty	364
<i>Shōgaito Masahiro.</i> Two Fragments of Chinese <i>Mañjuśrīnāmasaṃgīti</i> Transcribed into Uighur Script: Дх-12114 and Дх-12082 Preserved in St. Petersburg	375
<i>Т.Д. Скрынникова.</i> «Улус» в монгольских летописях XVII в.	383
<i>K.J. Solonin</i> The Liao Buddhism and the Formation of the Tangut Chan Buddhism	400
<i>М.В. Софронов.</i> Лоция «Моря письмен»	412
<i>Sun Bojun.</i> A Textual Research on the Tangut Version of <i>Bazhong cuzhong fanduo</i> Excavated from Khara-Khoto	437
<i>A. West.</i> Musical Notation for Flute in Tangut Manuscripts	443
<i>Wu Yingzhe.</i> A Study of the Tribal Name <i>Diela</i> in the Khitan Small Script	454
<i>P. Zieme.</i> Some Notes on the Ethnic Name <i>Tajut (Tangut)</i> in Turkic Sources	461
<i>Shi Jinbo.</i> The Pillar of Tangutology: E.I. Kychanov's Contribution and Influence on Tangut Studies	469
<i>Т.И. Юсупова.</i> Общее и частное значение археологических открытий в Хара-Хото	481
<i>J. Janhunen.</i> Some Thoughts Concerning the Authentication of Khitan Small Script Epitaphic Texts	490
Список авторов / List of Contributors	497

Научное издание

Тангуты в Центральной Азии

Сборник статей в честь 80-летия
профессора Е.И. Кычанова

*Утверждено к печати
Институтом восточных рукописей РАН*

Редакторы *Д.Д. Амоглонова, Я.Б. Гейшерик, А.А. Ковалев,
Р.И. Котова, Н.С. Яхонтова*

Художник *Э.Л. Эрман*

Технический редактор *О.В. Волкова*

Корректор *Н.Н. Щигорева*

Компьютерная верстка *Е.А. Пронина*

Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 40,6 + 1,3 (вкл.). Усл. кр.-отг. 46,5. Уч.-изд. л. 34,7
Тираж 500 экз. Изд. № 8496. Зак. №

Издательская фирма
«Восточная литература»
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-036505-6

9 78 5 02 0 3 6 5 0 5 6